

Алексас Гирдянис

Теоретические основы
литовской фонологии

Aleksas Girdenis

Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai

Antrasis pataisytas ir papildytas
knygos „Teoriniai fonologijos pagrindai“
leidimas

Vilnius
2003

Алексас Гирдянис

Теоретические основы литовской фонологии

Второе, исправленное и дополненное, издание
книги «Теоретические основы фонологии»

Перевод с литовского Н. А. Алексеевой и Н. М. Заики

Вильнюс
2014

УДК 811.172'342
Г51

Перевод со второго литовского издания:
A. Girdenis. *Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai*.
Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2003

Подготовка и публикация книги финансируется
проектом Европейского Союза
Литва здесь и там: язык, наука, культура, общество
(*Lietuva čia ir ten: kalba, mokslas, kultūra, visuomenė*)
(VP1-2.2-ŠMM-08-V-02-005)

ŠVIETIMO
IR MOKSLO
MINISTERIJA

© Алексас Гирдянис, 2003
© Вильнюсский университет, 2014

ISBN ??

СОДЕРЖАНИЕ

Список рисунков	viii
Список таблиц	ix
От редактора русского издания	xi
Сокращения.....	xii
Предисловие.....	xiii
Предисловие к изданию 1995 года	xiv
I. МЕСТО ФОНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ.....	1
1. Основные понятия.....	1
2. Отношения между фонетикой и фонологией.....	14
3. Функции звуков речи и их признаков	20
4. Типы фонологических элементов.....	31
II. МЕТОДИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ ФОНЕМ	45
1. Вводные замечания	45
2. Парадигматическая идентификация фонем	48
а) Субституция и коммутация.....	49
б) Экспериментальная коммутация.....	55
с) Дистрибуция	59
д) Фонемы и аллофоны.....	64
е) Конкретные примеры	70
ф) Обобщающие замечания.....	76
3. Роль фонем и их вариантов	77
4. Синтагматическая идентификация фонем.....	86
а) Общие замечания	86
б) Типологические предпосылки.....	88
с) Фонетические предпосылки.....	90
д) Фонологические принципы	95
е) Обобщающие замечания	113
III. ОТНОШЕНИЯ ФОНЕМ.....	117
1. Общие положения	117
2. Синтагматическая (функциональная) классификация фонем.....	124
а) Вводные замечания	124
б) Основные синтагматические классы фонем: гласные и согласные	128
с) Изоморфизм.....	131
д) Синтагматические классы согласных.....	133

e) Структура слога.....	147
f) Границы слога.....	149
g) Типологические замечания.....	159
h) Обобщающие замечания.....	166
3. Нейтрализация.....	167
a) Пустые клетки в системе.....	167
b) Регулярные ограничения дистрибуции.....	170
c) Интерпретации.....	176
d) Архифонема. Маркированный и немаркированный член оппозиции.....	179
e) Корреляция и коррелятивные ряды.....	185
f) Пучки корреляций.....	190
g) Нейтрализация и классы фонем.....	195
h) Нейтрализация и корреляции единиц плана содержания.....	200
i) Обобщающие замечания.....	202
4. Парадигматические отношения.....	204
a) Общие замечания.....	204
b) Оппозиции и синтагматические классы.....	206
a) Парадигматические отношения и дифференциальные признаки согласных литовского языка.....	207
b) Дифференциальные признаки гласных литовского литературного языка.....	225
c) Другие критерии и мотивы определения и группировки дифференциальных признаков.....	241
d) Модели и типы парадигматических отношений.....	249
e) Система бинарных дифференциальных признаков и принципы дихотомической фонологии.....	258
a) Истоки и предпосылки.....	258
b) Несколько замечаний об исследованиях акустических свойств звуков.....	263
γ) Бинарные дифференциальные признаки.....	269
δ) Три примера и несколько соображений более общего характера.....	275
f) Дифференциальные признаки и компонентный анализ значения.....	282
g) Обобщающие замечания.....	283
IV. СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ.....	286
1. Предварительные замечания.....	286
2. Непросодические суперсегментные единицы.....	288
a) Типы суперсегментных единиц.....	289
b) Четыре интерпретации мягкости согласных в литовском языке.....	290
c) Другие примеры и несколько замечаний о «просодической» фонологии.....	295
3. Просодические единицы.....	298
a) Ударение.....	298

α) Понятие и признаки.....	298
β) Типы и функции ударения.....	306
γ) Второстепенные ударения.....	314
δ) Обобщающие замечания.....	322
b) Слоговые интонации и тоны.....	324
α) Понятие слоговой интонации и тона. Система слоговых интонаций литовского языка.....	324
β) Функции и парадигматические отношения слоговых интонаций.....	336
γ) Типологические замечания.....	341
δ) Моры.....	349
4. Обобщающие замечания.....	352
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	356
1. Случайные числа.....	356
2. Значения функции $\varphi = 2 \arcsin \sqrt{p}$	360
3. Оценка аудитивных экспериментов по <i>u</i> -критерию.....	362
4. Частота фонем литовского литературного языка.....	364
5. Частота типов слогов литовского литературного языка.....	365
6. Частота просодических типов слогов литовского литературного языка.....	365
THEORETICAL FOUNDATIONS OF LITHUANIAN PHONOLOGY	
<i>Summary</i>	366
1. Introduction.....	366
1.1. Basic Concepts.....	366
1.2. The Relationship between Phonetics and Phonology.....	367
1.3. Functions of Sounds and Their Features.....	367
1.4. Types of Phonological Units.....	367
2. Establishing Phonemes.....	368
2.1. Introductory Remarks.....	368
2.2. Paradigmatic Identification of Phonemes.....	368
2.3. Syntagmatic Identification of Phonemes.....	370
3. Phoneme relations and distinctive features.....	372
3.1. Introductory Remarks.....	372
3.2. Syntagmatic Classification of Phonemes.....	373
3.3. Neutralization.....	376
3.4. Paradigmatic Phoneme Relations and Their Distinctive Features.....	381
4. Suprasegmental (Prosodic) Units.....	388
4.1. Introductory Remarks.....	388
4.2. Non-Prosodic Suprasegmental Units.....	388
4.3. Prosodic Units (Stress and Tonemes).....	389
ЛИТЕРАТУРА.....	393
УКАЗАТЕЛЬ.....	442

СПИСОК РИСУНКОВ

1. Структура слога (общий вид) .....
2. Синтагматическая классификация согласных .....
3. Классификация согласных подкласса *T*.....
4. Классификация согласных класса *R*.....
5. Структура слога (I вариант) .....
6. Структура слога (II вариант) .....
7. Структура предложения .....
8. Корреляции звонкости и аспирированности в санскрите .....
9. Дендрограмма древнегреческих взрывных губных согласных.....
10. Другая дендрограмма древнегреческих взрывных губных согласных .....
11. Пучок корреляций губных смычных согласных.....
12. Схема отношений членов пучка корреляций губных смычных согласных .....
13. Дендрограмма классификации гласных северо-восточного (тельшыйского) жемайтского диалекта.....
14. Классификация согласных класса *S*.....
15. Классификация согласных подкласса *T*.....
16. Дендрограмма классификации согласных.....
17. Дендрограмма гласных фонем литовского литературного языка (I вариант) .....
18. Дендрограмма гласных фонем литовского литературного языка (II вариант) .....
19. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (I модель) .....
20. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (II модель).....
21. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (III модель) .....
22. Стереометрическая модель системы гласных литовского литературного языка .....
23. Стереометрическая модель системы смычных согласных санскрита.....
24. Спектральные характеристики гласных северожемайтского диалекта.....
25. Дендрограмма гласных фонем турецкого языка.....
26. Просодическая структура немецкого слова *Bahnhofsvorsteher*.....
27. Просодические типы слогов в литовском литературном языке.....
28. Слоговые интонации в безударных слогах (альтернативный вариант) .....

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Дистрибуция согласных [ɫ], [n] и [ŋ] в литовском языке .....
2. Дистрибуция аллофонов фонем /l/, /n/ в литовском языке .....
3. Фонемы /t/, /d/ и их основные аллофоны в литовском языке .....
4. Фонемы /k/, /t/ и их аллофоны в литовском языке .....
5. Дистрибуция кратких гласных и их аллофонов в литовском литературном языке .....
6. Дистрибуция кратких гласных и их аллофонов в южноаукштайтском диалекте .....
7. Позиции английских согласных [h] и [ŋ] .....
8. Дистрибуция литовских аффрикат [tʃ̥], [dʒ̥] и мягких [t̪], [d̪] в исконной лексике .....
9. Дистрибуция носовых гласных и сочетаний типа [an] в португальском языке .....
10. Дистрибуция литовских смешанных дифтонгов и соответствующих им гетеросиллабических сочетаний .....
11. Дистрибуция чистых составных дифтонгов и соответствующих гетеросиллабических сочетаний в литовском языке .....
12. Дистрибуция литовских [i̯], [u̯] и [j], [v] .....
13. Дистрибуция согласных типа *S* и *T* в литовском литературном языке .....
14. Дистрибуция твёрдых и мягких согласных в литовском литературном языке .....
15. Нейтрализация согласных класса *T* в литовском литературном языке .....
16. Матрица согласных фонем литовского литературного языка .....
17. Дистрибуция признаков напряжённости и длительности в литовском литературном языке .....
18. Матрица гласных фонем литовского литературного языка (I вариант) .....
19. Матрица гласных фонем литовского литературного языка (II вариант) .....
20. Матрица согласных фонем гавайского языка (I модель) .....
21. Матрица согласных фонем гавайского языка (II модель) .....
22. Матрица согласных фонем гавайского языка (III модель) .....
23. Система гласных литовского литературного языка .....
24. Система согласных литовского языка .....
25. Значения F_1 и F_2 литовского литературного языка и северножемайтского диалекта .....
26. Акустические дифференциальные признаки гласных фонем турецкого литературного языка .....

27. Акустические дифференциальные признаки гласных литовского литературного языка .....
28. Акустические дифференциальные признаки согласных литовского литературного языка .....
29. Пример компонентного анализа значений .....
30. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (I вариант).....
31. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (II вариант) .....
32. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (IV вариант).....
33. Дистрибуция «сильных» и «слабых» гласных в литовском литературном языке .....
34. Просодические типы слогов в древнеиндийском языке .....
35. Дистрибуция гласных и имплозивных сонорных согласных в ударных слогах литовского языка .....

ОТ РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

При подготовке русского издания фундаментальной монографии Алексаса Гирдяниса (перевод большей части книги выполнен Н. А. Алексеевой, глава IV «Суперсегментные единицы» переведена Н. М. Заикой) были уточнены некоторые библиографические ссылки, исправлены замеченные опечатки. В трудных случаях перевод согласовывался с текстом докторской диссертации А. Гирдяниса [Гирденис 1983]. К сожалению, удалось проверить не все примеры из многочисленных языков, приводимые автором (не всегда со ссылками на источник).

Во время работ над книгой крайне полезны были советы, консультации и разнообразная помощь многих коллег, перечислить которых здесь, к сожалению, не представляется возможным. Участие доцента Никиты Викторовича Супрунчука далеко превзошло обычные обязанности корректора. Очень плодотворным было взаимодействие с профессором Стивеном Янгом (подготовившим одновременно выходящий в свет английский перевод этой книги), его вклад в русское издание отнюдь не ограничивается переводом резюме с русского языка на английский и составлением предметного указателя. Спасибо всем не названным здесь помощникам за тщательное обсуждение отдельных вопросов, заинтересованное отношение и бескорыстное содействие!

Оставшиеся в тексте недочёты и ошибки, разумеется, лежат на совести редактора и переводчиков, которые будут благодарны за все замечания и поправки, важные для подготовки дополнительного тиража как русского, так и английского переводов, а также для переиздания литовского оригинала.

А. В. Андронов
Санкт-Петербургский государственный университет
baltistica@gmail.com

СОКРАЩЕНИЯ

аккад. — аккадский	маор. — маорийский
англ. — английский	нем. — немецкий
араб. — арабский (классический)	норв. — норвежский
аукшт. — аукштайтский	перс. — персидский
в. — восточно	пол. — польский
венг. — венгерский	рум. — румынский
гав. — гавайский	рус. — русский
гол. — голландский	с. — северно
греч. — греческий	с.-хорв. — сербохорватский
дат. — датский	скр. — санскрит
егип. — египетский арабский	ст. сл. — старославянский
жем. — жемайтский	таит. — таитянский
з. — западно	тунис. — тунисский арабский
и.-е. — индоевропейский	фин. — финский
исл. — исландский	фр. — французский
исп. — испанский	чеш. — чешский
ит. — итальянский	швед. — шведский
кит. — китайский	эв. — эвенский
курд. — курдский	эст. — эстонский
лат. — латинский	ю. — южно
лит. — литовский	
литер. — литературный	
лтш. — латышский	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это издание является новой, несколько дополненной и улучшенной версией книги «Теоретические основы фонологии» («Teoriniai fonologijos pagrindai», Вильнюс, 1995).

Структура основного текста, в том числе система параграфов и ссылок, сохранены. Исправлены только очевидные ошибки корректуры, уточнены и детализированы некоторые формулировки, учтены новые работы литовских фонологов, которых, к счастью, за прошедшее время появилось не так уж мало: достаточно упомянуть хотя бы ценные диссертации, посвящённые фонологическим аспектам различных диалектов (напр., [Atkočiūtė 2002; Vasevičiūtė 2001; Kazlauskienė 1998; Leskauskaitė 2001; Mušiniene 2000]), и статьи, подготовленные на их основе. Новыми работами по теоретической фонологии я пользовался только в той мере, в которой они не противоречат важнейшим принципам классической фонологии. Несколько пополнился список литературы: он вырос до 950 названий.

В продолжение традиции, начатой в «Трудах по языкознанию» (Вильнюс, 2000–2001; см. [Girdenis 2000b; 2000c; 2001]), книга снабжена содержанием, предисловиями и резюме на иностранном (в этот раз — на немецком) языке; оставлено и резюме на русском*.

Я очень признателен д-ру Скайдре Гирдянене и доц. Виде Каросене, которые помогли подготовить немецкие тексты. Большое спасибо официальному рецензенту издания доц. д-ру Жанете Маркявичене, а также редактору Аготе Срюбене и Государственной комиссии по литовскому языку, оказавшей изданию книги финансовую поддержку.

Вильнюс, январь 2002 года

Алексас Гирдянис

---

* Настоящее издание снабжено резюме на английском языке (перевод с русского С. Янга), немецкое резюме, а также оглавление и предисловие не публикуются. (Прим. перев.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1995 ГОДА

1. В этой книге рассматриваются и решаются наиболее важные вопросы синхронической фонологии литовского литературного языка и диалектов, а также излагается синтезирующая модель теории классической (автономной) фонологии, сформировавшаяся в течение многих лет размышлений над звуковой стороной литовского языка и его диалектов.

В книге мы ограничиваемся классической синхронической фонологией, так как генеративная фонология, вне всякого сомнения, является только модернизированной разновидностью морфологии и поэтому её следует отнести к грамматике (см., напр., [Kuryłowicz 1968b: 79; Linell 1977; 1979: 142; Dressler 1985: VIII, 1ff.]; ср. [Ахманова 1966: 52; Климов 1967: 75; Реформатский 1975: 88ff.]¹). Это, конечно, не помешало нам воспользоваться определёнными фонетическими результатами исследований генеративистов и некоторыми формальными методами. В некоторой степени мы учитываем более новые разновидности генеративной фонологии — так называемые автосегментную и метрическую фонологию, хотя они уже, по-видимому, символизируют возвращение к классическим основам фонологии.

С формальной точки зрения излагаемая в книге концепция общей фонологии близка к хорошо известным взглядам Пражского лингвистического кружка (о жизнеспособности теоретиче-

---

¹ Подробный анализ принципов и методов генеративного направления см. [Linell 1979; Кодзасов, Кривнова 1981 и указ. лит.] (ср. также: [Климов 1967: 10; Виноградов 1976: 292; Anttila 1977]). Как своеобразный курьёз можно упомянуть чрезвычайно субъективную, прямо-таки уничтожительную критику генеративной фонологии, изложенную в статье [Hammarström 1971]. Можно ещё добавить, что генеративисты изначально сами употребляли терминологию не фонологии, а морфонологии (см., напр., [Хомский 1965: 260 et passim]).

ских принципов этой школы см., напр., [Fischer-Jørgensen 1975: 401–402]), но ни в коем случае не совпадает с ней. Во-первых, мы уделяем больше внимания технике идентификации фонологических элементов, поэтому совершенно приемлемым представляется опыт дескриптивной лингвистики, по сути (но, конечно, не по форме) не противоречащий принципам Пражской школы, которые, как говорится, *in nuce* сформулировал уже Ф. де Соссюр (см. [Слюсарева 1975: 83–84]). Во-вторых (и это, наверное, самое главное), основой разграничения фонем и их дифференциальных признаков в этой книге считаются не парадигматические, а синтагматические отношения, поэтому мы широко и последовательно опираемся на достижения теоретической мысли учёных скандинавских стран, особенно Копенгагенской школы (см., напр., [Fischer-Jørgensen 1972 и указ. лит.; Sigurd 1955; 1965: 39; Ельмслев 1960с: 59]), а также на работы выдающегося польского языковеда Ежи Куриловича (напр., [Kurilowicz 1960 = Курилович 1962]), которые по своему духу очень близки Копенгагенской школе². Мы учитываем и многочисленные работы русских фонологов — особенно те, в которых всесторонне и трезво оцениваются упомянутые крупнейшие школы современной лингвистики (напр., [Иванов 1962; Булыгина 1964; Арутюнова, Климов, Кубрякова, 1964; Мурат 1964; Постовалова 1972; Степанов 1966; 1975а; 1975b; Степанов, Эдельман 1976: 207]; см. также сн. 1).

На сочетание идей и методов различных школ не следует смотреть как на некую эклектику, так как уже довольно давно стало очевидным, что «во всех фонологических теориях гораздо больше общего, чем различного» [Зиндер 1972: 134], так что синтез разных взглядов прямо-таки напрашивается сам собой. Кроме того, давно замечено, что основные направления классической фонологии гармонично дополняют друг друга уже тем, что сосредотачивают своё внимание на различных аспектах плана вы-

---

² Однако слишком небрежное отношение к материальному аспекту языка и связанная с ним определённая схематичность, свойственная как глоссематикам, так и некоторым работам Е. Куриловича, вряд ли приемлемы (ср. [Иванов 1954: 133, 135 и др.]) в теоретической книге, целиком посвящённой «субстанции» литературного языка и диалектов.

ражения языка (ср. [Мачавариани 1965: 135–136; Климов 1967: 49]).

В работе встречаются и диахронические экскурсы; косвенную диахроническую направленность можно усмотреть в некоторых типологических сопоставлениях. Балтистика, без всякого сомнения, всегда была и будет *par excellence* исторической лингвистической дисциплиной — и это исследование является, по сути, только подготовительной фазой более современных диахронических исследований. Но подробнее останавливаться на диахронии, вероятно, и необязательно — тем более, что её обзор, достаточно широкий и глубокий, можно найти и в работах литовских учёных (см., напр., [Степонавичюс 1973–1975; 1982a; 1982b]).

2. Имеющиеся попытки анализировать фонологию балтийских языков и диалектов (обзор предшествующих исследований см. [Klimas 1970], ср. также: [Schmalstieg 1958; Mattews 1958; Lelis 1961; Augustaitis 1964; Ulvidas 1965; Kazlauskas 1966; Girdenis 1971b (= Girdenis 2000b: 211ff.); Топорова 1972; Судник 1975; Garšva 1977; Гаршва 1977a; 1977b; 1982; Kosienė 1978; Качюшкене 1984; Амбразас 1985; Ambrazas 1997 (= Girdenis 2001: 200ff.); Jasiūnaitė 1993], так же [Heeschen 1968; Kenstowicz 1969; 1970; 1972]) осуществлены на различных, часто эксплицитно не сформулированных основаниях, поэтому во многих отношениях они просто несопоставимы. Кроме того, некоторые из указанных работ (напр., [Schmalstieg 1958; Mattews 1958; Augustaitis 1964]) являются, можно сказать, только реинтерпретацией письменных текстов и традиционных поверхностных фонетических описаний, а не результатом самостоятельных наблюдений над живым языком. Почти во всех случаях этим исследованиям далеко до классических интерпретаций, предлагаемых, например, в работах Н. С. Трубецкого (об этом см. [Girdenis 1970b; 1977b (= Girdenis 2000c: 79ff.)]). На синхронические интерпретации очень часто оказывают отрицательное влияние диахронические убеждения и предположения авторов, побуждающие принимать и защищать именно те фонологические трактовки, которые якобы легче всего выводятся из воображаемых доисторических ситуаций (ср., напр., [Kazlauskas 1968a] и [Girdenis, Žulys 1972 (= Girdenis 2000b: 355ff.)]). Значит, для дальнейшего развития диахронических фонологических исследований балтийских языков обязательно

нужна общая теоретическая база; также необходимо хотя бы на предварительном уровне разрешить кардинальные вопросы фонологического строя балтийских языков и особенно балтийских диалектов. Более серьёзного теоретического осмысления требуют и многочисленные (к сожалению, в последние годы безнадежно угасающие) экспериментальные фонетические исследования, выполняемые латвийскими и литовскими лингвистами (см. важнейшие обобщающие работы [Цеплитис 1974; Pakerys 1982] и рецензии на них [Гирдянис 1976 (= Girdenis 2000c: 367ff.); Vitkauskas 1983a; Girdenis, Stundžia 1983 (= Girdenis 2000c: 400ff.)]). Наконец, в настоящее время очевидно, что без серьёзного фонологического анализа невозможна адекватная запись диалектов (ср. [Ringgaard 1965; Vitkauskas 1983b]).

3. В конце книги прилагается обширный список цитируемой литературы (926 названий) и резюме на русском языке. От резюме на других языках мы отказались: его с избытком заменяет исчерпывающая рецензия на книгу «Фонология», напечатанная в журнале «Baltistica» [Tekorius 1984]. В «Приложениях» представлены несколько вспомогательных таблиц и некоторые важнейшие данные фоностатистики.

4. Как только что упоминалось, книга, по сути, является всего лишь новой — уже чисто научной — версией «Фонологии», вышедшей в 1981 г. Поэтому и по сей день я чувствую себя благодарным всем коллегам, которых я назвал в предисловии к тому изданию [Girdenis 1981a: 5]. Очень жаль, что некоторые из них моей благодарности уже не прочитают... Вновь хотелось бы поблагодарить всех рецензентов книги: Эльвиру Букавичюте*, Владаса Жулиса**, Симаса Каралюнаса**, Бонифацаса Стунджию [Stundžia 1981; 1982a; 1982b; 1983], Алфонсаса Тякорюса [Tekorius 1984], Валерия Чекмонаса [1983], Вильяма Р. Шмольстига [Schmalstieg 1983], а также выдающихся русских языковедов Татьяну Вячеславовну Булыгину-Шмелёву, Влади-

---

* E.-J. Bukevičiūtė. “A. Girdenis, “Fonologija”, Vilnius 1981” // 55. Konferenz der Baltisten der Deutschen Demokratischen Republik, Berlin, den 1. Juni 1984, Mitteilung. (Прим. ред.)

** В. Жулис и С. Каралюнас были рецензентами книги 1981 года в издательстве «Mokslas». (Прим. ред.)

мира Константиновича Журавлёва, Вячеслава Всеволодовича Иванова, Юрия Сергеевича Степанова, Олега Сергеевича Широкова, всесторонне оценивших и саму книгу, и диссертацию, подготовленную на её основании. Я старался учитывать их критические замечания, хотя и не всегда это делается прямо. Большое спасибо ориенталисту Дале Швамбарите за примеры из японского языка и Олегу Полякову, внимательно прочитавшему и исправившему первый вариант резюме.

При подготовке этого издания очень помог своими советами и тонкой наблюдательностью его редактор Бонифацас Стунджа, а также Лина Муринене; библиографические ссылки заботливо приводили в порядок Рута Багужите и Гедре Суцкялене; большую часть сложного текста тщательно набрала на компьютере Люция Буткунайте; книга не смогла бы появиться без специальных лингвистических шрифтов, которые смоделировали Миндаугас Строцкис и Пятрас Скирмантас, последний и макетировал это издание. Я от всего сердца благодарю их всех, хотя прекрасно понимаю, что и самой большой благодарностью невозможно отплатить за такую большую, бескорыстную и самоотверженную работу.

Вильнюс, 1995

Алексас Гирдянис

I. МЕСТО ФОНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1. Фонология (греч. *φωνή* ‘звук’, *λόγος* ‘слово, наука’) — составная часть современной структурной лингвистики, исследующая звуковой аспект языка.

Как самостоятельная дисциплина фонология сформировалась в 30-е гг. XX в. в основном усилиями русских членов Пражского лингвистического кружка Николая Сергеевича Трубецкого и Романа Осиповича Якобсона (см. [Vachek 1966: 18; Fischer-Jørgensen 1975: 19–20; Зиндер, Маслов 1982: 48]). Однако некоторые важнейшие принципы фонологии были сформулированы ещё раньше. Почти повсеместно предтечами фонологии считаются создатели так называемой Казанской школы, польские учёные Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ и Миколай (Николай Вячеславович) Крушевский, а также гениальный швейцарский языковед Фердинанд де Соссюр (см. [Булыгина 1964: 48–49, 59–60; Fischer-Jørgensen 1975: 1; Шарадзенидзе 1980: 53–61, 119 и др.])¹. Можно сказать, что фонология родилась тогда, когда Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон соединили некоторые фонологические идеи, восходящие к учению И. А. Бодуэна де Куртенэ²,

---

¹ Краткий обзор истории фонологии и её основных направлений (помимо работ, указанных в основном тексте) см. [Ахманова 1966: 8–25; Реформатский 1970; Журавлёв 1979; Воронкова 1981: 76–113].

Здесь стоит вспомнить, что термин *фонология* (конечно, не в строгом значении слова, а в смысле «научная фонетика») первым из литовцев уже в 1876 г. употребил А. Баранаускас в одном из писем к Г. Веберу: «*Tai prisieis perkratyti rusiszka fonologija ir su lėtuviszka sulyginti*» (разрядка моя — А. Г.) ‘Так что придётся перетрясти русскую фонологию и сравнить её с литовской’ [Baranauskas, 1931, 69].

² Сейчас признаётся влияние этого учёного, можно сказать, на все направления фонологии, ср. [Шарадзенидзе 1980: 11–12, 119–120].

и новые принципы общего языкознания, изложенные в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра («Cours de linguistique générale», первое издание — 1916 г. [Saussure 1967]). Однако интуитивно принципы фонологии понимались и даже использовались значительно раньше (см., напр., [Benediktsson 1972: 35–38; Fischer-Jørgensen 1975: 141; Girdenis, Piročkinas 1977–1978: 32–33 (= Girdenis 2000c: 29–31); Jakobson, Waugh 1979: 29]). В начале XX в. фонологически рассуждали уже многие смело мыслящие языковеды — достаточно вспомнить вышедшее в 1912 г. исследование звуков русского языка Льва Владимировича Щербы [Щерба 1983] или третий раздел книги Эдварда Сэпира «Язык» [Sapir 1949* : 42–53 = Сепир 1993: 57–67].

Для теоретической фонологии очень важны работы Копенгагенской школы, или глоссематики, особенно самого выдающегося её теоретика Луи Ельмслева (напр., [Ельмслев 1960a; 1960b; 1960c; Hjelmslev 1936; 1936–1937; 1938; 1959; 1963]). Это направление языкознания особенно подчёркивало значение синтагматических отношений и нейтрализации для классификации фонологических (и языковых вообще) элементов, в конкретных работах показало, как можно исследовать язык (и его фонологическую систему) почти без учёта его материального аспекта. Прямо или косвенно с Копенгагенской школой связаны почти все работы скандинавских фонологов (напр., [Koefoed 1967]), на её идеи опирается великий польский учёный Е. Курилович [Kuryłowicz 1960; Курилович 1962 и др.]; модернизированными разновидностями глоссематики следует считать стратификационную лингвистику (напр., [Lamb 1966; Lockwood 1972a; 1972b]) и своеобразную теорию двухступенчатой фонологии С. К. Шаумяна [Шаумян 1962].

В методике идентификации фонем наибольшего совершенства достигли американские структуралисты, представители так называемой дескриптивной лингвистики, которых часто называют просто дескриптивистами (см., напр., [Bloomfield 1935 = Блумфилд 1968; Pike 1947; Hockett 1955; Глисон 1959; Harris 1963; и др.]). От этого направления отделилась генеративная лингвистика, несколько позже давшая начало генеративной фоноло-

---

* Первое издание — 1921 г. (Прим. ред.)

гии (её классическую модель см. [Chomsky, Halle 1968; Harms 1968]). Позднее возникло много своеобразных направлений генеративной фонологии: естественная фонология (напр., [Schane 1972; Schane, Bendixen 1978]), автосегментная и метрическая фонология (напр., [Clements 1977; Hulst, Smith 1982; Goldsmith 1995]) и др. Лишь эти новые ответвления близки классическим школам фонологии — «чистую» генеративную фонологию, как уже упоминалось, следует скорее считать очень формализованной морфонологией.

§ 2. Структурная лингвистика отличается от так называемой традиционной (или классической) несколькими существенными признаками. Во-первых, как указывает само название, она исследует язык не как механическое скопление отдельных фактов и явлений, а как структуру, или, другими словами, как некую систему, в которой всё взаимосвязано, каждый элемент и явление которой зависят от других элементов и явлений (см., напр., [Мартине 1960: 90]; об этом в теории И. А. Бодуэна де Куртенэ — [Шарадзенидзе 1980: 38–43]). Таким образом, объект исследования структурной лингвистики — прежде всего не отдельные факты, а их совокупность и связи друг с другом, составляющие так называемую структуру языка (ср. [Степанов 1966: 5; 1975b: 228–229]). Во-вторых, структурная лингвистика более последовательно, чем другие направления языкознания, определяет и исследует язык как систему знаков, а не как, скажем, исторический источник, отражение психологии людей и народов, эстетическую ценность [Вахек 1964: 115; Сахарова, 1974: 230]. В-третьих, структурная лингвистика реабилитирует синхроническое (описательное, не историческое) исследование языка, считает его не только равноценным диахроническому (историческому), но и более значительным, так как в качестве системы знаков может функционировать только язык конкретного времени, — говорящие сталкиваются только с одним синхронным «срезом» конкретного языка [Saussure 1967: 117 = Соссюр 1977: 114–115; Тезисы 1960: 69; Булыгина 1964: 49–50]. Как известно, в лингвистике конца XIX в. и начала XX в. господствовала точка зрения (пожалуй, категоричнее всего сформулированная теоретиком младограмматиков Германом Паулем [Пауль 1960: 42–43]), что только историческое языкознание является подлинно научным.

§ 3. «Азбуку» структурного подхода к языку, которую сформулировал уже Ф. де Соссюр и отчасти И. А. Бодуэн де Куртенэ (более поздние исследователи её, в сущности, только уточняли и конкретизировали), можно сжато охарактеризовать несколькими парными понятиями, или антиномиями. Они все выглядят логичными и без труда понятными, если мы осознаём, что язык является системой знаков.

§ 4. Если мы рассматриваем язык как систему знаков, то мы должны строго разделять понятия системы языка и речевых актов. Их чётко разделил Ф. де Соссюр [Saussure 1967: 23–31], для первого воспользовавшись французским словом *langue*, для второго — *parole* (в русском языке соответственно разделяют *язык* и *речь* [Соссюр 1977: 46–53 et passim], в немецком — *Sprachgebilde* и *Sprechakt* либо *Sprache* и *Rede* [Trubetzkoy 1977: 5; Heike 1972: 4–5; Meinhold, Stock 1982: 11], в польском — *język* и *mowa* [Saussure 1961: 24–32]; в английском языке чаще всего употребляются французские термины Ф. де Соссюра (напр., [Hockett 1955: 176]), но говорят и *language* — *speech*; не переводят эти термины и итальянские лингвисты (напр., [Muljačić 1973: 27 et passim]; ср. испанские *lengua* и *habla* [Alarcos Llorach 1975: 261]). При слепом переводе этих терминов были искусственно сконструированы литовские соответствия *kalba* и *šneka* (впервые использованные, по-видимому, в переводе «Введения в языковедение» А. А. Реформатского [Reformatskis 1963: 27ff.]), но они не выражают сути понятий: литовское слово *kalba* имеет значение и *langue* (рус. *язык*), и *parole* (рус. *речь*), ср. *Gimtąja kalba* (*langue!*) *pasakyta Vilniaus mero kalba* (*parole!*) *domino ne visus priėmimo dalyvių* ‘Произнесённая на родном языке (лит. *kalba*) речь (лит. *kalba*) мэра Вильнюса интересовала не всех участников приёма’ («Lietuvos rytas», 08.09.1997, с. 2). Искусственное сужение значения обиходного слова — не лучший способ создания терминов. Поскольку различать обсуждаемые понятия необходимо только в особых случаях, можно перекрасно обойтись словосочетаниями, образованными по модели упомянутых немецких терминов *Sprachgebilde* и *Sprechakt*. Термин *kalba* следует оставить для того недифференцированного явления, которое Ф. де Соссюр назы-

вал *langage*, то есть для языка вообще^{*}. В некоторых случаях могут подойти и предложенные Винцасом Урбутисом [Urbutis 1978: 41] термины *kalba* и *kalbėjimas* (последний — как соответствие для *kalbėjimo aktas, parole*).

Систему языка составляют правила и абстрактные элементы, опираясь на которые мы можем говорить и понимать речь. Речевой акт — это конкретный поток звуков или заменяющих их символов (напр., букв, иероглифов и т. п.) и передаваемая им конкретная информация [Saussure 1967: 23–31 = Соссюр 1977: 46–53; Слюсарева 1975: 9–29; Касевич 1977: 10–18]³. Для этого понятия превосходно подходит и термин *текст*, предлагаемый польскими лингвистами (напр., Тадеушем Милевским [Milewski 1965: 61], Леоном Завадовским [Zawadowski 1966: 59–71] и др.; ср. [Muljačić 1973: 30]), если мы его распространим и на такие конкретные отрезки речевых актов, которые не записаны (но которые, конечно, можно записать) приборами или графическими знаками (о возможности такой интерпретации см. также [Слюсарева 1975: 23–25]).

Генеративная лингвистика примерно в тех же самых значениях употребляет термины *компетенция* и *употребление* (англ. *competence — performance*), причём компетенцию (т. е. систему языка) наглядно представляет как некий аппарат в человеческом мозгу, способный порождать (генерировать) и понимать конкретные акты употребления (т. е. речевые акты), или тексты [Chomsky, Halle 1968: 3; Касевич 1977: 108; Кодзасов, Кривнова 1981: 8]. Для дальнейшего изложения этого простого объяснения вполне достаточно, но оно далеко не единственное (особенно разнообразны мнения по поводу соссюрковского понятия *parole*).

Совершенно ясно, что система языка и речевой акт не существуют друг без друга: это лишь два разных аспекта одного и того же явления (ср. [Серебренников 1983: 11–16]).

---

^{*} В русской лингвистической традиции в этом значении используется термин *речевая деятельность* [Соссюр 1977: 44 et passim]. (Прим. ред.)

³ В. М. Солнцев, опираясь на теорию информации, считает, что язык не следует отождествлять с системой, так как и речь (точнее говоря, каждый конкретный её пример — текст) также образует систему [Солнцев 1997: 64]. Без сомнения, в этом случае значение термина *система* несколько отличается от обычного.

§ 5. Кроме системы языка и речевого акта, в наши дни ещё иногда выделяется так называемая языковая норма (см., напр., [Косериу 1963: 173–175; Степанов 1966: 5ff.; Слюсарева 1975: 27; Вербицкая 1979]) — промежуточное понятие, которое характеризует материальные особенности, общие для всех (вернее, почти для всех) речевых актов языкового сообщества, но необязательные для общения; иногда норму и систему (или структуру) весьма обоснованно считают двумя аспектами языковой системы (*langue*) — более конкретным и более абстрактным [Степанов 1966; Alarcos Llorach 1975: 26]. Например, норма литовского литературного языка требует, чтобы согласный [r] произносился как переднеязычный дрожащий сонант, во время произнесения которого язык совершает один-два удара, но речь будет понятна и система языка останется неискажённой, если вместо него мы произнесём многоударный (скажем, как испанский [rr] в слове *rato* ‘мгновение’) или даже язычковый (увулярный) дрожащий звук. Так понимаемую норму (она близка к понятию *узус*, используемому другими исследователями, ср. [Ельмслев 1960с: 59]⁴) нужно отличать от кодификации (предписания) — сознательно сформулированных правил литературного языка, которые также иногда называют *нормой* (или *нормами*; ср. [Girdenis, Pupkis 1978 (= Girdenis, 2000с: 97ff.) и указ. лит.]).

Система языка гораздо абстрактнее, чем его норма, а норма, в свою очередь, абстрактнее речевого акта: последний всегда конкретен, связан с определённым местом и временем, отличается уникальными, неповторяющимися и принципиально неповторимыми особенностями [Avram 1958] (ср. [Андреев, Зиндер 1963: 21]). Однако и норму языка, и его систему мы можем познать только анализируя речевые акты, только фиксируя и исследуя

---

⁴ Это понятие можно найти в работах младограмматиков (напр., [Пауль 1960: 51–54]).

Здесь надо сказать, что к норме Л. Ельмслев относил и такие материальные признаки и явления, которые обычно считаются (и, несомненно, их нужно считать таковыми) элементами системы языка. Как известно, в глоссематике (и в возникшей из неё стратификационной лингвистике) язык, его система («схема») есть «сеть» чистых отношений [Hjelmslev 1959: 27ff.; Ельмслев 1960b: 308 et passim].

тексты соответствующего языка⁵. Дети также выучивают систему языка, наблюдая и пытаясь подражать конкретным речевым актам и связанным с ними действиями и реакциями людей, — сознательные наставления и исправления взрослых не имеют здесь большого значения.

§ 6. Как знаковая система, язык имеет два плана — план содержания (фр. *signifié*, рус. *о(бо)значаемое*) и план выражения (фр. *signifiant*, рус. *о(бо)значающее*) [Saussure 1967: 97–100 = Соссюр 1977: 98–100; Ельмслев 1960b: 305ff.; Слюсарева 1975: 34; Серебренников 1983: 55–76] (ср. нем. *bezeichnete* — *bezeichnende* [Trubetzkoy 1977: 5]). В литовском языкознании используются также другие термины с этим значением: *signatas* и *signantas* или *žyminys* и *žymiklis* [Urbutis 1978: 56] (последний не кажется подходящим из-за словообразования: производные с суффиксом *-iklis* чаще всего обозначают названия приборов).

Все знаки — как неязыковые, так и языковые — имеют два плана. План содержания — это передаваемая знаком информация (представление, понятие и т. д.), его значение; план выражения знака составляет его материальное воплощение — физические объекты, их признаки, положение и т. д. Например, план содержания одного из дорожных знаков составляет предупреждение ‘Опасный участок!’, ‘Осторожно!’, а его выражение — нарисованная на светлом треугольном щите большая чёрная точка*. Содержание сигнала светофора, останавливающего движение, таково: ‘Стоять!’, ‘Дороги нет!’, а выражение — красный свет. Содержание корня слова *ėglė* ‘ель’ — известное хвойное дерево, а выражение — комплекс звуков [eːgĭ-]; план содержания окончания — ‘именительный падеж единственного числа’, план выражения — [-eː]⁶.

---

⁵ На этот факт опирается одна из самых интересных современных теорий развития языка, особенно его фонологического аспекта (см. [Andersen 1978]).

* В России такой дорожный знак не используется. (Прим. переводчика.)

⁶ Этот пример, возможно, не совсем корректен — ср. любопытное мнение Н. А. Слюсаревой, что морфемы (точнее говоря, морфы) — не знаки, а только образования, похожие на знаки (*знакоподобные образования* [Слюсарева 1975: 39–40 и 60]).

Нетрудно понять, что знак по самой своей природе — двуплановая (билатеральная) единица: он обязательно имеет и содержание, и выражение [Saussure 1967: 97–100 = Соссюр 1977: 98–100 (другое мнение см. [Zawadowski 1966: 33; Солнцев 1977: 105–106 и указ. лит.], его критическая оценка — [Серебренников 1983: 63ff., 314]). Красный свет, горящий, например, в лаборатории фотографа, является только физическим явлением, а не знаком; не будет знаком и возникшая в мыслях команда ‘Стой!’, пока она не реализуется в виде физического явления, понятного другому человеку (комплекс звуков, свет и др.). Мы не будем считать знаком литовского языка и звуковой комплекс [sprá.ikšła] (или рус. *кúздра* [kúzdɾə]), хотя по своему звучанию он напоминает настоящее слово.

§ 7. Связь между содержанием и выражением знака (например, слова) немотивированна, как бы условна [Бодуэн де Куртене 1963, т. 1: 261–262; Saussure 1967: 100–103, 180–184 = Соссюр 1977: 100–102, 163–166; Слюсарева 1975: 40–44; Milewski 1965: 21; Koefoed 1967: 8–9] (ср. также [Шарадзенидзе 1980: 37–38, 105 и указ. лит.]). Это ярче всего показывают слова разных языков, имеющие одно и то же значение, например: лит. *arklỹs*, лтш. *zir̂gs*, рус. *лóшадь*, чеш. *kuň*, нем. *Pferd*, англ. *horse*, лат. *equus*, греч. *ἵππος*, санскр. *aśvas*, исп. *caballo*, дат. *hest*, хинди *ghoṛā*, эст. *hobune*, кит. *mǎ* (ср. [Мейе 1938: 49]), а также омонимы — слова одного языка, имеющие одинаковый план выражения, но разное значение, например: *bandà* ‘стадо’ и ‘булка’, *sviēstas* ‘брошенный’ и ‘масло (сливочное)’, и синонимы — слова, имеющие одинаковое значение, но различное выражение, ср.: *alsúoti* и *kvėpiúoti* ‘дышать’, *mėtyti* и *sváidyti* ‘кидать’. Исключением здесь не являются и производные слова, поскольку между планами выражения и содержания их самых мелких (терминальных) компонентов нет обязательной связи. Например, значение слова *arklidė* ‘конюшня’ можно объяснять значениями производящего слова *arklỹs* ‘лошадь’ (или основы [ařkĩ-]) и суффикса *-id(ė)*, но в современном языке нет рационального основания, в силу которого *arklỹs* (точнее говоря, его корень) и *-id(ė)* обозначают именно это, а не другое содержание. Нередко обязательной связи нет даже между значением компонентов производного слова и содержанием всего слова, ср. жемайт. *gaĩdkojė* ‘лисичка (гриб)’: *gaĩdžio kója* ‘нога

петуха’, *kalikè* ‘шатун (часть самопрялки)’ : *kalikè* ‘сучка’, *sáulašarè* ‘росянка’ : **sáulès āšara* ‘слеза солнца’ (у солнца ведь нет слёз!) и т. д. Правда, в каждом языке мы найдём и такие слова, содержание которых кажется тесно связанным с выражением. Это различные подражания звукам природы (т. н. оноματοпоэтические слова), напр.: *áu* ‘гав’, *bē* ‘бе’, *mū* ‘му’, *tàkšt* ‘стук’ и т. д. Но даже и в таком случае по-настоящему строгой связи между содержанием и выражением нет, ср.: лит. *švilpti* ‘свистеть’ и пол. *gwizdać*, нем. *pfeifen*, англ. *whistle*, дат. *fløjte*, фр. *siffler*, эст. *vilistama* или лит. *kakariekū* ‘кукареку’, хинди *kukarū-kū*, англ. *cock-a-doodle-doo* [ˈkɔkəduːdl̩ˈduː], кит. *wō-wō*. Всё же слова данного типа не вполне нормальны, поскольку их содержанием является само звучание (ср. [Saussure 1967: 102 = Соссюр 1977: 102]). В языке они занимают такое же периферийное положение, как, например, слова, употребляемые при «общении» с домашними животными (напр.: *trrr* [t̪r̪] ‘тпру’, *škàc* ‘брысь’, *tprùka tprùka* (звук для подзыва коровы) и т. д.), которые вообще не следует считать настоящими единицами языка [Пазухин 1963: 101]. При описании языка такие слова обычно не учитываются или они приводятся как члены особой побочной системы [Trubetzkoy 1977: 230 = Трубецкой 1960: 286] (см. также § 168 и указ. лит.)⁷.

---

⁷ Конечно, в системе конкретного языка связи слов друг с другом бывают очень разнообразны и сложны, поэтому немотивированность их содержания и выражения может быть весьма ограничена (ср. [Степанов 1975a: 304; 1975b: 264–265]). Поэтому, видимо, не являются случайными недавние исследования, в которых авторы совершенно серьёзно пытаются доказать органичность связи содержания и выражения (напр., [Журавлёв 1974; Воронин 1982], из работ литовских лингвистов — [Zabarskaitė 1994]; критические замечания см. [Солнцев 1977: 129–136], ср. [Hockett 1968: 343–345]). Большинство фактов и доказательств, приводимых в работах такого рода, особых сомнений не вызывает, но почти с полной уверенностью можно сказать, что т. н. фонетические (фоносемантические) значения являются только коннотативными оттенками, напоминающими экспрессивные признаки интонации предложения и т. н. эмфатик (см. § 17–18 и 66). Поэтому существование этих значений вряд ли заставит отказаться от точки зрения, что отношение неэкспрессивного, предметного содержания и выражения всё-таки является немотивированным (без этого допущения вряд ли были бы возможны не только фонологические, но даже и сравнительно-исторические исследования языка; ср. [Мейе 1938: 49–50]).

То, что между содержанием языковых знаков и их выражением нет мотивированной органической связи, сейчас кажется самоочевидным. Но путь к этому пониманию был далеко не таким гладким, как могло бы показаться. Например, в Древней Греции немало философов и филологов были убеждены, что данная связь является органической (греч. *φύσει* ‘по природе’), и долго спорили с теми, кто считал, что она немотивированная, условная (греч. *θέσει* ‘по установлению’).

§ 8. В современной теории языка очень важное место занимают понятия синхронии и диахронии (греч. *σύν* ‘с’, *διά* ‘сквозь’, *χρόνος* ‘время’) [Saussure 1967: 114–134 = Соссюр 1977: 112–127; Слюсарева 1975: 87; Hammarström 1966: 64–66]⁸.

С синхронией мы сталкиваемся тогда, когда исследуем язык как такую реальную систему знаков, которую на практике используют или использовали люди, живущие или жившие в определённое время. При этом исследователь становится на позиции носителей языка и наблюдает факты с их точки зрения. В качестве примера синхронного изучения и описания прежде всего можно указать исследование любого аспекта современного языка — лексикологии, фонетики, морфологии, акцентологии, синтаксиса. Но синхронным может быть и исследование языка прошлых эпох, если только в нём автор абстрагируется от времени — от предшествующего и последующего развития. Например, совсем нетрудно представить себе синхроническую грамматику языка М. Мажвидаса, К. Сирвидаса, М. Даукши^{*}; хорошо известны исследования древнего или средневекового английского или немецкого языков и т. д. В центре внимания диахронических работ стоит не столько сама система языка, сколько её развитие⁹ —

---

⁸ Эти понятия различал уже И. А. Бодуэн де Куртенэ (ср. [Шарадзенидзе 1980: 43–49]), только употреблял термины *статика* — *динамика*, которые в наши дни имеют другое значение (доказано, что динамичность характерна и для синхронической системы, см. [Vachek 1968: 15–26; Jakobson, Waugh 1979: 165–173]).

^{*} Литовские авторы XVI–XVII вв. (Прим. переводчика.)

⁹ Язык любого народа, даже самого примитивного племени, является совершенным средством общения [Sapir 1949: 22 = Сэпир 1993: 41; Waugh 1990: 66]. Возможно, существуют отсталые и примитивные народы и племена, но примитивных языков не бывает. Поэтому изменение языка лучше

процессы, из-за которых одна синхронная система сменяет другую. Характерным примером диахронического языкознания является так называемая историческая грамматика, а также сравнительная грамматика индоевропейских языков. С различными диахроническими явлениями всегда сталкиваются исследователи диалектов.

Структурная лингвистика, как уже упоминалось (§ 2 и указ. лит.), на первый план выдвигает синхронический аспект исследований языка, поскольку только синхрония позволяет увидеть язык таким, каким он является в действительности — каким пользуется реальное языковое сообщество. Однако важна и диахрония, поскольку часто только она позволяет как следует понять сущность языка и конкретных его явлений, даже самую суть системности, особенно объяснить различные непоследовательные и даже непонятные с точки зрения синхронии явления. Вот, например, наряду с такими формами, как *mēdis* ‘дерево (Nom. Sg.)’, *mēdī* (Acc. Sg.), *mēdyje* (Loc. Sg.), *medēlis* ‘деревце’, в современном литовском языке есть формы *mēdžio* (Gen. Sg.), *mēdžiui* (Dat. Sg.), *medžiū* (Instr. Sg.), *mēdžiai* (Nom. Pl.), хотя, имея в виду другие слова этого склонения, мы ожидали бы либо *mēdis*, *mēdī*..., **mēdio*, **mēdiui*, либо **mēdžis*, **mēdžī*, **mēdžyje*, **medžēlis*, **mēdžiai* и т. д.: ведь слово *brólis* ‘брат (Nom. Sg.)’ имеет формы *brólio* (Gen. Sg.), *bróliui* (Dat. Sg.), а слово *úosis* ‘ясень (Nom. Sg.)’ — формы *úosio* (Gen. Sg.), *úosiui* (Dat. Sg.) и т. д. Данная нерегулярность становится вполне понятной только тогда, когда выясняется, что *dž’*, *č’* восходят к древним **dĵ*, **tĵ*, которые перед гласными переднего ряда потеряли **ĵ*, а перед гласными заднего ряда превратились в аффрикаты. Только зная закон А. Лескина (закон сокращения акутированных окончаний), мож-

---

передает термин не *развитие*, а *эволюция* или просто *изменение*. Язык всё время изменяется, переходит из одного синхронного состояния в другое, но более совершенным не становится. Иллюзия мнимого несовершенства языка может возникать тогда, когда народ внезапно меняет культурную ориентацию, т. е. когда люди начинают говорить о совершенно новых вещах. Поэтому с некоторыми оговорками можно говорить о развитых, отшлифованных и менее развитых литературных языках, но эти названия характеризуют разнообразие или ущербность только определённых функциональных стилей (а значит, частных норм), в особенности их словаря.

но объяснить чередования *-a : -o, -i : -ie; -u : -uo* в простых и местоименных или возвратных формах (ср. *gerà* ‘хорошая’ : *geró-ji* ‘хорошая (местоим. ф.)’, *gerì* ‘хорошие’ : *geríe-ji* ‘хорошие (местоим. ф.)’, *nešù* ‘несу’ : *nešúo-si* ‘несу с собой, для себя’).

§ 9. Итак, желая лучше понять современный язык, мы должны исследовать и его развитие, его диахронию. Более того, в каждый момент истории языка синхрония и диахрония переплетаются, между ними нет резкой границы (см. [Булыгина 1964: 5 и указ. лит.; Степанов 1975b: 260–264]). В любом языке и диалекте можно найти и постепенно выходящие из обихода архаизмы, и ещё не получившие всеобщего признания новообразования (инновации); нередко сами носители языка могут дать вполне убедительные диахронические характеристики таких явлений: чётко указать на их «новизну», «старомодность», «привычность» и т. п. Все эти явления могут восприниматься как особые стилистические варианты. Так что термины «синхрония» и «диахрония» описывают не столько состояние самого языка, сколько перспективу или проекцию исследования (ср. [Косериу 1963: 148–155]). Если мы устраним фактор времени и встанем на позицию реальных носителей языка, наше исследование будет синхроническим; если включим этот фактор и будем рассматривать различные синхронные «срезы» языка — оно будет диахроническим. Так понимаемое синхроническое описание языка можно оценивать именно как один из важнейших этапов диахронической реконструкции [Степанов 1975а: 119–122].

Всё-таки в каждом конкретном случае эти перспективы или проекции нужно строго разделять (см., напр., [Saussure 1967: 129 = Соссюр 1977: 124; Кузнецов 1970а: 167])¹⁰ — иначе мы получим совершенно ложную или, по меньшей мере, неполную картину системы языка. В качестве элементарного примера можно привести слово *avidè* ‘овчарня’. С точки зрения диахронии это очевидный композит, состоящий из двух основ — *avi-* и *-dè*: пер-

---

¹⁰ Об этом говорил уже И. А. Бодуэн де Куртенэ [1963: т. 1, 68].

Несомненно, соотношение синхронии и диахронии не полностью симметрично. Диахрония всегда нуждается в основательной синхронической (и типологической) базе, а синхрония прекрасно может обойтись без диахронии (ср. [Стеблин-Каменский 1966: 67–68]).

вая состоит из корня *av-* и тематического гласного *-i*, вторая — из корня (с нулевой степенью аблаута) *-d* (ср. *dé-ti* ‘класть’ : *iñ-d-as* ‘сосуд’) и тематического гласного *-ė*. Но в современном литовском языке данное слово можно трактовать только как производное с суффиксом *-id(ė)* (см. [Urbutis 1978: 159] — ср. новообразования *arklìdė* ‘конюшня’, *karvìdė* ‘коровник’, *šunìdė* ‘псарня’, употребляемые вместо исторически «правильных» **arkliãdė*, **karvėdė*, **šunėdė*): других композитов с нулевой степенью чередования гласных у нас уже нет, сама эта ступень как живое вспомогательное средство словообразования вообще исчезла. Не является композитом и современное английское слово *lord* ‘лорд’, хотя оно и восходит к староанглийскому композиту *hlāford* ‘хранитель хлеба’ (от *hlāf* ‘хлеб’ и *weard* ‘хранитель’). Если считать указанное слово композитом, то пришлось бы признать фантастические синхронические чередования гласных и никем (за исключением разве что этимологов) уже не ощущаемые семантические связи со словами *loaf* ‘буханка, хлеб’ и *ward* ‘опека, хранение’.

§ 10. Всё, что здесь сказано, сейчас кажется совершенно понятным, но всё-таки синхронию с диахронией путают не так уж редко. Например, иногда объясняется, что окончание формы дательного падежа единственного числа *Vilniui* ‘Вильнюсу’ образует дифтонгическая фонема /ui/, а так же произносимое окончание местного падежа *Vilniuj* ‘в Вильнюсе’ — сочетание фонем /u/ + /j/, поскольку второе окончание образовалось путём сокращения из /ujе/ (см., напр., [Vaitkevičiūtė 1961: 41, сн. 12]). Вместо синхронического объяснения образования квазипричастий иногда во вполне синхронической грамматике (напр., [Ulvydas 1971: 385]) говорится, что они произошли от древней формы дательного падежа действительных причастий (подробнее см. [Girdenis, Žulys 1973: 205–206 (= Girdenis 2000b: 373–375) и указ. лит.]). Такие диахронические инкрустации были привычным явлением в трудах языковедов XIX в.: с их помощью авторы хотели сделать исследования описательного характера более научными¹¹.

¹¹ К сожалению, иногда и сейчас, говоря, что, например, «историческая грамматика приводит к научному пониманию явлений языка» [Zinkevičius

§ 11. В настоящее время нередко различаются также понятия синтопии и диатопии (греч. *τόπος* ‘место’) [Hammarström 1966: 93–94 и сн. 199], которые Ф. де Соссюр не упоминал, хотя их необходимость, без сомнения, ощущал (ср. [Saussure 1967: 128 = Соссюр 1977: 123]). К синтопии относится исследование языка одного конкретного населённого пункта, одного социального слоя и одного стиля. Диатопическими являются такие работы, в которых используются данные различных территориальных диалектов, социолектов и стилей. Широко понимаемая диатопия охватывает и типологию языков. Своеобразным синтезом диахронических и диатопических исследований является классическое сравнительно-историческое языкознание.

Подлинную картину системы языка даёт только синтопическое исследование. Если, описывая какой-либо язык, мы попытались бы воспользоваться материалом различных его диалектов, то получили бы картину, не имеющую ничего общего с нормально функционирующей системой. Например, факты одних говоров литовского языка свидетельствовали бы, что в безударных слогах гласные бывают только краткими, факты же других — что они могут быть и долгими, и краткими; одни данные указывали бы на то, что в литовском языке есть дифтонги *ou*, *ei*, другие — что их нет; в одной местности мы бы обнаружили одно склонение слов типа *klétis* ‘амбар, клеть’, в другой — другое и т. д. Поэтому в диалектологических работах издавна разделяется монографический (синтопический) и географический (диатопический) методы исследований.

2. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФОНЕТИКОЙ И ФОНОЛОГИЕЙ

§ 12. Предметом исследования фонологии является план выражения системы языка, а не все языковые звуки вообще. Это значит, что она занимается только теми свойствами звуков речи, которые позволяют отличить одни элементы содержания (пред-

---

1980: 9], мы косвенно утверждаем, будто синхроническая грамматика такого понимания вроде как и не может дать.

метные значения; см. § 16, 21) от других, т. е. формируют план выражения знаков и являются их материальной базой¹² (см., напр., [Bloomfield 1935: 76–78 = Блумфилд 1968: 74–76; Trubetzkoy 1977: 14 = Трубецкой 1960: 18; Аванесов 1956: 17; Koefoed 1967: 17–18; Шведова 1970: 7; Jakobson, Fant, Halle 1972: 1; Постоповалова 1972: 121; Muljačić 1973: 33; Philipp 1974: 9; Alarcos Llorach 1975: 28–29]). Например, в конце литовского слова *dù* ‘два’ почти всегда произносится [h]-образный элемент, а в начале, если внимательно вслушаться, можно расслышать переходный носовой элемент. Оба эти звука отлично слышны при прослушивании магнитофонной записи в обратном направлении: *dù* тогда чаще всего звучит как [hùdn]. Таким образом, *dù* нередко «состоит» не из двух, а из четырёх звуков [ⁿd°ùh]. Однако фонолог в этом слове находит только две звуковые единицы, поскольку наличие начального [ⁿ] (т. н. преназализации) и конечного [h] или их отсутствие не меняет значения данного слова ни для одного литовца. Столько же «звуков» слышит в этом слове и наивный носитель языка, поскольку он с малых лет привык реагировать только на те признаки звуков, которые различают значение. Его реакция будет совсем другой, если в данном слове [d°] мы заменим на [t°] и таким образом получим новый комплекс звуков [ⁿt°ù(h)]. Эту замену он заметит сразу, поскольку в таком случае изменяется не только звучание слова, но и его значение ([ⁿt°ù(h)] = *tù* ‘ты’). Это показывает, что звуковое различие [ⁿd°] и [d°] фонологически незначимо, а [t°] и [d°] — фонологически значимо.

Объектом фонологии являются только фонологически значимые или релевантные признаки и различия звуков (ср. [Muljačić 1973: 31–33; Alarcos Llorach 1975: 29]). Физическая выраженность признаков значительной роли не играет. Отчётливо выраженный звук или признак, который легко зафиксировать приборами, может быть фонологически незначимым, а тот, который с трудом выявляется даже инструментальными методами, —

---

¹² Русские лингвисты в этом контексте часто употребляют совершенно неудачный термин *звуковая оболочка* (напр., [Аванесов 1956: 7 et passim]; ср. немецкие названия *Wortkörper* или *Zeichenkörper* (во множественном числе!) [Trubetzkoy 1977: 31 et passim; Meinhold, Stock 1982: 14 et passim]). В некоторых работах дословный перевод его на литовский язык (*garsinis apvalkalas*) пытался ввести Й. Казлаускас [Kazlauskas 1966: 75].

значимым. Например, между [d] и [r], [g] и [r] (в словах типа *draũgas* ‘друг’, *grõžis* ‘красота’) произносится паразитический гласный, ясно видный на осциллограммах и кимограммах даже низкого качества (см., напр., [Ekblom 1922: 15, 20; Kačiuškienė, Girdenis 1982 (= Girdenis, 2000c: 268ff.)]), но он всегда самопроизвольно появляется между этими звуками и поэтому не может быть релевантным. А вот в формах типа *šá.k^é* «*šãkè, šãkè*» ‘вилы (Nom. Sg., Acc. Sg.)’ в северожемайтских говорах (Мажейкяй, Седа и др.) приборы по существу почти не фиксируют произносимого в исходе слова сильно редуцированного гласного, однако он фонологически значим, так как различает, например, такие формы, как *šá.k^é* «*šãkè, šãkè*» ‘вилы (Nom. Sg., Acc. Sg.)’ : *šá.kⁱ* «*Šãkì*» ‘Шакиса (фамилия, Acc. Sg.)’, *àk^és* «*akìs*» ‘глаз (Nom. Sg.)’ : *àkⁱs* «*akìs*» ‘глаза (Acc. Pl.)’ и т. д. (см. [Zinkevičius 1966: 117]; о затруднениях, с которыми сталкивались учёные-иностранцы, пытавшиеся различить и обозначить эти звуки, ср. [Толстая 1972] и [Гирдянис 1977: 305 (= Girdenis 2000c: 383f.)]).

§ 13. Фонологическая значимость, или релевантность, некоторых звуков и их признаков не универсальна: она зависит от конкретного языка или диалекта (ср. [Мартине 1963: 410]). Например, для литовцев звук типа [h] в абсолютном исходе слова после гласных нерелевантен и поэтому даже незаметен, а для индонезийцев это очень важная фонологическая единица, зачастую различающая слова, одинаковые во всех других отношениях, ср.: *dara* ‘девушка’ : *darah* ‘кровь’, *kuku* ‘ноготь’ : *kukuh* ‘устойчивый’. Литовский аспирированный [tʰ], произносимый только в конце слова, свободно чередуется с неаспирированным [t], не меняя ни лексического, ни грамматического значения (ср.: [kašm̃tʰ] = [kašm̃t] «*kasmēt*» ‘каждый год’, [l̃akʰ] = [l̃ak] «*lāk*» ‘лакай’), — а в языке суахили (Африка) и в древнеиндийском аспирация (чаще всего транскибируемая знаком *h*) является релевантным фонологическим признаком, например: суахили *thembo* ‘слон’ : *tembo* ‘вино’, санскр. *khalas* ‘злодей’ : *kalas* ‘немой’, *phalam* ‘плод’ : *palam* ‘капля; мясо’, *rathas* ‘воз, повозка’ : *ratas* ‘довольный’. В европейских языках относительная высота основного тона может быть только особенностью конкретного голоса или составляющей фразовой интонации, а в языках других континентов тон часто бывает таким же фонологическим элементом

слова, как гласные и согласные, ср. в языке йоруба (Африка)¹³: *abá* ‘часть’ : *abà* ‘склад’ : *àbá* ‘положение’, *àbà* ‘порода дерева’, *fó* ‘ломать’ : *fò* ‘мыть’ : *fɔ* ‘говорить’. Следовательно, решать, что́ в некотором языке или диалекте является фонологически значимым, а что — нет, могут только носители этого языка или диалекта, так называемые информанты¹⁴. Приборов, с помощью которых можно было бы объективно установить фонологические единицы, не существует. Инструменты анализируют звуки как чисто физические явления и, насколько позволяет техника соответствующего периода, фиксируют все их признаки без какого-либо отбора — и фонологически значимые, и фонологически незначимые (ср. [Фант 1964: 161]). Поэтому прогресс инструментальной фонетики не может оказать на фонологию решающего воздействия (ср. [Климов 1967: 38]).

§ 14. Все свойства звуков, встречающихся в речевых актах, — как релевантные, так и не релевантные — изучает другая дисциплина, занимающая в некотором смысле промежуточное положение между языкознанием и науками о природе (прежде всего физикой и физиологией). Традиционно эту дисциплину называют фонетикой (от греч. *ἡ (τέχνη) φωνητική* ‘звуковое (искусство)’). Раздел фонетики, в центре внимания которого находятся акустические (физические) свойства звуков, из-за некоторых своих методов является, по сути, прикладной физикой¹⁵; раздел фонетики, исследующий артикуляционные свойства звуков, можно было бы считать прикладной физиологией (отчасти и анатомией). Специалиста в этой области науки интересуют и должны интересовать не только те звуки и их признаки, которые позволяют передавать и различать значимые элементы, но и те, которые не выполняют

---

¹³ Гравис [˘] здесь обозначает низкий тон, акут [ˊ] — высокий, отсутствие знака — средний.

¹⁴ Поэтому даже лучшие фонетисты совершают множество ошибок, когда пытаются записывать данные диалектов или иностранных языков, предварительно не изучив как следует их фонологические системы (ср. [Ringgaard 1965]).

¹⁵ Официально такой статус акустической фонетики признан в Польше: здесь серьёзнейшие работы по экспериментальной фонетике публикуются в серии «Библиотека прикладной механики» («Biblioteka mechaniki stosowanej»; см., напр., [Jassem 1973]).

никакой функции. Упомянутые переходные согласные типа [ʰ] и [h], которые иногда можно услышать в литовском слове *dù* ‘два’, являются таким же важным объектом фонетического исследования, как и любые другие звуки. Конечно, и «чистая» фонетика ищет в индивидуальных актах речи некоторые общие закономерности, но направление и характер этого поиска определяется не столько функцией исследуемых явлений, сколько различными методами классификации и анализа звуков, не зависящими от конкретного языка.

Классики фонологии, например, Н. С. Трубецкой, были убеждены, что фонетика и фонология являются совершенно различными областями науки [Trubetzkoу 1977: 5–17 = Трубецкой 1960: 7–22; Vachek 1966: 42–43] (обзор мнений и аргументов см. [Булыгина 1964: 59–62; Fischer-Jørgensen 1975: 22–23]). Лингвистической дисциплиной, по их мнению, является только фонология, а фонетику следует отнести к естествознанию [Trubetzkoу 1977: 12–14 = Трубецкой 1960: 16–17]. Такая точка зрения, без сомнения, не является невозможной, поскольку, вообще говоря, исследование чисто физических явлений вроде бы и не должно относиться к общественной науке — языкознанию. Однако на самом деле такой «идеальной» фонетики, которая совершенно позабыла бы о функциях звуков, нет и никогда не было. Каждое фонетическое исследование всегда опиралось и опирается если не на осознанный, то хотя бы на интуитивный фонологический анализ [Zwirner, Ezawa 1966: 106ff.; Зиндер 1979: 8]. Даже самый «чистый» фонетист-экспериментатор пристально рассматривает только те звуки и признаки, которые выполняют (или хотя бы в каком-нибудь языке могут выполнять) фонологически значимую функцию (ср. [Hammarström 1966: 2 и указ. лит.]). С другой стороны, и фонология не может полностью отделиться от чистой фонетики и её открытий, поскольку даже самые абстрактные фонологические элементы и отношения встречаются только в конкретных речевых актах и описываются только фонетическими категориями и понятиями (ср. [Lehiste 1970: VI]). Этого не избежал и сам Н. С. Трубецкой: все приводимые им фонемные различия, даже определения классов гласных и согласных, являются полностью фонетическими, а не функциональными [Trubetzkoу 1977: 82–83 et passim = Трубецкой 1960: 102–103 et passim].

Помня об этом, большинство современных лингвистов-теоретиков с полным основанием убеждены, что чистая фонетика и фонология не самостоятельные области науки, а два аспекта одной более обширной лингвистической дисциплины [Malmberg 1971: 9–12, 233 et passim; Бернштейн 1962: 64; Мартине 1960: 97; Pilch 1964: 102–104; Цахер 1969: 8–11; Linell 1979: 30–31; Зиндер 1979: 4–12] (обзор точек зрения см. [Постовалова 1972: 127–129]¹⁶). Чаще всего эту дисциплину называют фонетикой (в широком смысле слова); иногда для неё расширяют и термин *фонология*, особенно когда речь идёт о фонетических исследованиях, строго подчинённых современным принципам фонологии. Российские языковеды, начиная с Л. В. Щербы, одного из основоположников фонологии, обычно употребляют первое название, и почти все придерживаются мнения, что звуки речи исследует одна наука — фонетика (в широком смысле) [Зиндер 1979: 4ff.], состоящая из двух сравнительно самостоятельных дисциплин — фонологии и чистой фонетики (или фонетики в узком смысле слова). Это, без сомнения, самая естественная и реалистическая точка зрения. Классики фонологии её не сформулировали и не приняли, по-видимому, потому, что хотели подчеркнуть оригинальность и новизну своей теории и как можно чётче отмежеваться от традиционной фонетики (ср. [Постовалова 1972: 127 и указ. лит.; Fischer-Jørgensen 1975: 23]). Поступая так, они — вольно или невольно — упустили из виду тот значимый и очевидный факт, что фонетика (и языкознание вообще) с древнейших времён руководствуется имплицитными (неосознанными и отчётливо не сформулированными) фонологическими принципами (ср. [Воронкова 1981: 6–7]). О том, что стихийное понимание этих принципов сложилось ещё в седой древности, свидетельст-

---

¹⁶ А. Мартине [Martinet 1949], пытаясь преодолеть разрыв фонетики и фонологии, предложил называть фонологию *функциональной фонетикой*. Дескриптивисты, в целом, не пришли к единому мнению. Наиболее характерной, по-видимому, следует считать точку зрения, афористически сформулированную К. Пайком: «Phonetics gathers raw material. Phonemics cooks it» ‘Фонетика собирает сырьё. Фонология из него готовит’ [Pike 1947: 57]. О чрезвычайно тесной связи фонетики и фонологии говорит и Э. Фишер-Йёргенсен, близкая по взглядам к глоссематикам [Fischer-Jørgensen 1962: 120; 1975: 22–23] (ср. [Philipp 1974: 9]).

вуют так называемые фонетические системы письменности, такие как древнегреческая или латинская и даже индийская *devanāgarī*¹⁷. Они обозначают не конкретные звуки, а только фонологически значимые звуковые единицы, поэтому по сути являются фонологическими.

Слишком строгое противопоставление чистой фонетики и фонологии, изначально вполне понятное, сейчас уже стало анахронизмом, противоречащим реальной научной практике, иногда даже мешающим глубоко и исчерпывающе исследовать звуковой аспект языка, объяснять его развитие (см., напр., [Иванов 1954: 133]).

3. ФУНКЦИИ ЗВУКОВ РЕЧИ И ИХ ПРИЗНАКОВ

§ 15. Как мы уже говорили, фонология выделяет и изучает только те звуки речи и их признаки, которые выполняют ту или иную функцию, т. е. передают и различают некоторое содержание. Чаще всего выделяют три важнейшие функции звуков речи: репрезентативную (экспликативную), экспрессивную и апеллятивную [Трубецкой 1960: 22–35] (нем. *Darstellungsfunktion*, *Kundgabefunktion*, *Appellfunktion* [Trubetzkoy 1977: 17–29]); уточнение русских терминов см. [Булыгина 1964: 62, сн. 66]. Употребляются и другие термины: *символическая*, *симптоматическая*, *актуативная функция* (ср. исп. *función representativa*, *sintomática*, *actuativa* [Alarcos Llorach 1975: 33–34], ит. *funcione simbolica*, *sintomática*, *appellativa* [Muljačić 1973: 34–35]), *рефе-*

---

¹⁷ Вследствие разных причин (особенно из-за исторического развития звуков) система письма может довольно далеко отойти от фонологической. Так произошло, например, в современных английском и французском языках, письменность которых почти полностью основывается на так называемом историческом (или традиционном) принципе. Наверное, самую сложную, дальше всего отошедшую от произношения алфавитную систему письма имеет ирландский язык, ср.: *cairtfheoil* [k^wi:r'o:l'] ‘баранина’, *cheannuigheas* [çani:s] ‘(я) купил’, *deirbhshéathar* [d'r'ife:r] ‘сестры’, *i n-a shuidhe* [nə hi:] ‘он сидит’, *saechnochad* [šaxno:d] ‘охраняемый’ [Герценберг 1970: passim]. Это уже, можно сказать, иероглифы, составленные из латинских букв.

рентивная, эмотивная, конативная функция [Jakobson 1960] и т. д. Эта словесная пестрота выражения одних и тех же понятий возникла, скорее всего, вследствие различных переводов и толкований основных терминов Карла Бюлера (упомянутые выше немецкие термины *Darstellungsfunktion*, *Kundgabefunktion*, *Appellfunktion* — ср. [Бюлер 1960b] и [Trubetzkoy 1977: 17–18 и сн. 1 = Трубецкой 1960: 22, сн. 1]).

§ 16. Репрезентативную функцию (от фр. *représentatif* ‘представительный’ ← лат. *repraesento* ‘изображаю, представляю’) выполняют те звуки, их комплексы или признаки, которые являются представителями предметного или, говоря иначе, интеллектуального содержания, образуют и различают его выражение. Например, звуковой комплекс литовского языка, соответствующий написанию *Prasidėjo kãras* ‘Началась война’ (и его последний отрезок *kãras* ‘война’, даже отдельный начальный элемент этого отрезка [k]), выполняет репрезентативную функцию, так как представляет определённое содержание — ту составляющую фразы, которая осталась бы почти без изменений при переводе на другие языки (ср. рус. *Началась война́*, лтш. *Sãkãs kãrãš*, англ. *The war broke out*, нем. *Der Krieg brach aus*, фр. *La guerre a commencé*), и даёт возможность это содержание понять и отличить от иного содержания. Без таких звуковых и других материальных «представителей» содержание, являющееся пережитым опытом или порождением мыслей одного человека, осталось бы недоступным другим людям, нередко его было бы тяжело и запомнить.

Звуковые единицы и свойства, выполняющие репрезентативную функцию, являются фонологическими единицами (ср. [Вахек 1967]). Их и изучает фонология.

§ 17. В разговоре мы чаще всего не только выражаем чисто предметное содержание, но и произвольно или непроизвольно оцениваем его и своего собеседника, демонстрируем ту или иную личную установку по отношению к ним. Те звуковые свойства, которые прямо выражают эту установку или оценку, выполняют так называемую экспрессивную, или эмотивную, функцию (от фр. *expressif* ‘выразительный’ ← лат. *expressus* ‘выразительный, ясный’). Самую главную роль здесь играют различные интонационные признаки фразы — модуляции основного тона, силы, темпа и отчасти тембра звуков (подробнее см. [Цеплитис 1974:

188ff.]). Например, неестественно высокий основной тон, большая, но неустойчивая сила звуков чаще всего свидетельствуют о волнении говорящего, сильная лабиализация и назализация гласных — о его нежности, ласковости [Цеплитис 1974: 192–194] и т. д. Экспрессивную функцию могут выполнять и отдельные звуковые свойства, даже некоторые «специальные» звуки. Например, интенсивные продлённые согласные на фоне необычно сокращённых гласных в литовском языке часто являются выражением гнева, ср.: [r^oùp^ou.ẓ̌e̞.s] «*Rùpūžės!*» ‘Жабы!’ : [rùppu.ẓ̌e̞.s], [kãũ.k^ˈt̪sæ] «*Kaũk čia!*» ‘(Вот и) вой здесь!’ : [kkaũk^ˈt̪sæ]¹⁸; нередко в таких случаях гласные продвигаются вперёд и делабиализуются, ср. [žãl̥t̪i t^où] «*Žaltỹ tũ!*» ‘Уж (змея) ты!’ : [žžæ̃l̥t̪i. tũ!]¹⁹. Растянутые гласные на фоне нормальных или ослабленных согласных выражают покорность, унижение, напр., [b^ouuĩ·(k)gææ̃ras!] «*Bũk gẽras!*» ‘Будь добр!’ (ср. [Vikulčienė 1975]). В жемайтском (возможно, и в других диалектах) есть даже специальный гласный, выполняющий только экспрессивную функцию, — ср. нормальное повеление *dõuk* «*dũok*» ‘дай’ и нетерпеливый, настойчивый приказ или просьбу *dõuk-ə* ‘дай же!’. Этот гласный иногда добавляется и при ответе на какую-либо назойливую просьбу или вопрос, напр.: *kàs tu. l̥õ.ŋg^(a) išk̥r̥õ.š^a?* — *vã·ks-ə* (Тиркшляй) «*Kàs tã lãngã išk̥rũšo? — Vaĩkas!*» ‘Кто это окно (случайно) выбил? — Ребёнок (говорю же я тебе!)’ (см. [Girdenis 1968a: 53–54 (= Girdenis 2000b: 167–169); 1971b: 24 (= Girdenis 2000b: 215)]; о его возможном происхождении [Гирденис 1982a: 186 (= Girdenis 2000c: 281), сн. 24]).

Экспрессивными нередко считаются и те звуковые явления, которые определяют говорящего как представителя некоторой

---

¹⁸ Те же самые признаки в других языках могут выполнять репрезентативную функцию, ср.: ит. *beco* ‘глупец’ : *becco* ‘клюв’, *bruto* ‘зверь’ : *brutto* ‘гадкий’, *colo* ‘решето’ : *collo* ‘шея’, *sera* ‘вечер’ : *serra* ‘запруда’, исп. *caro* ‘дорогой’ : *carro* ‘двухколёсная повозка’, *maron* ‘осётр’ : *marron* ‘коричневый’, *pera* ‘груша’ : *perra* ‘сука’, курд. *diran* ‘зуб’ : *dirran* ‘лаять’, *kar* ‘кусок’ : *karr* ‘глухой’.

¹⁹ Транскрипция экспрессивных и других «нестандартных» примеров приближительна, поскольку не существует знаков, с помощью которых мы могли бы более адекватно обозначать их звуки.

группы людей (по полу²⁰, принадлежности к общественной группе, классу) — т. е. всё, что даёт прямую информацию о самом говорящем, а не о предметном содержании его речи.

Элементы, выполняющие экспрессивную функцию, тоже являются знаками (иногда их обозначают и специальным термином — эмфатики [Laziczius 1936: 58]): они также обладают и материальным выражением (вышеупомянутыми звуковыми признаками), и определённым, более или менее понятным содержанием — мотививной информацией, кодируемой этими признаками. Эти знаки, как мы видели, могут быть различным образом переплетены со знаками, передающими предметную информацию. Само собой разумеется, что экспрессивные знаки могут быть объектом научного исследования. Но к системе языка они, скорее всего, не принадлежат [Пазухин 1963: 99–101] (ср. [Renský 1966: 100–102]), и поэтому фонология ими непосредственно не интересуется²¹. Ими должна заниматься другая дисциплина, которую Н. С. Трубецкой назвал звуковой стилистикой [Трубецкой 1960: 35] (нем. *Lautstilistik* [Trubetzkoy 1977: 28]). Пока что эта перспективная область исследований находится ещё в зачаточном состоянии²², и её задачи лишь отчасти решает комплексная, наполовину фонологическая, наполовину фонетическая, наполовину грамматическая дисциплина — интонология (см. [Цеплитис 1974: особенно 177–199; Светозарова 1982: 22–24]).

С фонологической точки зрения звуковые свойства и отдельные звуки, выполняющие только экспрессивную функцию,

---

²⁰ Например, в женском «диалекте» чукотского языка существует аффриката [ts], чуждая мужскому «диалекту»; в северо-западных жемайтских говорах гласный [a·] и [a.] особенно сильно (почти до [ã·] и [ã.]) лабиализуется в речи женщин [Girdenis, Riaubiškytė 1981: 92 (= Girdenis 2000c: 254)] (больше примеров см. в [Trubetzkoy 1977: 21–22 = (Трубецкой 1960: 26–27)]).

²¹ Сам Н. С. Трубецкой эту функцию, пожалуй, считал языковой (ср. его термин нем. *Kundgabephonologie* [Trubetzkoy 1977: 20] = рус. *экспрессивная фонология* [Трубецкой 1960: 25]).

²² Возникшая позднее фоностилистика (о ней см. [Muljačić 1973: 35; Светозарова 1982: 10 и указ. лит.]) занимается гораздо более узким кругом вопросов (в первую очередь — нюансами интонации предложения, связанными с речевой ситуацией).

являются нерелевантными, или несущественными, поскольку они не передают и не различают предметного (интеллектуального, не эмотивного) содержания. Однако в более широкой фонологической работе их всё же не следует полностью забывать. Внимания фонологов особенно заслуживают те экспрессивные признаки, которые в типологически (или диатопически) близких языках или диалектах функционируют как фонологические элементы.

§ 18. Третья функция звуков языка называется апеллятивной (от фр. *appel* ‘зов, призыв’, лат. *appello* ‘обращаюсь, приветствую’). Апеллятивными (или, иначе, вокативными) средствами говорящий пытается напрямую воздействовать на слушателя: побудить его к тому или иному действию, возбудить в нём некоторые эмоции и настроения, не обязательно переживая их сам [Trubetzkoy 1977: 20 = Трубецкой 1960: 30–34; Alarcos Llorach 1975: 33–34]. Например, в эвенском языке (Восточная Сибирь) при обращении к кому-либо в конце слова добавляется гласный [e:], например: *эмр̄м* ‘я приехал’ : *эмр̄м'-ē* ‘я приехал!’, *кэдикэн* ‘друг’ : *кэдикэн'-ē* ‘(о) друг!’ [Новикова 1960: 46]. Эту функцию выполняет и аттракция ударения, характерная для форм звательного падежа некоторых литовских говоров, например: ю.-аукшт. *juõzuli, šir̃.ðæla* «*Juozùli, širdēle!*» ‘Юозас, душенька!’, жемайт. *tievá.li* «*tévēli!*» ‘папочка!’, *vàkàlê* «*vaikēliai!*» ‘детки!’²³.

Необязательность личного переживания эмоций, по видимому, и служит важнейшим различительным признаком экспрессивной и апеллятивной функций, поскольку вообще-то они обычно так переплетены между собой, что редко можно чётко сказать, является ли какое-то конкретное звуковое образование экспрессивным или апеллятивным. Например, вышеупомянутая протяжная интонация покорной просьбы ([b°uũ·(k) gææ̃·ras!]) одновременно выражает и соответствующее настроение просителя, и его стремление оказать воздействие на другого человека, — так что в ней переплетаются и экспрессивный, и апеллятивный аспект. Поэтому чаще всего обе эти функции объединяют в одну интерперсональную или просто экспрессивную функцию (в ши-

---

²³ На возможность апеллятивной функции аттракции ударения в таких формах первым обратил внимание Симас Каралюнас (личное сообщение).

роком смысле)²⁴ (см. [Laziczius 1936: 57; Jakobson, Halle 1962: 469; Якобсон, Халле 1962: 237; Milewski 1965: 13–26; Alarcos Llorach 1975: 34]; ср. термины П. С. Кузнецова *модальные признаки* = *экспрессивные признаки* [Кузнецов 1970а: 180]).

Такое обобщение функций удобно потому, что фонологу важно различать только репрезентативные и нерепрезентативные (или, иными словами, относящиеся и неотносящиеся к системе языка) явления. Объединение нерепрезентативных функций в одну способствует их более чёткому и естественному противопоставлению репрезентативным. Объединяя эти функции, мы не сильно отклоняемся от практики классиков фонологии, поскольку даже Н. С. Трубецкой, формально разделявший две нерепрезентативные функции, практически рассматривал их как два аспекта одного и того же предмета и обе их считал объектом звуковой стилистики, а не фонологии [Trubetzkoy 1977: 28–29 = Трубецкой 1960: 35]²⁵.

§ 19. Сам язык и отдельные его элементы выполняют и большее количество функций [Jakobson 1960; Vachek 1966: 331]. В тех случаях, когда объектом (референтом) речевого акта является сам язык, его различные особенности, мы имеем так называемую металингвистическую функцию. К ней относятся всевозможные уточнения значения слов, замечания об особенностях речи собеседника и т. д. В тех случаях, когда некоторую ценность представляет собой не только содержание речевого акта, но и его выражение, язык выполняет не только репрезентативную, но и широко понимаемую поэтическую функцию. Этой функцией обладают не только произведения хороших поэтов, но и такие высказывания, как *Kàs kàs, tàs ir lès* ‘Кто будет копать, тот будет и клевать’, *Kaïp pasiklósi, taïp išmiegósi* ‘Как постелешь, так и выспишься’; и они интересны не только своим содержанием, но и самим звучанием. Речь, с помощью которой только поддерживается контакт между собеседниками и не делается попыток передать значимую информацию, выполняет фатическую функцию (греч. *φάτις* ‘слух, молва’). К ней относятся различные ничего не сообщающие и никого ни к чему не обязывающие разговоры о погоде, всем хорошо известных

---

²⁴ Если эмоции выражаются обычными лексическими или грамматическими средствами, язык выполняет не экспрессивную, а репрезентативную функцию [Пазухин 1963: 98].

²⁵ Видимо, Н. С. Трубецкой полностью доверял вышеупомянутой схеме К. Бюлера [Бюлер 1960b: 25] и старался приспособить к ней реальные факты и наблюдения. (Кстати, точное количество функций может зависеть и от конкретного языка.)

людях и событиях, а также приветствия, пожелания и т. д. Эта функция в жизни общества играет очень существенную роль, так как часто (может, даже чаще всего) мы говорим не для того, чтобы передать друг другу великие самобытные мысли или необычайно важные новости, а просто для того, чтобы поддерживать друг с другом человеческие отношения [Pride 1977: 288–289].

Нетрудно заметить, что существует некоторая связь между металингвистической и фатической функциями и так называемой апеллятивной, между поэтической функцией и экспрессивной. Но эти отношения должна исследовать уже не фонология, а семантика. Для фонологии актуальны только те функции, которые выполняются единицами выражения языка и речи, а не язык вообще — значит, для неё достаточно различать репрезентативные и экспрессивные (эмотивные и апеллятивные) звуковые единицы и признаки. Ни за важность содержания, ни за его характер фонология не отвечает.

§ 20. Репрезентативная функция является самой важной и сложной, поэтому обычно выделяются три более конкретных её аспекта, три частные функции: смыслоразличительная или дистинктивная, вершинообразующая или кульминативная и разграничительная или делимитативная [Трубецкой 1960: 36–37] (нем. *bedeutungsunterscheidende* или *distinktive*, *gipfelbildende* или *kulminative*, *abgrenzende* или *delimitative* [*Funktion*] [Trubetzkoy 1977: 29]). Р. О. Jakobson употреблял иерархически сгруппированные термины: дистинктивная функция противопоставляется конфигуративной, а сама конфигуративная функция разделяется на кульминативную и демаркативную (т. е. делимитативную) [Jakobson, Halle 1962: 469; Jakobson, Halle 1962: Jakobson, Fant, Halle 1972: 15]. Кульминативную функцию иногда называют контрастивной (напр., [Martine 1963: 409; Alarcos Llorach 1975: 37]), а дистинктивную — оппозитивной [Martine 1963: 408] или дифференциальной [Alarcos Llorach 1975: 36].

§ 21. Дистинктивную (различительную) функцию (от лат. *distinctus* ‘различие, разница’ ← *distinguo* ‘разделяю, отделяю’) выполняют те звуки и их свойства, которые отличают одни предметные (т. е. семантические или грамматические) значения от других. Эту функцию выполняют, например, литовские согласные [k], [g], [b], [m], поскольку они позволяют различать такие во всех других отношениях одинаковые слова, как *gãras* ‘пар’ : *kãras* ‘война’ : *bãras* ‘участок’ : *mãras* ‘чума’; гласные [a] и [aˑ], кото-

рыми различаются слова *kàsti* ‘копать’ : *kásti* ‘кусать’ и такие грамматические формы как *dúona* [d°úɔna] ‘хлеб (Nom. Sg.)’ : *dúonaq* [d°úɔna·] ‘хлеб (Acc. Sg.)’; разные слоговые интонации в словах, содержащих одинаковые гласные и согласные *laũk* ‘прочь’ : *láuk* ‘жди’, *viřsiu* ‘буду валиться’ : *viřsiu* ‘буду варить’. Звуки и их признаки, выполняющие эту функцию, являются дистинктивными единицами языка.

В фонологической системе любого языка дистинктивные единицы являются самыми важными: они составляют основу плана выражения всех языков. По этой причине понятия дистинктивной единицы и фонологической единицы иногда безосновательно отождествляются²⁶. Это отождествление опирается на ошибочный вывод из неоспоримого факта, что все языковые явления, выполняющие дистинктивную функцию, относятся к фонологическим единицам. Здесь исследователи забывают, что понятие фонологической единицы шире, чем понятие дистинктивной единицы: каждая дистинктивная единица является фонологической, но в языке могут быть и такие фонологические единицы, которые не выполняют дистинктивной функции, но всё равно участвуют в образовании плана выражения языковых знаков.

§ 22. Из тех недистинктивных функций, которые могут выполнять некоторые фонологические единицы, самой универсальной и наиболее распространённой в различных языках является кульминативная, или контрастная (выделительная), функция (от лат. *culmen* ‘верх, вершина’). Её выполняют те звуковые признаки, которые показывают, сколько содержательных единиц произнесено в данном отрезке текста (речевого акта). Например, руководствуясь своим «бытовым» языковым чутьём мы легко сможем сказать, что «предложение» на выдуманном языке²⁷ *[mátarašúpatení] состоит из трёх слов. Эта догадка объясняется

---

²⁶ Ср. [Kazlauskas 1968a: 6 et passim]. По правде говоря, Й. Казлаускас лишь неосторожно повторил ошибку Р. О. Якобсона (вместе с некоторыми его конкретными диахроническими интерпретациями, ср. [Якобсон 1963a: 159–161] и [Jasiūnaitė, Girdenis 1996: 183 (= Girdenis 2001: 260), сн. 10]).

²⁷ Это «предложение» создано по образцу искусственных «диалектов калаба» (*Kalaba dialects*) К. Пайка [Pike 1947: VII, 68, 71 et passim]. Оно много раз экспериментально проверено со студентами Вильнюсского университета — результат всегда получался одним и тем же.

тем, что в литовском языке каждое неслужебное слово, можно сказать, всегда имеет только одно ясное ударение, а значит, ударение является важным кульминативным элементом. Его получает даже отдельная составная часть слова, если она приобретает статус некоторого члена предложения в металингвистическом высказывании, — мы вынуждены говорить «*Žodis pasakymas turi priešdėlį pà-, priešagą -ỹm ir galūnę -às*» ‘Слово *pasākymas* ‘высказывание’ имеет приставку *pà-*, суффикс *-ỹm* и окончание *-às*’, хотя при этом как будто искажаем истину, поскольку в описываемом слове и приставка, и суффикс, и окончание безударны. Но это неизбежная «ложь»: высказывания **[p̥f̥iež̥d̥e̥.ĩ·pa]*, **[gaĩ°ú·n̥æ·as]** звучали бы невозможно и непонятно.

В структуре литовского языка важнейшим значимым элементом является слово — оно и выделяется самостоятельным ударением. В других языках или диалектах кульминативными признаками (ударениями разной степени) могут выделяться иные содержательные единицы: некоторые морфемы, компоненты композитов, сочетания слов (синтагмы, речевые такты) и т. д. Например, в немецком языке второстепенными ударениями выделяется каждый компонент сложных слов, ср. *Sonntagsrückfahrkarte* [ˈzɔn,tɑ:kʰsˈrʏkˈfa:v,kɑvtə] ‘воскресный билет туда и обратно’, а также некоторые суффиксы, например: *Fischlein* [ˈfiʃ,lɛɪn] ‘рыбка’ (ср. *Fisch* ‘рыба’), *Dummheit* [ˈdʊm,hɛt] ‘глупость’ (подробнее об этом см. § 237 и указ. лит.). Совсем иное наблюдается во французском языке: ударение падает не на отдельные слова, а на некоторые смысловые группы слов, напр.: *Ne croyez pas qu’il suffise désormais de bonnes intentions* [nəkrwaˈjeˈpa k̄ilˈsyfiˈzdezɔrˈmɛ dəbɔnz̄ẽˈtãˈsjɔ̃] ‘Не думайте, что отныне достаточно лишь добрых намерений’ [Щерба 1955: 85, 248–249; Ladefoged 1975: 222]. Фонологические явления, выполняющие кульминативную функцию, можно считать и своеобразными «союзами» (т. н. *синдемами* [Кацнельсон 1971: 138ff.]), поскольку они словно бы объединяют отдельные элементы слова или другого языкового знака в одно целое.

---

* То есть в виде одного фонетического слова, ср. рус. **[p̥f̥istáf̥k̄up̄ə]* **[лкл̣н̣ĉ̣ạ́н̣ĉ̣ə̣ə̣s]*. (Прим. ред.)

§ 23. Некоторые звуковые признаки могут выполнять также делимитативную (разграничительную) функцию (от фр. *délimitation* ‘разграничение, установление границ’ ← лат. *de* ‘из, от’, *limes* ‘межа, граница’) — указывать границы значимых элементов (слов, смысловых групп слов, предложений), их начало или конец. Например, если бы мы знали, что в вышеупомянутом гипотетическом языке ударение всегда падает на последний слог каждого слова, то фразу *[mátarašúpatení] мы без колебаний расчленили бы на три слова [má], [tarašú], [patení], если на первый — [mátara], [šúpate], [ní]. Фиксированное ударение не только указывает количество содержательных элементов, но и отмечает их границы. Значит, такое ударение является не только кульминативной, но и делимитативной единицей.

Делимитативную функцию может выполнять не только ударение, но и такие явления, как гармония гласных, специфические звуки, встречающиеся только в начале или конце содержательных единиц (слов, морфем и др.), некоторые сочетания согласных и др. [Trubetzkoy 1977: 241ff. = Трубецкой 1960: 299ff.]. Например, в венгерском языке все гласные одного слова почти всегда бывают либо передними, либо задними, ср.: *becsület* ['betšylet] ‘почёт’, *esztendő* ['estendø:] ‘год’, *fészek* ['fe:søk] ‘гнездо’ : *állat* ‘животное’, *gondolat* ‘мысль’, *tudomány* ['tʊdoma:ɲ] ‘наука’; то же наблюдается и в других т. н. сингармонических языках, напр., турец. *altarımızdan* ‘из наших коней’ (*i* ≈ [ы] или [i]) : *itlerimizden* ‘из наших собак’. Когда в тексте на таких языках сталкивается слог с задним гласным и слог с передним, то в большинстве случаев ясно, что они принадлежат разным словам — ср. караим. (тракайский диалект) *Авазымны эшитикин, йашырмагын эшитю влярийни йалбармагыма* ‘Выслушай мой голос, не отвори свои уши от моей молитвы’ (цит. по [Мусаев 1964: 268])²⁸: все гласные в словах *авазымны, йашырмагын, йалбармагыма* непереднего ряда, а в словах *эшитикин, эшитювлярийни* — переднего.

В английском языке [h] употребляется только в начале слова или морфемы, а [ŋ] (пишется *-ng*) — только в конце, поэтому они также являются не только дистинктивными, но и делимитатив-

²⁸ ю = [ü], я = [æ], т = [ɣ] (≈ лит. [h]); согласные перед передними гласными мягкие (палатализованные).

ными единицами. Роль только делимитативной единицы играет и аспирация литовских согласных [tʰ] и [kʰ], встречающаяся в конце слова (см. § 13). В северных говорах жемайтского диалекта достоверным делимитативным сигналом является комбинация так называемого главного рецессивного и второстепенного окситонического ударения ([ˈ (...) ˜], [ˈ (...) ˘] и т. п.), которая заключает всё слово в своеобразные рамки, подчёркивая его начало и конец, напр.: *lāšėnė* «*lašiniaĩ*» ‘сало’, *nėpamėstà* «*nepamestà*» ‘непотерянная’ (подробнее см. § 236).

Делимитативные единицы не так важны и универсальны, как дистинктивные. Даже в языках, использующих их сравнительно регулярно, обычно отмечаются только некоторые особо «опасные» или, точнее, особо важные границы значимых единиц. Нередко эти сигналы являются факультативными и реализуются только в подчёркнуто отчётливой речи. Существуют и такие языки и диалекты, в которых регулярные делимитативные сигналы отсутствуют²⁹.

§ 24. Обобщим.

Каждый звук, комплекс звуков или отдельный признак, встречающийся в речевых актах, выполняет либо репрезентативную, либо экспрессивную функцию (эмотивную или апеллятивную) — передаёт и различает либо предметные (интеллектуальные), либо не предметные (эмотивные, экспрессивные) значения. Объект фонологического исследования составляют только звуковые явления, выполняющие репрезентативную функцию, — они и называются фонологическими единицами. Те фонологические единицы, которые различают предметные значения³⁰ или, говоря точнее, план выражения единиц, обладающих разными значениями, выполняют дистинктивную функцию и поэтому называ-

---

²⁹ Э. Пулгрэм называет их курсусными (поточными) языками — англ. *cursus-languages* — и противопоставляет их нексусным (словесным) языкам, в которых делимитативные сигналы есть — англ. *nexus-languages* [Pulgram 1970: 38, 85–100].

³⁰ Эта традиционная формулировка, восходящая к «Основам фонологии» Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1977: 32–33 et passim = Трубецкой 1960: 40 et passim] и к другим работам фонологов Пражской школы, не является вполне точной, поскольку фонологические единицы непосредственно различают только выражение языковых знаков, а не их содержание.

ются дистинктивными единицами. Те элементы, которые показывают, сколько содержательных единиц присутствует в конкретном речевом акте, выполняют кульминативную функцию и называются кульминативными единицами. Наконец, фонологические явления, указывающие границы содержательных элементов, выполняют делимитативную функцию — они называются делимитативными единицами или пограничными сигналами [Трубецкой 1960: 301ff.] (нем. *Grenzsignale* [Trubetzkoy 1977: 242ff.]). Самыми универсальными, абсолютно необходимыми для любого языка являются дистинктивные единицы.

4. ТИПЫ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

§ 25. Единицей выражения языка, или, иначе говоря, фонологической единицей [Трубецкой 1960: 41] (нем. *Phonologische Einheit* [Trubetzkoy 1977: 22–33], *l'unité phonologique* [Вахек 1964: 59]), следует считать любой отрезок речевого потока, из которого удалены все особенности, не репрезентирующие предметного содержания, т. е. индивидуальные, экспрессивные и позиционные модификации: тембр голоса говорящего, его сила, признаки, возникшие под воздействием соседних звуков или пауз и т. д. (ср. § 16).

§ 26. Самой крупной и конкретной звуковой единицей языка, основой фонологических исследований является высказывание (англ. *utterance* [Harris 1963: 14; Хэмп 1964: 53]) — отрезок звукового потока между двумя моментами молчания. Высказывание — явление аморфное, не имеющее устойчивой структуры. Его может образовывать и длящаяся несколько часов речь политического деятеля, и такая односложная реплика как лат. *И!* ‘Иди!’. В случае диалогической речи каждая реплика собеседников представляет собой самостоятельное высказывание.

§ 27. Каждое высказывание состоит из одного или более предложений, которые всегда обладают содержанием и выражением. Содержательными являются даже такие ненормальные предложения, как придуманное Н. Хомским *Colourless green ideas sleep furiously* ‘Бесцветные зелёные идеи яростно спят’ [Хомский 1962: 418] или Л. В. Щербой **Глóкая кúздра итéко*

будлану́ла бокра́ и курдя́чит бокрѐнка (ср. «литовский перевод», предложенный Ричардасом Миронасом **Satóji káida vaičiaĩ týtelėjo áisq ir palina aisiùkq*): в них ясно выражены, по крайней мере, грамматические значения, которые также являются элементами содержания.

Звуковой каркас предложения можно считать фонологическим предложением (или фонологической фразой). Каждое фонологическое предложение состоит из одного или более фонологических слов (см., напр., [Мухин 1976: 56; Бондарко 1981: 52ff.]; Э. Пулгрэм для обозначения этого понятия использует оригинальный термин *nexus* [Pulgram 1970: 25ff.]³¹. Например, заменив в предложении *Studeñtai dirba* ‘Студенты работают’ первое слово на существительные *Pėtras* ‘Пятрас’, *poėtai* ‘поэты’, *veřslininkas* ‘предприниматель’, получим новые предложения с другим значением: *Pėtras dirba* ‘Пятрас работает’, *Poėtai dirba* ‘Поэты работают’, *Veřslininkas dirba* ‘Предприниматель работает’* и т. д.; заменив второе слово глаголами *tinginiáuja* ‘ленится/ленятся’, *džiúgauja* ‘ликует/ликуют’, *prekiáuja* ‘торгует/торгуют’, снова получим предложения с другими значениями: *Studeñtai tinginiáuja* ‘Студенты ленятся’, *Studeñtai džiúgauja* ‘Студенты ликуют’, *Studeñtai prekiáuja* ‘Студенты торгуют’. Однако несомненно разные предложения могут состоять из тех же самых слов, ср.: *Studeñtai dirba!* ‘Студенты работают!’ и *Studeñtai dirba?* ‘Студенты работают?’. Эти предложения различаются специфическим, характерным только для предложения элемен-

---

³¹ Фонологическое слово — это то, что русские языковеды иногда называют вышеупомянутым (см. сн. 12) странным термином «звуковая оболочка слова» (ср. также [Зиндер 1979: 33; Воронкова 1981: 32–33] и сн. 12 данного раздела), то есть план выражения конкретной формы слова (вместе с примыкающими к ней клитиками). Формальное определение слова см. [Bloomfield 1935: 180 = Блумфилд 1968: 190–191; Кузнецов 1964], о слове как важнейшей единице восприятия речи и основе синтагматических отношений (фонотактики) — [Linell 1979: 69, 193–194].

Для простоты здесь мы оставляем в стороне единицы, занимающие промежуточное положение между предложением и словом: синтагмы, речевые такты и т. п., — для нашего толкования понятий они мало что дали бы, только сделали бы его более запутанным.

* В литовском языке формы 3-го лица глаголов не различаются по числу. (Прим. переводчика).

том — интонацией. Таким образом, фонологическое предложение представляет собой комплекс, состоящий из слов и произносимой вместе с ними интонации.

Самостоятельным фонологическим словом следует считать каждую форму слова (т. е. то, что русские лингвисты называют термином *словоформа*), а не лексему — множество форм слова, приводимое в словарях посредством так называемой заглавной формы (именительного падежа единственного числа, инфинитива и т. п.). Таким образом, *žmogùs* ‘человек (Nom. Sg.)’ и *žmogaĩs* ‘человека (Gen. Sg.)’ представляют собой различные фонологические слова, хотя они и относятся к одной и той же лексеме. Каждое так понимаемое фонологическое слово состоит из одного или более слогов [Бондарко 1981: 50–52, 180ff.]³²: заменив в слове *kãsos* ‘кóсы’ первый слог на *blù-*, *tiẽ-*, *vi-* и др. или второй слог на *-la*, *-pas*, *-tès* получим слова с другим планом выражения и другим планом содержания *blùsos* ‘блóхи’, *tiẽsos* ‘истины (Nom. Pl.)’, *visos* ‘все (Nom. Pl. fem.)’, *kãla* ‘долбит’, *kãpas* ‘могила’, *kãtès* ‘кошки (Nom. Pl.)’. Кроме слогов, у слов многих языков есть ещё и дополнительный элемент — ударение, которым могут отличаться слова, состоящие из одинаковых слогов, ср. лит. *neši* ‘не-сёшь’ : *nèši* ‘будешь нести’, *lùpa* ‘дерёт’ : *lupà* ‘лупа’, рус. *záмок* : *замóк*, *sóрок* : *сорóк**.

§ 28. Каждый слог образует одна или несколько фонем, так как, например, произнеся [g], [b], [n], [m] вместо [k] в первом слоге слова *kãras* ‘война’ или краткий [u] вместо [a:], получим новые слоги (и слова) *gã(-ras)* ‘пар’, *bã(-ras)* ‘участок; бар’, *nã(-ras)* ‘водолаз’, *mã(-ras)* ‘чума’, *kù(-ras)* ‘топливо’. Как и предложение, слог в некоторых языках может иметь похожий на интонацию элемент — слоговую интонацию или тон, которым иногда различаются слоги, состоящие из одинаковых фонем, расположенных в одинаковом порядке. В литовском языке такой допол-

---

³² О слоге как важной единице фонологии и речи см., напр., [Naugen 1956; Трахтеров 1956: особенно 32; Жинкин 1958: 83, 91, 101; Hála 1961; Ахманова 1966: 43; Hooper 1972; O’Connor, Trim 1973: 259; Мухин 1976: 55ff.; Степанов, Эдельман 1976: 215–216].

* С точки зрения Щербовской фонологической школы слоги в приведённых русских примерах имеют разный фонемный состав из-за чередования ударного /o/ с безударным /a/. (Прим. ред.)

нительный элемент имеют ударные слоги определённого типа (см. § 241), ср. слова *viř-siu* ‘буду валиться’ : *viř-siu* ‘буду варить’, *lō-po* ‘заплаты (Gen. Sg.)’ : *lō-po* ‘ставит заплаты’, первые слоги которых состоят из одних и тех же фонем /*v̂-i-f̂*/, /*l-o*/, но всё-таки различают слова, так как произносятся с различными слоговыми интонациями. В китайском языке эту роль играют так называемые тоны, ср.: *mā* ‘мать’³³ : *má* ‘конопля’ : *mǎ* ‘лошадь’ : *mà* ‘ругать, ругает’ (ср. [Зиндер 1979: 258; Степанов 1975b: 96]).

Фонема не является неделимым монолитом. Хотя она иногда противопоставляется слогу и слову как элементарная единица — сложным (или конструктивным, ср. [Мухин 1976: 54ff.]), её в принципе возможно разбить на отдельные артикуляционные или акустические свойства, называемые дифференциальными³⁴, или дистинктивными³⁵, признаками (лат. *differo* ‘различаюсь’; ср.

³³ Диакритические знаки здесь обозначают следующие тоны: [ˉ] — высокий ровный, [ˊ] — резко восходящий, [ˋ] — низкий нисходяще-восходящий, [ˋ] — нисходящий.

³⁴ О том, что трактовка фонемы как пучка дифференциальных признаков имеет отрицательные стороны см. [Воронкова, Стеблин-Каменский 1970; Воронкова 1981: 63ff.]; существуют и вовсе категоричные мнения (ср. [Либберман 1993]). Но критики забывают, что в некоторых языках эти признаки сами по себе могут выступать как план выражения морфем. Например, в ирландском языке палатализация согласного выражает морфему генетива [Герценберг 1970: 81, 92, 102], а в румынском языке — множественное число (ср. *lupi* [lupʰ] ‘волки’ : *lup* [lup] ‘волк’ [Широков 1965: 94]); аспирация согласного в бирманском языке отличает каузативные глаголы от соответствующих некаузативных, ср. *cha*¹ ‘ронять’ : *ca*¹ ‘падать’, *phje*² ‘разрушать’ : *pje*² ‘разрушаться’ (цифры обозначают тон) [Маун Маун Ньюн et al. 1963: 65]. Совершенно обоснованно (конечно, в рамках своей теории) от дифференциальных признаков отказались глоссематики: для них и звуки, и, например, графические знаки являются равноценными «представителями» одних и тех же единиц плана выражения — кенем (фонем) (см., напр., [Hjelmslev 1959: 49ff.]), поэтому не могут иметь общих признаков.

³⁵ Более удобным был бы термин *дистинктивный признак*, так как он лучше сочетается с термином *дистинктивная функция*. Но термин *дифференциальный признак* поддерживает длительная традиция употребления; им пользовался и первопроходец литовской фонологии Йонас Казлаускас [1966 и др.]. Неплохим было бы и чисто литовское обозначение *skiriamasis požymis* (букв. ‘различительный признак’), но оно кажется многозначным и поэтому недостаточно терминологичным.

англ. *distinctive features* [Jakobson, Fant, Halle 1972: passim], в русской традиции — *различительный признак* [Якобсон, Халле, 1962: passim]). Например, заменив у первой фонемы первого слога слова *gã-ras* ‘пар’ звонкую слабую артикуляцию на (во всех других отношениях тождественную) глухую сильную артикуляцию, получим слово *kã-ras* ‘война’, а заменив её заднеязычную артикуляцию соответствующей губной — слово *bã-ras* ‘участок; бар’ и т. д. Звонкость и глухость, заднеязычная и губная артикуляции и являются дифференциальными признаками фонем /g/, /k/, /b/.

§ 29. Предложения, слова, а также, по-видимому, фразовая интонация (ср. [Солнцев 1977: 190]) являются двухплановыми (билатеральными) единицами системы языка, знаками (ср. § 6): у них есть и план выражения, и план содержания. Слоги, фонемы, дифференциальные признаки, ударение, слоговые интонации и тоны представляют собой одноплановые (унилатеральные) единицы системы языка, незнакомые³⁶, поскольку они обладают только планом выражения (или, говоря по-другому, образуют план выражения содержательных единиц). Между различными словами, имеющими одинаковые слоги или одинаковую фонему или слоговую интонацию, как правило, не бывает никакой семантической или грамматической связи, ср.: *atla-pa-šĩrđe* ‘прямодушная’ : *pa-vãsarĩs* ‘весна’ : *teļ-pa* ‘помещается’ (совпадает один слог), *ožỹs* [o·žĩ·s] ‘козёл’ : *padorũs* [pa·d°o·r°ũs] ‘приличный’ : *vaĩko* [vaĩ.k°o·] ‘ребёнка (Gen. Sg.)’ (совпадает одна фонема), *laũkas* ‘поле’, *naĩsiai* ‘храбро’, *peikeĩ* ‘(ты) порицал’ (совпадает слоговая интонация одного слога). Такие примеры, как *ãš* ‘я’, *tũ* ‘ты’, *trỹs* ‘три’, ни в коем случае не доказывают того, что слоги могут иметь значение: здесь перед нами просто слова, образованные одним слогом. Так же и вышеупомянутое латинское *I!* [i·] ‘Иди!’ не является фонемой, обозначающей ходьбу [Реформатский 1967: 28; Жинкин 1958: 104–105], — значением в данном случае обладает высказывание, состоящее из одного предложения, которое состоит из одного слова и побудительной интонации, а данное

---

³⁶ Такие формулировки, как «фонемы — это знаки...» (чаще всего в работах на русском языке), следует оценивать как *lapsus calami* (ср., однако, сн. 44).

слово, в свою очередь, состоит из одного слога и определённой акцентуации; наконец, слог состоит из одной фонемы, имеющей следующие дифференциальные признаки: /«гласный» & «передний ряд» & «верхний подъём» & «долгий»/.

Последний пример показывает, что даже при объяснении плана выражения конкретных высказываний следует соблюдать принцип непосредственно составляющих (англ. *immediate constituents*, лит. *tiesioginiai sandai*³⁷) (об этом принципе см. [Bloomfield 1935: 161 = Блумфилд 1968: 169; Глисон 1959: 190f.; Арутюнова, Климов, Кубрякова, 1964: 255f.; Степанов 1966: 65–69; Hockett 1968: 17f.; о значении данного принципа для фонологии — [Hockett 1955: 150ff.]): каждая составная единица языка должна последовательно члениться на те части, из которых она непосредственно состоит. Перепрыгивание через уровни анализа искажает подлинную картину структуры элементов и их отношений (ср. [Клычков 1963: 3]).

Как мы уже видели, одноплановые предложения невозможно и вообразить, поскольку даже сочетание несуществующих слов, если только оно составлено по правилам грамматики, получает хотя бы грамматические значения — а значит, становится содержательным. Легче представить себе одноплановые слова — их можно даже оценить с точки зрения правильности структуры. Например, **svel̃p̃stas* и вышеупомянутое **špráik̃šla*, несомненно, являются возможными литовскими словами, а **mzìnga*, **ntòmbi*, **tlùnda*³⁸ не являются, хотя в действительности в литовском нет ни тех, ни других³⁹ (ср. также «рус.» **жмола*, **хмола* [Шаумян 1962: 69]).

---

³⁷ Этот удачный литовский термин предложил В. Урбутис [Urbutis 1978: 130].

³⁸ Эти «слова» взяты из малоизвестного рассказа Ромуальдаса Грананускаса «Морское сияние» («Marių švytėjimas»), там они употребляются как экзотические личные имена.

³⁹ Как показывает опрос информантов, **spráik̃šla* для северных жемайтов просто неизвестное слово, а **mzìnga* — невозможное и даже непроизносимое (кстати, **tlùnda* кажется информантам более литовским, чем **mzìnga*).

О важности «потенциальных» одноплановых слов (иногда их называют логатомами) для фонологического анализа см. [Lyons 1968: 119–120 = Лайонз 1978: 133–134].

§ 30. Здесь ещё надо бы прибавить, что слова как знаки языка могут члениваться не только на слоги, но и на двуплановые единицы — морфемы (точнее, как уже говорилось в сн. 6, на морфы), минимальные языковые знаки. Их границы внутри слова редко совпадают с границами слогов (исключение представляет, например, китайский язык, в котором каждый слог является отдельной морфемой и каждая морфема — отдельным слогом, см. § 116, ср. [Клычков 1963: 4; Garde 1968: 26]). В фонологической структуре слова некоторых языков морфемы играют важную и относительно самостоятельную роль, поэтому фонологи должны их учитывать [Trubetzkoy 1977: 225 = Трубецкой 1960: 280]. Однако у морфем флективных языков обычно нет постоянной структуры: они как бы растворяются в слогах и фонемах, не оказывая влияния на фонологическую структуру слов. При исследовании фонологической системы таких языков морфемы нужны только в исключительных случаях. Литовский язык является языком как раз такого типа, так что исследование его морфем принадлежит тем дисциплинам, которые интересуются единицами плана содержания⁴⁰.

§ 31. Исследовать предложения как единицы плана выражения было бы нецелесообразно, поскольку все их звуковые составляющие, за исключением разве что интонации, очень непостоянны: их план выражения (и план содержания, кроме грамматического) редко повторяется. Возможны даже совершенно оригинальные, никем ранее не произнесённые предложения. Поэтому европейские фонологи, в отличие от большинства американцев-дескриптивистов (за исключением, пожалуй, только К. Пайка, в данном вопросе следующего за европейцами, см. [Pike 1972a; 1972b]), анализ плана выражения языка начинают со слова — наименьшей интуитивно легко воспринимаемой и выделяемой двуплановой единицы языка; особенно хорошо это путь подходит для флективных языков [Клычков 1962: 126], а значит,

---

⁴⁰ Иначе эти вопросы решает Московская фонологическая школа: она считает фонемы непосредственно составляющими не слов и не слогов, а морфем [Кузнецов 1970a: 185 et passim]. Поэтому фонематика Московской школы во многом близка морфонологии и генеративной фонологии (ср. [Fischer-Jørgensen 1975: 334]).

и для литовского языка. Исключение, возможно, следует делать для тех языков (обычно полисинтетических), в которых слово — проблемное, не имеющее чётких структурных признаков явление. Выбор слова в качестве исходной единицы удобен потому, что оно легко выделяется и идентифицируется не только на основании звучания, но и содержания. Важно и то обстоятельство, что, начав фонологический анализ со слова, можно легче отвлечься от модулирующих звуков, относящихся к интонационной составляющей предложения, — отложить их для дальнейшего рассмотрения. Впоследствии особенности фонологических предложений можно с помощью определённых правил установить на основе фонологической структуры составляющих их слов и интонаций⁴¹.

По тем же самым причинам фонемы и слоговые интонации целесообразно выявлять не в слогах, а в словах. Такой (как будто непоследовательный) способ даёт возможность при необходимости опираться на содержание, которого лишён слог. Кроме того, поскольку границы слогов редко выполняют дистинктивную функцию, они, как правило, интуитивно не осознаются и поэтому устанавливаются с трудом. Границы слогов мы обычно уясняем только тогда, когда уже хотя бы в общих чертах знаем инвентарь фонем и важнейшие закономерности структуры их групп. В науке, как и в жизни, окольный путь иногда бывает более подходящим, чем прямой.

§ 32. Слова могут различаться:

а) количеством слогов: *kavà* ‘кофе’ : *kakavà* ‘какао’, *sukaĩ* ‘(я) крутил’ : *susukaĩ* ‘(я) скрутил’, *tà* ‘та’ : *tatà* ‘тятя, папа’;

б) расположением слогов: *kasù* ‘копаю’ : *sùka* ‘крутит’, *lèkiaĩ* ‘(я) летел’ : *kiaĩlè* ‘свинья’, *likìmas* ‘судьба’ : *kìlimas* ‘ковёр’, *pakišaiĩ* ‘(я) подсунул’ : *pašaiĩki* ‘позови’, *sūrù* ‘солёно (neutrum)’ : *rùsu* [r°ùs°u°] ‘русских (Gen. Pl.)’;

---

⁴¹ Дескриптивистам, стремящимся к методической «чистоте», по крайней мере в теории приходится искать интонационные контуры в высказываниях, фонемный состав которых ещё неизвестен (см., напр., [Harris 1963: 45–58]). Трудно поверить, что такой методикой можно руководствоваться на практике.

с) качеством слогов (фонемами, иногда слоговыми интонациями, или тонами): *ã-ko* ‘(он) слепнул’ : *dỹ-ko* ‘пустого’ : *laũ-ko* ‘поля’ : *aũ-šo* ‘светало’ : *áu-šo* ‘(он) остывал’;

d) акцентуацией: *apsùpti* ‘окружить’ : *apsuptì* ‘окружённые’, *dōros* ‘честные (Nom. Pl. f.)’ : *dorōs* ‘честной (Gen. Sg. f.)’, *gìria* ‘хвалит’ : *girià* ‘лес’.

Слоги могут различаться:

a) количеством фонем: *krìs* ‘будет падать’ : *krìsk* ‘падай’, *tà* ‘та’ : *tàt* ‘это’;

b) порядком следования фонем: *at-kùs* ‘поправится’ : *ta-kùs* ‘тропы (Acc. Pl.)’, *kal-bé-ti* ‘говорить’ : *kla-bé-ti* ‘брякать’, *lìps* ‘будет лезть’ : *plìs* ‘будет распространяться’, *pa-krìs* ‘упадёт’ : *pa-rìsk* ‘подкати’, *tóks* ‘такой’ : *stók* ‘стой’;

с) качеством фонем (дифференциальными признаками): *tàs* ‘тот’ : *kàs* ‘кто; что’ («переднеязычный» : «заднеязычный»), *tù* ‘ты’ : *dù* ‘два’ («глухой» : «звонкий»), *tà* ‘та’ : *tã* [tã·] ‘ту’ («краткий» : «долгий»);

d) слоговыми интонациями, или тонами (только в некоторых случаях): *gìnk* ‘защищай’ : *giñk* ‘гони’, *šáuk* ‘стреляй’ : *šaiñk* ‘зови’, *rũkti* [r°ũ·kî] ‘дымиться’ : *rũgti* [r°ú·kî] ‘киснуть’.

§ 33. Те фонологические единицы, порядок которых может различать более крупные единицы и потому выполнять дистинктивную функцию, — слова, слоги, фонемы — являются линейными, а те единицы, порядок которых не выполняет такой функции, — интонация, ударение, слоговые интонации, дифференциальные признаки — являются симультанными, или нелинейными, единицами [Vachek 1937]. Линейные единицы представляют собой как бы звенья, сегменты звукового потока, поэтому они иногда и называются сегментными единицами (от лат. *segmentum* ‘кусочек, отрезок’; особенно этот термин любят американские фонологи, напр., [Hockett 1955: 74–75; Хэмп 1964: 187]). Симультанные единицы самостоятельно не существуют: они реализуются только вместе с линейными, или сегментными, элементами (отсюда и их название, ср. лат. *simul* ‘сразу, вместе’, фр. *simultané* ‘одновременный’). Интонация образована определёнными модификациями слов; слоговая интонация, или тон, представляет собой определённую модуляцию динамики, мелодики и долготы звуков слога, особенно его центра.

§ 34. Те симультантные (нелинейные) единицы, которые характеризуют не одну фонему, а более крупные элементы — слог, слово, предложение или вообще какое-либо сочетание, — образуют класс суперсегментных единиц (лат. *super, supra* ‘вверху, выше’) ⁴² [Lehiste 1970: 1; Хэмп 1964: 215 и указ. лит.; Панов 1979: 16–18]. Суперсегментные элементы слога, слова и предложения — слоговые интонации (тоны), акцентуация, интонация и др. — называются просодическими единицами или просодемами (греч. *προσῳδία* ‘ударение, акцент’ ← *πρόσ* ‘около, рядом’, *ῳδή* ‘пение, песнопение’; кальками этого термина являются лат. *accentus* ‘ударение’ ← *ad* + *cantus* и лит. *priegaidė* ‘слоговая интонация’ ← *priẽ* + *gaidà*) [Мартине 1963: 432f.; Hammarström 1966: 33f.]. Раздел фонологии, изучающий просодические единицы, называется просодия ⁴³.

Термин *просодический*, к сожалению, имеет не только фонологическое, но и чисто фонетическое значение. Им часто называют такие не связанные с качественными различиями звуковые явления и признаки, как длительность произнесения, основной тон и сила голоса (или, иначе говоря, основная частота и интенсивность), — вне зависимости от того, выступают они в роли суперсегментных единиц или нет [Jakobson, Halle 1962: 478–482; Якобсон, Халле 1962: 247–252; Jakobson, Fant, Halle 1972: 13–14]. С другой стороны, роль фонологических просодических (т. е. суперсегментных) единиц в некоторых случаях могут выполнять и качественные (спектральные) фонетические явления (т. е. некоторые артикуляционные и тембральные свойства звуков, см., напр., § 218–221 и [Lyons 1968: 127–131 = Лайонз 1978: 141–144]). Поэтому, встретив термины *просодический признак* или *просодическое явление*, прежде всего следует выяснять, имеется в виду суперсегментная фонологическая единица или же некоторое фонетическое свойство.

§ 35. Теперь можно дать определение важнейшей фонологической единице — фонеме. Фонема (греч. *φώνημα* ‘голос; звук’) есть минимальная линейная единица плана выражения языковой системы (ср. [Trubetzkoy 1977: 34 = Трубецкой 1960: 42–43; Ва-

⁴² Ср. англ. *suprasegmental(s)* [Lehiste 1970]; лит. *supersegmentinis*. Для литовского термина лучше подходит продуктивная приставка *super-*, чем почти совсем неизвестная *supra-*, ср.: *superarbitras* ‘суперарбитр’, *supergigantas* ‘супергигант’, *superlaidumas* ‘сверхпроводимость’.

⁴³ Форма ранее использовавшихся литовских терминов *prosodinis, prosodija* ошибочна, см. [Girdenis 1977a]. (Должно быть *prozodinis, prozodija* — Прим. переводчика.)

хек 1967; Новак 1967]; об эволюции взглядов Пражской школы см. [Булыгина 1964: 59–61]). Дифференциальные признаки ещё меньше, но они не являются линейными элементами, поскольку их порядок не выполняет дистинктивной функции.

Это определение фонемы, восходящее к Н. С. Трубецкому (и отчасти к Л. В. Щербе), ни в коем случае не является единственно правильным или единственно возможным. Существует множество всяческих определений фонемы, подчёркивающих разные аспекты этого понятия⁴⁴ (ср. ещё [Матусевич 1948: 11; Щерба 1955: 19; 1974: 116, 121; Зиндер 1979: 42]); анализ различных трактовок понятия см. [Реформатский 1960: 342–344 и указ. лит.; Климов 1967: 25f.; Steponavičius 1978]); некоторые дескриптивисты вообще избегают определений — довольствуются простыми операционными описаниями⁴⁵.

Большое разнообразие определений объясняется тем, что исследователи сосредоточивают своё внимание на различных аспектах данного понятия. И в этом отношении фонема не является каким-либо исключением: очень по-разному определяются и другие основополагающие понятия языкознания — морфемы, слова, предложения⁴⁶. Однако обилие и даже противоречивость⁴⁷ опре-

---

⁴⁴ Из них совершенно неудачными следует считать, можно сказать, только те, в которых фонемы пытаются определить как знак (см. § 29, сн. 36) или звук. Что фонемы не могут быть знаками, ясно из сказанного выше, а отношения фонем и звуков очень сложны и противоречивы (см., напр., [Жинкин 1958: 108; Бондарко 1981: 45–50 et passim]).

⁴⁵ Например, К. Пайк, один из самых неортодоксальных представителей этой школы, вместо того, чтобы дать определение фонеме, указывает лишь процедуры, с помощью которых она выявляется [Pike 1947: 57–58, 53] (ср. [Глисон 1959: 41, 60, 237; Swadesh 1972]).

⁴⁶ Уже в 1936 г. было известно около 140 различных определений предложения [Бюлер 1960а: 27–28]. Интересно, что самое старое определение — Дионисия Фракийского (170–90 г. до н. э.) — до сих пор сохраняется в наших школьных учебниках.

⁴⁷ Противоречия разных определений и концепций фонемы особенно тонко раскрыла Г. В. Воронкова [1981: 5–40]. Только следует, к сожалению, сказать, что в её книге в некоторых случаях не делается чёткого различия между логическими и диалектическими (в смысле логики Гегеля) противоречиями: противоречивы могут быть сами явления и определяющие их понятия.

делений совсем не мешает плодотворно (и, главное, почти однозначно, см. [Жинкин 1958: 107–108]) пользоваться этими понятиями. По-видимому, такие исходные элементы и единицы постулируются и принимаются как своего рода аксиомы, которые верифицируются (подтверждаются или отбрасываются) всей структурой и всем развитием науки, — значение определений здесь совсем невелико (если они вообще что-либо значат).

§ 36. Помимо фонем и просодем, в предложениях и словах могут также встречаться своеобразные единицы, называемые открытыми стыками или переходами [Глисон 1959: 80–81; Матвеева 1966], а иногда дизремами [Панов 1967: 167ff.] (англ. *open juncture* [Trager, Bloch 1972: 73ff.; Moulton 1947; Pike 1947: 161ff.; Hockett 1955: 51–53, 59f., 167–172; Lehiste 1960; Harris 1963: 79–89]). В работах Пражской школы им приблизительно соответствуют афонематические пограничные сигналы Н. С. Трубецкого (нем. *aphonematische Grenzsignale* [Trubetzkoy 1977: 244 = Трубецкой 1960: 302–306]). Открытые стыки имеют место в таких позициях, в которых смежные фонемы произносятся так, словно они не находятся рядом. Например, в северножемайтских говорах перед мягкими согласными и /j/ все согласные смягчаются (палатализуются), но иногда в такой позиции оказываются и твёрдые согласные, напр.: *bâlt-mîškîs* «*Bâltmiškîs*» ‘Балтмишкис (фамилия)’*, *sê.l.k-jîêdis* «*silčkêdis*» ‘селёдкоед, любитель селёдки’. Смягчению согласных здесь препятствует открытый стык /+/, находящийся между группами согласных *-lt-*, *-lk-* и *-m-*, *-j-* (ср. [Strimaitienė, Girdenis 1978: 61 (= Girdenis 2000c: 122)]). Противоположностью открытого стыка является закрытый стык — нормальная реализация соединений фонем в сходных условиях.

Открытый и закрытый стык предопределяют и различие таких слов как с.-жемайт. *nebêrs* (= /neb+êrs/) «*nebeiřs*» ‘больше не будет разрушаться’ : *nebêrs* (= /nebêrs/) «*nebiřs*» ‘не будет сыпаться’, *nebriêš* (= /neb+riêš/) «*neberêš*» ‘больше не будет резать’ : *nebriêš* (= /nebrîeš/) «*nebrêš*» ‘не будет чертить’ [Kliukienė 1983]. Типы стыка так же различают нем. *Kuhchen* ['ku:çən] ‘коровка’ (= /'ku:+xən/) и *Kuchen* ['ku:xən] (= /'ku:xən/) ‘пирожное’ [Ungeheuer

---

* Фамилия представляет собой сложное слово: *balt-* ‘белый’ и *mišk-* ‘лес’. (Прим. переводчика.)

1969: 38–39; Pulgram 1970: 123–124; Philipp 1974: 36–37; Meinhold, Stock 1982: 133–134], рус. к *Ípe* [kír'i^é] (= /k+ír'e/) и *Kúpe* [k'ír'i^é] (= /kír'e/) (примеры А. А. Реформатского [1957]⁴⁸; см. также [Linell 1979: 98]). В венгерском языке открытый стык, находящийся между компонентами сложного слова, прерывает цепочку сингармонизма (ср. § 23), напр.: *nyak(-)kendő* ‘галстук = *шейный платок’, *török(-)búza* ‘кукуруза = *турецкая пшеница’ [Майтинская 1955: 64]; иногда в северножемайтских тельшяйских говорах таким же образом прерывается «волна» регрессивной ассимиляции гласных, напр.: *pòsprûot^îs* «*pùsprotis*» ‘полоумный’ (Моседис; но ср. *pùsprûot^îs*, Тиркшляй), *šq̇.n.šû^îd^îs* «*šunšūdis*» ‘собачий помёт’ (Моседис, Тиркшляй) [Girdenis 1968c: 143 (= Girdenis 2000b: 335)]. Как видно, открытый стык во всех случаях меняет позицию фонем, поэтому они и могут произноситься иначе, чем тогда, когда находятся рядом (ср. § 62–67).

В литовском литературном языке достаточно чётким сигналом открытого стыка является бóльшая длительность некоторых сочетаний согласных. Например, в слове *at-riñkti* ‘выбрать’ сочетание [t+r̃], как правило, более длительное, чем в слове *pa-triñkti* ‘помыть’*, так как в первом случае между согласными вставляется дополнительная фонологическая единица, открытый стык, и звуки, реализующие фонемы, сливаются не так сильно (напр., [t] является не альвеолярным, как [r̃], а зубным) [Girdenis, Strimaitienė 1978 (= Girdenis 2000c: 121ff.)]. Сходные явления наблюдаются в случаях межсловных (внешних) открытых стыков [Strimaitienė 1983].

Открытые стыки всегда совпадают с какими-либо морфологическими границами — они помогают разделить соседние слова, отделить префиксы от корней, одни компоненты сложных слов от других и т. д. Важнейшей функцией открытых стыков является, без сомнения, делимитативная, но косвенно они могут играть второстепенную дистинктивную роль. Однако эта функция не является очень существенной и постоянной: открытый стык — это

⁴⁸ Сам А. А. Реформатский не находит здесь никакого открытого стыка: этими примерами он хотел доказать, что фонемы могут иметь варианты, которые определяет не фонетическая, а морфологическая позиция.

* В примерах дефисами отделены приставки. (Прим. переводчика.)

показывают и наблюдения литовских лингвистов — реализуется лишь факультативно⁴⁹ (чаще всего в высказываниях, произносимых полным стилем речи (*lento*); ср.: [Pulgram 1970: 112–124; Strimaitienė, Girdenis 1978: 68 (= Girdenis 2000c: 128)]).

Отождествлять открытые стыки со слоговыми границами, как предлагает Э. Пулгрэм [Pulgram 1970: 111ff.], невозможно, поскольку, например, в рус. к *Йре*, к *этой* и т. п. сочетания [кы], [кѐ] (с твёрдым [к]) принадлежат одному и тому же слогу.

---

⁴⁹ Как, кстати, и многие другие трудно уловимые фонологические явления (ср. § 66). Как ни странно, множество современных языковедов забыли программные идеи предшественника и основателя Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса о потенциальности (т. е. факультативности) языковых явлений [Mathesius 1912 = Матезиус 1967].

II. МЕТОДИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ ФОНЕМ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 37. Ни фонемы, ни другие фонологические единицы нельзя идентифицировать при помощи каких-либо приборов. Не могла бы их обнаружить и сегментация магнитофонных записей связной речи: даже идеально точно и чисто вырезанные фрагменты речевых актов не смогут быть представителями единиц системы языка (см., напр., [Дукельский 1962: особенно 136ff.]). Во-первых, в таких механически выделенных звуках будут зафиксированы не только признаки, общие и значимые для всего языкового коллектива, но и много различных совершенно индивидуальных черт, характеризующих конкретного говорящего и конкретные обстоятельства речевого акта. Во-вторых, в этих звуках будет скрыто немало таких особенностей, которые функционально принадлежат не им самим, а соседним или произносимым совместно с ними другим фонологическим единицам: находящимся рядом открытым стыкам и фонемам, отрезкам суперсегментных единиц, встретившихся в соответствующих местах высказывания (ударения или его отсутствия, фразовой интонации), а также общей экспрессивной окраске высказывания. Звуковые «представители» фонологических единиц всегда испытывают влияние других фонологических единиц, произносимых рядом или совместно; в речевых актах они очень плавно переходят друг в друга. Речевой поток является почти непрерывным, недискретным явлением, совсем не похожим на печатный или даже рукописный текст (см., напр., [Saussure 1967: 145–146 = Соссюр 1977: 136; Bloomfield 1935: 76–78 = Блумфилд 1968: 74–76; Harris 1963: 25; Климов 1967: 35–36; Lyons 1968: 100, 103 = Лайонз 1978: 115,

118; Воронкова 1981: 43 и указ. лит.])¹. Огромное модифицирующее влияние на фонологические единицы (как на отдельные фонемы, так и на целые высказывания) оказывает известная «неправильность» органов речи. Даже самое короткое высказывание, даже самый малый его элемент при повторении будет каждый раз звучать всё по-новому даже в устах одного и того же говорящего. Эту неодинаковость легко зафиксировать приборы; потренировавшись или просто хорошо сконцентрировавшись, её можно услышать и «невооружённым» ухом. Следовательно, каждый речевой акт как физическое явление представляет собой абсолютно уникальное, никогда не повторяющееся и человеческими органами речи не повторимое событие². Вслед за древнегреческими диалектиками мы могли бы сказать, что нельзя дважды произнести совершенно идентичное слово или звук.

§ 38. Если бы люди одинаково реагировали на все физические различия и признаки звуков, воспринимаемые слухом и фиксируемые приборами, язык не мог бы функционировать как система немотивированных знаков, поскольку в нём не было бы устойчивых единиц выражения, позволяющих фиксировать содержание и передавать его другим членам языкового коллектива. Язык существует только потому, что люди на некоторые в физическом отношении различные звуки или их комплексы реагируют так, словно они совершенно одинаковы (см. [Bloomfield 1935: 78

---

¹ Другое (только вряд ли убедительное) мнение см. [Фант 1964: 23 (ср., однако, 199); Григорьев 1965: 125] — сторонники этой точки зрения опираются на тот факт, что в спектрограммах часто есть довольно чёткие сегменты. На это можно найти обоснованные возражения. Во-первых, дискретность видимого на спектрограммах изображения отчасти создают сами приборы, поскольку все они (даже специально приспособленная для этого ЭВМ) анализируют звуковые сигналы, квантованные на дискретные промежутки времени (0,004, 0,02 сек. и т. п.). Во-вторых (и это главное), наблюдаемые на спектрограммах сегменты даже в самом отчётливом случае соответствуют не «чистым» фонемам, а звукам, содержащим информацию не только о «себе», но и о предыдущих, последующих и совместно произносимых «соседях» (ср. [Бондарко 1981: 45], а также [Подлужный 1980: 8ff.]).

² Ср. «Es gibt keine zwei Laute, die völlig identisch sind» ‘Нет двух звуков, которые были бы полностью идентичными’ [Meinhold, Stock 1982: 23] (ср. [Muljačić 1973: 31]).

= Блумфилд 1968: 76; Hockett 1955: 144–145]). Например, все литовцы одинаково поймут предложение *Už upės pasiródė kalvą* ‘За рекой показался холм’, независимо от того, произнесёт ли его ребёнок, женщина, разговаривающая сопрано, или мужчина с низким голосом, хотя эти речевые акты будут отличаться друг от друга множеством очень ярких признаков, — и не только поймут, но и будут считать одним и тем же предложением. Совершенно так же каждый литовец отреагировал бы и на последнее слово данного предложения *kalvą* ‘холм’, произнесённое отдельно разными людьми. Для всех это будет одно и то же слово, хотя оно и прозвучит по-разному. Однако достаточно мелочи, замены одного согласного, и мы получим высказывание *Už upės pasiródė galvą* ‘За рекой показалась голова’, которое ни один нормально слышащий литовец не посчитает повторением первого предложения, как бы мы ни старались как можно точнее воспроизвести своё прежнее произношение. Реакция людей не изменилась бы даже в том случае, если бы мы записали произношение первого предложения на магнитофонную ленту и на ней вместо слова *kalvą* ‘холм’ тщательно вклеили бы слово *galvą* ‘голова’, произнесённое тем же самым человеком аналогичным тоном и темпом (или даже вместо слога [kaɫ] — слог [gaɫ])³, — всё равно полученное высказывание будет воспринято и оценено как другое предложение, а не как повторение первого высказывания (конечно, если этому не помешает конкретный контекст, ср. [Meinhold, Stock 1982: 19]).

Итак, люди часто бывают как бы глухи к очень ярким звуковым различиям и признакам, но в то же время чутко реагируют на незначительные изменения звуков. И эта реакция меняется не постепенно, а определёнными дискретными скачками, ни в малейшей мере не пропорционально величине и яркости звукового различия. Даже если нам как-нибудь и удалось бы произнести звук, равно похожий на [k] и [g], то мы бы не получили слов, которые по своему содержанию занимали бы промежуточное положение между словами *kalvą* ‘холм’ и *galvą* ‘голова’ или *kāras* ‘война’ и *gāras* ‘пар’ — выражали бы нечто общее их семантике.

---

³ Такую «вклейку» можно произвести теперь ещё более красиво и гладко с помощью компьютера со специальной программой.

Каждое такое произнесение будет воспринято либо как то же самое слово, либо как другое — понятное или непонятное: здесь, как и в классической двузначной логике, *tertium non datur*.

Эта своеобразная реакция людей на подобные звуковые различия речевых актов является одной из ярчайших особенностей любого языка. Эту особенность нужно считать и важнейшей предпосылкой фонологических исследований (ср. [Sapir 1949: 45–46 = Сэпир 1993: 59–60; Мартине 1960: 206–207; Harris 1963: 27]). Фонология в бесконечном разнообразии звуков речи как раз и ищет те дискретные звуковые единицы, которые могут различать высказывания и слова таким образом, что носители данного языка или диалекта реагируют на них как на различающиеся и выражением, и содержанием.

2. ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФОНЕМ

§ 39. Первая и основная задача фонолога состоит в том, чтобы установить, или идентифицировать, фонемный инвентарь исследуемого языка или диалекта — список таких минимальных линейных звуковых единиц, при замене которых друг на друга меняется предметное содержание слов и высказываний⁴.

Различают парадигматическую и синтагматическую идентификацию фонем. Цель парадигматической идентификации — определить, какие отдельно взятые звуки речевых актов соответствуют различным фонемам и которые из них являются вариантами одних и тех же фонем. Синтагматическая идентификация выясняет, в каких случаях некоторые «подозрительные» звуки и

---

⁴ О связи фонологических различий с различиями в содержании говорил ещё Ф. де Соссюр [Saussure 1967: 145, 163–164 = Соссюр 1977: 136, 151]. Л. Блумфилд утверждал то же самое — и в этом отношении сильно отличался от своих последователей [Bloomfield 1935: 78 et passim = Блумфилд 1968: 75 et passim]. Э. Сэпир был убеждён в психической реальности фонологических единиц, поэтому считал, что их могут установить носители языка, опираясь исключительно на своё языковое чутьё [Sapir 1949: 54–56 = Сэпир 1993: 66–67].

их комплексы следует считать отдельными самостоятельными фонемами, а в каких — сочетаниями фонем.

А) СУБСТИТУЦИЯ И КОММУТАЦИЯ

§ 40. Парадигматическая идентификация фонем начинается с так называемого теста на субституцию (от лат. *substituo* ‘заменяю’; см. [Harris 1963: 29ff.; Heike 1972: 29; Meinhold, Stock 1982: 67], о приемлемости метода — [Воронкова 1981: 87–89]).

Суть теста следующая. Анализируемые звуки заменяются один другим в одинаковом звуковом контексте⁵, и выясняется, как на такое изменение отреагируют информанты — люди, хорошо владеющие исследуемым языком или диалектом. Если видоизменённое таким образом слово информанты воспринимают как повторение исходного слова, то анализируемые звуки следует считать факультативными (лат. *facultas* ‘свободная возможность’), или свободными, вариантами одной фонемы (или группы фонем) [Trubetzkoy 1977: 42–44 = Трубецкой 1960: 53–55; Глисон 1959: 229–230; Harris 1963: 29ff.]. Например, если в вышеупомянутом литовском слове *kalvà* ‘холм’ первый согласный [k] произнести с очень сильной оттяжкой языка назад, мы получим звуковой комплекс [k̠alvà], отличающийся необычайно низким тембром первого слога. Без всякого сомнения, [k̠] является иным звуком, чем «нормальный» [k], но информанты-литовцы такое произношение оценят как то же самое слово *kalvà* ‘холм’ (хотя, наверное, и обратят внимание на необычность произношения). Из этого нам придётся сделать вывод, что «глубокий» [k̠] и естественный [k] являются факультативными вариантами одной и той же фонемы, т. е. что с фонологической точки зрения [k̠] = [k]. Информанты точно так же отреагировали бы, если, например, [s], произносимое в начале слова *sãko* ‘говорит’, заменить более долгим аналогично произносимым согласным: у нас получилось бы произношение [s.ã·k°o·] или [s·ã·k°o·], которое информанты тоже

---

⁵ Идентичность или неидентичность контекста, позиции не может быть абсолютной. Решение в конечном счёте остаётся за носителями исследуемого языка — их мнение здесь самое важное.

оценили бы как одно и то же слово. Следовательно, [s] = [s.] = [s'] являются факультативными вариантами одной фонемы.

§ 41. Может показаться, что факультативные варианты всегда различаются лишь очень трудно уловимыми звуковыми нюансами. Однако подобное мнение — только акустическая иллюзия, возникающая из-за того, что мы с малолетства привыкли не реагировать на такие признаки, которые различают не фонемы, а их варианты. Иная ситуация в тех случаях, когда какой-нибудь человек использует факультативный вариант, сильно отклоняющийся от языковой нормы, так называемый *звуковой суррогат* [Трубецкой 1960: 29] (нем. *Lautersatz* [Trubetzkoy 1977: 23]). Носители литовского языка легко отличают увулярный [r], употребляемый некоторыми людьми, от переднеязычного [r], употребляемого большинством литовцев, поскольку произношение [krã·paì] «*krãpai*» ‘укроп’, [rã·štas] «*rãštas*» ‘грамота’ нарушает нормы литовского произношения. А вот в немецком языке [r] и [r] являются, по существу, совершенно равноценными факультативными вариантами: современная норма этого языка позволяет слова *grün* ‘зелёный’, *Kranich* ‘журавль’, *Rabe* ‘ворон’ и др. произносить и [gry:n], ['kra:niç], ['ra:bə], и [gry:n], ['kra:niç], ['ra:bə] (см., напр., [Siebs 1969: 84–86]). Согласные [r] и [r] звучат весьма различно, но для носителей языка это одна и та же фонологическая единица. Сходная ситуация во французском языке, только там переднеязычный [r] уже оценивается как некий фонетический провинциализм. Элегантная парижская норма отдаёт предпочтение увулярному [r], т. е. произношению [rɔ̃mɛ̃rɔ'lã] *Romain Rolland* ‘Ромэн Роллан’, [travajə'rɔ̃] *travaillerons* ‘будем работать’ [Щерба 1955: 257].

Очень яркие факультативные варианты встречаются и в литовских диалектах. Например, в приграничных южноаукштайтских (так называемых дзукских) говорах (в Варенском районе и др.) звуки [k̂], [k̂], [t̂] и [ĝ], [ĝ], [d̂] могут свободно заменять друг друга в любом слове [Savičiūtė, Vitkauskas 1976; Dovydaitis 1978 и указ. лит.]. Старшие представители этих говоров на такую замену не реагируют: они одни и те же слова могут произносить и как *k̂a·uras* «*kiáuras*» ‘дырявый’, *k̂itas* «*kitas*» ‘другой’, *k̂ikras* «*tikras*» ‘настоящий’, *ĝi·vas* «*gyvas*» ‘живой’, *ĝi·ĝau* «*gydžiau*», ‘(я) лечил’, и как *t̂a·uras*, *t̂itas*, *t̂ikras*, *d̂i·vas*, *d̂i·d̂au*. Следовательно, [k̂], [k̂], [t̂] и [ĝ], [ĝ], [d̂] в этих говорах — факультативные варианты двух фонем (мы могли бы их обозначить /K̂/ и /Ĝ/), а не отдельные шесть или четыре фонемы (ср.

[Girdenis 1979b (= Girdenis 2000c: 130ff.) и указ. лит.]⁶). Сходная ситуация наблюдается и в северной части западноаукштайтских шяуляйских говоров. Здесь в некоторых местах окрестностей Жагаре безразлично употребляются свистящие, шипящие, своеобразные «шепелявые» ретрофлексные промежуточные звуки типа [š ž] и соответствующие аффрикаты: говорят и *sá.sas* «šášas» ‘струп’, и *šá.šas*, и *šá.šas* (последний вариант произношения, пожалуй, самый частый, см. [Girdenis, Pabrėža 1978 (= Girdenis 2000c: 117ff.)]; о похожих явлениях в других языках см. [Якобсон 1962b: 410; Malmberg 1971: 349–352]; о типологии «шепелявой» артикуляции — [Серебрянников 1974: 285]. Другие литовцы на описанные колебания смотрят как на недисциплинированное употребление звуков, путаницу в них, но на самом деле здесь мы видим факультативные варианты таких фонем, для которых свистящее или шипящее произношение является несущественным признаком: [š] = [š̥] = [s], [ž] = [ž̥] = [z]. Точно установить место этих так по-разному произносимых звуков в системе диалекта позволяет только метод субституции: поскольку информанты не отличают произношения [àš] «àš» ‘я’ от [às] и [àš], [vîšt̥] «vîsti», ‘размножаться’ — от [vîšt̥] и [vîšt̥̥], [žó·l̥é·] «žolė» ‘трава’ — от [zó·l̥é·] и [žó·l̥é·], в данных словах мы имеем только три, а не шесть или девять фонем⁷.

§ 42. Тест на субституцию, выполненный только для одного-двух слов, недостаточен для окончательного решения: он только позволяет выдвинуть рабочую гипотезу о том, что некоторые чуть по-разному произносимые и неодинаково звучащие звуки могли бы быть факультативными вариантами одной фонемы. Такая гипотеза обязательно должна быть проверена на разнообразных примерах. В языке могут встретиться несколько пар слов, план выражения которых отличается одной фонемой, а план со-

---

⁶ Кроме работ, указанных в этой статье, напр., [Чэжман 1970: 25, 29, 105, 139ff.; Калнынь 1961: 66; Касаткин 1968: 6], см. также [Kolsrud 1974: 102 (о совпадении *kj* : *tj* и *gj* : *dj* в норвежских говорах); Kruszewski 1967: 89]. Особенно заслуживает внимания работа Н. В. Крушевского, впервые опубликованная в 1883 г.: оказывается, такие изменения, как рус. диалект. *кисть* → *тисть*, *гúря* → *дúря* были известны языковедам более ста лет назад! См. также [Girdenis 1998a (= Girdenis 2001: 401f.)]. Кроме того, стоит прибавить, что это разнообразие вариантов может хотя бы отчасти «опираться» на неточные наблюдения: весьма вероятно, что во всех упомянутых случаях произносятся просто палатальные [t̟ d̟], которые по-разному слышат исследователи.

⁷ Мы наблюдали это вместе с Юозасом Пабрежей и Бонифасом Стунджей в окрестностях Жагаре во время комплексной экспедиции краеведческого клуба Вильнюсского университета «Рамува» в 1975 г.

держания полностью совпадает [Harris 1963: 39; Зиндер 1979: 46], ср.: лит. *kūbrỹs* = *gūbrỹs* ‘хребет’, *klérti* = *glérti* ‘расшатываться’⁸, рус. *кало́ша* = *гало́ша*. Опираясь на такие примеры, мы могли бы сделать поспешный вывод, что лит. [k°] = [g°], а также что лит. и рус. [k] = [g], т. е. что данные звуки являются факультативными вариантами одной фонемы. Однако анализ более многочисленных фактов показал бы необоснованность такого заключения. Если заменить первые согласные литовских слов *gùrti* ‘крошиться’, *glóstyti* ‘гладить’ на [k°] и [k], мы получим слова с другим значением *kùrti* ‘разжигать’, *klóstyti* ‘расстилать’; если выполнить ту же операцию с русским словом *год* [gət], то мы получим звуковой комплекс [kət], имеющий значение ‘кот’ или ‘код’. Следовательно, факультативными вариантами можно считать только те звуки, которые свободно заменяют друг друга во всех словах.

§ 43. Если, заменяя один звук слова на другой, мы получаем сочетание звуков, которое информанты воспринимают как слово с другим значением, то исследуемые звуки являются не факультативными вариантами, а представителями различных фонем [Trubetzkoy 1977: 44 = Трубецкой 1960: 55; Фант 1964: 21; Степанов 1975b: 73ff.] (ср. [Hockett 1955: 144–145; Harris 1963: 32–33]⁹). Например, заменив в словах *kalvà* ‘холм’, *kāras* ‘война’, *kaléti* ‘сидеть в тюрьме’ согласный [k] на [g], мы получаем слова с совсем другим значением *galvà* ‘голова’, *gāras* ‘пар’, *galéti* ‘мочь’. Это доказывает, что [k] и [g] в литовском языке выполняют дистинктивную функцию и являются представителями двух самостоятельных фонем. Тот же самый результат получится при замене друг на друга огубленных звуков типа [k°] и [g°] в таких контекстах как [—úft̪i], [—ùšt̪i]: слова *kùrti* ‘разжигать’ и *gùrti* ‘крошиться’, *kùsti* ‘поправляться’ и *gùsti* ‘приучаться’ имеют различное значение, поэтому с фонологической точки зрения [k°] ≠

⁸ К таким парам не относятся слова типа *glėbỹs* = *klėbỹs* ‘охапка’, поскольку они не являются синтопическими фактами языка (*klėbỹs* — слово жемайтского диалекта, а не литературного языка).

⁹ Совершенно безнадёжными кажутся усилия некоторых дескриптивистов выявлять фонемы, совсем не опираясь на значение (см. также [Pike 1947: 81 et passim], ср. [Глисон 1959: 49]). Критический анализ таких попыток см. [Fischer-Jørgensen 1956: 143–145; 1975: 81; Арутюнова, Климов, Кубрякова, 1964: 217ff.].

[g°]. Сходным образом можно доказать, что [š] ≠ [ž] (ср. *šalià* ‘рядом’ : *žalià* ‘зелёная’), [š°] ≠ [ž°] (*šuõlis* ‘прыжок’ : *žuõlis* ‘шпала’), [s] ≠ [š] (*sãkè* ‘(он) говорил’ : *šãkè* ‘вилы’, *svarùs* ‘веский’ : *švarùs* ‘чистый’), [s°] ≠ [š°] (*susùkti* ‘скрутить’ : *sušùkti* ‘воскликнуть’), [t] ≠ [d] (*tãrè* ‘(он) произнёс’ : *dãrè* ‘(он) делал’, *tarnùs* ‘слуг (Асс. Pl.)’ : *darnùs* ‘гармоничный’, *tvarùs* ‘устойчивый’ : *dvarùs* ‘усадыбы (Асс. Pl.)’), [t°] ≠ [d°] (*tù* ‘ты’ : *dù* ‘два’, *tũris* ‘объём’ : *dũris* ‘укол’), [t̂] ≠ [d̂] (*tiek* ‘столько’ : *diek* ‘сажай; внедряй’, *tilti* ‘умолкать’ : *dilti* ‘сглаживаться’).

Во всех этих случаях при замене одного звука на другой получаем такое слово, которое от прежнего отличается только одним звуком, но имеет совсем другое значение. Такие минимально различающиеся слова с разным лексическим или грамматическим значением называются квазиомонимами (лат. *quasi* ‘словно’) [Щерба 1955: 56, сн. 3; Зиндер 1979: 69] либо минимальными парами (англ. *minimal pairs* [Hockett 1955: 212–213; Глисон 1959: 49]; ср. [Степанов 1975b: 73]). Кроме уже упомянутых, можно привести и больше подобных пар, ср.: *pylà* ‘вал, насыпь’ : *bylà* ‘дело’, *plãkè* ‘(он) сёк, бил’ : *blãkè* ‘клоп’, *pókštas* ‘шутка’ : *bókštas* ‘башня’ ([p̂] ≠ [b̂], [p] ≠ [b], [b°] ≠ [p°]), *kàs* ‘кто; что’ : *tàs* ‘тот’, *kuriù* ‘разжигаю’ : *turiù* ‘имею’, *kẽpalas* ‘буханка’ : *tẽpalas* ‘мазь’, *jók* [jók°] ‘скачи верхом’ : *jót* [jót°] ‘скакать верхом’ ([k] ≠ [t], [k°] ≠ [t°], [k̂] ≠ [t̂] [k°] ≠ [t°]), *laikyti* ‘держат’ : *raikyti* ‘нарезать (хлеб)’, *lũsis* ‘рысь’ : *rũsis* ‘сорт’, *lẽkti* ‘лететь’ : *rẽkti* ‘кричать’ ([l̂] ≠ [r̂], [l°] ≠ [r°], [l̂] ≠ [r̂]).

§ 44. Некоторые лингвистические школы, например, глоссематика, минимальным парам уделяют особое внимание¹⁰ и опирающийся на них тест на субституцию называют специальным термином — коммутация [Ельмслев 1960a: 55; 1960b: 331; Fischer-Jørgensen 1956: 141; Koefoed 1967: 73ff.], ср. [Meinhold, Stock 1982: 67ff.; Мурат 1964: 142]; иногда говорят просто о методе минимальных пар [Перебийнис 1970: 10]. Коммутация (от лат. *commuto* ‘заменяю, вымениваю’) — это такая субституция, которая одновременно меняет и значение, и выражение: в случае [sã·k°·o·] = [s·ã·k°·o·] «*sãko*» ‘говорит’ мы имеем обычную субсти-

¹⁰ Существуют попытки обосновывать понятие и модель фонемы только минимальными парами (напр. [Успенский 1964]).

туцию, а в случае [kaɫvà] «*kalvà*» ‘холм’ ≠ [gaɫvà] «*galvà*» ‘голова’ — коммутацию; звуки, подлежащие взаимной коммутации, можно называть коммутабельными или коммутирующими звуками (ср. [Pilch 1964: 5]).

Без сомнения, минимальные пары — самый простой и очевидный способ доказать, что некоторые звуки или свойства звуков относятся к различным фонологическим единицам (ср. [Глисон 1959: 251]). Но в языках со сложной структурой слога и морфем такие пары не всегда легко обнаружить, особенно если мы хотим идентифицировать очень редкие фонетические единицы, например, такие как лит. [z] или [ž]. В подобных случаях приходится довольствоваться негативными результатами теста на субституцию. Если при замене одного звука другим получаем несуществующее, непонятное для информантов слово, то исследуемые звуки также следует считать не факультативными вариантами, а представителями различных фонем [Trubetzkoy 1977: 44 = Трубецкой 1960: 55] (см. также § 59 данной книги), ср.: *sùkti* ‘крутить’ : *zùkti ‘?’, *zylè* ‘синица’ : *sylè ‘?’, *gùčas* ‘хитрец’ : *gùdžas ‘?’¹¹. Конечно, перед тем, как прибегать к такой радикальной (и, к сожалению, не очень заслуживающей доверия — см. [Fischer-Jørgensen 1956: 147]) операции нужно выяснить, могут ли исследуемые звуки вообще употребляться в одной и той же позиции. Нельзя, например, начальный звук слова *kàs* ‘кто; что’ заменять на встречающийся только перед паузой аспирированный [k^ʰ] или [t^ʰ]: поступая так, мы получим не только несуществующие, но и вообще невозможные в литовском языке слова *[k^ʰàs], *[t^ʰàs] (ср. рус. *кот* и *кхом [Ахманова 1954: 14]), которые наиболее пронципальные информанты, скорее всего, посчитают подражанием иностранному акценту¹².

---

¹¹ Данные примеры выбраны неслучайно: достоверных минимальных пар, например, с [s] и [z] или [š] и [ž], очень мало, ср.: *sykiù* ‘разом, вместе’ : *zykiù* ‘хнычу’, *sirgti* ‘болеть’ : *zirgti* ‘поплакивать; гудеть’, *sveĩbti* ‘ломить, нить’ : *zveĩbti* ‘гудеть, жужжать’, *saiũkti* ‘протяжно кричать’ : *zaiũkti* ‘плакать’, но вряд ли найдётся много носителей литературного языка, которые активно употребляли бы все члены этих пар. Большую их часть даже трудно считать синтопическими фактами языка.

¹² Это делает невозможной предлагаемую Л. Ельмслевом «экспериментальную» (правильнее было бы говорить механическую) коммутацию, суть

В) ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ КОММУТАЦИЯ¹³

§ 45. Минимальные пары весьма желательны, но не абсолютно необходимы. Без них мы не можем обойтись только тогда, когда сталкиваемся с очень трудно уловимыми фонологическими и фонетическими явлениями, которые по-разному воспринимают различные исследователи и информанты. Чаще всего такие проблемы возникают в связи с исчезающими или только возникающими фонологическими элементами, носителями которых являются не все члены языкового сообщества. При идентификации таких нестабильных проблемных явлений недостаточно реакции и мнения одного информанта — приходится проводить более сложный фонологический эксперимент с группой аудиторов (лат. *audio* ‘слушаю’)¹⁴.

§ 46. Фонологический аудитивный эксперимент обычно выполняется следующим образом.

Прежде всего подбираются потенциальные пары слов (или словоформ, ср. § 27) и с ними составляется ряд несложных предложений, хорошо раскрывающих значение исследуемых слов. Предложения смешиваются в случайном порядке и записываются на листы бумаги. Порядок можно установить различными способами (например, бросая монету), но лучше всего пользоваться таблицами случайных чисел (см., напр., [Урбах 1975: 279], а также «Приложение 1» к данной книге (с. 356); случайные числа

которой — «пересадка» звуковых сегментов (отрезков магнитофонной записи или сигнала ЭВМ) в позицию других сегментов (см. сн. 27, а также [Fischer-Jørgensen 1956: 150; 1975: 130] и указ. лит.).

¹³ Данный термин употребляется здесь в ином значении, чем в работах Л. Ельмслева (ср. сн. 12).

¹⁴ Здесь кратко излагается методика аудитивных экспериментов, сформировавшаяся в Лаборатории экспериментальной фонетики Вильнюсского университета (с сентября 1994 г. — Кафедра экспериментальной фонетики (в настоящее время в составе Кафедры баллистики. — Прим. ред.)). Эта методика многократно использовалась на практике (см., напр., [Eidukaitienė 1977; Гаршва 1977с; Bukantis 1979; 1983; Kosienė 1979; 1982; Kosienė, Girdenis 1979 (= Girdenis 2000с: 141ff.); Каčiuškienė 1983; Гирденис, Качюшкене 1987 (= Girdenis 2000с: 327ff.); Remenytė 1992] и т. д.). В настоящее время большую часть подготовительных работ и статистической обработки данных можно выполнить на персональном компьютере.

может генерировать и ЭВМ). Найдя в таблице чётное число (напр., 3740, 3146), первым на экспериментальных листах записываем второй член минимальной пары, найдя нечётное число (напр., 3605, 2839), первым записываем первый член пары. Следующая пара упорядочивается по второму числу из таблицы, третья — по третьему и т. д. Такой способ гарантирует полную случайность порядка предложений.

Во время эксперимента один представитель исследуемого языка или диалекта — диктор (от лат. *dico* ‘говорю’)¹⁵, имея перед глазами подготовленные предложения и опираясь на их значение, несколько раз отчётливо произносит пары исследуемых слов в том порядке, в котором они записаны на бумаге. Цель аудиторов — установить, к каким предложениям относятся эти слова. Если правильно идентифицируется почти 100% слов, нет сомнения, что они различаются хотя бы одним фонологическим элементом. Если количество правильных и ошибочных ответов приблизительно 50%, можно считать, что аудиторы не слышат никаких различительных признаков и только предлагают случайные догадки (ср. [Harris 1963: 32–33]).

Особенно удобно проводить такие эксперименты с магнитофонными записями, поскольку в этом случае можно сделать много экземпляров одного и того же произношения и порядок слов менять не тогда, когда текст произносится, а во время монтирования экспериментальной ленты. Кроме того, при подобном проведении эксперимента один и тот же человек может быть и диктором, и аудитором, а это необычайно важно, если в распоряжении экспериментатора есть только один надёжный информант. Так удаётся достигнуть наибольшего единства условий эксперимента и избежать нежелательных внеязыковых контактов между диктором и аудиторами. Следовательно, если только позволяют условия, лучше всего экспериментировать с магнитофонными за-

---

¹⁵ В качестве дикторов лучше всего привлекать мужчин (если, конечно, есть из кого выбирать), так как звуки, произносимые высоким голосом, наш слух хуже распознаёт и различает. Мужские голоса особо предпочтительны тогда, когда те же самые данные предполагается использовать для спектрального анализа: высокие женские голоса мало пригодны для таких исследований, поскольку у них мало гармоник (см. [Lindblom 1962: 192; Ladefoged 1967: 81–82; Iivonen, 1970: 9, 30]).

писями. Однако при оценке этих результатов нужно помнить, что даже самая лучшая запись, сделанная на стационарном магнитофоне, несколько искажает звуковой сигнал и потому не может быть приравнена к естественной речи. Искажения в записях на портативных магнитофонах могут быть весьма значительными.

§ 47. Результаты аудитивных экспериментов почти никогда не бывают полностью однозначными, стопроцентными — даже если исследуются совершенно очевидные звуковые явления¹⁶. Поэтому во избежание субъективности результаты обязательно нужно оценить статистически — определить, значимо ли отличается число ответов от того возможного числа, которое получилось бы, если аудиторы выдвигали бы только совершенно случайные догадки, т. е. от 50%. Проще всего для этой цели пользоваться так называемым *u*-критерием, который вычисляется по формуле [Урбах 1975: 156]:

$$u = |\varphi - \varphi_0| \cdot \sqrt{n}$$

Символом *n* здесь обозначается общее количество ответов, φ — функция $\varphi = 2 \arcsin \sqrt{p}$, которую можно рассчитать или найти в специальных таблицах по проценту правильных ответов (см. [Урбах 1975: 285–287]; несколько сокращённый вариант — «Приложение 2» (с. 360), [Girdenis 1981a: 210–211]); φ_0 — та же самая функция, соответствующая 50-процентному критическому пределу (т. е. случайному угадыванию).

Полученное значение *u*-критерия сравнивается с критическими значениями¹⁷: $u_{0,05} = 1,96$, $u_{0,01} = 2,58$, $u_{0,001} = 3,29$. Если оно превышает $u_{0,01}$, можно с уверенностью утверждать, что исследуемые слова различаются неким фонологически значимым признаком, поскольку вероятность отсутствия различия в таком слу-

---

¹⁶ И, тем не менее, З. С. Харрис говорит только о 100-процентном и 50-процентном пределе, даже не рассматривая вопрос о том, как оценивать какой-нибудь промежуточный результат [Harris 1963: 32–33]. Множество исследователей пределы значимости (почти всегда — нереально высокие) устанавливают, что называется, на глазок (ср. [Magner, Matejka 1971: 95ff.]).

¹⁷ Работая на компьютере, нетрудно вычислить гораздо более надёжную вероятность различия, поэтому данные критические значения могут вовсе не потребоваться.

чае меньше, чем 0,01 (одна возможность из 100). С ещё большей уверенностью можно делать такой вывод, если получается $u > u_{0,001}$: в этом случае вероятность отсутствия различия была бы ниже 0,001 (т. е. одной возможности из 1000). Если, повторяя эксперимент несколько раз, всё время получаем $u < u_{0,05}$, то нам следует принять так называемую нулевую гипотезу (H_0), обозначающую идентичность исследуемых явлений, т. е. отсутствие фонологического различия. Когда получается $u_{0,05} < u < u_{0,01}$, то эксперимент продолжается до тех пор, пока не появятся более определённые результаты (т. е. $u > u_{0,01}$ или $u < u_{0,05}$).

При желании получить доказательства, не вызывающие ни малейшего сомнения, иногда целесообразно выбирать критический предел не в 50%, а в 67% (иначе говоря, рассчитывать φ_0 из 67%; ср. [Jensen¹⁸ 1961: 159–161; Пиотровский 1966: 37 и сн. 45]), то есть считать, что доказательную силу имеет только такой эксперимент, который даёт более 2/3 правильных ответов. Однако столь строгое требование имеет, можно сказать, лишь психологический смысл. Его стоит выдвигать только тогда, когда условия не позволяют экспериментировать с большим количеством аудиторов или когда проводится так называемое *experimentum crucis* — решающее исследование, которое должно окончательно решить застаревшую дискуссионную проблему.

§ 48. Оперативную оценку результатов аудитивных экспериментов очень облегчают таблицы, составленные с помощью компьютера по вышеупомянутой формуле (см. «Приложение 3», с. 362). Выбрав 50-процентный или 67-процентный критический предел, находим столбец, соответствующий общему числу ответов n , и число полученных правильных ответов n_1

---

¹⁸ М. К. Енсен говорит о трёх порогах различия звуков: 100–85% правильных ответов — явная оппозиция, 65–60% — отсутствие оппозиции, 85–65% — слабая («полуфонологическая») оппозиция [Jensen 1961: 155–166] (ср. также [Макаев 1964: 131]). Как показывает опыт, даже эти требования (вроде бы более мягкие, чем те, что упомянуты в сн. 16) чересчур строги: в большинстве случаев им соответствовали бы только идеальные аудиторы с безупречным слухом и вниманием, работающие в превосходных акустических условиях. Кроме того, здесь не учитываются стилистические и социолингвистические колебания плана выражения языка и тот простой факт, что фонологические отличия воплощаются в акустических признаках различной выраженности: одно дело, скажем, различие между [š] и [n], а совсем другое — например, между [w] и [v] или [e] и [e].

сравниваем с указанными в этом столбце критическими значениями. Если получается $n_1 \geq Z_{0,01}$, то эксперимент статистически значим; если $n_1 < Z_{0,05}$, то результат статистически незначим (u непременно будет ниже $u_{0,05}$). Если $Z_{0,05} < n_1 < Z_{0,01}$, то продолжаем экспериментировать. Как видим, здесь не нужно высчитывать ни проценты, ни u -критерий, поэтому таблицами очень удобно пользоваться при изучении различных диалектных фонологических явлений в полевых условиях (напр., [Bukantis 1983]). Например, получив 129 правильных ответов (n_1) из 220, в столбце таблицы, соответствующем $n = 220$, обнаруживаем, что данное число больше $Z_{0,05} = 125$, но несколько меньше $Z_{0,01} = 130$. Это сразу показывает, что эксперимент следует продолжать, т. е. следует собрать больше ответов. Если, продолжая экспериментировать, получим, например, 205 правильных ответов из 350, то эксперимент можно прекратить, поскольку $205 > Z_{0,01} = 200$, а это свидетельствует о статистически значимом различии¹⁹.

С) ДИСТРИБУЦИЯ

§ 49. Каждая фонологическая единица, установленная при помощи простого или экспериментального теста, связана с определённым звуковым контекстом — позицией. Например, лабиализованные $[k^\circ]$, $[g^\circ]$, $[\check{s}^\circ]$, $[\check{z}^\circ]$, $[t^\circ]$, $[d^\circ]$ мы встретим только перед гласными типа $[u^\cdot]$, $[u]$ и $[o^\cdot]$, нелабиализованные $[k]$, $[g]$, $[\check{s}]$, $[\check{z}]$, $[t]$, $[d]$ — только перед $[a^\cdot]$ и $[a]$, палатализованные (мягкие) $[\hat{d}]$, $[\hat{t}]$ встретятся только перед гласными $[i^\cdot]$, $[i]$, $[e^\cdot]$, $[e]$, $[e^\cdot]$ и другими мягкими согласными, аспирированные $[k^c]$ и $[t^c]$ можно ус-

---

¹⁹ Следует сказать, что отрицательные результаты аудитивных экспериментов не всегда свидетельствуют об отсутствии звукового (фонетического и, возможно, даже фонологического) различия. Как показали тонкие исследования Уильяма Лабова [Labov, Yaeger, Steiner 1972: 229; Labov 1978; Labovas 1994: 105ff.] (их обсуждение см. [Linell 1979: 41–42, 222 и указ. лит.]), информанты иногда могут не осознавать некоторых звуковых различий, хотя сами регулярно реализуют их в своих речевых актах. Убедительного фонологического толкования этого явления до сих пор не предложено, если, конечно, не рассматривать «генетической» гипотезы, утверждающей, что такие различия передаются из поколения в поколение в детстве, когда фонетический слух отличается особой чуткостью (ср. [Linell 1979: 42]).

лышать только в абсолютном конце слова (особенно перед паузой²⁰).

Все позиции, которые занимает звук или фонологическая единица, составляют её дистрибуцию (лат. *distribuo* ‘распределяю, раздаю’) [Harris 1963: 15–16; Pilch 1964: 28; Хэмп 1964: 66 и указ. лит.; Степанов 1966: 42–43; Heike 1972: 41; Steponavičius 1976; Meinhold, Stock 1982: 36]. Дистрибуцию лабиализованных [k°], [g°] составляют позиции [—u·], [—u], [—o·] (тире в таких формулах обозначает место исследуемой единицы²¹), дистрибуцию мягких [t̂], [d̂] — позиции [—i·], [—i], [—e·] [—e], [—ẹ·], (сокращённо — [—Vⁱ]) и [—Ĉ], дистрибуцию аспирированных [kʰ], [tʰ] — [—#], дистрибуцию заднеязычного [ŋ] — [—k], [—g] (сокращённо [—^k_g]). В ещё более сжатой форме дистрибуцию можно обозначить, используя косую скобку как «иероглиф» со значением ‘занимает позицию’, ‘в позиции’, ‘имеет дистрибуцию’²². Написания [g°] / [—u·], [ŋ] / [—^k_g] читаем так: ‘огубленный [g°] употребляется перед [u·]’, ‘заднеязычный [ŋ] употребляется перед [k] и [g]’.

Такое сокращение особенно удобно при описании различных синхронных или диахронических процессов, напр., $s \rightarrow \hat{s} / [—\hat{c}] = ‘s \text{ реализуется как } \hat{s} \text{ (мягкий шипящий согласный) перед } \hat{c} \text{ (мягкой шипящей аффрикатой)}’.$

§ 50. Дистрибуция двух или нескольких фонологических единиц (и вообще языковых единиц) может быть трёх типов:

---

²⁰ Несколько более точным был бы термин А. Мартине *виртуальная* (или *потенциальная*) *пауза* [Мартине 1963: 411–413], поскольку на местах пауз редко не бывает совсем никакого акустического сигнала.

²¹ Написание [—u·] следует читать так: ‘перед гласным [u·]’; [u—u·] означает: ‘между кратким [u] и долгим [u·]’. В данных формулах приняты такие символы: *V* — гласный, *Vⁱ* — гласный переднего ряда, *V^u* — гласный заднего ряда, *C* — согласный вообще или твёрдый согласный, *Ĉ* (*C*) — мягкий согласный, *R* — сонант (звук типа [l, m, n, r]), *S* — шелевой согласный (типа [s, š]), *T* — смычный согласный. Начало или конец слова (паузу) обозначает знак # ([#—#] значит ‘между паузами’, [#—] — ‘после паузы’, [—#] — ‘перед паузой’) (ср. [Harris 1963: 61–75 et passim]).

²² Такое обозначение дистрибуции общепринято у представителей генеративной фонологии (напр., [Chomsky, Halle 1968: 14ff.; Harms 1968: 43ff.; Schane, Vendixen 1978: 60ff.]).

контрастная, или оппозитивная, дополнительная (комплементарная) и перекрёстная²³.

§ 51. Контрастная (оппозитивная) дистрибуция (чаще всего просто «контраст» или «оппозиция» — от фр. *contraste* ‘противоположность’, лат. *oppo* ‘ставлю против, противопоставляю’) наблюдается у таких элементов, которые употребляются в одной и той же позиции²⁴. Примерами такой дистрибуции могут быть все вышеупомянутые минимальные пары, так как начальные звуки, различающие их, находятся в одинаковых позициях, ср.: *kalvà* ‘холм’: *galvà* ‘голова’, *kùrti* ‘разжигать’: *gùrti* ‘крошиться’, *šalià* ‘рядом’: *žalià* ‘зелёная’. При желании нагляднее показать идентичность позиции эти пары можно записать так: [^k_gaɫvà], [^k_gùšt̪i], [^š_žal̪ə] (см., напр., [Harris 1963: 74]). Примерно так же употребляются и факультативные варианты, но на данном этапе исследования они уже должны быть элиминированы (проще говоря, отброшены), так как не выполняют дистинктивной функции. Поэтому имеет смысл говорить только о контрастной дистрибуции

---

²³ Иногда выделяют и больше типов дистрибуции (ср. [Степанов 1975а: 203–204; Steponavičius 1976: 66]), но для собственно фонологического исследования они не важны.

²⁴ В американском языкознании повсеместно прижился термин *контраст* (англ. *contrast*, *contrastive distribution*, напр., [Hockett 1955: 155, 212ff.; Harris 1963: 65 et passim; Хэмп 1964: 95–96]); европейцы чаще всего употребляют термины *оппозиция* или *противоположение* [Трубецкой 1960: 38 et passim], часто употребляется и термин *противопоставление* (нем. *Gegensatz* [Trubetzkoy 1977: 30 et passim] или *Opposition* [Meinhold, Stock 1982: 29 et passim]; ср. также фр. *opposition* [Вахек 1964: 142]; ит. *opposizione* [Muljačić 1973: 177 et passim]; исп. *oposición* [Alarcos Llorach 1975: 39 et passim]). А. Мартине использует оба термина: *контраст* — для синтагматических отношений (особенно для ударных — безударных слов), *оппозиция* — для парадигматических (по поводу понятий ср. также § 87ff.) [Мартине 1960: 41]. В литовском языке слово *kontrastas* ‘контраст’ более удобно, чем *opozicija* ‘оппозиция’, так как при нём возможен и глагол *kontrastuoti* ‘контрастировать’ (напр., *Garsai [a] ir [e] kontrastuoja tik žodžio pradžioje* ‘Звуки [a] и [e] контрастируют только в начале слова’; ср. [Girdenis 1976]).

или оппозициях фонологических единиц (т. е. звуковых единиц, которые могут различать предметное содержание)²⁵.

§ 52. Дополнительная дистрибуция (англ. *complementary distribution*) — это отношение между такими единицами языка, которые могут употребляться только в различных позициях (говоря в терминах логики — между которыми имеются отношения несовместимости, или эксклюзии) [Pike 1947: 93; Hockett 1955: 155; Harris 1963: 61ff.; Глисон 1959: 231–232; Pilch 1964: 10; Степанов 1966: 105; Koefoed 1967: 76; Heike 1972: 41; Lyons 1968: 112–113 = Лайонз 1978: 126–127; Meinhold, Stock 1982: 129–130]²⁶. Отношения дополнительной дистрибуции существуют, например, между звуками [t], [t°], [t̂] и [t′], так как они употребляются только в позициях [—^ā], [—^ū], [—^Ĉṽ] и [—#] соответственно (напр.: [tã·fẽ·] «*tãrẽ*» ‘(он) произнёс’, [t°ũ·fĩs] «*tũris*» ‘объём’, [t̂ĩt̂ĩ] «*tĩltĩ*» ‘замолчать’, [j°t°] «*j°t°*» ‘ехать верхом’); между [n], употребляемым перед [a°], [d], и [ŋ], употребляемым только перед [k] и [g] (ср.: [nã·mas] «*nãmas*» ‘дом’, [bandà] «*bandà*» ‘стадо; булка’ и [bãŋkas] «*bãnkas*» ‘банк’, [baŋgà] «*baŋgà*» ‘волна’); между открытым [æ°] и закрытым [e°], встречающимися соответственно в позициях [—C] и [—Ĉ] (ср.: [nã·ša] «*nẽša*» ‘несёт’ : [nẽ·šẽ] «*nẽšẽ*» ‘(он) нёс’, [gã·ras] «*gẽras*» ‘хороший’ : [gẽ·fã] «*gẽria*» ‘пьёт’). В русском языке и в некоторых литовских говорах хорошим примером дополнительной дистрибуции является «твёрдый» [ы] и «мягкий» [i]. Первый встречается только после твёрдых, второй — только после мягких и паузы (ср.: рус. *сыграл* [sygrál] : *играть* [igrát’], *быть* [byt’] : *буть* [b’it’], лит. ю.-аукшт. *džidæly*. «*dìdeleŷ*» ‘большую’ : *džidæli*. «*dideliŷ*» ‘большого (Acc. Sg.)’).

Звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, не могут заменять друг друга в одинаковом контексте, поэтому их различительные признаки не могут выполнять дистинк-

---

²⁵ Кстати, в лингвистической литературе этот термин так и понимается (ср. [Степанов 1975а: 204]).

²⁶ Л. Завадовский подверг убедительной критике термин *дополнительная дистрибуция*; он предлагает для него более правильную замену *эксклюзия* [Zawadowski 1966: 217]. Но стабильность терминов (как и вообще языка), без всякого сомнения, гораздо важнее, чем их формальная правильность.

тивной функции. Даже если бы мы и ухитрились, например, произнести по-литовски заднеязычный [ŋ] в начале слова *namõ* ‘домой’ вместо [n], получился бы невозможный в литовском языке звуковой комплекс *[ŋamõ], который, разумеется, не может ни передавать, ни различать никакого содержания (ср. § 44)²⁷. В других случаях результат, возможно, был бы не таким наглядным, но всё равно нормальных литовских слов мы бы не услышали, по крайней мере таких, которые по содержанию отличались бы от исходных: *[g°atvå] (с [g°] из *gùsti* ‘крошиться’), *[s°ã·kë] (с [s°] из *sûris* ‘сыр’), *[k°ã·ras] (с [k°] из [jó·k°] ‘скачи верхом’) звучали бы как «экзотические» варианты слов *galvå* ‘голова’, *sãkë* ‘(он) говорил’, *kãras* ‘война’.

§ 53. Перекрёстную дистрибуцию выделяют не все фонологи, поскольку она является всего лишь определённой комбинацией оппозитивной и дополнительной дистрибуции. Этим термином обозначается отношение между такими языковыми единицами, которые в одних случаях употребляются в одинаковых позициях, а в других — только в различных [Steponavičius 1976: 66 и указ. лит.]. Например, большинство литовцев в начале слова после паузы употребляют и [a], и [e] (напр.: *avis* ‘овца’ : *ežys* ‘ёж’, *asiliukas* ‘ослик’ : *eglyniukas* ‘ельничек’), но в других случаях между ними бывает дополнительная дистрибуция: после твёрдых согласных встречается только [a], после мягких согласных — только [e] (см. § 59, табл. 5). Такой же является дистрибуция литовских мягких и твёрдых согласных (см. § 137, табл. 14). И те, и другие возможны перед гласными заднего ряда, а во всех других позициях они распределяются по правилам дополнительной дистрибуции: перед твёрдыми согласными и паузой встречаются только твёрдые согласные, перед гласными переднего ряда и мягкими согласными — только мягкие. При идентификации фонем основное внимание уделяется тем позициям, в которых дист-

²⁷ Как показывают предварительные эксперименты, *[ŋã·ras], *[ŋaşùs] (со звуком [ŋ], который с помощью компьютерной программы присоединён к отрезкам [—ã·ras], [—aşùs], выделенным из слов *nãras* ‘водолаз’, *naşùs* ‘плодотворный’) воспринимаются как несколько странно звучащие *gãras* ‘пар’, *gaşùs* ‘нарядный’ и никогда — как варианты слов *nãras*, *naşùs*. Это ещё раз подтверждает необоснованность метода вышеупомянутой (сн. 12) «механической» коммутации.

рибуция исследуемых единиц является оппозитивной, поэтому перекрёстный тип дистрибуции почти всегда оценивается как частный (и, кроме того, самый распространённый) случай первого типа дистрибуции — контрастной.

Д) ФОНЕМЫ И АЛЛОФОНЫ

§ 54. Определив дистрибуцию звуковых единиц (или, попросту говоря, звуков), можно приступить к самой идентификации фонем.

Не упустить из виду сразу все «диагностические» позиции, которые занимают некоторые звуки, помогают таблицы дистрибуции (англ. *distributional charts*; см. [Pike 1947: 81; Harris 1963: 63 (сн. 12), 69, 74; Schane, Vendixen 1978: 24–25]). В строки этих таблиц вписываются символы исследуемых звуков, а в столбцы — позиции, которые они занимают. Плюс (или любой другой знак) на пересечении строки и столбца означает, что исследуемый звук в соответствующей позиции употребляется; отсутствие знака означает, что звук в этой позиции не употребляется. Например, дистрибуцию литовских согласных [ɫ], [n] и [ŋ] можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Дистрибуция согласных [ɫ], [n] и [ŋ] в литовском языке²⁸

Звуки	Позиции			
	[—ă]	[— ^t _d]	[— ^k _g]	[—#]
	1	2	3	4
[ɫ]	+	+	+	+
[n]	+	+		+
[ŋ]			+	

Такую дистрибуцию показывают, например, следующие пары слов: *lašùs* ‘капли (Acc. Pl.)’ : *našùs* ‘плодотворный’ [—a], *lãtmaq* ‘ламу’ : *nãtmaq* ‘дом (Acc. Sg.)’ [—aː], *piltà* ‘лiтая; сыпаная’ : *pintà* ‘плетёная’ [—t], *pildavo* ‘(он) лил; сыпал (прош. многокр.)’ : *pindavo* ‘(он) плёл (прош. многокр.)’ [—d], *talkà* ‘толока (трудо-

²⁸ Для наглядности здесь и далее дистрибуция звуков значительно упрощена. Рассматривая такие примеры, следует вообразить, что исследуемые звуки могут занимать только те позиции, которые указаны в таблицах, хотя реальная ситуация чаще всего бывает гораздо более сложной.

вая взаимопомощь) : *ra[ŋ]kà* ‘рука’ [—k], *algà* ‘жалованье’ : *a[ŋ]gà* ‘отверстие’ [—g], *gál* ‘возможно’ : *mán* ‘мне’, *tõl* ‘до тех пор’ : *tõn* ‘в ту’ [—#].

Сопоставив таблицу и примеры, мы увидим, что два плюса в одном столбце свидетельствуют об оппозитивной дистрибуции или, иначе говоря, о фонологической оппозиции, фонологическом контрасте. Следовательно, [ɫ] и [n] образуют фонологическую оппозицию, противопоставлены друг другу в позициях 1, 2 и 4, а [ɫ] и [ŋ] контрастируют в позиции 3 (т. е. перед [k] и [g]). Противопоставленные, встречающиеся в одной позиции звуки выполняют дистинктивную функцию и должны считаться различными фонемами или, если выразиться более педантично, манифестациями (от лат. *manifesto* ‘показываю, раскрываю’) [Ельмслев 1960b: 361; Коefoed 1967: 66] или реализациями [Trubetzkoy 1977: 36 = Трубецкой 1960: 45] различных фонем²⁹. Итак, нет сомнения, что литовские [ɫ] и [n], а также [ɫ] и [ŋ] являются манифестациями различных фонем. Оставляя пока в стороне позицию 3, можем сказать, что в позициях 1, 2 и 4 мы имеем самостоятельные фонемы /l/ и /n/ (косые скобки здесь и в других местах обозначают фонологическую транскрипцию³⁰).

По-другому соотносятся [n] и [ŋ]. В таблице мы не найдём ни одного столбца, в котором стояли бы плюсы и в строке [n], и в строке [ŋ]: там, где встречается [n] (позиции 1, 2, 4), не встречается [ŋ], а там, где употребляется [ŋ] (позиция 3), не найдём [n]. Только вместе взятые [n] и [ŋ] заполняют все те позиции, в которых мы встречали [ɫ]. Следовательно, [n] и [ŋ] как бы дополняют друг друга — находятся в отношении дополнительной дистрибуции.

§ 55. Слова не могут различаться только такими звуками, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Если, например, два слова будут различаться тем, что в одном из них после звукового комплекса [ba] будет стоять [n], а в другом

²⁹ Известен и термин *воплощение* (ср. [Шаумян 1962: passim]).

³⁰ В работах представителей Московской фонологической школы общеприняты другие скобки — <> (см., напр., [Реформатский 1961: 114]). В данной книге они используются для факультативных реализаций (см. сн. 68) и чужих (периферийных) фонем, таких как <f>, <h>, <ɔ> (напр. в слове *choras* ‘хор’).

— [ŋ], то они обязательно должны будут различаться также и теми звуками, которые определяют нетождественность [n] и [ŋ]. После [n] мы не встретим ни [k], ни [g], а после [ŋ] не будет никакого другого звука, кроме [k] или [g]. Значит, звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, не выполняют дискриминовой функции; их нетождественность определяется другими звуками или свойствами звуков, а не различным значением слов. Поэтому такие звуки можно считать вариантами одной фонемы, если, конечно, у них есть общие свойства, т. е. если их акустические и артикуляторные признаки схожи (ср. третье правило Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1977: 44–45 = Трубецкой 1960: 56–57]; см. также [Pike 1947: 69–70; Глисон 1959: 229; Harris 1963: 64–65; Hockett 1968: 129; Koefoed, 1967: 19, 77; Meinhold, Stock 1982: 51, 71ff.]³¹. Литовские [n] и [ŋ] полностью отвечают данному условию: оба этих звука являются сонорными носовыми согласными, оба артикулируются при помощи языка (ср. губной [m]), при произнесении обоих голосовые связки колеблются. Следовательно, [n] и [ŋ] — варианты фонемы /n/.

Варианты такого типа не являются факультативными. Мы не можем свободно выбирать, что произносить в словах *nāmas* ‘дом’ или *angà* ‘отверстие’: норма литовского языка не допускает ни произношения *[ŋã·mas] (с заднеязычным [ŋ]), ни произношения *[angà] (с переднеязычным [n]). Такие схожие между собой звуки, принадлежащие одной фонеме и находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, называются комбинаторными вариантами [Трубецкой 1960: 56] (ср. нем. *kombinatorische Variante* [Trubetzkoy 1977: 44]), или аллофонами (греч. ἄλλος ‘другой’, φωνή ‘звук’) [Хэмп 1964: 35–36 и указ. лит.]. Нередко в

---

³¹ При определении сходства звуков можно воспользоваться таблицами фонетических «естественных классов» (напр., [Pike 1947: 70; Глисон 1959: 294; Shane, Vendixen 1978: 24–25]). Кроме того, объединяя звуки в одну фонему, следует придерживаться принципа фонетического реализма — следить, чтобы их специфические различия естественно и просто вытекали бы из звукового контекста [Hockett 1955: 156].

Следует подчеркнуть, что в этом отношении между Пражской школой и дескриптивистами нет никаких различий, кроме терминологических (ср. [Fischer-Jørgensen 1975: 85]).

этом же самом значении употребляется и термин позиционный (или контекстный) вариант³².

Некоторые учёные (особенно представители Петербургской (Ленинградской) школы или «чистые» фонетисты) позиционными вариантами склонны называть только те аллофоны, которые возникают под влиянием не соседних фонем, а просодических единиц — ударения, тона, интонации и др.; комбинаторными считаются только варианты, возникающие рядом с другими линейными единицами (напр., [Зиндер 1979: 47; Бондарко 1981: 68–74; Rakerys 1986: 41–43]). В целом *комбинаторный вариант*, *позиционный вариант* и *аллофон* являются синонимичными терминами (ср. [Muljačić 1973: 165])³³, и искусственно их дифференцировать не следовало бы: особенно потому, что такая дифференциация безосновательно сужает понятие позиции и, по видимому, оставляет без внимания тот важный факт, что сочетания фонологических единиц могут быть не только линейными, но и симультантными (см. § 93). Наиболее удобен, без сомнения, *аллофон*, но не стоит забывать и два других названия, очень характерных для классической Пражской школы и часто встречаемых в литературе.

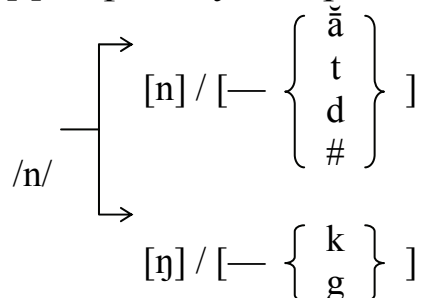
§ 56. Прояснив терминологические вопросы, мы можем вернуться к своим примерам и сделать окончательный вывод: литовские [n] и [ŋ] являются аллофонами, или комбинаторными вари-

---

³² Ср. также: *оттенок* [Щерба 1955: 19], *вариация* [Реформатский 1970: 98], *вариат* (довольно странно переведённый на русский язык датский термин *varietet* [Ельмслев 1960b: 338ff.]; *вариаты* противопоставляются *вариациям* — факультативным вариантам). В последние десятилетия это многообразие терминов повсеместно почти полностью вытеснил термин *аллофон* (см., напр., [Vachek 1966: 51; Стеблин-Каменский 1966: 69ff.; Степанов 1966: 19ff.; 1975b: 77ff.; Зиндер 1979: 35ff.; Бондарко 1981: 68ff.]). Перед такой тенденцией не устояла даже консервативная Петербургская (Ленинградская) школа: её выдающийся представитель Л. Р. Зиндер в первом издании своей «Общей фонетики» (1960 г.) говорит только об *оттенках*, но во втором (1979 г.) уже решительно преобладают *аллофоны* (ср. [Зиндер 1979: 45–49 et passim]).

³³ Г. Хаммарстрём более склонен к термину *позиционный вариант*, поскольку *комбинаторный вариант* подразумевает коартикуляцию (общие артикуляторные признаки соседних звуков), а она у таких вариантов не всегда обязательна [Hammarström 1966: 19].

антами, одной фонемы /n/. Следовательно, три анализируемых звука, [ɲ], [n] и [ŋ], сводятся к двум фонемам: /l/ и /n/. Фонема /l/ во всех рассмотренных позициях манифестируется звуками типа [ɲ], а фонему /n/ представляют два различных аллофона:

Из таблицы 1 видно, что аллофон [n] занимает больше позиций, имеет более широкую и свободную дистрибуцию, чем [ŋ]. Аллофон, обладающий более свободной дистрибуцией, называется основным вариантом фонемы [Щерба 1955: 19; 1974: 200; Hammarström 1966: 21; Степанов 1975b: 77–78; Зиндер 1979: 49; Meinhold, Stock 1982: 35], или нормой фонемы [Pike 1947: 62], эталоном фонемы (напр., [Виноградов 1976: 298–299]). Есть языковеды (напр., [Поливанов 1968: 138; Климов 1967: 44]), которые с подозрением смотрят на основной аллофон и сомневаются в целесообразности его выделения; некоторые (напр., [Соколова 1948]) считают, что не все фонемы имеют такой вариант³⁴.

Чаще всего в литовском языке на роль основного варианта, или нормы, годится тот аллофон согласного, который употребляется в начале слова перед [a] (т. е. в позиции типа [—a])³⁵. Основные варианты гласных обнаруживаются в абсолютном начале

³⁴ Раньше основной аллофон (вариант, оттенок) иногда необоснованно отождествляли с фонемой (напр., [Щерба 1974: 119]; ср. [Зиндер, Маслов 1982: 43]). Зачатки такого отождествления есть уже в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ (напр., [Бодуэн де Куртенэ 1963, т. 1: 278]). Этот аллофон путают и с т. н. метафонемой (ср. [Зиндер 1979: 49–50] и сн. 45 к § 64 данной книги).

³⁵ Это следует объяснять сравнительно «нейтральной» артикуляцией данного звука и очень высокой частотностью [a] в связных текстах (это самый частотный звук и в литературном литовском языке, и в диалектах; см. [Свевичюс 1966; Girdenis 1981b (= Girdenis 2000c: 205ff.); 1981c (= Girdenis 2000c: 225ff.); Jasiūnaitė 1993: 146f.; Karosienė, Girdenis 1993 (= Girdenis 2001: 64ff.)]).

слов перед слогами типа [Ca] и особенно в изолированных позициях ([#—#] типа).

Если нет каких-либо технических препятствий, фонема записывается посредством того знака фонетической транскрипции, которым обозначается её основной аллофон, — следовательно, пишется /n/, а не /ŋ/.

§ 57. После определения основных вариантов фонемы значительно упрощается описание их манифестаций. Например, вышеупомянутое правило, описывающее аллофоны фонемы /n/, теперь мы можем заменить следующей простой формулой:

$$/n/ \rightarrow [ŋ] / [—\underset{g}{\overset{k}{\text{---}}}]$$

Ту часть правила, которая описывает дистрибуцию переднеязычного аллофона [n], можно опустить, так как только заднеязычный [ŋ] представляет собой отклонение от «нормы» — от основного варианта фонемы /n/.

§ 58. Отношения фонем и их аллофонов можно представить и в виде тех же самых дистрибуционных таблиц, только нужно добавить столбец, в котором будет указываться фонологическая интерпретация исследуемых звуков (см. табл. 2).

Таблица 2. Дистрибуция аллофонов фонем /l/, /n/ в литовском языке

Аллофоны	Позиции				Фонемы
	[— $\check{a}$]	[— $\overset{t}{d}$]	[— $\overset{k}{g}$]	[—#]	
	1	2	3	4	
[l]	+	+	+	+	/l/
[n]	+	+		+	/n/
[ŋ]			+		

По таблице всегда можно точно прочесть такие слова, записанные в фонологической транскрипции, как /bangà/ «*bangà*» ‘волна’, /atã·tranka/ «*atãtranka*» ‘отдача (оружия)’, /bandà/ «*bandà*» ‘стадо; булка’, /nã·mas/ «*nãmas*» ‘дом’ и др., поскольку подходящий аллофон фонемы /n/ подсказывает сама позиция. В первых двух словах мы имеем 3-ю позицию [— $\overset{k}{g}$], поэтому в них следует произносить аллофон [ŋ]; в четвёртом слове /n/ употребляется в 1-й позиции [— $\check{a}$], где возможен только аллофон [n]; тот же самый аллофон должен произноситься и в третьем слове, где /n/ находится во 2-й позиции [— $\overset{t}{d}$]. Таким образом, фонологическая интерпретация и фонологическая транскрипция элиминируют

(отбрасывают, игнорируют) те различия и признаки звуков, которые зависят от позиции и поэтому при необходимости могут быть восстановлены по общим правилам. Такая транскрипция передаёт ту же самую предметную информацию, что и детальная фонетическая транскрипция, хотя пользуется значительно меньшим количеством символов.

Е) КОНКРЕТНЫЕ ПРИМЕРЫ

§ 59. Проанализируем ещё несколько примеров.

1. Вернёмся к рассмотренным в § 43 звукам $[t] \neq [d]$, $[t^\circ] \neq [d^\circ]$, $[\hat{t}] \neq [\hat{d}]$, $[\hat{t}] \neq [\hat{d}]$. Ограничившись упоминаемыми там примерами ($[\text{tã}\cdot\text{fẽ}\cdot]$ «*tãrẽ*» ‘(он) произнёс’ : $[\text{dã}\cdot\text{fẽ}\cdot]$ «*dãrẽ*» ‘(он) делал’, $[\text{tvar}^\circ\text{ùs}]$ «*tvarùs*» ‘устойчивый’ : $[\text{dvar}^\circ\text{ùs}]$ «*dvarùs*» ‘усадыбы (Acc. Pl.)’, $[\text{t}^\circ\text{ù}]$ «*tù*» ‘ты’ : $[\text{d}^\circ\text{ù}]$ «*dù*» ‘два’, $[\text{t}^\circ\text{ũ}\cdot\text{fĩs}]$ «*tũris*» ‘объём’ : $[\text{d}^\circ\text{ũ}\cdot\text{fĩs}]$ «*dũris*» ‘укол’, $[\hat{\text{t}}\text{iek}^\text{˘}]$ «*tiek*» ‘столько’ : $[\hat{\text{d}}\text{iek}^\text{˘}]$ «*diek*» ‘сажай; внедряй’, $[\hat{\text{t}}\text{řĩ}\cdot\text{s}]$ «*trỹs*» ‘три’ : $[\hat{\text{d}}\text{řĩ}\cdot\text{s}]$ «*dřĩs*» ‘посмеет’), мы можем составить следующую дистрибуционную таблицу (табл. 3).

Таблица 3. Фонемы /t/, /d/ и их основные аллофоны в литовском языке³⁶

Аллофоны	Позиции					Фонемы
	$[\text{—ã}]$	$[\text{—v}]$	$[\text{—ũ}]$	$[\text{—Ĉ}]$	$[\text{—ř}]$	
	1	2	3	4	5	
$[t]$	+	+				/t/
$[t^\circ]$			+			
$[\hat{t}]$				+		
$[\hat{t}]$					+	
$[d]$	+	+				/d/
$[d^\circ]$			+			
$[\hat{d}]$				+		
$[\hat{d}]$					+	

³⁶ В таблице не представлены такие аллофоны, как латеральные взрывные $[t^l]$, $[d^l]$ (в позиции $[\text{—l}]$, напр., *atlakinti* ‘быстро принести’, *gõdlapiai* ‘листы воловика’), назальные (или фаукальные) $[t^N]$, $[d^N]$ ($[\text{—n}]$: *Putnà* ‘Путна (фамилия)’, *liũdnas* ‘грустный’), альвеолярные $[\text{t}^r]$, $[\text{d}^r]$ ($[\text{—r}]$: *tratėti* ‘трещать’, *drãpanos* ‘одежда’), аспираторный $[t^h]$ ($[\text{—h}]$: *jót* $[\text{jó}t^h]$ ‘ехать верхом’; см. также § 164).

Каждый столбец таблицы содержит по два плюса. Это сразу показывает, что восемь исследуемых звуков следует, по-видимому, объединить в две фонемы. Дополнительная дистрибуция наблюдается между следующими звуками: а) [t] (позиции 1 и 2), [t°] (позиция 3), [t̂] (позиция 4), [t̃] (позиция 5); б) [d], [d°], [d̂], [d̃]; в) [t], [d°], [d̂], [t̂]; г) [d], [t°], [t̂], [d̃]; д) [t], [d°], [t̂], [t̃]; е) [t], [t°], [d̂], [t̂]; ж) [d], [d°], [t̂], [t̃]... Из этих возможных сочетаний критерий звукового сходства позволяет выбрать только два первых варианта (а и б): [t], [t°], [t̂] и [t̃] являются аллофонами фонемы /t/, а [d], [d°], [d̂] и [d̃] — аллофонами фонемы /d/. Основными вариантами, без сомнения, следует считать [t] и [d], употребляемые в наиболее нейтральной позиции [—ã].

2. На основании слов [kàs] «kàs» ‘кто; что’ : [tàs] «tàs» ‘тот’, [k°uĩ.t̂s°ùs] «kuĩčius» ‘глухой человек’ : [t°uĩ.t̂s°ùs] «tuĩčius» ‘богач’, [k°ó:ks] «kóks» ‘какой’ : [t°ó:ks] «tóks» ‘такой’, [krã:nas] «krãnas» ‘кран’ : [trã:nas] «trãnas» ‘трутень’ ([t̂] — альвеолярный [t]), [jó:k°] «jók» ‘скачи верхом’ : [jó:t°] «jó:t» ‘скакать верхом’ можно составить следующую дистрибуционную таблицу звуков [k], [t], [k°], [t°], [t̂], [k°] и [t°] (табл. 4).

Таблица 4. Фонемы /k/, /t/ и их аллофоны в литовском языке

Аллофоны	Позиции				Фонемы
	[—ã]	[—ũ]	[—r]	[—#]	
	1	2	3	4	
[k]	+		+		/k/
[k°]		+			
[k°]				+	
[t]	+				/t/
[t°]		+			
[t̂]			+		
[t°]				+	

В данном случае, должно быть, и без подробного анализа ясно, что [k], [k°] и [k°] являются аллофонами фонемы /k/, а [t], [t°], [t̂] и [t°] — аллофонами /t/. Основными вариантами следует считать [k] и [t]. Наибольший интерес здесь представляют аспирированные аллофоны [k°] и [t°], встречающиеся в абсолютном конце слова, и альвеолярный [t̂], появляющийся под воздействием альвеолярного дрожащего согласного [r].

Если бы мы попробовали отказаться от критерия звукового сходства и объединить в фонемы не [k] с [k°] и [t] с [t°], а [k] с [t°] и [t] с [k°], то тождество отдельных слов также осталось бы ненарушенным, однако мы бы искусственно осложнили не только описание отношений фонем и звуков, но и некоторые грамматические правила. Допустим, что [k] и [t°] = /χ/, а [t] и [k°] = /θ/, и с помощью такой «фонологической транскрипции» запишем несколько форм слов *kàs* ‘кто; что’, *tàs* ‘тот’: а) /χàs/ = [kàs] «*kàs*» (Nom. Sg.), /θō/ = [k°ō] «*kō*» (Gen. Sg.), /χám/ = [ká.m] «*kám*» (Dat. Sg.), /θuō/ = [k°uō] «*kuō*» (Instr. Sg.); б) /θàs/ = [tàs] «*tàs*» (Nom. Sg.), /χō/ = [t°ō] «*tō*» (Gen. Sg.), /θám/ = [tá.m] «*tám*» (Dat. Sg.), /χuō/ = [t°uō] «*tuō*» (Instr. Sg.). Как видим, после такой операции формы одного и другого местоимения остаются различными, однако в них появилось странное чередование согласных /χ/ : /θ/, /θ/ : /χ/, необъяснимое никакими разумными мотивами. Всей этой путаницы мы избежим, если будем руководствоваться критерием звукового сходства и рассматриваемые звуки объединим в фонемы так, как показано в таблице 4.

Таким образом, руководствуясь звуковым сходством, мы одновременно удовлетворяем и требованию грамматической целесообразности, на который иногда стоит и специально обратить внимание. Этот критерий требует объединять в фонемы звуки, не употребляемые в одной и той же позиции, таким образом, чтобы создать возможность самой лёгкой и простой формулировки грамматических правил исследуемого языка или диалекта (см. [Harris 1963: 76–78; Степанов 1966: 225–228; Булыгина 1977: 96–97; Панов 1979: 118–119])³⁷. Разумеется, этот критерий не являет-

---

³⁷ Фонологи Петербургской (Ленинградской) школы даже полагают, что только грамматический критерий и позволяет выделять фонемы, поскольку, с их точки зрения, фонемами следует считать только те кратчайшие единицы плана выражения, которые самостоятельно могут выступать в качестве означающего каких-нибудь отдельных морфем (ср. [Зиндер 1979: 37]). Поэтому они склонны считать, что в изолирующих языках (таких как китайский или вьетнамский) нет настоящих фонем: в них минимальной линейной единицей плана выражения является слог, или так называемая *силлабофонема*; есть попытки доказать, что к такой слоговой структуре приближаются и аналитические европейские языки [Кузьменко 1991]. Тот факт, что флективный строй языка в далёком прошлом стимулировал ин-

ся самым важным и его следует принимать в расчёт только в особых случаях (т. е. когда дистрибуция и критерий звукового сходства допускают несколько равноценных интерпретаций).

3. Хорошо известно, что в литературном литовском языке (если отбросить слова нелитовского происхождения) краткие (ненапряжённые) гласные имеют следующие аллофоны и употребляются в следующих позициях (см. табл. 5).

Таблица 5. Дистрибуция кратких гласных и их аллофонов в литовском литературном языке

Аллофоны	Позиции			Фонемы
	[#—]	[C—]	[Ĉ—]	
	1	2	3	
[a]	+	+		/a/
[e]	+		+	/e/
[i]	+		+	/i/
[u]	+	+		/u/
[ù]			+	

Как видим, гласные [a] и [e] здесь находятся в отношении перекрёстной дистрибуции: оппозиция имеется в 1-й позиции (после паузы), а дополнительная дистрибуция — во 2-й и 3-й позиции (т. е. после согласных). Поскольку эти гласные противопоставлены, по крайней мере, в одной позиции, их следует считать различными фонемами /a/ и /e/. Из двух аллофонов фонемы /u/ — [u] и [ù] (продвинутый вперёд [u], напр., [ga^lù] «galiù» ‘могу’, [k^oùr^o] «kiùro» ‘(он) становился дырявым’) — основным вариантом, без сомнения, нужно признать [u]. Дистрибуция фоне-

туитивный фонологический анализ и возникновение алфавитных систем письма, не вызывает никаких сомнений, но это ни в коем случае не означает, что и научные фонологические исследования должны останавливаться у такой искусственно проведённой границы.

Следует сказать, что в некоторых конкретных случаях и критерий грамматической целесообразности не является всемогущим. Например, если считать рус. [ы] отдельной фонемой, то правила и парадигмы склонения становятся более простыми и последовательными [Булыгина 1977: 96–97], но зато разрушается идентичность корней, начинающихся на гласный [i], ср.: *играл* : *сыграл*, *искать* : *сыскать*, *идущий* : *предыдущий*. Вся логика языка свидетельствует, что [ы] в данных формах является аллофоном фонемы /i/, появляющимся после открытого стыка (*сыграл* = /s+igrál/; ср. § 36).

мы /i/ кажется не совсем последовательной, поскольку [i] не встречается во 2 позиции (т. е. после твёрдых согласных), но такие нерегулярности в естественных языках достаточно часты и потому считаются нормальным явлением.

Оппозиция фонем /a/ и /e/ в литературном языке очень слаба [Kazlauskas 1967: 238; 1968c: 325; Girdenis, Žulys 1973: 207 (= Girdenis 2000b: 376)]. Она не засвидетельствована ни в одной надёжной минимальной паре, если не считать интернационализмов *afēktas* ‘аффект’ : *efēktas* ‘эффект’ и временно воздержаться от сегментации дифтонгов (ср.: *āibē* ‘множество’ : *ēibē* ‘вред’, *ālkis* ‘голод’ : *eļkis* ‘веди себя’³⁸). Однако считать [a] и [e] аллофонами одной фонемы всё равно невозможно, поскольку между ними нет отношения дополнительной дистрибуции, — следовательно, нет и позиционных доказательств, позволяющих объяснить их нетождественность.

Совсем другая ситуация наблюдается в южноаукштайтском (западнодзукском) диалекте, в котором есть те же самые краткие гласные [a], [e], [i], [u], [ù], а также гласный среднего (иногда заднего) ряда [ы], встречающийся в таких формах, как (*su*) *kāuṭy* «(*su*) *kiaulē*» ‘(со) свиньёй’, *žcṭy* «*žolē*» ‘травой’. Дистрибуция этих гласных показана в табл. 6.

Таблица 6. Дистрибуция кратких гласных и их аллофонов в южноаукштайтском диалекте

Аллофоны	Позиции			Фонемы
	[#—]	[C—]	[Ĉ—]	
	1	2	3	
[a]	+	+		/a/
[e]			+	
[i]	+		+	/i/
[ы]		+		
[u]	+	+		/u/
[ù]			+	

³⁸ Вторую пару заметил студент Санкт-Петербургского университета Алексей Андронов, проходивший в 1993–1994 г. стажировку в Вильнюсском университете. Также ср. *asù* (творительный падеж интернационализма *āsas* ‘ас (лётчик)’): *esù* ‘(я) есть’ — эта пара обнаружилась во время спора польских языковедов Михала Хасюка и Войцеха Смочыньского на III Конференции балтистов (1975 г.).

Здесь в каждой позиции встречается только по три звука. Это значит, что в диалекте должны существовать только три гласные фонемы. Согласно критерию звукового сходства [u] объединяем с [ù], [i] — с [ы] (ср. также *su ká:uki* «*su kiáuke*» ‘с галкой’ : *su var̥t̥y̥i* «*su varlè*» ‘с лягушкой’), и остаются только [a] и [e], у которых в данном диалекте нет общей позиции и которые поэтому следует считать аллофонами одной фонемы /a/. Таким образом, одни и те же звуки, [a] и [e], в литературном языке представляют две самостоятельные фонемы, а в южноаукштайтском диалекте (и во многих других говорах, особенно восточноаукштайтского диалекта) являются аллофонами одной фонемы (об этом см. [Schmalstieg 1964; Venckutė 1964; Girdenis 1971a: 203–204 (= Girdenis 2000b: 347f.); Kosienė 1978: 38; Girdenis 1983a (= Girdenis 2000c: 290ff.)]). Это принципиальное различие определяется всего лишь незначительной разницей в дистрибуции данных звуков: в литературном языке есть позиция, в которой возможно их противопоставление, а в диалекте такой позиции уже нет³⁹.

§ 60. Иногда в отношении дополнительной дистрибуции находятся такие звуки, у которых почти нет никаких общих звуковых признаков. Например, в английском языке гортанный (ларингальный) [h], напоминающий глухо произносимый гласный, употребляется только в абсолютном начале слова (или после внутреннего открытого стыка), напр.: *he* [hi:] ‘он’, *high* [hai] ‘высокий’, а заднеязычный [ŋ] возможен только в конце слова (или перед внутренним открытым стыком; подробнее см. [Стримайтене 1976: 8–11 и указ. лит.]), напр.: *sing* [siŋ] ‘петь’ (ср. *sin* [sin] ‘грех’), *stocking* [ˈstɒkiŋ] ‘чулок’ (в сходных отношениях находятся и нем. [h] и [ŋ] [Meinhold, Stock 1982: 129]). Следовательно, [h] и [ŋ] соотносятся следующим образом (см. табл. 7).

Таблица 7. Позиции английских согласных [h] и [ŋ]

Позиции	
---------	--

³⁹ Своеобразная и, по-видимому, самая архаичная дистрибуция рассматриваемых гласных наблюдается в восточноаукштайтском вильнюсском говоре окрестностей Римше: там перед [e] и [e.] остаются непалатализованные [t], [d], [n], поэтому возможны такие минимальные пары как *tekù* «*tekù*» ‘теку’ : *takù* «*takù*» ‘тропой’ (ср. также: *dė.ga* «*dėga*» ‘горит’, *nešai̯* «*nešai̯*» ‘(я) нёс’).

Звуки	[#—]	[—#]	Фонемы
	1	2	
[h]	+		/h/
[ŋ]		+	/g/

Хотя нет никаких сомнений, что эти согласные распределены комплементарно, всё-таки считать их аллофонами одной фонемы нельзя: у такой фонемы не было бы общих признаков, объединяющих её аллофоны и отличающих их от всех других согласных фонем [Булыгина 1980: 140]. Следуя за Н. С. Трубецким [Trubetzkoy 1977: 32 = Трубецкой 1960: 40–41], своеобразное соотношение /h/ и /ŋ/ мы можем называть косвенно-фонологической оппозицией (см. также [Koefoed 1967: 76–77; Кузьменко 1969: 47–48])⁴⁰.

Г) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 61. Рассмотрев несколько типичных случаев, вспомним важнейшие принципы парадигматической идентификации фонем.

1. Два или несколько звуков следует считать различными фонемами, если в результате их взаимной замены хотя бы в одной позиции меняется (или совершенно теряется) значение слов.

2. Два или несколько звуков являются факультативными (свободными) вариантами одной фонемы, если в результате их взаимной замены в одинаковых позициях значение слов не изменяется.

3. Два или несколько звуков следует считать аллофонами, или комбинаторными вариантами, одной фонемы, если они акустически похожи друг на друга и находятся в отношении дополнительной дистрибуции (иначе говоря, если они употребляются только в различных позициях).

4. Звуки, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, нужно считать различными фонемами, если у них нет

⁴⁰ В принципе возможна и бифонемная интерпретация [ŋ] = /n/ + /g/ (см. [Koefoed 1967: 121 и указ. лит.; Стримайтене 1976: 8–11 и указ. лит.]; ср. [Meinhold, Stock 1982: 130–131 и указ. лит.]). Против такой трактовки категорически возражает, кажется, только Н. Морцинец [Morciniec 1968: 76ff.; 1971: 120ff.].

общих звуковых признаков, которые могут их объединять и одновременно отличать от всех других фонем.

Следовательно, фонемы идентифицируются на основании дистриктивной функции, дистрибуции и фонетических особенностей звуков. В некоторых случаях принимается во внимание и критерий грамматической целесообразности: из нескольких возможных фонологических интерпретаций выбирается та, которая позволяет лучше и проще сформулировать правила грамматики (особенно морфологии) исследуемого языка или диалекта.

3. РОЛЬ ФОНЕМ И ИХ ВАРИАНТОВ

§ 62. Как показывает сама процедура парадигматической идентификации, фонемы являются не конкретными, а абстрактными единицами системы языка, поскольку, определяя их, мы отбрасываем те звуковые особенности, которыми различаются между собой факультативные варианты (или конкретные звуки), и те признаки, которые зависят от позиции и различают комбинаторные варианты, или аллофоны. Следовательно, фонема состоит из звуковых признаков, общих для всех её аллофонов⁴¹, а аллофон состоит из звуковых признаков, общих для всех его факультативных вариантов; иначе говоря, фонемы представляют собой инварианты, «скрытые» в конкретных вариантах [Jakobson 1962: 315]. В системе этих понятий фонема является самой абстрактной единицей, факультативный вариант — самой конкретной: это совершенно индивидуальный звук, произнесённый в некоем месте и в некий момент времени неким человеком. Аллофоны также являются абстрактными единицами, но они более конкретны, чем фонемы, так как обладают признаками, появившимися под влиянием окружения (ср. [Avram 1958: 48–52]).

---

⁴¹ В. М. Солнцев довольно остроумно назвал фонему «печатной формой» конкретных звуков [Солнцев 1977: 239]). Косвенно это сочетание слов напоминает *форму выражения* глоссематиков, противопоставляемую *субстанции* — звукам или письменным знакам, с помощью которых манифестируются единицы формы (таксемы выражения, или кенемы ($\approx$ фонемы); ср. [Hjelmslev 1959: 40ff.]).

Аллофоны одной фонемы могут быть весьма различными. Например, в папуасском языке асмаат фонемы /m/, /n/ в позиции [#—] (после паузы) произносятся как [b], [d], а в позиции [V—V] (между гласными) — как [^mb], [ⁿd]. В других папуасских языках (например, вахги) фонема /t/ в позиции [V—V] реализуется факкультативно используемыми звуками [ɾ] или [l] и т. д. В индонезийском языке /k/ перед паузой и перед согласным (в позициях [—#] и [—C]) выступает как глоттальный (ларингальный) взрывной аллофон [ʔ], напр.: *barak* = [baraʔ] ‘отец’, *maktjik* = [maʔʰiʔ] ‘тётя’. Очень разнообразны аллофоны гласных в арабском языке (см. § 189). Даже в совершенно неэкзотическом испанском языке фонемы /b d g/ между гласными манифестируются очень отчётливыми невзрывными аллофонами: /b/ → [β] / [V—V] (*bobos* ‘глупые’ ≈ [ˈboβos]), /d/ → [ð] / [V—V] (*deda* ‘палец’ ≈ [ˈdeða]), /g/ → [ɣ] / [V—V] (*gago* ‘заика’ ≈ [ˈgaɣo]) [Глисон 1959: 248–251; Alarcos Llorach 1975: 161–162].

§ 63. Аллофонов в каждом языке очень много; вообще говоря, их может быть столько, сколько существует различных позиций [Hammarström 1966: 18; Hoenigswald 1966: 76]. В своём родном языке мы этого почти никогда не замечаем, поскольку мы привыкли реагировать только на те свойства звуков, которые различают предметное содержание (см., напр., [Ахманова 1966: 41–42])⁴². Сравним, например, следующие случайные пары слов: *kàstɥ* ‘(он) копал бы’ : *kàsti* ‘копать’, *šlàptɥ* ‘(он) мокнул бы’ : *šlàpti* ‘мокнуть’. Вслушавшись получше, мы достаточно легко заметим, что во всех этих словах [a] звучит по-разному. В первом слове он более тёмный и низкий, чем во втором, а к концу звучания несколько напоминает [ɔ]. [a] в третьем и четвёртом слове соотносятся так же, как в первом и втором, но несколько ниже по тону и произносятся с немного вытянутыми вперёд губами⁴³. Раз-

⁴² Но те аллофоны (и вообще варианты фонем), которые обладают определённой социолингвистической ценностью, могут замечаться и контролироваться даже лучше, чем некоторые различительные оппозиции [Fischer-Jørgensen 1956: 144; Weinreich, Labov, Herzog 1968: 131; Labov 1966: 103] (ср. [Лекомцев 1980: 175]).

⁴³ Экспериментально (правда, на северожемайтском материале) это доказано в статье [Girdenis, Kubiliūtė-Kliukienė 1982 (= Girdenis 2000c: 258ff.)].

личные [a] произносятся и в отдельно взятых слогах [àk], [àp], [àt] — в более детальной транскрипции их можно было бы записать как [ak] [âp] [ât]. Во втором примере гласный значительно ниже, чем в первом и третьем; заметна его довольно существенная лабиализация, некоторое изменение произношения в направлении [ɔ]. Неодинаковы и [a] в первом и третьем примере. Сходные отношения наблюдаются также в слогах [kà], [pà], [tà]: и здесь во втором примере [a] несколько напоминает [ɔ], в третьем примере [a] приближается к [ə] или даже [æ]. В том, что подобным образом варьируют и другие гласные, легко убедиться, сравнив различные их комбинации (напр.: *rìšo* [fìš°o·] ‘(он) связывал’ : *rìši* [fìši] ‘будешь связывать’, *pìktas* [pìktas] ‘злой’ : *tìkti* [tìkti] ‘годиться’, *nèštu* [nèš°t°u·] ‘(он) нёс бы’ : *nèsti* [nèšti] ‘нести’). Ещё больше таких вариаций показывают приборы экспериментальной фонетики (см., напр., [Iivonen 1970]), но, как уже упоминалось, для фонологии важны только те особенности звуков, которые мы воспринимаем просто ухом [Hammarström 1966: 18]. По крайней мере, обязательно различать перцептивные (воспринимаемые слухом) и «инструментальные» (физические) аллофоны — лингвистической значимостью обладают только первые. Восстанавливая прошлое языка, следует реконструировать только те аллофоны, развитие которых в дальнейшем было различным, — не больше и не меньше.

§ 64. Итак, фонемы существуют только в аллофонах — они являются всего лишь комплексами свойств, общих для некоторых аллофонов. Фонем, не воплощённых в аллофонах, не бывает. Даже такие междометия, состоящие из одного звука, как *ã*, *õ*, *ẽ*, представляют собой не чистые фонемы /a·/, /o·/, /e·/, а весьма сложные комплексы, в состав которых входят и словесное ударение, и слоговая интонация, и аллофоны рассматриваемых фонем, обусловленные смежными паузами (позицией [#—#]), ударением и циркумфлексной слоговой интонацией. Правда, иногда изолированно произносятся сами названия фонем, но они, разумеется, не являются единицами исследуемого языка (ср. [Степанов 1975b: 77–78] и [Кузнецов 1970a: 179; Зиндер 1979: 46]). Отдельно произнесённые и написанные названия фонем следует считать

метафонемами [Pilch 1964: 115]⁴⁴: они выполняют металингвистическую функцию и поэтому принадлежат не языку, а метаязыку (ср. § 19). Когда мы говорим, что выражение слова *kalbà* ‘язык’ составляют фонемы /k/, /a/, /l/, /b/ и /a/, мы отдельно произносим не соответствующие фонемы, а метафонемы. Аналогично можно говорить и о метааллофонах, метавариантах и метазвуках [ibid.]: отдельно произносимый огубленный [r°] (взятый, например, из слова *rūšis* ‘сорт, вид’) представляет собой соответствующий метааллофон или метавариант⁴⁵.

§ 65. Язык является высоко организованной функциональной системой, поэтому наличие в нём различных, на первый взгляд вроде бы ненужных вариантов как будто противоречит самой его природе. Но в действительности это не так: для нормального общения необходимы и факультативные варианты, и аллофоны.

§ 66. Факультативные варианты необходимы уже хотя бы для того, чтобы одним и тем же языком могли пользоваться все люди: дети и взрослые, женщины и мужчины, люди, говорящие быстро и говорящие медленно, дисканты и басы. Во-вторых, если бы не было факультативных вариантов, мы не могли бы по речи узнавать людей, оценивать их настроение, социальную и территориальную принадлежность. В-третьих, как уже говорилось (§ 17–18), некоторые общепринятые факультативные варианты звуков могут выполнять экспрессивную функцию — выражать отношение говорящего к высказываемому содержанию и к себе-

---

⁴⁴ Г. В. Воронкова [1981: 10] по непонятным причинам считает, что Г. Пилх употребляет этот термин как синоним *фонемы*.

⁴⁵ В результате неразличения понятий метафонемы и фонемы, метаварианта и варианта иногда делаются серьёзные ошибки. Например, некоторые учёные доказывают, что русские [i] и [ы] представляют собой реализации различных фонем, ссылаясь на тот факт, что названия этих звуков (или соответствующих букв) могут встречаться в одной и той же позиции (т. е. между паузами, напр. [Зиндер 1979: 65–66]). Но такие примеры ничего не доказывают, поскольку принадлежат не самому русскому языку, а соответствующему метаязыку ([i] и [ы] являются только различными метавариантами, а не словами). Хороший фонетист может без особенных усилий отдельно произнести, например, литовские [ŋ] и [k°], английский «светлый» [l] и «тёмный» [ɫ], но это никак не превратит их в самостоятельные фонемы.

седнику. Например, в очень правильной литературной речи или в западноаукштайтском каунасском (сувалькийском) диалекте ударный [i] в некоторых случаях заменяется полудолгим [e̞]: вместо нейтрального «сувалькийского» [v̥ɪsas] «v̥ɪsas» ‘весь’, [ʒ̥ɪn°o·ma] «ʒ̥ɪnoma» ‘конечно’ произносится [v̥e̞.sas], [ʒ̥e̞.n°o·ma]. Такое произношение часто свидетельствует о категорическом убеждении говорящего в содержании, сообщаемом им самим или собеседником. Сходную функцию выполняет и понижение ряда и продление предударного гласного в предударном слоге, сопровождаемое соответствующими модуляциями тона: [v̥e̞.↗ sà↘!] «v̥ɪsà!» ‘вся!’, [ʒ̥e̞.↗ n̩↘!] «ʒ̥ɪn̩!» ‘знаю!’. Во всех этих случаях предметное содержание остаётся без изменения, но отношение говорящего к данному содержанию меняется (ср. также рус. *хорошо* [xəɾəʂó] и [xəɾəʂó::!], нем. *schön* [ʃø:n] ‘прекрасно’ и [ʃ:ø:n!] ‘превосходно!’ [Trubetzkoy 1977: 25 = Трубецкой 1960: 31]). Такие факультативные варианты, выполняющие экспрессивную функцию, мы найдём в любом языке и диалекте. Их иногда называют вышеупомянутым (§ 17) термином «эмфатики» (греч. *ἐμφατικός* ‘выразительный’) [Laziczius 1936: 58] и таким образом отличают от менее значимых вариантов⁴⁶. Эмфатиками следует называть и специальные звуки, выполняющие только экспрессивную функцию, — например, такие как вышеупомянутый жемайтский [ə], употребляемый в случаях типа *dōuk-ə* ‘дай же!’, или эвенский *-ē* (ср. *эмр̥м'-ē* ‘(я) приехал!’, см. § 17–18). Эмфатики, как экспрессивные единицы, системе языка, по-видимому, не принадлежат (ср. § 17 и указ. лит.).

Существует немало таких факультативных вариантов, которые играют роль так называемых социолингвистических переменных (ср. § 67), поэтому они факультативны только относительно чистой системы языка («схемы» Л. Ельмслева), но не относительно языкового употребления или нормы.

Принято считать, что факультативно могут чередоваться только варианты. Но в действительности встречаются и свободно варьирующие

⁴⁶ Содержание этих вариантов мы могли бы, следуя за Г. Хаммарстрёмом [Hammarström 1966: 9], называть *экспрессемами*. Однако они совершенно точно не принадлежат «эмическому» (системному, инвариантному) уровню языка (ср. § 17 и указ. лит.), поэтому термин с суффиксом *-em(a)* не кажется здесь подходящим.

«двуликие» фонемы (т. н. *Janus-фонемы*, *двуликие фонемы* [Стеблин-Каменский 1966: 70]) и другие фонологические единицы. «Двулика» фонема в одних случаях (например, в некоторых стилях, контекстах, социолектах) противопоставляется близкой по реализации фонеме, а в других случаях полностью с ней совпадает.

По всей вероятности, «двуликими» были прусские фонемы /^oī/, /^oū/ (напр.: *geīwans* ‘живых (Acc. Pl. m.)’, *ioūs* ‘вы’; ср. [Mažiulis 1981: 251]). К таким фонемам, скорее всего, надо отнести и «спорные» южножемайтские дифтонгоиды [ī¹], [ū^u] = лит. литер. *ie*, *uo* (напр.: *svī¹sts* «*sviēstas*» ‘масло (сливочное)’, *dūr^unà* «*dūona*» ‘хлеб’; ср. [Bukantis 1979 и указ. лит.]), а также (если принять складывающееся в настоящее время *status quo*) гласный <e/ē>, встречающийся в интернационализмах литературного языка (§ 171). «Двуликими» постепенно становятся слоговые интонации монофтонгов в большинстве восточнолитовских говоров (ср. [Garšva 1982: 74]).

Считать все указанные явления факультативными вариантами соответствующих «постоянных» фонем (как предлагалось ранее: см., напр., [Girdenis 1981a: 126]) невозможно, поскольку в определённых ситуациях они противопоставлены этим фонемам.

§ 67. Аллофоны⁴⁷ определяются позицией, поэтому непосредственно не способны выполнять ни дистинктивную, ни экспрессивной функции; их и заметить можно только в тех редких случаях, когда они воспринимаются как своеобразные социолингвистические индикаторы (термины Г. Хаммарстрёма — *социолемы* или *диалемы* [Hammarström 1966: 11–12]). Однако их роль очень важна и велика.

Аллофоны, встречающиеся в начале или в конце слова (или другой содержательной единицы), выполняют делимитативную

---

⁴⁷ Для некоторых систем письменности характерны и аналогичные варианты букв (или, точнее выражаясь, графем) — аллографы (о понятии см. [Hammarström 1966: 59 и сн. 134]), ср. греч. *σπάσις* ‘тяга’, *σχισμός* ‘раскалывание, разрыв’ ($\sigma = \varsigma$). Сходным образом в старых памятниках литовской письменности употреблялось «длинное» *f* (в неконечных позициях) и обычное *s* (в абсолютном конце слова), напр.: *seferis* ZCh (*Ziwatas Pona* уг *Diewa musu Jezusa Christusa...* Вильнюс, 1759. (Прим. ред.)) 46₁₃ «*sēserys*» ‘сёстры’, *wyfas* ZCh IV₁₈ «*visàs*» ‘всех (Acc. Pl. f.)’. Особенно много аллографов в арабской и еврейской системах письменности.

Стоит обратить внимание на то, что заглавные буквы не являются вариантами строчных, поскольку они могут непосредственно дифференцировать содержание (ср. литовское имя *Ėglė* ‘Эгле’ и нарицательное существительное *ėglė* ‘ель’, немецкое существительное [*das*] *Denken* ‘мышление’ и инфинитив глагола *denken* ‘думать’).

функцию: в определённых случаях сигнализируют о границах слова (или другой содержательной единицы) [Trubetzkoy 1977: 244ff. = Трубецкой 1960: 302ff.]. Например, услышав в литовской речи сочетание аспирированного согласного и гласного ...[tʰa]..., литовцы могут быть уверены, что первый его звук ([tʰ]) принадлежит одному слову, а второй ([a]) — другому: им интуитивно известно, что [tʰ] возможен только в конце слова. Если в потоке русской речи прозвучит слог [кы], то сразу понятно, что после /к/ следует морфологическая граница, поскольку в пределах одной морфемы такое сочетание аллофонов /к/ и /и/ невозможно (ср. *Kúre* [kʰirʲi̯], *к Ёре* [кыгʲi̯]; см. § 36).

Аллофоны, возникающие под влиянием других фонологических единиц, выполняют вспомогательную дистинктивную функцию — увеличивают выразительность тех различительных единиц, влияние которых определяет их появление (см. [Kuryłowicz 1960: 31 = Курилович 1962: 43]; ср. [Trubetzkoy 1977: 254f. = Трубецкой 1960: 316]). Услышав в потоке речи слог [baŋ...], литовцы надеются дальше услышать только [g] или [k], поскольку [t], [d] или какой-нибудь другой звук после [ŋ] невозможен. Услышав слог [ŋæ̃], литовцы будут ожидать только какой-либо твёрдый согласный, а не мягкий. Даже если литовцы плохо расслышат, что звучало после сильно лабиализированного [dʰ], они будут почти уверены, что это, скорее всего, было [u̯], а не [a] или [a̯]. Следовательно, аллофоны увеличивают избыточность языка — делают его более устойчивым к шуму и разнообразным помехам психологического характера⁴⁸. Ведь если бы,

---

⁴⁸ О том, что недостаток избыточности языка может серьёзно мешать общению, свидетельствует, например, такой отрывок из IV книги «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича:

*Domeyki i Dowejki wszystkie sprzeciwieństwa
Pochodziły, rzecz dziwna, z nazwisk podobieństwa
Bardzo niewygodnego. Bo gdy w czas sejmików
Przyjaciele Dowejki skarbili stronników,
Szepnął ktoś do szlachcica: 'Daj kreskę Dowejce!
A ten nie dosłyszawszy dał kreskę Domeyce.
Gdy na uczcie wniósł zdrowie marszałek Rupeyko:
'Wiwat Dowejko!' — drudzy krzyknęli: 'Domeyko!'*

например, из-за шума или рассеянности носители литовского языка слышали только отрывочные комплексы звуков [baŋ...à], [d°...fɛ̃], они всё равно бы поняли, что произносились слова *bangà* ‘волна’ и *dũrè* ‘(он) колот’: возможность «отгадать» недостающие фонемы дают аллофоны [ŋ], [d°] и ранее приобретённый опыт, который вряд ли позволит ожидать слов *bankà или *dõrè* ‘дора (вид рыбацкой лодки)’. Поэтому в быстрой речи (в речевых актах так называемого стиля *allegro*) некоторые фонемы иногда реализуются только определёнными аллофонами других фонем. Сравните «нормально» произносимые северожемайтские слова *mõndrõ.ms* «*mandrũmas*» ‘хитроумие’, *dẽ.ŋ.gdã.ms* «*deñgdamas*» ‘покрывая’ и их «быстрые» (в стиле *allegro*) варианты *mõ.drõ.ms*, *dẽ.ŋ.dã.ms*: фонемы /n/ и /g/ во втором случае только угадываются по носовому гласному [õ̃], [ẽ̃] и заднеязычному [ŋ] (ср. [Trubetzkoy 1977: 56 = Трубецкой 1960: 70]). И в литовской литературной быстрой речи иногда произносится [pæñ.tas] «*peñktas*» ‘пятый’, [dĩñ.dawõ] «*diñgdavo*» ‘(он) пропадал (прош. многокр.)’ — о наличии фонем /k/, /g/ в таких случаях свидетельствует заднеязычная артикуляция [ŋ].

Такие явления часто встречаются на стыках слов в некоторых говорах. Например, говоря быстро и небрежно, северные жемайты в таких высказываниях, как *õns mã.(t^a) tàvì* «*anàs mãto tavè*» ‘он видит тебя’ и *õns mã.(t^e) tàvì* «*anàs mãtè tavè*» ‘он видел

---

*A kto siedział w pośrodku, nie trafił do ładu,
Zwłaszcza przy niewyraźnej mowie w czas obiadu.*

(Mickiewicz A. Pan Tadeusz. Warszawa: Czytelnik, 1979. S. 129.)

Ср. русский перевод М. Павловой:

*Домейко оттого с Довейко не дружили,
Что помешало им созвучье их фамилий.
Довейки партия на сеймиках, бывало,
Сторонников себе среди шляхты вербовала,
Шепнут кому-нибудь: «Дай голос за Довейку»,
А тот, не разобрав, даст голос за Домейку.
Однажды на пиру провозгласил Рупейко:
«Мы за Довейко пьём!» Одни кричат: «Домейко!»
Другие и совсем не поняли, в чём дело, —
Должно быть, на пиру собранье охмелело.*

(Мицкевич А. Пан Тадеуш. М.: Гослитиздат, 1954. С. 103)

тебя', нередко пропускают слоги, взятые в скобки, но из-за этого предложения не становятся омонимичными: слог *má.*- из первого предложения сохраняет низкий тембр, который был у него перед *-ta*, а *má.*- из второго предложения сохраняет высокий, восходящий тембр, который был перед высокотональным слогом *-te* — на слух воспринимается нечто вроде $\varphi ns\ má.^a\ t\hat{a}v^{(i)} : \varphi ns\ má.^e\ t\hat{a}v^{(i)}$ [Girdenis, Kubiliūtė-Kliukienė 1982: 37 (= Girdenis 2000c: 265f.)]. Следовательно, аллофоны в некоторых случаях могут даже замещать фонемы, нереализованные отдельными звуками (см. также § 81). Например, русские лингвисты почти полностью доказали, что о мягкости большинства согласных русского языка свидетельствует только повышенная тональность аллофонов соседних гласных («дизные» аллофоны) (напр., [Бондарко, Вербицкая 1965; Бондарко, Зиндер 1966; Бондарко 1966; 1977: 85–86; 1981: 80]). Предварительные эксперименты показывают, что и в литовском языке ситуация схожая⁴⁹.

Отдельно следует отметить, что аллофоны играют огромную роль в диахронических процессах, поскольку они чаще всего являются важнейшими участниками этих процессов. Первыми всегда изменяются аллофоны — изменения фонем только обобщают последствия развития вариантов (см. [Стеблин-Каменский 1966; Hoenigswald 1966: 73ff.; Кузьменко 1969; Anttila 1972: 58–59; Yynon 1979: 20ff.; Воронкова 1981: 72]).

§ 68. Похожие на аллофоны варианты иногда встречаются и у единиц плана содержания — у морфем. Они и называются сходным термином — алломорфы (греч. *ἄλλος* 'другой', *μορφή* 'форма') [Глисон 1959: 103; Hammarström 1966: 38; Hockett 1968: 314–315; Matthews 1974: 83; Шведова 1980: 125–126]. Например, формы настоящего и прошедшего однократного времени глаголов *drēksti* 'царапать, рвать', *vōgti* 'красть' отличаются не только окончаниями, но разными алломорфами корня, ср.: *drēsk-ia* : *drēsk-ē*, *vāg-ia* : *vōg-ē*. Здесь основной показатель прошедшего времени, окончание *-ē*, имплицитно чередование гласных *e* → *ē*, *a* → *o*. Следовательно, алломорфы корня с *-ē*-, *-o*- способствуют большей выразительности флексии *-ē* — той морфемы, которую обуславливает данное чередование. Такое же отношение мы находим и в немецких формах *Buch* 'книга' :

⁴⁹ Аллофоны, которые часто выступают в роли заместителей фонем и пограничных сигналов, некоторые учёные склонны называть даже специальным термином — *квазифонемами* (напр., [Linell 1979: 98, 172 и указ. лит.]).

Bücher ‘книги (Nom. Pl.)’, *Plan* ‘план’ : *Pläne* ‘планы’, в которых показатели множественного числа *-er*, *-e* усилены чередованием гласных в корне (точнее, с его помощью различаются алломорфы морфем {bu:x-}, {pla:n-}). Следовательно, алломорфы в грамматике занимают примерно то же место, что и аллофоны в фонологии; аналогичны и выполняемые ими функции [Kurýłowicz 1960: 27ff. = Курилович 1962: 37ff.].

Позиционное варьирование фонем напоминает также такое синтаксическое явление, как согласование, по законам которого, например, литовские прилагательные обязательно получают определённые грамматические признаки соответствующих существительных. Согласование (напр., *gerĩ vaikĩny* ‘хороших парней (Gen. Pl.)’) можно представить с помощью совершенно «фонологической» формулы:

$$\{+ \text{прилагательное}\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} - \text{жен. род} \\ + \text{мн. ч.} \\ + \text{род. падеж} \end{array} \right\} / - \left\{ \begin{array}{l} + \text{сущ-е} \\ - \text{жен. род} \\ + \text{мн. ч.} \\ + \text{род. падеж} \end{array} \right\}$$

Используя для альтернативных явлений символы α и β , получим более гибкий вариант этой формулы:

$$\{+ \text{прилагательное}\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \alpha \text{ род} \\ \alpha \text{ число} \\ \beta \text{ падеж} \end{array} \right\} / - \left\{ \begin{array}{l} + \text{сущ-е} \\ \alpha \text{ род} \\ \alpha \text{ число} \\ \beta \text{ падеж} \end{array} \right\}$$

Ср.: *liñksm-as vaik-as* ‘весёлый ребёнок’, но *ger-à mergait-ė* ‘хорошая девочка’, *linksm-iems vaik-ams* ‘весёлым детям’, но *ger-óms mergait-ėms* ‘хорошим девочкам’. Указанные в формуле характеристики флексии прилагательных так же рабски зависят от характеристик соответствующего существительного, как и заднеязычная артикуляция /n/ от такой же артикуляции следующего за ним /k/ или /g/. И основная функция согласования такая же, как и у позиционного варьирования: согласование так же увеличивает избыточность речи и подчёркивает те грамматические явления, благодаря которым она возникает.

4. СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ФОНЕМ

А) ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 69. Обсуждая принципы парадигматической идентификации фонем, мы не поднимали и не решали проблемы сегментации текста, членения его на отдельные звуки. Мы условно придержи-

вались предположения, что границы звуков ясны сами по себе. Поступать так нам позволил тот факт, что все языки имеют много таких звуковых комплексов, членение которых не вызывает никаких сомнений. Как показывают типологические наблюдения, во всех известных языках и диалектах только как группы фонем функционируют гетеросиллабические сочетания звуков (греч. *ἕτερος* ‘другой’, *συλλαβή* ‘слог’), а также сочетания, состоящие из очевидных вокалических и консонантных сегментов ([ap], [at], [ak], [us] и др.) или консонантных и ударных вокалических сегментов ([pà], [tà]), щелевого и смычного консонантного компонента ([st], [sk], [xt]...), комбинации различных гетерорганых (артиркулируемых в разных местах) согласных ([kt], [pt], [ks], [ps], [mt], [br], [sx]...); дифтонгические комплексы с подчёркнутым («ударным») более закрытым компонентом ([aí], [aú]...; см. [Pike 1947: 132]).

Выделить звуковые сегменты, соответствующие фонемам исследуемого языка, помогает и интуиция самих исследователей или информантов, иначе также называемая языковым чутьём (ср. сн. 4). Люди часто чувствуют, какие звуки или комплексы звуков их родного языка или диалекта являются реализацией отдельных самостоятельных фонем, а какие представляют собой сочетания фонем. Однако интуиция позволяет только формулировать определённые рабочие гипотезы, требующие более объективного обоснования. С особой осторожностью следует относиться к языковому чутью грамотных людей, поскольку на него могла повлиять соответствующая система письма: часто они склонны считать отдельными звуками такие отрезки речевых актов, которым на письме соответствует одна буква (ср. [Lüdtke 1970; O’Connor, Trim 1973: 258; Linell 1979: 197, сн. 41]; ср. также [Mol 1965], где влияние письма сильно преувеличено⁵⁰). Следовательно, даже при наличии надёжных информантов, мы почти всегда сталкиваемся с проблемами сегментации некоторых отрезков текста, их синтагматической идентификации. В одних случаях они будут

---

⁵⁰ Но исключительно интересной может быть интуиция малограмотных людей и детей, только что научившихся читать и писать (см. далее — § 72).

более запутанными, в других — более простыми, но полностью избежать их редко удаётся⁵¹.

В) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

§ 70. Из вокалических сегментов в синтагматическом отношении чаще всего проблематичны дифтонги, т. е. тавтосиллабические слогаобразующие звуки, обладающие явно скользящей артикуляцией ([ai], [au], [ei], [iɛ], [u^o], [i^o] и др.), долгие, носовые и глоттализированные гласные, т. е. звуки типа [a:], [i:] (= [ā], [ī]), [a], [ɛ] (= [ã], [ẽ]), [aʔ], [eʔ]. Дифтонги в одних фонологических системах функционируют как самостоятельные вокалические (или дифтонгические) фонемы, в других — как сочетания соответствующих фонем (напр., [au] = /a/+/w/ или /a/+/u/, ср. смену мнений по поводу дифтонгов немецкого языка: а) [Trubetzkoy 1977: 51 = Трубецкой 1960: 63]; б) [Morciniec 1958; 1968: 34ff.; Heike 1972: 43–44; Meinhold, Stock 1982: 43–44]; в) [Глушак 1966: 379–382; Trost 1966; Philipp 1974: 20]). Долгие гласные могут быть либо сочетаниями двух одинаковых фонем (напр., [a:] = /a+/a/), либо реализациями самостоятельных долгих или напряжённых гласных фонем (напр., [a:] = /ā/), либо симультанными сочетаниями «нейтрального» гласного и просодемы долготы ([a:] = /a/ + /ː/). Глоттализированные гласные (они произносятся приблизительно как жемайтские или латышские долгие гласные с прерывистой слоговой интонацией, напр.: жемайт. *dâ:kts* «*dâiktas*» ‘вещь’, *pî:s* «*pîs*» ‘будет дуть’, лтш. *âzis* ‘козёл’, *bûs* ‘будет’) могут быть либо сочетаниями гласного и глоттального согласного (фонемы или аллофона) ([aʔ] = /a/ + /ʔ/, [aʔ] = /a/ + /k/; ср. § 63), либо симультанной комбинацией, состоящей из гласного и некоторого просодического элемента (ср. латышскую прерывистую слоговую инто-

---

⁵¹ В «Структурной лингвистике» З. Харриса сегментация (т. е. синтагматическая идентификация) представлена как первая процедура фонологического анализа [Harris 1963: 25ff.], но на практике придерживаться такой последовательности вряд ли было бы возможно. Косвенно об этом свидетельствует сам учёный, поскольку в последних посвящённых фонологии параграфах книги [Harris 1963: 90ff.] ему приходится вернуться к синтагматической идентификации — ввести дополнительную процедуру рефонемизации (англ. *rephonemization*).

нацию и «толчок» (*stød*) датского языка в случаях типа *hus* [hu:[?]s] ‘дом’, см. § 251), либо самостоятельной фонемой с дифференциальным признаком глоттализации («скрипучести», как в чукотском языке; см. [Мельников 1948: 208ff.]) ([a^ʔ] = /a^ʔ/ или /â/). Носовые гласные могут быть самостоятельными носовыми фонемами или комбинациями соответствующих простых гласных и носовых согласных фонем (т. е. [ã] = /a/ или /ã/ либо [ã] = /a/ + /n/ или /a/ + /ŋ/; см., напр., [Pike 1947: 140; Глисон 1959: 256; Morciniec 1968: 77]). Таким образом, бывают случаи, когда вокалическая группа может являться реализацией одной фонемы, и бывают случаи, когда один вокалический сегмент представляет группу фонем или комбинацию гласной фонемы и просодической единицы.

§ 71. Из консонантных комплексов трудность чаще всего представляют различные аффрикаты (сложные звуки типа [ts], [tʃ], [pf], [kx]; ср. [Pike 1947: 131; Глисон⁵² 1959: 254 и 256]), геминаты (комплексы типа [rr], [ll] или [r:], [l:]), слоговые сонорные (звуки типа [l̩], [r̩], ср. чеш. *prst* ‘палец’, *krk* ‘шея’, нем. *Vogel* [‘fo:gəl] || [‘fo:gəl] ‘птица’; ср. [Trager 1942; Wells 1965] и [Morciniec 1968: 83ff.; 1971]), глоттализованные, аспирированные и преаспирированные сегменты (звуки типа [t̟], [tʰ], [tʰ̟] либо [t̟̰], [t̟̰̰] [Pike 1947: 131]), согласные с дополнительными тембровыми характеристиками (т. е. палатализованные и палатальные, лабиализованные, отчасти и шипящие согласные, напр.: [t̟̟̟], [ʃ̟̟̟], [t̟̟̟̰], [k̟̟̟̰], [ʃ̟̟̟̰], [ʒ̟̟̟̰] и др. [Глисон 1959: 254; Harris 1963: 95–96; Степанов 1974]), заднеязычные носовые звуки типа [ŋ] [Стримайтене 1976: 8–11 и указ. лит.], носовые (фаукальные) и боковые «аффрикаты» типа [b^M], [d^N], [d^L] [Pike 1947: 131; Глисон 1959: 254], ретрофлексные согласные ([t̠], [d̠] и др., ср. проблему норвежских какуминальных согласных: [Steblyn-Kamenskij 1981] и [Fretheim 1981]). Например, аффриката [tʃ] может быть и самостоятельной фонемой, и реализацией группы типа /t/+/ʃ/ или даже

⁵² Г. Глисон [Глисон 1959: 256] даже несколько догматически утверждает, что аффрикаты вообще правильнее было бы интерпретировать как сочетания фонем. Если бы так было на самом деле, непонятной казалась бы, например, до сих пор не заканчивающаяся дискуссия по поводу аффрикат немецкого языка — ср. [Karosienė 1983 и указ. лит.] (больше аргументов см. § 79, 120).

/t/+/j/ [Hockett 1955: 161; Harris 1963: 96, сн. 14]. Как отдельные фонемы или как сочетания могут функционировать слоговые сонанты (напр., [r̥] = /r/ или /ə/ + /r/), аспираты ([tʰ] = /t/, /tʰ/ или /t/ + /h/), палатальные, мягкие и шипящие согласные ([ĵ] = /l/ + /j/ или /ĵ/, [ṣ̌] = /š/ или /s/ + /j/). Заднеязычный [ŋ] может являться и аллофоном фонемы /n/, и реализацией сочетания /n/+/g/ (ср. сн. 40), и самостоятельной фонемой /ŋ/. Ретрофлексные согласные могут представлять группы типа /rt/ и самостоятельные фонемы (как в большинстве индийских языков, напр., [Топоров 1967: 185ff.]). В некоторых экзотических языках проблематичной может быть даже синтагматическая идентификация групп типа [mb], [ŋg] или [kp], [gb], поскольку существуют фонологические системы, в которых такие группы функционируют не как сочетания, а как самостоятельные преназализированные или лабиовелярные согласные фонемы [Pike 1947: 131].

§ 72. Разумеется, приведённый список ни в коем случае не охватывает всех случаев, когда в принципе возможна двоякая синтагматическая интерпретация. В нём перечислены только самые характерные, частотные и яркие примеры, известные из литературы и демонстрирующие, какие могут встретиться проблемные ситуации. В ходе исследования конкретных языков и диалектов всегда можно столкнуться с ранее неотмеченными подозрительными звуковыми комплексами. В таких случаях, несомненно, следует руководствоваться не столько догматически выученным списком прецедентов, сколько общими принципами фонологии.

С) ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

§ 73. Фонетические признаки, на основании которых можно предположить, что некоторый звук или звуковой комплекс, возможно, представляет собой сочетание фонем, сводятся к следующим (см. [Trubetzkoy 1977: 50–53 = Трубецкой 1960: 62–66]):

а) необычно большая длительность произнесения, явно превышающая длительность несомненно однофонемных сегментов;

б) неоднородная артикуляция, неплавное изменение положения органов речи;

с) принадлежность отдельных частей сегмента к различным слогам (гетеросиллабическая артикуляция).

§ 74. Из этих свойств только третье (с) является достаточным основанием считать подозреваемый звук или звуковой комплекс сочетанием фонем (ср., однако [Гордина 1966: 174]): части одной фонемы не могут принадлежать различным слогам⁵³. Руководствуясь данным критерием или, точнее говоря, типологической фреквенталией (о понятии см. [Серебренников 1974: 54]), мы будем, например, считать сочетанием фонем финскую аффрикату [ts], поскольку её составляющие всегда принадлежат различным слогам, напр.: *itse* ['it-se] 'сам', *metsä* ['met-sɛ] 'лес'. Принадлежность отдельных компонентов различным слогам заставляет нас разбивать на самостоятельные фонемы литовские гетеросиллабические группы [i̯], [u̯], [a̯u̯], нередко произносимые в таких формах, как *gijimas* [g̃i-i̯imas] 'заживание', *bùvo* [b̃°ù-uo̯] '(он) был', *gãvo* [gã̃-uo̯] '(он) получил' (ср. [Vaitkevičiūtė 1957: 57–58; Mikalauskaitė 1975: 42]), а также гетеросиллабические сочетания типа [t-s], возникающие на стыке морфем, напр.: *atšóvė* [at-š̃°ó-ŋṽɛ] '(он) отрезал (резко возразил)', *àtzyzė* [àd-zi-ze̯] '(он) жужжа прилетел; брызжа пришёл'⁵⁴ (ср. [Ekblom 1925: 60; Mikalauskaitė 1962; Vaitkevičiūtė 1964: 9; Strimaitienė 1974a], на материале жемайтского диалекта — [Kubiliūtė, Girdenis 1977 (= Girdenis 2000c: 69ff.)]).

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что с помощью любого гетеросиллабического комплекса реализуется

---

⁵³ Ср., однако, латышский литературный язык, в котором глухие шумные согласные в позиции типа [*Ṽ*—*Ṽ*#] произносятся как геминаты: *mati* ['mat-t̃ⁱ] 'волосы', *upe* ['up-p̃^ɛ] 'река' [Laua 1980: 52ff.]. Но, во-первых, геминаты здесь элиминируются уже в ходе парадигматической идентификации, поскольку они находятся в отношении дополнительной дистрибуции с соответствующими простыми согласными, ср. дат. п. мн. ч. *matiem* ['matie̯m] 'волосам', *upēm* ['upē:m] 'рекам'. Во-вторых, это очень редкое, ареально ограниченное явление [Лекомцева 1974: 232–233].

⁵⁴ Правда, в некоторых говорах и связанных с ними вариантах литературного языка в данных случаях произносятся и «чистые» аффрикаты: *ač̃°ó-ŋṽɛ*, *àzi-ze̯* (см., напр., [Purkis 1966: 107]). В речи стиля *allegro* это, по-видимому, повсеместное явление: в такой речи даже польское *trzy* 'три' может совпасть с *czy* 'или' (личное сообщение Михала Хасюка; ср. § 78).

сочетание фонем. Но обратное утверждение было бы ошибочным. Далеко не любой тавтосиллабический комплекс звуков является реализацией одной фонемы, ср. лит. *skrābalas* ‘побрякушка’, *sučir̃kš* ‘застрекочет’, где выделенные жирным шрифтом комплексы звуков, вне всякого сомнения, манифестируют тавтосиллабические трёхфонемные сочетания. Пользуясь понятиями современной логики (см., напр., [Кондаков 1975: 193]), можно утверждать, что высказывание «*x* является одной фонемой» имплицитно высказывание «*x* принадлежит одному слогу». Обозначив первое высказывание символом *p*, а второе — *s*, мы получим $p \supset s$ (здесь „ $\supset$ “ обозначает материальную импликацию⁵⁵). По закону контрапозиции (или тавтологии) из этого утверждения мы можем вывести новое: $(p \supset s) \equiv (\neg s \supset \neg p)$, т. е. «если *s* не принадлежит одному слогу, то не является одной фонемой». Поскольку из $p \supset s$ нельзя вывести ни $s \supset p$, ни $\neg p \supset \neg s$, то очевидно, что принадлежность звуков одному слогу нельзя считать доказательством того, что они являются реализацией одной фонемы. Очевидно и то, что сочетание фонем необязательно должно быть гетеросиллабическим. Но непринадлежность одному слогу достаточно убедительно свидетельствует, что подозреваемый звуковой комплекс является реализацией не одной фонемы, а сочетания фонем.

Именно так, по-видимому, и следует понимать первое правило синтагматической идентификации, сформулированное Н. С. Трубецким [Trubetzkoy 1977: 50–51 = Трубецкой 1960: 63].

На такие детали стоит обращать отдельное внимание, поскольку они иногда представляют трудность даже для выдающихся фонетистов. Уже неоднократно предпринимались попытки доказать однофонемность дифтонгов того или иного языка опираясь только на тот факт, что их компоненты находятся в одном и том же слоге (из работ на литовском материале ср. [Vaitkevičiūtė 1961: 39; Ulvydas 1965: 57] — критические замечания см. [Girdenis, Žulys 1973: 207 (= Girdenis 2000b: 375f.)]). Но строить доказательство таким образом ни в коем случае нельзя, поскольку, как мы только что выяснили, тавтосиллабичность является обязательным, но недоста-

---

⁵⁵ Данный знак более удобен в лингвистическом тексте, поскольку более простая стрелочка („ $\rightarrow$ “) имеет совсем другое лингвистическое значение. Знаком „ $\equiv$ “ обозначается эквивалентность, знаком „ $\neg$ “ — отрицание.

точным основанием для того, чтобы считать сочетание звуков одной фонемой⁵⁶.

§ 75. Две другие предпосылки (а и б) имеют только ориентационную, а не доказательную ценность (напр., [Глушак 1966: 382–383; Гордина 1966: 174; Martinet 1970: 355]). Они (как и списки в § 70–71) только позволяют заподозрить некоторые звуки или их комплексы — предположить, что они, возможно, являются реализацией сочетаний фонем. Чаще всего такие подозрения подтверждаются, но далеко не всегда⁵⁷. Например, в польском языке длительность глухих аффрикат [ts], [tš], [tś] значительно больше, чем у других согласных, произносимых в аналогичных условиях [Richter 1976: 222–223]⁵⁸, однако более серьёзные фонологические аргументы доказывают, что в системе этого языка они играют роль самостоятельных фонем /c/, /č/, /ć/, а не сочетаний типа /t/+s/ (подробнее об этом см. § 78).

То же самое следует сказать и о критерии однородности–неоднородности артикуляции. Если артикуляция комплекса звуков заметно неплавна и неоднородна, всегда будет и должно возникать подозрение, что данный комплекс является реализацией сочетания фонем. Но такое подозрение обязательно нужно обосновывать более вескими фонологическими аргументами. Противоположное свойство — плавность и однородность изменения артикуляции — обладает, конечно, ещё меньшей доказательной и даже эвристической силой: и сочетание фонем часто реализуется плавно изменяющейся артикуляцией; если бы было иначе, то примерно «одинаковые» звуки не могли бы в одних языках выступать как однофонемные, а в других — как бифонемные единицы (см. § 70–71 и указ. лит.).

---

⁵⁶ В основе данной ошибочной аргументации скрывается невозможный логический «закон» $*(p \supset s) \equiv (s \supset p)$.

⁵⁷ Соответствующие аргументы также использовались для доказательства однофонемности дифтонгов литовского языка [Ulvydas 1965: 57]).

В данном случае следует согласиться с критиками Н. С. Трубецкого, который был убеждён, что и эти свойства звуков имеют достаточную доказательную силу [Trubetzkoy 1977: 51–53 = Трубецкой 1960: 64–66].

⁵⁸ Примерно такая же ситуация и в литовском языке (см. [Tankevičiūtė 1981: 114 et passim]), только вопрос фонемного состава аффрикат здесь ещё более проблематичен (ср. § 79).

§ 76. Следовательно, принадлежность звука или комплекса звуков двум слогам убедительно свидетельствует, что исследуемый сегмент является реализацией сочетания фонем. Необычно большая длительность или неоднородная, неплавно изменяющаяся артикуляция звука или звукового комплекса даёт возможность предположить, что данные сегменты могли бы представлять собой сочетание фонем, но решающей доказательной силы эти свойства не имеют. Однако значение фонетических предпосылок всё-таки немалое, поскольку они позволяют формулировать рабочие гипотезы, важные для дальнейшего исследования⁵⁹.

Звуковые отрезки, удовлетворяющие этим предпосылкам, далее трактуются как подозрительные сегменты и тщательно проверяются и оцениваются на основании фонологических критериев синтагматической идентификации. При проверке обычно руководствуются двумя самыми общими предварительными допущениями, которые можно называть (а) принципом наименьшего инвентаря и (b) принципом наиболее регулярных отношений. Согласно первому (а) принципу, фонологи стараются расчленивать как можно больше подозрительных сегментов и таким образом получить наименьший список, или инвентарь, фонем данного языка. Второй (b) принцип требует интерпретировать подозрительные сегменты так, чтобы описание сочетаний и отношений фонем получилось бы как можно проще и регулярнее. Поскольку структурное (а значит, и фонологическое) исследование языка в первую очередь представляет собой анализ характерных для него отношений, то в критических случаях предпочтение должно отдаваться второму принципу (см. [Булыгина 1980: 140])⁶⁰. Разуме-

---

⁵⁹ Кроме упомянутых фонетических критериев, раньше предлагалось применять своеобразную «механическую пермутацию» — считать однофонемными только те сегменты, которые и при инверсальном прослушивании механических или магнитофонных записей звучат как один звук [Tanakadate 1937: 359]. Этот «метод» фонологи даже не пытались рассматривать, поскольку совершенно ясно, что таким способом можно установить только звуковой состав конкретных речевых актов, а не фонологические единицы (ср. § 12).

⁶⁰ Поэтому явно непоследовательно поступают глоссематики, которые понимают язык как систему чистых отношений, но, идентифицируя фонемы, руководствуются, можно сказать, только принципом наименьшего ин-

ется, оптимальными были бы только такие фонологические решения, которые не пренебрегают ни инвентарём, ни отношениями. Поэтому и синтагматическая, и парадигматическая идентификация фонем может и должна уточняться и после того, как установлены отношения фонем и других фонологических единиц. Громоздкие, нестройные и противоречивые правила структуры сочетания фонем чаще всего свидетельствуют о том, что идентификация фонем несовершенна и ещё нуждается в доработке.

D) ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

§ 77. Самое общее правило синтагматической идентификации, логически вытекающее из вышеупомянутого первого принципа (§ 76, а), можно сформулировать так: подозреваемые сегменты следует считать сочетаниями фонем во всех случаях, когда только это возможно. Их не следует членить лишь в тех случаях, когда отказ от этого позволяет логичнее, последовательнее и систематичнее описать исследуемую фонологическую систему. Поступая таким образом мы соблюдаем и принцип наименьшего инвентаря.

§ 78. Существует немало случаев, когда подозреваемые сегменты в принципе нельзя членить, т. е. их нельзя считать реализациями сочетаний фонем.

1. Подозреваемый сегмент не членится, если между ним и сходным с ним не вызывающим сомнений сочетанием имеется фонологическая оппозиция (т. е. когда замена подозрительного сегмента очевидным сочетанием меняет значение слова), ср.: польск. *czy* [čы] ‘или’ : *trzy* [tšы] ‘три’, *Czech* [čex] ‘чех’ : *trzech* [tšex] ‘трёх’, *oczy* [očыма] ‘глазами’ : *otrzyma* [otšыма] ‘получит’, *paczy* [pačы] ‘коробит’ : *patrzy* [patšы] ‘смотрит’, где [č] ≠

вендаря и потому нередко получают невероятно запутанные синтагматические отношения «таксем» (см., напр., [Hjelmslev 1936–1937]; ср. [Мурат 1964: 171–172; Fischer-Jørgensen 1975: 133–135 и указ. лит.]). Сходную (но не такую чёткую и принципиальную) позицию занимают некоторые дескриптивисты (напр. [Harris 1963: 90ff.]): большинство учёных данного направления отдаёт предпочтение регулярности отношений и вообще функциональным соображениям (см. [Pike 1947: 131ff.; Hockett 1955: 159ff.]; ср. также [Swadesh 1937: 10]).

[tš], поэтому /č/, без всякого сомнения, является отдельной фонемой [Ельмслев 1960b: 326–327; Шаумян 1962: 106; Martinet 1970: 352]; или фр. *bon* [bɔ̃] ‘хороший’ : *bonne* [bɔ̃n] ‘хорошая’, *grain* [grɛ̃] ‘зерно’ : *graine* [grɛ̃n] ‘семя’, *chien* [šjɛ̃] ‘собака’ : *chienne* [šjɛ̃n] ‘сука’, где самостоятельными фонемами следует считать носовые /ɔ̃/, /ɛ̃/, противопоставленные явным сочетаниям /ɔ/+n/, /ɛ/+n/ (ср. [Щерба 1955: 50ff.; Trubetzkoy 1977: 111 = Трубецкой 1960: 138; Jakobson, Fant, Halle 1972: 39, 52; Hyman 1975: 15])⁶¹.

2. Подозреваемый сегмент нельзя членить и тогда, когда в результате этого получаем хотя бы один компонент, который невозможно признать аллофоном какой-нибудь фонемы, встречающейся не только в данном сочетании. Например, в некоторых польских говорах в начале слова используются сочетания [b'ɣ'], [p'x'] (напр.: [b'ɣ'ąty] = литер. *biały* ‘белый’, [p'x'ivo] = литер. *piwo* ‘пиво’, см. [Urbańczyk 1968: 34]), которые с точки зрения артикуляции являются очевидными сочетаниями звуков, но их обязательно следует считать реализациями фонем /b'/, /p'/, поскольку в этих говорах нет отдельно употребляющихся фонем */ɣ'/, */x'/.

Как самостоятельная фонема /č/ трактуется и испанская аффриката [tš] (напр.: *chacha* ['tšatša] ‘няня’, *mucho* ['mutšo] ‘много’): её альвеолярный компонент [t] можно было бы считать аллофоном фонемы /t/, но у второго компонента [š] не было бы тогда никакого самостоятельно употребляющегося соответствия, поскольку фонемы /š/ в этом языке нет [Trubetzkoy 1977: 54 = Трубецкой 1960: 67; Ахманова 1966: 32, 41; Martinet 1970: 350–351]. Бессмысленно было бы пытаться расчленить и литовские группы звуков [ər], [rə], весьма часто произносимые в словах типа *draiŋgas* ‘друг’, *vaĩdas* ‘имя’ (т. е. [dərãũ.gas], [vaĩɛdas])⁶²: их ком-

⁶¹ Существуют и альтернативные интерпретации, напр.: *bon* [bɔ̃] = /bɔ̃n/, *bonne* [bɔ̃n] = /bɔ̃nə/ [Koefoed 1967: 50; Ruhlen 1974; Fischer-Jørgensen 1975: 88], однако они на самом деле представляют собой не фонологические, а морфонологические (или генеративные) решения.

⁶² Особенно чёткое [rə] = /r/ замечено в северных паневежских говорах литовского языка в определённой позиции в слове (напр.: *ŗõrãšt'as* «*pirštus*» ‘пальцы (Acc. Pl.)’, *vaĩɛd'as* «*vardus*» ‘имена (Acc. Pl.)’ [Kačiuškienė, Girdenis 1982 (= Girdenis 2000c: 268ff.)]). Но так, скорее всего, может быть во всех говорах, концентрирующих циркумфлексную слоговую интонацию на втором элементе дифтонга, напр.: *labã.ĩ. bũwo. waĩ'gas* «*Labaĩ bũvo*

понент [ə] встречается только в данных «сочетаниях» и поэтому не может считаться самостоятельной фонемой /ə/. Следовательно, [ər] = [rə] = /r/. Такую интерпретацию поддерживает и интуиция носителей литовского языка: промежуточное [ə] можно расслышать только после долгих фонетических тренировок⁶³.

3. Подозрительные сегменты не членятся ещё и тогда, когда в результате их членения появляются группы фонем, не характерных для исследуемого языка или диалекта и встречающихся только в рассматриваемых сегментах. Например, аффрикаты литературного китайского языка, которые латинским шрифтом передаются как *z*, *c*, *zh*, *ch* ($\approx$ [tz], [ts^h], [tʃ], [tʃ^h], напр.: *zài* [tʃàì] ‘снова’ : *cài* [ts^hàì] ‘кушанье’, *zǐ* [tʃǐ] ‘сын’ : *cǐ* [ts^hǐ] ‘этот’, *zhǎng* [tʃǎŋ] ‘ладонь’ : *chǎng* [tʃ^hǎŋ] ‘мастерская’, *zhái* [tʃáì] ‘жилище’ : *chá* [tʃ^há] ‘чай’⁶⁴), нельзя считать сочетаниями типа /t+/s/, так как в данном языке нет других консонантных сочетаний, возможны лишь группы типа *C+i*, *C+u*. Эти звуки, несомненно, являются самостоятельными фонемами /z/, /c/, /ʃ/, /ʃ^h/. Как однофонемные единицы (иными словами, монофонемы) функционируют и аффрикаты японского языка ([ts], [dz] = /c/, /z/ и др., напр.: *chijimi* [tʃidʒimu] ‘сжиматься, сокращаться’, *chōchō* [tʃo:tʃo:] ‘бабочка’, *hitsuji* [çitsudʒi] ‘баран’, *jūjika* [dʒu:dʒika] ‘крест’). Этому языку сочетания согласных совершенно чужды: они разрушаются даже

---

vařgas» ‘Было очень трудно’ (Алвитас), *šker̃žus būwo: jir̃r̃is p̃iemēni.š bú:dawu* «*Sker̃džius būvo ir tr̃ys p̃iemenys būdavo*» ‘Был старший пастух и три подпаска’ (Даукшяй), *ir̃ vēř̃šu: i ká:r̃vū: būo: mēlžemū: kē.ło:s* «*Ir vēř̃siu, i(r) ká:rviu būvo mēlžiamū kēlios*» ‘И телят, и коров дойных было несколько’ (Гижай), *jæu pamir̃šus bē(t) dá: ṽiska. supra.n.tu* «*Jaū pamir̃šus, bet dá(r) ṽiską suprantu*» ‘Уже забыла, но ещё всё понимаю’ (Вижайнис), даже *ṽiska: dal̃gēis p̃jé:udao*. «*Ṽiską dal̃giais p̃jáudavo*» ‘Всё косами косили’ (Гижай), *pat̃il̃p̃sit* «*patil̃psit*» ‘поместитесь’ (Казлу-Руда) [Girdenis, Židonytė 1994: 136 (= Girdenis 2001: 149), сн. 37].

⁶³ В свете всего сказанного в данном разделе, совершенно неудачными (даже невероятными) кажутся попытки некоторых польских лингвистов трактовать польские носовые гласные как сочетания типа *V + /w/* либо *V + /ŋ/*, поскольку «фонемы» */w/ и */ŋ/ употребляются только в этих сочетаниях (см. [Biedrzycki 1963; Łobacz 1973: 56–57]).

⁶⁴ Транскрипция [tz], [tʃ] условна (как и русские написания типа *цз*, *чж*). В действительности эти аффрикаты являются «полузвонкими», то есть слабыми глухими звуками.

в заимствованиях из европейских языков, напр.: *hirumu* ‘фильм’, *kurabu* ‘клуб’ (← англ. *club* [klʌb]), *madorōsu* ‘матрос’ (← гол. *matroos*), *purofesionaru* ‘профессионал’, *puroguramu* ‘программа’ (см. [Поливанов 1968: 237–242; Trubetzkoy 1977: 57 = Трубецкой 1960: 71])⁶⁵.

§ 79. В литовском языке есть разнообразные сочетания согласных, но членение и литовских аффрикат [t̪ʂ], [d̪ʂ] и др. на сочетания типа /t/+/ʂ/ представляется затруднительным (см. [Purkis 1966: 116–117]; ср. неудачные попытки альтернативных интерпретаций: [Girdenis 1971b: 28 (= Girdenis 2000b: 219; Garšva 1982: 66)]. После такой операции появились бы чуждые для начала слов литовского языка сочетания типа C+š (см. § 107ff.) и очень осложнились бы внутренние группы согласных (ср. такие слова, как *puĩkšciaũ* ‘(я) обрызгивал бы’, в которых в результате расчленения [t̪ʂ] на /t/+/ʂ/ получилось бы ненормально сложное сочетание /f̪k̪ʂt̪ʂ/, своей структурой резко противоречащее типичной модели внутренних сочетаний, см. § 119–120). Членить аффрикаты мешает и то, что второй компонент сочетаний [t̪ʂ], [d̪ʂ] (самых частых и регулярных звуков данного типа!) нельзя отбросить в важнейшей позиции — перед гласными заднего ряда: наряду с *gũdžiũ* ‘жутких’ в литовском языке имеется *gũžiũ* ‘кадыков’, наряду с *tačĩaũ* ‘однако’ — *tašĩaũ* ‘(я) тесал’, но нельзя даже представить себе *gũdiũ или *tatĩaũ (ср. [Шаумян 1962: 105]). И всё-таки нетрудно понять, что членение литовских аффрикат совсем не столь невозможно, как в китайском или японском языках.

Следует здесь также сказать, что если отбросить звукоподражания и слова нелитовского происхождения, то аффрикаты [t̪ʂ], [d̪ʂ] литературного языка и большинства диалектов почти можно считать реализацией мягких фонем /t̪/, /d̪/, поскольку между аффрикатами и мягкими [t̪], [d̪] есть отношение дополнительной дистрибуции (см. табл. 8): [t̪ʂ], [d̪ʂ] встречаются только перед гласными заднего ряда (в позиции 1), [t̪], [d̪] — перед гласными переднего ряда и перед мягкими согласными (в позициях 2 и 3).

Таблица 8. Дистрибуция литовских аффрикат [t̪ʂ], [d̪ʂ] и мягких [t̪], [d̪] в исконной лексике

⁶⁵ Ср. такое же искажение заимствований в языке йоруба, которому тоже свойственно отсутствие сочетаний согласных: *bĩrĩkĩ* (← англ. *brick* ‘кирпич’), *fĩrĩũ* (← англ. *free* ‘свободный’), *gĩlã̀sĩ* (← англ. *glass* ‘зеркало, стекло’), *kĩbũ* (← англ. *cup* ‘кружка’).

Звуки	Позиции			Интерпретация
	[V ^u —]	[V ⁱ —]	[—Ĉ]	
	1	2	3	
[t̥š]	+			/t̥/ (?)
[t̥]		+	+	
[d̥ž]	+			/d̥/ (?)
[d̥]		+	+	

Такая интерпретация была бы очень удобна тем, что она устранила бы пробел в системе смычных согласных (см. § 134). При любой другой интерпретации аффрикат у фонем /p/, /b/ и /k/, /g/ есть мягкие соответствия /p̥/, /b̥/ и /k̥/, /g̥/, а у /t/, /d/ их нет. Однако данное решение заставляет нас отказаться от множества слов, широко употребляемых в современном языке (кроме слов с аффрикатами перед гласными переднего ряда и перед согласными — *Čekūš* ‘Чекис (фамилия)’, *dīckis* ‘большой’, *plāčekelnės* ‘шаровары’, ср. также *tiūlis* ‘тюль’, *Matiūkas* ‘Матюкас (фамилия)’ и др.), поэтому оно на самом деле соответствует не современному, а более раннему состоянию литовской фонологической системы (ср. [Girdenis 1972a: 187–190 (= Girdenis 2000b: 253–256); 1979–1980: 120–123 (= Girdenis 2000c: 165–168)]). Об этом свидетельствуют и такие формы, как *svečiaĩ* ‘гости’, *mėdžiai* ‘деревья’, которые в настоящее время уже произносятся с [t̥š], [d̥ž] перед гласным переднего ряда: [šv̥t̥š̥e̥ĩ.], [m̥d̥ž̥e̥ĩ]. Следовательно, сейчас чередование [t̥š] : [t̥], [d̥ž] : [d̥] принадлежит не фонологии, а морфонологии (или просто морфологии; ср. [Girdenis 1979–1980: 122 (= Girdenis 2000c: 167); Амбразас 1985: 33, 60f.; Ambrazas 1997: 28, 48f. (= Girdenis 2001: 215, 236f.)]).

§ 80. Говоря очень строго, подозреваемый сегмент следовало бы считать реализацией сочетания фонем только тогда, когда, меняя отдельные его части на другие звуки или совсем удаляя их, мы получим слова с другим значением, или, если пользоваться терминологией А. Мартине, когда эти части коммутируют с другими звуками и с нулём (т. е. с отсутствием звука; см. [Martinet 1939; 1970: 347ff.]; из немногочисленных работ, в которых данный метод принимается некритически, см., напр., [Перебийніс 1970: 17; Muļjačić 1973: 172–173 и указ. лит.]).

Такой идеальный случай можно проиллюстрировать литовскими сочетаниями [pr] и [kɫ]. При замене в них отдельных компонентов получаются такие различные по значению слова, как *Prānas* ‘Пранас (имя)’ : *krānas* ‘кран’ : *plānas* ‘план’ : *klānas* ‘лужа’; различные слова получаются также и при удалении отдельных компонентов: *prašyti* ‘просить’ : *rašyti* ‘писать’ : *pašyti* ‘щи-

пать' и *klója* 'стелет' : *lója* 'лает' : *kója* 'нога'. Следовательно, [pɾ] = /p/+/r/, [kɫ] = /k/+/l/. Осуществив аналогичную операцию с английскими аспирированными [kʰ], [pʰ], мы выяснили бы, что их второй компонент [ʰ] ≈ [h] удалить нельзя: слов, произносимых *[kɪk], *[pɪk] и т. п. и отличающихся по значению от нормальных [kʰɪk^(ʰ)] = *kick* 'ударять ногой', [pʰɪk^(ʰ)] = *pick* 'кирка', в этом языке не существует. В лучшем случае они будут восприниматься как примеры иностранного акцента. Это доказывает, что английские аспирированные [kʰ], [pʰ] необходимо считать не сочетаниями, а фонемами /k/, /p/.

В большинстве случаев данный критерий не вызывает сомнений, но на него нельзя опираться слепо. Особенно трудно последовательно руководствоваться первой его частью, требующей, чтобы с иными звуками коммутировали оба компонента подозреваемого сегмента. Если строго следовать этому требованию, то пришлось бы считать отдельными фонемами, например, немецкие [šp], [št] (напр.: *Spaß* [špa:s] 'шутка', *stehen* [ʃte:ən] 'стоять') и английские [sp], [st], [sk] (напр.: *speak* [spi:k] 'говорить', *stand* [stænd] 'стоять', *skate* [skeɪt] 'кататься на коньках'), так как их первые компоненты [š], [s] нельзя заменить на другие согласные⁶⁶. Но такой вывод резко противоречил бы интуиции носителей этих языков, отражающейся в системах письма, и заставлял бы пренебречь очевидными закономерностями, регулирующими сочетания согласных. Критерий коммутации с нулём может применяться более последовательно — он не приводит к таким неприемлемым выводам, ср. нем. *Stahl* [štɑ:l] 'сталь' : *schal* [šɑ:l] 'безвкусный' : *Tal* [ta:l] 'долина', англ. *speak* [spi:k] 'говорить' : *seek* [si:k] 'искать' : *peak* [pi:k] 'худеть, сохнуть'.

§ 81. Несомненно двухфонемные группы представляют собой те подозреваемые сегменты, которые являются либо факультативными, либо комбинаторными вариантами похожих на них сочетаний фонем (см. седьмое правило Н. С. Трубецкого

---

⁶⁶ Хотя это и кажется невероятным, но всё же такие «последовательные» выводы делались и в действительности; см., напр., [Vogt 1981b: 216], где норвежские начальные группы [sp-], [st-], [sk-] трактуются как составные (*composite*) фонемы, а не сочетания.

[Trubetzkoy 1977: 55–57 = Трубецкой 1960 69–71]⁶⁷). В таких случаях двуфонемность подозреваемых звуков устанавливается с помощью тех же самых принципов, на основании которых мы считаем отдельные звуки вариантами одной фонемы (см. § 40–44 и 54–61).

1. Уже рассмотрено несколько примеров (см. § 67), доказывающих, что в определённых условиях один звук может быть реализацией сочетания фонем.

Сравним ещё следующие северножемайские примеры: *skõndê.n* → <skõ·dê.n>⁶⁸ = /skõndên/ «*skandina*» ‘топит (заставляет тонуть)’, *žô.nslas* → <žô·slas> = /žõnslas/ «*žqslas*» ‘удила’. Их факультативно употребляющиеся сегменты следует считать реализацией одной и той же фонологической единицы, поскольку они акустически схожи и не выполняют дистинктивной функции — не различают слов. Из двух возможных интерпретаций — [õ·] = [õn] = /õ·/ или [õ·] = [õn] = /õ/ + /n/ — более приемлема вторая, так как только она удовлетворяет критерию наименьшего инвентаря и расширяет и нормализует дистрибуцию фонем. В результате этого расщепления /õ/ появляется и перед тавтосиллабическим /n/, а /n/, в свою очередь, теперь может занимать примерно те же самые позиции, которые занимают близкие ему фонемы /m/, /l/ и /r/. По сходным соображениям сочетаниями типа /ə+/l/ считаются и английские и немецкие слоговые [l̩] и др., часто встречающиеся наряду с факультативно употребляющимися комплексами типа [əl], ср. англ. ['bɒt̩l̩] = ['bɒtəl] *bottle* ‘бутылка’, нем. ['fo:g̩l̩] = ['fo:gəl] *Vogel* ‘птица’ (см. [O'Connor, Trim 1973: 260, сн. 7; Wells 1965; Philipp 1974: 14, 35, 67 et passim; Meinhold, Stock 1982: 92–93]; о такой же интерпретации норвежских сонантов —

---

⁶⁷ Интересно, что об этом очевидном случае ничего не говорит ни А. Мартине (напр., [Martinet 1970: 347ff.]), ни во всём ему доверяющий Ж. Мулячич (ср. [Muljačić 1973: 170]); последний даже прямо заявляет, что правила Н. С. Трубецкого устарели. В действительности так можно сказать только о некоторых — ни в коем случае не обо всех рассматриваемых правилах (хотя и «устаревшие» правила всё ещё обладают неоспоримой эвристической ценностью; см. § 73–75 и [Глушак 1966: 383]).

⁶⁸ В формулах такого типа, как уже упоминалось в сн. 30, в угловых скобках указываются факультативные варианты (ср. [Labov 1972: 112]).

[Borgstrøm 1981: 176]; радикально противоположное, но вряд ли убедительное мнение см. [Morciniec 1968: 77–78; 1971: 123ff.]).

2. Нередко между подозреваемыми сегментами и похожими на них явными сочетаниями бывает отношение дополнительной дистрибуции.

Можно сказать, классическим примером такой ситуации являются носовые гласные португальского языка (об их возможных интерпретациях см., напр., [Pike 1947: 196ff.; Morais-Barbosa 1962; Катагощина 1970: 56–71 и указ. лит.])⁶⁹. Эти гласные противопоставляются неносовым и выполняют дистинктивную функцию в двух случаях: а) в конце слова, ср.: *lã* [ʎã] ‘шерсть’ : *la* [ʎa] ‘там’, *dom* [dɔ] ‘господин’ : *dou* [do] ‘даю’; б) перед несмычным согласным, ср. *lanço* [ʎãsu] ‘бросание’ : *laço* [ʎasu] ‘лассо, аркан’. Перед носовыми согласными [n], [ɲ], [m] возможны только носовые гласные, напр.: *campo* [ˈkãmpu] ‘поле, лагерь’, *conto* [ˈkɔntu] ‘рассказ’, *longo* [ˈʎɔŋgu] ‘длинный, долгий’. На внешнем стыке (т. н. сандхи, санскр. *saṅdhi*) конечные носовые гласные заменяются соответствующими сочетаниями типа [ã]+[n] в тех случаях, когда следующее за ними слово начинается смычным согласным, напр.: *lã tinta* [ʎãn ˈtintɔ] ‘крашеная шерсть’, *lã cardada* [ʎãŋ kaɾˈdaðɔ] ‘расчёсанная шерсть’. Здесь невозможны ни сочетания типа [a]+[n], ни типа [ã]+[t], [ã]+[p], [ã]+[k]. Следовательно, положение здесь совсем иное, чем во французском языке, где такие сочетания возможны. Сочетания [ãn], [ãŋ] и т. д., без сомнения, являются двухфонемными группами типа /a+/n/, поскольку /n/ в них занимает такое же положение, как [r] и [ʎ], а назализация гласного легко объясняется влиянием соседнего носового согласного. Эти явные сочетания и близкие им по звучанию носовые гласные находятся в отношении дополнительной дистрибуции (см. табл. 9), что особо чётко проявляется в чередовании [ã] : [ãn] и др. на стыке слов (о важности стыка, или внешнего сандхи, для фонологии см. § 86 и указ. лит.). При таких условиях носовые

---

⁶⁹ Здесь мы воспользовались и консультациями знатока бразильского варианта португальского языка Мафалды Тупе. Носовые гласные передаются привычными для балтистов знаками [ã], [ɔ], а не двусмысленными [ã̃], [õ̃] и т. п. (В балтистике тильда над гласным обозначает слоговой акцент — циркумфлекс. — Прим. переводчика.)

гласные, вне всякого сомнения, следует считать комбинаторными вариантами сочетаний типа /a/ + /n/: [a] = [aŋ] = [aŋ] = /a/ + /n/, [o] = [oŋ] = [oŋ] = /o/ + /n/ ([do] = /don/, [la] = /lan/, [laʃu] = /lansu/).

Таблица 9. Дистрибуция носовых гласных и сочетаний типа [an] в португальском языке

Звуки	Позиции					Интерпретация
	[—#]	[—s]	[— ^t _d]	[— ^k _g]	[— ^p _b]	
	1	2	3	4	5	
[a]	+	+	+	+	+	/a/
[a]	+	+				/a+/n/
[aŋ]			+			
[aŋ]				+		
[am]					+	

Легко заметить, что данная интерпретация удовлетворяет и принципу наименьшего инвентаря, и принципу регулярности отношения: членение носовых гласных упраздняет фонемы с крайне ограниченной дистрибуцией: все гласные и /n/ оказываются возможными во всех позициях. Одно это делает другие трактовки португальского вокализма (напр., [Катагощина 1970: 88]) неубедительными: чисто фонетические мотивы всегда должны уступать функциональным.

§ 82. Сходная дистрибуция характерна для смешанных и чистых составных дифтонгов литовского языка и его диалектов (см. [Girdenis 1966a (= Girdenis 2000b: 309f.); 1971b: 25 (= Girdenis 2000b: 215f.); Kosienė 1978: 33; Амбразас 1985: 20f.; Ambrazas 1997: 22 (= Girdenis 2001: 208)]). И те, и другие употребляются только в конце слов и перед согласными, напр.: *gál* ‘может быть’, *kuř* ‘где’, *sakaiũ* ‘говорю’, *tuřgui* ‘базару’ (= *tuřguj* ‘на базаре’), *káltas* ‘долото’, *įkùrtas* ‘учреждённый’, *draugáuti* ‘дружить’, *gùiti* ‘гнать’; перед гласными вместо них обнаруживаются акустически близкие гетеросиллабические, и потому несомненно бифонемные, группы типа [a]+[ɫ], [a]+[v] (факультативно — и [a]+[ɥ]), [u]+[j]: *gã-li* ‘может’, *kù-ras* ‘топливо’, *drau-gãvo* ‘(он) дружил’ (произносится и [drau-gã-ɥo]), *tuř-gu-je* ‘на базаре’, *gù-ja* ‘гонит’⁷⁰.

⁷⁰ В северножемайтском диалекте конечные дифтонги также распадаются на сочетания типа *V* + [j, v] перед факультативным гласным — эмфати-

Следовательно, [aɫ] и [a-ɫ], [ur] и [u-r], [au] и [a-v] ([a-ɥ]), [ui] и [u-j] и др. находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что легко заметить и понять благодаря рассматриваемым автоматическим чередованиям. Поэтому до сих пор никто не сомневался в том, что литовские смешанные дифтонги являются сочетаниями типа /a/+R (см. табл. 10).

Таблица 10. Дистрибуция литовских смешанных дифтонгов и соответствующих им гетеросиллабических сочетаний

Звуки	Позиции			Интерпретация
	[—#]	[—C]	[—V]	
	1	2	3	
[aɫ]	+	+		/a+/l/
[a-ɫ]			+	
[ur]	+	+		/u+/r/
[u-r]			+	

Более разнообразные мнения существуют по поводу чистых составных дифтонгов. Во-первых, несколько раз высказывалась точка зрения, что все их следует считать отдельными фонемами [Vaitkevičiūtė 1961: 39 et passim; Ulvydas 1965: 57 et passim]; во-вторых, некоторые сторонники бифонемной трактовки этих звуков по-разному оценивают их вторые компоненты (ср. [Schmalstieg 1958; Kazlauskas 1966; Girdenis 1966a (= Girdenis 2000b: 309f.; Svecevičius, Pakerys 1967; Mikalauskaitė 1975: 56–57]).

Однофонемная интерпретация составных дифтонгов в настоящее время представляет интерес только как своеобразный анахронизм, поскольку ещё в 1929 г. Н. С. Трубецкой совершенно убедительно доказал, что эти звуки несомненно являются бифонемными [Trubetzkoj 1929: 55] (ср. [Trost 1965: 183; Girdenis 1970b: 17; 1977b: 192 (= Girdenis 2000c: 86); Smoczyński 1978; Амбразас 1985: 20f.; Ambrazas 1997: 22 (= Girdenis 2001: 208)]).

Принимая во внимание их автоматическое чередование и очевидной (см. § 17 и 66) и перед начальным гласным следующего слова, напр.: *matâ.u* → *matâ.-və* «*mataĩ*» ‘вижу’, *tẽ.i* → *tẽ.-jə* «*tiẽ*» ‘те’, *ja-v̂atejê* «*jau atė-jaĩ*» ‘(ты) уже пришёл’, *anẽ.-jĩšvažõ.-v̂ĩmĩest^a* «*aniẽ išvažiũoja į miẽstą*» ‘они уезжают в город’. Любопытно, что это явление замечено уже в XIX в. (см. [Čiulda 1993: 265; Subačius 1993: 40]); оно не совсем чуждо и юго-западным аукштайтам (ср. [Girdenis 1992a (= Girdenis 2001: 378)]).

ную дополнительную дистрибуцию со сходными гетеросиллабическими сочетаниями, следует и их считать сочетаниями фонем, состоящими из соответствующих кратких гласных и /j/, /v/ (см. табл. 11).

Таблица 11. Дистрибуция чистых составных дифтонгов и соответствующих гетеросиллабических сочетаний в литовском языке

Звуки	Позиции			Интерпретация
	[—#]	[—C]	[—V]	
	1	2	3	
[au]	+	+		/a+/v/
[a]-[v]			+	
[ui]	+	+		/u+/j/
[u]-[j]			+	

Эта интерпретация оказывается ещё более приемлемой, если учитывать и другие фонологические аргументы. Во-первых, она устраняет слоги, центральная часть которых должна состоять из сочетания двух гласных, и заполняет некоторые пустые клетки в структуре сочетаний согласных: теперь /j, v/ функционируют как члены класса /l, m, n, r/ не только в начале, но и в конце слога (в импловивных группах, ср. § 111). Во-вторых, такая интерпретация составных дифтонгов даёт возможность легче объяснить все автоматические чередования неслоговых [i̯], [u̯] и согласных [j], [v], которые наблюдаются, например, и в таких случаях, как *žolėj* (-[ẽ:i̯]) : *žolėjė* ‘в траве’, *sudiėu* ‘прощай(те)’: *su dievū* ‘с богом’, где [i̯], [u̯] обязательно следует считать аллофонами /j/, /v/ (см. табл. 12)⁷¹.

Таблица 12. Дистрибуция литовских [i̯], [u̯] и [j], [v]

Звуки	Позиции			Интерпретация
	[—#]	[—C]	[—V]	
	1	2	3	
[i̯]	+	+		/j/
[j]			+	
[u̯]	+	+		/v/
[v]			+	

⁷¹ Сторонникам монофонемной интерпретации дифтонгов приходится избавляться от таких фактов с помощью недопустимых диахронических аргументов (см. § 10).

Конечно, в принципе составные чистые дифтонги можно считать и сочетаниями типа /a/, /e/ + /i/, /u/ (напр., [Kazlauskas 1966]), но такой выбор опирался бы только на сходство неслоговых [i], [u] и слоговых [i], [u] (ср. [Svecevičius, Pakerys 1967; Pakerys 1968; 1986: 190ff.; Свецевичюс, Пакерис 1968]) — все прочие доводы свидетельствуют в пользу первой интерпретации.

Первую, а не вторую интерпретацию поддерживают и некоторые типологические данные.

1. В российском языкознании никто не сомневается, что аллофоном фонемы /j/ является не только [j], но и открытый неслогообразующий звук типа [ɛ̟], обозначаемый русистами как [э̟], см. [Панов 1967: 45]).

2. В белорусском и украинском языках [j̟ u̟], встречающиеся в условиях, сходных с условиями употребления лит. [j̟ u̟], интерпретируются только как аллофоны фонем /j v (w)/ [Падлужны 1969: 41–43; Перебийніс 1970: 26–27].

3. Совершенно самостоятельно выдвинута и такая же трактовка восточнолатышских дифтонгов [Lelis 1961: 80–85].

4. Обоснованно считается, что в таджикском (по-видимому, и в персидском) [u̟] ([w]) = /v/, ср. *va* ‘и’ : *gow* [go̟] ‘корова’ [Сokolova 1948: 282].

5. Не раз уже писалось, что сочетаниями типа V + /j v/ можно считать датские (напр., [Fischer-Jørgensen 1962: 97]) и даже немецкие [Heike 1972: 43–44] дифтонги⁷².

§ 83. Некоторые исследователи склонны считать сочетаниями фонем и слитные дитонги [ie], [uo̟] — членить их на /i/+e/, /u/+a/⁷³ (см. [Schmalstieg 1958; Kazlauskas 1966]; на диалектном

---

⁷² О том, что вторыми компонентами жемайтских составных дифтонгов являются /j v/, свидетельствует также постоянное стремление малограмотных людей писать *lajks* «*lai̯kas*» ‘время’, *stovtov* «*stuotiõ*» ‘стан, фигура’. (С *j*, *v* в качестве вторых элементов дифтонга вместо принятых в орфографии *i*, *u*. — Прим. переводчика.). Точно так же писали и оба моих сына, когда научились читать и немного писать заглавными «печатными» буквами: *BAJSI* ~ *bã.i.ši* «*baisi*» ‘страшная’, *JOVKOV* ~ *joukõ.u* «*juokáuja*» ‘шутит’, *ŠOV* ~ *šõ̯.u* «*šiuõ*» ‘собака’ (см., напр., [Karosienė, Girdenis 1995: 75f. (= Girdenis 2001: 189f.)]).

⁷³ Даже /u/ + <ə> [Schmalstieg 1958] или /u/ + /A/ (/A/ — «архифонема» фонем /a/ и <ə> (!) — [Kazlauskas 1966: 75]). Это, без сомнения, совершен-

материале — [Hjelmslev 1936–1937; Hamp 1959; Гаршва 1977b: 67–69; Garšva 1982: 66]). Такая точка зрения чаще всего обосновывается предполагаемыми минимальными парами *lieti* ‘лить’ : *limti* ‘ломаться’, *kiētis* ‘твёрдость’ : *kiŗtis* ‘удар; ударение’, *kietas* ‘твёрдый’ : *kiltas* ‘грубый, толстый’, *kuōpti* ‘чистить’ : *kuĩpti* ‘изгибаться’, *kuokēlē* ‘тычинка’ : *kulkēlē* ‘пулька’ и т. д., якобы показывающими, что вторая часть этих дифтонгов коммутрует с другими звуками (в приведённых примерах — с сонорными [m], [r], [l], [l̥], см. [Kazlauskas 1966: 75]). Но на самом деле данные примеры мало что доказывают, поскольку из них не следует, что и первый компонент рассматриваемых дифтонгов может коммутировать сходным образом⁷⁴. Такая коммутация, конечно, невозможна, поскольку перед [e] или [æ] может употребляться только тавтосиллабический напряжённый компонент типа [i], а перед [ɔ] или [a] — только закрытый напряжённый компонент типа [u]. Кроме того, по своим акустическим и аудитивным признакам эти первые компоненты стоят ближе не к кратким ненапряжённым [i], [u], а к долгим напряжённым [iː], [uː]. Придерживаясь критерия фонетического сходства, мы должны считать [ie] сочетанием не /i/+e/, а /iː/+e/, [uɔ] — сочетанием не /u/+a/, а /uː/+a/, хотя, как известно, дифтонги с первым компонентом долгим гласным [iː], [uː] — редкое исключение, возможное, по сути, только в кон-

---

но искусственные решения типа фокуса (англ. *hocus-pocus*), так как <ɔ> — периферийная фонема, встречающаяся только в современных заимствованиях. Чужой гласный никак не может быть компонентом исконного дифтонга.

«Слитные» дифтонги считаются сочетаниями и в трудах генеративных фонологов (напр., [Heeschen 1968: 216; Kenstowicz 1969: 5; 1970: 79ff., 1972: 3–4]). В их системе эта трактовка выглядит совершенно уместной, поскольку хорошо согласуется с бифонемной трактовкой долгих гласных: [oː] = /a/ + /a/, [eː] = /e/ + /e/ и т. д.

⁷⁴ Попытку Л. Ельмслева сопоставлять такие «минимальные пары», как *piđtą* ‘пир (Acc. Sg.)’ : *prōtą* ‘ум (Acc. Sg.)’, *tiēsą* ‘правду (Acc. Sg.)’ : *trēsą* ‘процентные деньги, проценты (Acc. Sg.)’ убедительной критике подверг В. Смочыньский [Smoczyński 1975; 1978]. Такие сопоставления полностью игнорируют синтагматику и даже парадигматику, так как допускают, что, например, /r/ и /u/, /r/ и /i/ могут быть членами одного и того же синтагматического класса. Аналогичную ошибку делает и Й. Казлаускас: он имплицитно относит к одному синтагматическому классу /e/ и /m/, <ɔ> и /l/...

це слова и в первом компоненте сложных слов. Ещё хуже то, что в данной аргументации скрывается логический порочный круг: сопоставляя такие пары слов, исследователи уже заранее принимают, что [ie], [uo] являются сочетаниями если и не фонем, то хотя бы звуков⁷⁵. А особенно здесь важно то, что между [ie], [uo] и сходными с ними явными сочетаниями нет отношения дополнительной дистрибуции: эти сегменты встречаются и перед гласными, напр.: *núoaižos* ‘шелуха’, *núoalpis* ‘обморок’, *núoalsùs* ‘устающий’, *núoara* ‘вспаханное место у межи’, *núoauga* ‘нарост’, *príeaiškštė* ‘место около площади’, *príeakis* ‘место у глаза’, *príealkis* ‘голод’, *príeangis* ‘крыльцо’, *príeaugis* ‘прирост’, *príeauglis* ‘молодняк’, *príeaušris* ‘начало рассвета’, *príeežis* ‘место у межи’. Наконец, нельзя забывать и такое почти фонетическое чередование [uo] : [u] как в словах *aštuoni* ‘восемь’ : *aštuñtas* ‘восьмой’, *púolė* ‘(он) напал’ : *pùlti* ‘нападать’ и др.; косвенно о близости [ie], [uo] монофтонгам свидетельствуют и следующие морфонологические чередования: *geri* ‘хорошие (Nom. Pl. m.)’ : *gerie-ji* ‘хорошие (Nom. Pl. m., местоим. ф.)’ = *gerùs* ‘хороших (Acc. Pl. m.)’ : *gerúos-ius* ‘хороших (Acc. Pl. m., местоим. ф.)’ = *gerà* ‘хорошая (Nom. Sg. f.)’ : *geró-ji* ‘хорошая (Nom. Sg. f., местоим. ф.)’ = *geràs* ‘хороших (Acc. Pl. f.)’ : *gerás-ias* ‘хороших (Acc. Pl. f., местоим. ф.)’.

Все эти факты легче и проще объясняются, если считать [ie], [uo] не сочетаниями, а самостоятельными фонемами /ie/, /uo/, принадлежащими к классу долгих гласных. Такая интерпретация литовских слитных дифтонгов (возможно, точнее было бы сказать *полифтонгов* [Поливанов 1968: 118, 126 et passim]) принимается, например, в следующих работах: [Trubetzkoy 1929: 55; Trost 1965; 1966: 149; Girdenis 1966a (= Girdenis 2000b: 309f.); Buch 1968; Merlingen 1970: 344; Топорова 1972: 140–141; Mikalauskaitė 1975: 56]. О том, что так же оцениваются и полифтонги латышского языка и его диалектов, см. [Lelis 1961: 67, 70–73; Bendiks 1972; Маркус 1982: 96].

В говорах, характеризующихся сокращением гласных в безударных слогах, однофонемность [ie], [uo] доказывается ещё легче, поскольку там

⁷⁵ Это весьма распространённая «болезнь» фонологов, пытающихся решить проблему состава дифтонгов (см., напр., [Глушак 1966: 382]).

эти дифтонги совершенно в тех же случаях и таким же образом, как и долгие гласные, сокращаются в безударных позициях и превращаются в явные монофтонги, ср. в.-аукшт. купишские *dúona* «*dúona*» ‘хлеб’ : *dɔ.ná.la*. «*duonēlè*» ‘хлебушек’, *vienà* «*vienà*» ‘одна’ : *vɛ.nó.s* «*vienōs*» ‘одной (Gen. Sg.)’, в.-аукшт. утянские *dúona* ‘хлеб’: *da.nɛ.la*. ‘хлебушек’, *diénà* «*dienà*» ‘день’ : *dæ.nɔ̃* «*dienōj*» ‘в дне’ (см., напр., [Чекман 1977; Kosienė 1978: 30–31; Kačiuškienė 1982: 41; Girdenis, Židonytė 1994 (= Girdenis 2001: 127ff.)]; о сходных явлениях в северножемайтском диалекте и об их интерпретации — [Girdenis 1971b: 25 (= Girdenis 2000b: 216); 2000b: 152f.]⁷⁶. В восточных говорах на однофонемность [ie], [uo] указывают и слоговые интонации. На слогах, центром которых являются эти звуки, слоговые интонации такие же, как на слогах, образованных долгими монофтонгами, и они сильно отличаются от интонаций на тех слогах, центр которых представлен смешанными или составными дифтонгами. Только слоги, образованные монофтонгами и /ie/, /uo/, затронула так называемая нивеляция интонаций — их некоторое ослабление и сближение, наблюдаемое в большинстве восточноаукштайтских говоров (ср. [Zinkevičius 1966: 33–34]; подробнее об этом см. § 66 и § 245, сн. 50)⁷⁷.

⁷⁶ Здесь, по-видимому, стоит добавить один нетрадиционный аргумент.

Северножемайтские подростки раньше использовали особый конспиративный жаргон, основанный на том, что группа *Vp* типа вставляется между каждым согласным или сочетанием согласных и центром слога — гласным или дифтонгом; вставляемый гласный *V* повторяет гласный слогового центра, только без количественных и просодических характеристик. Напр.: *tepẽi vîpîrapâ borô.vapa tepêkrepê žapâltepẽ* ~ *tẽi vîrâ bô.va tẽkrẽ žâltẽ* «*Tiẽ vûrai bùvo tikrì žâlčiaĩ*» ‘Те мужики были настоящие гады’. Составные дифтонги в таких случаях оцениваются как сочетания (повторяется только гласный первого компонента), а слитные — как отдельные долгие гласные (повторяется краткое контрагированное соответствие всего дифтонга), ср.: *karâišepẽ* ~ *kâišẽ* «*kâišei*» ‘(ты) скрѣб’, *kæpã.u. rapâ* ~ *kã.u.râ* «*kiaurâ*» ‘дырявая’, *lapáužopô.u* ~ *láužô.u* «*láužui*» ‘костру’, *tepẽi* ~ *tẽi* «*tiẽ*» ‘те’, но *l"opûov"opûo* ~ *lûovûo* «*lôvoj*» ‘в кровати’, *rapad"epiej"opûom d"epîdedepẽ* ~ *padiejûom dîdedẽ* «*padėjome dẽdei*» ‘(мы) помогли дяде’, *tr"op"òb"opûo* ~ *tr"òbûo* «*trobõj*» ‘в избе’. Подробнее об этом см. [Karosienė, Girdenis 1995 (= Girdenis 2001: 182ff.)], где приводимая здесь интерпретация дифтонгов обосновывается и статистически.

⁷⁷ Молодое поколение восточных аукштайтов слоговые интонации на монофтонгах и /ie/, /uo/ в самом деле различает слабее, чем западные аукштайты и жемайты; особенно это относится к носителям ширвинтского, купишкского, аникшчяйского и утянского говора. Но полного неразличения слоговых интонаций, подлинной их дефонологизации нет ни в одном говоре литовского языка. Например, носители утянишского говора на слух

§ 84. В заключение обзора методов и принципов синтагматической идентификации фонем следует ещё раз напомнить, что подозреваемые сегменты обязательно нужно считать сочетаниями фонем во всех тех случаях, когда членение помогает избежать очень узкой и вообще нерегулярной дистрибуции фонем. Поэтому, например, совершенно правильно поступают литовские исследователи диалектов, которые фиксируют в окончаниях северных и западных жемайтских говоров так называемые редуцированные гласные, ср.: $v\tilde{a}ik^e$ «*vaĩkio*» ‘парня (Gen. Sg.)’ : $v\tilde{a}ik^i$ «*vaĩki*» ‘парня (Acc. Sg.)’ : $v\tilde{a}ik^u$ «*vaĩkiu*» ‘парней (Gen. Pl.)’, $k\hat{a}.i\tilde{l}^e$ «*káilio*» ‘шкуры (Gen. Sg.)’ : $k\hat{a}.i\tilde{l}^i$ «*káili*» ‘шкуру’ : $k\hat{a}.i\tilde{l}^u$ «*káiliu*» ‘шкур’, $gr\acute{a}.s^e$ «*grāšio*» ‘гроша’ : $gr\acute{a}.s^i$ «*grāši*» ‘грош (Acc. Sg.)’ : $gr\acute{a}.s^u$ «*grāšiu*» ‘грошей’, $j\hat{a}.u\tilde{t}^e$ «*jáučio*» ‘быка (Gen. Sg.)’ : $j\hat{a}.u\tilde{t}^i$ «*jáuti*» ‘быка (Acc. Sg.)’ : $j\hat{a}.u\tilde{t}^u$ «*jáučiu*» ‘быков (Gen. Pl.)’. В действительности эти формы чаще всего различаются не самостоятельными вокалическими сегментами, а специфическим тембром конечного согласного: формы род. п. ед. ч. $v\tilde{a}ik^e$, $k\hat{a}.i\tilde{l}^e$, $gr\acute{a}.s^e$, $j\hat{a}.u\tilde{t}^e$ оканчиваются слабо палатализованным согласным (произносятся приблизительно как [vã·iḱ], [kâ.iḷ], [grá.š̥]), в формах вин. п. ед. ч. $v\tilde{a}ik^i$, $k\hat{a}.i\tilde{l}^i$, $gr\acute{a}.s^i$, $j\hat{a}.u\tilde{t}^i$ представлен сильно палатализованный конечный согласный (≈ [vã·iḱ], [kâ.iḷ], [grá.š̥], [jâ.uṭ] или [vã·iḱ], [kâ.iḷ]), формы род. п. мн. ч. $v\tilde{a}ik^u$, $k\hat{a}.i\tilde{l}^u$, $gr\acute{a}.s^u$, $j\hat{a}.u\tilde{t}^u$ произносятся с сильно лабиализованным и палатализованным согласным (≈ [vã·iḱ°], [kâ.iḷ°]; см., напр., [Zinkevičius 1966: 117; Grinaveckis 1973: 272]). Следовательно, можно было бы считать, что в говоре есть мягкие согласные трёх типов: /ḱ/, /ḱ/ и /ḱ°/, /ḷ/, /ḷ/ и /ḷ°/, которые противопоставляются только в конце слова и в конечных консонантных группах. Таким образом фонологическая система говора пополнилась бы многочисленными согласными фонемами с очень ограниченной дистрибуцией и неестественно сузилась бы дистрибуция гласных фонем, поскольку в безударных окончаниях не было бы встречающихся в других позициях фонем /i/, /e/ и /u/. Ещё больше положение осложняют формы ти-

---

довольно хорошо различают такие произнесённые вне контекста минимальные пары, как $p\acute{u}.t\hat{a}x$. «*pūti*» ‘гниль’ : $p\tilde{u}.t\hat{a}x$. «*pūtė*» ‘(он) дул’, $s\acute{u}.d\hat{a}$. «*sūdo*» ‘(он) солит’ : $s\tilde{u}.d\hat{a}$. «*sūdo*» ‘суда (Gen. Sg.)’, $t\hat{r}\acute{i}.n\hat{a}x$. «*trūnė*» ‘(он) тёр’ : $t\tilde{r}\acute{i}.n\hat{a}x$. «*trūnio*» ‘желтка’ [Kosienė 1979].

па *rá.kt^o* «*ràktu*» ‘(он) ковырял бы’ : *rá.kt^u* «*rãktu*» ‘ключей’ : *ràkt^a* «*rãktq*» ‘ключ (Acc. Sg.)’, в которых, если поступать последовательно, следовало бы также выделить самостоятельные, противопоставленные только в конце слова слабо лабиализованную, сильно лабиализованную и веляризованную согласные фонемы /t^o/, /t^u/, /t^a/ . Итак, мы пришли к логическому, но совершенно нереальному выводу, которому противоречит и речь полного стиля (*lento*): нередко — особенно при эмфатическом повторе фразы — говорится, напр., *ne šá.ki sakâ.u bet šá.ke* «*ne Šãkĩ sakaũ, bet šãke*» ‘не «Шакиса» говорю, а «вилы»’ с абсолютно отчётливыми конечными гласными (ср. [Girdenis, Lakienė 1976: 73 (= Girdenis 2000c: 339), сн. 11]). Следовательно, редуцированные северножемайтские гласные не только можно, но и обязательно нужно считать самостоятельными гласными фонемами, хотя в речевых актах они обычно реализуются только как симультанные тембровые признаки согласных.

Аналогично следует интерпретировать и редуцированные (т. н. «бормотные») гласные северных паневежцев в формах типа *kàs^b* «*kasù*» ‘копаю’, *ròš^b* «*rišù*» ‘связываю’, *varg^bs* «*vargùs*» ‘беды (Acc. Pl.)’, *žvâk^bš* «*žvakes*» ‘свечи (Acc. Pl.)’. Если в окончаниях этих форм не постулировать гласной фонемы, то пришлось бы ввести либо оппозицию слоговых интонаций в кратких конечных слогах (ср.: *kàs^b* «*kasù*» ‘копаю’ ≠ *kàs* «*kàs*» ‘будет копать’, *ròš^b* «*rišù*» ‘связываю’ ≠ *ròš* «*riš*» ‘будет связывать’), либо признать тернарную количественную оппозицию гласных, либо изобрести просодическую оппозицию «сильных» и «слабых» слогов (см., напр., [Garšva 1982: 70, 73 и указ. лит.]), а также перенести в морфологию многие совершенно автоматически функционирующие фонологические правила (ср.: *baùb^bs* «*baubùs*» ‘бук, жупелы (Acc. Pl.)’ ≠ *baùps* «*baũbs*» ‘будет мычать’, *varg^bs* «*vargùs*» ‘беды (Acc. Pl.)’ ≠ *varks* «*vargs*» ‘будет бедствовать’ и др.) и, наконец, игнорировать такие минимальные пары как *jàúk^bš* «*jaukiùs, -ias*» ‘уютных, -ые (Acc. Pl. m., f.)’ ≠ *jàúks^b* «*jaũksi, -iu*» ‘будешь, буду смешивать’, *šlâp^bš* «*šlapiùs, -iàs*» ‘мокрые (Acc. Pl. m., f.)’ ≠ *šlâps^b* «*šlâpsi, -iu*» ‘будешь, буду мокнуть’, которые различаются только местом редуцированных сегментов.

Всех этих сложностей можно избежать, признав, что в диалекте существует «редуцированная» гласная фонема /ə/ (или,

точнее говоря, архифонема; см. [Kačiuškienė 1982: 44]; ср. [Girdenis, Židonytė: 1994 (= Girdenis 2001: 127ff.)], которая после твёрдых согласных реализуется аллофоном заднего ряда [ʰ], после мягких — аллофоном переднего ряда [ʰ]. Чаще всего эти аллофоны произносятся только как дополнительные свойства других фонем, но в речевых актах полного стиля (*lento*) могут слышаться и достаточно отчётливые вокалические сегменты⁷⁸.

Если ввести в систему фонему /ə/, то все упомянутые различия в произношении звуков основы легко объясняются различиями их позиций: перед /ə/ краткие гласные произносятся дольше, чем перед паузой, а звонкие согласные не оглушаются, хоть за ними и следует морфема с вроде бы глухим планом выражения, ср.: *bāĩ.bʰs* «*baiĩbas*» ‘бука, жупел’ = {bavb-}+{-əs}, но *bāĩps* «*baiĩbs*» ‘будет мычать’ = {bavb-}+{-s}. Только в результате фонетической («поверхностной») редукции фонологической единицы /ə/ в говоре появляются слоговые шумные согласные, а также такие сочетания согласных (напр.: *grāžs* «*grāžus*» ‘красивый’, *paĩ.šs* «*paĩšas*» ‘поросёнок’), которые противоречат даже универсальным законам фонотактики; ср. [Trnka 1936; Гринберг 1964: 48 (5-е правило), 52 (16-е правило)]. Следовательно, введённая фонема даёт возможность просто истолковать множество сложных явлений диалекта — иными словами, обладает большой объяснительной силой.

Следует также добавить, что северопаневежские редуцированные гласные (как и северножемайтские) в некоторых исключительных случаях произносятся и как отчётливые слогаобразующие звуки. Например, северные паневежцы в пении или диктуя текст песни обычно произносят не *bá.ltʰs dõbõlẽ·lʰ*, *koĩ bõvõ* «*báltas dobilẽli, kuĩ buvaĩ?*» ‘белый клеверочек, где (ты) был?’, но *bá.ltʰys* (или *bá.ltʰəs*) *dõbõlẽ·li*, *koĩ bõvõ.*, — следовательно, тоже иногда произносят слогаобразующий эквивалент редуцированного гласного⁷⁹. Это свидетельствует о том, что сегменты типа - $\hat{C}^{(b)}$,

⁷⁸ Тщательное исследование Геновайте Качюшкене позволяет нам подробнее не углубляться в историю этого вопроса и фонетические детали (см. [Kačiuškienė 1980; 1982; 1983; Качюшкене 1984: 13ff., 121–139]).

⁷⁹ Г. Качюшкене [1983: 24, сн. 4], по-видимому, справедливо сомневается в доказательной силе песен. Но в данном случае не следует упускать из

-C^(b) иногда факультативно чередуются с явными сочетаниями -Ĉi, -Cə и поэтому должны считаться сочетаниями фонем /Ĉ/+/ə/, /C/+/ə/ и согласно принципам, рассмотренным в § 81 (иными словами, согласно седьмому правилу Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1977: 55–57 = Трубецкой 1960: 69–70]). Однако наличие указанного чередования не обязательно для такой интерпретации: данные сегменты следовало бы членить и в том случае, если бы такого чередования вообще не было⁸⁰.

В заключение также следует сказать, что для редуцированных гласных литовских диалектов нетрудно найти достаточно близкие типологические параллели. Особенно хорошо известны такие «неустойчивые» фонемы в современных иранских языках (см., напр., [Соколова 1948: 279–280; 1949: 26, 78–79: 92; 1951; Зограф 1976: 178]; ср. также [Чекман 1979: 203–204; Kačiuškienė 1983: 36 и указ. лит.]). Ни один лингвист, исследовавший эти языки, не предлагал отказаться от редуцированных («непостоянных») гласных как самостоятельных фонем, хотя в нормальной и ускоренной речи они почти никогда не реализуются отдельными звуками.

Е) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 85. Из того, что выяснилось при анализе различных случаев синтагматической идентификации фонем, нужно обратить особое внимание на следующее:

виду, что в окончаниях цитируемого примера звучат не «общелитовские», а панежежские гласные ([ы], [ə], [ɪ]).

⁸⁰ Данная интерпретация сформулирована уже в 1965 г., когда ещё почти ничего не было известно о возможной сегментной (слоговой) реализации редуцированных гласных (см. [Girdenis, Zinkevičius 1966: 143 (= Girdenis 2000b: 49), сн. 20; Zinkevičius 1966: 119; 1975; 1976; 1978: 60–61]; ср. также [Morkūnas 1982: 22–26]). «Редуцированная» фонема введена как необходимый теоретический конструкт, просто и эффективно объясняющий все рассмотренные аномалии фонемных сочетаний. Абсолютно также существование данных гласных уже доказывал Казимир Яунюс [Явнись 1897: 196]; по поводу жемайтских редуцированных гласных ср. также [Толстая 1972: 139] и [Гирдянис 1977: 305 (= Girdenis 2000c: 380f.)]. Новейшую попытку отрицать существование этой фонемы см. [Garšva 1998] (ср. [Girdenis 2001: 164, сн.]).

1. Подозреваемыми в бифонемности сегментами следует считать такие звуковые комплексы, которые в одних фонологических системах функционируют как самостоятельные фонемы, или монофонемы, а в других системах — как сочетания фонем, или бифонемы.

2. Подозрительные сегменты часто отличаются от неподозрительных необычно большой длительностью произнесения и/или неплавной и неоднородной артикуляцией. Из подозрительных сегментов очевидными сочетаниями фонем являются только те, составные части которых принадлежат различным слогам.

3. Подозреваемые сегменты несомненно являются самостоятельными фонемами в следующих случаях:

а) если они противопоставлены близким по произношению очевидным сочетаниям фонем;

б) если хотя бы один их компонент нельзя считать аллофоном какой-либо фонемы, употребляющейся самостоятельно (не только в подозрительном сегменте);

с) если их членение противоречит общим правилам структуры слога и сочетаний фонем в целом.

4. Подозреваемые сегменты, несомненно, представляют собой сочетания фонем:

а) если они функционируют как факультативные варианты близких по произношению очевидных сочетаний;

б) если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции с близкими по произношению очевидными сочетаниями;

с) если их членение упрощает правила дистрибуции фонем и даёт возможность избежать постулирования фонем с крайне ограниченной или нерегулярной дистрибуцией.

Все эти правила подчиняются принципам наименьшего инвентаря и максимальной регулярности отношений, из которых особенно важен второй. Но последовательно опираться на него мы сможем только тогда, когда хотя бы в самых общих чертах исследуем отношения фонем.

Метод коммутации, предложенный А. Мартине, не является ни очень значимым, ни универсальным, и пользоваться им можно только в исключительных случаях. Он ни в коем случае не может заменить основные правила Н. С. Трубецкого (из этих правил

следует устранить только некоторые погрешности фонетического или антропофонического характера).

§ 86. Следует также добавить, что для синтагматической идентификации фонем довольно важными могут оказаться явления сандхи (внешнего, межсловного стыка) (см. [Стеблин-Каменский 1971]; ср. сн. 70 и указ. лит.). Звуковые сегменты, появляющиеся на стыке слов вместо явных сочетаний, почти всегда являются звуковой реализацией этих сочетаний (ср., напр., интерпретацию испанских дифтонгов — [Alarcos Llorach 1975: 154–155]). То же самое можно сказать и о подозреваемых сегментах, появляющихся только на стыке определённых морфем.

III. ОТНОШЕНИЯ ФОНЕМ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 87. Определением инвентаря фонем фонологический анализ языка не заканчивается. Дальнейшей задачей является исследование взаимоотношений фонем, установление их классов и дифференциальных признаков¹.

Все отношения языковых единиц распадаются на два больших класса: они бывают либо парадигматическими, либо синтагматическими (см., напр., [Ельмслев 1960b: 297–298; Мартине 1963: 391; Постовалова 1972: 169; Muljačić 1973: 37; Степанов 1975b: 258–260]).

§ 88. Парадигматические отношения (из греч. *παράδειγμα* ‘пример, образец’, ср. *парадигма*) существуют между такими языковыми единицами, которые могут занимать одно и то же место внутри более сложной единицы и поэтому различают его содержание. Например, такие отношения наблюдаются между словами *Jõnas*, *Adõmas*, *Eustāchijus*, *Adeodātas*, *Baltramiējus*, *Kresceñtijus*, *Giñtaras*, *vaikinas* ‘парень’, *jaunikāitis* ‘юноша’, *ūkininkas* ‘хозяин’, поскольку они могут употребляться, допустим, в контексте # — *mýli Marijõnq* # ‘# — любит Марийону’ и поэтому различают такие предложения как *Jõnas mýli Marijõnq* ≠ *Adõmas mýli Marijõnq* ≠ ... ≠ *Jaunikāitis mýli Marijõnq* ≠ *Ūkininkas mýli Marijõnq*, а также между словами *mýli* ‘любит’, *bāra* ‘ругает’, *geřbia* ‘уважает’, *řokdina* ‘приглашает танцевать’, *řnēkina* ‘втяги-

---

¹ В практике дескриптивной лингвистики уделяется мало внимания отношениям фонем, их классификации и признакам (ср. [Fischer-Jørgensen 1975: 91–93]). Исключение представляет, пожалуй, лишь Ч. Хоккет [Hockett 1955: 150ff.]. Важнейшая цель процедур дескриптивистов — установление инвентаря фонологических единиц, поэтому учёные этого направления, вместо того чтобы подробнее исследовать, например, синтагматические отношения, просто приводят списки или таблицы сочетаний фонем (см., напр., [Harris 1963: 153]).

вает в беседу’, *l̥ydi* ‘провожает’, которые могут заменять друг друга в контексте # *Jōnas* — *Marijōnā* # (ср.: *Jōnas mýli Marijōnā* ≠ *Jōnas bāra Marijōnā* ≠ *Jōnas geŗbia Marijōnā* и т. д.), и между словами *Marijōnā*, *Vilhelminā*, *Ēglē*, *Uršūlē*, *išdŷkēlē* ‘шалунья’, *šokēja* ‘танцовщица’, *studeņte* ‘студентка’, которые могут занимать последнюю (# *Jōnas mýli* — #) позицию (ср.: *Jōnas mýli Marijōnā* ≠ *Jōnas mýli Vilhelminā* ≠ *Jōnas mýli Ēglē* ≠ ... ≠ *Jōnas mýli studeņte*). Отношения между этими словами мы могли бы представить так:

А	В	С
<i>Jōnas</i>	<i>mýli</i>	<i>Marijōnā</i>
<i>Adōmas</i>	<i>bāra</i>	<i>Vilhelminā</i>
<i>Eustāchijus</i>	<i>geŗbia</i>	<i>Ēglē</i>
<i>Giņtaras</i>	<i>šokdina</i>	<i>Uršūlē</i>
<i>Baltramiėjus</i>	<i>šnēkina</i>	<i>išdŷkēlē</i>
<i>Adeodātas</i>	<i>l̥ydi</i>	<i>šokēja</i>
<i>Kresceņtijus</i>	<i>skriaũdzia</i> ‘обижает’	<i>dirėktorė</i> ‘директора’
<i>vaikinas</i>	<i>moko</i> ‘учит’	<i>poėtė</i> ‘поэтессу’
<i>jaunikaitis</i>	<i>vėda</i> ‘ведёт’	<i>studeņte</i>
<i>ũkininkas</i>	<i>ramātė</i> ‘увидел’	<i>piemenaitė</i> ‘пастушку’

Здесь хорошо видно, что слова, которые могут друг друга заменять в одной и той же позиции, образуют определённые классы, или парадигмы [Hjelmslev 1963: 36ff.]. Все члены одной парадигмы в сочетании выполняют одну и ту же функцию и обладают определёнными общими свойствами. В первой парадигме (А) нашего примера представлены лишь именительные падежи существительных — имён или обозначений мужчин; все слова второй парадигмы (В) являются переходными глаголами; третья парадигма (С) состоит из винительных падежей существительных — имён или обозначений женщин. Таким образом, парадигматические отношения так называются потому, что они бывают между членами одной парадигмы, одного класса.

Примеры показывают, что парадигматические отношения не конкретны, а абстрактны — это, так сказать, отношения *in absentia* [Ельмслев 1960b: 295–297]. В высказывании *Jōnas mýli Marijōnā* мы не слышим и не видим никаких других членов первой, второй или третьей парадигмы, за исключением тех, которые

на самом деле произнесены или написаны, — другие члены существуют только в системе (как возможные заместители произнесённых слов, или субституты). В речи из каждой парадигмы выбирается только один какой-нибудь её член.

§ 89. Такие же парадигматические отношения существуют и между фонемами и другими фонологическими единицами. Так, например, соотносятся литовские фонемы /b d g k m n s/, поскольку они могут заменять друг друга в позиции /—a·to·/ и поэтому различают слова *bãro* ‘участка’ ≠ *dãro* ‘делает’ ≠ *gãro* ‘пара (Gen. Sg.)’ ≠ *kãro* ‘войны’ ≠ *mãro* ‘чумы’ ≠ *nãro* ‘водолаза (Gen. Sg.)’ ≠ *cãro* ‘царя (Gen. Sg.)’. Такие отношения имеют место и между фонемами /r l t d k s/, которые могут употребляться в позиции /ba·—o·/ и различать слова *bãro* ‘участка’ ≠ *bãlo* ‘(он) бледнел’ ≠ *bãto* ‘ботинка’ ≠ *bãdo* ‘голода’ ≠ *bãko* ‘бака’ ≠ *bãso* ‘босого (Gen. Sg. m.)’, и между /a· o· u·/, встречающимися в контексте /ba·t—#/ , ср.: *bãta* ‘ботинок (Acc. Sg.)’ ≠ *bãto* ‘ботинка’ ≠ *bãtu* ‘ботинок (Gen. Pl.)’ и т. д. И в этих примерах занимающие одинаковые позиции единицы, — фонемы — образуют определённые классы, или парадигмы (ср. [Hjelmslev 1963: 36; Meinhold, Stock 1982: 29]):

I.	A	B	C	D	II.	A	B	C	D
	<i>b</i>	<i>a</i>	<i>r</i>	<i>o</i>		<i>b</i>	<i>a</i>	<i>t</i>	<i>o</i>
	<i>d</i>		<i>l</i>			<i>l</i>			<i>a</i>
	<i>g</i>		<i>t</i>			<i>r</i>			<i>u</i>
	<i>k</i>		<i>d</i>			<i>m</i>			
	<i>m</i>		<i>k</i>						
	<i>n</i>		<i>s</i>						
	<i>v</i>		<i>c</i>						

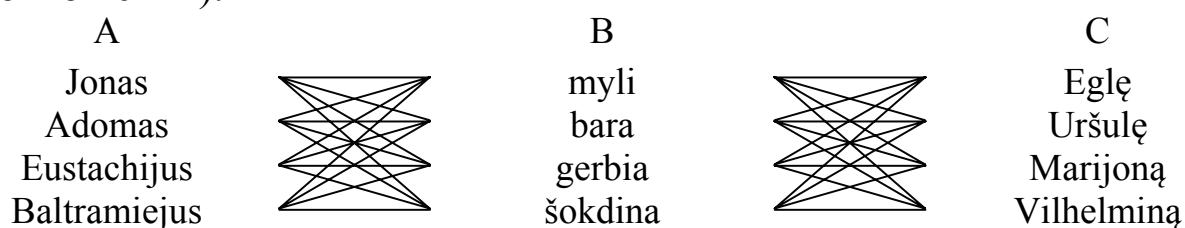
Первая парадигма (A) первого примера (I) состоит из фонем, реализуемых согласными звуками; такие же фонемы представлены в третьей парадигме (C) первого примера. Заключительную (D) парадигму второго примера (II) составляют фонемы, реализуемые вокалическими сегментами.

И в этом случае мы видим, что парадигматические отношения не видны и не слышны. В начале слова *bãro* ‘участка’ мы всегда произносим и слышим реализацию фонемы /b/ — другие фонемы, принадлежащие той же парадигме, что и /b/, одновременно не могут появиться. Значит, и парадигматические отноше-

ния фонем существуют только в системе языке, а не в конкретных высказываниях.

§ 90. Психологической основой парадигматических отношений в большинстве случаев является ассоциация, поэтому Ф. де Соссюр называл такие отношения ассоциативными [Saussure 1967: 170ff. = Соссюр 1977: 155ff.] — термином, ещё явно связанным с психологической традицией языкознания XIX века. Отказавшись от психологизма, лингвисты отказались и от этого термина, но само понятие прочно утвердилось (ср. [Слюсарева 1975: 73–74])².

§ 91. Синтагматические отношения (греч. *σύνταγμα* ‘строй, склад’, ср. *синтагма*, *синтаксис*) наблюдаются между такими языковыми единицами, которые сочетаются или могут сочетаться друг с другом и образовывать более крупные единицы. В нашем предложении *Jōnas myli Marijōņa* такие отношения существуют между словами *Jōnas* и *myli*, *myli* и *Marijōņa*. Здесь объекты синтагматических отношений реализуются в одном и том же речевом акте, поэтому можно сказать, что это отношения *in praesentia*. Но на самом деле в таких же отношениях находятся не только реально произнесённые компоненты сочетания, но и все другие члены соответствующих парадигм, которые в принципе могут образовывать сочетания аналогичной структуры. Это можно представить такой схемой (линии здесь показывают синтагматические отношения):

Как видно, синтагматические отношения связывают не только слова *Jōnas* и *myli*, но и *Jōnas* и *bāra*, *Jōnas* и *gerbia*, *Jōnas* и *šokdina* и т. д. Таким образом, каждый член парадигмы А связан с каждым членом парадигмы В, каждый член парадигмы В — с каждым членом парадигмы С. Только такой взгляд на синтагма-

² Ещё до Ф. де Соссюра двойкие «психологические» отношения языковых единиц (точнее, слов) различал Н. В. Крушевский: одни он называл непосредственными отношениями, другие — ассоциациями по сходству [Kruszewski 1967: 92–93].

тические отношения позволяет отказаться от несомненно ошибочной точки зрения, характерной, например, для глоссематики, согласно которой эти отношения существуют только в речевых актах (или в тексте), а не в системе языка (ср. [Ельмслев 1960b: 289ff.]). На самом деле в речевых актах мы наблюдаем реализованные конкретные синтагматические отношения — в системе языка эти отношения существуют как определённые валентности, или, иначе говоря, возможности сочетания единиц. Между таким образом понимаемыми синтагматическими и парадигматическими отношениями не может быть резкого различия (см., напр., [Степанов 1975b: 259–260]).

§ 92. То же самое следует сказать о синтагматических отношениях фонем и других фонологических единиц. Прежде всего, в таких отношениях находятся конкретные фонемы, образующие более крупные единицы — сочетания, слоги или слова. Например, в слове *bãro* синтагматические отношения существуют между фонемами /b/ и /a·/, /r/ и /o·/, а также между слогами /bã·-/ и /-ro·/. В данном случае это непосредственно слышимые, реализованные в конкретном речевом акте синтагматические отношения — отношения *in praesentia*. Так же соотносятся и все другие фонемы, принадлежащие к тем же парадигмам, что и /b/ и /a·/. С /a·/ синтагматически связано не только /b/, но и /d/, /g/, /k/, /m/, /n/ (ср.: *dãro*, *gãro*, *kãro*, *mãro*, *nãro*, см. § 89); со слогом /bã·-/ синтагматические отношения связывают не только слог /-ro·/, но и /-sas/, /-lus/, /-fê·/ (ср.: *bãsas* ‘босой’, *bãlius* ‘вечеринка’, *bãrê* ‘(он) ругал’).

§ 93. Здесь следует добавить, что синтагматические отношения бывают не только линейными, хотя это самый распространённый тип таких отношений. Возможны и симультанные синтагматические отношения, объединяющие несколько различных фонологических единиц, реализуемых одним звуковым сегментом³. Например, центр китайского слога и слова *mǎ* ‘лошадь’ составляет сочетание гласной фонемы /a/ и тона /˨/ — следовательно, между /a/ и /˨/ (или, точнее говоря, между слогом /ma/ и тоном /˨/) существует симультанное синтагматическое отношение.

---

³ На это обратили особое внимание представители стратификационной грамматики (напр., [Lamb 1966: 9ff.; Lockwood 1972a: 32–33]).

§ 94. В логике парадигматическим отношениям соответствует строгая дизъюнкция, обозначаемая символом „ $\vee\vee$ “ или „ $\dot{\vee}$ “ [Кондаков 1975: 150; Шаумян 1962: 28], синтагматическим отношениям — конъюнкция, обозначаемая „ $\cdot$ “, „ $\wedge$ “ или „ $\&$ “ [Кондаков 1975: 264–266]. Тогда оппозицию фонем /s/ и /p/ мы могли бы записать формулой $s \vee\vee p$, а их синтагматическое отношение — $s \& p$. Когда члены сочетания факультативны, их синтагматические отношения хорошо выражает формула простой дизъюнкции $s \vee p$. Но по сложившейся традиции оппозиции обычно обозначают двоеточием или знаком неравенства ($/s/ : /p/$, $/s/ \neq /p/$ ⁴), а для синтагматических отношений не используют никакого специального символа. Своеобразную систему обозначения этих отношений предлагают представителям стратификационной грамматики. В их схемах парадигматические отношения представлены знаком „ $\sqcap$ “, а синтагматические — „ Δ “; иногда используются и определённые «алгебраические» формулы [Lamb 1966: 9; Lockwood 1972a: 35].

§ 95. Термин *парадигматические отношения* является синонимом не раз упоминавшейся ранее *оппозиции*. Синтагматические отношения некоторые учёные, связанные с Пражской школой, например А. Мартине, также называют однословным термином — *контрасты* (см., напр., [Trnka 1936: 57–58; Мартине 1960: 41; 1963, 391–392; Jakobson, Waugh 1979: 20]), но, как уже говорилось (§ 51, сн. 24), для многих фонологов *контрасты* — это парадигматические отношения. Конкретное значение терминов *контраст* и *контрастирование* почти всегда становится ясным из контекста. Возникающей иногда двусмысленности нетрудно избежать при помощи сочетаний *парадигматический контраст* и *синтагматический контраст*.

Поскольку термин *оппозиция* имеет определённую традицию в литовском языке, в этой книге оправдан некоторый компромисс: парадигматические отношения почти всегда называются оппозициями, но говорится, например, «Fonemos /a/ и /e/ kontrastuoja žodžio pradžioje» ‘Фонемы /a/ и /e/ контрастируют в начале слова’.

§ 96. Анализ парадигматических и синтагматических отношений является основой классификации фонем; он позволяет ус-

---

⁴ Здесь особенно подошёл бы использованный ранее в лекциях Витаутасом Мажюлисом знак оппозиции „ $\leftrightarrow$ “ (напр.: $/k/ \leftrightarrow /g/$, $/a/ \leftrightarrow /a\cdot/$), только он пока не нашёл распространения.

тановить и самые мелкие фонологические единицы — дифференциальные признаки.

Анализ можно начинать и с парадигматических, и с синтагматических отношений — различные фонологические школы идут здесь разными путями. Но то, что в речевых актах непосредственно можно наблюдать и фиксировать только синтагматические отношения, по-видимому, свидетельствует, что исследование следовало бы начинать именно с них. Поступать таким образом побуждает и то, что, как мы видели, оппозиции фонем возможны только в рамках определённых парадигм, а парадигмы ведь обуславливаются синтагматическими отношениями и существуют на их фоне. Наконец, анализ синтагматических отношений позволяет классифицировать фонемы, руководствуясь лишь их расположением в более крупных единицах (в слогах, словах и т. д.). Начав сразу исследовать парадигматические отношения, мы будем вынуждены опираться только на звуковые особенности реализации фонем и, конечно, на ту или иную предварительную схему классификации их свойств. На этом пути возможно множество различных классификаций фонем, но ни одна из них не будет обязательной и ни одна не выявит специфики исследуемого языка (ср. [Bloomfield 1935: 129ff. = Блумфилд 1968: 132ff.; Hjelmslev 1959: 84ff.; Kuryłowicz 1960: 23 = Курилович 1962: 29]).

До сих пор методического порядка исследования ‘синтагматические отношения’ → ‘парадигматические отношения’ наиболее последовательно придерживались скандинавские фонологи (см. также [Ельмслев 1960с: 59; Vogt 1981a; 1981b; Sigurd 1955; 1965: особенно 39; 1968: 451ff.; Koefoed 1967: 134ff.; Fischer-Jørgensen 1972⁵] и т. д.). Позиция представителей Пражской школы по данному вопросу, скорее, скептическая, чем сочувствующая (ср. [Trubetzkoy 1977: 83, 218–220 = Трубецкой 1960: 102–103, 272–274]), хотя они и не отрицали, что синтагматическая классификация в принципе возможна. В настоящее время методический приоритет синтагматических отношений признают даже в целом довольно консервативные ведущие русские лингвисты (напр., [Степанов 1975b: 259; Степанов, Эдельман

---

⁵ В этой работе (стр. 563–564) приводится краткий обзор и истории вопроса.

1976: 207]). Но говорить можно именно только о методическом, а не онтологическом приоритете: онтологически парадигматические отношения, без всякого сомнения, доминируют над синтагматическими.

Разумеется, при исследовании таких языков, в которых синтагматические отношения совершенно элементарны, предлагаемый здесь порядок анализа может не иметь существенных преимуществ (ср. [Trubetzkoy 1977: 220 = Трубецкой 1960: 274]). Не очень приемлем он и тогда, когда исследуемому языку свойственно большое количество различных сложных сочетаний фонем, близких случайным скоплениям звуков⁶. В таких условиях можно исследовать только парадигматические отношения, а фонемы классифицировать только по звуковым признакам их реализаций. Но это скорее исключение, чем общее правило, поскольку даже в подобных случаях синтагматические отношения чаще всего выявляют по крайней мере самые крупные и важные классы фонем.

2. СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ (ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ) КЛАССИФИКАЦИЯ ФОНЕМ

А) ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 97. Даже из своего небольшого опыта мы знаем или чувствуем, что во всех языках слова и слоги образуются не случайными, а регулярными сочетаниями фонем. И это чувство вряд ли позволило бы нам считать следующие «отрывки» примерами из реальных языков⁷:

1. *Pmhapm kike Ehmno hḡaoo maowtaffmhhmnrkuḡ, m tahḡofoierutt ht nkntḡe iatt i Kaaeḡra. Mwrpiḡḡmawa okn:*

— *Tourh rf, ruḡaofm fppmoe aipr? Wr! Hi nnfyph ako ufkr wuḡmr.*

— *O! — hkuaoem oofḡw mkhe wtiḡu. — Krtpk mnhoefmpneon!*

---

⁶ В качестве таких очень редких примеров можно упомянуть керекский язык [Скорик 1968: 312] и беллакула [Hockett 1955: 57f], ср. также [Allen 1973: 36].

⁷ Если, конечно, записываются все фонемы.

2. *Ooauonbo u fhpwnwdoe,*
Urhu nuw Ua emwh wcnoe:
Hpmi, Ourop! N mmpugmkp —
Eplrsgho kgp fiormkp?
Akkuhek p tepcwwwnbn —
Ifdn md, I Heaairg ftbn!

3. *Úodc̣rre ìdadžnq̣bbs Blcciãciq̣ sbdtkde utpàetko vdaápriokcbd, cbãj*
vkšębjcuõ ndžiãkcpd, ejěr ęvinuocébár čbiq̣ddàd bãlčkbvud Ieq̣sùd.

4. — *M! Šr! Pžpvmmdrk! — jsfdt.*

— *P! Ri sns tsbsl — nv. — Džd ptžaižntvbkpa k dig pošudtbgjg vsmv ŋ,*
idrnakbss a s tkd s!

— *Očšb ptp jpžttbjvvdjdšv, — da gk. — Lžšp gčptmbčkkk tab. Ždb?*
I dntvmbblgm bmlln:

— *Jnramvnmkk tpbvrm namthl — dp.*

— *Ĝv, kktmšsjs, — šb šaīd. — V! Šjmm, tvd šiis: ŋkž, mjlīnk jnhshš pg*
njojbn n dmpm akk pgn jgčmbnpa.

5. *Uglúk u bagronk sha pushdug Saruman-glob búbhosh skai.*

Первый «отрывок» разрушает впечатление реального языка такими «словами», как *t, f, wr, nknt, krtpk*, скоплениями согласных *pmh-, rnn-, mwrp-, -ffmhnmnrk-*, сложными сочетаниями гласных *-uaoe-* и др. Ни «рифмы», ни пунктуация, ни прописные буквы не создают иллюзии настоящего стихотворного текста и во втором примере. Эту иллюзию разрушают «слова» *p, kgp, ftbn* (отчасти и *n, md, l* — хотя бы потому, что их слишком много для такого небольшого текста), странные и громоздкие сочетания фонем *fhpwnwd-, -plrsgh-, -pcwwwnbn, ooauo-* и др.

Третий «отрывок» показывает, каким примерно был бы текст на нашем литературном языке, если бы он (язык) обладал современным алфавитом и современным инвентарём фонем, но использовал бы все теоретически возможные сочетания фонем. И этот пример, хотя пунктуация в нём и настоящая, нисколько не напоминает ни литовский, ни какие-либо другие языки, поскольку невозможно представить, чтобы где-нибудь существовали слова типа *sdtkde* или сочетания типа *-kcbd, -dc̣rr-*.

Четвёртый «текст» получен из первых букв взятых подряд страниц одной литовской книги. Диалог, как мы видим, не подошёл бы даже для имитации речи жителей туманности Андромеды. Особенно невероятными выглядят громоздкие скопления согласных.

Наконец, пятая фраза как будто взята из естественного языка, хотя её и «произнесло» фантастическое существо орк (см. Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings*. London; Boston; Sydney: George Allen & Unwin Ltd, 1978. P. 466; диграф *sh*, видимо, следует читать как [š] — ср. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. Москва: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 484–485. (Книга III, глава III. — Прим. ред.)).

Правда, языки очень разнообразны — разнообразны и их сочетания фонем. Например, в грузинском языке можно найти слова с сочетаниями согласных, довольно похожими на те, которые мы только что осудили, ср.: *crpli* ‘справедливый’, *cq̄rta* ‘локоть (мера длины)’, *všzuvnob* ‘преподношу (в качестве подарка)’, *gvsvrtnis* ‘муштрует (нас)’ [Чикобава 1967: 26] (ср. [Job 1977: 21–22, 42–43]). Однако в связном тексте таких странностей не бывает много. Сравним начало популярной песни «Сулико»:

saq̄varlis saplavs vezebdi,
ver vnaxe, dakarguliq̄o.
gulamosk̄vnili vt̄irodi:
„sada xar, čemo suliq̄o?“⁸

Видно, что в строфе встретилось лишь несколько необычных сочетаний: *-sk̄vn-*, *vn-*, *vt̄-*.

§ 98. Рассмотренные выше примеры из искусственных «языков» (*Pm̄hapt...*, *Ooauonbo...*, *Uodc̄rre...*), за исключением пятого, показались странными потому, что они состоят из сочетаний букв или транскрипционных знаков, полученных на основании таблиц случайных чисел. Они косвенно, но наглядно показывают, что сочетания фонем реальных языков подчиняются определённым правилам: что им всегда свойственна та или иная структура, так называемая фонотактика (греч. *φωνή* ‘звук’, *τάττω*, *τάσσω* ‘выстраиваю’). Лишь наличие этой структуры и даёт нам

---

⁸ ‘Милой могилу (я) искал, / не нашёл, была потеряна. Задыхаясь, (я) рыдал: «Где (ты) есть, моя Сулико?»» (Дословный перевод Ш. С. Жабко (Прим. ред.)).

В транслитерации прописные буквы не используются, поскольку их нет в современном грузинском алфавите. Точкой обозначаются глоттализированные (абруптивные) согласные, несколько напоминающие сочетания типа /C/+/?/. Графема *q̄* обозначает глоттальный фарингальный (глоточный) звук типа [k].

право установить синтагматические сочетания фонем или классов фонем. Для «языков» наших примеров мы могли бы сформулировать только одно фонотактическое правило: возможны любые сочетания фонем. В фонотактической структуре, «выстраиваемой» по такому правилу, мы, конечно, не нашли бы никаких синтагматических классов, поскольку все фонемы и все их сочетания были бы равноценны.

С абстрактной точки зрения такая свободная «система» могла бы показаться весьма эффективной — возможно, даже более эффективной, чем в естественных языках, которые из множества теоретически возможных сочетаний обычно «отбирают» лишь незначительную часть. Но такой отбор обязателен уже потому, что есть множество «теоретических» сочетаний, которые органы речи не могли бы нормально произнести, и ещё больше таких, которые не смогло бы воспринять и различить человеческое ухо, особенно в неблагоприятных условиях. На бумаге нетрудно написать и различить такие придуманные слова, как **kšts* ‘дети’ и **pčk* ‘домой’; их можно при необходимости и произнести, даже расслышать, если собеседник рядом. Но эти слова сразу покажутся ни на что не годными, если, например, понадобится позвать со двора разыгравшихся детей: предложения **Kšts, pčk!* они бы не услышали, как бы энергично и чётко мы их ни произносили.

Очень важно и то, что речевые акты, в которых возможны любые случайные сочетания фонем, не содержали бы никаких сигналов, помогающих различить или хотя бы почувствовать более крупные структурные единицы — слова, слоги и др. Сочетания фонем очень зависят от этих более крупных единиц и поэтому часто являются более или менее надёжными сигналами их протяжённости и границ (см., напр., [Trubetzkoy 1977: 255–257 et passim = Трубецкой 1960: 317–319 et passim; Матвеева 1966]). Это облегчает и ускоряет сегментацию и восприятие текста — позволяет понять его как структуру, состоящую из неделимых слогов, слов, даже их сочетаний, а не из отдельных фонем [Linell 1979: 50–51]. Пофонемно воспринимаются лишь неизвестные или малознакомые слова — в остальных случаях мы почти автомати-

чески слышим и распознаём целые слова, даже определённые словосочетания⁹.

В) ОСНОВНЫЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ФОНЕМ: ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ

§ 99. В каждом языке есть два важнейших класса фонем — гласные и согласные.

§ 100. К классу гласных (сокращённо — *V*, ср. лат. *vocalis* ‘гласный’) относятся те фонемы, которые могут самостоятельно выполнять функцию слога (см., напр., [Junker 1938; Трахтеров 1956: 15; Kuryłowicz 1960: 18ff., 212, 222 et passim = Курилович 1962: 24, 295, 308 et passim; Hammarström 1966: 31; Novák 1966; Ungeheuer 1969: 28; O’Connor, Trim 1973: 251–252])¹⁰.

В литовском литературном языке (если отбросим иноязычные слова) к классу гласных относятся /i e a u i̇ ė ė ȧ ȯ uȯ u̇/, напр.: *i-mù* ‘беру’, *e-sù* ‘(я) есть’, *a-kìs* ‘глаз’, *ù-pè* ‘река’, *y-rà* ‘(он) есть’, *è-miaĩ* ‘(я) брал’, *ẽ-žios* ‘мэжи’, *q-sà* ‘ушкó’, *o-pùs* ‘чувствительный’, *uo-là* ‘скала’, *ũ-mùs* ‘вспыльчивый’. К данному классу следует отнести и фонему /ie/, хотя в начале слова её всегда прикрывает какой-нибудь согласный, хотя бы протетический [j], напр.: [j]iena ‘оглобля’, [j]ieškóti ‘искать’.

Гласные фонемы являются центром слога, или основой, поскольку они могут образовать слог и без других фонем. Если, например, один за другим удалим все начальные звуки форм *krũtu* ‘кустов’, *slopùs* ‘душный’, *tràkti* ‘беситься’, но оставим гласные, они по-прежнему будут нормальными двусложными словами,

---

⁹ Некоторые (напр. [Bluhme 1965: 218]) считают, что пофонемно речь вообще не воспринимается.

¹⁰ Л. Ельмслев сначала предъявлял к гласным слишком строгие требования. Ему казалось, что гласными следует считать лишь те фонемы, которые самостоятельно могут выполнять функцию отдельных слов или даже высказываний (см., напр., [Hjelmslev 1936: 52]). Позднее он отказался от этой точки зрения (ср. [Hjelmslev 1963: 29 et passim; Fischer-Jørgensen, 1975: 137 и указ. лит.]). Совершенно особняком в этом вопросе стоит Н. С. Трубецкой: как уже упоминалось (§ 14), гласные и согласные он выделял только по их фонетическим (звуковым) признакам. [Trubetzkoy 1977: 82–85 = Трубецкой 1960: 102–104].

ср.: *krŭ-mu* : *rŭ-mu* ‘дворцов’ : *ŭ-mu* ‘вспыльчивого (Acc. Sg.)’, *slo-pùs* : *lo-pùs* ‘заплаты (Acc. Pl.)’ : *o-pùs* ‘чувствительный’, *tràk-ti* : *ràk-ti* ‘ковырять’ : *àk-ti* ‘слепнуть’. Удалив /u·/, /o·/, /a·/, мы получили бы невозможные в литовском языке звуковые сочетания */krmu·/, */slpùs/, */trkti/.

§ 101. К классу согласных (сокращённо — С, ср. лат. *consonans* ‘согласный’) относятся те фонемы, которые не могут образовывать слог без помощи гласного или, иначе говоря, которые в составе слога могут присутствовать или не присутствовать. В литовском языке таковыми являются фонемы /k g t d p b s z š ž l r n .../, напр.: *bal̃-zga-nas* ‘беловатый’, *kár-šta* ‘жарко (neutrum)’, *pã-ža-das* ‘обещание’... Эти фонемы противопоставлены гласным как периферийная часть слога — центральной, поскольку они не могут выполнять функции слогообразования.

Правда, иногда в некоторых языках роль центра слога выполняют звуки типа [r l m n], ср. санскр. *ṛkṣas* ‘медведь’, *vṛkas* ‘волк’, *pitṛñām* ‘отцов (Gen. Pl.)’, чеш. *krk* ‘шея’, *pln* ‘полный’, *vrch* ‘верх’ [Трахтеров 1956: 19], йоруба *ń̀s̀un* ‘спят’, *ń̀ẁon mb̀o* ‘они возвращаются’. Группа этих звуков (*ṛ, *ḷ, *ṃ, *ṅ) реконструируется и для индоевропейского праязыка (напр., [Brugmann, Delbrück 1897: 392ff., 451ff.; Мейе 1938: 129–130; Семереньи 1980: 60–62]). В подобных случаях можно либо выделить промежуточный класс полугласных (сонантов), либо считать слоговые [ṛ ḷ ṃ ṅ] побочными вариантами соответствующих согласных фонем, только эпизодически исполняющими роль гласных [Kuryłowicz 1960: 217, сн. 22 = Курилович 1962: 301–302, сн. 22]. Гласные в таких языках будем характеризовать как фонемы, которые могут функционировать только как центр слога, а согласными будем считать те фонемы, которые, по меньшей мере, в большинстве случаев выступают в качестве периферической части слога, для которых неслоговое употребление является основной синтагматической функцией (также о таких системах см. § 162).

§ 102. Существует немало таких языков, в которых на основании анализа синтагматических отношений можно выделить, по

существо, только классы гласных и согласных. Это так называемые языки с открытыми слогами¹¹.

В качестве наиболее типичного примера можно указать полинезийские языки, в которых слоги образуются только отдельными гласными или сочетаниями согласного и гласного. Структура слога данных языков описывается формулой $(C)V$ (взятый в скобки элемент необязателен для слога), а слова и даже целые высказывания бывают только одного типа — $(C)V\dots(C)V$ ¹². Следовательно, в этих языках (напр., маорийском, гавайском и тайтянском) есть только такие слоги: а) типа V : маор. *aroha* ‘любовь’, *iraamutu* ‘родственник’, *iwa* ‘девять’, гав. *aloha* ‘любовь’, *ato* ‘нести на плечах’, *ola* ‘живой’, таит. *aha* ‘что’, *arii* ‘вождь’, *ono* ‘шесть’; б) типа CV : маор. *manawakino* ‘боязливый’, *ngahuru* (*ng* = /ŋ/) ‘десять’, *tamahine* ‘дочь’, *wewera* ‘тёплый’, гав. *haneli* ‘сто’, *hookamaliʻi* ‘ребяческий’ (/ʻ/ — глоттальный взрывной согласный), *keokeo* ‘белый’, таит. *faaite* ‘объяснять’, *hamaniraa* ‘стройка’, *tapiri* ‘соединять’. Зато здесь возможны сложные скопления гласных, ср. маор. *aahea* ‘когда’, *aeaeaa* ‘задыхающийся’, *hooiho* ‘лошадь’, *maaua* ‘мы оба’, *taaone* ‘город’, гав. *haainu* ‘пить’, *oiaio* ‘истина’, таит. *roroaroroa* ‘длинные’ (ср. также название вулкана на Гавайских островах *Kīlauea* ‘Килауэа’). Такой структуре слога и слова подчиняются и заимствования, напр.: маор. *aapotoro* ‘апостол’ (← англ. *apostle*), *kaanara* ‘свеча’ (← англ. *candle*), *karaka* ‘служащий’ (← англ. *clerk*), *pere* ‘колокол’ (← англ. *bell*), *puru* ‘бык’ (← англ. *bull*). В этом отношении полинезийцы не отличаются от ранее упоминавшихся (см. § 13, 101) носителей африканского языка йоруба, в котором слоги также бывают только вида $(C)V$, напр.: а) *àkúko* ‘петух’, *ewúre* ‘коза’, *ibiti* ‘где’, *oníbàtá* ‘сапожник’; б) *búburú* ‘плохой’, *kórirá* ‘ненавидеть’, *rátákò* ‘копыто’, *púpò* ‘многие’; в) *àádòjò* ‘сто пятьдесят’, *àibèru* ‘смелость’, *elèèrú* ‘обманщик’. Различие только в том, что здесь роль гласных могут изредка выполнять произнесённые с высоким

---

¹¹ Краткий типологический обзор таких языков см. [Чекман 1979: 127–129 и указ. лит.].

¹² И в потоке литовской речи слоги типа CV встречаются чаще всего — они составляют почти 55% текста (см. [Karosienė, Girdenis 1994 = Girdenis 2001: 116ff.]; также ср., напр., [Виноградов 1976: 295; Schane 1972: 208]).

тоном /m/, /n/ и /ŋ/, напр.: *mbò* ‘возвращаются’, *èmi òkawe* ‘я читаю’. Следовательно, среди согласных языка йоруба выделяется маленькая группа фонем, которые могут иметь побочную функцию гласного (ср. § 101).

Полинезийские языки с лёгкостью могут обойтись такой элементарной «организацией» фонем, по-видимому, потому, что их инвентари фонем крайне ограничены. Например, в маорийском языке только 15 фонем ($V = /i e a o u/$, $C = /h p t k f w m n ŋ r/$), в таитянском — 14 фонем ($V = /i e a o u/$, $C = /ʔ h p t f v m n r/$), в гавайском — только 13 ($V = /i e a o u/$, $C = /ʔ h p k w m n l/$)¹³. Это самые бедные из всех известных фонологических систем. Чем больше язык удалён от этого своеобразного идеала, тем ярче в нём проявляется необходимость и возможность более детальной группировки фонем. Однако основной и наиболее частотный тип слогов (C)V и основные классы фонем — гласные и согласные — мы найдём во всех языках.

С) ИЗОМОРФИЗМ

§ 103. Центральная и периферийная части есть не только в слогах, но и в других сложных единицах языка (см., напр., [Ельмслев 1960b: 366 et passim; Kuryłowicz 1960: 16ff. = Курилович 1962: 21ff.; Макаев 1961: 56 et passim; Степанов 1966: 95; Булыгина 1967: особенно 86; Климов 1967: 103 и указ. лит.; Степанов, Эдельман 1976: 271, сн. 115; Лекомцев 1980: 174] и т. д.; ср. [Мурат 1964: 173–175 и указ. лит.]). Если в языке есть ударение, то ударный слог является центральной частью слова, а безударные слоги — периферийной, поскольку только ударный слог может быть планом выражения самостоятельного слова (см. § 226). Любое слово с точки зрения содержания состоит из центральной части, которую образует корень, и периферийной части — различных аффиксов, поскольку слово в определённых случаях может состоять из одного лишь корня (ср. *vākar* ‘вчера’), а аффиксы встречаются только совместно с каким-либо корнем. В любом нормальном словосочетании обнаружим центральную часть, так называемый основной член, и периферийную часть — второстепенный член. Синтаксическая функция сочетания определяется только его центральной частью, или главным членом: в синтаксическом отношении *jaunà mergàitè* ‘молодая девушка’ = *mergàitè* ‘девушка’, *labaĩ jaunà* ‘очень молодая’ = *jaunà* ‘молодая’, *graĩdžiai daināvo* ‘грустно пела’ = *daināvo* ‘пела’, по-

¹³ Некоторые исследователи в этой системе находят только 12 фонем (в их число не включается [ʔ], напр. [Серебренников 1983: 221]).

сколькx предложения *Labaĩ jaunà mergàitē graĩdžiai daināvo* ‘Очень молодая девушка грустно пела’, *Jaunà mergàitē graĩdžiai daināvo* ‘Молодая девушка грустно пела’, *Mergàitē graĩdžiai daināvo* ‘Девушка грустно пела’ и *Mergàitē daināvo* ‘Девушка пела’ обладают совершенно идентичной структурой. Наконец, предложение в целом имеет свою центральную часть — сказуемое, по отношению к которому все остальные члены предложения периферийны: независящее от контекста и ситуации однословное предложение может образовать только сказуемое, ср. *Aĩšta* ‘Светает’, *Lĩja* ‘Идет (о дожде)’, *Tēms̃ta* ‘Темнеет’¹⁴. О центральном положении сказуемого свидетельствует и то, что вокруг него чаще всего почти симметрично группируются именные сочетания, ср.: *Labaĩ graĩzi mergĩtē nēšasi pilkaĩ raĩnā kãtē* ‘Очень красивая девочка несёт серую полосатую кошку’, *Darbštiẽms žmonē̃ms patiĩka ir neleĩngvas dãrbas* ‘Трудолюбивым людям нравится и нелёгкая работа’. Эти факты говорят о том, что сложные единицы плана выражения и плана содержания образованы по одному и тому же принципу. Для них всех характерна большое структурное сходство — так называемый изоморфизм (от греч. *ĩσος* ‘одинаковый, равный’, *μορφή* ‘форма, образ’)¹⁵.

Контраст центра и периферии является одним из ярчайших проявлений изоморфизма, но при этом он далеко не единственный (ср. § 68, 115 и др.).

Важнейшее значение изоморфизма состоит в том, что он позволяет применить опыт фонологических исследований в исследованиях грамматики и других уровней языка [Степанов 1966: 299]. Возможен и противоположный путь, но обычно новые искания в лингвистике начинаются с фонологии: фонологические системы несравнимо проще грамматических и семантических, поэтому с ними легче проводить различные «пилотные» исследования. Это, несомненно, обусловило и фонологическую направленность первых структурных исследований языка, и их большое влияние

¹⁴ См., напр., [Kuryłowicz 1960: 18–19 = Курилович 1962: 23–24]; из более поздней литературы — [Степанов, Эдельман 1976: 224; Филлмор 1981: 400]; обзор вербоцентрических теорий предложения — [Храковский 1983].

¹⁵ Термин выбран не совсем удачно, поскольку предполагается, что он обозначает не тождественность структур, а только их близость. Поэтому более удобен был бы термин *гоморфизм* [Климов 1967: 86] или даже просто *аналогия* [Булыгина 1967], но трудно надеяться, что они смогли бы вытеснить уже значительно утвердившийся *изоморфизм*. Тот факт, что значение этого термина в лингвистике отличается, например, от его значения в математике, не является решающим аргументом: ведь и какой-нибудь термин *реакция* в химии обозначает совсем не то, что в политике или физиологии.

на структурное и функциональное изучение других лингвистических уровней [Булыгина 1964: 104ff.; Vachek 1966: 76, 84].

D) СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СОГЛАСНЫХ

§ 104. Как мы видели, каждый «нормальный» слог всегда содержит один гласный, образующий его центр. Кроме гласного, в слог может быть периферийная часть, состоящая из одного или нескольких согласных. В одних языках возможна только минимальная периферийная часть слога, в других встречаются и сочетания согласных того или иного вида.

§ 105. Даже совсем простые сочетания периферийных элементов слога делают возможной синтагматическую классификацию фонем. Например, самые сложные слоги китайского литературного языка (они всегда одновременно являются и морфемами) могут состоять из четырёх элементов (ср. [Mulder 1968: 223ff.]¹⁶: а) центральной части, которую образуют гласные [a e o u ü...], б) стоящей перед гласным неслогообразующей медиали [i̇ ü̇ ɥ̇], в) финали — конечного элемента, идущего после вокалической части — [i̇ ɥ̇ ṅ ŋ̇], иногда [r], д) начального элемента — инициали, в роли которой могут выступать согласные [ḃ ḋ ɡ̇ ṗ ṫ k̇ tʃ̇ tʃ̇ tṡ tʃ̇ ṁ ṅ...], напр.: *diàn* ‘электричество’, *diào* ‘висеть’, *duàn* ‘отрывок’, *guān* ‘смотреть’, *guáng* ‘широкий’, *piān* ‘пластинка’, *piāo* ‘плыть’, *tián* ‘сладкий’, *tiào* ‘прыгать’, *tuán* ‘полк’ и т. д. Следовательно, выделяются полугласные фонемы /i̇ ü̇ ɥ̇/, встречающиеся только непосредственно перед гласным или после него, сонанты /r ṅ ŋ̇/, которые могут занимать конечную позицию, и согласные, или консонанты, выступающие и непосредственно перед гласным, и перед /i̇ ü̇ ɥ̇/.

---

¹⁶ Здесь и в других местах в примерах на китайском языке *b*, *d*, *g* обозначают неаспирированные слабые взрывные согласные [ḃ], [ḋ], [ɡ̇]. Обычно эти звуки произносятся примерно как литовские [p], [t], [k], но могут иметь и полузвонкие факультативные варианты. Им противопоставлены глухие аспирированные [ṗ], [ṫ], [k̇], обозначаемые *p*, *t*, *k*; диграф *ng*, как и в английском языке, обозначает нёбное [ŋ̇]. Ср.: *bái* [bái] ‘белый’ : *pái* [p’ái] ‘ряд’, *dào* [dào] ‘путь, принцип’ : *tào* [t’ào] ‘муфта, футляр’, *gòng* [gòng] ‘общий’ : *kòng* [k’òŋ] ‘свободный’.

Кроме того, (1) /b̥ p̥ m f/ отличаются от других согласных тем, что никогда не встречаются перед медиалью /ɥ/. Для аффрикат и щелевых (2) характерно то, что они могут употребляться перед так называемой «особой» финалью /i/. Это позволяет объединить их в общий подкласс, противостоящий смычным, которые никогда не стоят перед данной финалью. Среднеязычные палатальные /tʃ tʃ̥ ʃ/ (транслитерируются *j, q, x*) и заднеязычные /g̊ k̥ x/ (обозначаются *g, k, h*) находятся даже в отношении дополнительной дистрибуции, поскольку за /tʃ tʃ̥ ʃ/ всегда следуют медиали /i̇ ü/, перед которыми /g̊ k̥ x/ не встречаются. Согласные /d̥ t̥ n l/ возможны во всех позициях, за исключением второй.

Таким образом, все китайские согласные можно, прежде всего, разделить на те, которые могут употребляться перед «особой» финалью, и те, которые в этой позиции не встречаются. Первые можно обозначить символом Σ , вторые Θ . Далее класс Θ распадается на такие подклассы: а) *P* — согласные, не встречающиеся перед медиалью /ɥ/, б) *T* — согласные, встречающиеся перед всеми медиальями, в) $\acute{C}$ — согласные, возможные только перед /i̇ ü/, г) *K* — согласные, невозможные перед /i̇ ü/. Каждый установленный таким образом синтагматический класс можно охарактеризовать и звуковыми признаками, общими для всех его членов. Все согласные класса *P* являются губными, члены класса *T* — переднеязычными, $\acute{C}$ — среднеязычными, *K* — заднеязычными; у щелевых и аффрикат (у класса Σ) есть общий признак турбулентности [Клычков 1984]¹⁷.

Ещё более подробная и точная синтагматическая классификация согласных возможна в фонологических системах с более свободной структурой слов и слога — таких, как, например, в греческом, латинском, древнеиндийском, а также в современных германских, отчасти славянских и в разных других языках. Такая

---

¹⁷ Следует отметить, что даже в литовском языке и его диалектах щелевые согласные и аффрикаты образуют один аудитивный класс, противопоставленный смычным и сонорным согласным (ср. [Remenytė 1992: 159ff. и указ. лит.]; об этом на примере данных польского языка см. [Łobacz 1981: 108, 109, 118]).

фонологическая система характерна и для литовского языка, поэтому мы можем использовать её как типичный пример¹⁸.

§ 106. В литовском языке слог может иметь две группы согласных: начальную и конечную или, иными словами, эксплозивную и имплозивную (см. [Kuryłowicz 1960: 213 et passim = Курилович 1962: 296–297 et passim¹⁹], ср. англ. *onset* и *coda* [Hockett 1955: 52ff.]). Например, слово *sprĩņgs* [šp̄fiņ.ks] ‘подавится’ образовано слогом, который состоит из центральной части /i/, эксплозивной группы согласных /spr/²⁰ и имплозивной группы /nks/. Первую можно обозначить C_e , вторую — C_i . Итак, слогом полной структуры является слог типа C_eVC_i . Центральная часть слога V представлена одним гласным, периферийные группы могут вовсе отсутствовать; и в группе C_e , и в группе C_i количество элементов колеблется от нуля до нескольких согласных. Поэтому обобщённая формула структуры слога должна выглядеть так: $(C_e)V(C_i)$ (здесь, как и в других местах, в скобки взяты необязательные составляющие). Однако и такая формула несовершенна, поскольку имплозивные и эксплозивные группы согласных не полностью равноценны. Сравнив такие слова, как *kù-tas* ‘кисточка’ : *kùr-tas*

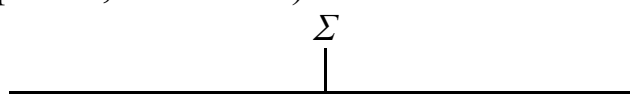
---

¹⁸ Сочетания согласных литовского литературного языка тщательно инвентаризованы в диссертации А. Пупкиса [1966b]; там даётся и обзор более ранних работ на эту тему. Весьма интересна (но, к сожалению, не лишена некоторых фактологических и технических погрешностей: ср. [Гирдянис 1977: 305–306 = Girdenis 2000c: 384f.]) работа И. Н. Топоровой [1972], в которой первичные данные сгруппированы по оригинальной математико-статистической методике Ф. Хэрари и Г. Пейпера [Хэрари, Пейпер 1964]. В методическом отношении наиболее удачно сочетания согласных систематизированы в диссертации М. Стримайтене [Стримайтене 1976], а также в отдельных публикациях по теме этой работы (напр., [Strimaitienė 1974a; 1974b; 1979]; ср. также [Karosienė 1983]). О сочетаниях и синтагматической классификации согласных в диалектах литовского языка см. [Girdenis 1967b: 203–227; 272–279; 1970a (= Girdenis 2000b: 194ff); 1971b: 30 (= Girdenis 2000b: 221); Лекомцева 1972: 119–121; Судник 1975: 63–81, 116–120, 165–169; Jasiūnaitė 1993: 93ff. и указ. лит.].

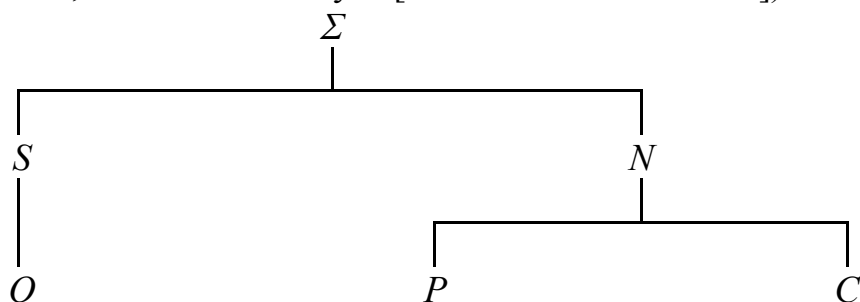
¹⁹ Эти термины, скорее всего, Е. Курилович заимствовал у Ф. де Соссюра (ср. [Saussure 1967: 79–83 = Соссюр 1977: 88–97]), только он придал им другие значения.

²⁰ Для упрощения мягкость или твёрдость согласных здесь (и далее) не учитывается.

‘созданный’; *pìk-tas* ‘злой’ : *piřk-tas* ‘купленный’, *sùk-tis* ‘крутиться’ : *suñk-tis* ‘сочиться’, *vè-sti* ‘вести’ : *veř-sti* ‘валить’, мы увидим, что те ударные слоги, в имплозивной части которых есть /l r m n/, обязательно имеют либо акутовый, либо циркумфлексный акцент — точно так же, как и слоги, образованные долгими гласными, ср.: *lõ-po* ‘заплаты (Gen. Sg.)’ : *ló-po* ‘латает’, *rũk-sta* ‘дымится’ : *rũg-sta* ‘киснет’ (ср. § 241–244). Слоги, образованные теми же краткими гласными, но без имплозивных /l r m n/, слоговых интонаций не имеют и не могут иметь. Следовательно, имплозивные /l r m n/ резко меняют просодическую природу слогов, приравнивают их к тем слогам, центром которых являются долгие гласные. Эксплозивные же группы подобного влияния на слог не оказывают, ср.: *àk-si* ‘будешь слепнуть’ : *ràk-si* ‘будешь ковырять’ : *tràk-si* ‘будешь беситься’ : *stràk-si* ‘скачет’, *àk-ti* ‘слепнуть’ : *làk-ti* ‘лакать’ : *plàk-ti* ‘бить’, — во всех этих примерах первый слог имеет одинаковую просодическую природу. Следовательно, имплозивная группа гораздо сильнее связана с центром слога, чем эксплозивная (ср. [Kuryłowicz 1960: 18, 213 = Курилович 1962: 24, 296]); в метрической фонологии эта группа и объединяется с центром в одну единицу (VC_i), называемую рифмой (англ. *rhyme* [Hulst, Smith 1982: 38 et passim]; ср. чеш. *základ* ‘id.’ [Palková 1997: 153]). Поэтому слоги распространённой структуры последовательно должны расчленяться следующим образом (рис. 1; Σ — слог)²¹:

²¹ Сходные схемы см. [Kuryłowicz 1960: 214 = Курилович 1962: 298]. Анализ структуры слога Ч. Хоккета можно представить следующим образом (*S* — *satellite* ‘спутник’, *N* — *nucleus* ‘ядро’, *O* — *onset* ‘приступ’, *P* — *peak* ‘вершина’, *C* — *coda* ‘отступ’ [Hockett 1955: 150–151]):

Как уже упоминалось (§ 106), ядро (*nucleus*) позднее стали называть рифмой (*rhyme*).

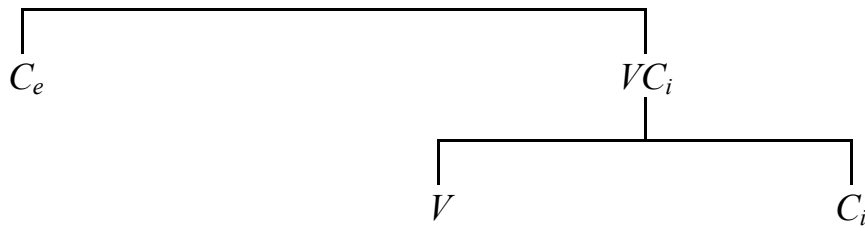

Рис. 1. Структура слога (общий вид)

На основании данного анализа структура слога лучше всего описывается модифицированной формулой $((C_e))V(C_i)$, где в двойные скобки заключена наиболее автономная, наименее связанная с центром часть слога, противопоставленная рифме (VC_i).

О том, что импловзивная часть играет более значительную роль в структуре слога, чем экспловзивная, ярко свидетельствуют рифмы классической поэзии. Как известно, в мужских рифмах Майрониса и других классиков литовской поэзии всегда совпадает ударный гласный и идущие после него согласные, а согласные перед этим гласным обычно различаются, ср.: *pilis* ‘замок’ : *vis* ‘всё’, *platỹn* ‘вширь’ : *žemỹn* ‘вниз’, *žmogaũs* ‘человека Gen.Sg.’ : *plataũs* ‘широкого’, *širdis* ‘сердце’ : *akis* ‘глаз’ («Trakų pilis» ‘Тракайский замок’), *sūnūs* ‘сын’ : *puikūs* ‘превосходный’, *šakàs* ‘ветви Acc.Pl.’ : *praràs* ‘потеряет’ («Oi neverk, matušėle» ‘Ой, не плачь, матушка’), *laikūs* ‘времена’ : *būs* ‘будет’, *visàs* ‘все Acc.Pl.f.’ : *dūmàs* ‘думы Acc.Pl.’ («Mano gimtinė» ‘Моя родина’), *tesupràs* ‘лишь поймёт’ : *dūmàs* ‘думы Acc.Pl.’, *rytmetỹs* ‘утро’ : *sutirpỹs* ‘растопит’, *ledaĩs* ‘льдами’ : *milžinaĩs* ‘великанами’, *nemylė̃s* ‘не будет любить’ : *garbė̃s* ‘почёта Gen.Sg.’, *naktiė̃s* ‘ночи Gen.Sg.’ : *nešviė̃s* ‘не будет светить’ («Užtrauksme naują giesmę» ‘Затянем новую песнь’), *dangaũs* ‘неба’ : *malonaũs* ‘приятного Gen.Sg.m.’, *žvaigždė̃s* ‘звезды’ : *atspė̃s* ‘отгадает’, *nušvĩs* ‘засияет’ : *širdis* ‘сердце’ («Užmigo žemė» ‘Заснула земля’), *kasàs* ‘косы Acc.Pl.’ : *atràs* ‘найдёт’, *lankō̃s* ‘заливного луга’ : *visadō̃s* ‘всегда’, *šalis* ‘страна’ : *širdis* ‘сердце’, *piktūs* ‘злых Acc.Pl.m.’ : *būs* ‘будет’, *kapaĩ* ‘могилы Nom.Pl.’ : *vaikaĩ* ‘дети’ («Kur bėga Šešupė» ‘Где бежит Шяшупе’).

§ 107. Поскольку экспловзивные группы меньше связаны с центром слога, чем импловзивные, то самое лучшее — начать синтагматическую классификацию согласных именно с них [Kuryłowicz 1960: 215ff. = Курилович 1962: 299ff.].

В начале исследования эксплозивными группами проще всего считать сочетания в начале слова, так как начало слова одновременно является и началом слога. Это помогает избежать затруднений, связанных с членением групп внутри слова на импловзивную часть одного слога и экспловзивную часть последующего. Границы слога почти никогда не выполняют дистинктивной функции (ср., однако, [Sommerfelt 1981]²²); носители языка этих границ почти никогда не ощущают²³, поэтому объективно их можно установить только тогда, когда известны правила структуры консонантных сочетаний.

§ 108. В литовском языке в начале слова либо вовсе отсутствует согласный, либо бывает от одного до трёх согласных. Эту закономерность можно кратко записать так: $C_e \rightarrow C_0^3$ (об этой формуле см. [Chomsky, Halle 1968: 61; Harms 1968: 63]).

Одночленной экспловзивной частью слога может быть любой согласный без каких бы то ни было чётких ограничений, если отвлекаться от того, что перед гласными заднего ряда сравнительно редко встречаются мягкие согласные (типа $\hat{C}$). В связи с такой свободой одночленная эксплозия немного даёт для синтагматической классификации согласных²⁴.

В двучленных группах согласные располагаются уже не случайным образом, а в строго определённом порядке (исчерпывающие списки сочетаний см. [Пупкис 1966; Стримайтене 1976]).

Общераспространёнными являются такие двучленные экспловзивные сочетания: *bj-* (напр., *bjaurùs* ‘гадкий’), *bl-* (*blusà* ‘блоха’), *br-* (*brastà* ‘брод’), *dr-* (*draũgas* ‘друг’), *dv-* (*dveĩkti* ‘веять’), *gl-* (*glaudùs* ‘тесный, сплочённый’), *gn-* (*gnáibyti* ‘щипать’), *gr-* (*grúodas* ‘замёрзшая грязь’), *gv-* (*gvéra* ‘разиня’), *kl-* (*kláusti* ‘спрашивать’), *kn-* (*knáisioti* ‘разрывать, рыть’), *kr-* (*krūtìnė* ‘грудь’), *kv-* (*kvãpas* ‘запах’), *pj-* (*pjũvis* ‘сечение’), *pl-* (*pláuti*

²² Это интересные наблюдения, но всё-таки стоит обратить внимание на то, что, можно сказать, все эти «фонологически значимые» границы слогов совпадают с открытыми стыками.

²³ Ср., однако, § 116, сн. 38, где приводятся примеры, показывающие, что «практическое» деление слов на слоги возможно. Но в таких случаях, скорее всего, границы слогов устанавливаются по «условным» правилам.

²⁴ За исключением того, что разделяет все согласные на твёрдые и мягкие (см. далее — § 136).

‘мыть’), *pr-* (*prōtas* ‘ум’), *sk-* (*skarà* ‘платок’), *sl-* (*slogà* ‘на-
сморг’), *sm-* (*smagùs* ‘весёлый’), *sn-* (*snāpas* ‘клюв’), *sp-* (*spáusti*
‘давить’), *sr-* (*srēbti* ‘хлебать’), *st-* (*staigùs* ‘внезапный’), *sv-* (*svōris*
‘вес’), *šl-* (*šlúota* ‘метла’), *šm-* (*šmaikštùs* ‘хлёсткий’), *šn-* (*šnairúoti*
‘коситься’), *šp-* (*špygà* ‘кукиш’), *šč-* (*ščíúti* ‘утихать’²⁵), *št-* (*štaĩ*
‘вот’), *šv-* (*švarùs* ‘чистый’), *tr-* (*trupinỹs* ‘крошка’), *tv-* (*tvártas*
‘хлев’), *zl-* (*zliaũkti* ‘течь’), *zm-* (*zmèkti* ‘слёживаться’), *zv-* (*zviĩbti*
‘жужжать’), *žl-* (*žlùgtas* ‘замоченное бельё’), *žm-* (*žmogùs* ‘чело-
век’), *žn-* (*žnáibyti* ‘щипать’), *žv-* (*žvalùs* ‘бодрый’). Кроме того, в
диалектных словах также встречаются *šk-* (жемайт. *škaĩmalas*
«*škaĩmalas*» ‘тряпка’, *škùina* «*kuĩnas*» ‘кляча’), *zg-* (жемайт.
zgedáuti ‘хватиться’), в именах собственных — *zb-* (*Zbāras* ‘Зба-
рас (деревня)’), *zd-* (*Zdanỹs* ‘Зданис (фамилия)’, *Zdõniškiai* ‘Здо-
нишкой (деревня)’), в заимствованиях — *km-* (*kmỹnai* ‘тмин’), *šr-*
(*šrātas* ‘дробь (оружейная)’)²⁶.

Некоторые члены этих сочетаний могут встречаться только непосредственно перед гласным — это /j/ (*bj-*, *pj-*), /l/ (*bl-*, *gl-*, *kl-*,
pl-, *sl-*, *šl-*, *zl-*, *žl-*), /m/ (*km-*^{*27}, *sm-*, *šm-*, *zm-*, *žm-*), /n/ (*gn-*, *kn-*, *sn-*,
šn-, *žn-*), /r/ (*br-*, *dr-*, *gr-*, *kr-*, *pr-*, *sr-*, *šr-*), /v/ (*dv-*, *gv-*, *kv-*, *sv-*, *šv-*,
tv-, *zv-*, *žv-*).

Те согласные, которые встречаются не только перед гласными, в свою очередь распадаются на два класса. Один подкласс состоит из согласных /s š z/, которые могут употребляться только

²⁵ Ср. производное *ni-ščíúti* ‘утихать’. (Данный глагол редко употребляется без приставки. — Прим. переводчика.). Эта группа пропущена во всех ранее публиковавшихся списках сочетаний согласных (даже [Girdenis 1981a: 76]), — первым на него обратил внимание Владас Жулис.

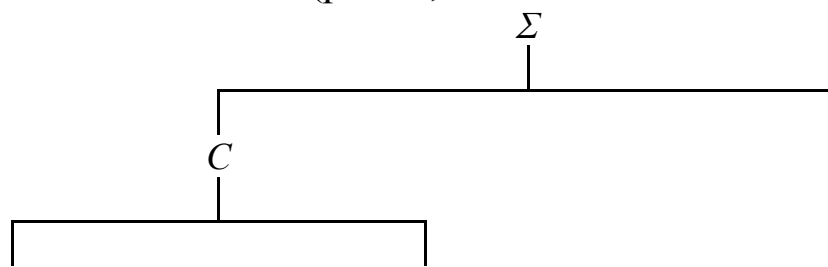
²⁶ Так называемые интернационализмы — заимствования, пришедшие в язык через письменную традицию — к основной (центральной) системе языка не относятся, поэтому при установлении классов фонем их не следует учитывать (см., напр., [Trubetzkoy 1977: 205–206 = Трубецкой 1960: 254–256; Bluhme 1965: 220; Sigurd 1968: 453; Падлужны 1969: 114; Malmberg 1971: 442–443; O’Connor, Trim 1973: 243; Wurzel 1977: 180] и т. д.; ср. также § 168). Фактом литовского языка не считается и сочетание *vl-*, встречающееся в имени *Vlādas* ‘Владас’, поскольку литуанизированной формой этого имени является *Lādas* или *Blādis* (есть и ещё примеры подобных имён собственных с нелитовской структурой).

²⁷ Звёздочкой отмечены сочетания, встречающиеся только в заимствованиях, диалектизмах или именах собственных.

непосредственно после паузы или, иными словами, быть только самыми первыми членами сочетаний (ср.: *sk-*, *sl-*, *sm-*, *sn-*, *sp-*, *sr-*, *st-*, *sv-*, *šk-**, *šl-*, *šm-*, *šn-*, *šp-*, *šr-**, *št-*, *šv-*, *zb-**, *zd-**, *zg-**, *zl-*, *zm-*, *zv-*, *žl-*, *žm-*, *žn-*, *žv-*); в другом подклассе остаются /b d g k p t/, которые могут занимать и первую, и вторую позицию (ср.: *bj-*, *bl-*, *br-* и *zb-**; *dr-*, *dv-* и *zd-**; *gl-*, *gn-*, *gr-*, *gv-* и *zg-**; *kl-*, *km-**, *kn-*, *kr-*, *kv-* и *sk-*, *šk-**; *pj-*, *pl-*, *pr-* и *sp-*, *šp-*; *tr-*, *tv-* и *st-*, *št-*).

Таким образом, все согласные по их положению в двучленных эксплозивных группах следует прежде всего разделить на два класса: 1) класс R^{28} , состоящий из согласных /j l m n r v/, употребляющихся только непосредственно перед гласным; 2) класс C , в который входят согласные /b d g k p s š t z ž/, встречающиеся не только перед гласным. В классе C выделяются два подкласса: а) подкласс S /s š z ž/, члены которого используются только в самом начале слова (т. е. в первой позиции); б) подкласс T /b d g k p t/, члены которого могут занимать и первую, и вторую позицию. Сочетания, состоящие только из членов класса C , бывают только типа $ST-$ (*sk-*, *sp-*, *st-*, *št-* и др.). До сих пор не совсем ясно положение /č/, поскольку в позиции [S—V] возможны члены и класса T , и класса R ; проблемным остаётся и /ž/, обнаруженный только перед согласными типа R , где встречаются фонемы и типа T , и типа S .

§ 109. Итак, у нас получилась следующая синтагматическая классификация согласных (рис. 2; Σ — любой согласный)²⁹.

²⁸ Группы обобщённо обозначаются заглавной буквой, являющейся символом какого-либо одного характерного их члена.

²⁹ О том, что и с точки зрения «чистой» фонетики [j] и [v] могут относиться к тому же классу, что и [l r m n], см., напр., [Фант 1964: 208–210]. В литовском языке такую трактовку [j v] поддерживает их собственная длительность, весьма близкая длительности [l r m n] [Tankevičiūtė 1981: 118], а также склонность детей-«дисграфиков» заменять, например, [r] на [j], [v] или на другие члены класса R (звуками типа S или T [r] не заменяется) [Gelumbauskaitė 1968: 10].

<i>S</i>	<i>T</i>	<i>R</i>
/s/	/p/	/r/
/š/	/t/	/l/
/z/	/k/	/n/
	/b/	/m/
	/d/	/j/
	/g/	/v/

Рис. 2. Синтагматическая классификация согласных

Эта классификация особенно ярко проявляется в трёхчленных сочетаниях, которые могут иметь только один вид — *STR*:- *skl*- (*sklaidýti* ‘перелистывать’), *skr*- (*skrābalas* ‘побрякушка’), *skv*- (*skvarbùs* ‘пронизывающий’), *spj*- (*spjáuti* ‘плевать’), *spr*- (*sprūsti* ‘вырываться’), *str*- (*strāzdas* ‘дрозд’), *stv*- (*stvérti* ‘схватить’), *spl*-* (диал. *splazdėti* ‘махать (крыльями)’, *splūsna* «*plūnksna*» ‘перо’), *škr*-* (жемайт. *škrābė* ‘(уничжит.) старуха’), *škl*-* (*Šklėriai* ‘Шклеряй (деревня)’), *špr*-* (*Šprintas* ‘Шпринтас (река)’), *štr*-* (*Štrimas* ‘Штримас (фамилия)’), *zdr*-* (*Zdramỹs* ‘Здрамис (фамилия)’), *zbr*-* (заимств. *zbrainùs* ‘очень подвижный’), *zgr*-* (заимств. *zgrābnas*, *zgrebnùs* ‘красивый’). Эти сочетания подтверждают правило Л. Ельмслева [Hjelmslev 1936: 53] (ср. [Yasui 1962: 24; Fischer-Jørgensen 1972: 573; 1975: 134 и указ. лит.; Гринберг 1964: 41–42, 46–47]), согласно которому группа из трёх согласных может существовать только тогда, когда существуют соответствующие двучленные группы; иными словами, существование сочетания типа *STR*- имплицитно подразумевает существование сочетаний *ST*- и *TR*- ($STR \supset (ST \& TR)$), ср.: *skl*- : *sk*- и *kl*-, *skr*- : *sk*- и *kr*-, *spj*- : *sp*- и *pj*- и т. д.

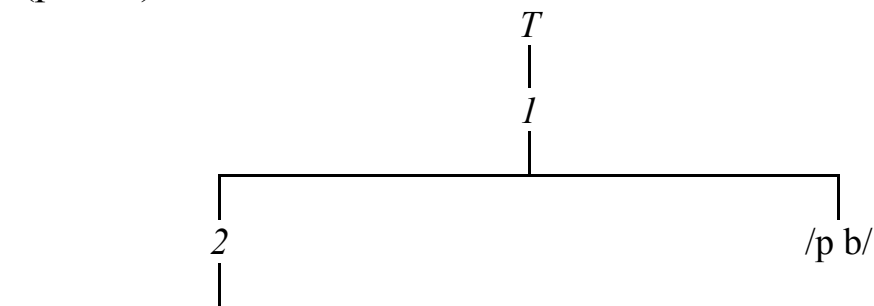
Класс *C* характеризуется постоянным местом и во внутренних трёхчленных сочетаниях: второй (средний) член этих сочетаний всегда относится к типу *C*, ср.: *mókslas* ‘наука’, *kremzlė* ‘хрящ’, *nevėkšla* ‘хляк’, *pūgžlỹs* ‘ёрш’, *tamprùs* ‘упругий’, *kamblỹs* ‘комель’, *añtras* ‘второй’, *gañdras* ‘аист’, *žirklės* ‘ножницы’, *anglìs* ‘уголь’. Кроме того, члены только этого класса подвергаются так называемой ассимиляции по звонкости–глухости или, говоря терминами фонологии, нейтрализации (см. § 141 ff.): сочетание согласных класса *C* (т. е. группа типа *SS*, *TT*, *ST*, *TS*) может быть только либо целиком звонким, либо целиком глухим, ср.: *bėga* ‘бежит’ : *bė[k]ti* ‘бежать’, *sùka* ‘крутит’ : *sù[g]davo* ‘(он)

крутил (прош. многокр.)’, *vėža* ‘везёт’ : *vė[š̌]ti* ‘везти’ и т. д. Члены класса *R* безразличны к этой ассимиляции: они и сами не оглушаются перед глухими согласными, и других согласных не озвончают, хотя по своей природе являются звонкими, ср.: *kaĩpas* ‘угол’, *pĩlti* ‘лить’, *tárpas* ‘помежуток’, *žėnklas* ‘знак’, где /l m n r/ остаются звонкими, хотя стоят перед глухими /k p t/, или *kláusti* ‘спрашивать’, *kmỹnai* ‘тмин’, *knĩsti* ‘рыть’, *pjáuti* ‘резать; жать’, *tráukti* ‘тянуть’, *tvártas* ‘хлев’, где /k p t/ остаются глухими, хоть и находятся перед звонкими /j l m n r v/. Ни в одном литовском говоре нет вариантов **gláusti*, **gmỹnai*, **gnĩsti*, **bjáuti*, **dráukti*, **dvártas*. Правда, северные жемайты в некоторых случаях могут произносить глухие [ɫ], [m̥], [n̥] и особенно [r̥], напр.: с.-жемайт. *tâɫps* «*tárpas*» ‘промежуток’, *kâɫts* «*káltas*» ‘долото’ и т. д. [Girdenis 1967b: 249]³⁰, но это не подлинная ассимиляция, так как глухие [ɫ], [r̥] и др. являются всего лишь специфическими аллофонами /l/, /r/. Сходные глухие аллофоны фонем данного типа регулярно встречаются в исландском языке, напр.: *hjarta* [‘çart’a] ‘сердце’, *kampur* [‘k’ampr’ɥɾ] ‘борода; усы’, *penta* [‘p’ɛnt’a] ‘красить, рисовать’, *stúlka* [‘sduɫk’a] ‘девочка’ (ср. также рус. *вихрь* [v’ixɾ’], *мётл* [m’õtɫ]) [Зиндер 1979: 53]; о похожих явлениях в латышском языке см. [Endzelīns 1951: 27]).

§ 110. Более детальный анализ сочетаний даёт возможность произвести и более детальное деление каждого подкласса. Например, отдельным членам подкласса *T* свойственны такие ограничения дистрибуции:

- 1) только /p b/ не встречаются перед /v/;
- 2) только /t d/ в начале слова не встречаются перед /l/.

Следовательно, согласные подкласса *T* можно классифицировать так (рис. 3).

³⁰ Оглушение /j/ → [ç] / [p—] давно отмечено в аукштайтской речи [Ekblom 1922: 19].

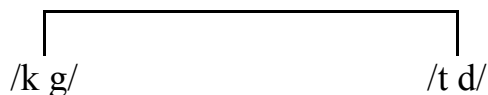

Рис. 3. Классификация согласных подкласса *T*

Согласные класса *R* также распадаются на некоторые синтагматические подклассы. Например, среди них всех резко выделяются */m n/*, не встречающиеся в сочетаниях из трёх согласных (если «забыть» об очень редком заимствовании *sknarūs* ‘скупой’) и сочетаниях из двух согласных после */p b/* и */t d/*. Если считать, что неслоговые *[j ɥ]* являются аллофонами */i u/*, а не */j v/*, то можно выделить отдельный подкласс */j v/*, члены которого не употребляются в имплозивных группах. В таком случае все согласные типа *R* можно разбить на подклассы следующим образом (рис. 4).

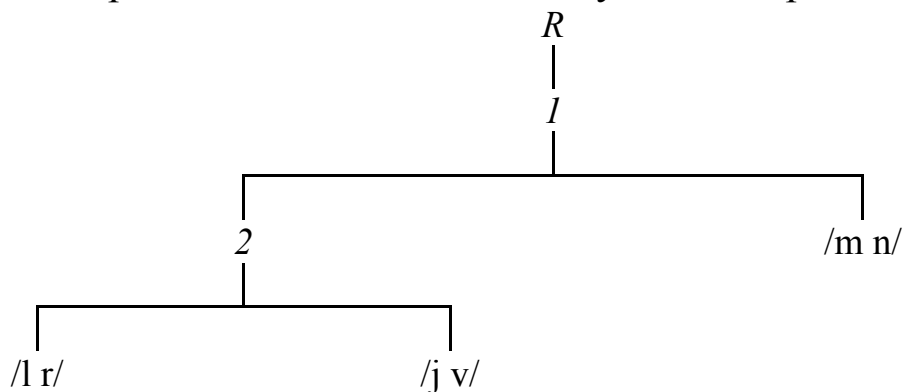

Рис. 4. Классификация согласных класса *R*

§ 111. Изучение структуры имплозивных сочетаний лучше всего начать с конца слова, поскольку конец слова одновременно является и концом слога и, что самое важное, таким концом, который не вызывает никаких сомнений (см. [Kuryłowicz 1960: 193ff. = Курилович 1962: 268ff.]; ср. [Чекман 1979: 124ff.]).

В литовском литературном языке (и в тех диалектах, которые сохраняют краткие гласные в окончаниях) конечные сочетания согласных в большинстве случаев могут считаться зеркальным отражением начальных сочетаний (см. [Kuryłowicz 1960: 213 = Курилович 1962: 297], дедуктивное обоснование — [Шаумян 1962: 172; Basbøll 1977]³¹). В них наблюдаются те же самые от-

³¹ Это можно лаконично обобщить в виде «планетарной» модели (ср. [Basbøll 1977: 144–145, рис. 1–2]), в центре которой находится гласный (*V*), а вокруг по всё более отстоящим от него орбитам «летают» согласные

ношения, что и в эксплозивных группах, только фонемы располагаются строго в обратном порядке: вместо сочетаний типа $STR(V)$ в этих группах обнаружим $(V)RTS$, вместо $SR(V)$ — $(V)RS$, вместо $TR(V)$ — $(V)RT$, вместо $ST(V)$ — $(V)TS$. Сравним:

- 1) $STR(V)$: $(V)RTS$ ³²
<i>skl-</i>	: -lks	(<i>vilks</i> ‘будет волочить’)
<i>skr-</i>	: -rks	(<i>veřks</i> ‘будет плакать’)
<i>spr-</i>	: -rps	(<i>tařps</i> ‘будет хорошо расти’)
<i>spl-</i>	: -lps	(<i>tilps</i> ‘поместится’)
<i>škl-</i>	: -lkš	(<i>telkš</i> ‘бульк’)
<i>škr-</i>	: -rkš	(<i>čirkš</i> ‘будет щебетать’)
<i>špr-</i>	: -rpš	(<i>šniřpš</i> ‘будет сморкать’)
- 2) $SR(V)$: $(V)RS$
<i>sl-</i>	: -ls	(<i>pabaļs</i> ‘побелеет’)
<i>sm-</i>	: -ms	(<i>visiems</i> ‘всем’)
<i>sn-</i>	: -ns	(<i>nuskiņš</i> ‘сорвёт’)
<i>sr-</i>	: -rs	(<i>patařs</i> ‘посоветует’)
<i>šl-</i>	: -lš	(<i>meļš</i> ‘будет доить’)
<i>šm-</i>	: -mš	(<i>kiņš</i> ‘будет запихивать’)
<i>šr-</i>	: -rš	(<i>veřš</i> ‘будет сжимать’)

Здесь в силу исторических причин нет соответствия *šn-* (ср. *greņš* > *grēš* ‘будет сверлить’). Если считать [j ū] аллофонами /j v/, то список можно дополнить сочетаниями *sv-* : -*us* (*gaūš* ‘получит’), *šv-* : -*uš* (*šiaūš* ‘будет ерошить’).

- 3) $TR(V)$: $(V)RT$
<i>kl-</i>	: -lk	(<i>pilk</i> ‘лей’)
<i>kn-</i>	: -nk	(<i>augiņk</i> ‘выращивать’)
<i>kr-</i>	: -rk	(<i>tařk</i> ‘произноси’)
<i>km-</i>	: -mk	(<i>stūmk</i> ‘толкай’)
<i>pr-</i>	: -rp	(<i>tařp</i> ‘между’)
<i>tr-</i>	: -rt	(<i>skirt</i> ‘отделять’)

классов *R*, *T* и *S*. Перед гласным эти «планеты» всегда расположены в таком порядке: *S-T-R*, после гласного — *R-T-S*.

³² Имплотивные группы можно вполне обоснованно считать «производными» эксплозивных, поскольку существуют языки, в которых есть только эксплозивные группы (ср. старославянский язык, а также древнерусский до падения редуцированных), но нет языков, в которых были бы только имплотивные группы.

Если [i̯ u̯] = /j v/, то получим также kv- : -uk (*laũk* ‘прочь’), pj- : -ip (*taĩp* ‘да’), tv- : -ut (*gáut* ‘получать’). Кроме того, здесь реализуется несколько сочетаний, невозможных в эксплозивных группах: -mt (*iĩt* ‘братъ’), -nt (*sént* ‘стареть’).

4) ST(V)	:	(V)TS	
sk-	:	-ks	(<i>tóks</i> ‘такой’)
sp-	:	-ps	(<i>trỹps</i> ‘будет топотать’)
st-	:	-ts	(<i>pàts</i> ‘сам’) ³³
šp-	:	-pš	(<i>šnỹpš</i> ‘будет шипеть’)
šk-	:	-kš	(<i>kvěkš</i> ‘будет хныкать’)

Немало конечных сочетаний, соответствующих начальным группам, можно найти в диалектах, ср. с.-жемайт. žl- : -lž (*mê.lž* «*mélžia*» ‘доит’), br- : -rb (*dê.rb* «*dĩrba*» ‘работает’), pl- : -lp (*tê.lp* «*tēlpa*» ‘помещается’), юж.-жемайт. žn- : -nž (*grě.ñ.ž* «*grēžia*» ‘сверлит’), šn- : -nš (*grě.ñ.š* «*grēš*» ‘будет сверлить’), но здесь мы не сможем на них опираться, так как в этих диалектах законы конца слова совершенно иные. Например, конечные сочетания у северных жемайтов являются, скорее, не зеркальными отражениями начальных групп, а вариантами внутренних (ср. такие группы как -rkst(-), -rgžd(-), встречающиеся в словах *vã.rkst* «*vaĩrgsta*» ‘бедствует’, *gõ.rgžd* «*gũrgžda*» ‘скрипит’ и *vã.rkstâ.m* «*vaĩrgstame*» ‘бедствуем’, *gõ.rgždõ.s* «*gurgždãš*» ‘скрипящий’), — следовательно, имплозивными группами совершенно иной, если сравнивать с литературным языком, структуры (ср. § 126).

§ 112. Имплозивные группы могут быть и более сложными, поскольку к ним иногда примыкают немотивированные согласные /k/ или /t/. Эти согласные есть, например, в формах единственного числа второго лица повелительного наклонения, в сокращённых инфинитивах и в междометиях. Ср.: 1) -nkš : -nkšk (*kveñkšk* ‘тяжело кашляй’) и -nkšt (*kveñkšt* ‘тяжело кашлять’), -rkš : -rkšk (*čĩrkšk* ‘щебечи’) и -rkšt (*čĩrkšt* ‘щебетать’), -rpš : -rpšk (*šniĩpšk* ‘сморкай’) и -rpšt (*šniĩpšt* ‘сморкать’); 2) -ls : -lsk (*mēlsk* ‘умоляй’) и -lst (*bĩlst* ‘застучать’), -ms : -msk (*kriĩnsk* ‘грызи’) и

³³ Это факультативная реализация. Часто слово произносится с аффрикатой, но она (как показало бы сопоставление с междометием *bàc* ‘бац’) не кажется «чистой» аффрикатой, следовательно, по-видимому, всё равно должна оцениваться как сочетание фонем.

-*mst* (*kriṁst* ‘грызть’), -*rs* : -*rsk* (*veřšk* ‘переворачивай’) и -*rst* (*veřst* ‘переворачивать’), -*lš* : -*lšk* (*mél[š]k* ‘дои’) и -*lšt* (*mél[š]t* ‘доить’), -*mš* : -*mšk* (*kiṁšk* ‘запихивай’) и -*mšt* (*kiṁšt* ‘запихивать’), -*rš* : -*ršk* (*užmiřšk* ‘забудь’) и -*ršt* (*užmiřšt* ‘забывать’); 3) -*lk* : -*lkt* (*viłkt* ‘волочить’), -*nk* : -*nkt* (*liṅkt* ‘гнутьяся’), -*rp* : -*rpk* (*veřpk* ‘пряди’) и -*rpt* (*veřpt* ‘прясть’); 4) -*ks* : -*ksk* (*mè[k]sk* ‘вяжи’) и -*kst* (*mè[k]st* ‘вязать’), -*kš* : -*kšk* (*kvěkšk* ‘хнычь’) и -*kšt* (*pūkšt* ‘бултых’), -*pš* : -*pšk* (*šnŷpšk* ‘шипипи’) и -*pšt* (*šnŷpšt* ‘шипеть’). Сюда, несомненно, относятся и такие сочетания, как -*sk* (*vèsk* ‘веди’), -*šk* (*nèšk* ‘неси’), -*pk* (*liṅk* ‘лезь’), -*pt* (*liṅt* ‘лезть’), -*kt* (*lěkt* ‘лететь’), в которых имеем нормальную одночленную импловивную часть слога, расширенную за счёт немотивированных согласных /k/ или /t/. Таким образом, исчерпывающая формула импловивных групп выглядит так: $V \& (\emptyset \vee (R \vee T \vee S)) \& (\emptyset \vee (k \vee t))$. Знаки „&“, „ $\vee$ “ и „ $\vee\vee$ “ здесь имеют значение, принятое в логике. Например, $R \vee T$ означает, что может встретиться либо сочетание RT , либо один из членов класса R , либо один из членов класса T . Единственным сочетанием, не описываемым этой формулой, является $-rm$, которое находим в предлоге *pirṁ* ‘перед’, но предлоги в действительности представляют собой препозитивные морфемы, а не самостоятельные слова (см., напр., [Шведова 1980: 90]).

§ 113. Как мы увидели, в нераспространённых импловивных группах отношения согласных фонем такие же, как в экспловивных — отличается только направление этих отношений. Поэтому анализ импловивных групп иногда даёт возможность дополнить и уточнить синтагматическую классификацию согласных [Kurŷłowicz 1960: 218 = Курилович 1962: 303]. Например, в экспловивных трёхчленных сочетаниях не встречаются /m n/, поэтому могли возникнуть подозрения, действительно ли они функционируют, как другие члены класса R . Импловивные группы -*nks* (*liṅks* ‘будет гнутьяся’), -*mps* (*teṁps* ‘будет тянуть’) и т. п. не оставляют никаких сомнений: в них /m n/ занимают то же самое положение, что и /l r/, и потому обязательно должны быть отнесены к их классу. Импловивные сочетания рассеивают также сомнения, которые могут вызывать зафиксированные только в не очень надёжных словах сочетания *šk-**, *šr-** и др.: соответствующие им сочетания в конце слова -*kš* (*kvěkš* ‘будет хныкать’), *pūkš* ‘будет пыхтеть’), -*rš* (*užmiřš* ‘забудет’) совершенно нормальны,

ПОЭТОМУ ВЫВОДЫ, К КОТОРЫМ МЫ ПРИШЛИ НА ОСНОВЕ $\check{s}k$ -* , $\check{s}r$ -* И Т. П., ПОЛНОСТЬЮ ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ.

Е) СТРУКТУРА СЛОГА

§ 114. Анализируя строение эксплозивных и имплозивных групп, мы одновременно выявили и структуру фонологического слога.

В начале исследования была предложена абстрактная формула $((C_e))V(C_i)$, а теперь мы можем придать ей более конкретную форму:

$$((S \vee T \vee R)) V (\vee R \vee T \vee S \vee (k \vee \vee t)).$$

Слог, в котором есть все элементы, за исключением немотивированных /k/ и /t/ (напр., *sprĩngs* ‘подавится’), теперь можно представить следующей схемой (рис. 5).

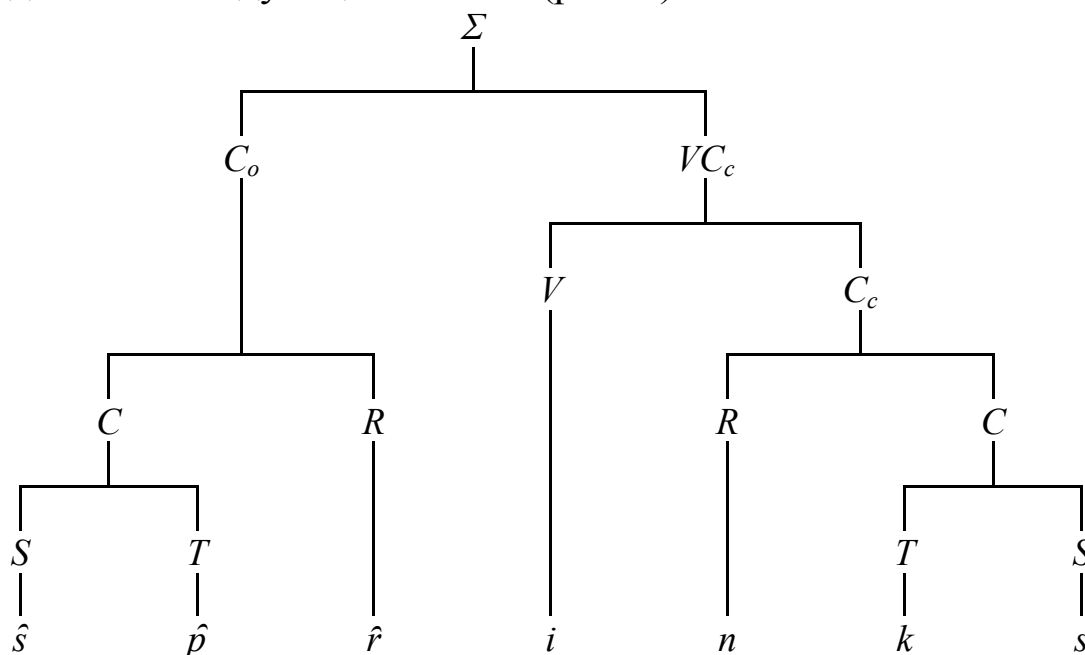
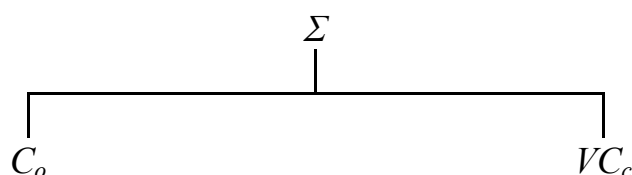

Рис. 5. Структура слога (I вариант)

Если учитывать просодические явления (см. § 241–244), то возможно, что для слогов, в финальной группе которых содержится согласный типа *R*, лучше подошла бы схема, представленная на рис. 6.

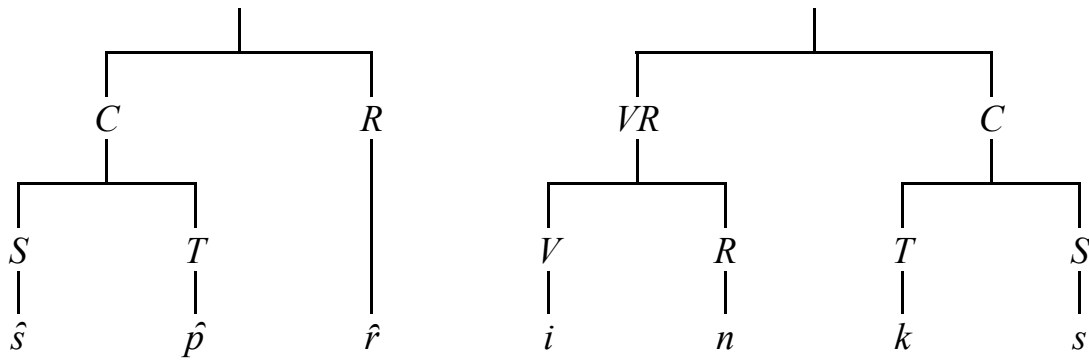

Рис. 6. Структура слога (II вариант)

§ 115. Если вспомнить дихотомические «деревья», или дендрограммы (греч. *δένδρον* ‘дерево’, *γράμμα* ‘рисунок, письменный знак’), строения предложения, то нетрудно заметить, что они очень похожи на данную схему слога. Например, уже упоминавшееся предложение *Labaĩ graži mergýte něšasi pilkaĩ raĩna kãte* ‘Очень красивая девочка несёт серую полосатую (букв. ‘серо полосатую’) кошку’ распадается на такие непосредственно составляющие (англ. *immediate constituents*; рис. 7).

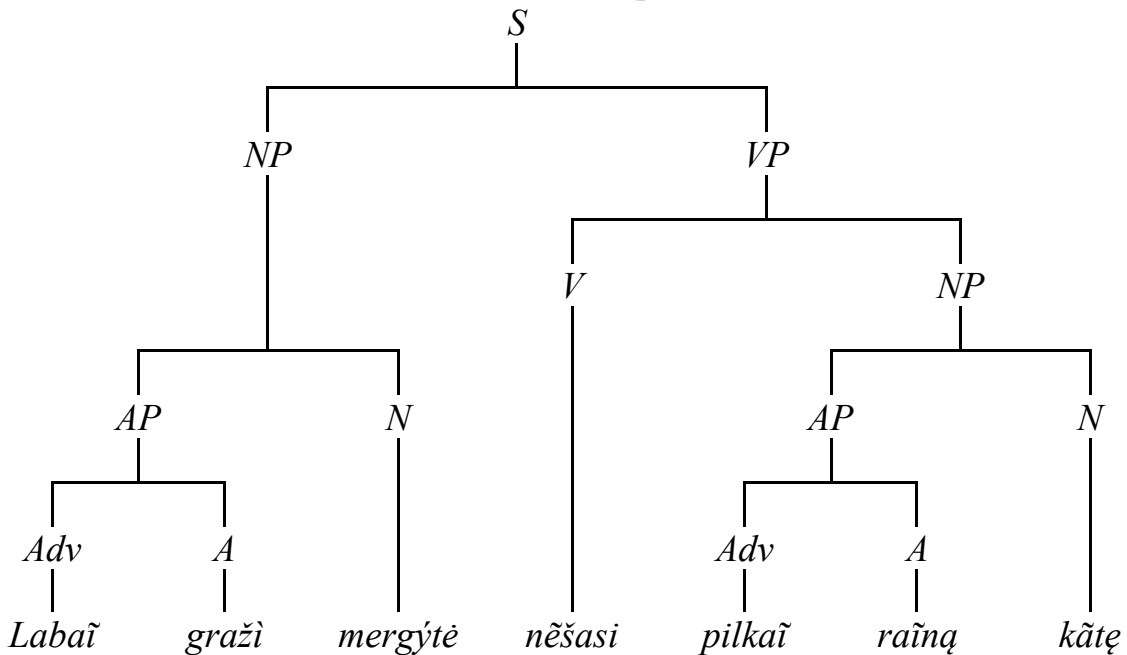

Рис. 7. Структура предложения

Непосредственно это предложение состоит из двух комплексов слов (см., напр., [Хомский 1962: 432; Степанов 1966: 66]): группы существительного (подлежащего), или именной группы (NP = noun phrase), и группы глагола (сказуемого) (VP = verb phrase). Группа глагола (сказуемого) состоит из глагола (V = verb) и группы существительного (NP). Каждая группа существительного состоит из существительного (N) и группы прилагательного (определения) (AP = adjective phrase), группа прилагательно-

го — из прилагательного (A) и наречия (т. н. интенсификатора — Adv = adverb).

Как мы видим, дендрограмма этого предложения почти совпадает со схемой структуры слога. Единственным отличием является регрессивный порядок компонентов в правой ветви схемы предложения (начиная с NP), соответствующей импловзивной части слога, в которой наблюдается прогрессивный порядок компонентов. В предложении, по-видимому, можно найти соответствия даже для немотивированных согласных импловзивных групп. Такими соответствиями можно считать, например, обстоятельства, связанные со всей группой глагола (сказуемого) и образующие её «ситуативную кулису» (ср. *Výrai pjáudavo šičnq paryčiaĩs* ‘Мужчины косили сено поутру’, где *paryčiaĩs* ‘поутру’ является обстоятельством, связанным не с одним только сказуемым *pjáudavo* ‘(они) косили (прош. многокр.)’, а со всей его группой *pjáudavo šičnq* ‘косили сено’). Это ещё раз показывает, насколько велик изоморфизм структуры единицы плана выражения, слога, и единицы плана содержания — предложения (ср. § 103)³⁴. Создаётся впечатление, что слоги и предложения «строятся» по одному и тому же проекту.

Ф) ГРАНИЦЫ СЛОГА

§ 116. Исследование структуры слога и законов фонотактики не было бы исчерпывающим, если бы мы оставили в стороне внутренние группы согласных и не установили бы правила, позволяющие однозначно членить эти группы на импловзивную часть предыдущего слога и экспловзивную часть последующего или, проще говоря, обнаруживать границы слогов³⁵.

Никаких вопросов границы слога не вызывают только в тех языках, где нет сочетаний согласных: в них граница слогов проходит всегда между гласным и согласным. Например, вышеупомянутые (§ 102) слова маорийского языка *manawakino* ‘боязливый’, *tamahine* ‘дочь’, *wewera* ‘тёплый’ можно разделить на слоги

---

³⁴ Трудно здесь удержаться и не напомнить, что изоморфизм слога и предложения ощущал уже первый синтаксист Европы Аполлоний Дискон (см., напр., [Heinz 1978: 57–58]).

³⁵ Определение фонологического слога см. [Гулакян 1972: 365].

Общепризнано, что слог представляет собой основную произносительную единицу, но вопросы его звуковой природы и «физических» границ до сих пор открыты (см., напр., [Ladefoged 1975: 217–222; Зиндер 1979: 251–256 и указ. лит.; Касевич 1981]).

только следующим образом: *ma-na-wa-ki-no*, *ta-ma-hi-ne*, *we-we-ra*; так же следует членить и приводимые там же слова йоруба *à-kú-kò* ‘петух’, *o-ní-bà-tà* ‘сапожник’, *pú-pò* ‘многие’³⁶. Не проблемны границы слогов и в том случае, когда слог одновременно является и единицей плана содержания — морфемой или словом (т. н. морфосиллабемой [Клычков 1963: 4]): такие слоги интуитивно хорошо ощущаются и выделяются самими носителями языка. Слово *jūnguózhǐyìhuà* ‘милитаризм’ человек, владеющий литературным («мандаринским») китайским языком, без колебаний разделит на слоги [tʃiūn-gó-tʃǔ-ì-huà], поскольку каждый из этих слогов знаком ему и как самостоятельное слово, неделимое на более мелкие части (*jūn* ‘войско’, *guó* ‘государство’, *zhǐ* ‘руководство’, *yì* ‘обязанность’, *huà* ‘качество’). В остальных случаях границы слога можно выявить только путём фонологического анализа внутренних сочетаний, так как информанты обычно осознают эти границы лишь в тех редких случаях, когда они совпадают с внутренними открытыми стыками (см. § 36). Фонетических признаков, которые бы чётко сигнализировали о начале или конце слога, также до сих пор не обнаружено³⁷ — и с трудом верится, что такие сигналы будут когда-либо обнаружены [Pulgram 1970: 20], поскольку границы слогов не выполняют дистриктивной функции и поэтому, скорее всего, никогда не выделяются специальными сигналами³⁸.

³⁶ С другой стороны, слишком сложные и разнообразные сочетания согласных, строение которых трудно описать простыми правилами, настолько осложняют проблему границ слога, что разрешить её не решаются даже ведущие фонетисты (ср. скептический взгляд на границы слогов русского языка — [Бондарко 1981: 51–52]).

³⁷ См. сн. 35. В литовской лингвистике по этому вопросу не опубликовано ничего значительного (ср., однако, [Ulvydas 1965: 122–126; Mikalauskaitė 1975: 71–75]; критические замечания о работах такого рода см. [Girdenis, Žulys 1973: 207 = Girdenis 2000b: 376]).

³⁸ Ср., однако, оптимистические надежды Б. Мальмберга [Мальмберг 1962: 378–381; Malmberg 1971: 115ff.]. К сожалению, обнаруженные им спектральные признаки в действительности являются сигналами открытых стыков, а не границ слогов.

Здесь стоит добавить, что раньше (примерно в 1962–1966 гг.) мы с Алдонасом Пупкисом считали, что неконечные слоги литовского языка являются открытыми (конечно, кроме тех, которые «закрыты» сонорными со-

§ 117. При решении вопроса о границах слога исходной позицией являются самые простые и самые сложные консонантные сегменты, встречающиеся внутри слова между двумя гласными, в так называемой интервокальной позиции. Самым простым, несомненно, будет сегмент, состоящий из одного согласного; а самое сложное внутреннее сочетание в литовских несоставных словах образовано четырьмя согласными, напр.: *-lksn-* (*al̃ksnis* ‘ольха’), *-rkšn-* (*kirkšnìs* ‘пах’), *-rpst-* (*sir̃psta* ‘зреет’).

§ 118. Как уже говорилось, один интервокальный согласный образует слог с тем гласным, который следует за ним: слово типа (C)VCV разбивается на слоги только следующим образом: (C)V-CV, напр.: *bã-tas* ‘ботинок’, *ne-be-nu-si-ra-ši-né-da-vo-me* ‘(мы) больше не списывали’, *va-ba-liù-kas* ‘жучок’. Это универсальное правило, легко понимаемое интуитивно. Правда, принято считать, что, например, в английском и немецком языках согласный, следующий за кратким (ненапряжённым) гласным, должен относиться к слогу этого гласного, напр.: англ. *belly* ‘живот’, *pretty* ‘красивый’, *stocking* ‘чулок’, нем. *besser* ‘лучший; лучше’, *immer* ‘всегда’, *wissen* ‘знать’ делятся на слоги так: [‘bel-ɪ], [‘prɪt-ɪ], [‘stɔk-ɪŋ], [‘bɛs-əʃ], [‘ɪm-əʃ], [‘vɪs-ən]; некоторые исследователи такой согласный относят к обоим слограм (напр., [Цахер 1969: 142]). Данная точка зрения не лишена основания: последний слог слова в немецком языке не может заканчиваться другим кратким гласным, кроме [ə], а в английском языке единственные конечные краткие гласные, не имеющие побочного ударения, — это [ə ɪ]. Поэтому логично считать, что на краткие гласные не оканчиваются и другие слоги. Но это только весьма редкие исключения,

---

гласными; ср. также [Мажюлис 1965: 23 и 25]). К этому мнению нас склонял т. н. «наоборотный» язык — детский жаргон, в котором к каждому слогу добавляется один и тот же бессмысленный слог: в этом «языке» внутренние группы согласных (-TT-, -ST-, -TS-, -TSR-, -TST- и др.) целиком «отходят» к последующему слогу, напр.: *verpiverktas* = *piktas* ‘злой’, *verlãverksto* = *lãksto* ‘бегает’, *veraĩverksnis* = *al̃ksnis* ‘ольха’. Но эти факты, скорее всего, доказывают только то, что дети отдают предпочтение открытым слограм и что это не зависит от свойств речи взрослых [Касевич 1981: 144] (несколько иное объяснение см. [Girdenis 1967b: 279, сн. 2; Girdenis 1982b: 93f., сн. 1 = Girdenis 2000c: 396, сн. 1]).

не нарушающие общей закономерности³⁹. На уровне чистой фонетики (не фонологии!) указанная закономерность отчасти действительна и в латышском языке, где иногда (см. § 74, сн. 53) глухой согласный «распределяется» по двум соседним слога́м (*mati* ['mat-t¹] 'волосы', *upe* ['up-p^e] 'река')⁴⁰. Но в целом в подобных случаях согласный принадлежит к слогу не первого, а второго гласного. Это нетрудно понять: как уже упоминалось (см. § 102), универсальной моделью слога является *CV*; к ней склонны все языки мира.

§ 119. В литовском языке внутренние четырёхчленные консонантные группы бывают трёх типов: а) *-RTST-*, напр.: *-lkst-* (*álksta* 'голодает'), *-lkšt-* (*telkšta* 'делается невкусным'), *-lpst-* (*ałpsta* 'падает в обморок'), *-mpst-* (*kliłmpsta* 'вязнет'), *-rkšt-* (*čirkštu* '(он) щебетал бы'), *-rgžd-* (*gařgždas* 'галька'), *-rpšt-* (*dar[p]štus* 'работающий'); б) *-RTSR-*, напр.: *-lksm-* (*dvełksmas* 'веяние'), *-lkšn-* (*kulkšnìs* 'лодыжка'), *-lkšv-* (*bałkšvas* 'беловатый'), *-nksm-* (*liņksmas* 'весёлый'), *-nksn-* (*liņksnis* 'падеж'), *-nkšl-* (*krenkšlỹs* 'кто часто харкает'), *-nkšn-* (*vìnkšna* 'вяз'), *-rgzl-* (*urgzlỹs* 'брюзга'), *-rksm-* (*veřksmas* 'плач'), *-rksn-* (*mìrksnis* 'мгновение'), *-rkšl-* (*purkšlỹs* 'вспыльчивый человек'), *-rpsn-* (*tařpsnis* 'промежуток'); в) *-RTSĉ-*, *-RTSž-*, напр.: *-lkštš-* (*valk[š̂]čiaũ* '(я) надевал, одевал'), *-lpštš-* (*gél[pš̂]čiu* 'спасаю'), *-nkštš-* (*ánkščiu* 'стручков'), *-rgždž-* (*bergždžiũ* 'бесплодных'), *-rkštš-* (*kibirksčiu* 'искра'), *-rpštš-* (*veřp[š̂]čiu* 'веретён'). Исключение составляют только два-три редких слова, напр.: *aistrà* (если [i̇]=j/!) 'страсть', *irštva* (*-RSTR-*) 'берлога', *žiegždrà* (*-TSTR-*) 'гравий'.

Если не учитывать слова-исключения, становится очевидной строгая закономерность: каждой четырёхчленной группе соответствуют трёхчленные группы типа *-TST-* или *-TSR-* и двухчленные группы типа *-ST-*, *-SR-*, состоящие из точно таких же согласных. Сравним:

³⁹ Кроме того, это могут быть всего лишь исключения, созданные теоретиками (ср. [Strimaitienė 1979: 59–60]). Следует отметить, что фоностатистика поддерживает как раз «нормальный» слогораздел в упомянутых английских словах — ['rɪ-ti] (см. [O'Connor, Trim 1973: 258]).

⁴⁰ Но, как мы уже знаем, геминаты таких латышских слов являются аллофонами «простых» фонем /t/, /p/ и т. п., а сами фонемы по общему правилу должны относиться ко второму слогу: /ma-ti/, /u-pe/.

a) *-RTST-* : *-TST-* : *-ST-*

(a)- <i>lkst</i> -(a)	}	: (ny)- <i>kst</i> -(a)	}	: (sla)- <i>st</i> -(ai)
(li)- <i>nkst</i> -(a)				
(a)- <i>lpst</i> -(a)	}	: (sla)- <i>pst</i> -(o)		
(si)- <i>rpst</i> -(a)				

b) *-RTSR-* : *-TSR-* : *-SR-*

(a)- <i>lksn</i> -(is)	}	: (rè)- <i>ksn</i> -(ys)	}	: (kre)- <i>sn</i> -(as)
(li)- <i>nksn</i> -(is)				
(ta)- <i>rpsn</i> -(is)	: (tū)- <i>psn</i> -(is)			

(*alksta* ‘голодает’, *linksta* ‘гнётся’, *alpsta* ‘падает в обморок’, *sirpsta* ‘зреет’, *nyksta* ‘исчезает’, *slapsto* ‘скрывает’, *slastai* ‘ловушка’; *alksnis* ‘ольха’, *linksnis* ‘падеж’, *tarpsnis* ‘промежуток’, *rèksnys* ‘крикун’, *tūpsnis* ‘приседание’, *kresnas* ‘коренастый’)

§ 120. Такие же отношения наблюдаются и между другими сочетаниями сходной структуры: более сложное сочетание всегда имплицитно подразумевает существование соответствующего более простого. Если есть сочетание *-RTST-* или *-RTSR-*, обнаружится и *-TST-* или *-TSR-*; если отмечены *-TST-* или *-TSR-*, то найдутся и *-ST-* или *-SR-*. Кратко эти отношения можно описать формулой (как и в других местах, „ $\supset$ “ здесь обозначает материальную импликацию⁴¹):

$$RTS_R^T \supset TS_R^T \supset S_R^T$$

Последние два символа выведенной формулы $S_R^T = ST$ и SR совпадают с формулами соответствующих двухчленных сочетаний начала слова *ST-*, *SR-*; совпадают и многие конкретные сочетания, ср.: *miṛksta* ‘мокнет’ : *lāksto* ‘бегает’ : *slāstai* ‘ловушка’ и *statūs* ‘крутой’, *ālksnis* ‘ольха’ : *rèksnūys* ‘крикун’ : *pusnīs* ‘сугроб’ и *snāpas* ‘клюв’. Если обозначить символом *x* сочетания *-ST-*, *-SR-* или отделить согласные типа *-S-*, *-T-*, то эту закономерность можно обобщить так: $RTx \supset Tx \supset x$, ср.: *(mu)-rks-(o)* ‘дремлет’ / *(ri)-nks-(i)* ‘будешь собирать’ : *(stū)-ks-(o)* ‘торчит’ : *(vi)-s-(as)*

⁴¹ О значении импликации для лингвистики см., напр., [Zawadowski 1966: 79ff.].

‘весь’, *(vi)-lkt-(u)* ‘(он) волочил бы’ / *(pe)-nkt-(as)* ‘пятый’ : *(pi)-kt-(as)* ‘злой’ : *(ra)-t-(as)* ‘колесо’. Следовательно, во внутренних сочетаниях группы типа *-ST-* эквивалентны группам *-SR-*, а те в свою очередь — отдельным согласным *-S-*, *-T-* (т. е. *-ST-* ≡ *-SR-* ≡ *-S-* ≡ *-T-*). Поскольку отдельные внутренние согласные без сомнения являются эксплозивной частью слога (см. § 118), а сочетания в начале слова — сочетаниями начала слога (ср. § 107), то эксплозивными следует считать и группы, равнозначные отдельным согласным. Поэтому отрезки медиальных сочетаний *-ST*, *-SR*, без сомнения, являются началом слога — эксплозивной группой последующих (в данном случае — вторых) слогов (ср. [Kuryłowicz 1960: 196 = Курилович 1962: 272; Pulgram 1970: 47]). Итак, вышеупомянутые слова следует разбивать на слоги следующим образом: *álk-sta* ‘голодает’, *telk-šta* ‘становится невкусным’, *ałp-sta* ‘падает в обморок’, *aũk-štis* ‘высота’ (*-RT-ST-*, ср. *statùs* ‘крутой’, *štaĩ* ‘вот’), *ałk-snis* ‘ольха’, *bałk-švas* ‘беловатый’, *čurk-šlě* ‘струя’ (*-RT-SR-*, ср.: *snãpas* ‘клюв’, *švarùs* ‘чистый’, *šlúota* ‘метла’). К последующему слогу следует относить и группы *-ST-*, *-SR-*, встречающиеся в трёхчленных и двухчленных сочетаниях: *nũk-sta* ‘исчезает’, *slãp-sto* ‘скрывает’, *rėk-snyš* ‘крикун’, *tũp-snis* ‘приседание’, *slã-stai* ‘ловушка’, *rã-štas* ‘грамота’, *krě-snas* ‘коренастый’, *pũ-slě* ‘пузырь’ и т. д. Во всех четырёхчленных и трёхчленных сочетаниях граница слога проходит между согласными класса *T-* и класса *-S*, поэтому последовательным будет проводить её в том же месте и в сочетаниях, содержащих аффрикаты [t̚š], [d̚ž]. Тогда слова *ánkščiũ* ‘стручков’, *kibirkščiũ* ‘искр’, *veřp[š̚]čiũ* ‘веретён’, а также *nykšciaĩ* ‘большие пальцы’, *nãšciai* ‘коромысло’ будем разбивать на слоги так: *ánk-ščiũ*, *ki-birk-ščiũ*, *verp-[š̚]čiũ*, *nyk-šciaĩ*, *nã-šciai* (ср. *ščiũti* ‘утихать’, *Ščiũriaĩ** ‘Шчюряй (деревня)’).

После таких операций аффрикаты /č̚/, /ž̚/ (см. § 109) обретают своё место в системе согласных: в медиальных эксплозивных сочетаниях они выступают совместно с согласными типа *T* (/t d/ и др.), поэтому, вне всякого сомнения, принадлежат к их подклассу. Этот вывод подтверждает и морфонологическое чередование /č̚ ž̚/ с /t d/, очевидными согласными типа *T*, в случаях типа *nykštỹs* ‘большой палец’ : *nykšciaĩ* ‘большие пальцы’. Поэтому можно теперь утверждать, что и такие периферийные слова как

čmikis ‘удар батогом’, *džvikti* ‘цепляться’ и звукоподражания *cvánkt*, *dzvàkt* ‘бац’ начинаются с сочетаний нормального строения (типа *TR*)⁴².

§ 121. Та же самая логика, которая дала нам возможность отнести группы типа *-ST-*, *-SR-* к эксплозивным частям последующих слогов, заставляет нас группы *-RT-* перед звуками типа *T* и одиночный член подкласса *-T-* (т. е. /k p t/ или /b d g/) после гласного в медиальных сочетаниях во всех случаях относить к имплозивным группам. Значит, такие трёхчленные медиальные сочетания, как *-RTT-*, *-RTS-*, будем распределять по слогам следующим образом: *vil̃k-ti* ‘волочить’, *žeñg-da-mas* ‘шагая’ (*-RT-T-*), *tuĩk-so* ‘дремлет’, *vaĩg-šas* ‘бедняга’ (*-RT-S-*), а также *meĩk-čiau* ‘(я) замачивал бы’, *pra-viř[g]-džiau* ‘(я) заставил плакать’ (*-RT-č̃- ≈ -RT-T-*). Аналогично членятся и внутренние сочетания типа *-TT-*: *rãk-tas* ‘ключ’, *slap-tà* ‘тайком’, *dýg-da-vo* ‘прорастал’ (*-T-T-*), *lop-šỹs* ‘колыбель’, *úok-sas* ‘дупло’ (*-T-S-*), *mig-džiaũ* ‘(я) усыплял’, *sùk-čius* ‘мошенник’ (*-T-č̃- ≈ -T-T-*). Не иначе следует разбивать и группы типа *-RT-*, *-RS-* и *-RR-*: *bal̃-dai* ‘мебель’, *vaĩ-das* ‘имя’ (*-R-T-*), *gaĩ-sas* ‘звук’, *skal-sùs* ‘экономичный’ (*-R-S-*), *bur-nà* ‘рот’, *kél-mas* ‘пень’ (*-R-R-*). В последних примерах слоговая граница понятна даже интуитивно, поскольку гласные образуют с имплозивными /l m n r/ тесное сочетание — смешанный дифтонг.

Группы *-ST-*, *-SR-* без особых затруднений мы выделим и в сочетаниях типа *-RS_R^T-*, так как их образуют несомненно имплозивные согласные *-R-* и эксплозивные группы *-ST-*, *-SR-*, напр.: *piř-štas* ‘палец’, *tém-sta* ‘темнеет’ (*-R-ST-*), *pir-šlỹs* ‘сват’, *bil-snó-ti* ‘постукивать’ (*-R-SR-*) (ср. также: *kar-ščiaũ* ‘горячее’ [*-R-Sč̃- ≈ -R-ST-*]).

§ 122. Теперь рассмотрим одновременно все случаи, когда границы слога не вызывают сомнений:

<i>-RT-S_R^T-</i> (<i>čĩrk-šti</i> ‘щебетать’, <i>čĩrk-šlỹs</i> ‘плакса’)	<i>-RT-S_T^S-</i> (<i>piřk-siu</i> ‘куплю’, <i>piřk-ti</i> ‘покупать’)
<i>-T-S_R^T-</i> (<i>rak-štis</i> ‘заноза’, <i>ne-vėk-šla</i> ‘хиляк’)	<i>-T-S_T^S-</i> (<i>pỹk-siu</i> ‘буду сердиться’, <i>rãk-tas</i> ‘ключ’)

⁴² И в целом литовские звукоподражания являются словами регулярного фонотактического строения (см., напр., [Zabarskaitė 1994: 82 et passim]).

$-R-S_R^T$	(<i>piř-řtas</i> ‘палец’, <i>pir-řlŷs</i> ‘сват’)	$-R-S_T$	(<i>bár-siu</i> ‘буду ругать’, <i>bùr-tai</i> ‘колдовство’)
$-\emptyset-S_R^T$	(<i>rã-řtas</i> ‘грамота’, <i>na-řlě</i> ‘вдова’)	$-\emptyset-S_T$	(<i>bã-sas</i> ‘босой’, <i>rã-tas</i> ‘колесо’).

Сюда следует отнести не попавшие в основные схемы $-R-R$, $-\emptyset-R$ (*kál-nas* ‘гора’, *bã-ras* ‘участок’).

Как видим, количество согласных в имплозивной части медиальных сочетаний колеблется от нуля ($\emptyset$) до двух ($-RT$), т. е. $C_i = C_0^2$, и в ней не бывает согласных типа S . Наименьшая эксплозивная часть образуется одним согласным любого типа ($-S$ -, $-T$ - или $-R$ -), наибольшая — двумя согласными ($-ST$ - либо $-SR$ -), т. е. $C_e = C_1^2$. Следовательно, эксплозивная часть в данном случае доминирует над имплозивной, поскольку не существует таких медиальных сочетаний, в которых не было бы эксплозивной части, а сочетаний, в которых есть только она одна, в языке очень много: ведь один интервокальный (находящийся между гласными) согласный во всех без исключения случаях принадлежит эксплозивной части слога, а не имплозивной (см. [Kuryłowicz 1960: 195 = Курилович 1962: 270]). Всё это говорит о том, что границу слога определяет его эксплозивная часть [Pulgram 1970: 47–51], т. е. та часть, которая по своей структуре совпадает с сочетаниями начала слова⁴³.

§ 123. Наконец, мы можем сформулировать важнейший вывод: граница слога проходит в том месте, где начинается наибольшая часть внутреннего консонантного сочетания, по своей структуре совпадающая с соответствующим сочетанием начала слова (ср. [Pulgram 1970: 47ff.; Kuryłowicz 1960: 196ff. = Курилович 1962: 272ff.])⁴⁴.

⁴³ Эту закономерность открыли ещё филологи античности [Allen 1973: 54].

⁴⁴ Е. Курилович считал, что при определении фонологических границ слогов нужно принимать во внимание не только эксплозивную, но и имплозивную группу [Kuryłowicz 1960: 196–199 = Курилович 1962: 272–275]. Поэтому ему казалась допустимой принадлежность одного согласного и предыдущему, и последующему слогу (напр., такое деление на слоги как **kliŋps-sta* ‘вязнет’, **var[k]ř-řas* ‘бедняга’ и т. п.). Не вдаваясь в подробные рассуждения, здесь достаточно, по-видимому, сказать только то, что данная точка зрения непоследовательна, по меньшей мере, в двух отношениях.

Если вернуться к ранее рассмотренным примерам, то можно легко убедиться, что все они подтверждают этот вывод. И *álk-sta* ‘голодает’, и *tūp-snis* ‘приседание’, и *pū-slē* ‘пузырь’, и *vil̃k-ti* ‘волочить’, и все прочие вышеупомянутые слова членятся по одному и тому же правилу, т. е. ко второму слогу отнесена максимальная часть внутренней консонантной группы, возможная в начале слова. Согласно этому правилу можно разделить на слоги и слова несколько иной структуры, напр.: *de-šrà* ‘колбаса’, *pū̃-zras* ‘гнилушка’ (*V-SRV*), *gu-drùs* ‘хитрый’, *vé-pla* ‘ротозей’, *pu-tlùs* ‘пухлый’ (*V-TRV*), *la-zdà* ‘палка’, *i-ždas* ‘казна’ (*V-STV*), *krēb-žda* ‘шуршит’, *mèg-zdamas* ‘завязывая (Nom. Sg. m.)’ (*VT-STV*), наконец, и *a-štrùs* ‘острый’, *žì-zdras* ‘гравий’ (*V-STRV*), *ai-strà* ‘страсть’, *žaĩ-zdras*⁴⁵ ‘горн (кузнечный очаг)’, *ir-štvà* ‘берлога’ (*VR-STRV*), *žieg-ždrà* ‘гравий’ (*VT-STRV*), *gar̃g-ždas* ‘галька’ (*VRT-STV*). При таком разделении мы везде ко второму слогу отнесли внутреннее сочетание или его часть, по своей структуре совпадающую с сочетаниями начала слова. Все сочетания типа *SR-*, *TR-*, *ST-* и *STR-* представляют собой нормальные эксплозивные группы, хотя конкретных сочетаний *zr-*, *šr-*, *tl-*, *žd-*, *štv-*, *ždr-* в начале слова и не встречается (по крайней мере, в незаимствованных словах).

Анализ слов *i-ždas* ‘казна’, *krēb-žda* ‘шуршит’, *žieg-ždrà* ‘горн’ и в особенности *gar̃g-ždas* ‘галька’ окончательно определяет подлинный синтагматический класс фонемы /ž/ (ср. § 108): данная фонема занимает то же самое положение, что и /s z š/, и, следовательно, относится к их классу (т. е. *S*). Об этом свидетельствуют и слова *eg-žl̃ys* ‘ёрш’, *pūg-žl̃ys* ‘id.’, медиальное сочетание в которых можно оценить только как *VT-SRV* (ср. *žlibas* ‘подслеповатый’): групп типа *VT-TRV* в исконных литовских словах не встречается.

Во-первых, она словно заставляет забыть о глубокой связи центра слога с его импловивной частью. Во-вторых, она противоречит тому очевидному факту, что одночленная медиаль (единственный согласный между гласными) всегда бывает эксплозивной частью последующего («правого») слога: согласно теории Е. Куриловича, её следовало бы, видимо, считать компонентом и предыдущего, и последующего слога (напр., **mēt-tas* ‘пора’, **pas-sil-lik-kom-me* ‘(мы) остались’).

⁴⁵ Конечно, если мы согласимся, что [ai] = /a/ +/j/.

Тот факт, что определённые таким образом границы слогов являются интуитивно ощущаемой реальностью, доказывает история литовской письменности: в древних памятниках и даже в работах Й. Яблонскиса перенос слов со строчки на строчку почти всегда осуществляется по сформулированному здесь правилу (см., напр., [Girdenis 1985 = Girdenis 2000c: 300ff.; 1990 = Girdenis 2001: 368ff.]).

§ 124. Полученный вывод или, точнее говоря, правило, скорее всего, универсально: оно даёт возможность установить границы слогов во всех известных языках (ср. [Pulgram 1970: 50]⁴⁶). Несомненно, эти границы очень разнообразны, поскольку разнообразны инициальные консонантные сочетания. Например, в русском языке слоговая граница в словах *но́гти*, *во́льный*, *моржи́* может проходить прямо после первого гласного ([nó-kt'i], [vó-l'nəi], [ma-gž'yi]), так как в нём существуют начальные сочетания /kt-/ , /l'n-/ , /gž-/ , напр.: *кто*, *льна*, *ржи* [Шведова 1980: 23]⁴⁷. В литовском языке такие инициалы не встречаются, поэтому сходные литовские слова *nãktĩ* 'ночь (Acc. Sg.)', *bal̃nas* 'седло', *varžỹs* 'будет стеснять' могут быть расчленены только следующим образом: *nãk-tĩ*, *bal̃-nas*, *var-žỹs*. При разбивке на слоги слов венгерского языка от медиальной группы может отделяться только последний согласный, напр.: *vizsga* ['viž-gã] 'экзамен', *magunktól* ['mã-guŋk-to:l] 'от нас', *tiszteljétek* ['tis-tel-je:-tek] 'уважайте', *versben* ['verš-ben] 'в стихотворении', поскольку слова в этом языке начинаются только на единичный согласный, ср.: *bátor* 'смелый', *kérek* 'прошу', *segítség* 'помощь', *tizenkettő* 'двенадцать', *vörös* 'красный' и т. д. То же самое наблюдается в вепсском языке, напр.: *t'eh-ta* 'делать', *l'äht-ta* 'выйти', *lap-sed* 'дети', *p'ästk-hud* 'ласточка' (ср. также такие заимствования, как: *borkad*, *rist*, *lout* ← рус. *сбо́рка*, *крест*, *плот*). Это правило функционирует (или, точнее говоря, раньше функционировало) и в финском языке, поэто-

⁴⁶ См. также [Girdenis 1967b: 278–279], где данное правило сформулировано совершенно самостоятельно (ср. [Стримайтене 1976: 13]) на основе анализа медиальных сочетаний. Группы *-RTSR-* и *-RTST-*, имплицитующие существование соответствующих групп *-SR-* и *-ST-*, проще всего разбить на две непосредственно составляющие: импловивную группу *-RT* (зеркальное отражение начального *TR-*) и экспловивную *ST-* или *SR-*; место стыка этих составляющих естественно считать слоговой границей. Прочие положения являются только обобщением этого вывода.

Следует сказать, что такую «прозрачную» структуру внутренних сочетаний нам удалось обнаружить только в балтийских языках.

⁴⁷ К сожалению, истинные границы фонологического слога русские языковеды ещё как следует не установили и не обосновали (ср. § 116, сн. 36 и указ. лит.).

му в нём утрачены начальные сочетания у балтийских заимствований, ср. фин. *lahto* ‘ловушка’, *rastas* ‘дрозд’, *rieska* ‘не скисший’, *routa* ‘замёрзшая грязь’, *seiväs* ‘кол’ и лит. *slāstai* ‘ловушка’, *strāzdas* ‘дрозд’, *prėskas* ‘пресный’, *gruodas* ‘замёрзшая грязь’, *stiebas* ‘мачта’. В арабском языке, где тоже нет начальных сочетаний согласных, чаще всего перед инициалью в заимствованиях добавляется гласный, ср.: *’aflatūnu* ‘Платон’, *’ifranġu* ‘франки’ (ср. *’iġ-lis* ‘сядь’, *mad-ra-sa-tu-ka* ‘твоя школа’)⁴⁸. Во всех этих случаях слоговая граница определяется по тому же самому правилу: отделяется такая эксплозивная часть, которая возможна в начале слова. Наконец, с помощью данного правила можно объяснить и слоговые границы в полинезийском, в японском языках и в языке йоруба: в них интервокальный согласный всегда приписывается к последующему слогу потому, что он образует «максимальную» эксплозивную часть начального слога. По этой же самой причине литовцы единственный интервокальный согласный относят к слогу, более отдалённому от начала: *rã-tas* ‘колесо’, *vã-ba-las* ‘жук’ и др. — в таких словах согласный является наибольшей частью внутренней «группы», возможной в инициале слова. Только, разумеется, здесь результат использования рассматриваемого правила совершенно банален.

Г) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 125. Как показало обзорное исследование, все консонантные сочетания литовского языка выводятся из эксплозивных групп типа *STR-* и их «редуцированных» вариантов *SR-*, *TR-*, *ST-*. Эти группы дают нам возможность установить синтагматические классы фонем, объяснить структуру импловзивных (конечных) сочетаний, определить границы фонологического слога.

Большая объяснительная сила начальных сочетаний невольно приводит к мысли, что их структура вряд ли может быть характерна только для литовского языка. Это подозрение усиливается благодаря тому, что общая фонетика обычно оперирует основными классами согласных, очень похожими на те, которые выявляет наш синтагматический анализ. Совершенно возможно, что фонетисты неосознанно (как говорится, имплицитно) выделяли такие классы звуков, которые лучше соответствуют законо-

⁴⁸ Сходным образом «ненормальные» сочетания в заимствованиях упраздняют и диалекты литовского языка, ср.: *apsálmė* или *pasálmė* «*psálmė*» ‘псалом’ (ср. также с.-жемайт. *sá.lm^ε*), *atkõčius* ‘ткач’ (← пол. *tkacz* или белорус. *ткач*) [Zinkevičius 1966: 135].

мерностям фонотактики, свойственным многим известным им языкам⁴⁹. Так или иначе, различение гласных и согласных уже с античных времён опирается на различную синтагматическую функцию этих звуков. Неслучайно древние греки называли гласные *φωνήεντα* ‘звучащие’, а согласные — *σύνφωνα* ‘звучащие вместе’: последние получили такое название потому, что в слоге они могут «звучать» только как спутники гласных (ср. [Heinz 1978: 46]). От этих слов позднее произошли латинские термины с тем же самым синтагматическим значением *vocales* и *consonantes*, а также литовские *balsiai* и *priebalsiai* (ср. также лтш. *patskaņi* и *līdzskaņi*, рус. *гласные* и *согласные*, пол. *samogłoski* и *spółgłoski*, нем. *Selbstlaute* и *Mitlaute*).

§ 126. Факты других балтийских языков полностью подтверждают наше предположение. И в латышском, и в прусском языке начальные сочетания согласных представлены только типами *SR-*, *TR-*, *ST-* и *STR-* — исключение могут составлять только одно-два неассимилированных заимствования (или, точнее говоря, варваризмы).

В латышском языке представлены такие инициальные группы согласных (о них см., напр., [Rūķe-Draviņa 1970], отчасти [Šulce 1993]):

SR-: *sleja* ‘полоса’, *smakt* ‘задышаться’, *sniegs* ‘снег’, *svešs* ‘чужой’, *šļakatas* ‘брызги’, *šmāukt* ‘обманывать’, *šņukurēt* ‘вынюхивать’, *švaūksts* ‘хлыщ’, *znots* [znuõts] ‘зять’, *zveja* ‘рыбная ловля’, *žļakstēt* ‘хлюпать’, *žņaūgt* ‘душить’, *žvadzēt* ‘лязкать, звякать’;

TR-: *blakus* ‘рядом’, *bļaiŕs* ‘гадкий’, *bradāt* ‘бродить’, *drava* ‘песека’, *dvaka* ‘вонь’, *glēzna* ‘картина’, *glēŕvs* ‘вялый’, *gnīda* ‘гнида’, *griba* ‘воля’, *gvel̄zis* ‘болтун’, *kluss* ‘тихий’, *kļava* ‘клён’, *knipis* ‘щелчок’, *kņada* ‘возня’, *krava* ‘груз’, *kvēls* ‘горячий’, *plakne* ‘плоскость’, *pļava* ‘луг’, *prast* ‘уметь’, *traks* ‘сумасшедший’, *tvars* ‘угар’;

⁴⁹ Точно так же и части речи с древнейших времён выделяются на основании синтагматических функций слов и их форм. Даже порядок, в котором в парадигмах располагаются падежи (*именительный* — *родительный* — *дательный*...), объясняется нейтральным порядком слов в древнегреческом предложении (см., напр., [Heinz 1978: 48]).

ST-: *skudra* ‘муравей’, *spals* ‘черенок (рукоятка)’, *stara* ‘штанина’, *šķila* ‘полено’, *špiks* ‘(диал.) шпион’;

STR-: *sklaņda* ‘жердь’, *skreja* ‘леток (улья)’, *splaūst* ‘плевать’, *spraūst* ‘вонзять’, *striks* ‘строгий’.

В памятниках прусского языка встречаются такие примеры инициальных групп⁵⁰:

SR-: *smorde* /smārdē/ ‘черёмуха’, *snaugis* /snaigis/ ‘снег’, *swais* /svajs/ ‘свой’, *smoy* /zmoj/ ‘человек’, *swirins* /zvīrins/ ‘зверей (Асс. Pl.)’;

TR-: *blusne* /bluznē/ ‘селезёнка’, *braydis* /braidis/ ‘лось’, *drūktai* ‘твёрдо’, *dwigubūt* ‘сомневаться’, *glands* ‘утешение’, *gnode* /gnātē/ (?) ‘корыто, дежа’, *granstis* ‘сверло’, *klente* /klentē/ ‘корова’, *kraclan* ‘грудь’, *piuclan* /pjūklan/ ‘серп’, *plieynis* /plēnīs/ ‘пепел’, *prūsiskai* ‘по-пруссски’, *quaits* /kvaits/ ‘воля’, *Tlokowe*, *Tlokumppelk* (топонимы [Endzelin 1944: 55]), *trinie* ‘угрожает’, *twais* ‘твой’;

ST-: *skijstan* /skēīstan/ ‘светлую’, *spurglis* ‘воробей’, *stabis* ‘камень’;

STR-: *sklaitint* ‘резать’, *scrundos* /skrundus/ ‘ножницы’, *streipstan* ‘сустав (Асс. Sg.)’.

Ни в латышском, ни в прусском языке нет ни одного сочетания, структурного типа которого не было бы в литовском языке, — отличаются только некоторые конкретные сочетания. Например, в прусском языке было сочетание *tl-*, которое в литовском не встречается в начале слова; в латышском языке в начале слова не встретим *pj-*, *bj-*, *spj-*, *sr-* и т. д. Однако эти отдельные детали не нарушают общего принципа: инициальные сочетания во всех балтийских языках имеют одну и ту же структуру. Совпадают и синтагматические классы согласных, и важнейшие их представители. Медиальные сочетания в латышском и прусском языках тоже схожи с литовским, только в глаза бросается несколько неожиданно большая частотность групп типа ${}^R_{\bar{r}}STR-$ в прусских словах. Финальные сочетания этих языков следует счи-

---

⁵⁰ Большинство примеров взяты из Эльбингского словаря [Mažiulis 1966]; морфонологическая интерпретация и переводы — по [Топоров 1975–1990; Mažiulis 1981: 255–329]. Исчерпывающий обзор начальных сочетаний прусского языка см. [Tankevičiūtė, Strimaitienė 1990].

тать «производными» от медиальных групп (как и в жемайтском диалекте, см. § 111).

§ 127. Из других, более архаичных, индоевропейских языков нам лучше прочих известен латинский язык. Инициальные сочетания в нём тоже похожи на литовские — различие только в том, что у римлян практически не было эксплозивных групп типа *SR-*:

TR-: *blandus* ‘приятный’, *brevis* ‘короткий’, *gladius* ‘меч’, *gravis* ‘тяжёлый’, *draco* ‘дракон’, *clavis* ‘ключ’, *cras* ‘завтра’, *planus* ‘плоский’, *praeda* ‘добыча’, *traho* ‘тяну’;

ST-: *scalae* ‘лестница’, *spero* ‘надеюсь’, *stella* ‘звезда’;

STR-: *scrinium* ‘сундук, ящик’, *splendidus* ‘блестящий’, *stratum* ‘покрывало, простыня, слой’.

Своеобразное исключение представляют собой сочетания *fl-* (*flamma* ‘пламя’), *fr-* (*frons* ‘лоб’), которые должны как будто представлять тип *TR-*, но начинаются щелевым согласным. Здесь синтагматические свойства не полностью соответствуют фонетическим свойствам этого согласного. Несомненно, это объясняется тем, что *f* восходит к смычным согласным (лат. *f* < и.-е. **dh*, **bh*, **g^hh* > лит. *d*, *b*, *g* [Тронский 1960: 28]). По-видимому, синтагматические свойства фонем более консервативны, чем фонетические⁵¹.

Любопытно, что в итальянском языке, восходящем к латыни, уже есть и сочетания типа *SR-* (см., напр., [Muljačić 1972: 94–96]):

SR-: *slancio* [zl-] ‘разбег’, *smalto* [zm-] ‘цемент’, *sninfia* [zn-] ‘жеманницы’, *svelto* [zv-] ‘ловкий’, *sregolato* [zr-] ‘беспорядочный’;

TR-: *bianco* [bj-] ‘белый’, *chiave* [kj-] ‘ключ’, *ghianda* [gj-] ‘жёлудь’, *piovra* [‘pjɔvra] ‘осьминог’, *clamoroso* ‘шумный’, *crepitare* ‘трещать’, *drappello* ‘флаг’, *grazie* ‘спасибо’, *presto* ‘быстрый’, *troncare* ‘ломать’;

---

⁵¹ И литовский *ž* < и.-е. **ĝ*, **ĝh* до сих пор сохраняет одно характерное свойство взрывных согласных: он никогда не встречается перед согласными типа *T* (см. § 108). По существу, о том же свидетельствует и *š* < и.-е. **k̂*, который перед членами класса *T* встречается только в заимствованиях и в слове, образовавшемся благодаря выпадению гласного *štai* ← *šitai* ‘вот’ (ср. также жемайт. *štikti* ‘угадывать’ ← *ančtikti* ‘угадать’ (комментарий см. с. 170 — прим. ред.)).

ST-: *scala* ‘лестница’, *spalla* ‘плечо’, *stampa* ‘печать’, *sbadiglio* [zb-] ‘зевок’, *sgallare* [zg-] ‘вздуться’;

STR-: *sclamare* ‘крикнуть’, *scritta* ‘договор’, *spléndido* ‘блестящий’, *sprillo* ‘струя’, *strada* ‘дорога’, *sbracione* [zbr-] ‘крикун’, *sdrucioloso* [zdr-] ‘скользящий’, *sgravio* [zgr-] ‘облегчение’.

И в данном языке *f* ведёт себя как член подкласса *T*, напр.: *fluire* ‘течь’, *fragile* ‘хрупкий’, *sfuerzo* ‘усилия, напряжение’, *sfratto* ‘изгнание’. Здесь противоречивость положения этого согласного ещё более очевидна, поскольку он сочетается и с *s*, очевидной фонемой подкласса *S*, и бывает компонентом медиальной группы *STR-*.

В испанском языке сохранились только сочетания типа *TR-* [Alarcos Llorach 1975: 189], напр.: *blando* ‘мягкий’, *brío* ‘сила’, *draga* ‘землечерпалка’, *globulo* ‘шарик’, *grato* ‘приятный’, *claro* ‘светлый’, *criba* ‘решето’, *plata* ‘серебро’, *prestar* ‘давать займы’, *trápala* ‘обман’; встречаются и сочетания *fl-* (*flamear* ‘пылать’), *fr-* (*fragor* ‘треск’). Перед всеми сочетаниями *SR-*, *ST-* и *STR-* появился протетический *e-*, который большинство учёных (напр., [Human 1975: 11–12; Linell 1979: 168]) даже не считают фонемой⁵², напр.: *esmerar* ‘шлифовать’, *esmeralda* ‘изумруд’, *espalda* ‘спина’, *estampa* ‘гравюра, печать’, *estúpido* ‘глупый’, *escrito* ‘документ’, *espléndido* ‘роскошный’, *estrada* ‘дорога’, *estratega* ‘стратег’ и т. п.

§ 128. В отношении инициальных сочетаний германские языки мало чем отличаются от балтийских. На них мы не будем подробно останавливаться — удовлетворимся обзором только трёхчленных эксплозивных групп, которые все обладают структурой *STR-*.

В немецком языке (обзор см. [Karosienè 1983 и указ. лит.]) такие сочетания встречаются, например, в словах *Sklave* ['skla:və] ‘раб’, *skrupulös* [skrupu'lø:s] ‘подробный’, *Splitter* ['šplitər] ‘осколок’, *Sprache* ['špra:xə] ‘язык’, *Strich* [štriç] ‘штрих’; в английском (см. [Yasui 1962: 24; Cohen 1965: 60; Strimaitienè 1974b: 70]) —

---

⁵² Об автоматическом — следовательно, и нефонологическом — характере этого согласного особенно ясно свидетельствует то, что испанцы склонны прибавлять его перед начальными сочетаниями даже тогда, когда говорят на иностранных языках (см., напр., [Pulgram 1970: 20, сн. 17]).

skewer ['skjuə] ‘вёртел’, *scratch* [skrætʃ] ‘царапина’, *squad* [skwɒd] ‘отряд’, *spurious* ['spjuəriəs] ‘обманчивый, искусственный’, *splash* [splæʃ] ‘брызги; брызгать’, *spread* [spred] ‘распространяться; распространение’, *stupid* ['stju:pid] ‘глупый’, *strong* [strɒŋ] ‘сильный’; в датском языке (см. [Basbøll 1977 и указ. лит.]) — *skjorte* ['sgjøɔðə] ‘рубашка’, *skruer* ['sgru:ə] ‘болт’, *spjæld* [sbjæl] ‘клапан’, *splejs* [sblɪ's] ‘болезненный’, *springe* ['sbɾeŋə] ‘прыгать, скакать’, *strå* [sɔɾɔ:] ‘солома’. Примерно такая же система начальных сочетаний обнаруживается и в шведском и норвежском языках [Sigurd 1965; 1968: 453–454; Vogt 1981b: 216–221]. Даже географически весьма отдалённый исландский язык не представляет существенного исключения, ср.: *skrífa* ['sgru:(v)ə] ‘болт’, *spjót* [sbjɔu:t] ‘копье’, *splæsa* [sblai:sa] ‘сплескивать, сращивать (концы тросов)’, *stjana* ['sdja:na] ‘тяжело работать’, *strá* [sɔɾau:] ‘солома’, только в нём (по-видимому, как и в балтийском праязыке, ср. *skriaudà* ‘обида’ < *skriaudā) встречаются и четырёхчленные группы типа *STRj-*, напр.: *skrjáf* [sgɾjau:v] ‘шелест’, *strjúka* [sɔɾju:k'a] ‘гладить’⁵³.

§ 129. Для большей полноты картины можно ещё вспомнить древнегреческий язык, в котором встречались следующие трёхчленные инициалы типа *STR-* (ср. [Kuryłowicz 1960: 23–24 = Кuryлович 1962: 32–33]): *skl-* (*σκληρός* ‘сухой, твёрдый’), *skn-* (*σκνίψ* ‘короед’), *sp'r-* (*σφραγίς* ‘печать’), *spl-* (*σπλήν* ‘селезёнка’), *stl-* (*στλεγγίς* ‘скребок’), *str-* (*στρατηγός* ‘полководец’), — и даже один диалект тибетского, в котором начальные трёхчленные сочетания также имеют вид *STR-*, напр.: *zpre* ‘обезьяна’, *zgre* ‘голос’⁵⁴. Ещё больше можно найти языков, пользующихся двухчленными сочетаниями, похожими на литовские (правда, нередко наряду с группами типа *NC-*), ср. группы типа *TR-* в языке бамбара (Африка) в словах *bla* ‘класть’, *bri* ‘доить’, *gna* ‘дыра’, *kli* ‘яйцо’, *tlo* ‘ухо’; в языке киконго — *kluzu* ‘крест’, *pyada* ‘лизать’, *kwa* ‘кар-

⁵³ Фонетическая транскрипция всех этих примеров проверена по произношению Йёрундура Хильмарссона (осенью 1977 г.).

⁵⁴ Ещё более характерны такие сочетания для классического тибетского языка (ср. *skyabs*, *skroŋs*, *sgrugs* [Лекомцев 1967: 136 (примеры приводятся без перевода)]).

тофель'⁵⁵. Вообще для большинства известных языков действительны импликации $R_S^T \supset {}^T_S R$ - и $-{}_S^T R \supset -R_S^T$ [Гринберг 1964: 53], свидетельствующие о фундаментальности рассмотренных структур.

§ 130. Приведённые примеры из различных языков показывают, что структуры типа *STR*- (и *SR*-, *TR*-, *ST*-) являются общими для большинства языков Европы; известны они и не европейцам. Многие языки отличаются друг от друга только отсутствием некоторых конкретных начальных сочетаний, а не структурными их типами. Резкие отклонения от этих типов являются весьма существенной типологической характеристикой. Например, финно-угорские языки (финский, венгерский, вепсский и др.), в которых нет эксплозивных сочетаний, очень сильно отличаются от индоевропейских языков и в этом отношении стоят ближе к тюркским и семитским языкам. С ними сближается и испанский язык, в котором, как мы видели, упраздняются начальные сочетания с *s*-.

§ 131. Своёобразием фонотактики среди индоевропейских языков выделяются многие славянские (см. [Лекомцева 1968; Sawicka 1974]). Будучи территориально и генетически близки балтам, славяне по своей фонотактике сильно от них отличаются⁵⁶ и в настоящее время, пожалуй, в этом отношении стоят ближе к грузинам и другим кавказцам (ср. § 97). Например, в польском языке мы встретим двухчлены типа *RT*-, *RS*- (*łgać* 'лгать', *łkać* 'сильно всхлипывать', *łza* 'слеза', *mżyć* 'моросить'), трёхчлены разнообразнейшего строения (ср. *pszczoła* 'пчела', *tknąć* 'коснуться') и даже четырёхчлены (*pstrąg* 'форель', *wstrząs* 'сотрясение', *źdźbło* 'стебель'). Даже в несколько более умеренном русском языке в связных текстах можно столкнуться с необычайно сложными группами, ср. *к встрече* [kfs't'r'-].

Такая фонотактика славянских языков не очень древнее явление: она сложилась только после падения редуцированных гласных (еров). Однако и до этого славяне сильно отлича-

---

⁵⁵ Даже трёхчленные инициалы языков банту напоминают индоевропейские, только место класса *S* там занимают носовые (т. е. доминируют трёхчленные группы типа *NTR*- [Топорова 1975: 109]).

⁵⁶ С этой точки зрения балтам наиболее близок словенский язык (см. [Sawicka 1974: 20–25, в особенности табл. 6]). Это, по-видимому, результат конвергентной эволюции.

лись от балтов и других индоевропейцев, поскольку в их языках не было импловивных согласных: все слоги заканчивались на гласные, т. е. были открытыми, напр.: ст.-сл. *скръ-бь* ‘скорбь’, *скво-зѣ* ‘сквозь’, *стрѣ-щи* ‘беречь’, *тль-кнж-ти* ‘толкнуть’, *трѣ-за-ти* ‘терзать’, *тво-рь-ца* ‘творца’, а также ср. рус. *где, кто, мгла, пса* и ст.-сл. *къдѣ, къто, мъгла, ньса*. Это весьма своеобразная фонотактическая система, поскольку в тех языках, для которых характерны только открытые слоги, можно сказать, никогда не бывает сочетаний согласных⁵⁷.

Хоть и трудно в это поверить, но Е. Курилович очень убедительно и тонко показал, что по синтагматическим отношениям можно классифицировать даже согласные польского языка — и не только классифицировать, но и получить, по сути, те же самые их классы, что и в других индоевропейских языках [Kuryłowicz 1960: 221ff. = Курилович 1962: 307ff.]. Оказалось, группы *STR-*, *SR-*, *TR-*, *SR-* «законсервированы» в более сложных сочетаниях в качестве их важнейших структурных компонентов; это же доказано на материале белорусского языка [Подлужный 1980: 32–33]. И всё же, как бы там ни было, славянские языки в отношении фонотактики согласных существенно отличаются от большинства других индоевропейских (и неиндоевропейских) языков, в том числе от балтийских. Балтийские языки в этом отношении гораздо более близки германским и даже греческому и итальянским языкам.

Н) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

---

⁵⁷ По этой причине типологически сопоставлять праславянский и старославянский языки с языками, в которых есть только открытые слоги типа C_0^1V (ср. [Чекман 1979: 123ff.]), довольно неосторожно. Славянские языки были просто уникальными, поскольку в них сохранялись индоевропейские эксплозивные группы, но исчезли импловивные. В целом эволюция фонотактики этих языков является большой загадкой, которую до сих пор никто всерьёз не пробовал отгадать; о ней обязательно нужно помнить при поиске ответа на «вечный» вопрос о промежуточном балто-славянском праязыке (весьма специфическая фонотактика делает маловероятным, например, вторичное, сравнительно позднее сближение славянских языков с балтийскими).

§ 132. Изучая синтагматические отношения фонем, не следует упускать из виду следующие важнейшие факты:

1. Синтагматические отношения существуют между такими фонемами, которые образуют или могут образовывать более крупные сочетания.

2. Сочетания фонем представляют собой не случайные скопления звуков, а определённые регулярные структуры.

3. Важнейшими классами фонем являются гласные и согласные. Гласные — это центральные единицы слога: они сами по себе могут составить слог. Этим они и отличаются от периферийных элементов слога — согласных.

4. Синтагматическая классификация согласных опирается на эксплозивные (начальные, инициальные) сочетания. Чаще всего эти сочетания обладают структурой типа *STR-* (и *SR-*, *TR-*, *ST-*), где $R = [l m n r \dots]$, $T = [p t k \dots]$, $S = [s \check{s} \dots]$. Многие языки используют только слоги типа $(C)V$ ($= C_0^1V$); в некоторых языках встречаются очень сложные сочетания.

5. Граница слогов обычно проходит в том месте внутреннего консонантного сочетания, где начинается максимальная группа согласных, совпадающая по своему строению с каким-либо сочетанием начала слога.

6. Слог изоморфен другим сложным единицам языка: словам, словосочетаниям, предложениям и проч. Все сложные единицы состоят из центральной и периферийной части; эксплозивной группе слога соответствуют предударные слоги, префиксы, группа существительного (подлежащего); центральной части (гласному) — ударный слог, корень, спрягаемая форма глагола (сказуемое); импловзивной его части — заударные слоги, суффиксы и окончания, группа существительного, выполняющая функцию дополнения и т. п.

3. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

А) ПУСТЫЕ КЛЕТКИ В СИСТЕМЕ

§ 133. В языке, в его текстах и словарях, можно найти далеко не все теоретически возможные (т. е. разрешённые общими структурными правилами) сочетания фонем. Например, в литературном литовском языке вполне могли бы быть такие группы типов *STR-* и *TR-*, как *spl-*, *gm-*, но в действительности они могут встретиться только в редких диалектных словах или в заимствованиях. Та же самая ситуация с сочетаниями *zdr-*, *zgr-*, *šk-*: и они не запрещены правилами фонотактики, но «нормальных» слов, которые начинались бы на эти группы, мы не найдём. Такие не противоречащие системе, но в действительности не встречающиеся сочетания образуют пробелы в системе, или пустые клетки (фр. *cases vides*, англ. *holes in the pattern* «дыры в модели»; ср. замечание Е. Куриловича по поводу греч. **σκρ-* [Kuryłowicz 1960: 214 = Курилович 1962: 298], а также [O'Connor, Trim 1973: 249]).

Пустая клетка — предмет исторической случайности, непредусмотренный и необъяснимый более или менее строгими синхроническими правилами. Можно только констатировать, что то или иное сочетание в реальности не употребляется, но сказать, почему это так, чаще всего невозможно.

§ 134. Пробелы, или пустые клетки, могут встречаться и в самой системе фонем (см. [Мартине 1960: 110ff.]⁵⁸). Таким пустыми клетками в литовском литературном языке можно считать практически не употребляемые фонемы /*t̃ d̃*/ или, точнее говоря, соответствующие этим фонемам комбинации звуковых признаков. Как известно, все литовские согласные, кроме /*j*/, бывают твёрдыми или мягкими и это их тембровое различие является дифференциальным признаком самостоятельных фонем, ср.: *skabaiũ* ‘срываю’ : *skabiaũ* ‘(я) срывал’, *lãpũ* ‘листьев’ : *lãpiũ* ‘лисиц (Gen. Pl.)’, *kãuřas* ‘ковш’ : *kiãuřas* ‘череп’, *saũso* ‘сухого’ : *saũsio* ‘января’, *daraũ* ‘делаю’ : *dariaũ* ‘(я) делал’ и т. д. Однако мягкие [*t̃ d̃*] — это только аллофоны фонем /*t d*/, поскольку в исконно литовских словах они никогда не встречаются в той же позиции, что и твёрдые [*t d*], и поэтому не могут им противопоставляться. Все дифференциальные признаки, которые могут образовывать фонемы /*t̃ d̃*/, существуют, в литовском языке есть даже и соответствующие комбинации фонетических свойств [*t̃ d̃*], только они в силу случайных исторических обстоятельств до сих пор не выполняют дистинк-

---

⁵⁸ О пустых клетках как «запасных» артикуляционных возможностях см. [Жинкин 1958: 252], об их влиянии на синхроническую динамику фонем — [Клычков 1962: 123]. Диахроническую роль пустых клеток выявила более общая концепция фонологического пространства [Moulton 1961].

тивной функции и поэтому являются всего лишь потенциальными фонемами⁵⁹ — пустыми клетками системы. Подлинность этих пустых клеток ясно доказывают такие отношения: /k/ : /k̂/ = /g/ : /ġ/ = /p/ : /p̂/ = /b/ : /b̂/ = /t/ : □ = /d/ : □ (□ — пустая клетка в системе).

В развитии фонологических систем роль пустых клеток весьма велика, поскольку во всех языках есть тенденция их заполнять или избавляться от них каким-либо иным способом⁶⁰. Например, пустая клетка, которую в литовском языке образуют /t̂ d̂/, уже устранена в северо-западном жемайтском (ср. *gáidũ·(m)* «*gaidžiũ*» ‘петухов (Gen. Pl.)’, *ja.utô.u* «*jaučiui*» ‘быку’)⁶¹ и в южно-аукштайтском говорах (ср. *katũ·* «*kačiũ*» ‘кошек (Gen. Pl.)’, *dẽ·du·* «*dẽdžiũ*» ‘дядей (Gen. Pl.)’). В литературном языке её начинают устранять, например, такие иностранные слова, как *tiulis* ‘тюль’, *bordiūras* ‘бордюр’ или фамилия *Matiukas* ‘Матюкас’. Скорее всего, наличие пустой клетки в подсистеме долгих гласных переднего ряда вызвало восточно-балтийскую монофтонгизацию **ei* → **ē* (>*ie*) в словах типа *Diēvas* ‘Бог’ и т. п. В данной системе трём гласным заднего ряда **ā–*ō–*ū* противопоставлялись только два гласных переднего ряда **ē–□–*ī*— место гласного переднего ряда среднего подъёма было пустым (см., напр., [Казлаускас 1962 и указ. лит.; Mažiulis 1965]; ср. [Зинкявичюс 1972] и [Гирдянис 1977: 300–303 = Girdenis 2000c: 374ff.]). Эту клетку как раз и заполнил **ē*, образовавшийся из **ei* при довольно неясных обстоятельствах⁶². По той же самой причине, скорее всего, появились и согласные /z ž/: раньше на их месте были пустые клетки, поскольку наряду с /š š̂/ существовали /ž ž̂/, а у /s š̂/ не было соответствующих звонких фонем — следовательно, имелись такие отношения: /š/ : /ž/ = /š̂/ : /ž̂/ = /s/ : □ = /š̂/ : □. Пустые клетки могут заполняться и такими спорадическими изменениями, как *šitaĩ* → *štaĩ* ‘вот’, жем.

⁵⁹ Такие яркие аллофоны, как бы заполняющие пустые клетки в системе, иногда называют полуфонемами (нем. *Halbphoneme* или *Semiphoneme* [Hammarström 1966: 21–22]).

⁶⁰ Сходная ситуация наблюдается и в природе: каждую её пустую клетку (т. н. экологическую нишу) рано или поздно занимает какая-либо форма жизни (ср. [Дарвин 2001: 99]).

⁶¹ Основную литературу и диахроническую интерпретацию этого явления см. [Girdenis 1972a = Girdenis 2000b: 237ff.; 1979b; 1979–1980: 40–42; 1983a = Girdenis 2000c: 130ff., 179–181: 290ff.]. Здесь только стоит напомнить, что фонемы /t̂ d̂/ являются результатом не фонетического развития, а морфонологического выравнивания алломорфов.

⁶² Более системный фонологический взгляд на эту эволюцию см. [Гирдянис 1977: 303, сн. 10 (= Girdenis 2000c: 379, сн. 10); 1978: 76 (= Girdenis 2000c: 346)], подробную аргументацию — [Ульчинскайте 1980 и указ. лит.] (см. также [Karaliūnas 1987: 152–168], где предпринята попытка обосновать гипотезу К. Яунюса, подробно изложенную в [Vūga 1908: 76, 80]).

anč-tikti ‘угадать’ → *ant-štikti* → *štikti* ‘угадывать’*, из-за которых появляется ранее не существовавшее, но возможное сочетание типа *ST-* — *št-* (ср. также диалектные слова *žburiùkas* ‘ягнёнок’, *žbliuðkas* ‘с рубашкой навывпуск’). Очень часто устранять пустые клетки помогают заимствования и звукоподражания.

Однако диахроническую роль пустых клеток не следует преувеличивать. Пустая клетка — это не основная причина фонологического изменения, а всего лишь его условие и возможность (ср. [Постовалова 1978: 123 и указ. лит.]).

В) РЕГУЛЯРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДИСТРИБУЦИИ

§ 135. Кроме пустых клеток, в большинстве языков встречаются и совершенно регулярные ограничения употребления фонем, подчиняющиеся строгим правилам.

Среди финальных сочетаний согласных литературного литовского языка нет ни одного, которое оканчивалось бы на согласные [g d b z ž], хотя соответствующие эксплозивные группы встречаются довольно часто. Эти согласные не наблюдаются и перед [k t p s š]: в начале слова не встречаются группы типа **zp-*, **zk-*, в середине слова — **-gsl-*, **-ngt-* и т. п. Если такое сочетание должно появиться по морфонологическим причинам, оно обязательно заменяется другим, ср.: *žeñgia* ‘шагает’ : *žiñ[k]snis* ‘шаг’, *kìbo* ‘(он) цеплялся’ : *kì[r̃]ti* ‘цепляться’. Сходное автоматическое чередование происходит и на конце слова в литературном языке и в большинстве диалектов⁶³, ср.: *daũgelis* ‘многие’ : *daũ[k´]* ‘много’, *viso lãbo* ‘всего доброго’ : *vìsla[p]* ‘всё’, *kadà* ‘когда’ (*kadàngi* ‘поскольку’) : *kà[t´]* ‘что (союз)’, *be mãžo* ‘без малого’ : *bemà[š]* ‘почти’. С другой стороны, [k t p s š] не могут встречаться перед [g d b z ž] — они тоже обязательно заменяются на согласные из группы [g d b z ž]: *něša* ‘несёт’ : *nè[ž]damas* ‘неся’, *veřpia* ‘прядёт’ : *veř[b]damas* ‘прядя’. Поскольку данное чередование со-

---

* Дефисами показано изменение морфемной структуры (переразложение), в результате которого конечный элемент приставки перешёл к корню, образовав новый глагол. (Прим. ред.)

⁶³ Это чередование совершенно чуждо жемайтам, ср.: *âuk* «*áuk*» ‘расти (Impreg.)’ : *â.ug* «*áuga*» ‘растёт’, *lâuš* «*laũš*» ‘будет ломать’ : *lâ.už* «*láužia*» ‘ломает’, *žĩs* «*zỹs*» ‘будет жужжать’ : *žĩz* «*zỹzia*» ‘жужжит’ (см. также § 144).

вершено автоматическое, не может быть и речи о случайных пустых клетках; наивной была бы и надежда, что хотя бы одна из этих «пустых клеток» будет вскоре заполнена — это обозначало бы превращение одной фонологической системы в другую.

Вследствие этих ограничений [k t p s ž] и [g d b z ž] могут противопоставляться только в двух позициях: перед гласным ([—V]) и перед согласным типа R ([—R]), ср.: *pūti* ‘гнить’ : *būti* ‘быть’, *tārė* ‘(он) произнёс’ : *dārė* ‘(он) делал’, *kāras* ‘война’ : *gāras* ‘пар’, *siř[k]ti* ‘болеть’ : *ziřkti* ‘жужжать’, *šuõlis* ‘прыжок’ : *žuõlis* ‘шпала’ и *kaplỹs* ‘тупой топор’ : *kablỹs* ‘крюк’, *prastà* ‘плохая’ : *brastà* ‘брод’, *trỹs* ‘три’ : *drĩs* ‘посмеет’, *tvarũs* ‘устойчивый’ : *dvarũs* ‘усадыбы (Асс. Pl.)’, *klóstyti* ‘расстилать’ : *glóstyti* ‘гладить’, *krópti* ‘обманывать’ : *gró[ř]ti* ‘хватать’, *sveĩbia* ‘болит’ : *zveĩbia* ‘жужжит’. В других позициях они не могут противопоставляться: там, где встречаются [g d b z ž], не могут появляться [k t p s š]; там, где возможны [k t p s š], не бывает [g d b z ž] (см. табл. 13).

Таблица 13. Дистрибуция согласных типа S и T в литовском литературном языке⁶⁴

Согласные	Позиции				
	[—V]	[—R]	[— ^z _d]	[— ^s _t]	[—#]
	1	2	3	4	5
[g]	+	+	+		
[k]	+	+		+	+
[d]	+	+	+		
[t]	+	+		+	+
[b]	+	+	+		
[p]	+	+		+	+
[z]	+	+	+		
[s]	+	+		+	+
[ž]	+	+	+		
[š]	+	+		+	+

Если бы не было 1-й и 2-й позиций, мы были бы должны считать [k] и [g], [t] и [d], [p] и [b], [s] и [z], [š] и [ž] аллофонами одних и тех же пяти фонем: данные пары звуков обладают общими звуковыми свойствами и между ними есть отношения допол-

⁶⁴ В позициях 3 и 4 [z], [d] и [s], [t] представляют все согласные соответствующего типа, т. е. [g d b z ž] (3-я позиция) и [k t p s š] (4-я позиция).

нительной дистрибуции. Однако делать такой вывод не позволяют первые две позиции, в которых эти звуки противопоставляются.

§ 136. Очень сходные отношения наблюдаются и между литовскими твёрдыми и мягкими согласными. Их оппозиция возможна только перед гласными заднего ряда (в позиции [—V^u]), ср.: *káušas* ‘ковш’ : *kiáušas* ‘череп’, *kùrti* ‘создавать’ : *kiùrti* ‘продырявливаться’, *sùsti* ‘паршиветь’ : *siùsti* ‘беситься’, *šáudo* ‘стреляет’ : *šiáudo* ‘соломины (Gen. Sg.)’, *rũkti* ‘дымиться’ : *riũkti* ‘громко плакать’, *sužlùgęs* ‘провалившийся’ : *sužliùgęs* ‘промокший’, особенно на концах основ изменяемых слов⁶⁵, напр.: *puikùs* ‘превосходный’ : *puikiùs* ‘превосходных (Acc. Pl. m.)’, *šlãpo* ‘(он) мок’ : *šlãpio* ‘мокрого’, *baisùs* ‘страшный’ : *baisiùs* ‘страшных (Acc. Pl. m.)’, *našùs* ‘плодотворный’ : *našiùs* ‘плодотворных (Acc. Pl. m.)’, *gražù* ‘красиво (neutrum)’ : *gražiù* ‘красивым (Instr. Sg. m.)’, *griovỹ* ‘оврагов’ : *grioviỹ* ‘канав’, *galù* ‘концом’ : *galiù* ‘могу’, *ramùs* ‘спокойный’ : *ramiùs* ‘спокойных (Acc. Pl. m.)’, *sẽno* ‘старого’ : *sẽnio* ‘старика’, *vãro* ‘гонит’ : *vãrio* ‘меди’ (ср. также замеченные И. Марваном пары интернализмов: *fotogrãfų* ‘фотографов’ : *fotogrãfių* ‘фотографов-женщин’, *kazãchų* ‘казахов’ : *kazãchių* ‘казашек’). Во всех иных случаях

---

⁶⁵ Эта морфологическая позиция является самой важной, поскольку слов, которые различались бы твёрдыми и мягкими согласными в начале корня, существует совсем немного, даже если учитывать такие слова нелитовского происхождения, как *biùstas* ‘бюст’ (ср. *bùstu* ‘(он) пробуждался бы’), *liukas* ‘люк’ (ср. *Lukas* ‘Лукас (имя)'), *tiulis* ‘тюль’ (ср. *tulis* ‘тулий (хим. элемент)'), *triukas* ‘трюк’ (ср. *truko* ‘(он) продолжался’ : *triuko* ‘трюка’), или такие диалектизмы, как *niogti* ‘быстро бежать’ (ср. *nokti* ‘созревать’) или *žosti* ‘говорить’ (ср. *žosi* ‘будешь говорить’ : *žiosi* ‘будешь раскрывать рот’). Другие примеры: *kaukė* ‘(он) выл’ : *kiaukė* ‘галка’, *kukis* ‘крюк’ : *kiukis* ‘треснувшее пасхальное яйцо’, *kuřkti* ‘квакать’ : *kiuřkti* ‘бурчать’, *maiķti* ‘лупить’ : *miaiķti* ‘мяукать’, *plumpsėti* ‘бить’ : *pliumpsėti* ‘хлопать’, *pluskė* ‘маленькая рыбка, схожая с краснопёркой’ : *pliuskė* ‘полено’, *skautė* ‘девочка-скаут’ : *skiautė* ‘лоскут’, *sluogas* ‘балласт’ : *sliuogas* ‘оплывина’, *sūtry* ‘навозной жижи (Gen. Pl.)’ : *siūtry* ‘игривого (Acc. Sg.)’, *šuo* ‘собака’ : *šiuo* ‘этим (Instr. Sg. m.)’, *trūmas* ‘трюфель’ : *triūmas* ‘трюм’, *trókšt* ‘бах’ : *triókšt* ‘трах’, ср. также пару варваризмов *blūdas* ‘блуд’ : *bliūdas* ‘блюдо’ и звукоподражание *tiulėnti* ‘издавать характерный для гусят тихий звук’ (ср. § 134).

твёрдость или мягкость согласного зависит от позиции: в конце слова ([—#]) и перед твёрдыми согласными ([—C]) могут встречаться только твёрдые, перед мягкими согласными ([—Ĉ]) и гласными переднего ряда ([—Vⁱ]) — только более или менее смягчённые согласные (фонетические подробности см. [Вайткявичюте 1979] и — относительно [k g] — [Girdenis 2000a = Girdenis 2001: 411ff.]), ср.: *pilt* [pĩlt˘] ‘наливать’ : *piltų* [pĩlt˘t˘u] ‘(он) наливал бы’ и *pilti* [pĩlti] ‘наливать’, *pilsiu* [pĩl˘s˘u] ‘буду наливать’ (см. табл. 14). В данном случае согласные типа C и Ĉ являются отдельными фонемами только потому, что противопоставляются в первой позиции ([—V^u]). Если бы не было этой позиции, сходные согласные [k] и [k̂], [s] и [ŝ] и т. д. следовало бы считать аллофонами одних и тех же фонем, поскольку они находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции.

Таблица 14. Дистрибуция твёрдых и мягких согласных в литовском литературном языке⁶⁶

Согласные	Позиции				
	[—V ^u]	[—V ⁱ]	[—C]	[—Ĉ]	[—#]
	1	2	3	4	5
[k]	+		+		+
[k̂]	+	+		(+)	
[s]	+		+		+
[ŝ]	+	+		+	
[t]	+		+		+
[t̂]	+	+		+	
...					
[C]	+		+		+
[Ĉ]	+	+		+	

§ 137. В русском литературном языке и в южных говорах сходным образом употребляются гласные [ɔ] и [a]: в ударном слоге они противопоставляются и являются самостоятельными фонемами, а в безударном слоге вместо них обоих употребляется гласный типа [a] или [ə], ср.: *сóm* ≠ *сám*, но *сомá* = *самá* = [slmá],

⁶⁶ Приводятся только самые характерные согласные. Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что в 4-й позиции многие носители литературного языка произносят звук, который более близок к [k], чем к [k̂]. Это, разумеется, не очень важное различие, так как всё равно в данной позиции [k] и [k̂] не противопоставляются.

но́г ≠ *на́г*, но *нога́* = *нага́* = [плагá] (ср. также *коти́ться* = *кати́ться* = [клат'ítsə], *ла́пать* = *ла́пать* = [лápət'], а также блр. *во́л* ≠ *ва́л*, но *ва́лы* 'волы' и 'валы', *то́к* ≠ *та́к*, но *таки́* 'потоки' и 'такой' [Падлужны 1969: 110]).

§ 138. Здесь стоит упомянуть и так называемый сингармонизм, характерный для финно-угорских, тюркских и разных других языковых семей. Например, в венгерском языке /e/ и /a/ (произносится почти как [ã]), как мы уже упоминали (§ 23), противопоставляются, по сути, только в корнях слов: в постпозиционных аффиксах эти звуки полностью зависят от корня: [e] может встречаться только после корневого гласного типа [e], [a] — только после гласного типа [a] (подробнее см. [Makkai 1972 и указ. лит.]⁶⁷). Поэтому один аффикс обычно имеет несколько позиционных вариантов, ср.: *kert* 'сад (Nom. Sg.)' : *kertet* 'сад (Acc. Sg.)' : *kertek* 'сады (Nom. Pl.)' : *kerteket* 'сады (Acc. Pl.)' и *láb* 'нога' : *lábat* 'ногу' : *lábak* 'ноги (Nom. Pl.)' : *lábakat* 'ноги (Acc. Pl.)'. Следовательно, в аффиксах [a] и [e] находятся в отношении дополнительной дистрибуции, о которой с особой очевидностью свидетельствует функциональное тождество *-(e)k* и *-(a)k*, *-(e)t* и *-(a)t*. Чаще всего в венгерском языке гласные согласуются и по признаку лабиализации, ср. *szék* 'стул' : *széken* 'на стуле', *székeken* 'на стульях', но *üst* 'котёл' : *üstön* 'на котле' : *üstökön* 'на котлах' (см. также § 23).

Аналогичным, только не прогрессивным, а регрессивным уподоблением является ассимиляция гласных в северножемайтских тельшайских говорах (см., напр., [Rokaitė 1961; Girdenis 1962 = Girdenis 2000b: 16ff.; Zinkevičius 1966: 61–62; Grinaveckis 1973: 177–180]). В этих говорах такие гласные, как *e* и *i*, *o* и *u*, противопоставляются, по существу, только в последнем слове слова (обычно в окончании), ср.: *brúol^e* «*brólio*» 'брата (Gen. Sg.)' : *brúolⁱ* «*bróli*» 'брата (Acc. Sg.)', *gèr^e* «*geri*» 'хорошие (Nom. Pl. m.)' : *gèrⁱ* «*geri*» 'пьёшь', *nàkt^es* «*naktis*» 'ночь (Nom. Sg.)' : *nàktⁱs* «*naktis*» 'ночи (Acc. Pl.)', *šãuč^o* «*šaiūčių*» 'са-

⁶⁷ Кроме работ по сингармонизму, указанных в этой статье, см. также [Реформатский 1966 (в особенности 191ff.); Lyons 1968: 128–131 = Лайонз 1978: 141–144; Виноградов 1972; Нуман 1975: 182–183; Clements 1977; Jakobson, Waugh 1979: 146–150].

пожника (Acc. Sg.)' : $\hat{s}\tilde{a}u\hat{c}^u$ «šaičiu» 'сапожников (Gen. Pl.)'. В других позициях эти звуки находятся в отношении дополнительной дистрибуции: перед гласными верхнего подъёма (типа *i*, *u*) встречаются *i*, *u*, во всех остальных случаях — *e*, *o*, ср. $p\grave{o}sk\grave{o}b\acute{e}.l^e$ «pùskubilio» 'небольшой кадки': $p\grave{u}skub\acute{i}l's$ «pùskubilis» 'небольшая кадка', $l\grave{e}n\grave{e}n\acute{e}$ «lininiai» 'льняные (Nom. Pl. m.)' : $\hat{l}\hat{i}\hat{n}\hat{i}\hat{n}^u$ «lininiùs» 'льняные (Acc. Pl. m.)' (о сходной тенденции в украинских говорах см. [Жилко 1971: 37])⁶⁸. Следовательно, и в данном случае в одних позициях *e* и *i*, *o* и *u* функционируют как самостоятельные фонемы, в других — как аллофоны двух фонем. Этому общему правилу не подчиняются (если не учитывать недавние заимствования) только приставки *i-* «*i-*» 'в-', *pri-* «*prie-*» 'при-', *ni-* «*ni-*» 'от-' (в некоторых говорах и *iš-* 'вы-', *su-* 'с-'), верхний подъём гласных в которых сохраняется и перед гласными среднего и нижнего подъёма (см. [Girdenis 1962: 141 (= Girdenis 2000b: 16); Zinkevičius 1966: 63], об эволюции приставки и предлога *i* / *e*(-) — [Girdenis 1980 (= Girdenis 2000c: 183ff.)]). Такое их поведение, без сомнения, следует объяснять открытым внутренним стыком, перед которым возможны те же оппозиции, что и в конце слова (см. также § 36 и [Jasiūnaitė 1993: 29–33]).

§ 139. Наконец, встречаются даже такие парадоксальные случаи, когда два или несколько звуков в одних позициях бывают явно самостоятельными фонемами, а в других производят впечатление факультативных вариантов. Характернейшим примером такого рода являются [k'] и [g] в датском языке (см. [Bazell 1956: 27; Koefoed 1967: 110; Мартине 1969: 97]). В начале слова перед гласным ([#—V]) и сонантом ([#—R]) они противопоставляются и потому выполняют дистинктивную функцию, ср.: *kane* ['k'a:nə] 'санки' : *gane* ['ga:nə] 'нёбо', *klo* [k'lo:] 'ноготь' : *glo* [glo:] 'глазеть', *kro* [k'ro:] 'корчма' : *gro* [gro:] 'расти'. В середине или в конце слова оба согласных могут факультативно заменять друг

⁶⁸ На южной окраине северножемайских тельшяйских говоров ассимиляция гласных бывает не только регрессивной, но и прогрессивной [Skirmantas, Girdenis 1972 = Girdenis 2000b: 266ff.], т. е. несколько напоминает двунаправленный сингармонизм чукотского языка (о нём см. [Шировков 1973; Jakobson, Waugh 1979: 147]).

друга и поэтому слов не различают, напр.: *lække* [ˈlɛgə] = [ˈlɛkʰə] ‘течь, позволять течь’ и *lægge* [ˈlɛgə] = [ˈlɛkʰə] ‘класть’, *læk* [lɛkʰ] = [lɛg] ‘позволь течь’ и *læg* [lɛkʰ] = [lɛg] ‘клади’. Эти формы омонимичны, хотя и могут произноситься двумя способами (ср. также [Ельмслев 1960b: 344ff.]).

С) ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 140. Представители Петербургской школы (напр., [Матусевич 1948: 81–83; Зиндер 1979: 59–62]) и дескриптивисты не делают различия между регулярными ограничениями употребления фонем и случайными пустыми клетками и все эти явления рассматривают как чередование фонем и/или дефектную (ограниченная) дистрибуцию (см., напр., [Bloch 1972; Pike 1947: 96, 141; Hockett 1955: 164–166; Harris 1963: 65, сн. 14]; ср. [Bazell 1956: 27; Журавлёв 1972: 36])⁶⁹. С их точки зрения, лит. [k] во всех позициях является реализацией фонемы /k/, [k̂] — реализацией фонемы /k̂/, рус. [a] и [ə] — реализацией фонемы /a/ — даже и в тех позициях, в которых [k] и [g], [k] и [k̂], [a] и [ə] не противопоставляются и принципиально не могут противопоставляться. Представители этих направлений строго придерживаются принципа «если в одном месте фонема — везде фонема» (англ. *biuniqueness condition*): если уже доказано, что какие-либо два звука в одной позиции являются реализациями разных фонем, то их обязательно следует считать отдельными фонемами и во всех прочих позициях, совершенно не учитывая, противопоставляются ли они в этих позициях или нет. Автоматическое чередование звуков в случаях типа *daũgelis* ‘многие’ : *daũ*[kʰ] ‘много’, *žėñgia* ‘шагает’ : *žėñ*[k]sniai ‘шаги’, *sóm* : *s*[ɮ]má считается обычным чередованием соответствующих фонем /g/ → /k/, /ɔ/ → /a/ и т. д. — следовательно, переносится в область морфологии или морфонологии⁷⁰.

⁶⁹ Некоторые дескриптивисты (напр., [Hockett 1955: 164, 166–167]) всё же считают, что возможна и иная интерпретация рассматриваемых явлений.

⁷⁰ В дескриптивной лингвистике это логически вытекает из требования обосновывать фонологический анализ только фонетической информацией (см. § 31).

Сторонники такой интерпретации уделяют фонетическим свойствам звуков внимания больше, чем их дистинктивной функции. Ведь тот [k], который противопоставлен согласным [k̄] и [g], и тот [k], который им не противопоставлен, с точки зрения этой функции никак не могут быть тождественными фонологическими единицами. Если придерживаться данных позиций, то почти невозможно объективно интерпретировать такие отношения, которые существуют между [k̄] и [g] в датском языке (§ 139). Значительные затруднения возникают даже в сравнительно простых случаях: когда, например, вместо звуков, противопоставленных в одной позиции, в других позициях появляется такой промежуточный звук, который можно считать аллофном и одной, и другой фонемы. Например, в болгарском языке твёрдые и мягкие согласные употребляются совсем как в литовском, только перед гласными переднего ряда здесь произносятся звуки промежуточного тембра, так называемые полумягкие или полутвёрдые [Маслов 1956: 21–22] — согласно рассматриваемой концепции их приходится без всяких аргументов считать аллофонами или мягких, или твёрдых фонем. Неудачно и то, что явно фонологические, не требующие никакой морфологической информации явления переносятся в область морфологии.

§ 141. Другие фонологические школы, особенно Пражский лингвистический кружок (а также глоссематика, стратификационная лингвистика, напр., [Hjelmslev 1959: 82ff.; Ельмслев 1960b: 343–349; Lamb 1966: 17; Lockwood 1972a: 27, 193–195; 1972b]), регулярные ограничения дистрибуции последовательно отличают от случайных. Согласно их концепции, принимаемой многими фонологами⁷¹, во всех упомянутых случаях мы имеем особое фонологическое явление, называемое нейтрализацией (англ. и фр. *neutralisation*⁷²). Нейтрализация — это регулярное неразличение фонем или целых их классов в некоторых строго определённых

---

⁷¹ К данной концепции примыкает и Московская фонологическая школа (ср. § 142 и указ. лит.).

⁷² В других языках употребляются также следующие термины: нем. *Aufhebung* [Trubetzkoy 1936; 1977: 70, 206ff.; Pilch 1964: 60; Philipp 1974: 33 et passim] (ср., однако, [Meinhold, Stock 1982: 78 et passim]), фр. *suppression* (более характерен для глоссематики, ср. [Hjelmslev 1959: 84, сн. 2 et passim]).

позициях (см., напр., [Trubetzkoy 1936; Martinet 1936; Trubetzkoy 1977: 69ff., 206ff. = Трубецкой 1960: 86ff., 256ff.; Bazell 1956: в особенности 30; Trnka 1958; Богораз 1963; Виноградов 1966; Мартине 1969; Реформатский 1970: 62–68; Журавлёв 1972; 1986: 96ff.; Руделёв 1972; Панов 1979: 112ff.; Шведова 1980: 75]⁷³). Иллюстрацией могут быть все только что рассмотренные примеры: а) литовские (и многие другие, напр., русские, немецкие) оппозиции /p/ : /b/, /t/ : /d/ и др., реализующиеся перед гласными и согласными типа *R* и нейтрализующиеся в конце слова и перед согласными подкласса *T*; б) оппозиции твёрдых и мягких согласных, реализующиеся только перед гласными заднего ряда и нейтрализующиеся во всех других случаях; в) оппозиция /a/ : /ɔ/ в литературном русском языке, реализующаяся в ударных слогах и нейтрализующаяся в безударных⁷⁴; г) оппозиция /k'/ : /g/ в датском языке, реализующаяся в начале слова и нейтрализующаяся в середине и в конце.

§ 142. Те позиции, в которых нормально противопоставляются все фонемы, называются позициями релевантности, а те позиции, в которых оппозиции нейтрализуются, называются позициями нейтрализации (нем. *Relevanzstellungen* и *Aufhebungsstellungen* [Trubetzkoy 1977: 70 = Трубецкой 1960: 86; Журавлёв 1972: 37]). В том же смысле употребляются и термины «сильные» и «слабые» позиции (это характерно для Московской школы, напр., [Аванесов, Сидоров 1970: 250; Буланин* 1979]). Позиции релевантности (сильные позиции) литовских оппозиций /p/ : /b/, /t/ : /d/ — перед гласными ([—V]) и согласными класса *R* ([—R]) (см. § 135, табл. 13 — позиции 1 и 2), позиции нейтрализации (слабые) — перед всеми согласными класса *T* и в конце слова (см. табл. 13 — позиции 3, 4 и 5). Как мы уже видели, в позициях нейтрализации [p] и [b], [t] и [d] и др. не противопостав-

⁷³ О попытках внести нейтрализацию в систему фонологических понятий см. [Cairns 1969].

⁷⁴ Это, можно сказать, общепринятое мнение (см., напр., [Ельмслев 1960b: 346; Pauliny 1966: 123; Журавлёв 1972: 37]). Только А. Мартине это явление русского языка по каким-то с трудом понятным мотивам не считает нейтрализацией [Мартине 1969: 99–101].

* Л. Л. Буланин принадлежит к Щербовской (Ленинградской) фонологической школе (прим. ред.).

ляются, различающие их звуковые свойства не могут выполнять дистинктивной функции. Позиция релевантности твёрдых и мягких согласных — перед гласными заднего ряда ($[-V^u]$) (см. § 136, табл. 14 — позиция 1), позиции нейтрализации — перед всеми согласными, перед гласными переднего ряда и на конце слова (см. табл. 14 — позиции 2, 3, 4 и 5).

Нейтрализацию можно наглядно представить не только с помощью таблиц, но и «генеративной» формулой (ср. § 57) $/a : b/ \rightarrow [c] / x$, напр.: лит. $/b : p/ \rightarrow [p] / [-\#]$, $/C : \hat{C}/ \rightarrow [C] / [-\#]$ и т. п. (приведена только важная позиция нейтрализации — [Журавлёв 1972]; ср. также [Жилко 1971: 33ff.]).

Д) АРХИФОНЕМА. МАРКИРОВАННЫЙ И НЕМАРКИРОВАННЫЙ ЧЛЕН ОППОЗИЦИИ

§ 143. Если на время исключить позиции релевантности и применить к звукам, выступающим в слабых позициях, обычные процедуры парадигматической идентификации фонем (см. § 54–55), то их можно объединить в более крупные фонологические единицы и считать реализациями этих единиц, как бы их комбинаторными или факультативными вариантами. В литовском языке $[b]$, стоящий перед $[d g z \dots]$ (см. табл. 13 — позиция 3), можно объединить с похожим на него $[p]$, стоящим перед $[t k s \dots]$ и на конце слова (в позициях 4 и 5), а также можно объединить стоящие в соответствующих позициях $[d]$ и $[t]$, $[g]$ и $[k]$ и т. д.

Обозначив новые фонологические единицы прописными буквами, получаем следующую картину (см. табл. 15).

Таблица 15. Нейтрализация согласных класса *T* в литовском литературном языке

Звуки	Позиции релевантности		Позиции нейтрализации			Архифонемы
	$[-V]$	$[-R]$	$[-z]$	$[-s]$	$[-\#]$	
	1	2	3	4	5	
$[g]$	+	+	+			/K/
$[k]$	+	+		+	+	
$[d]$	+	+	+			/T/
$[t]$	+	+		+	+	
$[b]$	+	+	+			/P/

[p]	+	+		+	+	
-----	---	---	--	---	---	--

Фонологические единицы /K/, /T/, /P/ отличаются от фонем, встречающихся в релевантных позициях, и называются архифонемами (от греч. *ἀρχι-* ‘самый старший, важный’, ср. *ἀρχιμάγειρος* ‘старший повар’; см., напр., [Martinet 1936: 54; Trubetzkoy 1977: 71–75 = Трубецкой 1960: 87–90; Мартине 1963: 426; 1969: 97; Богораз 1963; Падлужны 1969: 99ff.; Журавлёв 1972: 39])⁷⁵, т. е. фонемами более высокого ранга. Они характеризуются признаками, общими для всех членов нейтрализуемой оппозиции, т. е. тем, что остаётся, если отбросить те признаки, которые различают членов нейтрализуемой оппозиции. Литовская архифонема /P/ является взрывным губным согласным, безразличным в отношении звонкости или глухости.

Конкретные звуки, выступающие как «аллофоны» архифонем, называются представителями архифонемы ([Трубецкой 1960: 87], нем. *Stellvertreter des Archiphonems* [Trubetzkoy 1977: 71]). В нашем примере представителями архифонемы /K/ являются [g] и [k]; архифонем /T/ и /P/ — соответственно [d], [t] и [b], [p] (ср. также [Падлужны 1969: 101–105]).

⁷⁵ О близком, но не совсем синонимическом термине Московской школы *гиперфонема* см. [Кузнецов 1970а: 186; Реформатский 1970: 63–64, 105; Панов 1979: 119–121] (ср. [Ахманова 1966: 31; Климов 1967: 90; Журавлёв 1972: 39]). Но указанное понятие по-разному воспринимают даже сами москвичи (см., напр., [Буланин 1979: 28–29]): для одних это реализация фонемы в позиции «неразрешимого синкретизма» (напр., рус. *собака* /sabáka/ — [Шведова 1980: 71]), для других (напр., для А. А. Реформатского) — почти то же самое, что и *архифонема* Пражского кружка или, точнее говоря, *слабая фонема* Р. И. Аванесова [Аванесов 1956: 29ff.] (ср. также *фонемойд* С. И. Бернштейна [Бернштейн 1962: 79]).

Здесь следует также напомнить, что понятие архифонемы используют далеко не все фонологи, признающие нейтрализацию (см., напр., [Каспаранский 1963: 37; Зиндер 1979: 31–62]); в послевоенные годы от него отказались даже чешские языковеды (см. [Trnka 1958: 863; Вахек 1964: 37; Vachek 1966: 62]). Например, Б. Трнка считает, что нейтрализация — это просто отсутствие одного члена оппозиции в некоторых позициях. Категорически данное понятие отвергают теоретики так называемой натуральной фонологии (см., напр., [Кодзасов, Кривнова 1981: 153–154 и, критические замечания, 158]). Совершенно некорректны попытки отождествлять архифонемы с фонемами (напр., [Падлужны 1969: 99; Виноградов 1972: 344]).

Перед согласными представители архифоном предопределяются позицией, т. е. следующим согласным: перед [z d ...] выступают [g d b], перед [s t ...] — [k t p] — предыдущий согласный получает некоторый признак последующего. Это так называемая ассимилятивная (или контекстуальная) нейтрализация ([Трубецкой 1960: 260ff.], нем. *kontextbedingte Aufhebungsarten* [Trubetzkoy 1977: 207ff.]). На конце слова представители архифоном [k' t' p'] не зависят от смежных звуков — их предопределяет сама система языка. Это структурно-обусловленная нейтрализация ([Трубецкой 1960: 257–264ff.], нем. *strukturbedingte Aufhebungsarten* [Trubetzkoy 1977: 206–212ff.]; ср. также [Журавлёв 1972: 46]).

Обычно структурно-обусловленная нейтрализация происходит в тех позициях, в которых минимально воздействие других фонологических единиц: на конце или в начале слова или другой значимой единицы, в безударных слогах и т. п. Типичной структурной нейтрализацией являются вышеупомянутое неразличение безударных /a/ и /ɔ/ в русском языке, где архифонема /A/ представлена звуками [a] или [ɔ], а также нейтрализация /k'/ и /g/ в датском языке, где представителями архифонемы /K/ выступают употребляющиеся факультативно [k'] и [g]. Последний пример — в значительной степени исключение, поскольку чаще всего представитель фонемы близок какому-либо одному из членов нейтрализуемой оппозиции (напр., [Trnka 1958: 863]). Кроме того, в некоторых случаях представителями архифоном могут быть звуки, которые отличаются и от одного, и от второго члена нейтрализуемой оппозиции⁷⁶. Таково положение в болгарском языке, где, как уже упоминалось (§ 140), перед гласными переднего ряда произносятся согласные средней мягкости; сходная ситуация наблюдается также в южных говорах западных аукштайтов и в вариантах литературного языка, непосредственно восходящих к этим говорам (особенно перед гласными [i e e' e:], ср. § 168, сн.

⁷⁶ Л. Ельмслев [Ельмслев 1960b: 345–347] (ср. также [Hjelmslev 1959: 86]) по взаимоотношениям представителя архифонемы и нейтрализуемых фонем различает два типа нейтрализации («супрессии»): импликацию (напр., лит. /k : g/ → [k] / [—#]) и слияние (коалесценцию), или доминацию (напр.: дат. /k : g/ → [g^k], рус. /a : ɔ/ → [ɔ] / [—^{уд}]). Более подробную (возможно, точнее было бы сказать, более педантичную) классификацию типов нейтрализации см. [Журавлёв 1972].

107 и, напр., [Vaitkevičiūtė 1957: 12–14]). Здесь можно вспомнить и [a.] и [æ.] ([e.]) многих восточноаукштайтских утянских говоров, в безударных позициях являющихся представителями архифонем оппозиций /ɔ·/ : /uo/, /ɛ·/ : /iæ/, ср.: *kúɔjæ* «*kúoja*» ‘плотва’, *kó·jæ* «*kója*» ‘нога’ : *ka.jæ.la*. «*kuojėlė*» ‘плотвичка’ и «*kojėlė*» ‘ножка’; *diãna.s* «*diēnos*» ‘дни’ : *ðæ.ná.s* «*dienõs*» ‘дня’, *bẽ·da.s* «*bēdos*» ‘беды’ : *bæ.dá.s* «*bėdõs*» ‘беды’ (см. § 84 и [Kosienė 1978: 31]). В северных паневежских говорах в подобных случаях также происходит последовательная нейтрализация /ie : e : i : i/ → [e / i] / [⁻ʸᵃ], /uo : o : u : u/ → [o / u] / [⁻ʸᵃ], напр.: *diẽnᵇ* «*dienà*» ‘день’, *rẽ·kᵇ* «*rėkia*» ‘орёт’, *gí·vᵇs* «*gývas*» ‘живой’, *dí·dėlᵇs* «*didelis*» ‘большой’ → *dẽnã.la* || *dĩnã.la* «*dienėlė*» ‘денёк’, *rėkí.mᵇs* || *rĩkí.mᵇs* «*rėkimas*» ‘крик’, *gėví·bė* || *gĩví·bė* «*gyvųbė*» ‘жизнь’, *dėdė·šėnᵇs* || *dĩdė·šėnᵇs* «*didėsnis*» ‘большой’ или *duõbė* «*duobė*» ‘яма’, *stó·rᵇs* «*stóras*» ‘толстый’, *grú·dᵇs* «*grúdas*» ‘зерно’, *pú·tõs* «*pùtos*» ‘пена’ → *dõbã.la* || *dũbã.la* «*duobėlė*» ‘ямка’, *stõrú.mᵇs* || *stũrú.mᵇs* «*storumas*» ‘толщина’, *grõdė.lᵇs* || *grũdė.lᵇs* «*grūdėlis*» ‘зёрнышко’, *põtójᵇ* || *pũtójᵇ* «*putója*» ‘пенится’ (см., напр., [Kačiuškienė 1982: 41; Girdenis, Židonytė 1994 = Girdenis 2001: 127ff.]); здесь, как мы видим, архифонемы могут быть представлены двойками звуками — их выбор зависит от конкретного говора и от стиля речи (т. е. от некоторых трудно контролируемых социолингвистических факторов⁷⁷). О сходной нейтрализации в ширвинтских говорах см. § 227, 241 и указ. лит.

Явления, рассмотренные в § 53 и 59 (3-й случай, табл. 5), тоже следует считать нейтрализацией. Оппозиция /a/ и /e/ литовского литературного языка нейтрализуется во всех позициях, кроме начальной ([#—]; ср. также § 174); с точки зрения фонологии то же самое происходит с северножемайскими тельшяйскими оппозициями типа /e/ : /i/, /o/ : /u/: их сильная (релевантная) позиция находится только на конце слова и перед открытым стыком (см. § 138).

§ 144. Фонема, похожая на звук, употребляющийся в позиции структурной нейтрализации (т. е. в позиции, независимой от

⁷⁷ Как показывают наблюдения и эксперименты А. Гаршвы [Garšva 1982: 68–69], безударные гласные очень разнообразны даже в весьма тщательной речи; иногда факультативной может быть даже сама нейтрализация.

влияния соседних фонем, — напр., в конце слова, в безударном слоге), называется немаркированным членом оппозиции (нем. *merkmallos* [Trubetzkoy 1977: 67, 73 = Трубецкой 1960: 83, 90], англ. *unmarked* [Human 1975: 143–145], фр. *non-marqué* [Вахек 1964: 186]). Фонема же, близкий к которой звук не встречается в позиции структурной нейтрализации (напр., в конце слова), называется маркированным членом оппозиции (нем. *merkmalhaltig* [Trubetzkoy 1977: *ibid.* = Трубецкой 1960: *ibid.*]⁷⁸, англ. *marked* [Human 1975: *ibid.*], фр. *marqué* [Вахек 1964: *ibid.*]). В литовском литературном языке /k/, /t/, /p/, /s/ и /š/ являются немаркированными членами оппозиций /g d b z ž/ : /k t p s š/, поскольку близкие к ним звуки [k^ʰ], [t^ʰ], [p^ʰ], [s], [š] встречаются в конце слова — в единственной позиции нейтрализации этого противопоставления, не зависящей от других фонем. Фонемы /g d b z ž/, не имеющие соответствий в указанной позиции, следует считать маркированными членами данных оппозиций. Немаркированными членами оппозиций мягких и твёрдых согласных являются твёрдые фонемы, поскольку на конце слова их архифонемы представлены твёрдыми согласными; мягкие согласные, не имеющие в данной позиции близких соответствий, являются маркированными членами оппозиции. В последнем случае взаимоотношения фонем отражены и на письме: специально обозначается только мягкость согласных.

В речевых актах немаркированные члены оппозиции почти всегда более частотны, чем маркированные [Trubetzkoy 1977: 235 и указ. лит. = Трубецкой 1960: 292 и указ. лит.; Клычков 1962: 129; 1984; Широков 1961: 53ff., Меликишвили 1974; Мелики-

---

⁷⁸ По свидетельству Р. О. Якобсона [Якобсон 1971: 385ff.], сам Н. С. Трубецкой в речи и в письменных текстах на русском языке употреблял термины *беспризнаковый–признаковый* (член оппозиции), а позднее сам перевёл их на немецкий язык как *merkmallos* и *merkmaltragend* [Trubetzkoy 1977: 67, 73]. Современные неуклюжие и неточные русские термины «пришли» из французского языка — при переводе на русский калек *non-marqué–marqué*. Зная всю эту историю, делается несколько досадно, что и некоторым литовским языковедам уже полюбились таким странным образом возникшие и мало что говорящие о сути явлений «международные» слова *nemarkiruotasis–markiruotasis* [opozicijos narys] ‘маркированный–немаркированный [член оппозиции]’.

швили 1976; Гамкрелидзе 1977: 25; Gamkrelidze 1978: 11 и 20; 1979: 283; Панов 1979: 183]. В упомянутых оппозициях /g d b z ž/ : /k t p s š/ члены /k t p s š.../ в связных текстах на литературном языке встречаются более чем в три раза чаще, чем /g d b z ž.../. Частота отдельных пар соотносится приблизительно так: /k/ : /g/ = 3,0, /t/ : /d/ = 1,8, /p/ : /b/ = 2,4, /s/ : /z/ = 48,2, /š/ : /ž/ = 1,9 и т. д. (см. [Karosienė, Girdenis 1993 = Girdenis 2001: 64ff.]; ср. [Šimkūnaitė 1965; Свецевичюс 1966]). Зная это, мы можем отличить немаркированные члены оппозиций от маркированных даже тогда, когда в языке или в диалекте нет ни одной позиции, в которой происходила бы структурная, не зависящая от смежных фонем нейтрализация какой-либо оппозиции. Например, на конце северожемайтских слов, как мы уже упоминали (§ 135, сн. 62), /k/ : /g/, /t/ : /d/, /p/ : /b/, /s/ : /z/, /š/ : /ž/ противопоставляются так же, как и перед согласными типа R, ср.: *dèk* «*dèk*» ‘гори’ : *dèg* «*dēga*» ‘горит’, *sòjũ·nt* (*sùjũ·nt*) «*sujuĩnta*» ‘начинает чувствовать’ : *sòjũ·nd* (*sùjũ·nd*) «*sujuĩnda*» ‘начинает двигаться’, *krẽ·p* (*krẽ·ip*) «*kreĩpia*» ‘направляет’ : *grẽ·b* (*grẽ·ib*) «*griẽbia*» ‘схватывает’, *zĩ·s* «*zỹs*» ‘будет жужжать’ : *zĩ·z* «*zỹzia*» ‘жужжит’, *ũ·š* «*ũš*» ‘будет шуметь’ : *ũ·ž* «*ũžia*» ‘шумит’. Но немаркированные члены оппозиций в данном случае всё равно ясны — это, без сомнения, /k t p s š.../: в речевых актах они встречаются приблизительно в 3,7 раз чаще, чем /g d b z ž.../, ср.: /k/ : /g/ = 5,0, /t/ : /d/ = 3,1, /p/ : /b/ = 1,6, /š/ : /ž/ = 3,0 и т. д. [Girdenis 1981c: 19–22, 28, 36 = Girdenis 2000c: 229–232, 239, 247]. И твёрдые согласные в данном диалекте гораздо более частотны, чем мягкие, ср.: /k/ : /k̂/ = 2,8, /g/ : /ĝ/ = 1,8, /p/ : /p̂/ = 9,5, /b/ : /b̂/ = 5,8, /s/ : /ŝ/ = 5,1 и т. д. Картину несколько «портят» только /l/ и /ž/, которые почему-то встречаются реже, чем /l̂/ и /ž̂/ и в жемайтском диалекте, и в литературном языке (ср. [Girdenis 1981c: 28 = Girdenis 2000c: 239])⁷⁹.

⁷⁹ Объяснение сходного явления в русском языке, предложенное Н. С. Трубецким [Trubetzkoy 1977: 235 = Трубецкой 1960: 292], для литовского языка и его диалектов не годится, поскольку в литературном языке и в большинстве северожемайтских говоров /l/ : /l̂/ и особенно /ž/ : /ž̂/ с точки зрения позиций нейтрализации ничем не отличаются от других фонем.

Здесь также следует сказать, что очень модную в последнее время тенденцию устанавливать маркированность и немаркированность членов оппозиций только по их частотным соотношениям некоторые фонологи оце-

Иногда дистрибуция членов нейтрализуемой оппозиции вы-являет и маркированные, и немаркированные члены других оппозиций. Если нейтрализация происходит не перед всеми фонемами какого-либо типа, то её слабая позиция — перед маркированными членами оппозиций; фонемы, которые в таких случаях образуют позицию релевантности, являются немаркированными членами оппозиций [Trubetzkoy 1977: 75 = Трубецкой 1960: 93; Журавлёв 1972: 46; Schane 1972: 219]. На этом основании литовские гласные переднего ряда /e e· ie e· i i·/ можно смело считать маркированными членами оппозиции по ряду, поскольку перед ними нейтрализуются оппозиции твёрдых и мягких согласных; гласные заднего ряда /a a· uo o· u u·/ являются немаркированными членами данных оппозиций: перед ними твёрдые и мягкие согласные противопоставляются.

Е) КОРРЕЛЯЦИЯ И КОРРЕЛЯТИВНЫЕ РЯДЫ

§ 145. Оппозиции, один член которых является немаркированным, а другой — маркированным, называются привативными [Trubetzkoy 1977: 67 = Трубецкой 1960: 82–83]. Этим термином (фр. *privatif* ‘отрицательный’ ← лат. *privo* ‘отнимаю, освобождаю’) подчёркивается, что у одного члена такой оппозиции есть признак, «отнятый» у другого (немаркированного) члена, — что один член оппозиции оказывается как бы отрицательным, а другой — положительным.

К оппозициям такого типа относятся рус. /a/ : /ɔ/, лит. /p/ : /b/ или /l/ : /l̂/ и др. Названные литовские оппозиции /p/ : /b/ и /l/ : /l̂/ являются также пропорциональными, поскольку точно так же

нивают весьма сдержанно (возможно, даже критически, — напр., [Воронкова 1981: 62]). Но, скорее всего, эта сдержанность только доказывает, что необходимо различать по меньшей мере два вида маркированности: структурную маркированность, связанную с нейтрализацией, и статистическую маркированность, проявляющую себя в частотных соотношениях членов оппозиции. Также следует строго различать внутреннюю (вытекающую из функций конкретного языка) и универсальную маркированность (о последней, кроме упомянутых работ И. Г. Меликишвили и Т. В. Гамкрелидзе, см. [Chomsky, Halle 1968: 400–435; Postal 1968: 153–207; Numan 1975: 145–149]).

соотносятся и некоторые другие фонемы: /k/ : /g/ = /t/ : /d/ = /p/ : /b/ = /s/ : /z/ = /š/ : /ž/ = /č/ : /ǰ/..., /r/ : /ř/ = /l/ : /ľ/ = /v/ : /v̂/ = /n/ : /ň/ = /m/ : /m̂/... Кроме того, такая оппозиция является и одномерной [Трубецкой 1960: 74ff.] (или двусторонней [Реформатский 1960: 336ff], фр. *bilatérale* [Вахек 1964: 145], нем. *eindimensionale* [Trubetzkoy 1960: 74ff.]): признаками, общими для обоих членов такой оппозиции, могут обладать только эти две фонемы. Например, в литовском языке есть только два твёрдых губных смычных шумных согласных — /p/ и /b/, только два твёрдых зубных щелевых шумных согласных — /s/ и /z/, только два согласных типа R — /r/ и /ř/.

Пропорциональные одномерные привативные оппозиции называются корреляциями [Trubetzkoy 1977: 75ff. = Трубецкой 1960: 93ff.; Мартине 1960: 98; 1963: 423; Шаумян 1962: 152; Кузнецов 1970а: 189]⁸⁰ (от фр. *corrélacion* ‘взаимоотношение’, лат. *con-* ‘с-, со-’, *relatio* ‘противопоставление; уведомление’). Вся группа пропорциональных оппозиций (напр., лит. /k/ : /g/ = /t/ : /d/ = /p/ : /b/ и т. д.) образует коррелятивный ряд фонем.

§ 146. Признак, по которому маркированный член (или все маркированные члены коррелятивного ряда) отличается от немаркированного, называется коррелятивным признаком или признаком корреляции [Трубецкой 1960: 95] (нем. *Korrelationsmerkmal* [Trubetzkoy 1977: 77]). Признаком литовской корреляции /p/ : /b/ (= /t/ : /d/ = /k/ : /g/) (и коррелятивного ряда) служит звонкость, т. е. активное участие (дрожание) голосовых связок, сопровождаемое незначительным напряжением органов речи и слабым потоком воздушной струи; немаркированные члены этой корреляции являются глухими — при их артикуляции голосовые связки пассивны, струя воздуха сильнее, органы речи напряжены сильнее, а смычка и сам взрыв более продолжитель-

---

⁸⁰ Здесь мы принимаем точку зрения, которую наиболее отчётливо сформулировал П. С. Кузнецов: «Мы определяем корреляцию как противопоставление фонем по одному признаку, выступающему в одних позициях и утрачивающемуся в других» [Кузнецов 1970а: 189]. Понятие корреляции у Н. С. Трубецкого и А. Мартине представляется слишком широким и, что самое главное, не функциональным, а чисто логическим и фонетическим. Это, можно сказать, логическая, а не функциональная корреляция.

ны⁸¹. Следовательно, маркированный член данной корреляции /b/ (и /d/, /g/...) представляет собой как бы симультантное сочетание немаркированного члена /p/ (и /t/, /k/...) и признака корреляции: /b/ = /p/ & /^{3B}/ (т. е. 'звонкость') (/d/ = /t/ & /^{3B}/, /g/ = /k/ & /^{3B}/ и т. д.). Признаком корреляции /r/ : /r̂/ = /m/ : /m̂/ = /n/ : /n̂/... является мягкость, т. е. отсутствие веляризации и дополнительная артикуляция средней части языка — её поднятие к твёрдому нёбу, повышающее тембр звука; сигналом этого признака являются и определённые свойства соседних гласных (более высокий либо явно переменный тембр, продвинутая вперёд артикуляция и проч.). И здесь маркированный член /r̂/ (/m̂/, /n̂/...) можно считать симультантной комбинацией немаркированного члена /r/ (/m/, /n/...) и признака корреляции /̂/ («мягкости» или «палатализации»): /r̂/ = /r/ & /̂/ (/m̂/ = /m/ & /̂/, /n̂/ = /n/ & /̂/). Итак, во всех случаях маркированный член корреляции обладает признаком, отсутствующим у немаркированного члена⁸².

При такой интерпретации немаркированные члены корреляции не имеют признаков, отличающих их от маркированных членов, поэтому, можно сказать, во всём совпадают с соответствующими архифонемами: /k/ ≈ /K/, /t/ ≈ /T/, /p/ ≈ /P/ и т. д. И немаркированную фонему /p/, и архифонему /P/ можно охарактеризовать как шумный смычный губной согласный, не обладающий признаком звонкости, характерного для маркированного члена /b/.

---

⁸¹ Подлинно фонологическим может быть только такое комплексное понимание дифференциальных признаков (см. также § 163 и указ. лит.). С точки зрения чистой фонетики, по-видимому, все фонемы являются маркированными, только в различных направлениях; в фонологии же те фонетические свойства, которые принадлежат немаркированному члену корреляции, следует оценивать так, словно их не существует, — это отрицательные, или нулевые свойства звуков. Такое понимание маркированности-немаркированности делает бесплодными все критические замечания в адрес этих понятий и дихотомического принципа, тесно связанного с этими понятиями (см., напр., [Реформатский 1961: 110ff.; Бондарко 1966; Бондарко, Вербицкая 1965]).

⁸² Именно поэтому Н. С. Трубецкой и употреблял термины *признаковый член* и *беспризнаковый член* (см. § 144, сн. 78). Как только что сказано (сн. 81), фонетически признак маркированного члена может быть и негативным, и комплексным; о нём могут сигнализировать даже свойства смежных звуков.

Имея это в виду, Н. С. Трубецкой некоторое время пользовался такой (кстати, весьма интересной и обоснованной) фонологической транскрипцией, в которой архифонемы обозначались теми же самыми знаками, что и немаркированные члены соответствующих корреляций (см., напр., [Trubetzkoj 1931: 98]; ср. [Vachek 1966: 31–32]). Только позднее для этого стали использоваться прописные или снабжённые особыми диакритиками буквы, соответствующие знакам немаркированных членов корреляции, либо «сокращения» типа $\frac{b}{p}$ (ср. [Реформатский 1960: 334 и указ. лит.; Vachek 1966: 61]). В последнее время, как мы уже говорили (ср. § 143, сн. 75), принято считать, что в позициях нейтрализации представителями фонем являются аллофоны соответствующих фонем (см. [Trnka 1958; Vachek 1966: 60–62]). Поэтому представители архифонем теперь транскрибируются символами тех фонем, на которые они особенно похожи.

Эту эволюцию взглядов можно проиллюстрировать примерами фонологической транскрипции слова *kiřpdamas* ‘стригя’: 1) /kiřpdamas/ (ранняя позиция Н. С. Трубецкого)⁸³, 2) /kiřPdamaS/ (более поздняя позиция Н. С. Трубецкого и других представителей Пражской школы)⁸⁴, 3) /kîřbdamas/ (современная позиция пражцев, особенно Б. Трнки и Й. Вахека).

Транскрипция третьего типа совершенно приемлема и для тех фонологов, которые не признают архифонем, например, для дескриптивистов и представителей петербургской школы. И вполне возможна трактовка (которая, по-видимому, и является самой реалистичной), согласно которой представители архифонем почти во всех случаях считаются соответствующими фонемами, а не просто звуками, лишёнными статуса фонем. Разумеется, в тех случаях, когда необходимо показать истинные дистинктивные единицы и контрасты, можно прибегнуть и к транскрип-

⁸³ Фонема /k/ является немаркированным /k/ : /k̂/ членом корреляции, а /p/ и /s/ — немаркированными членами корреляций /p/ : /b/, /p/ : /p̂/, /s/ : /z/ и /s/ : /ŝ/, поэтому они здесь и пишутся, хотя в двух первых случаях произносятся звуки, близкие к маркированным членам /k̂/ и /b/.

⁸⁴ /K/ обозначает архифонему корреляции /k/ : /k̂/, которая здесь представлена согласным [k̂]; /R/ — архифонему корреляции /r/ и /r̂/; /P/ — архифонему /p/ : /b/ (и /p/ : /p̂/, /b/ : /b̂/), здесь представленную звонким [b]; /S/ — архифонему /s/ : /z/ (: /ŝ/ : /ẑ/), представленную твёрдым [s].

ции второго типа, но для систематического использования, особенно для статистических исследований, она малопригодна.

Московская фонологическая школа идёт своим (можно сказать, четвёртым) путём. Её представители в слабых позициях «восстанавливают» ту фонему каждой конкретной морфемы, которая появляется в сильной позиции: [nɫgá] = <nagá>, если это форма слова *наг*, *нагóй*, но [nɫgá] = <nogá>, если эта словоформа связана с формой *но́ги* (ср. также [rɔt] = <rot> ← *рта*, но [rɔt] = <rod> ← *ро́да* — [Реформатский 1970: 28; Кузнецов 1970d: 476; Аванесов, Сидоров 1970: 254, 264ff.]). В тех случаях, когда невозможно таким образом восстановить фонему — когда возникает так называемая гиперфонемная ситуация (ср. § 143, сн. 75), — фиксируются так называемые слабые фонемы (напр.: *корóва* <karóva>, *собáка* <sabáka>). Обычно эти слабые фонемы не включаются в инвентарь фонем, но иногда исследователи безосновательно отклоняются от данного принципа (напр., [Шведова 1980: 76–78]).

Как видно, московская фонологическая транскрипция своими основными чертами напоминает морфологическую (или, точнее говоря, морфонологическую) орфографию. В своей основе она близка второй модели, только больший упор делается на морфонологические чередования. А это уже шаг в направлении морфонологической и генеративной интерпретации (см. § 31, сн. 40; ср. также [Касевич 1972: 153]).

§ 147. Корреляции обычно называются по их признакам. Например, литовские оппозиции типа /p/ : /b/ = /t/ : /d/... образуют корреляцию звонкости, оппозиции типа /p/ : /p̂/ = /k/ : /k̂/... — корреляцию мягкости и т. д. Последнюю нередко называют и тембровой корреляцией, поскольку мягкость, или палатализация, изменяет тембр основной артикуляции — повышает его (см., напр., [Якобсон 1962a: 153ff.; Чэжман 1970: 9ff.]). Используются и такие названия, как *корреляция рядов* и пр.

§ 148. Корреляции отличаются большим диахроническим постоянством. Если по каким-либо причинам изменяется один член оппозиции, чаще всего в том же направлении эволюционирует и другой её член (ср. [Мартине 1960: 106–107 et passim; Labov 1972: 118ff.; Степонавичюс 1975: 223–226 и указ. лит.; 1982b: 12ff.]). Этим и объясняется симметричность большинства фонетических изменений. Например, в диалектах литовского язы-

ка гласные и дифтонги одного и того же подъёма почти всегда претерпевают одинаковые изменения. Где вместо *i* имеется *e*, там вместо *u* обнаружим *o*; где вместо литературного *en* произносится *in*, там вместо *an* скорее всего обнаружим *un*; там, где восточно-балтийский **ē* превратился в *ie*, там на месте **ō* имеем *uo*, где **ē* > *ei*, там **ō* > *ou*. Если какой-либо диалект различает, к примеру, звуки типа *e* и *i*, то велика вероятность, что в нём противопоставлены и *o* с *u*; если оппозиция *ē* : *ie* в некоторых случаях нейтрализуется, то, скорее всего, нейтрализуется и оппозиция *ō* : *uo* и т. д. Подобные примеры можно найти во многих языках. Везде изменения чаще всего начинаются с гласных переднего ряда, а позднее гласные заднего ряда приспособляются к своим передним коррелятам (см., напр., [Bailey 1972: 29])⁸⁵.

К такой же эволюции склонны и члены консонантных корреляций. Здесь достаточно вспомнить об одинаковом развитии общебалтийских сочетаний **tj* и **dj* в различных диалектах, одинаковую палатацию и аффрикацию **k* и **g* в латышском языке, одинаковую судьбу **pj* и **bj*.

Ғ) ПУЧКИ КОРРЕЛЯЦИЙ

§ 149. Коррелятивные отношения могут связывать не только пары фонем, но и более крупные их группировки. В санскрите такими отношениями объединяются по четыре гоморганных смычных согласных: /p/ : /pʰ/ : /b/ : /bʰ/ = /t/ : /tʰ/ : /d/ : /dʰ/ = /t̪/ : /t̪ʰ/ : /d̪/ : /d̪ʰ/ = /k/ : /kʰ/ : /g/ : /gʰ/ (ср. также /č/ : /čʰ/ : /ž/ : /žʰ/, которые транслитерируются латинскими буквами как *c*, *ch*, *j*, *jh*), напр.: *pālam* ‘сторожа (Acc. Sg.)’ : *phālam* ‘соху’ : *bālam* ‘мальчика (Acc. Sg.)’ : *bhālam* ‘лоб (Acc. Sg.)’. Оппозиции каждой группы нейтрализуются, например, на конце слова: перед паузой их архифонемы /P/, /T/, /Ṭ/, /K/ представлены звуками [p], [t], [ṭ], [k], перед начальным гласным последующего слова — [b], [d], [ḍ], [g]. Следовательно, глухие неаспирированные согласные являются немаркированными членами данных оппозиций, а другие согласные — маркированными. Маркированность здесь не одного, а двух уровней: во-первых, аспирированные согласные противопоставлены неаспирированным, во-вторых, глухим противопоставлены звонкие. Итак, здесь как бы перекрещиваются корреляции звонкости и аспирации. Нагляднее всего это видно на такой

⁸⁵ И в живой природе коррелятивные явления имеют тенденцию изменяться примерно одинаково (ср. [Дарвин 2001: 407]).

дендрограмме (рис. 8; слева приводятся наименее маркированные фонемы, справа — самые маркированные)⁸⁶.

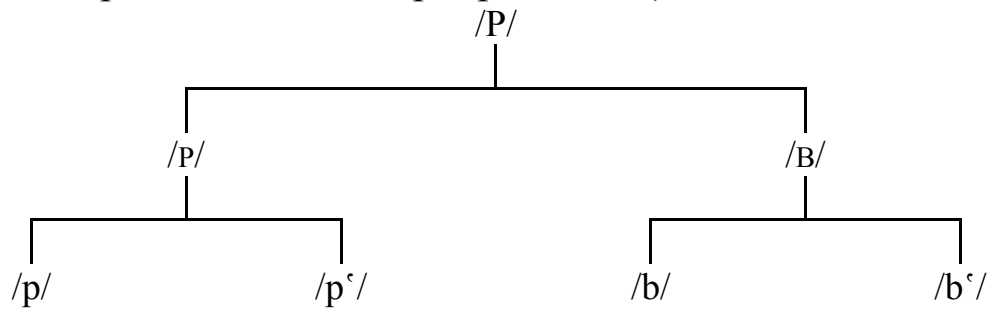

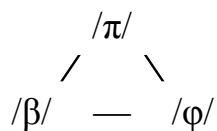
Рис. 8. Корреляции звонкости и аспирированности в санскрите

Такое объединение нескольких корреляций называется группой, или пучком, корреляций (нем. *Korrelationsbündel* [Trubetzkoy 1977: 78–82 = Трубецкой 1960: 96–99; Мартине 1960: 100; Реформатский 1961: 111, 115]).

§ 150. В трёхчленные пучки корреляций объединялись древнегреческие смычные согласные: π /p/ : β /b/ : φ /p'/ = τ /t/ : δ /d/ : θ /t'/ = κ /k/ : γ /g/ : χ /k'/, ср. πάρος ‘раньше; впереди’ : βάρος ‘вес’ : φάρος ‘парус’, τεῖος ‘до тех пор’ : δεῖος (δέος) ‘страх’ : θεῖος ‘божественный’, κέραс ‘рог’ : γέραс ‘жертва’ : χέραс ‘руки (Асс. Pl.)’. Эти пучки корреляций нейтрализуются перед всеми взрывными согласными и σ /s/ — согласным, у которого не было ни звонкого, ни аспирированного коррелята. Перед взрывными выбор представителей архифонем /П/, /Т/, /К/ зависел от глухости, звонкости или аспирированности соседнего согласного, ср.: βλάβη ‘вред’ : βλάπτω ‘врежý’, γράφω ‘рисую’ : γραπτός ‘нарисованный’, λέγω ‘выбираю’ : λεκτός ‘отборный’, δέχομαι ‘принимаю’ : δέκτος ‘приятный’, перед σ встречались только глухие, ср.: ἀμείβω ‘меняю’ : ἀμείψω /ameípsō/ ‘буду менять’, γράφω ‘рисую’ : γράψω /grápsō/ ‘буду рисовать’, λέγω ‘выбираю’ : λέξω /léksō/ ‘буду выбирать’, δέχομαι ‘принимаю’ :δέξω /déksō/ ‘приму’. Поскольку [p t k] употребляются перед безразличной к звонкости и аспирации фонемой /s/, фонемы /p t k/ являются немаркированными членами пучков корреляций, а /b d g/ и /p' t' k'/ — маркированными: /b/ = /p/ & /^{3B}/, /p'/ = /p/ & /'/ и т. д. — в одном случае «маркированность» идёт в одном направлении, в другом — в

⁸⁶ Сходные примеры из новоиндийских языков см. [Зограф 1976: 156–157].

другом. Следовательно, здесь перед нами не двухуровневые оппозиции, а триады, которые лучше всего изображать не с помощью дендрограмм, а вот такими схемами (см., напр., [Trubetzkoy 1977: 78 = Трубецкой 1960: 97; Реформатский 1961: 111]; ср. [Виноградов 1976: 303]):

Разумеется, и такую триаду можно превратить в дендрограмму (см. рис. 9).

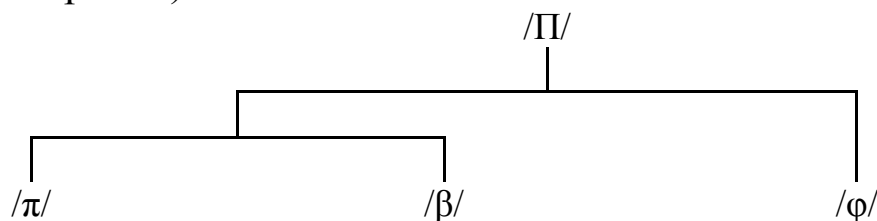

Рис. 9. Дендрограмма древнегреческих взрывных губных согласных

На первом разветвлении отделяется и отходит вправо аспирированный /φ/, на втором — звонкий /β/. В крайней левой позиции оказывается немаркированный член всего пучка — /π/. Но в связи с тем, что это не совсем естественное группирование, возможна и другая альтернатива (см. рис. 10).

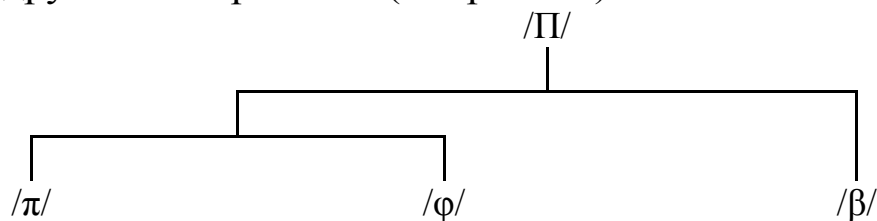

Рис. 10. Другая дендрограмма древнегреческих взрывных губных согласных

В данном случае /β/ прежде всего противопоставлена фонемам /π/ и /φ/ как звонкий согласный глухим, а в группе глухих аспирированный /φ/ противостоит совершенно немаркированной /π/. О большей приемлемости какой-либо из этих альтернатив система самого греческого языка не позволяет судить, но, имея в виду тот факт, что оппозиции типа /p/ : /b/, по меньшей мере в европейских языках, более распространены, чем /p/ : /p^h/, преимущество вроде бы и стоит отдать первому решению: /φ/ (т. е. /p^h/) выглядит типологически более маркированным, чем /β/ (/b/). Для

более конкретного ответа на этот вопрос, наверно, нужно было бы прибегнуть к помощи вычислений частоты фонем.

Похожие триады согласных характерны и для других языков. Пучки корреляций, совершенно похожие на греческие, есть, например, в бирманском языке: /p/ : /b/ : /pʰ/ = /t/ : /d/ : /tʰ/ = /k/ : /g/ : /kʰ/, только к ним также относятся аффрикаты /č/ : /ž/ : /čʰ/ и даже щелевые /s/ : /z/ : /sʰ/⁸⁷. В триадах грузинского языка место признака аспирации занимает глоттализация — дополнительная артикуляция голосовых связок, напоминающая «перелом» жемайтской прерывистой слоговой интонации (см., напр., [Чикобава 1967: 26])⁸⁸:

$$\begin{array}{ccccccccc} /p/ & & /t/ & & /k/ & & /č/ & & /c/ \\ / \quad \backslash & = & / \quad \backslash & = & / \quad \backslash & = & / \quad \backslash & = & / \quad \backslash \\ /b/ \text{ — } /pʰ/ & & /d/ \text{ — } /tʰ/ & & /g/ \text{ — } /kʰ/ & & /ž/ \text{ — } /čʰ/ & & /z/ \text{ — } /cʰ/ \end{array}$$

Самыми немаркированными среди взрывных являются звонкие (!), среди аффрикат — глухие неглоттализированные [Меликишвили 1976: 72–76ff.; Melikishvili 1974: 91 и 93, сн. 12].

Аффрикаты данного языка и заднеязычные смычные вместе с соответствующими щелевыми образуют даже пятичленные пучки корреляций:

$$\begin{array}{ccccccc} /s/ \text{ — } /c/ & & /š/ \text{ — } /č/ & & /x/ \text{ — } /k/ \\ / \quad \backslash & & / \quad \backslash & & / \quad \backslash & & / \quad \backslash \\ /z/ \text{ — } /z/ \text{ — } /cʰ/ & & /ž/ \text{ — } /ž/ \text{ — } /čʰ/ & & /ɣ/ \text{ — } /g/ \text{ — } /kʰ/ \end{array}$$

§ 151. В четырёхчленные пучки можно объединить корреляции звонкости и мягкости согласных типа *S* и *T* литовского языка. Эти пучки выглядят так:

$$\begin{array}{ccccccc} /š/ \text{ — } /ž/ & & /š/ \text{ — } /ž/ & & /k/ \text{ — } /g/ & & /p/ \text{ — } /b/ \\ | & & | & = & | & & | \\ /š̃/ \text{ — } /ž̃/ & & /š̃/ \text{ — } /ž̃/ & = & /k̃/ \text{ — } /g̃/ & & /p̃/ \text{ — } /b̃/ \end{array}$$

Полностью указанные пучки корреляций реализуются только перед гласными заднего ряда (в позиции [—V^u]). Перед гласными переднего ряда и согласными типа *R* нейтрализуется корреляция мягкости, а корреляция звонкости функционирует нормальным образом. Перед согласными типа *S* и *T* и перед паузой

⁸⁷ Обычно считается, что и в индоевропейском языке были похожие триады (только со звонкими аспирированными согласными): *p : *b : *bh = *t : *d : *dh = *k : *g : *gh = *k̂ : *ĝ : *ĝh = *k^h : *g^h : *g^hh.

⁸⁸ Согласные /p t k/ несколько аспирированы.

нейтрализуются корреляции обоих типов. Общими немаркированными членами этих пучков являются твёрдые глухие /p t k.../; наиболее маркированными, без сомнения, — звонкие мягкие согласные. Следовательно, например, пучок корреляций губных смычных /p/ : /b/ : /p̂/ : /b̂/ следует представить в виде такой дендрограммы (рис. 11).

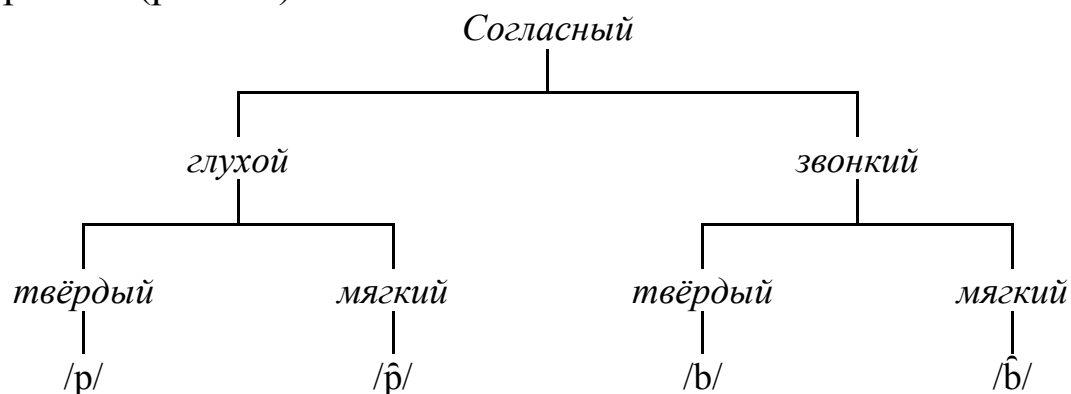

Рис. 11. Пучок корреляций губных смычных согласных

Ещё точнее отношения членов этого пучка корреляций в различных позициях можно описать такой схемой (см. рис. 12; /P/ — архифонема оппозиции /p/ : /p̂/, /B/ — архифонема оппозиции /b/ : /b̂/, /P/ — архифонема всего пучка корреляций, ср. [Аванесов 1956: 207; Перебийніс 1970: 53]).

$$\begin{array}{l} /p/ \text{ — } /b/ \\ | \quad \quad | \quad \quad / \quad \quad [\text{—} V^u] \quad (1) \\ /p̂/ \text{ — } /b̂/ \end{array}$$

$$/P/ \text{ — } /B/ \quad / \quad [\text{—} V^i_R] \quad (2)$$

$$/P/ \quad / \quad [\text{—} \frac{S}{\Gamma} \#] \quad (3)$$

Рис. 12. Схема отношений членов пучка корреляций губных смычных согласных

По этой схеме особенно хорошо видно, что различительная сила звуков приблизительно одинакового качества может быть весьма различна даже в одном и том же языке. В позициях первого типа (1) /p/ с фонологической точки зрения намного богаче и «мощнее», поскольку ему противопоставлены, помимо прочих, целых три губных взрывных фонемы. В позициях второго типа

(2) сила этого согласного гораздо меньше, поскольку здесь ему может противопоставляться только один губной взрывной согласный. В позициях третьего типа (3) ему не противопоставлен ни один губной взрывной — дистинктивную функцию здесь выполняют только те признаки, которые свойственны архифонеме всего пучка корреляций /P/ и отличают её от негубных смычных и различных несмычных согласных. Следовательно, данные даже одного языка показывают, что фонологическая роль и вес звука зависят от его позиции и места в системе, а не от физических свойств.

Г) НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И КЛАССЫ ФОНЕМ

§ 152. Исследование нейтрализации и коррелятивных отношений фонем важно в нескольких отношениях.

Прежде всего, нейтрализацию стоит тщательно изучать потому, что она играет большую роль в эволюции фонологических систем⁸⁹. Почти все фонологические оппозиции до своего полного исчезновения проходят стадию нейтрализации: в течение некоторого времени исчезающая оппозиция ещё сохраняется в отдельных позициях.

Нейтрализация может вызвать и различные нефонологические процессы эволюции языка: скрещивание рядов чередования гласных (см., напр., [Kuryłowicz 1968a: 257 et passim]), несистематические замены звуков, так называемые аналогические изменения (о них см. [Kuryłowicz 1960: 66ff. = Курилович 1962: 92ff.; Anttila 1972: 83, 88–108]). Если в позиции нейтрализации совпадают какие-нибудь различные грамматические единицы, то часто (но, конечно, не всегда) появляется вызванная такой «двусмысленностью» тенденция унифицировать, выровнять их и в позициях релевантности или, наоборот, ещё сильнее подчеркнуть, поляризовать их контраст, даже перенести закрепившееся таким образом различие на такие значимые единицы, которые ранее обладали одинаковым или слабее дифференцированным планом выра-

---

⁸⁹ «Диахроническая фонология немыслима без понятия нейтрализации» [Журавлёв 1972: 36]; ср. [Kuryłowicz 1960: 243ff. = Курилович 1962: 334ff.; 1965:403–411]).

жения (см. [Курилович 1965: 408], о роли нейтрализации в развитии вокализма диалектов литовского языка — [Girdenis 1975b = Girdenis 2000c: 335f.]).

§ 153. Значение нейтрализации особенно велико потому, что она позволяет продолжить, детализировать и конкретизировать ту классификацию фонем, основной каркас которой получается в результате анализа синтагматических отношений (см. [Hjelmslev 1959: 85ff.; Мухин 1962: 61]).

Нейтрализация почти всегда выявляет двойные классы фонем: к одному относятся те фонемы, которые подвергаются нейтрализации, к другому — те, которые образуют позицию нейтрализации. Например, в литературном литовском языке оппозиции /a/ : /e/, /aː/ : /eː/ нейтрализуются после всех согласных (ср. § 53, 59, 174)⁹⁰, поэтому эти фонемы составляют отдельный класс гласных, противопоставленный остальным фонемам. Противопоставленный всем прочим гласным фонемам класс образуют и русские /a ə/, имеющие релевантную позицию только в ударных слогах. Сравнительно закрытый класс согласных типа *S* и *T* нужно выделить не только из-за их положения в сочетаниях, но и в связи с уже упомянутой нейтрализацией оппозиций типа /k t p/ и /g d b/ перед паузой и перед согласными подклассов *S* и *T*. Кроме того, только эта нейтрализация окончательно доказывает, что /z ž/ и /ʒ ʒ/ действительно являются согласными не типа *T*, а типа *S*. Как мы уже видели (§ 135ff.), оппозиции типа /s/ : /z/, /š/ : /ž/ нейтрализуются, и на конце слова представителями их архифонем являются [s], [š] (напр., *be m̃žo* ‘без малого’: *bem̃[š]* ‘почти’). Между членами различных синтагматических классов таких отношений быть не может.

В северо-восточных (тельшайских) жемайтских говорах ассимиляция, или гармония, гласных объединяет все гласные нижнего подъёма в один класс, поскольку оппозиции типа /e/ : /i/, /o/ : /u/ нейтрализуются перед гласными верхнего подъёма, а дру-

---

⁹⁰ О нейтрализации этих оппозиций и её древности в языке свидетельствуют, помимо других фактов, такие чередования гласных, как *plepėti* ‘болтать’: *pliópa* ‘болтун’. Поскольку возможны только «количественные» чередования *e* : *é* = *a* : *o*, в слове *plepėti*, без всяких сомнений, мы имеем *e*, представляющее собой продвинутое вперёд **(')a* (ср. также лит. *klėvas* ‘клён’ = лтш. *kļavs* ‘id.’).

гие гласные этой нейтрализации не подвергаются. В свою очередь в данном классе выделяются /i u/, перед которыми возможны только гласные типа /i u/. Следовательно, указанные фонемы следует классифицировать так: / $(a : e) : ((\text{ø} : \text{ɛ}) : (u : i))$ /. Наиболее маркированными в этой системе являются /u i/, поскольку именно они создают позицию нейтрализации; наименее маркированными — /a e/, полностью безразличные к данной нейтрализации.

И в северножемайтском диалекте, и в литературном языке гласные распадаются ещё на два класса: те гласные, перед которыми реализуется корреляция мягкости согласных, и те, перед которыми она нейтрализуется. К первому классу будут относиться литер. /a aː oː uo u uː/ и с.-жем. /a ɔ u .../, во второй войдут литер. /e eː ɛː ie i iː/ и с.-жем. /e ɛ i.../. Маркированные члены оппозиций составляют второй класс, поскольку корреляция мягкости нейтрализуется только перед ними (ср. § 144). Теперь классификация гласных этого диалекта выглядит так: / $(a : (\text{ø} : u)) : e : (\text{ɛ} : i)$ /. ей соответствует следующая дендрограмма (рис. 13).

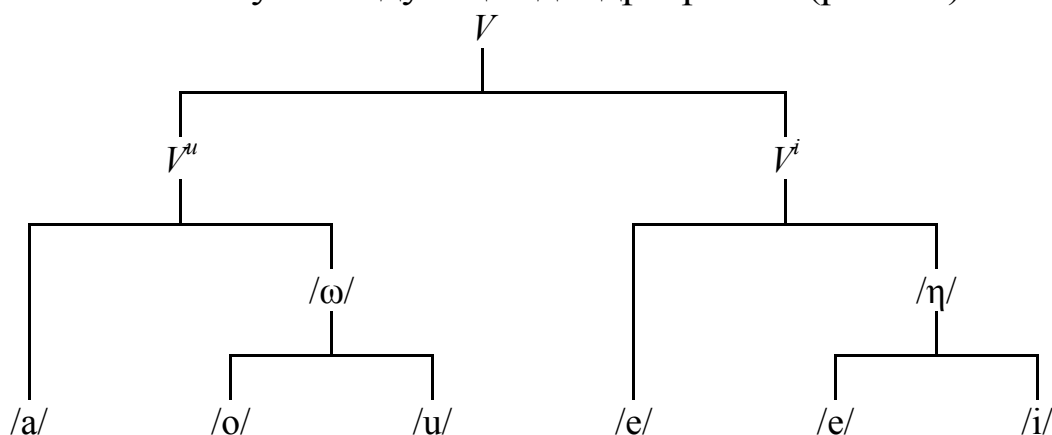

Рис. 13. Дендрограмма классификации гласных северо-восточного (тельшяйского) жемайтского диалекта

Наименее маркированным (вернее говоря, вообще немаркированным) членом этой системы является /a/. Поэтому и в связанных текстах это самая частотная фонема (например, её частота в текстах на тельшяйском говоре — 13,09% от общего числа фонем [Girdenis 1981c: 24 = Girdenis 2000c: 234], на литературном литовском языке — 10,46% [Karosienė, Girdenis 1994 = Girdenis 2001: 28ff.]).

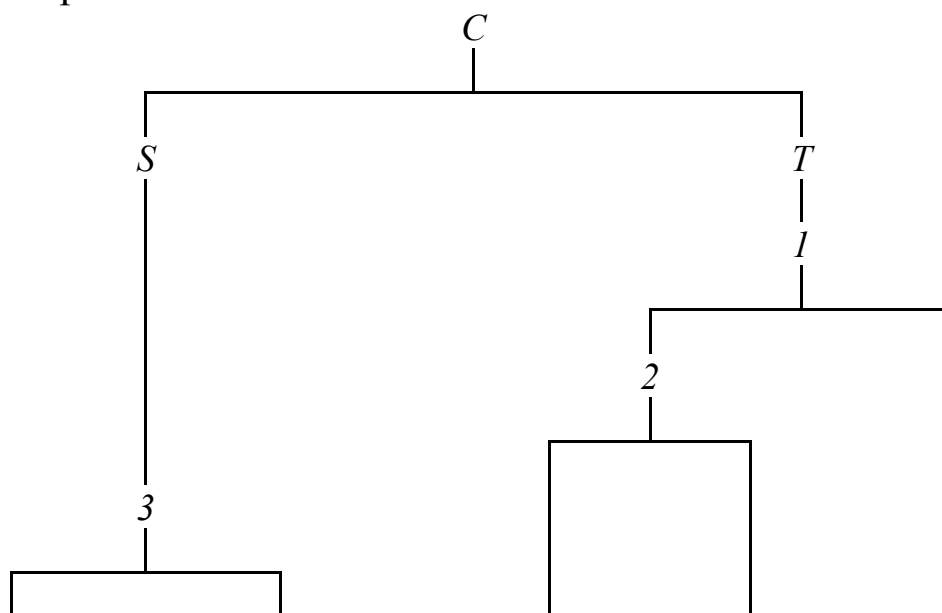
§ 154. Мы уже видели, что нейтрализация разбивает каждый класс фонем ещё на маркированные и немаркированные члены

оппозиций. Нейтрализация корреляции звонкости разбила подкласс S на немаркированные члены соответствующих оппозиций $/s \hat{s} \check{s} \hat{\check{s}}/$ и маркированные $/z \hat{z} \check{z} \hat{\check{z}}/$, подкласс T — на немаркированные $/p t k \hat{p} \hat{k}/$ и маркированные $/b d g \hat{b} \hat{g}/$; в свою очередь, в каждом подклассе нейтрализация отделила немаркированные члены корреляции мягкости $/s \check{s}/$, $/z \check{z}/$, $/p k/$, $/b g/$ от маркированных $/\hat{s} \hat{\check{s}}/$, $/\hat{z} \hat{\check{z}}/$, $/\hat{p} \hat{k}/$, $/\hat{b} \hat{g}/$.

Но и это не всё. Согласные $/s/$, $/\hat{s}/$, $/z/$, $/\hat{z}/$ также стоит отделять от $/\check{s}/$, $/\hat{\check{s}}/$, $/\check{z}/$, $/\hat{\check{z}}/$, поскольку оппозиции типа $/\hat{s}/ : /\hat{\check{s}}/$ нейтрализуются перед $/\hat{c}/$, $/\hat{z}/$; архифонема здесь представлена согласными $[\hat{s}]$, $[\hat{z}]$, ср.: *věsti* ‘вести’ : *vě[\hat{s}]čiau* ‘(я) вёл бы’, *věžti* ‘везти’ : *vě[\hat{z}]čiau* ‘(я) вёз бы’. Эту нейтрализацию вызывают только $/\hat{c}/$, $/\hat{z}/$ — фонемы, родственные звукам типа $/\check{s} \hat{s} \check{z} \hat{z}/$. Следовательно, шипящие являются маркированными членами соответствующих оппозиций, а свистящие $/s \hat{s} z \hat{z}/$ — немаркированными. Признаком корреляции следует считать шипящий тембр, либо двухфокусную (альвеолярно-велярную) артикуляцию, свойственную маркированным членам $/\check{s} \hat{s} \check{z} \hat{z}/$, следовательно, $/\check{s}/ = /s/ \ \& \ / \check{/}$ (, ^ “ здесь обозначает признак шипящего тембра).

Этот анализ позволяет полностью разделить все согласные фонемы, принадлежащие классу C (т. е. не R), т. е. детализировать те классификации, которые мы получили раньше (см. § 109 и 110).

Окончательная классификация будет выглядеть так, как показано на рис. 14.

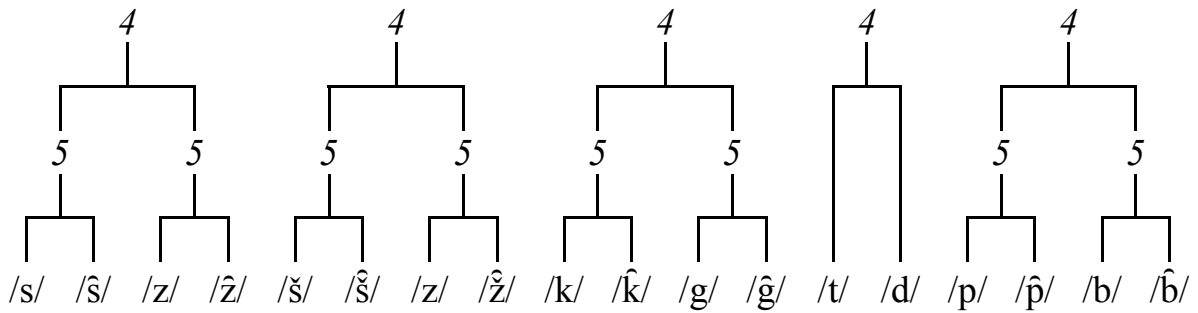

Рис. 14. Классификация согласных класса *C*

До разветвления, отмеченного цифрой 3, данная дендрограмма совпадает с теми, что мы получили ранее (§ 109 и 110⁹¹). Дальнейшие разветвления соответствуют следующим случаям нейтрализации (правая ветвь всюду обозначает маркированный член, левая — немаркированный): 3 — нейтрализация оппозиций типа /s/ : /š/ (корреляция свистящих и шипящих фонем), 4 — нейтрализация корреляции звонкости, 5 — нейтрализация оппозиции мягкости. От цифры 4 начинаются только что рассмотренные пучки корреляций. Первые два пучка объединяются в более крупную группировку, начинающуюся у цифры 3. Такой сложный пучок корреляций можно обозначить формулой $((s : \hat{s}) : (z : \hat{z})) : ((\check{s} : \hat{\check{s}}) : (\check{z} : \hat{\check{z}}))$, скобками здесь показана иерархия оппозиций. В сходных отношениях находятся и аффрикаты, оставшиеся за рамками нашего рассмотрения.

Если считать встречающихся в позициях нейтрализации представителей архифонем аллофонами похожих на них фонем, то выявленные классы фонем и их отношения мы сможем описать ещё проще. К классу звонких мы отнесём те согласные типа *S* и *T*, которые никогда не встречаются на конце слова, а к классу глухих — те, которые в этой позиции встречаются. К шипящим

⁹¹ К тому, что там сказано, стоило бы прибавить, что о маркированности /p̃ p̃ b̃ b̃/ также свидетельствует нейтрализация оппозиции /m/ : /n/, имеющая место только перед этими фонемами, ср.: *sémk* ‘черпай’ : *sénk* ‘старей’, *sémti* ‘черпать’ : *sénti* ‘стареть’ и *kri-[ñ]-ta* ‘падает’ : *iñta* ‘взято (neutrum)’, *tri-ñ-ka* ‘нарушается’ : *iñk* ‘бери’, но *ki-ñ-ba* ‘цепляется’, *susku-ñ-ba* ‘успевает’ (отделённые дефисами [n] и [m] являются экспонентом одной и той же морфемы — инфикса {-n-}). В сложных словах эта нейтрализация факультативна: ей мешает открытый стык, напр.: [šé.n+befñis] → <šé.mbefñis> ‘старый холостяк’, [š°ún+balis] → <š°úmbalis> ‘плохая вечеринка’.

будут относиться согласные типа S , употребляющиеся перед $/\hat{c} \hat{z}/$, а к свистящим (т. е. однофокусным или зубным) — те, которые в данной позиции не употребляются. Твёрдыми будут те согласные, которые никогда не появляются перед $/e e' e' ie i i' /$, мягкими — те, которые не встречаются на конце слова, и т. д. Такие характеристики фонем по своей форме похожи на те, что мы выявили на основании синтагматических отношений⁹².

§ 155. Теперь достаточно для каждой выделенной таким образом категории фонем найти характерные фонетические свойства — и все согласные фонемы мы сможем описать как симультантные сочетания этих свойств. По правде говоря, часть данных признаков уже известна: это признаки корреляций, отличающие маркированных членов оппозиций от немаркированных и соответствующих архифонем. Например, фонему $/\hat{z}/$ можно расчленить на комплекс признаков $/s/$, образующий архифонему $/S/$ вышеупомянутого пучка корреляций $/((s : \hat{s}) : (z : \hat{z})) : ((\check{s} : \hat{\check{s}}) : (\check{z} : \hat{\check{z}})) /$, и такие признаки корреляций: ‘шипящий’, ‘звонкий’, ‘мягкий’ (сокращённо $/\hat{z}/ = /s/ \& / \sim / \& /^{3B} / \& / \wedge /$). Само собой понятно, что эти признаки корреляций одновременно являются и дифференциальными признаками фонем⁹³. Следовательно, от нейтрализации пролегает прямой путь к дифференциальным признакам фонем и парадигматическим отношениям.

Н) НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИИ ЕДИНИЦ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ

⁹² Такие термины, как *звонкие–глухие*, *шипящие–свистящие*, *мягкие–твёрдые* (согласные) здесь используются только по соображениям удобства. Классификация осталась совершенно такой же, если бы мы употребляли какие-нибудь совершенно условные обозначения (p -класс: b -класс, $\check{s}$ -класс : s -класс, l -класс : $г$ -класс и т. д.). Фонетическими терминами здесь всего лишь называются классы, выделенные без опоры на физические свойства звуков.

⁹³ По-видимому, прав В. А. Виноградов, утверждавший, что только нейтрализация и свидетельствует от реальности дифференциальных признаков [Виноградов 1976: 304].

§ 156. Нейтрализация является не только фонологическим явлением, ей нередко подвергаются и единицы плана содержания (см., напр., [Trnka 1958: 866; Hjelmslev 1959: 83ff.; Мартине 1969: 101–109]).

Классическим примером нейтрализации грамматических единиц служит третье лицо глагола в древнегреческом языке. Форма множественного числа третьего лица прекрасно отличается от формы единственного, если подлежащее в предложении выражено существительным мужского или женского рода, но совпадает с формой единственного, если подлежащее выражено существительным среднего рода, ср.: (1) *ὁ ἄνθρωπος τρέχει* ‘человек бежит’ : *οἱ ἄνθρωποι τρέχουσιν* ‘люди бегут’, но (2) *τὸ ζῷον τρέχει* ‘животное бежит’ : *τὰ ζῷα τρέχει* ‘животные бегут’. Форма третьего лица единственного числа сказуемого (в данном случае *τρέχει*), сочетающаяся с формой множественного числа среднего рода подлежащего, является, без сомнения, немаркированным членом оппозиции по числу, а форма множественного числа (*τρέχουσιν*) — маркированным членом. Множественное число существительных среднего рода создаёт позицию нейтрализации данных оппозиций.

Чаще всего нейтрализацию грамматических единиц обуславливает не столько позиция, сколько более широкий контекст и ситуация. Например, к студенческой аудитории всегда можно обратиться словами *Gerbiاميةji studentai!* ‘Уважаемые студенты!’ — даже тогда, когда в ней нет ни ни одного лица мужского пола. А обращение *Gerbiamosios studentės!* ‘Уважаемые студентки!’ будет правильным и серьёзным только в том случае, когда в аудитории нет ни одного мужчины. Следовательно, оппозиция по роду в некоторых случаях нейтрализуется, и немаркированным её членом является мужской род, а маркированным — женский. Об этом, кстати, свидетельствует и относительная частота родов в связных текстах: в текстах литовской публицистики существительные мужского рода примерно в полтора раза более частотны, чем существительные женского, местоимения мужского рода встречаются в два раза чаще, чем женского [Жилинскене 1979: 10; Žilinskienė 1990: 170].

Само собой разумеется, что такие нейтрализуемые оппозиции единиц содержания можно считать корреляциями (см. [Булыгина 1964: 103–110 и указ. лит.]).

§ 157. Корреляции характерны и для лексических и семантических единиц языка (ср. [Lyons 1977: т. 1, 305–311]). Они нейтрализуются особенно часто: маркированные члены таких корреляций употребляются только тогда, когда этого обязательно требует ситуация. В качестве примера можно привести такие пары слов: *avīs* ‘овца’ : *āvinas* ‘баран’, *šuo* ‘собака’ : *kalė* ‘сука’, *kiaulė* ‘свинья’ : *kuilys* ‘хряк’, *žąsis* ‘гусь’ : *žąsinas* ‘гусак’. Почти всегда литовцы скажут *Pamačiaũ būrij avių (šunių, kiaulių, žąsų)* ‘Я увидел несколько овец (собак, свиней, гусей)’ и только в самых исключительных, с трудом вообразимых случаях — *Pamačiaũ būrij avinų (kalių,*

kuiliũ, žqsinũ) ‘Я увидел несколько баранов (сук, хряков, гусаков)’. Так мы скажем даже и в том случае, когда среди этих животных и действительно будет значительно больше баранов (сук и т. д.). Следовательно, немаркированными членами этих корреляций являются *avìs, šuõ, kiaũlè, žqsis*, а маркированными, употребляющимися только в особых случаях членами *ãvinas, kalẽ, kuilỹs, žqsinas*⁹⁴. Нередки и пучки корреляций с одним немаркированным и двумя маркированными членами, ср. *arklỹs* ‘лошадь’ : *kumèlè* ‘кобыла’ : *eřžilas* ‘жеребец’, где немаркированным членом, несомненно, следует считать *arklỹs*.

В пучки корреляций особенно часто объединяются синонимы — слова, отличающиеся друг от друга только так называемыми коннотативными значениями. Одни из них обычно бывают немаркированными (нейтральными)⁹⁵, другие положительно маркированными, третьи — отрицательно маркированными, ср. *kareĩvis* ‘солдат’ (немаркированный) : *karžygỹs* ‘богатырь, герой’ (положительно маркированный) : *karėiva* ‘войка’ (отрицательно маркированный).

Как мы видим, нейтрализация позволяет ещё раз вспомнить об изоморфизме единиц плана выражения и содержания (ср. § 103 и 115).

§ 158. От нейтрализации следует отличать синкретизм — тождественность плана выражения, или омонимию, некоторых грамматических форм, напр.: лит. *mũdu* ‘мы оба (Nom. Du.)’ = *mũdu* ‘нас обоих (Acc. Du.)’, *vũrai* ‘мужчины (Nom. Pl.)’ = *vũrai* ‘мужчины (Voc. Pl.)’, рус. *людéй* (Gen. Pl.) = *людéй* (Acc. Pl.), *ókna* (Nom. Pl.) = *ókna* (Acc. Pl.), санскр. *sũnoř* ‘сына (Gen. Sg.)’ = *sũnoř* ‘сына (Abl. Sg.)’ и т. д. Но резкой границы между этими явлениями нет: один и тот же факт нередко может трактоваться и как нейтрализация, и как синкретизм⁹⁶.

I) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

---

⁹⁴ Стоит отметить, что эти отношения не являются такими мотивированными, как могло бы показаться с первого взгляда. Например, немаркированным членом корреляции *katẽ* ‘кошка’ : *kãtinas* ‘кот’ для большинства аукштайтов является *katẽ*, а для жемайтов — *kãtinas*. Поэтому, услышав характерный шум и мяуканье, аукштайты говорят *Susipjovè kãtès* ‘Сцепились кошки’, жемайты — *Susipjovè katinaĩ* ‘Сцепились коты’. Первое выражение кажется комичным жемайтам, второе — аукштайтам.

⁹⁵ Это так называемая доминанта синонимического ряда.

⁹⁶ В основной теоретической работе по глоссематике, [Ельмслев 1960b: 343ff.], раздел о нейтрализации даже имеет заголовок «Синкретизм».

§ 159. Рассмотрев регулярные ограничения дистрибуции фонем и их оппозиций, следует вспомнить следующие важнейшие обобщения.

1. Регулярное неразличение фонем или целых их классов в определённых позициях называется нейтрализацией. В большинстве случаев члены нейтрализуемых оппозиций связаны отношениями перекрёстной дистрибуции.

2. Позиции, в которых различаются все фонемы, называются сильными позициями (или позициями релевантности), а позиции, в которых они регулярно не различаются, — позициями нейтрализации (слабыми).

3. Общие признаки членов нейтрализуемых оппозиций образуют архифонемы, выполняющие дистинктивную функцию в позициях нейтрализации.

4. Фонема, похожая на звук, встречающийся в позиции нейтрализации, не зависящей от влияния соседних фонем (на конце слова, в безударном слоге и проч.), является немаркированным членом нейтрализуемой оппозиции; фонема, не имеющая такого соответствующего звука в данной позиции, является маркированным членом оппозиции. По своим отличительным звуковым признакам немаркированный член оппозиции совпадает с архифонемой.

5. Немаркированные члены оппозиций в связной речи почти всегда бывают более частотными, маркированные — более редкими. Часто оппозиции других фонем нейтрализуются только перед маркированными членами.

6. Пропорциональные нейтрализуемые оппозиции образуют корреляции, которые могут объединяться в более сложные комбинации — пучки корреляций. Признак, которым маркированный член отличается от немаркированного, является признаком корреляции.

7. Нейтрализация, как и синтагматические отношения фонем, позволяет установить естественные классы фонем.

8. Нейтрализация и коррелятивные отношения свойственны не только фонемам, но и единицам плана содержания.

§ 160. В заключение следует сделать ещё два замечания.

1. По-видимому, во всех языках существует факультативная нейтрализация многих оппозиций — особенно в эллиптической

или редуцированной связной речи (см., напр., [Zabrocki 1965: 600–602])⁹⁷: в потоке речи оппозиции обычно реализуются только с такой мерой отчётливости и регулярности, которая необходима для правильного понимания содержания. Факультативная нейтрализация может быть и результатом конкурирующих стилистических и социолингвистических норм, и просто отражением синхронической динамики (ср. [Weinstock 1981: 283–286]).

2. Нейтрализация представляет собой очень важную промежуточную ступень между синтагматическими и парадигматическими отношениями фонем. Она, как и правила фонотактики (синтагматических отношений), ограничивает и регулирует дистрибуцию фонологических единиц и одновременно выявляет такие чисто парадигматические явления, как маркированные и немаркированные члены оппозиций, корреляции, признаки корреляций. Выделяя признаки корреляций, мы в действительности уже начинаем членить фонемы на дифференциальные признаки, т. е. трактовать их не как монолитные единицы, а как симультантные сочетания более мелких единиц.

4. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А) ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 161. Как уже говорилось (см. § 88–89), парадигматические отношения, или оппозиции, существуют между такими фонемами, которые могут заменить друг друга в одних и те же позициях и поэтому различают слова либо их формы. Кроме уже упомянутых примеров, здесь можно ещё привести такую группу слов, отличающихся одной фонемой: *sùsti* ‘паршиветь’ : *siùsti* ‘беситься’ : *šùsti* ‘преть’ : *pùsti* ‘раздуваться’ : *bùsti* ‘пробуждаться’ : *tùsti*

---

⁹⁷ Шведский психоллингвист П. Линелл убедительно показал, что факультативная нейтрализация встречается в подчёркнуто чётком (англ. *sharpened, elaborated*) произношении [Linell 1979: 55, 100 и указ. лит.]. Об этом всегда необходимо помнить при интерпретации результатов фонетических экспериментов и коммутационных тестов: ведь они, можно сказать, всегда основываются как раз на таком произношении (т. н. полный стиль речи).

‘слипаться’ : *dùsti* ‘задыхаться’ : *kùsti* ‘поправляться’ : *gùsti* ‘приучаться’ : *jùsti* ‘ощущать’ : *rùsti* ‘буреть; рыжеть’. Отношения их первых фонем можно изобразить так:

/s ù š t̃ i/

/š/

/š/

/p/

/b/

/t/

/d/

/k/

/g/

/j/

/r/

Существенной разницы между оппозициями, различающими слова, и оппозициями, различающими словоформы, нет: одни и те же фонемы могут различать и слова, и формы. Например, в литературном литовском языке такие оппозиции, как /a:/ : /u:/, /u:/ : /o:/, /t/ : /m/, различают слова *ãsq* ‘ушкó (Acc. Sg.)’ : *ũsq* ‘ус (Acc. Sg.)’, *kùrè* ‘(он) создавал’ : *kórè* ‘(он) вешал’, *tárška* ‘тараторка’ : *márška* ‘простыня’ и формы *výrq* ‘мужа (Acc. Sg.)’ : *výru* ‘мужей’ : *výro* ‘мужа (Gen. Sg.)’, *vėžat* ‘везёте’ : *vėžam* ‘везём’. В восточноаукштайтском утянском говоре /m/ : /n/ различают и слова *maří.nîťæ*. «*marinti*» ‘морить’ : *naří.nîťæ*. «*narinti*» ‘делать петлю’, и формы *ruĩ.kam* «*raĩkoms, raĩkomis*» ‘рукам, руками’ : *ruĩ.kan* «*raĩkon*» ‘в руку’. В жемайтском диалекте такую двойную функцию могут выполнять даже, например, оппозиции /k/ : /g/ и /š/ : /ž/, напр.: с.-жем. *kô.t* «*kùlia*» ‘молотит’ : *gô.t* «*gùli, gùla*» ‘лежит, ложится’, *šàlì* «*šqli*» ‘мёрзнешь’ : *žàlì* «*žalià*» ‘зелёная’ и *dèk* «*dèk*» ‘гори’ : *dèg* «*dèga*» ‘горит’, *vèš* «*vèš*» ‘будет везти’ : *vėž* «*vėža*» ‘везёт’.

Однако некоторые оппозиции могут чаще различать словообразовательные и грамматические значения, чем лексические. Этим, как уже говорилось (§ 136), отличается тембровая корреляция литовских согласных, которая чаще всего дифференцирует однокоренные слова различных словообразовательных моделей или грамматические формы слов, ср.: *pliko* ‘(он) лысел’ : *plikio* ‘лысого человека’, *gražùs* ‘красивый’ : *gražiùs* ‘красивых (Acc. Pl. m.)’, *taisaũ* ‘чиню’ : *taisiaũ* ‘(я) чинил’ и т. д. В северно-

жемайтском диалекте оппозиция /e/ : /i/ также выполняет сходную роль, поскольку данные фонемы, за редкими исключениями, противопоставлены только в окончаниях, ср.: *brúol^e* «*brólio*» ‘брата (Gen. Sg.)’ : *brúolⁱ* «*bróli*» ‘брата (Acc. Sg.)’, *ná.šl^e* «*nāšlio*» ‘вдовца (Gen. Sg.)’ : *ná.šlⁱ* «*našli*» ‘вдовца (Acc. Sg.)’. В других позициях либо используется почти всегда только [e], либо [e] и [i] находятся в отношении дополнительной дистрибуции — и в том, и в другом случае их оппозиция нейтрализуется (см. § 153). Такие оппозиции иногда называются морфологизованными (см. [Вахек 1964: 182 и указ. лит.]).

Чаще встречаются оппозиции, выполняющие только функцию различения лексических явлений. Например, такая оппозиция, как венг. /a/ : /e/, не может различать форм, поскольку из-за сингармонизма в аффиксах она неизбежно претерпевает нейтрализацию (ср. § 138). Оппозиции подобного типа можно называть лексикализированными (см. [Вахек 1964: 182]).

Так как и лексические, и грамматические значения относятся к плану содержания языка, различие между морфологизованными и лексикализированными оппозициями не настолько важно, чтобы в фонологии подчёркивать его специальными терминами. Эти термины могли бы пригодиться разве что исследователям морфонологии.

В) ОППОЗИЦИИ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ

§ 162. Исследование синтагматических отношений показало, что фонемы образуют реальные оппозиции только тогда, когда они принадлежат одному синтагматическому классу, или парадигме⁹⁸. Члены так называемых косвенных оппозиций (напр., англ. /h/ и /ŋ/; см. § 60) дистинктивную функцию выполняют только в том смысле, что помогают формировать различные планы выражения более крупных, чем фонема, единиц (напр., слов).

---

⁹⁸ М. В. Панов этим термином называет только такой класс звуков, члены которого участвуют в общих чередованиях [Панов 1967: 5]. Но это весьма индивидуальная точка зрения (ср. также [Реформатский 1970: 87–88]).

Их отношения являются скорее синтагматическими, чем парадигматическими.

В литовском языке только косвенные оппозиции возможны между любой гласной и любой согласной фонемой. Это совершенно несоотносимые классы фонем. Правда, с первого взгляда могло бы показаться, что такие пары слов, как *avìs* ‘овца’: *švìs* ‘будет светать’, *surẽs* ‘поставит сруб’: *sprẽs* ‘решит’, противоречат данному утверждению: ведь эти слова различаются только элементами /a/ : /š/, /u/ : /p/. Однако на самом деле первые слова указанных пар целиком противопоставлены вторым как двусложные односложным⁹⁹. Следовательно, здесь парадигматические отношения существуют между словами, а не отдельными их фонемами. Оппозиции фонем самостоятельно выполняют дистинктивную функцию только тогда, когда слова не отличаются ни количеством слогов, ни порядком их следования, ни просодическими характеристиками. Когда не выполняются эти условия, фонемы находятся в различных позициях (в данном случае — в различных слогах) и потому самостоятельной дистинктивной функции выполнять не могут (ср. [Шаумян 1962: 73]).

Такое положение существует в большинстве языков. Исключение иногда составляют только вышеупомянутые согласные типа [r l m n] (см. § 101), которые в отдельных языках могут играть роль центра слога и тем самым противопоставляются гласным, ср. санскр. *akṣas* ‘ось’: *ṛkṣas* ‘медведь’, *vākas* ‘говорящий’: *ṛkas* ‘волк’, *viṣas* ‘раб’: *ṛṣas* ‘самец, бык’¹⁰⁰ (см. также § 101).

А) ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СОГЛАСНЫХ ЛИ- ТОВСКОГО ЯЗЫКА

§ 163. В литовском языке наименьшей парадигмой консонантных фонем является синтагматический подкласс *S* в начале

---

⁹⁹ Ничем не обоснованную противоположную точку зрения см. [Перебийніс 1970: 49–51 и 188], где оппозиции гласных и согласных даже демонстрируются такими «минимальными парами» *а́рт* : *торт*, *а́ул* : *гул*.

¹⁰⁰ Но даже в таких языках (напр., словацком, чешском) слоговые сонанты не используются как план выражения самостоятельных слов [Novák 1966: 130].

слога в позициях типа [(#)—T]. В этом классе противопоставлены только либо /s/ и /š/, либо (крайне редко) /z/ и /ž/, /z̃/ и /ž̃/. Согласные /s/ и /z/, /š/ и /ž/ и тем более /s/ и /š̃/, /š/ и /š̃/ и т. д. здесь не могут контрастировать, поскольку перед согласными подкласса *T* их оппозиции нейтрализуются. Точнее говоря, здесь функционируют только две архифонемы: /S/ и /Š/ — согласные /s z š ž/ и /š ž š̃ ž̃/ являются представителями этих архифонем.

Надёжных минимальных пар, в которых данные согласные противопоставлялись бы в начале слова, не существует, но реальность их оппозиции видна и из примеров типа *spýgauti* ‘взвизгивать’ : *špýgą* ‘кукиш (Acc. Sg.)’, *staĩgūs* ‘внезапные’ : *štaĩ* ‘вот’. Потенциальное слово **spygà* литовцы восприняли бы не как вариант слова *špygà* ‘кукиш’, а, скорее всего, как неизвестный пейоратив общего рода, образованный от *spiẽgti* ‘визжать’ (кроме того, ср. *stùką** ‘кусок (Acc. Sg.)’ : *štùką** ‘штука (Acc. Sg.)’). Данные оппозиции проявляются в неначальных слогах, ср.: *kar̃-stų* ‘(он) горкнул бы’ : *kar̃-štu* ‘(он) чесал бы (лён)’, *kar̃-[z]da-vo* ‘(он) горкнул (прош. многокр.)’ : *kar̃-[ž]da-vo* ‘(он) чесал (прош. многокр.)’, *rì-ski-tès* ‘катитесь’ : *rì-ški-tès* ‘повязывайте (себе)’ (по поводу границ слога см. § 121–123).

Описать оппозиции фонем — значит указать их дифференциальные признаки. В данном случае эти признаки нам подсказывает нейтрализация, происходящая перед /č̃/ и /ž̃/, ср. *rì-sti* ‘катить’ ≠ *rì-šti* ‘вязать’, но *rì-[š̃]čiau* «*rìščiau*» ‘(я) катил бы’ = *rì-[š̃]čiau* «*rìščiau*» ‘(я) вязал бы’ (см. § 154). Маркированный член указанной оппозиции (или, точнее говоря, корреляции) /š̃/ (также и /ž̃/) отличается от немаркированного /š/ (также и /ž/) следующими артикуляторными признаками (ср. [Vaitkevičiūtė 1957: 47–56]): а) более высоким подъёмом кончика языка, б) вторым фокусом артикуляции, т. е. дополнительным подъёмом средней части языка к нёбу, в) отсутствием характерной продольной канавки в средней части языка. Особенно легко заметить первое различие. Произнося ряд звуков [š̃ š̃ š̃ š̃ š̃], носители литовского языка без труда почувствуют, что кончик языка периодически словно поднимается «на второй этаж», к альвеолам, и снова опускается «на первый этаж», к нижним зубам. На слух [š̃] кажется более низким, [š] — более высоким. Опираясь на слуховое впечатление,

Й. Яблонскис согласные типа [š ž] называл шипящими, а типа [s z] — свистящими.

Эти обуславливающие друг друга и неразрывно между собой связанные фонетические свойства и являются подлинными дифференциальными признаками рассматриваемых оппозиций. Но по соображениям удобства и простоты из таких комплексов обычно выбирается какое-либо одно свойство и в дальнейшем только оно считается дифференциальным признаком. На самом деле так выбранный признак служит только условной этикеткой¹⁰¹, сигнализирующей о наличии всего комплекса (см., напр., [Fant 1970: 52; Melikišvili 1976: 126–131; Romportl 1970: 18; 1977, 240; Джапаридзе 1979: 102 et passim; Кодзасов 1982: 99, 103–106]). Как реальные дифференциальные признаки функционируют только более или менее сложные комплексы звуковых свойств (включая даже явления собственной просодии и признаки смежных сегментов [Бондарко 1979: 25]). Поэтому дифференциальный признак является, по сути, такой же абстракцией, как и фонема [Виноградов 1976: 302].

Условность значительно уменьшается, если при выборе «кандидата» в дифференциальные признаки (т. е. «этикетки») мы руководствуемся некоторыми объективными критериями: принимаем в расчёт отношения и признаки других оппозиций, с помощью определённых экспериментов выделяем свойство, оказывающее наибольшее влияние на восприятие (или распознавание) речевого акта и т. д. Но полностью избежать условности, должно быть, невозможно.

Дифференциальными признаками оппозиции /š̂/ : /ž̂/ (а также /z/ : /ž/, /s/ : /š/, /ẑ/ : /ž̂/ и др.) удобнее всего считать альвеолярную артикуляцию /š̂/ (а также /š/, /ž/, /ž̂/) и зубную артикуляцию /ẑ/ (а также /s/, /z/, /ẑ/). Наличие двух фокусов артикуляции у /š̂ š̂ ž̂ ž̂/, противостоящее одному фокусу (/š̂ s ž̂ z/), можно считать несущественным признаком, поскольку в данной позиции и вообще в подклассе *S* нет такой фонемы, которая отличалась бы от других альвеолярной однофокусной артикуляцией. Соответствующим

---

¹⁰¹ Поэтому некоторые лингвисты (напр., американец А. А. Хилл [Hill 1972: 243]) совершенно обоснованно предлагали такие признаки называть не дифференциальными, а просто классификационными.

щими аудитивными (слуховыми) признаками являются «шипящий» (/š š̃ ž ž̃/) — «свистящий» (/s̃ s̃ ž̃ z̃/).

§ 164. Другую немногочисленную парадигму согласных мы имеем в позиции [(#)S—R]. Здесь противопоставляются согласные подкласса *T* (/k/ : /t/ : /p/) и — исключительно редко — /g/ : /d/ : /b/ (см. § 109), ср.: *skrándaq* ‘тулуп (Acc.Sg.)’ : *sprándaq* ‘шею’, *strakséti* ‘подпрыгивать’ : *spragséti* ‘потрескивать’. Встречающийся в этой позиции мягкий [p̃] представляет архифонему оппозиции /p/ : /p̃/ и самостоятельной дистинктивной функции не выполняет, ср.: *strigtas* ‘приманка; падаль’ : *s[p̃]rigtas* ‘щелчок’. Мягкий [t̃], разумеется, является только аллофоном /t/. Минимальных пар, свидетельствующих об оппозиции /t/ : /k/, по видимому, нет, но о её реальности говорят слова типа *skrābalas* ‘побрякушка’ : *strākalas* ‘попрыгун’.

Анализ синтагматических отношений (см. § 110, 154) показал, что эти согласные группируются в следующем иерархическом порядке: /p b/ : (/k g/ : /t d/); /p b/ образуют сравнительно самостоятельную группу, синтагматически противопоставленную группе /k g t d/, затем группа /t d/ отделяется от /k g/, отличающихся наиболее широкой дистрибуцией. Теперь достаточно приписать каждой группе подходящий фонетический признак — и мы получим иерархически упорядоченную микросистему дифференциальных признаков, характерную для согласных подкласса *T*.

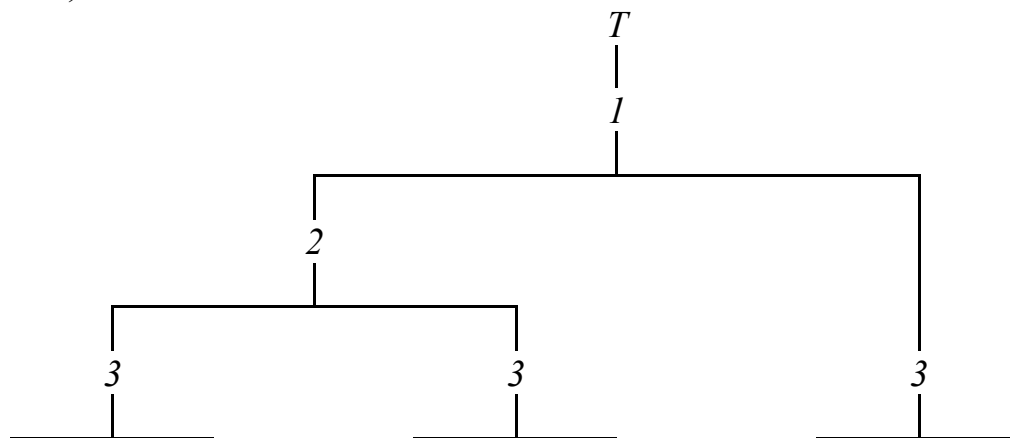
Согласные /p b/ отличаются от других членов подкласса *T* губной (или, точнее говоря, губно-губной) артикуляцией. При их произнесении губы образуют сплошную, резко устраняемую преграду. При произнесении других членов этой парадигмы преграду образуют не губы, а язык: /t d/ артикулируются кончиком языка, поднятым к верхним зубам или к альвеолам (ср. *strākalas* ‘попрыгун’, *strigti* ‘застревать’), /k g/ — задней частью языка, прижатой к мягкому нёбу. Следовательно, /p b/ обладают дифференциальным признаком «губной», /k g t d/ — противоположным ему признаком «негубной». Согласные /t d/ отличаются от /k g/ дифференциальным признаком «переднеязычный», противостоящим признаку «заднеязычный» или просто «непереднеязычный». На первый взгляд, более удобными кажутся термины «зубной» — «незубной», поскольку мы их почти приписали оппозициям типа

/s/ : /š/. Но его мы не сможем выбрать, так как у /t d/ есть альвеолярные аллофоны, встречающиеся в позициях типа [—r], ср. [stràkałas], [štĩ·pas] (см. § 59 и 181). Дифференциальными признаками можно считать только те свойства звуков, которые являются общими для всех аллофонов.

Учитывая вышеупомянутую синтагматическую классификацию и иерархию, можно считать, что и дифференциальные признаки организованы сходным иерархическим образом. Следовательно, прежде всего губные /p b/ противопоставлены негубным (язычным) /t d k g/ (1), затем в группе негубных переднеязычные /t d/ противопоставлены непреднеязычным (задним) /k g/ (2).

Данную классификацию можно изобразить той же самой дендрограммой, которая приведена при анализе сочетаний рассматриваемых фонем с фонемами класса *R* (§ 110). Только теперь можно сказать, что первое (1) разветвление соответствует паре дифференциальных признаков «губной» — «негубной» («язычный»), а второе (2) разветвление — паре признаков «переднеязычный» — «непереднеязычный» («задний»). Дальнейшая классификация и дифференциальные признаки определяются в данной позиции нейтрализацией слабо представленной корреляции звонкости (ср. *aĩ-strą* ‘страсть (Acc. Sg.)’ : *žai-zdraą* ‘горн (Acc. Sg.)’). Признаки корреляции одновременно являются и дифференциальными (см. § 155 и 160), — значит, /g/ и /k/, /d/ и /t/, /b/ и /p/ противопоставлены как «звонкие» — «глухие» («незвонкие») согласные.

Теперь наша дендрограмма выглядит так (рис. 15; правые ветви соответствуют положительным признакам, левые — отрицательным).

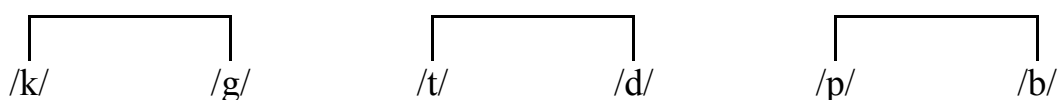

Рис. 15. Классификация согласных подкласса *T*

Дендрограмма интересна тем, что она одновременно показывает и дифференциальные признаки фонем, и особенности их фонотактики. Те согласные, которые имеют признак «губной», не употребляются в эксплозивных группах перед /v/, но могут появляться перед /j/. Негубные согласные, имеющие дифференциальный признак «переднеязычный», в начальных эксплозивных группах не встречаются перед /l/ — противопоставленные им заднеязычные могут употребляться перед всеми согласными класса *R*, кроме /j/. Оппозиция согласных по дифференциальным признакам «звонкий» — «глухой» (3) реализуется только перед гласными и сонорными согласными: в других местах она нейтрализуется (т. е. вроде как и исчезает) и дистинктивную функцию выполняют только безразличные к звонкости и глухости архифонемы. Это исчезновение признаков в некоторых позициях и определяет их низкое положение в общей иерархии синтагматических отношений — и чем больше позиций нейтрализации, тем ниже это положение.

§ 165. В позиции [(#)—R] одну парадигму составляют согласные подклассов *S* и *T*, т. е. весь класс *C*, напр.: *svarùs* ‘веский’ : *švarùs* ‘чистый’ : *tvarùs* ‘устойчивый’ : *dvarùs* ‘усадыбы (Acc. Pl.)’ (ср. *žvalùs* ‘бодрый’, *gvaĩbti* ‘лишиться сознания’), *žlùgti* ‘проваливаться’ : *plùkti* ‘заливаться’ : *blùkti* ‘блѣкнуть’, *slėgti* ‘давить’ : *plėkti* ‘плесневеть’, *plėsti* ‘расширять’ : *blėsti* ‘гаснуть’ : *klėsti* ‘окутывать’, *klaũs* ‘будет спрашивать’ : *glaũs* ‘будет прижимать’. Из согласных типа *C* здесь не противопоставлены мягкие и твёрдые: их оппозиция перед согласными нейтрализуется (*žlùgti* = /žlùkti/ ‘провалиться’, *žliùgti* = /žlùkti/ ‘мокнуть’; ср. § 136, 150 и табл. 14).

Эта парадигма от обсуждавшихся ранее отличается в двух отношениях. Во-первых, здесь противопоставлены фонемы /s/ и /z/, /š/ и /ž/ (точнее, безразличные к палатализации архифонемы /s/ : /z/, /š/ : /ž/), ср.: *sveĩbti* ‘болеть, ныть’ : *zveĩbti* ‘жужжать’, *šliaũkti* ‘сметать’ : *žliaũgti* ‘литься струёй’. Эти оппозиции не требуют новых дифференциальных признаков, поскольку они разли-

чаются той же самой «звонкостью» — «глухостью» («незвонкостью»), что и /p/ : /b/, /t/ : /d/, /k/ : /g/ из второй парадигмы. Во-вторых, здесь все члены подкласса *S* противопоставляются членам подкласса *T*. Для описания их парадигматических отношений достаточно указать признаки, общие и тому, и другому подклассу.

Сопоставление наиболее близких в артикуляторном и ауди- тивном отношении членов подклассов *S* и *T* — например, /s/ и /t/, /z/ и /d/, /š/ и /k/, /ž/ и /g/ — показывает, что при произнесении звуков типа *S* органы речи значительно сближаются, но не образуют сплошной преграды — воздух с начала до конца может проходить сквозь щель в фокусе произнесения (у зубов или аль- вол) с характерным шумом. Преграда преодолевается выдувани- ем воздуха сквозь щель. При произнесении согласных подкласса *T* органы речи в фокусе произношения (в области губ, мягкого нёба, зубов или альвеол) образуют сплошную преграду. При рез- ком раскрытии основного или побочного прохода¹⁰² воздух резко вырывается изо рта со звуком, напоминающим взрыв.

Следовательно, по характеру преграды члены класса *S* мож- но называть щелевыми или «звуками сужения», члены класса *T* — смычными или «звуками закрытия». Но более привычными являются термины «фрикативные» (*S*) и «взрывные» (*T*), опреде- ляющие звуки по способу произношения (или преодоления пре- грады). С точки зрения фонологии, разумеется, несущественно, какие термины будут выбраны. Выберем мы одни признаки или другие — всё равно они будут только этикетками сложного ком- плекса артикуляций. Далее мы придерживаемся традиционной точки зрения, что согласные подклассов *S* и *T* различаются парой дифференциальных признаков «фрикативный» — «взрывной» («нефрикативный»). Поскольку эти признаки различают самые крупные синтагматические классы, то в иерархии парадигмати- ческих отношений они должны занять самое высокое место.

---

¹⁰² Имеются в виду носовые (фаукальные) и боковые (латеральные) ал- лофоны взрывных согласных, напр.: *putnóti* [p°utn°ó·tî] ‘звать (кур)’, *putlùs* [p°utl°ùs] ‘пухлый’, *liūdnas* [lî°ũ·dnas] ‘грустный’, *atlùpti* [atl°ùp̄tî] ‘отодрать’, *vedlÿs* [vêdlÿ·s] ‘поводырь’.

Следовательно, согласные в позиции [(#)—R] прежде всего различают дифференциальные признаки «фрикативный» (/s z š ž/) — «взрывной» («нефрикативный») (/t d k g p b/). На основании частотности и теории так называемой универсальной маркированности (см., напр., [Chomsky, Halle 1968: 412; Postal 1968: 190; Gamkrelidze 1978: 32; Jakobson, Waugh 1978: 32]) маркированными следует считать фрикативные согласные: хотя /s/ и очень частотен, щелевые в целом более редки, чем взрывные [Karosienė, Girdenis 1993: 33 = Girdenis 2001: 70].

Фрикативные согласные далее подразделяются на «зубные» /s z/ и «альвеолярные» /š ž/, а каждая из этих групп — на звонкие (/z/ и /ž/) и незвонкие (глухие) (/s/ и /š/) и т. д. Дальнейшие дифференциальные признаки и парадигматические отношения взрывных согласных уже обсуждались (см. § 164).

Помимо рассмотренных согласных, в позиции [(#)—R] в нескольких редких словах встречаются /č ž̃/, /č ž/ и даже /č ž̃/, /c z/, напр.: *čmikis* ‘удар’, *čviktelėti* ‘ударить’, *džvīkti* ‘сцепляться’, *cvaksėti* ‘биться’. Все примеры такого типа являются либо звукоподражаниями, либо заимствованиями, поэтому принадлежат к периферии языка. Первым согласным в этих сочетаниях можно приписать специальный дифференциальный признак «аффриката», отличающий их от других взрывных (т. е. от согласных класса *T*, ср. § 120), либо можно считать /č ž̃ č ž̃ č ž̃ с z/ звуками, промежуточными между взрывными и фрикативными, т. е. обладающими и признаком «взрывной», и признаком «фрикативный» (ср. [Степонавичюс 1979: 154; 1982а: 72–73 (табл. 7)]).

§ 166. В позиции [T—V] противопоставляются только согласные класса *R*, напр.: *tvānas* ‘потоп’ : *trānas* ‘трутень’; *tveñkti* ‘запруживать’ : *treñkti* ‘ударить’. Почти все возможные оппозиции реализуются только после /k/, напр.: *kraīkas* ‘подстилка’ : *klaīkas* ‘ужас’, *kriōkti* ‘хрипеть’ : *kliōkti* ‘выливаться’, *krāpas* ‘укроп’ : *knāpas* ‘разиня’ : *kvāpas* ‘запах’, *klóti* ‘стелить’ : *knóti* ‘обдирать’ (ср. также *pláuti* ‘мыть’ : *pjáuti* ‘резать’, *kmūnas* ‘тмин’ : *klūnas* ‘клин’). Перед гласными заднего ряда здесь уже возможна и тембровая корреляция, ср.: *plūskė* ‘маленькая рыбка, схожая с краснопёркой’ : *pliūskė* ‘полено’, *kan-trūs* ‘терпеливый’ : *kan-triūs* ‘терпеливых (Асс. Pl. m.)’, *pu-tniūs* ‘пухлый’ : *pu-tniūs* ‘пухлых (Асс. Pl. m.)’.

Синтагматические отношения (см. § 110) позволяют разделить класс R так: $/(n : m) : ((r : l) : (v : j))/$ или, точнее говоря, $(((n : \hat{n}) : (m : \hat{m})) : (((r : \hat{r}) : (l : \hat{l})) : ((v : \hat{v}) : j)))/$. Не занимаясь более детальным анализом, этим классам мы можем приписать такие пары дифференциальных признаков: 1) «носовые» $/m \hat{m} n \hat{n}/$ — «неносовые» $/l r v j/$, 2) «щелевые» $/v j/$ ¹⁰³ — «нешелевые» («плавные») $/l r/$.

Согласные $/v \hat{v}/$ и $/m \hat{m}/$ по фокусу произношения и по активному артикулирующему органу являются губными, а противопоставленные им $/n \hat{n}/$ и $/j/$ — негубными (или язычными). Описывать фонемы $/n \hat{n}/$ как переднеязычные или зубные нельзя, так как они (правда, не в данной позиции) могут реализовываться и заднеязычными (нёбными) аллофонами $[ŋ \hat{ŋ}]$ (см. § 56–58)¹⁰⁴. Для согласных $/l \hat{l}/$ и $/r \hat{r}/$ можно воспользоваться дифференциальными признаками фонем типа $/s/$ и $/š/$ «зубной» ($/l \hat{l}/$) — «альвеолярный» ($/r \hat{r}/$) либо «двухфокусный» ($/l \hat{l}/$) — «однофокусный» ($/r \hat{r}/$). Согласные $/l \hat{l}/$ имеют два фокуса произношения: языковой и велярный: при их произнесении кончик языка образует сплошную преграду у зубов, а задняя или средняя часть поднимается к мягкому или твёрдому нёбу; воздух выходит через опущенные края языка (или один край). Согласные $/r \hat{r}/$ артикулируются кончиком языка, который периодически образует и устраняет одну-две, а иногда три, краткосрочные преграды (т. е. дрожит) у альвеол. Однако $/r \hat{r}/$ правильно идентифицируются и тогда, когда дрожит не язык, а язычок (увула), поэтому, видимо, дрожащий характер артикуляции важнее, чем место артикуляции. А раз так, то оппозиции $/l \hat{l}/ : /r \hat{r}/$ следует, скорее, приписать дифференциальные признаки «дрожащий» ($/r \hat{r}/$) — «недрожащий» ($/l \hat{l}/$). Однако если мы будем смотреть на дифференциальные признаки только как на условные этикетки, сигнализирующие об определённых звуковых свойствах, то легко сможем вы-

¹⁰³ В некоторых русских говорах оппозиция $/v \hat{v}/ : /j/$ нейтрализуется или даже дефонологизуется (см. [Касаткин 1966]). Это, без сомнения, указывает на большую близость фонем и соответствующих звуков такого типа.

¹⁰⁴ И фонемы $/m \hat{m}/$ нельзя считать губно-губными: у них есть губно-зубные аллофоны $[m \hat{m}]$, напр.: *limfa* [*límfa*] ‘лимфа’, *Kròmvelis* [*krómvelis*] ‘Кромвель’. Наконец, даже и $[p \hat{p}]$ могут произноситься как губно-зубные звуки — например, в словах *apvalis* ‘округлый’, *apvúle* ‘(он) разочаровал’.

братъ и не такую уникальную пару признаков, а именно «зубной» — «альвеолярный». Конечно, и в случае подобного выбора нельзя забывать, что альвеолярный член данного класса произносится как дрожащий согласный.

Последние дифференциальные признаки, необходимые для данной парадигмы, — это «мягкий» — «немягкий» («твёрдый»). Это признак уже хорошо известной тембровой корреляции /l/ : /l̃/ = /r/ : /r̃/ = /n/ : /ñ/ и т. д. (см. § 136 и сн. 65). Согласный /j/ в данной корреляции вообще не участвует, а /v/ : /ṽ/ и /m/ : /m̃/ противопоставлены только в неначальных слогах, ср.: *er-dviùs* ‘просторный’ : *er-dviùs* ‘просторные (Acc. Pl. m.)’, *j-sa-kmiùs* ‘определённый’ : *j-sa-kmiùs* ‘определённые (Acc. Pl. m.)’.

Итак, мы получили такие дифференциальные признаки согласных класса *R*: 1) «носовой» — «неносовой», 2) «фрикативный» — «нефрикативный», 3) «губной» — «негубной», 4) «зубной» — «альвеолярный» («незубной»), 5) «мягкий» — «немягкий» («твёрдый»). Все эти признаки, кроме второго, дифференцируют и согласные других типов. Это весьма положительное свойство выбранной системы признаков: дифференциальные признаки тем ценнее, чем больше фонологических единиц они характеризуют и различают, и, конечно, чем реалистичнее и проще они описывают физические свойства звуков, являющихся представителями фонем.

§ 167. Ещё одна частная парадигма согласных представлена в позиции [S—V], где встречаются согласные типа *T* и *R*, напр.: *spãraq* ‘стропину’ : *stãraq* ‘суслика (Acc. Sg.)’ : *skãraq* ‘платок (Acc. Sg.)’ : *svãraq* ‘вес (Acc. Sg.)’, *spúogq* ‘прыщ (Acc. Sg.)’ : *slúogq* ‘груз, гнёт (Acc. Sg.)’ : *sliúogq* ‘оплывину’ : *srúogq* ‘локон (Acc. Sg.)’, *spirti* ‘пнуть’ : *stirti* ‘цепенеть’ : *skirti* ‘разделять’ : *svirti* ‘наклоняться’, *stiegti* ‘крыть крышу’ : *sriegt* ‘нарезать винт’. Это не случайное скопление фонем: все приведённые согласные составляют один аудитивный класс, противопоставленный фрикативным (ср. § 105, сн. 17). Перед гласными заднего ряда в позиции [S—V] возможна и тембровая корреляция, ср.: *slúogas* ‘груз, гнёт’ : *sliúogas* ‘оплывина’, а также *dra-skaũ* ‘раздираю’ : *dra-skiaũ* ‘(я) раздирал’, *lai-škũ* ‘писем’ : *lai-škiũ* ‘прогорклых’, *du-slùs* ‘глухой’ : *du-sliùs* ‘глухие (Acc. Pl. m.)’, *mi-šrùs* ‘смешан-

ный’ : *mi-šriùs* ‘смешанные (Acc. Pl. m.)’, *puo-žmùs* ‘свирепый’ : *puo-žmiùs* ‘свирепые (Acc. Pl. m.)’.

До сих пор мы рассматривали только взаимные оппозиции фонем классов *T* и *R*, т. е. такие, как *spāras* ‘стропилина’ : *svāras* ‘вес’, *stiegti* ‘крыть крышу’ : *sriegtī* ‘нарезать винт’ и т. д. Интуитивно легко вычислить дифференциальный признак этих классов. Согласные типа *T* являются совершенно немзыкальными звуками — это настоящие шумы и шуршание, и только иногда (в случаях /g d b/) у них есть небольшой тонический призвук. Согласные типа *R* /l r v j n m/ из всех согласных наиболее близки чисто музыкальным звукам. При их произнесении голосовые связки вибрируют, а шумы, образующиеся в ротовой полости, незначительны: воздух выходит без серьёзных препятствий. При артикуляции /v j/ основной проход достаточно свободен; при артикуляции /r/ этот проход осовбождается периодически; при артикуляции /n m/ и /l/ воздух выходит свободно через побочный проход (через нос или сбоку от языка).

Когда все согласные произносятся с приблизительно одинаковым артикуляционным усилием, члены класса *R* бывают более звучными, их лучше слышно. Поэтому данные звуки называют сонорными (от лат. *sonorus* ‘звонкий, звучный’) ¹⁰⁵. Употребляется и термин *сонанты* (от лат. *sonans* ‘звучащий’ — ср. [Зиндер 1979: 112–113 et passim]), но он несколько двусмысленен, поскольку сонантами нередко (особенно в индоевропеистике) называют только слогообразующие звуки типа [l r n m].

Общим дифференциальным признаком для согласных класса *R* может выступать сонорность, противопоставленная несонорности или шумности всех остальных согласных. Кроме того, поскольку сонорные согласные с точки зрения и синтагматики, и фонетики наиболее близки к гласным, можно считать, что они образуют промежуточный класс — следовательно, либо имеют и признак «гласный», и признак «согласный», либо не имеют ни того, ни другого признака. Но такое решение несколько сомнительно, поскольку — так или иначе — в литовском языке члены класса *R* не занимают позиций, характерных для гласных: нико-

---

¹⁰⁵ О сонорности звуков типа [j] и [v] в других языках см. также § 108 (сн. 29) и [Аванесов 1956: 186; Падлужны 1969: 96].

гда не бывают центральными элементами слога. Для санскритского, чешского, словацкого, сербохорватского языков такой вариант полностью приемлем, так как в них данные звуки могут функционировать и как гласные (см. § 101 и 162).

В остальном члены рассматриваемой парадигмы функционируют так же, как в других позициях: сонорные — совершенно так же, как в позиции типа [Т—V], несонорные (шумные) — как в позициях типа [S—R] и [(#)—R]. Только здесь, конечно, ещё добавляется признак тембровой корреляции «мягкий» — «немягкий» («твёрдый»), который в данных позициях нейтрализуется, ср. *dra-skaĩ* ‘раздираю’ : *dra-skiaĩ* ‘(я) раздирал’, *nuo-žmìs* ‘свирепый’ : *nuo-žmiùs* ‘свирепые (Асс. Pl. m.)’.

§ 168. Наконец мы добрались до основной позиции [(#)—V], в которой как члены одной парадигмы функционируют все согласные, ср.: *sùs* ‘будет паршиветь’ : *siùs* ‘будет беситься’ : *šùs* ‘будет преть’ : *žùs* ‘погибнет’ : *pùs* ‘будет раздуваться; будет гнить’ : *bùs* ‘будет’ : *tùs* ‘будет слипаться’ : *dùs* ‘будет задыхаться’ : *kùs* ‘будет поправляться’ : *kiùs* ‘будет разрушаться’ : *gùs* ‘будет привыкать’ : *čiùs* ‘будет успокаиваться’ : *džiùs* ‘будет сохнуть’ : *jùs* ‘вас (Асс.)’ : *mùs* ‘нас (Асс.)’ : *rùs* ‘будет ржаветь’. Строго говоря, абсолютно все согласные встречаются только перед гласными заднего ряда (т. е. в позициях типа [(#)—V^u]), так как перед гласными переднего ряда (в позиции [(#)—Vⁱ]) нейтрализуется корреляция по мягкости и в роли представителей архифонем выступают согласные, близкие палатализованным¹⁰⁶.

В данной позиции дистинктивную функцию выполняют все дифференциальные признаки согласных. Основу оппозиций и здесь составляют признаки, характеризующие синтагматические классы фонем. Когда какие-либо фонемы занимают позицию, характерную для своего синтагматического класса, они автоматически зависят от окружения — являются, так сказать, нерелевантными или редундантными (ср. [Sigurd 1968: 462]), поэтому

---

¹⁰⁶ Перед /i· ie/ они почти целиком совпадают с реализациями мягких фонем, а перед /i e ɛ· e/ очень зависят от говорящего и даже от происхождения его родителей. Например, люди с «сувалькской» диалектной базой во втором случае произносят промежуточные полумягкие согласные — полностью они смягчают только [k g] и отчасти — [š ž] (ср. § 143 и указ. лит.).

правила структуры сочетаний иногда называют правилами редунданции (см., напр., [Stanley 1967]). Когда же члены различных синтагматических классов оказываются в одной позиции, то признаки синтагматических классов функционируют как основные дифференциальные признаки соответствующих классов фонем.

Дифференциальные признаки, совпадающие с характеристиками синтагматических классов, можно проиллюстрировать такими минимальными парами.

‘Сонорный’ — ‘несонорный’ (1) (противопоставляются члены классов *R* и *C*): *jùsti* ‘чуют’ : *siùsti* ‘беситься’, *laũks* ‘будет ждать’ : *zaũks* ‘будет хныкать’, *leñkti* ‘гнуть’ : *žeñgti* ‘шагать’, *rāgas* ‘рог’ : *žāgas* ‘стог’, *vã-rio* ‘меди’ : *vã-žio* ‘выездных саней (Gen. Sg.)’, *rievē* ‘годовое кольцо (дерева)’ : *žievē* ‘кора’, *jaũsti* ‘чувствовать’ : *kiaũsti* ‘хиреть’, *jáunu* ‘молодым (Instr. Sg. m.)’ : *džíáunu* ‘вешаю для просушки’, *kal-và* ‘холм’ : *kal-bà* ‘язык, речь’, *vìrti* ‘варить’ : *bìrti* ‘сыпаться’, *małda* ‘молитву (Acc. Sg.)’ : *bałda* ‘предмет мебели (Acc. Sg.)’, *ki-miùs* ‘хриплых (Acc. Pl. m.)’ : *ki-biùs* ‘прилипчивых (Acc. Pl. m.)’, *nãro* ‘водолаза (Gen. Sg.)’ : *dãro* ‘делает’, *nìrti* ‘погружаться’ : *dìrti* ‘сдирать’, *lùpti* ‘драть’ : *dùbti* ‘вваливаться’, *leñkti* ‘гнуть’ : *deñgti* ‘покрывать’, *rantýtas* ‘зазубренный’ : *dantýtas* ‘зубастый’, *reñgti* ‘подготавливать’ : *deñgti* ‘покрывать’.

‘Щелевой’ — ‘нещелевой’ (2) (противопоставляются члены подклассов *S* и *T*): *sùkti* ‘крутить’ : *tùkti* ‘жиреть’, *sil̃pti* ‘слабеть’ : *til̃pti* ‘помещаться’, *šovà* ‘дупло’ : *kovà* ‘борьба’, *šiùrti* ‘ерошиться’ : *kiùrti* ‘продырявливаться’, *šítas* ‘этот’ : *kítas* ‘другой’, *šùsti* ‘преть’ : *pùsti* ‘раздуваться’, *širmas* ‘сивый’ : *pirmas* ‘первый’, *zýkti* ‘жужжать’ : *dýkti* ‘избаловываться’, *zilinti* ‘обтачивать’ : *dilinti* ‘истирать’, *žalià* ‘зелёная’ : *galià* ‘сила’, *žeĩsti* ‘ранить’ : *geĩsti* ‘вождедель’, *žùdo* ‘убивает’ : *bùdo* ‘(он) проснулся’, *žēbras* ‘пёстрый’ : *bēbras* ‘бобёр’. К этой группе относятся и оппозиции щелевых и соответствующих аффрикат (3): *siřpti* ‘зреть’ : *ciřpti* ‘стрекотать’, *šiùpti* ‘ветшать’ : *čiùpti* ‘хватать’, *žiáuna* ‘жабры (Acc. Sg.)’ : *džíáuna* ‘вешающие на просушку (Nom. Pl. m.)’¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Такое акцентуирование причастия является уже архаизмом, поэтому данная минимальная пара не совсем надёжна.

Встречающиеся только в заимствованных словах согласные со щелевой артикуляцией [f f̥], [x x̥] и [h h̥]¹⁰⁸ тоже могут противопоставляться взрывным, напр.: *fāktas* ‘факт’ : *pāktas* ‘пакт’, *chalvā* ‘халва’ [xalvā] : *kalvā* ‘холм’ (ср. также *hālę* ‘зал (Acc. Sg.)’ : *gāliq* ‘силу’, *fotogrāfių* ‘фотографов (Gen. Pl.)’ : *fotogrāfių* ‘фотографов-женщин (Gen. Pl.)’, *kazāchų* ‘казахов (Gen. Pl.)’ : *kazāchių* ‘казашек (Gen. Pl.)’). Но они не принадлежат синтагматическому классу *S*, поскольку встречаются в позициях, характерных для смычных согласных типа *T*, ср.: *sferà* ‘сфера’, *scholāstika* ‘схоластика’, *frāzė* ‘фраза’, *chrōmas* ‘хром’. Уже хотя бы поэтому указанные согласные следует считать периферийными единицами, не принадлежащими ни одному синтагматическому классу центральной, исконной части языковой системы (см. § 108, сн. 32, а также [Daneš 1966; Romportl 1966, в особенности 108; Linell 1979: 182, 195–197]). Фонологи «старой» Пражской школы такие звуки называли синхроническими варваризмами¹⁰⁹, дескриптивисты — членами побочной (сосуществующей, англ. *coexistent*) системы (см., напр., [Fries, Pike 1949]; ср. также [Harris 1963: 9; Lightner 1971]). О периферийности этих фонем ярче всего свидетельствует их крайне низкая частотность (ср. [Сведевичюс 1966; Karosienė, Girdenis 1993 = Girdenis 2001: 64ff.]; ср. [Перебийиц 1970: 34–46, 205]). К периферийным единицам относятся и разнообразные согласные, встречающиеся только в звукоподражаниях или «обращениях» к животным, — такие как губной дрожащий сонант, произносимый в «словах» типа *tprùka*, *tprukùtė* (звуки для подзыва коровы), *tprũ* ‘тпру’, щёлкающая аффриката [ɽ] в междометиях типа *ca cã* и др. Они, разумеется, ещё больше удалены от центра системы, чем упомянутые [f], [x] или [h] [Trubetzkoy 1977: 205f. = Трубецкой 1960: 255].

¹⁰⁸ Любопытно, что в диалектах [f] чаще всего трактуется как факультативный вариант [p], выполняющий экспрессивную функцию — свидетельствующий о принадлежности слова слою высокой лексики, ср.: с.-жем. *afālcînā* «*apelsinai*» ‘апельсины’, *fõ.lkà* «*pòlka*» ‘полька’, *fùdrà* «*puđrà*» ‘пудра’ (такое произношение более характерно для претенциозных людей старшего поколения). О сходных явлениях в других языках см., напр., [Vachek 1968: 63; Алиева et al. 1972: 41].

¹⁰⁹ Н. С. Трубецкой [Trubetzkoy 1977: 205 = Трубецкой 1960: 255] говорит просто о чужих звуках.

В позиции [(#)—V], как и во всех прочих, противопоставляются губные и негубные (4) смычные (типа *T*) согласные, ср.: *póvas* ‘павлин’ : *kóvas* ‘грач’, *pìlti* ‘лить’ : *kìlti* ‘подыматься’, *puřkšti* ‘прыскать’ : *tuřkšti* ‘плескаться’, *pìlti* ‘лить’ : *tìlti* ‘умолкать’, *bùsti* ‘пробуждаться’ : *gùsti* ‘приучаться’, *bìrti* ‘сыпаться’ : *gìrti* ‘хвалить’, *bùsti* ‘пробуждаться’ : *dùsti* ‘задыхаться’, *bìrti* ‘сыпаться’ : *dìrti* ‘сдирать’, а также (5) негубные переднеязычные и заднеязычные: *tàs* ‘тот’ : *kàs* ‘кто; что’, *tìš* ‘будет размокать’ : *kìš* ‘будет совать’, *dāvęs* ‘давший’ : *gāvęs* ‘получивший’, *dìrti* ‘сдирать’ : *gìrti* ‘хвалить’. Кроме того, в исключительных случаях обычным смычным здесь могут противопоставляться аффрикаты (6), ср.: *kiùrinti* ‘дырять’ : *čiùrinti* ‘марать’, *kiùrti* ‘продыряливать’ : *čiùrti* ‘пачкаться’, *tapnóti* ‘хлопать’ : *capnóti* ‘капать’, *tir̥pti* ‘таять’ : *ciřpti* ‘стрекотать’.

Сонорные носовые и неносовые согласные (7) противопоставляются в таких словах, как *našùs* ‘плодотворный’ : *lašùs* ‘капли (Acc. Pl.)’, *gi-niaũ* ‘(я) гнал’ : *gi-liaũ* ‘глубже’, *nikti* ‘кидаться’ : *likti* ‘оставаться’, *nāgas* ‘ноготь’ : *rāgas* ‘рог’, *niũkti* ‘понукать’ : *riũkti* ‘громко плакать’, *nikti* ‘кидаться’ : *rikti* ‘ошибаться’, *máigyti* ‘мять’ : *láigyti* ‘резвиться’, *dē-miũ* ‘пятен’ : *dē-liũ* ‘пиявок (Gen. Pl.)’, *mýgti* ‘давить, жать’ : *lýgti* ‘торговаться’, *mākaras* ‘плеть’ : *vākaras* ‘вечер’, *midùs* ‘мёд (напиток)’ : *vidùs* ‘внутренность’, *jũkti* ‘мешаться’ : *niũkti* ‘хмуриться’. Признаки ‘щелевой’ — ‘нещелевой’ (8) выполняют дистинктивную функцию в минимальных парах: *gi-jaũ* ‘(я) выздоравливал’ : *gi-liaũ* ‘глубже’, *gijà* ‘нить, прядь’ : *girià* ‘лес’, *vaĩkas* ‘ребёнок’ : *laĩkas* ‘время’, *vaikyti* ‘гонять’ : *raikyti* ‘нарезать’, *žaviũ* ‘очаровательных (Gen. Pl.)’ : *žaliũ* ‘зелёных (Gen. Pl.)’. Губные–негубные (9) щелевые сонорные согласные противопоставляются в таких случаях, как *stó-viu* ‘стою’ : *stó-ju* ‘встаю’, *stó-vi* ‘стоишь’ : *stó-ji* ‘встаёшь’; губные–негубные носовые (10) — в словах *māras* ‘чума’ : *nāras* ‘водолаз’, *gi-miaũ* ‘(я) родился’ : *gi-niaũ* ‘(я) гнал’, *miēšti* ‘разбавлять’ : *niēžti* ‘зудит’; зубные–альвеолярные (11): *lópė* ‘(он) латал’ : *rópė* ‘репа’, *va-liaũ* ‘(я) чистил’ : *va-riaũ* ‘(я) гнал’, *lýti* ‘лить’ : *ryti* ‘глотать’. Дальнейшие признаки уже известны из обзора нейтрализации и корреляций (см. § 135–136, 143–146). Это альвеолярные — зубные щелевые несонорные (12), напр.: *šálti* ‘мёрзнуть’ : *sálti* ‘делаться сладким’, *šiaurùs* ‘северный’ : *siaurùs* ‘узкие (Acc. Pl. m.)’,

šèkit ‘нате, берите’ : *sèkit* ‘сейте’, *žeñgti* ‘шагать’ : *zeñgti* ‘гудеть, жужжать’, *žilinti* ‘доводить до поседения’ : *zilinti* ‘обтачивать’; звонкие — глухие несонорные (13): *zaũkti* ‘хныкать’ : *saũkti* ‘звать протяжным голосом’, *ziřgti* ‘жужжать’ : *siřgti* ‘болеть’, *žalià* ‘зелёная’ : *šalià* ‘рядом’, *žiaurùs* ‘жестокий’ : *šiaurùs* ‘северный’, *žiēbti* ‘зажигать’ : *šiēpti* ‘скалить’, *būti* ‘быть’ : *pūti* ‘гнить’, *bylà* ‘дело’ : *pylà* ‘насыпь’, *daryba* ‘образование’ : *taryba* ‘совет’, *deřlius* ‘урожай’ : *teřlius* ‘пачкун’, *galėti* ‘мочь’ : *kalėti* ‘сидеть в тюрьме’, *pi-giù* ‘дешёвым (Instr. Sg. m.)’ : *pi-kiù* ‘смолой’, *geĩstas* ‘желанный’ : *keĩstas* ‘странный’; наконец, мягкие–твёрдые (немягкие) согласные (14): *ža-viùs* ‘очаровательных (Acc. Pl. m.)’ : *ža-vùs* ‘очаровательный’, *ra-miùs* ‘спокойных (Acc. Pl. m.)’ : *ra-mùs* ‘спокойный’ и т. д. (см. § 136 и сн. 29).

§ 169. Итак, прояснилась вся система парадигматических отношений согласных: она описывается следующими парами дифференциальных признаков:

1) ‘сонорный’–‘несонорный’ (‘шумный’), 2) ‘носовой’–‘неносовой’, 3) ‘щелевой’–‘нещелевой’, 4) ‘аффриката’–‘неаффриката’, 5) ‘губной’–‘негубной’, 6) ‘переднеязычный’–‘непереднеязычный’, 7) ‘альвеолярный’–‘зубной’, 8) ‘звонкий’–‘глухой’, 9) ‘мягкий’–‘твёрдый’ (‘немягкий’).

Теперь каждый согласный можно определить как ту или иную комбинацию этих признаков (чёрточка здесь обозначает минус): /p/ = /‘–сонорный’ & ‘–щелевой’ & ‘–аффриката’ & ‘+губной’ & ‘–звонкий’ & ‘–мягкий’/, /ž/ = /‘–сонорный’ & ‘+щелевой’ & ‘+альвеолярный’ & ‘+звонкий’ & ‘+мягкий’/ и т. д. Каждая фонема всегда отличается от любой другой хотя бы одним признаком и не имеет ни одного такого признака, который не различал бы её от какой-нибудь другой фонемы. Другие свойства звуков, соответствующих фонемам, можно вывести из этих признаков посредством общих правил. Например, /‘+сонор.’ & ‘–нос.’ & ‘–щел.’ & ‘+альв.’/ → [‘+дрожащий’], /‘–сонор.’ & ‘–звон.’/ → [‘+напряжённый’] и т. д.¹¹⁰

¹¹⁰ Об относительности понятий релевантного и нерелевантного признака см., напр., [Ахманова 1966: 5; Fretheim 1981: 299]. Вообще современная фонология не отказывается ни от каких признаков: она только устанавливает их иерархию (ср. [Панов 1967: 163–164]).

§ 170. Комплекс дифференциальных признаков, описывающий каждую фонему или, иными словами, составляющий её фонологическое содержание (нем. *Phonemgehalt, phonologischer Gehalt* [Trubetzkoy 1977: 59] = [Трубецкой 1960: 73]), удобнее всего представлять так называемыми матрицами фонем, пришедшими из теории информации (ср. [Švėgžda 1980: 46, рис. 4.3]), — таблицами, столбцы которых соответствуют фонемам, а строчки — дифференциальным признакам. Когда фонема обладает положительным дифференциальным признаком, на пересечении соответствующего столбца и строчки ставится плюс, а когда она обладает отрицательным признаком — минус. Если для фонемы этот признак вообще является чуждым и несущественным, на пересечении строчки и столбца пишется ноль (ср. [Черри, Хале, Якобсон 1962: 286–287]).

Матрица литовских согласных выглядит так (табл. 16; по техническим причинам символы твёрдых фонем обозначают здесь и твёрдые, и мягкие фонемы).

Таблица 16. Матрица согласных фонем литовского литературного языка

№ п/п	Дифференциальные признаки	Фонемы																			
		<i>k</i>	<i>g</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	<i>ʒ</i>	<i>č</i>	<i>ǰ</i>	<i>s</i>	<i>z</i>	<i>š</i>	<i>ž</i>	<i>l</i>	<i>r</i>	<i>j</i>	<i>v</i>	<i>n</i>	<i>m</i>
1	сонорный (несонорный)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+
2	носовой (неносовой)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	–	–	–	+	+
3	щелевой (нещелевой)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	+	+	–	–	+	+	0	0	0
4	аффриката (неаффриката)	–	–	–	–	–	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	губной (негубной)	–	–	–	–	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	+	–	+
6	переднеязычный (непереднеязычный)	–	–	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7	альвеолярный (зубной)	0	0	0	0	0	0	–	–	+	+	–	–	+	+	–	+	0	0	0	0
8	звонкий (глухой)	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	0	0	0	0	0	0
9	мягкий (твёрдый)	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	0	±	±	±

Эту классификацию можно изобразить такой дендрограммой (рис. 16).

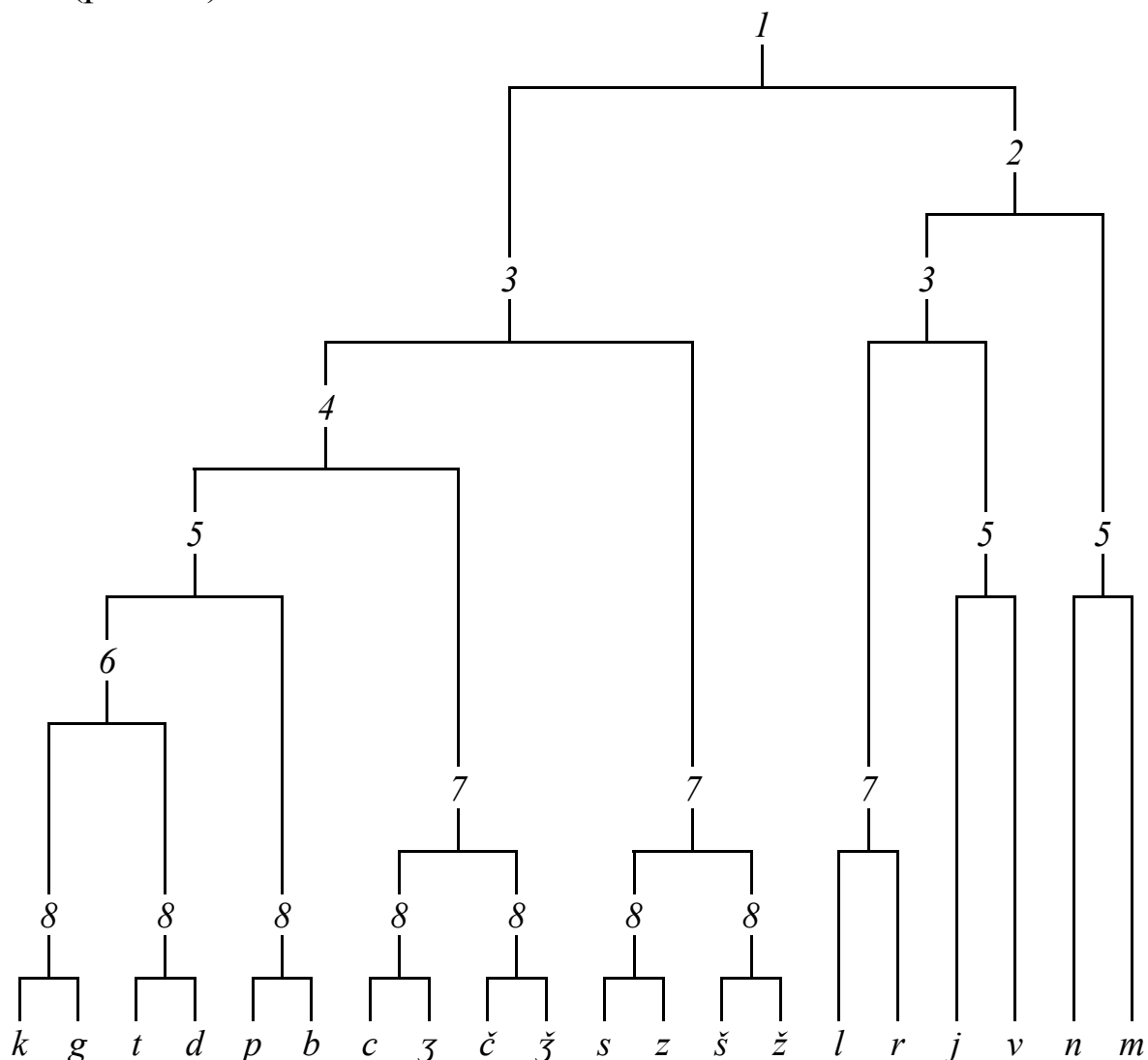

Рис. 16. Дендрограмма классификации согласных (значения цифр см. табл. 16; правые ветви соответствуют положительным признакам, левые — отрицательным)

Сравнив левую часть дендрограммы (начиная со второго разветвления) с той дендрограммой, которая была получена в результате анализа синтагматических отношений и нейтрализаций согласных (см. § 154), мы видим, что, если не учитывать не рассматриваемых там аффрикат, они различаются только местом щелевых согласных /s š z ž š š ž ž/. Однако это чистая случайность, объясняемая тем, что в предыдущей дендрограмме основные классы согласных расположены в той последовательности, в которой фонемы располагаются в сочетаниях, а теперь мы при-

держивались принятого в фонологии порядка и вправо направляли все те ветви, которые обозначают положительные признаки.

Следовательно, дендрограмма, и вообще система дифференциальных признаков, хорошо описывает и синтагматические, и парадигматические отношения согласных фонем. Она также показывает характерные для системы литовского языка корреляции и пучки корреляций. Корреляция по мягкости характерна для фонем, противопоставленных по 9-й паре признаков (не представленной в данной дендрограмме), по звонкости — по 8-й паре признаков, корреляция альвеолярных зубных (шипящих — свистящих) определяется 7-й парой; 7-м признаком начинаются пучки корреляций, объединяющие корреляции альвеолярных — неальвеолярных (7), звонких — глухих (8) и мягких — твёрдых (9). 8-м признаком начинаются пучки корреляций, объединяющие корреляции по звонкости — глухости (8) и по мягкости — твёрдости (9). Саму нейтрализацию можно кратко описать так: 9-я пара признаков дистинктивно используется только в позиции [—V^u], 8-я пара — в позиции [—^V_R] (ср. [Иванов 1962: 168]).

Архифонемы теперь можно определять как не до конца идентифицированные фонемы. Например, идентификация последнего согласного слова *tàs* ‘тот’ выглядит так: ‘-сонорный’ (–1) & ‘+щелевой’ (+3) & ‘-альвеолярный’ (–7). В этом месте идентификация прерывается, поскольку в конце слова признаки звонкости — глухости (8) и мягкости — твёрдости (9) не выполняют дистинктивной функции. Ещё раньше прервалась бы идентификация второго согласного в слове *vèsćiau* [vèšćæu] ‘(я) вёл бы’. У него были бы только признаки ‘-сонорный’ (–1) и ‘+щелевой’ (+3), поскольку перед /š/ дистинктивной функции не выполняют ни 7, ни 8, ни 9-й признаки — альвеолярная, глухая и палатализованная (мягкая) артикуляции здесь появляются автоматически.

В) ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГЛАСНЫХ ЛИТОВСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 171. Парадигматические отношения и дифференциальные признаки гласных литературного литовского языка можно описать следующим образом.

Система гласных, как мы уже видели (см. § 100), состоит из таких фонем: /i i· e· e· a a· o· u u·/ (гласные однородной артикуляции) и /ie uo/ (гласные неоднородной скользящей артикуляции, ср. § 83). Кроме того, в интернационализмах (и в некоторых литовских «нетрадиционных» личных именах, ср. *Nijòlè* ‘Нийоле’¹¹¹) также встречается слабо лабиализованный [ɔ], напр.: *jònai* ‘ионы’, *škòtas* ‘шотландец’, *tòstas* ‘тост’ — он (как и [f f̂ x x̂ h ĥ] — см. § 168), без сомнения, относится к периферии фонологической системы.

Некоторые носители литературного языка в интернационализмах произносят и закрытый [e]¹¹² (обычно только в ударных слогах; ср., однако, [Pakerys 1978: 21]), — например, говорят [akadè̃mijæ] ‘академия’, [mèt̃ras] ‘метр’, [tè̃kstas] ‘текст’ или даже — совершенно противоестественно — [akadè̃mijæ], [mèt̃ras], [tè̃kstas] (с твёрдыми [d], [m], [t] и др.). Это факультативный звук, поскольку согласно традиционной сувалькийской норме вместо него произносится обычный краткий [e] — такой же, как в формах типа *sè̃kti* ‘следовать’, *vè̃žtu* ‘(он) вёз бы’. Из-за этой факультативности и других особенностей употребления [ẽ] (и тем более [ɛ]) следует считать либо «двуликой» фонемой (ср. § 66), либо комбинацией фонемы /e/ и некоторой социолингвистической «просодемы» (или, иными словами, социолингвистического индикатора). Эта «просодема» выполняет экспрессивную функцию — указывает, что слово относится к высокому стилю и что говорящий демонстрирует своё — подлинное или воображаемое — высокое социальное положение. Настоящей (хоть и периферийной) фонемой звук [ẽ] не стоит считать, поскольку он не служит целям различения; трактовать его как нормальную фонему не по-

¹¹¹ Категорическое требование произносить долгий /o·/ в таких именах (ср. также *Aldonà* ‘Алдона’, *Aldònas* ‘Алдонас’ и др.) уже несколько устарело: долгий гласный в них не произносится ни в одном диалекте, твёрдо сохранившем количественные оппозиции гласных (см., напр., [Keinys 1976: 101]).

¹¹² Этот звук считается совершенно самостоятельной фонемой, например, в первой академической «Грамматике литовского языка» (см. [Ulvydas 1965: 48–49, 51], ср. также [Vaitkevičiūtė 1961: 24–25; Mikalauskaitė 1975: 17–18; Pakerys 1978: 21; 1986: 38–39 et passim]). Критику такой точки зрения см. [Kazlauskas 1966: 75].

зволяют также факультативность употребления и особый экспрессивный оттенок. Это, в лучшем случае, лишь фонема определённых городских социолектов.

§ 172. По своим соотношениям с согласными гласные фонемы делятся на два синтагматических класса, или на две парадигмы. Перед гласными /i i· e· ie e e·/ встречаются только мягкие (или хотя бы смягчённые) согласные: корреляция по мягкости перед ними нейтрализуется. Перед гласными /u u· o· uo/ (также и перед [ɔ]) могут встречаться и твёрдые, и мягкие согласные — следовательно, эти гласные образуют релевантную позицию корреляции по мягкости. Первую парадигму (/i i· .../) можно обозначать уже знакомым символом V^i , вторую (/u u· .../) — символом V^u .

Хорошо известно, что члены первой парадигмы (V^i) отличаются от членов второй парадигмы тем, что при их артикуляции язык целиком сдвинут в переднюю часть ротовой полости, его кончик приближен к нижним зубам, центральная часть в большей или меньшей степени поднята к твёрдому нёбу. Члены второй (V^u) парадигмы реализуются двоякими аллофонами. После паузы и твёрдых согласных употребляются «чистые» аллофоны заднего ряда (см. [Vaitkevičiūtė 1961: 24, 32–39; Ulvydas 1965: 48, 53–56; Mikalauskaitė 1975: 21–22]), при артикуляции которых язык оттягивается в направлении глотки (фаринкса), кончик языка отодвигается от нижних зубов, его задняя часть в большей или меньшей степени поднимается к мягкому нёбу. После мягких согласных и /j/ употребляются так называемые продвинутые вперёд аллофоны [ù ù· ùo ò·], в начале артикуляции которых язык обычно довольно сильно смещён вперёд, но потом чаще всего отодвигается назад в позицию основных аллофонов [Vaitkevičiūtė 1961: 44]. Следовательно, эти аллофоны непостоянны и несколько напоминают дифтонги или, точнее говоря, дифтонгоиды — гласные переменной артикуляции, похожие на дифтонги (греч. *δίφθογγον* ‘дифтонг’, *εἶδος* ‘внешность’).

Согласно данным особенностям гласным группы V^i можно приписать дифференциальный признак «передний ряд», а гласным группы V^u — «задний ряд». Поскольку гласные типа V^u являются немаркированными членами оппозиций /u/ : /i/, /o·/ : /e·/ и т. д. (ср. § 144), то вместо признака «задний ряд» можно употреб-

лять более нейтральный и (учитывая продвинутые вперёд аллофоны [ù], [ù˙] и т. д.), вероятно, даже более точный термин «непередний ряд». К этим непередним гласным относятся, конечно, и /a a˙/, которые весьма часто реализуются аллофонами и факультативными вариантами среднего ряда (ср. [Mikalauskaitė 1975: 22]); особенно часто вариантами среднего ряда реализуется краткий /a/ (в подробной транскрипции его следовало бы записывать как [a] и отличать от более отчётливо заднего [ɑː]). Фонемы /a a˙/ противопоставляются /e e˙/ только в позиции [#—] и (если считать [t̪ d̪] аллофонами /t d/) после /t d/, ср. *ãsq* ‘ушкó (Acc. Sg.)’ : *ẽsq* ‘существующие’, *tãko* = /tã˙ko˙/ ‘тропы’ : *tẽko* /tẽ˙ko˙/ ‘пришлось’, *takù* ‘тропой’ : *tekù* ‘теку’ (о соотношениях /a/ и /e/ см. также § 59, 143).

Примеры этой оппозиции легко можно найти во флексиях, ср.: *galì* ‘можешь’ : *galiù* ‘могу’, *tõlì* [t̪õ˙lì˙] ‘даль (Acc. Sg.)’ : *tõliu* [t̪õ˙l̪i˙u˙] ‘далее’, *laukìnè* ‘полевая’ : *laukìnio* ‘полевого (Gen. Sg. m.)’, *gailies* ‘жалеешь’ : *gailiúos* ‘жалею’. В других позициях они гораздо более редки, ср.: *išpúolè* ‘(он) выпал’ : *užpúolè* ‘(он) напал’, *ýdos* ‘пороки’ : *údos* ‘крючковые снасти’, *éda* ‘жрёт’ : *óda* ‘кожа’, *ẽsq* ‘существующие’ : *ãsq* ‘ушкó (Acc. Sg.)’.

Итак, два основных класса гласных должны быть таковы:

I. Гласные переднего ряда: /i i˙ e˙ ie e e˙/.

II. Гласные непереднего ряда: /u u˙ o˙ uo a a˙/.

§ 173. Все непередние гласные, за исключением /a a˙/, хотя бы в начале артикуляции имеют ещё один признак: губы образуют круглое отверстие и в большей или меньшей степени выдвигаются вперёд (лабиограммы см. [Vaitkevičiūtė 1961: 26; Ulvydas 1965: 48–49]). А при артикуляции передних гласных губы прижимаются к зубам, их края растягиваются в стороны; при артикуляции /a a˙/ губы обычно совершенно ненапряжённые, нейтральные. Следовательно, гласные /u u˙ o˙ uo/ являются огубленными, или лабиализованными, а /i i˙ e˙ ie e e˙ a a˙/ — неогубленными, или нелабиализованными.

Это весьма важные признаки. Если, например, при произнесении [u˙] попробовать сохранить нормальное положение языка, а губам придать положение как при артикуляции [i˙], то получится совершенно чуждый для литовского языка звук [ш˙], в котором никто не смог бы распознать варианта фонемы /u˙/. Если при ар-

тикуляции [a·] вытянуть вперёд губы как при произнесении [u·] или [o·], то получится /ɔ·/, который большинство литовцев, скорее всего, восприняли бы как вариант фонемы /o·/. Лабиализованные [i· e·] распознаются как иноязычные звуки [y: ø:] или как демонстрация соответствующей эмотивной интонации (см. § 17)¹¹³. Следовательно, лабиализация — важная характеристика звука, помогающая отличить некоторые непередние гласные от передних. Однако нельзя считать эту характеристику дифференциальным признаком, так как она не является общей для всех членов класса /a a· o· uo u u·/. Если классифицировать гласные по признаку «огубленный» — «неогубленный», то [a] и [a·] окажутся в одном классе с /e e· ie e· i i·/, хотя функционально они не могут относиться к данному классу, поскольку не смягчают согласных перед собой. При выборе этих признаков разрушилась бы и симметрия парадигматических отношений¹¹⁴: в классе неогубленных гласных было бы на четыре фонемы больше, чем в классе огубленных.

И всё-таки о лабиализации нельзя полностью забывать: это весьма важный вспомогательный признак, подчёркивающий оппозицию передних и непередних гласных.

§ 174. Гласные /a/ и /e/, /a·/ и /e·/ отличаются от других тем, что во всех позициях, за исключением [#—] и, возможно, [d^t—], находятся в отношении дополнительной дистрибуции (ср. § 53). После твёрдых согласных возможны только [a a·], после мягких — только [e e·]: на слух такие слова, как *gilès* ‘жёлуди (Acc. Pl.)’ : *giliàs* ‘глубокие (Acc. Pl. f.)’, *gile* ‘жёлудь (Acc. Sg.)’ : *giliq* ‘глубокую’, большинство носителей литературного языка не может различить без контекста (см. [Kazlauskas 1967: 238; 1968c и указ. лит.]). Об этом свидетельствуют и рифмы классической по-

¹¹³ В очень ласковой и нежной речи литовцы могут огублять все звуки — например, слова *mažytė mergytė* ‘маленькая девочка’ можно произнести примерно как [m°ãž°ũ·t°ö· m°õr°g°ũ·t°ö·].

¹¹⁴ Следует согласиться с М. И. Стеблиным-Каменским [Стеблин-Каменский 1964], что симметрия сама по себе не является решающим аргументом при принятии фонологических решений, но не стоит её игнорировать, если на то нет очень серьёзных оснований.

эзии¹¹⁵: например, Винцас Миколайтис-Путинас рифмует не только *girià* ‘лес’ : *vakarè* ‘вечером’ («Keleivis» ‘Путник’), *rūkuosè* ‘в туманах’ : *dvasià* ‘дух’ («Bijau nakties» ‘Страшусь ночи’), но и *téises* ‘права (Acc. Pl.)’ : *baĩsios* ‘страшные (Nom. Pl. f.)’ («Teisėjui» ‘Судье’), *stalėlio* ‘столика’ : *karāliai* ‘короли’ («Lėlių baladė» ‘Кукольная баллада’), *deñgia* ‘покрывает’ : *padánge* ‘поднебесьем’ («Pailsau» ‘(Я) утомился’), *gāliai* ‘силе’ : *kėlią* ‘дорогу’ («Didžiojo Spalio garbei» ‘В честь Великого Октября’). Следовательно, оппозиции /a/ : /e/, /aː/ : /eː/ действительно нейтрализуются, и их связывает отношение корреляции¹¹⁶.

Можно было бы говорить и о нейтрализации оппозиций /a/ : /aː/, /e/ : /eː/ в ударных неконечных слогах, ср.: *rastùs* ‘найденные (Acc. Pl. m.)’ ≠ *rąstùs* ‘брёвна (Acc. Pl.)’, но *rąstas* ‘бревно’ ≈ *rāstas* ‘найденный’¹¹⁷, *trèš* ‘будет гнить’ ≠ *trėš* ‘будет удобрять’, но *patrėšęs* ‘удобривший’ ≈ *patrėšęs* ‘подгнивший’. Только тогда следовало бы учитывать не только фонетические, но и морфологические позиции рассматриваемых звуков, поскольку возможны, например, такие оппозиции, как *ràstu* ‘(он) нашёл бы’ : *rąstu* ‘брёвен (Gen. Pl.)’, *trèšti* ‘гнить’ : *trėšti* ‘удобрять’, *ràktu* ‘(он) ковырял бы’ : *rāktu* ‘ключей’. Однако эти факты говорят о весьма тесной связи, близкой к корреляции, между /a/ и /aː/, /e/ и /eː/.

¹¹⁵ О важности рифм для фонологии см. [Trubetzkoy 1938: 137–138; Иванов 1962: 143; Панов 1967: 59; Linell 1979: 92] (ср., однако, [Jakobson, Waugh: 1979, 50, 277 и указ. лит.]).

¹¹⁶ Другую точку зрения см. [Vaitkevičiūtė 1961: 36; Ulvydas 1965: 55]. Но и тут признаётся нейтрализация /a/ : /e/ хотя бы в позиции [Ĉ—j].

¹¹⁷ В некоторых идиолектах (особенно сувалькийских) такие пары слов, как *rāstas* ‘найденный’ : *rąstas* ‘бревно’, *patrėšęs* ‘подгнивший’ : *patrėšęs* ‘удобривший’, не являются полностью омонимичными. Во вторых членах этих пар произносятся несколько более долгие и открытые гласные, которые (по свидетельству Йонаса Кабялки) могут быть и немного назализованными. Следовательно, можно было бы говорить об оппозициях долгих /aː/ и /eː/ и полудолгих /a/ и /e/ [Girdenis 1971a: 205 = Girdenis 2000b: 349]. Однако это явление ещё не до конца исследовано, поэтому далее мы будем придерживаться привычной кодифицированной системы гласных. И всё-таки ни в коем случае не следует забывать, что здесь мы имеем дело с большой проблемой (см. также [Kazlauskienė 1996] и указ. лит., особенно [Vasevičiūtė 1998=2001: 126ff.]).

Связанные корреляционными отношениями, фонемы /a e/ и /a· e·/ образуют сравнительно самостоятельный класс, противостоящий всем прочим гласным фонемам. Об этом противопоставлении свидетельствуют такие примеры: *ràstu* ‘(он) нашёл бы’ : *rùstu* ‘(он) рыжел бы’, *kaĩpas* ‘угол’ : *kuĩpas* ‘изогнутый’, *vèsti* ‘вести’ : *vìsti* ‘плодиться’, *péntis* ‘обух’ : *pìntis* ‘переплетаться’, *tāpė* ‘(он) писал красками’ : *tūpė* ‘(он) присел’, *skābė* ‘(он) срывал’ : *skōbė* ‘(он) долбил’, *sākė* ‘(он) говорил’ : *suōkė* ‘(он) пел’, *grėžti* ‘сверлить’ : *grĩžti* ‘возвращаться’, *rėžti* ‘напрягать’ : *rėžti* ‘резать’, *švėsti* ‘праздновать’ : *šviėsti* ‘светить’. Форморазличительную функцию эти оппозиции выполняют, например, в словах *sēnė* ‘старуху’ : *sēnį* ‘старика (Acc. Sg.)’ : *sēnė* ‘старуха’, *tā* ‘тот (Acc. Sg.)’ : *tō* ‘того (Gen. Sg.)’ : *tuō* ‘тем (Instr. Sg.)’ : *tū* ‘тех (Gen. Pl.)’.

Рассматриваемые гласные отличаются от всех прочих открытостью артикуляции и низким положением языка. С точки зрения подъёма языка /a a·/ являются самыми открытыми и нижними из всех заднеязычных (и всех вообще) гласных, а /e e·/ — самыми открытыми и нижними из всех переднеязычных. В связи с низким положением языка фонемам /a a· e e·/ следует приписать дифференциальный признак «нижний подъём» — другие гласные обладают признаком «ненижний подъём». Тот факт, что при артикуляции /e e·/ язык (по меньшей мере, в начале) бывает поднят несколько выше, чем при артикуляции /a a·/, здесь не имеет никакого значения¹¹⁸. Фонологические дифференциальные признаки являются не абсолютными, а относительными. По положению языка /e e·/ — самые нижние из всех гласных переднего ряда, поэтому их и следует считать гласными нижнего подъёма. Кроме того, /a/ и /e/, /a·/ и /e·/ обязательно должны обладать общим дифференциальным признаком, определяющим их архифонемы /A/, /A·/, функционирующие в позициях нейтрализации (т. е. после согласных).

Итак, литовская система гласных подразделяется на следующие классы:

I. Гласные переднего ряда:

¹¹⁸ Разные точки зрения на этот факт см. [Vaitkevičiūtė 1961: 30–31; Ulvydas 1965: 49, 51–52; Girdenis, Žulys 1973: 206 = Girdenis 2000b: 375; Mikalauskaitė 1975: 21].

- 1) нижнего подъёма: /e e·/;
- 2) ненижнего подъёма: /i i· ie e·/.

II. Гласные непереднего ряда:

- 1) нижнего подъёма: /a a·/;
- 2) ненижнего подъёма: /u u· uo o·/.

Непереднеязычные гласные ненижнего подъёма (подкласса II 2) также обладают и упомянутым дополнительным признаком лабиализации (см. § 173). Можно сказать, что это обязательное фонетическое свойство в литовском языке само собой следует из сочетания признаков «непереднего ряда» и «ненижнего подъёма» (как нёбная артикуляция фонемы /n/, т. е. [ŋ], следует из нёбной артикуляции идущего за ней согласного /k/ или /g/; см. § 178).

§ 175. Среди ненижних гласных явно выделяются /u u·/ и /i i·/, поскольку они группируются в пары со сходной артикуляцией /u/ : /u·/ и /i/ : /i·/, которые выполняют дистинктивную функцию, ср.: *skùsti* ‘брить’ : *skústi* ‘подавать жалобу’, *trìs* ‘три (Acc.)’ : *trỹs* ‘три (Nom.)’. Гласные /o· uo e· ie/ таких пар не образуют. Следовательно, нужно выделить особый подкласс парных ненижних гласных, противопоставленный всем прочим ненижним гласным, ср.: *výsti* ‘вянуть’ : *vésti* ‘остывать’, *tĩsti* ‘тянуться’ : *tiēsti* ‘протягивать’, *kũju* ‘молотов’ : *kóju* ‘ног’ : *kúojų* ‘плотвы (Gen. Pl.)’, также *sēni* ‘старика (Acc. Sg.)’ : *sēnė* ‘старуха’, *šĩ* ‘этот (Acc. Sg.)’ : *šiē* ‘эти (Nom. Pl. m.)’, *tũ* ‘тех (Gen. Pl.)’ : *tõ* ‘того’ : *tuõ* ‘тем (Instr. Sg.)’.

Гласные этого подкласса /u u· i i·/ отличаются от других самой закрытой артикуляцией и самым высоким подъёмом языка. При артикуляции /o· e·/ рот открыт шире, а язык опущен несколько ниже; при артикуляции /uo ie/ вначале органы речи занимают почти такую же позицию, как и во время произношения /u· i·/, но потом постепенно принимают положение, сходное с положением при артикуляции [æ], [ɔ] или даже [a], [a]. Следовательно, фонемам /u u· i i·/ можно приписать дифференциальный признак «верхний подъём», противопоставленный признаку «неверхний подъём». Неверхний характер артикуляции /o· e·/ очевиден сам по себе — в случае /uo ie/ это более чётко видно только в заключительной и центральной фазе произношения (см. палатограммы

[Vaitkevičiūtė 1961: 26–28, 32–35]). Гласные /o· uo e· ie/ являются ненижними и неверхними¹¹⁹.

Класс ненижних неверхних фонем можно далее разбить в соответствии с парой дифференциальных признаков «неоднородный» («дифтонгический») — «однородный» («постоянный»), несколько напоминающих признаки согласных «аффриката» — «не аффриката»: /uo ie/ являются звуками с очевидной переменной (скользящей) артикуляцией, /o· e·/ — звуками со сравнительно постоянной артикуляцией (см. § 171; ср. также [Smoczyński 1975; 1978; Степонавичюс 1982а: 74]).

Итак, имеем такие классы гласных:

I. Гласные переднего ряда:

- 1) нижнего подъёма: /e e·/;
- 2) ненижнего подъёма:
  - а) верхнего подъёма: /i i·/;
  - б) неверхнего подъёма:
    - α) неоднородный: /ie/;
    - β) однородный: /e·/.

II. Гласные непереднего ряда:

- 1) нижнего подъёма: /a a·/;
- 2) ненижнего подъёма:
  - а) верхнего подъёма: /u u·/;
  - б) неверхнего поьёма:
    - α) неоднородный: /uo/,
    - β) однородный: /o·/.

§ 176. Гласные нижнего и верхнего подъёма следует разделить ещё на два подкласса: /a e u i/ и /a· e· u· i·/. Во-первых, их оппозиции выполняют различительную функцию, ср.: *trė̃šti* ‘гнить’ :

---

¹¹⁹ Об их значительной близости свидетельствуют и аудитивные эксперименты [Girdenis 1978b = Girdenis 2000c: 340f.], и такие рифмы классической поэзии, как *spiė̃gė* ‘(он) визжал’ : *bejė̃gė* ‘беспомощная’ (В. Миколайтис-Путинас, «Klajūnas» ‘Скиталец’), *viė̃šo* ‘публичного’ : *plė̃šo* ‘разрывает’ («Sielvarto sesei» ‘Сестре по печали’), *raliūoja* ‘выводит трели’ : *kóju* ‘ног’ («Saulėlydžio kely» ‘На пути заката’), *užúodžiu* ‘чую’ : *žōdžiu* ‘слов’ («Atsiminimas» ‘Воспоминание’), *iš miėgo* ‘ото сна’ : *bėgo* ‘бежит’ (Саломея Нерис, «Močiutė» ‘Бабушка’), *skriaudōs* ‘обиды (Gen. Sg.)’ : *neravaduōs* ‘не заменит’ («Žandarai išvežė mokytoją» ‘Жандармы увезли учительницу’), *žaizdóti* ‘израненные’ : *vaizduoti* ‘изображать’ («Dėdės» ‘Дяди’), *žydės* ‘будут цвести’ : *širdiės* ‘сердца (Gen. Sg.)’ («Alyvos» ‘Сирень’).

trę̃šti ‘удобрять’, *mės* ‘кинет’ : *mēs* ‘мы’, *ràstu* ‘(он) нашёл бы’ : *rą̃stu* ‘брёвен’, *kàs* ‘кто; что’ : *ką̃s* ‘будет кусать’, *dìdis* ‘великий’ : *dỹdis* ‘размер’, *trìs* ‘три (Acc.)’ : *trỹs* ‘три (Nom.)’, *pùsti* ‘распухать’ : *pũsti* ‘дуть’, *siùs* ‘будет беситься’ : *siũs* ‘будет посылать’; очень часто данная оппозиция различает грамматические формы, ср.: *vařle* ‘лягушка (Voc. Sg.)’ : *vařle* ‘лягушку’, *várna* ‘ворона’ : *várna* ‘ворону’, *nósis* ‘нос’ : *nósys* ‘носы’, *tuřgus* ‘рынок’ : *tuřgūs* ‘рынки’. Во-вторых, в ударных слогах гласные второго типа эквивалентны тавтосиллабическим бифонемным сочетаниям типа *VR* (т. е. смешанным дифтонгам /ar/, /al/, /am/ и др.), поскольку также образуют основу для противопоставления слоговых интонаций (см. § 241–244).

Из-за того что /a· e· u· i·/ в слогe ведут себя так же, как бифонемные звуки, им можно приписать количественный дифференциальный признак «долгий», а гласным /a e u i·/ — противоположный признак «краткий» («недолгий»). В большинстве случаев /a· e· u· i·/ действительно произносятся дольше, чем их краткие соответствия. Однако количество не является единственным различительным признаком этих оппозиций, поскольку, например, /u/ и /u·/, /i/ и /i·/ различаются ещё и качественно. При артикуляции /i·/ и /u·/ язык подымается выше, губы напряжены больше, а при артикуляции /i/ и /u/ язык опускается ниже, а губы и другие органы речи расслаблены (см., напр., [Vaitkevičiūtė 1961: 26–28, 30–33, 36–37; Pakerys 1982: 95–103 и указ. лит.]; ср. [Weinstock 1981]). Это различие проще всего охарактеризовать признаками «напряжённый» (/i· u·/) — «ненапряжённый» (/i u/).

В том, что напряжённость является весьма важным признаком, нетрудно убедиться и без экспериментов. Например, в пении гласный /i/ в слове *dìdis* «великий» может растягиваться больше, чем гласный /i·/ в слове *dỹdis* «размер», но литовцы его всё равно воспринимают как «краткий», если только певец сохраняет характерное качественное различие — меньшую напряжённость артикуляции. Самонаблюдение и инструментальные исследования должны бы были показать, что и вышеупомянутые пары слов *ràstu* ‘(он) нашёл бы’ : *rą̃stu* ‘брёвен’, *várna* ‘ворона’ : *várna* ‘ворону’ различаются не только длительностью произнесения гласных, но и различной напряжённостью артикуляции: при произнесении /a/ органы речи, казалось бы, более расслаблены, а при

произнесении /a·/ — значительно больше напряжены. Долгое время так и считалось. Однако А. Пакерис [Pakerys 1975; 1982: 96–103] оригинально поставленными и заслуживающими доверия экспериментами доказал, что качественные признаки (т. е. напряжённость) определяют только оппозиции /u/ : /u·/ и /i/ : /i·/, а оппозиции /a/ : /a·/ и /e/ : /e·/ в большей степени опираются на количество (т. е. долготу или краткость гласных). Сходные результаты получены и шведскими и немецкими исследователями-фонетистами [Hadding-Koch, Abramson 1964: 106 et passim; Weiss 1977]. Таким образом, между признаками напряжённости и длительности существует своеобразная дополнительная дистрибуция (см. табл. 17): там, где решающую различительную функцию выполняет напряжённость, длительность нерелевантна, а там, где эту функцию выполняет длительность, нерелевантна напряжённость.

Таблица 17. Дистрибуция признаков напряжённости и длительности в литовском литературном языке

Признаки	Типы гласных	
	нижнего подъёма	верхнего подъёма
напряжённый		+
долгий	+	
ненапряжённый		+
краткий	+	

Это свидетельствует о том, что свойства «напряжённый» и «долгий» следует считать комбинаторными вариантами одного дифференциального признака, а «ненапряжённый» и «краткий» — комбинаторными вариантами другого признака. Как назвать данные признаки — вопрос не столь уж важный, поскольку, как уже не раз говорилось (напр., § 120, 163), эти названия всё равно являются лишь условными этикетками — представителями всего комплекса различительных признаков. Традиция вместе с близостью гласных типа /a· e· u· i·/ бифонемным группам (см. § 241–244 и 255), по-видимому, поддерживает привычную пару названий этих признаков «долгий» — «краткий» (ср. [Pakerys 1982: 103]), хотя, конечно, возможен и противоположный выбор (напр., [Свецявичюс 1964: 18; Kazlauskas 1966]). Вторую альтернативу

можно мотивировать некоторым неудобством просодических терминов¹²⁰.

С привлечением признаков «долгий»—«краткий» классификация гласных завершается, поскольку в конечных классах остаётся только по одному элементу.

Теперь наша классификация выглядит так:

I. Гласные переднего ряда:

1) нижнего подъёма:

α) долгий (напряжённый): /eː/;

β) краткий (ненапряжённый): /e/;

2) ненижнего подъёма:

а) верхнего подъёма:

α) долгий (напряжённый): /iː/;

β) краткий (ненапряжённый): /i/;

б) неверхнего подъёма:

α) неоднородный переменного подъёма: /ie/;

β) однородный неперемемного подъёма: /eː/;

II. Гласные непереднего ряда:

1) нижнего подъёма:

α) долгий (напряжённый): /aː/;

β) краткий (ненапряжённый): /a/;

2) ненижнего подъёма:

а) верхнего подъёма:

α) долгий (напряжённый): /uː/;

β) краткий (ненапряжённый): /u/;

б) неверхнего подъёма:

α) неоднородный: /uo/;

β) однородный: /oː/.

Если звук [ɔ], употребляющийся в интернационализмах, считать нормальной фонемой, то подкласс II 2 б β (т. е. /oː/) также нужно разбить на два согласно выявленным дифференциальным признакам «долгий» (/oː/)—«краткий» (/ɔ/). Однако, как уже говорилось (§ 171), лучше всего его вместе с согласными [f f̂], [x x̂], [h ĥ] и [t̂ d̂] (ср. *tiùlis* ‘тюль’, *Diumà* ‘Дюма’, *tiulénti* ‘издавать характерный для гусят тихий звук’) отнести к подсистеме периферийных (побочных) фонологических элементов. Их условным отличительным признаком можно считать нефонетическое свойство «чужеродный».

¹²⁰ О попытках трактовать эту оппозицию как просодическую см. § 248, сн. 56.

§ 177. По установленным дифференциальным признакам можно составить следующую матрицу гласных фонем (табл. 18).

Таблица 18. Матрица гласных фонем литовского литературного языка (I вариант)

№ п/п	Признаки	Фонемы											
		/e/	/eː/	/i/	/iː/	/ɛː/	/ie/	/a/	/aː/	/u/	/uː/	/oː/	/uo/
1	передний (непередний) ряд	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
2	нижний (ненижний) подъём	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
3	верхний (неверхний) ряд	0	0	+	+	-	-	0	0	+	+	-	-
4	неоднородный (однородный)	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	-	+
5	долгий (краткий)	-	+	-	+	0	0	-	+	-	+	0	0

Дендрограмма, изображающая эту классификацию фонем, имеет следующий вид (рис. 17).

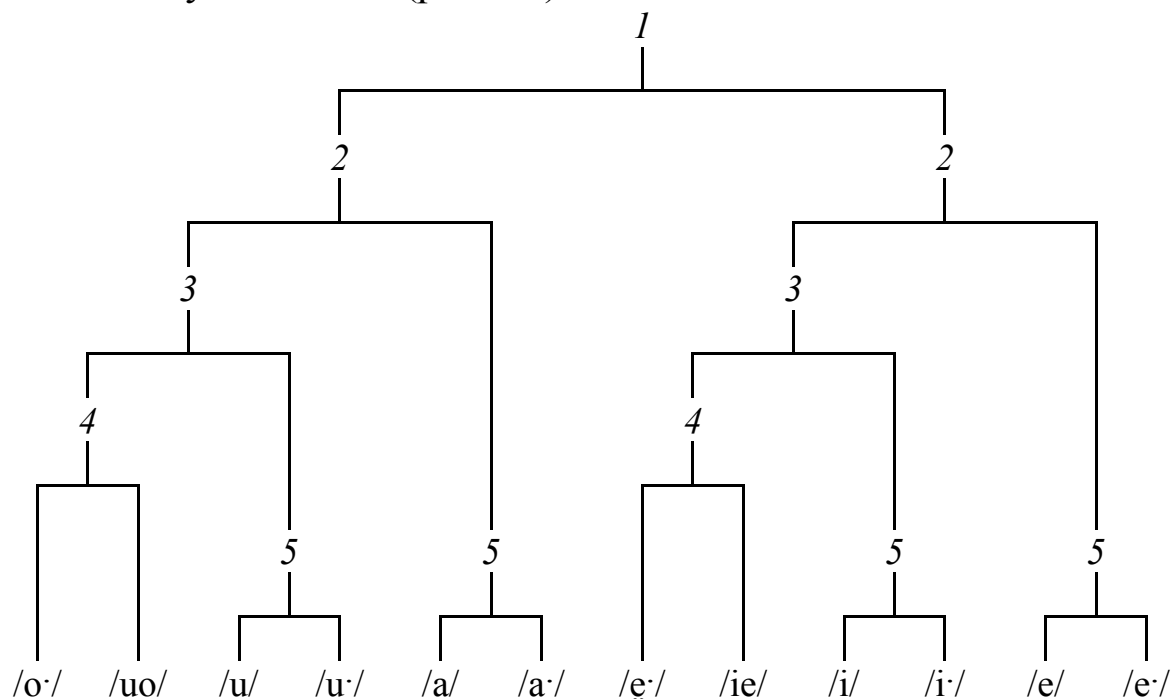

Рис. 17. Дендрограмма гласных фонем литовского литературного языка (I вариант)

Как показывает психолингвистическое исследование А. Пакериса [Pakerys 1971; 1974a], выполненное на материале литовской поэзии, эта дендрограмма хорошо отражает и аудитивное

(психоакустическое) сходство гласных¹²¹. Например, те гласные, которые различаются только 4-м и 5-м признаком, могут использоваться в ударных слогах рифм классической поэзии. В заударных слогах рифм передние гласные обычно сочетаются с передними, задние с задними и т. д. Поэтому, опираясь на поэтические рифмы и пользуясь так называемым принципом иерархической группировки, А. Пакерис вывел надёжную аудитивную классификацию гласных, почти полностью совпадающую с той, которую мы видим здесь. Практически те же самые результаты получаются и в результате аудитивных экспериментов (ср. [Girdenis 1978b = Girdenis 2000c: 340f.; Kačiuškienė 1984 и указ. лит.]).

Важные для восприятия звуковые свойства гласных, не попавшие в инвентарь дифференциальных признаков, выводятся при помощи общих правил, напр.: /‘+ гл.’ & ‘– пер.’ & ‘– нижн.’/ → [‘+ лабиализованный’], /‘+ гл.’ & ‘+ пер.’ & ‘+ нижн.’/ → [‘+ нижнесредний’], /‘+ гл.’ & ‘– нижн.’ & ‘+ долг.’/ → [‘+ напряжённый’].

§ 178. У полученной классификации гласных есть, однако, один недостаток, который станет очевидным, когда мы начнём исследовать просодические явления.

Как уже упоминалось (см. § 176 и 241–244), некоторые литовские гласные в ударных слогах выполняют такую же функцию, как и сочетания типа *VR*. Таковыми являются не только уже упомянутые /a· e· u· i·/, но и /o· uo e· ie/. Согласно установленной классификации, общий признак «долгий» имеется только у первых четырёх гласных, а /o· uo e· ie/ индифферентны к нему (см. ноль в 5-й строке табл. 18). Поэтому, приняв данную классификацию, мы должны будем не обосновывать просодические свойства слогов каким-либо общим отличительным признаком, а задавать списком фонем, равноценных дифтонгам. Это значительно уменьшает осмысленность и объяснительную силу классификации.

Избежать этого осложнения нетрудно: достаточно пару дифференциальных признаков «долгий» — «краткий» перенести

---

¹²¹ О психоакустических свойствах звуков и методах их исследования см., напр., [Fischer-Jørgensen 1967; Ungeheuer 1965; 1968; Łobacz 1981], о важности таких исследований для фонологии — [Hammarström 1966: 27].

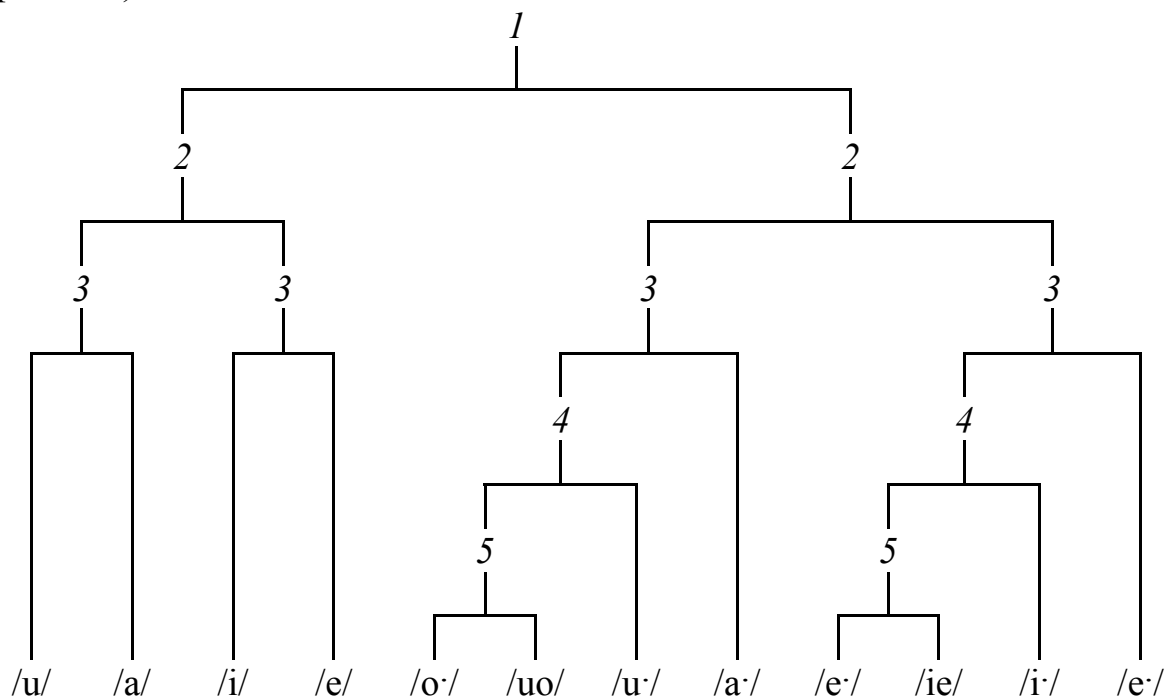

в начало списка и соответственно преобразовать матрицу (табл. 19). После такой операции все долгие гласные сразу же отделяются от кратких и образуют отдельный класс, коррелирующий в слове с группами типа *VR*.

Таблица 19. Матрица гласных фонем литовского литературного языка (II вариант)¹²²

№ п/п	Признаки	Фонемы											
		/e/	/e:/	/i/	/i:/	/ɛ:/	/ie/	/a/	/a:/	/u/	/u:/	/o:/	/uo/
1	долгий (краткий)	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+
2	передний (непередний) ряд	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
3	нижний (ненижний) подъём	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
4	верхний (неверхний) подъём	0	0	(+)	+	-	-	0	0	(+)	+	-	-
5	неоднородный (однородный)	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	-	+

Соответствующим образом изменяется и дендрограмма (рис. 18).

¹²² Взятые в скобки признаки отличают /u/ и /i/ только от периферийных фонем <ɔ> и <ɛ> (точнее говоря, <e/e> — см. § 189, сн. 130).

Рис. 18. Дендрограмма гласных фонем литовского литературного языка (II вариант)

Как мы видим, все признаки остались теми же самыми, только теперь они не только различают фонемы, но и выделяют и характеризуют их важные функциональные классы или подклассы. Поэтому можно вполне обоснованно сказать, что данная классификация (и данная иерархия признаков) имеет большую объяснительную силу. В некоторых отношениях она даже лучше объясняет и особенности вариантов отдельных фонем. Например, вместо [u i] иногда факультативно произносятся открытые гласные, схожие с [o e] (ср. § 66). Первый вариант классификации не предусматривает таких вариантов, а согласно второму — это совершенно нормальное явление, поскольку более точный подъём /u i/ теперь не регламентируется — важно только, чтобы он не был нижним. Признаки «верхний подъём» — «неверхний подъём» для них несущественны (см. ноль в строке 4 таблицы 19).

§ 179. Этот окружной путь к более правильному решению с очевидностью показывают, что эффективной может быть только такая классификация фонем и такая система (и иерархия) дифференциальных признаков, которая позволяет наиболее последовательно и просто описать отношения всех фонологических единиц и функционирование всей фонологической системы. Когда чисто фонетические критерии противоречат фонологическим — когда они приводят к более громоздкому описанию синтагматических и в целом функциональных отношений — чистая фонетика должна уступить место фонологии. Фонология, как и вообще современное языкознание, это, прежде всего, наука об отношениях¹²³. Звуки, их физические свойства — это только конкретизация и материализация данных отношений (или, если воспользоваться излюбленным термином исследователей семантики, их фонетическая интерпретация).

То же самое можно сказать и о других уровнях системы языка. Например, при выделении и описании грамматических ка-

---

¹²³ Здесь мы имеем в виду не онтологический, а методический аспект теории языка. Язык, без сомнения, не является сетью чистых отношений, но самый правильный и результативный путь к его истинной структуре лежит через отношения (см. также § 96).

тегорий прежде всего нужно руководствоваться их синтаксическими функциями и позициями, а также парадигматическими отношениями друг с другом, а не критериями семантики (в грамматике они занимают практически то же место, что и фонетические критерии в фонологии).

С) ДРУГИЕ КРИТЕРИИ И МОТИВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ГРУППИРОВКИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

§ 180. Парадигматические отношения и дифференциальные признаки фонем литовского языка мы установили, руководствуясь следующими критериями и мотивами:

1) мы искали такие фонетические свойства, которые являлись бы общими для всех членов одного синтагматического класса и отличали бы их от членов других классов;

2) отличительные свойства членов корреляций и корреляционных рядов выделены в качестве дифференциальных признаков;

3) отобраны фонетические свойства, общие для всех фонем, вызывающих нейтрализацию определённых оппозиций;

4) найдены свойства, различающие фонемы, которые принадлежат одним и тем же синтагматическим классам и не подвергаются нейтрализации;

5) мы считали несущественными и потому отвергали те звуковые свойства, которые различают не фонемы, а их факультативные или комбинаторные варианты;

6) мы придерживались точки зрения, что положение дифференциального признака в иерархии парадигматических отношений тем выше, чем крупнее синтагматические классы, которые он характеризует и выделяет; самую нижнюю ступень занимают дифференциальные признаки нейтрализуемых оппозиций, поскольку этих признаков нет у архифонем, выступающих в позициях нейтрализации.

§ 181. Самым универсальным из этих критериев является пятый. Исследователи любого языка должны отказаться от тех фонетических признаков, которые различают не самостоятельные фонемы, а их варианты.

Например, в русском литературном языке только пять гласных фонем: /i e a o u/, — но соответствующих им звуков гораздо

больше. Только в ударных слогах можно услышать долгие и краткие гласные, напоминающие литовские долгие и краткие гласные фонемы; нередко наряду со сравнительно чистым [ɔ] звучит дифтонгоид [ʊɔ], сходный с литовской фонемой переменного подъёма /uo/. Однако ни долгота — краткость, ни переменность — постоянство артикуляции не являются дифференциальными признаками гласных русского языка, поскольку данные свойства различают факультативные варианты фонем и поэтому в самом лучшем случае могут выполнять только экспрессивную, но не дистинктивную функцию: [s'í:lə] и [s'í:lə] (*сила*), [dú:mət'] и [dúmət'] (*думать*), [m^uóžnə] и [móžnə] (*можно*) — это одни и те же слова, так как они обозначают одно и то же предметное содержание.

То же самое следует сказать и о признаках аллофонов. Даже не углубляясь в более мелкие детали, в русском языке можно легко заметить по меньшей мере по два явных аллофона каждой гласной фонемы, которые характеризуются следующими фонетическими свойствами:

/i/	{	[i]	– ‘передний ряд’, ‘верхний подъём’, ‘неогубленный’
		[ɨ]	– ‘непередний ряд’, ‘неверхний подъём’, ‘неогубленный’
/u/	{	[u]	– ‘непередний ряд’, ‘верхний подъём’, ‘огубленный’
		[ü]	– ‘передний ряд’, ‘верхний подъём’, ‘огубленный’
/a/	{	[a]	– ‘непередний ряд’, ‘нижний подъём’, ‘неогубленный’
		[æ]	– ‘передний ряд’, ‘нижний подъём’, ‘неогубленный’
/e/	{	[e]	– ‘передний ряд’, ‘средний подъём’, ‘неогубленный’
		[ɛ]	– ‘непередний ряд’, ‘средний подъём’, ‘неогубленный’
/ɔ/	{	[ɔ]	– ‘непередний ряд’, ‘средний подъём’, ‘огубленный’
		[ɔ̃]	– ‘передний ряд’, ‘средний подъём’, ‘огубленный’

Аллофоны [i], [ü], [æ], [e], [ɔ̃] употребляются после мягких и особенно между мягкими согласными (напр.: *пи́ли, лю́ди, пять, петь, тёть*), аллофоны [ɨ], [u], [a], [ɛ] ([э]), [ɔ] — после твёрдых и (за исключением первого) после паузы (напр.: *пыл, луг, дать, ё́тот, тот*).

Просмотрев список признаков, мы увидим, что пара фонетических свойств «переднего ряда» — «непереднего ряда» никак

не может выступать дифференциальными признаками оппозиций /i/ : /u/, /e/ : /ɔ/, поскольку она различает только аллофоны одних и тех же фонем. Подлинными дифференциальными признаками этих оппозиций являются «огубленный» — «неогубленный», поскольку только они являются общими для всех аллофонов соответствующих фонем: сохраняются как после твёрдых, так и после мягких согласных. Все аллофоны /i/ и /e/ являются нелабиализованными, все аллофоны /u/ и /ɔ/ — лабиализованными.

Такая же ситуация и в тех восточных и южных говорах литовского языка, в которых /a/ и /e/ (/æ/) больше не противопоставлены (ср. § 59, табл. 6) и в которых фонемы /i/, /i·/, /e·/ имеют аллофоны непереднего ряда [i̯], [y̯], [ɛ̯] и т. п., а фонемы /u/, /u·/, /ɔ·/ — аллофоны почти переднего ряда [u̯], [ü̯], [ɔ̯] и т. п., ср. юж.-аукшт. *kāĩ.ty* «*kiaũle*» ‘свинью’, *lẽ.kę* «*lẽkẽ*» ‘(он) летел’, в.-аукшт. утянские *duĩ* «*duriũ*» ‘колю’, *galũ* «*galiũ*» ‘могу’. Здесь также дифференциальным признаком оппозиций /u/ : /i/, /u·/ : /i·/, /ɔ·/ : /e·/ может быть только лабиализация, а не ряд гласных (т. е. признаки «огубленный» — «неогубленный», а не «передний» — «непередний»; ср. [Аванесов 1956: 88]). Особо очевидно это в купишкском говоре, в котором [ä] и [ɛ], [ä·] и [ɛ·] превратились в аллофоны двух фонем (/e/ и /e·/), ср.: *sā.nas* «*sēnas*» ‘старый’ : *šė.ni.s* «*sēnis*» ‘старик’, *bā.ga* «*bėga*» ‘бежит’ : *bė.gi* «*bėgi*» ‘бежишь’ (ср. также [Kosienė 1978: 37–38; Girdenis 1979a = Girdenis 2000c: 348]).

Всё же иногда приходится пренебрегать некоторыми редкими факультативными вариантами. Например, во многих северных жемайтских говорах фонемы [k g] перед следующими смычными, а также (несколько реже) между гласными иногда факультативно реализуются как [x γ], напр.: *ràktâ* «*rãktai*» ‘ключи (Nom. Pl.)’ → <*ràxtâ*>, *láugdâ.ms* «*láukdamas*» ‘ожидая’ → <*láuγdâ.ms*>, *sakâ* «*sakaĩ*» ‘говоришь’ → <*saxâ*>, *išâ.ug^a* «*išáugo*» ‘(он) вырос’ → <*išâ.uγ^a*> (Тельшяй). Если принять это во внимание, пришлось бы отказаться от таких характерных для согласных признаков, как «щелевой» — «смычный».

§ 182. Изменения дифференциальных признаков (или характера оппозиций) играют в развитии языка значительную роль, поэтому в диахронической фонологии они называются специальным термином рефонологизация (или трансфонологизация) (см. [Jakobson 1962: 209–212; Степанов

1966: 235; Постовалова 1978: 108–109; Степонавичюс 1976: 242–243; 1982b: 40–41]). Следовательно, по сравнению с литературным языком и праязыком восточных балтов, в южных и восточных говорах литовского языка произошла рефонологизация оппозиций типа /u/ : /i/: признаки рядов уступили место признакам лабиализации. Это весьма характерно для фонологических систем, обладающих тембровой корреляцией согласных (т. е. различающих твёрдые и мягкие согласные фонемы).

Рефонологизация (или трансфонологизация) отлична от дефонологизации — исчезновения оппозиции (ср. вышеупомянутое совпадение /a/ и /e/ в литовских говорах) [Jakobson 1962: 205–207; Степанов 1966: 233; Постовалова 1978: 108–109; Степонавичюс 1973: 165; 1982a: 40] — и от фонологизации — превращения аллофонов в самостоятельные фонемы [Jakobson 1962: 207–209; Степанов 1966: 234–235; Постовалова 1978: 108–116; Степонавичюс 1975: 243; 1982a: 41–42] (ср. русское /t'/ в словах типа *быть*, которое возникло из смягчённого аллофона фонемы /t/ после исчезновения редуцированного гласного *ь*, обусловившего это смягчение; о сходных явлениях в литовских говорах см. [Girdenis 1983a = Girdenis 2000c: 290ff.]).

§ 183. Другие критерии хорошо подходят только для тех языков, в которых возможна более детальная синтагматическая классификация фонем.

Когда в языке выделяются только синтагматические классы гласных и согласных и практически нет явлений нейтрализации, этими критериями мы сможем мотивировать лишь самую элементарную пару дифференциальных признаков «гласный» — «согласный» либо «гласный» — «негласный». Другие признаки приходится искать уже только на основании чисто фонетических, логических и других нефонологических мотивов (ср. также § 185).

Так как звуки обладают очень большим количеством разнообразных физических (акустических и артикуляторных) признаков, определить единственную и обязательную систему дифференциальных признаков для таких языков невозможно. Даже если выбрать те же самые дифференциальные признаки, останется без ответа вопрос об их иерархии. Одна иерархия признаков даёт одну модель парадигматических отношений, другая — другую, третья — третью и т. д. Число возможных моделей можно высчитать по формуле $m = P!$, где m — число моделей, P — количество парных дифференциальных признаков, $!$ — факториал (т. е. произведение $1 \cdot 2 \cdot (\dots) \cdot (P-1) \cdot P$).

§ 184. Возьмём, к примеру, самую бедную из известных систем согласных — гавайскую /ʔ h p k w m n l/ (см. § 102)¹²⁴. Как мы помним, в данном языке нет никаких сочетаний согласных, — следовательно, синтагматическая классификация этих фонем невозможна.

Допустим, ни у кого нет ни малейшего сомнения, что /ʔ h/ противопоставлены прочим фонемам как горловые (ларингальные) негорловым, /p k ʔ/ — как смычные несмычным, /m n/ — как носовые неносовым, /p m w/ — как губные негубным, т. е. все фонемы идентифицируются такими парами дифференциальных признаков: «ларингальный» — «неларингальный», «смычный» — «несмычный», «носовой» — «неносовой», «губной» — «негубной».

Меняя иерархию данных признаков, можно получать всё новые и новые модели парадигматических отношений, которым соответствуют совершенно разные дендрограммы.

1. Если выбрать тот порядок расположения признаков, в котором они только что были представлены, мы получим такую картину парадигматических отношений (табл. 20).

Таблица 20. Матрица согласных фонем гавайского языка (I модель)

№ п/п	Признаки	Фонемы							
		/ʔ/	/h/	/p/	/k/	/m/	/n/	/w/	/l/
1	ларингальный (неларингальный)	+	+	–	–	–	–	–	–
2	смычный (несмычный)	+	–	+	+	–	–	–	–
3	носовой (неносовой)	0	0	0	0	+	+	–	–
4	губной (негубной)	0	0	+	–	+	–	+	–

Дендрограмма этой классификации следующая (рис. 19).

¹²⁴ Эта система беднее даже «универсального» типологического минимума, установленного В. Скаличкой [Skalička 1967: 73]. Правда, недавно в литературе (напр., [Roach 2002: 89f.]) появились упоминания о системах, полностью противоречащих теоретическим рассуждениям В. Скалички: в одной из них только 11 фонем, в другой — 141 фонема. Особенно маловероятным кажется «максимум» — похоже, это результат незавершённого фонологического анализа.

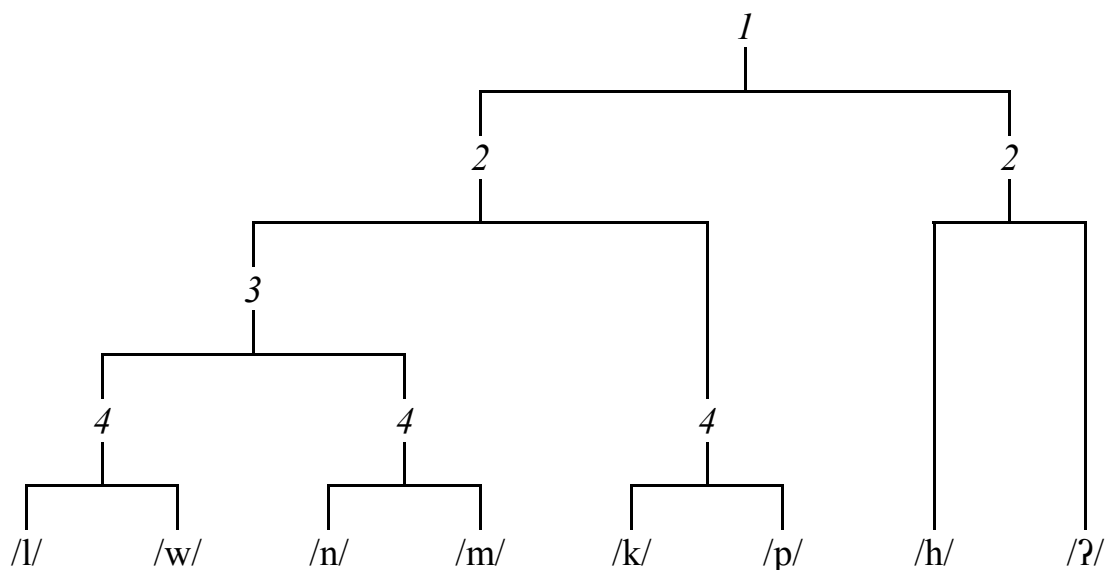

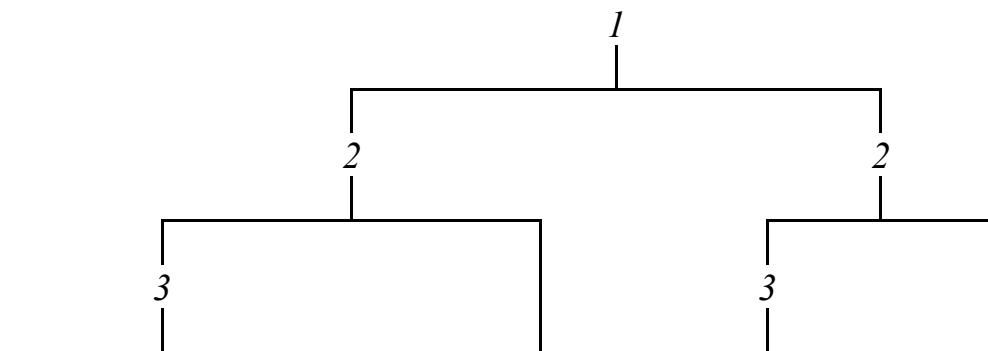
Рис. 19. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (I модель)

2. Расположим признаки в обратном порядке: 1) «губной» — «негубной», 2) «носовой» — «неносовой», 3) «смычный» — «несмычный», 4) «ларингальный» — «неларингальный». Теперь матрица согласных будет выглядеть так (табл. 21).

Таблица 21. Матрица согласных фонем гавайского языка (II модель)

№ п/п	Признаки	Фонемы							
		/ʔ/	/h/	/p/	/k/	/m/	/n/	/w/	/l/
1	губной (негубной)	-	-	+	-	+	-	+	-
2	носовой (неносовой)	-	-	-	-	+	+	-	-
3	смычный (несмычный)	+	-	+	+	0	0	-	-
4	ларингальный (неларингальный)	+	+	0	-	0	0	0	-

Дендрограмма (рис. 20) теперь совершенно не похожа на первую.

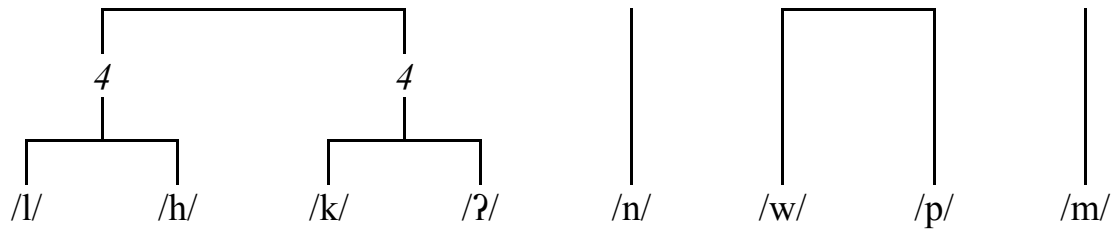

Рис. 20. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (II модель)

3. Третью систему мы получим, если расположим признаки в таком порядке: 1) «смычный» — «несмычный», 2) «ларингальный» — «неларингальный», 3) «губной» — «негубной», 4) «носовой» — «неносовой». Матрица фонем получится такой (табл. 22).

Таблица 22. Матрица согласных фонем гавайского языка (III модель)

№ п/п	Признаки	Фонемы							
		/ʔ/	/h/	/p/	/k/	/m/	/n/	/w/	/l/
1	смычный (несмычный)	+	-	+	+	-	-	-	-
2	ларингальный (неларингальный)	+	+	-	-	-	-	-	-
3	губной (негубной)	0	0	+	-	+	-	+	-
4	носовой (неносовой)	0	0	0	0	+	+	-	-

Дендрограмма (рис. 21) теперь отличается и от первой, и от второй.

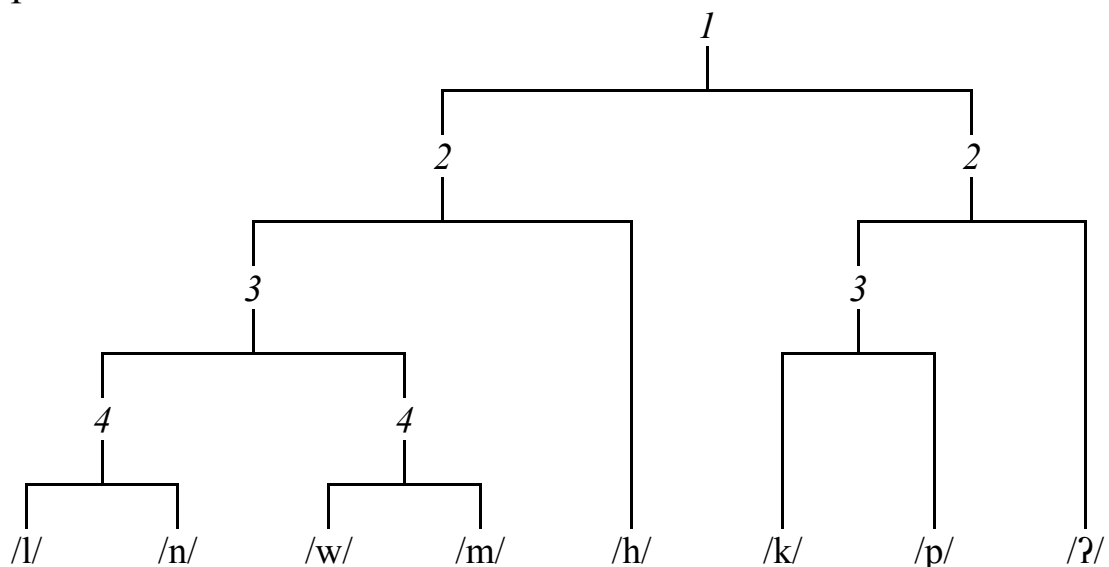

Рис. 21. Дендрограмма согласных фонем гавайского языка (III модель)

Возможны и другие модели этой системы согласных (общее количество моделей составляет $4! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4 = 24$).

§ 185. Аргументов, которые вынуждали бы отдать предпочтение какой-нибудь одной из возможных группировок, не существует. Но всё же выбор одной из моделей не должен быть субъективным даже в таких крайних случаях.

Во-первых, на помощь можно призвать данные типологии языков и отдать предпочтение тем решениям, которые поддерживаются фонологическими системами большого количества языков. Особенно следует учитывать данные родственных языков с несколько отличающейся системой. Во-вторых, в подобных случаях могут весьма пригодиться исследования частоты фонем (см., напр., [Широков 1961; Клычков 1962; 1984]). Например, зная, что немаркированные члены оппозиций обычно более частотны, чем маркированные (см. § 144), мы смелее можем более редким фонемам приписывать положительные дифференциальные признаки, а более частотным — отрицательные. В-третьих, наконец, количество возможных интерпретаций могут значительно уменьшить аудитивные (психоакустические) эксперименты, а также исследования различных эвфонических средств фольклора и индивидуального поэтического творчества — рифм, аллитераций, ассонансов и др. — в сочетании с соответствующей техникой статистической обработки результатов (см. § 176 и указ. лит., а также [Horálek 1965: 366]). Такие исследования устанавливают ощущаемые самими членами языкового сообщества аудитивные свойства и классы фонем, а они, как уже упоминалось (см. § 177), обычно близки к тем нейтральным классам фонем, которые выявляются синтагматическими отношениями. Иногда при выявлении и группировке дифференциальных признаков учитывается и вышеупомянутый (§ 59) принцип грамматической целесообразности (напр., [Palková 1967]). Ценными могут быть даже работы по диахронии, особенно по диахронической типологии (напр., такие как [Серебренников 1974]; ср. [Kurath 1957: 114; Labov 1966: 103])¹²⁵.

---

¹²⁵ В этом отношении достойны внимания попытки Дж. Фоули [Foley 1970; 1977] установить универсальную иерархию признаков фонем на основании их относительной диахронической устойчивости. Полученные им

Только на самом последнем этапе исследований можно опираться на данные инструментальной фонетики. Полученные с помощью приборов характеристики приписываются уже установленным и расклассифицированным фонемам и их классам (ср. [Hammarström 1966: 27; Панов 1979: 44]).

§ 186. Имея в виду вышеизложенное, следует очень осторожно и трезво оценивать кабинетные фонологические исследования, выполненные по текстам ограниченного объёма, записанным другими людьми (так называемым корпусам), либо по традиционным фонетическим описаниям. Чаще всего это условные конструкции, предлагающие одно из многих как обоснованных, так и необоснованных решений¹²⁶. Особенно подозрительны работы такого типа, посвящённые целым семьям ранее малоисследованных языков.

Д) МОДЕЛИ И ТИПЫ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

§ 187. Самой универсальной моделью парадигматических отношений является уже упоминавшаяся дендрограмма, или «дерево», фонем. Она очень удобна в первую очередь потому, что применима к самым разнообразным фонологическим (и не только фонологическим) системам, позволяет их изображать и интерпретировать на основании единых принципов и потому хорошо выявляет общее и различное в разных системах. Однако больше всего ценность дендрограммы увеличивает то, что она по своей форме не отличается от схем, изображающих синтагматические отношения различных единиц языка¹²⁷. Никакая другая модель

конкретные результаты пока не являются ни существенно новыми, ни существенно оригинальными (см., напр., [Brakel 1980: 178 et passim]), но само направление поисков представляется весьма перспективным (ср. [Клычков 1984]).

¹²⁶ К таковым, к сожалению, следует отнести и некоторые работы по литовской фонологии (напр., [Matthews 1958; Schmalstieg 1958; Kazlauskas 1966]).

¹²⁷ Диаграммы стратификационной лингвистики (напр., [Lamb 1966: 9ff.; Lockwood 1972a: 32ff.]) — это только более сложная разновидность дендрограмм.

так отчётливо не показывает тесных связей, существующих между синтагматическим и парадигматическим планом фонологической системы, и так хорошо не раскрывает изоморфизма различных уровней системы языка. Особенно содержательны дендрограммы тех фонологических систем, в которых синтагматические классы являются одновременно и парадигматическими. Эти модели удобны ещё и потому, что по своей структуре совпадают с иерархическими схемами аудитивных экспериментов (см., напр., [Pakerys 1974a: 45–46 и указ. лит.]).

Однако у дендрограмм есть и недостатки. Во-первых, они навязывают иерархический порядок дифференциальных признаков даже тогда, когда на самом деле такого порядка нет (ср. § 184). Во-вторых, они не так наглядны и удобны, как некоторые другие модели, их всегда нужно дополнять матрицами фонем.

§ 188. Более наглядными и компактными, чем дендрограммы, моделями парадигматических отношений являются таблицы дифференциальных признаков, унаследованные от классической фонетики. Их столбцы соответствуют одним признакам (ряду гласных, их лабиализации, месту образования согласных), а строки — другим (подъёму гласных, способу образования согласных и т. п.).

Например, фонологическую систему гласных литовского языка можно представить в виде такой таблицы (табл. 23; в угловых скобках „<. >“ показаны периферийные фонемы). По своему содержанию она полностью изоморфна приведённым в § 178 матрице (табл. 19) и дендрограмме (рис. 18), но по наглядности значительно превосходит их.

Таблица 23. Система гласных литовского литературного языка

Подъём		Долгота				
		долгие		краткие		
		перед- ние	непе- редние	перед- ние	непе- редние	
ненижние	верхние		/i·/	/u·/		/u/
	неверхние	неоднородные	/ie/	/uo/	/i/	<ɔ>
		однородные	/e·/	/o·/		
нижние			/e·/	/a·/	/e/	/a/

Систему литовских согласных можно изобразить такой таблицей (табл. 24)¹²⁸.

Таблица 24. Система согласных литовского языка

Способ образования		Место образования				
		губные	негубные			
			переднеязычные	альвеолярные	непереднеязычные	
зубные						
несонорные	щелевые		<f> — <f̂>	/s/ — /š̂/ /z/ — /ž̂/	/š̂/ — /š̂̂/ /ž̂/ — /ž̂̂/	<x> — <x̂> <h> — <ĥ>
	нешелевые	аффрикаты	/c/ — /č̂/ /z/ — /ž̂/	/č̂/ — /č̂̂/ /ž̂/ — /ž̂̂/		
		смычные	/p/ — /p̂/ /b/ — /b̂/	/t/ — <t̂> /d/ — <d̂>	/k/ — /k̂/ /g/ — /ĝ/	
	сонорные	носовые		/m/ — /m̂/		/n/ — /n̂/
неносовые		щелевые	/v/ — /v̂/		/j/	
		нешелевые		/l/ — /l̂/	/r/ — /r̂/	

Такие таблицы лучше, чем дендрограммы, показывают характерные для языка корреляции и корреляционные ряды, но зато по ним труднее заметить, сколько дифференциальных признаков есть у той или иной фонемы и какие они. Не столь очевиден и изоморфизм парадигматических и синтагматических связей. И всё-таки, если повернуть таблицу согласных на 90°, видно, что классы фонем в ней расположены примерно в том же порядке, в каком они выступают в эксплозивных консонантных группах, — гармонию разрушают только аффрикаты, вставшие между согласными типа /s š̂/ и /k t p/. Синтагматических отношений не показывает и положение в таблице заимствованных единиц.

¹²⁸ Это, можно сказать, система литовского языка в целом: диалектный консонантизм может от неё отличаться только незначительными деталями (ср. [Girdenis, Zinkevičius 1966: 141 = Girdenis, 2000b: 46f.; Zinkevičius 1978: 19]).

§ 189. По дендрограммам и особенно по таблицам можно составить и совсем простые планиметрические модели фонологических систем. Особенно популярны такие модели для гласных: треугольники, четырёхугольники, трапеции гласных. И сами системы гласных в соответствии с этими моделями очень часто называют треугольными, четырёхугольными и т. п. (см., напр., [Trubetzkoy 1977: 87ff. = Трубецкой 1960: 107ff.]¹²⁹).

Планиметрическая модель изображается очень просто. Нужно договориться, что, к примеру, слева столбиком записываются передние или неогубленные гласные, справа —непередние (задние) или огубленные, в верхней строчке — верхние, в нижней строчке — нижние, в центральных строках — гласные среднего подъёма (в порядке увеличения открытости).

Условившись таким образом, мы можем литовскую систему гласных изобразить таким четырёхугольником (ср. [Trost 1965; Girdenis 1966a = Girdenis 2000b: 309f.; Smoczyński 1978]):

/ĩ/	/ũ/
/ie/	/uo/
/ė/	/ō/
/ė̃/	/ã/

При желании подчеркнуть оппозиции долгих и кратких гласных эту модель можно разбить на два четырёхугольника¹³⁰:

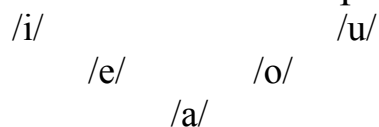
/iː/	/uː/	/i/	/u/
/ie/	/uo/		
/eː/	/oː/		<ɔ>
/e/	/a/	/e/	/a/

¹²⁹ Существуют и совсем простые линейные системы, члены которых противопоставлены только по подъёму (см. [Trubetzkoy 1977: 87–88 = Трубецкой 1960: 108–109; Кумахов 1967: 145; Ломтатидзе 1967a: 103; 1967b: 125; Кумахов, Шагиrow 1979: 134–135; Alarcos Llorach 1975: 60]).

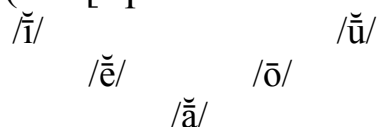
¹³⁰ Чаще всего вокалические системы изображаются таким способом в диахронических и диалектологических исследованиях, поскольку эволюция долгих и кратких гласных редко бывает параллельной (см., напр., [Чекман 1979: 179ff.]).

Здесь стоит сказать, что часть носителей литературного языка в недавно заимствованных словах употребляет краткий гласный среднего подъёма [e] (или [ẽ]), который из-за его факультативности стоит оценивать как «двуликую» периферийную фонему <e/ẽ> (ср. § 66; также см. [Амбразас 1985: 19; Ambrazas 1997: 23 = Girdenis 2001: 207]).

Привычной моделью системы вокализма ударных слогов русского литературного языка является треугольник:

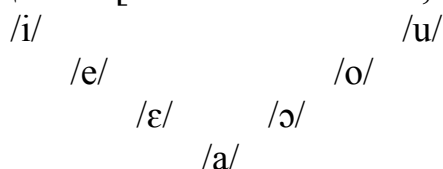

Такая модель наиболее распространена в различных языках (см., напр., [Hockett 1955: 85; Crothers 1978: 104, 117, 128 et passim]), только чаще всего /i/ и /u/, /e/ и /o/ противопоставлены не как «неогубленный» — «огубленный», но как «передний» — «задний» (или, говоря более правильно, «неогубленные передние» — «огубленные задние»); гласный нижнего подъёма в этих системах не имеет ни переднего, ни огубленного коррелята. Такие треугольные системы встречаются, например, в уже не раз упоминавшихся нами полинезийских языках (см. § 102), а также в современном испанском (ср. [Alarcos Llorach 1975: 146], грузинском языках [Чикобава 1967: 26], в афинском диалекте новогреческого языка [Кибрик 1962: 83]. Система латинского языка отличалась только тем, что в ней были противопоставлены и долгие и краткие гласные (см. [Тронский 1960: 75]):

Такая система, скорее всего, существовала и в позднюю эпоху индоевропейского праязыка (после того, как так называемые ларингалы слились с соседними гласными; см. [Семереньи 1980: 47]).

В современном итальянском литературном языке уже не различаются долгие и краткие гласные, но зато в нём есть по две фонемы среднего подъёма [Lichem 1970: 53; Muljačić 1972: 26]:

Довольно распространены и такие треугольные системы гласных, в которых противопоставлены не только передние и задние, но и передние огубленные и неогубленные гласные (ср. [Crothers 1978: 100ff.]). Самым простым примером здесь является упоминаемая Н. С. Трубецким система гласных монгольского языка:

/i/	/ü/	/u/
	/e/	/ö/
		/o/
		/a/

Из более известных нам языков противопоставление огубленных и неогубленных передних гласных есть, например, в немецком, французском, датском, шведском, норвежском, исландском, ср.: нем. *Kiel* [ki:l] ‘киль’ : *kühl* [ky:l] ‘прохладный’, *lesen* ['le:zən] ‘читать’ : *lösen* ['lø:zən] ‘решать’, дат. *hilde* ['hilə] ‘опутывать’ : *hylde* ['hylə] ‘полка’, *gærde* ['g̊æ:və] ‘ограда’ : *gøre* ['g̊æ:və] ‘делать’.

«Срединные» члены таких систем могут и на самом деле быть гласными среднего ряда — такая ситуация, например, в румынском языке, где треугольник гласных следующий (см. [Василиу 1962: 86; Augerot 1969: 471]; здесь [î] ≈ [ы], [ă] ≈ [ə]):

/i/	/î/	/u/
	/e/	/ă/
		/o/
		/a/

Примером самой простой системы гласных служит, должно быть, вокализм классического арабского языка (см. [Гранде 1972: 383]):

/ī/	/ū/
	/ā/

Правда, скудность инвентаря фонем в нём вроде как компенсируют многочисленные и разнообразные аллофоны: фонема /a/ может реализовываться как [a ä å æ], /i/ — как [i î e ə], /u/ — как [u ü o] и т. д. Например, слово *mušabbadin* ‘возвышенных (Gen. Pl.)’ произносится [mošāb'badātin], *širāṭa* ‘дороги (Nom. Pl.)’ — [ʃi'ra:tā] и т. д.

Вообще говоря, треугольные системы с типологической точки зрения являются особенно распространёнными — четырёхугольные системы встречаются гораздо реже (ср. [Crothers 1978: 101–102]; универсальную схему отношений и «развития» различных систем гласных см. [Степанов, Эдельман 1976: 276ff.]). Такая ситуация, без сомнения, объясняется тем, что переднюю и заднюю артикуляцию гласных нижнего подъёма трудно различить (ср. [Fischer-Jørgensen 1981: 209]). Эти гласные открытой артикуляции труднее поддаются и лабиализации, поскольку огубленность проблемно сочетать с широким раскрыти-

ем ротовой полости. Поэтому чаще всего гласный нижнего подъёма бывает только один.

Н. С. Трубецкой (иногда и Р. О. Якобсон — ср. [Jakobson 1962: 224–225; Jakobson, Waugh 1979: 51]) изображал треугольники и четырёхугольники гласных как бы повернутыми на 180°. Например, упомянутая система гласных монгольского языка в его работах выглядит так (см. [Trubetzkoy 1977: 89ff. = Трубецкой 1960: 112ff.]):

	<i>a</i>	
<i>e</i>	<i>ö</i>	<i>o</i>
<i>i</i>	<i>ï</i>	<i>u</i>

Систему гласных литовского языка он приводит в таком виде [Trubetzkoy 1929: 55]:

Гласные большой интен- сивности		Гласные малой интенсив- ности	
<i>ā</i>	<i>ē</i>	<i>a</i>	<i>e</i>
<i>o</i>	<i>ė</i>		
<i>į</i>	<i>ë</i>		
<i>ū</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>u</i>

Графемами *į* *ë* здесь обозначаются /uo ie/ (ср. [Girdenis 1970b: 17; 1977: 192 = Girdenis 2000c: 86]).

Й. Казлаускас был склонен гласные переднего ряда размещать в правом столбце, а заднего — в левом, но по подъёму гласные располагал в привычном порядке. Вот реконструированная им восточно-балтийская система гласных [Казлаускас 1962] (ср. [Mažiulis 1965: 56; 1970: 16–17]):

<i>ū</i>	<i>ī</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
<i>ō₁</i>	<i>ē₁</i>	<i>o</i>	<i>e</i>
<i>ō₂</i>	<i>ē₂</i>		

Наконец, возможна ещё и такая модель:

<i>i</i>		
<i>e</i>		
	<i>a</i>	
<i>o</i>		
<i>u</i>		

Здесь треугольник гласных сочетается с акустической картиной системы гласных, которая получается, если изобразить значения первых двух формант спектра в первой четверти систе-

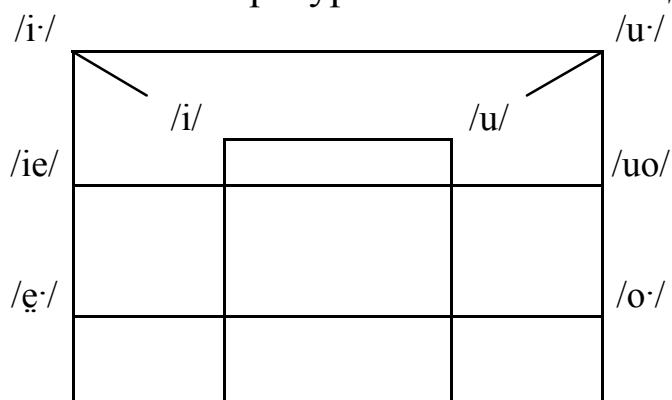
мы координат (см., напр., [Чикобава 1967: 26; Muljačić 1973: 115–116]).

Существенного различия между тем или иным графическим видом системы, конечно, нет, но как раз поэтому лучше всего придерживаться традиционных, общепринятых конвенций.

Системы согласных изображать в виде планиметрических моделей труднее, поскольку этих фонем обычно гораздо больше, чем гласных, а их отношения не такие простые и симметричные. Однако в принципе подобные модели возможны, только нужно чётко договориться, где какие фонемы будем обозначать (см., напр., [Амбразас 1985: 34; Ambrazas 1997: 29 = Girdenis 2001: 215]). Совершенно привычно изображение в виде планиметрических моделей некоторых подсистем согласных (ср. приведённые в § 151 ряды корреляций).

§ 190. Особенно наглядно фонологические системы можно представить в виде стереометрических моделей. Первым ими стал пользоваться, по-видимому, немецкий фонетист Йорген Форхгаммер (см. [Ungeheuer 1962: 22–24]). В 1960–1970 гг. они были очень популярны у советских фонологов (см., напр., [Пиотровский 1960; 1966; Евдошенко 1963; Мельников 1966; Падлужны 1969: 129 и 201; Перебийніс 1970: 54–55])¹³¹.

Например, стереометрическая модель системы гласных литовского литературного языка выглядит так (рис. 22).

¹³¹ Критику этих моделей (во многих отношениях необоснованную) см. [Воронкова 1981: 84 и в особенности 71–72]. Тот факт, что некоторые склонны фетишизировать такие модели, не подразумевает, что они вообще неприемлемы. Если придерживаться определённых условностей, то при помощи стереометрических моделей можно передать даже очень тонкие нюансы отношений звуков и фонем (см., напр., [Girdenis 1967b: 142, 199 ≈ Girdenis 2000b: 126, 158]).

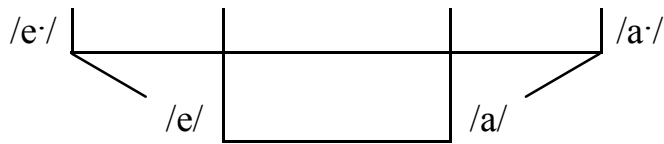

Рис. 22. Стереометрическая модель системы гласных литовского литературного языка

Верхняя плоскость данной фигуры /i·-u·-u-i/ изображает верхние гласные, нижняя /e·-a·-a-e·/ — нижние, левая /i·-i-e-e·/ — передние, правая /u·-u-a-a/ — задние, передняя /i·-u-a-e·/ — краткие, задняя /i·-u-a-e·/ — долгие.

Стереометрическими моделями можно наглядно представить и парадигматические отношения согласных фонем, особенно подсистемы, связанные пропорциональными оппозициями. Вот как может выглядеть стереометрическая модель смычных согласных санскрита (рис. 23; ср. § 149).

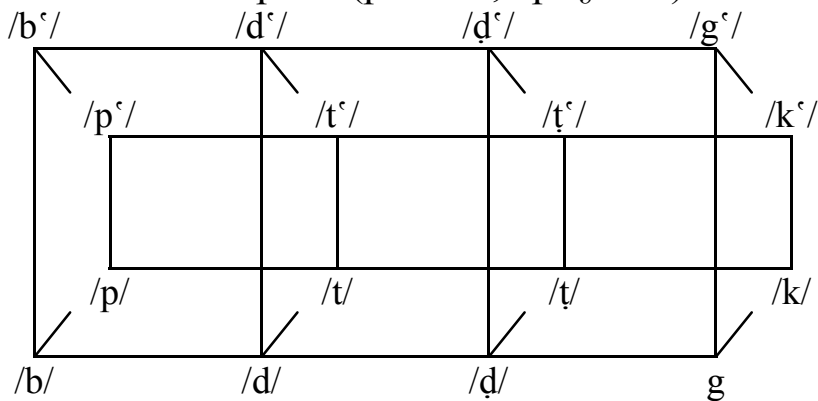

Рис. 23. Стереометрическая модель системы смычных согласных санскрита

В верхней части модели представлены аспираторованные согласные, в нижней — неаспираторованные, на задней плоскости — звонкие, на передней — глухие, в первом перпендикулярном сечении представлены губные, во втором — зубные, в третьем — церебральные (ретрофлексные), в четвёртом — нёбные (заднеязычные). Эти сечения показывают и уже известные нам пучки корреляций.

В виде стереометрических моделей можно изображать и целые фонологические системы. Однако они не так просты и наглядны, как дендрограммы или планиметрические модели, и, видимо, поэтому нечасто встречаются в работах по фонологии.

Е) СИСТЕМА БИНАРНЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ И ПРИНЦИПЫ ДИХОТОМИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

А) ИСТОКИ И ПРЕДПОСЫЛКИ

§ 191. Исследуя синтагматические отношения, мы естественным образом получили дихотомическую классификацию фонем: один их класс всегда обладает определённой позиционной характеристикой, которой не обладает другой. Например, для класса *R* (сонорных согласных) характерно то, что его члены в эксплозивных группах встречаются только непосредственно перед гласными, — другие согласные могут встречаться не только перед гласными; гласные — это такие фонемы, которые образуют центр слога, а согласные — такие фонемы, которые центра слога не образуют, и т.д.

Поскольку дифференциальные признаки мы прежде всего приписали синтагматическим классам фонем, то и группировать их мы должны были по тому же самому принципу: один класс всегда получал положительный признак, другой — отрицательный. Поэтому признаки объединились в определённые бинарные группы (от фр. *binaire* ‘двойной, парный’ ← лат. *bini* ‘по два; двое’), напр.: ‘сонорный’–‘несонорный’ (‘шумный’), ‘щелевой’–‘нещелевой’ и т.д. Так же пришлось сгруппировать и члены нейтрализуемых оппозиций (корреляций): их маркированные члены получили положительные признаки, немаркированные — отрицательные. Даже признаки ‘переменного ряда’ — ‘непеременного ряда’ (‘постоянный’), определяющие оппозиции /ɛ:/ : /ie/, /o:/ : /uo/, расположены именно в таком порядке не совсем условно, хотя они и не подвергаются нейтрализации. В данном случае маркированный и немаркированный член выявляется благодаря статистике фонем: в связной речи /ɛ:/ встречается более чем в два раза чаще, чем /ie/, а гласный /o:/ — более чем в восемь раз чаще, чем /uo/ (ср. § 144, а также «Приложение 4» (с. 364) и [Karosienė, Girdenis 1993 = Girdenis 2001, 64ff.]).

Следовательно, если при рассмотрении парадигматических отношений учитываются синтагматические отношения и явления нейтрализации, то все оппозиции можно и даже нужно считать

бинарными и привативными — такими, один член которых обладает некоторым положительным дифференциальным признаком, а другой им не обладает (или обладает противопоставленным ему, его диаметрально противоположным антиподом).

Этот принцип является основанием так называемой дихотомической фонологии (от греч. *διχοτομέω* ‘разрубаю пополам, разделяю на две части’).

Несмотря на резкую критику этой теории (см., напр., [Мартине 1960: 101–102; Реформатский 1961; Ломтев 1965; Кузнецов 1966; Ревзин 1970]), она была принята большинством фонологов и вообще лингвистов¹³². Появилось немало работ, опирающихся на принцип дихотомии или хотя бы использующих некоторые его технические методы (см., напр., [Muljačić 1972: 26–27; 1973: 61ff.; Alarcos Llorach 1975: 76–86, 178–179]; их критический обзор см. [Широков 1965], дальнейшее развитие — [Топоров 1966; Падлужны 1969; Перебийніс 1970; Лекомцева 1972; Панов 1979: 56–68; Степонавичюс 1979; 1982а: 13–35; Клычков 1984])¹³³.

§ 192. Важнейшие положения дихотомической фонологии ещё до войны сформулировал выдающийся теоретик Пражского лингвистического кружка Роман Осипович Якобсон. В 1938 году он впервые официально высказал мысль, что всё многообразие фонологических оппозиций, особенно ясно представленное в трудах Н. С. Трубецкого¹³⁴, можно описать и интерпретировать

---

¹³² Попытка руководствоваться альтернативным тернарным принципом (напр., [Лекомцева 1966]) заранее была обречена на неудачу, поскольку большинство оппозиций точно не являются тернарными и не могут быть в таковые преобразованы.

¹³³ Этому направлению близки почти все исследования литовских фонологов (напр., [Kazlauskas 1966; Girdenis 1967b ($\approx$ Girdenis 2000b: 89–160); 1971b = Girdenis 2000b: 211ff.; 1975a; Плакунова 1967; 1968; Pakerys 1974a; Kosienė 1978]; ср. также упомянутые в основном тексте теоретические работы А. Степонавичюса).

¹³⁴ В «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1977: 60–69 = Трубецкой 1960: 74–85] выделяются оппозиции таких типов: 1) по отношению со всей системой оппозиций: одномерные и многомерные, пропорциональные и изолированные; 2) по отношениям между членами оппозиций: привативные, эквиполентные (равнозначные) и градуальные (ступенчатые). Особую группу составляют нейтрализуемые оппозиции (их кон-

с помощью совсем небольшого количества бинарных акустических или аудитивных признаков (первые формулировки принципов см. [Jakobson 1962: 272ff.; 280ff.]; ср. [Иванов 1962; Fischer-Jørgensen 1975: 145ff.]). Окончательную форму эта теория получила уже в послевоенных работах Р. О. Якобсона и его коллег (см. [Jakobson, Fant, Halle 1972; Jakobson, Halle 1962]; а также

кретным примером является корреляция, см. [Trubetzkoy 1977: 69–78 = Трубецкой 1960: 85–96]).

Одномерные оппозиции — это оппозиции таких фонем, общие признаки которых свойственны только двум данным фонемам, — напр., лит. /t/ : /d/ (в системе литовского языка нет других взрывных переднеязычных согласных). Общие признаки членов многомерных оппозиций свойственны и другим оппозициям, напр. лит. /b/ : /g/ (в системе есть и другие звонкие взрывные согласные). Пропорциональными являются оппозиции, члены которых связаны такими же отношениями, как и члены каких-либо других оппозиций, а изолированными — такие оппозиции, отношения между членами которых не характерны ни для какой другой оппозиции. Литовская оппозиция /t/ : /d/ является пропорциональной, ср.: /t/ : /d/ = /k/ : /g/ и т. д.), а оппозиция /s/ : /j/ — изолированной.

Привативными являются те оппозиции, один член которых обладает некоторым положительным признаком, а другой им не обладает (ср. § 145). Члены эквиолентных оппозиций в этом отношении равноценны, напр. лит. /j/ : /v/. Градуальными считаются оппозиции, члены которых различаются по степени одной и той же артикуляторной характеристики, ср. /i/ : /e/ : /æ/ (здесь гласные различаются степенью открытости и подъёма языка).

Альтернативную классификацию оппозиций, предложенную представителями Московской фонологической школы, см. [Реформатский 1961: 114–116 и указ. лит.]. Ср. также [Pauliny 1966: 123–124 et passim; Клычков 1984], где убедительно показано, что анализ явлений нейтрализации и данных фоностастики позволяет градуальные и эквиолентные оппозиции свести к привативным.

Из анализа синтагматических и парадигматических отношений фонем литовского языка сами собой вытекают такие предварительные типы оппозиций: 1) корреляции и пучки корреляций, 2) синтагматически мотивированные оппозиции, 3) статистически мотивированные оппозиции, 4) типологически мотивированные оппозиции (см. § 144, сн. 79), 5) немотивированные оппозиции. Последний класс оказался пустым — так, по видимому, бывает в большинстве языков.

на русском языке — [Якобсон, Фант, Халле 1962; Якобсон, Халле 1962]; ср. также [Черри, Халле, Якобсон 1962])¹³⁵.

В качестве самого очевидного примера Р. О. Якобсон приводит систему гласных турецкого литературного языка, состоящую из 8 фонем: /i æ i̇ a u œ u ə/ [Jakobson 1962: 302–303; Jakobson, Waugh 1979: 146–148] (ср. также [Глисон 1959: 236; Дмитриев 1960: 15; Мельников 1966]). Если считать, что оппозицией являются отношения между каждой парой этих фонем, то следует признать возможными их 28 оппозиций. Если принять бинарный принцип и разделить фонемы на дифференциальные признаки, то остаются только три оппозиции: 1) ‘закрытый’ (/i i̇ u u/) — ‘открытый’ (/æ a œ ə/), 2) ‘передний’ (/i æ u œ/) — ‘задний’ (/i̇ a u ə/), 3) ‘губной’ (/u u œ ə/) — ‘негубной’ (/i i̇ a a/).

Не все классы и системы фонем бывают такими идеально симметричными, поэтому почти всегда лингвисты сталкиваются не только с двучленными, но и с многочленными оппозициями (особенно часто с тернарными, т. е. трёхчленными, ср. литовские /k/ : /t/ : /p/). Но Р. О. Якобсон и другие исследователи показали, что и такие оппозиции можно преобразовать в бинарные, если заменить артикуляторные признаки на аудитивные или акустические. Например, во многих языках взрывные согласные по месту артикуляции группируются в триады типа /k t p/; сходной может быть и система носовых сонорных согласных, ср. англ. /ŋ n m/. Наблюдения над производимым этими звуками аудитивным впечатлением и акустические эксперименты показывают, что такие звуки, как [k], отличаются от звуков типа [t p] большей отчётливостью: если все указанные звуки произносить с одинаковым усилием, то [k] будет слышно лучше, чем [p] и [t]. Сходным образом [ŋ] противопоставлено согласным [n m], а в группе щелевых [š s f] наиболее отчётливо [š]. В свою очередь [t] от [p], [n] от [m], [s] от [f] отличаются более высоким тембром. Сходным образом различаются и [t] : [k], [n] : [ŋ], [s] : [š]: и в этих парах левые члены на слух кажутся более высокими, чем правые. Следовательно, рассматриваемые триады можно охарактеризовать такими условными парами бинарных аудитивных признаков: 1) ‘отчётливый’—

---

¹³⁵ Об связи литовских языковедов с данным направлением фонологии см. сн. 133.

‘неотчётливый’, 2) ‘высокий’–‘низкий’. Согласные [k ŋ š] противопоставлены другим согласным своих классов как более отчётливые не столь отчётливым, а [t n s] другим членам своих классов — как более высокие более низким. Так наши триады распадаются на две бинарные оппозиции.

При сопоставлении этих оппозиций согласных с соответствующими оппозициями гласных бросается в глаза их большое сходство: совершенно такие же отношения существуют и между самыми типичными гласными [a i u]. Гласный [a] является наиболее отчётливым и тем самым отличается от не столь отчётливых [i u]; [i] своим более высоким тембром резко отличается от [u]. Следовательно, можно составить совершенно аналогичные треугольники гласных и некоторых согласных:

$$\begin{array}{ccccccccc} /i/ & /u/ & & /t/ & /p/ & & /n/ & /m/ & & /s/ & /f/ \\ & & = & & & = & & & = & & \\ /a/ & & & /k/ & & & /ŋ/ & & & /š/ & \end{array}$$

§ 193. Эти и другие подобные факты были лучшим доказательством того, что бинарный принцип позволяет уменьшить число не только оппозиций, но и самих дифференциальных признаков, поскольку акустическое и аудитивное впечатление, производимое некоторыми различными артикуляциями, оказалось если не совершенно одинаковым, то хотя бы весьма похожим. Впервые проявилось сходство фонологических систем гласных и согласных: обнаружилось, что их важнейшие оппозиции по сути одинаковы и опираются на одни и те же дифференциальные признаки. Кроме того, сразу было замечено, что аудитивные и акустические признаки многих языков очень близки друг другу.

Опираясь на данные наблюдения, а также на тщательное изучение развития и деградации фонетики у детей и афатиков (людей, страдающих определёнными расстройствами речи), Р. О. Якобсон пришёл к выводу, что фонологические системы всех языков можно описать совсем небольшим количеством универсальных (т. е. общезначимых, подходящих для всех языков) бинарных дифференциальных признаков. Этот принципиальный тезис он развивал и конкретизировал в послевоенные годы, сотрудничая со специалистами в области акустической фонетики и теории информации.

Результатом этих поисков и открытий является универсальный аналитический фонетический «алфавит», состоящий из нескольких бинарных фонетических признаков. По мнению авторов, данных признаков должно хватать для описания всех фонологических систем¹³⁶.

Многие признаки получили название по изображению, которое соответствующие свойства звуков оставляют на спектрограммах; несколько оставлены традиционные аудитивные (образные) или даже артикуляторные названия. Во всех описаниях признаков авторы указывали и акустические, и артикуляторные их характеристики, но всюду подчёркивали, что акустические свойства важнее артикуляторных.

Создатели дихотомической фонологии первыми ввели и матрицы с дендрограммами как самые универсальные модели фонологических систем.

В) НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ АКУСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЗВУКОВ

§ 194. На теорию бинарных дифференциальных признаков большое влияние оказал ход развития и достижения акустической фонетики.

Ещё до войны фонологами была высказана справедливая мысль о том, что подлинными дифференциальными признаками фонем должны быть акустическими, поскольку люди воспринимают и выучивают звуки не по их артикуляторным свойствам, а по производимому ими акустическому эффекту¹³⁷. Однако они были

---

¹³⁶ Фонологи больше всего спорят не по поводу самого принципа, а по поводу количества признаков и их характера. Из подобных работ прежде всего заслуживают упоминания [Фант 1964; Ladefoged 1967: 50ff.; 1973; 1975: 240–267], а также многочисленные исследования генеративного направления ([Chomsky, Halle 1968: 298–329] и др.; ср. [Широков 1965: 96, 97; Бондарко, Зиндер 1966: 10–14; Гаприндашвили 1970; Джапаридзе 1979; Степонавичюс 1979; Кодзасов 1982]). Сам Р. О. Якобсон до конца жизни оставался верен своей системе — см. его последнюю капитальную работу, написанную вместе с Л. Во [Jakobson, Waugh 1979] (ср. рецензию [Fischer-Jørgensen 1981]).

¹³⁷ Первым о приоритете акустических признаков по сравнению с артикуляторными писал И. А. Бодуэн де Куртенэ (ср. [Шарадзенидзе 1980:

вынуждены противоречить сами себе и опираться на артикуляторные признаки звуков, поскольку в то время ещё не было таких приборов, которые позволили бы легко получать надёжные акустические характеристики звуков. Правда, о них уже можно было судить по осциллограммам; определённые математические методы (например, анализ Фурье¹³⁸) уже позволял по осциллограммам устанавливать даже сравнительно точные спектральные (т. е. качественные) параметры звуков (в особенности гласных). Но это было достижимо только ценой вычислений, требовавших очень много времени. Исследователи работали и с наборами камертонов, разнообразными резонаторами, их сложнейшими системами. Даже в таких условиях учёные много узнали об акустической природе звуков языка, — особенно здесь следует упомянуть работы Карла Штумпфа. Но о более массовых исследованиях акустики разных языков не могло ещё быть и речи.

§ 195. Положение в корне изменилось после войны, когда был изобретён анализатор спектра звуков речи, или спектрограф¹³⁹, — прибор, который разделяет сложные звуковые волны,

---

60)]. В теории (но далеко не всегда на практике) этот приоритет признавал (по крайней мере, декларировал его признание) Пражский лингвистический кружок (см. [Тезисы 1960: 72]; ср. [Trubetzkoy 1977: 82–63 = Трубецкой 1960: 101–102]); сходной была и точка зрения Э. Сепира [Sapir 1949: 46, сн. 3 = Сепир 1993: 60, сн. 3]. С целью преодолеть противопоставление акустического и артикуляторного аспекта фонологии делются попытки вернуть в современную лингвистику забытое понятие *кинакемы*, предложенное И. А. Бодуэном де Куртенэ (напр., [Бодуэн де Куртенэ 1963: т. 2, 326–327]) и представляющее собой своеобразный синтез артикуляторного и акустического признака [Плоткин 1979; 1982 и др.].

¹³⁸ Любопытно, что электронные машины получают спектр звуковых сигналов как раз методом анализа Фурье.

¹³⁹ О принципах работы и возможностях этих приборов см., напр., [Фант 1964: 217ff.; Фланаган 1968: 170–176; Jassem 1973: 165–182; Зиндер 1979: 23–25, 170–179] (ср. также дискуссию по поводу методов обработки спектрографических данных [Пиотровский 1960; Норк, Мурыгина, Блохина 1960; Кибрик 1962; Пиотровский, Подлужный 1966]).

Спектральный звуковой анализ уже много лет проводится и в Литве. Долгое время исследователи работали со стандартным спектрографом «Sona-Graph 7029-A» (Kay Electric Co) и особенно с 55-канальным спектральным анализатором КРІ-69, который был создан в Каунасском политехническом институте и принадлежал Лаборатории экспериментальной

превращённые с помощью микрофона в электрические колебания, на простые составные колебания и даёт возможность количественные характеристики этих колебаний — частоту, интенсивность, длительность — видеть на экране и фиксировать на киноплёнке или на специальной бумаге. Полученные таким способом изображения акустических свойств звуков называются спектрограммами.

Более детальное описание и разъяснение принципов работы спектрографа и спектральных характеристик звуков вынудило бы нас слишком сильно отклониться в сторону от фонологии. Здесь стоит только кратко напомнить, что качественным различиям гласных и сонорных согласных на спектрограммах соответствуют так называемые форманты (см., напр., [Ladefoged 1996: 94ff. et passim; Григорьев 1962]) — зоны усиления некоторых частот, зависящие от резонирующих ротовой и отчасти носовой полостей и их соотношений друг с другом (см. [Ungeheuer 1962; Григорьев 1962: 114; Фант 1964: 39, 114, 202; Ferrero 1974]). Фонологические характеристики и дифференциальные признаки звуков этого типа задают первые две форманты (сокращённо обозначаемые F_1 и F_2) — прочие форманты (F_3 , F_4 и др.) чаще всего передают только экспрессивную информацию или индивидуальные особенности голоса (ср. [Romportl 1968; Зиндер 1979: 176]).

Спектр гласных довольно сильно зависит от конкретного говорящего, формы и размера его голосового тракта¹⁴⁰. Но всегда сохраняются определённые достаточно постоянные отношения: гласные типа [i] имеют очень высокую вторую форманту и очень

фонетики Вильнюсского университета. В настоящее время происходит переход к компьютерному анализу, поскольку все функции спектрографа и даже синтезатора речи с лёгкостью «имитируют» специальные компьютерные программы (о принципах и методах такого анализа см. [Ladefoged 1996: 152ff.]). В Литве чаще всего используется система П. Каспарайтиса и В. Ундзенаса «КАЛВАМЕ» («Говорим»), а также созданная и всё ещё совершенствуемая голландским учёными П. Бёрсмой и Д. Вининком программа «PRAAT», которой д-р Бёрсма любезно позволил нам пользоваться.

¹⁴⁰ По правде говоря, конкретный голос могут охарактеризовать и конкретные значения первых двух формант (F_1 и F_2), ср. [Caliński, Jassem, Kaczmarek 1970; Jassem 1968; 1973: 211]; о влиянии темпа речи на форманты см., напр., [Shearme, Holmes: 1962; Łobacz 1976: особенно 213].

низкую первую; обе форманты гласных типа [u] бывают сравнительно низкими; у гласных типа [a] первая форманта очень высока, а вторая довольно низка и незначительно удалена от первой. Например, в произношении мужчин долгие гласные литературного литовского языка и северножемайтского диалекта имеют приблизительно такие основные форманты¹⁴¹ (см. табл. 25; для наглядности значения F_1 округляются с точностью до 10 Гц, значения F_2 в литературном языке — с точностью до 100 Гц¹⁴²).

Таблица 25. Значения F_1 и F_2 литовского литературного языка и северножемайтского диалекта¹⁴³

Язык / диалект	Глас- ный	F_1 (Гц)	F_2 (Гц)	$C \cdot 1000$	T	Глас- ный	F_1 (Гц)	F_2 (Гц)	$C \cdot 1000$	T
Литературный язык	[i·]	250	2400	709	1150	[i]	400	1900	794	500
	[e·]	450	2100	799	650					
	[æ·]	750	1600	897	350	[e]	550	1700	848	250
	[a·]	900	1200	959	700	[a]	750	1300	923	350
	[o·]	550	800	944	750	[ɔ]	600	1100	913	500
	[u·]	300	600	829	1100	[u]	450	900	898	650
северножемайтский	[i·]	370	2330	763	960	[i]	310	2180	746	870
	[e·]	480	1940	816	460	[e]	510	1810	831	320

¹⁴¹ Измерения выполнены в Лаборатории экспериментальной фонетики Вильнюсского университета (совместно с Региной Клюкене и Виолеттой Сакиявичюте).

¹⁴² Большая точность была бы даже бессмысленной, поскольку анализ проводился на спектрографе типа КРІ-69 (см. сн. 139), у которого диапазон нижних частот составлял 75 Гц, а высоких — 150 Гц. При оценке результатов не следует забывать, что значения F_2 долгих огубленных гласных заднего ряда ([u·], [o·] и т. п.) не очень надёжны (ср. [Ungeheuer 1968: 183; Iivonen 1970: 62]).

Здесь нужно сказать, что в таблице приведены усреднённые значения, полученные на больших массивах данных. Результаты анализа гласных жемайтского диалекта проверялись в Минском государственном институте иностранных языков (МГПИИЯ) при помощи синтезатора речи (синтез проводил Бронюс Свецевичюс) — синтезированные гласные распознавались носителями диалекта довольно хорошо (см. [Girdenis 1974: 169, сн. 16 = Girdenis 2000b: 291, сн. 16]).

¹⁴³ В таблице приводятся также два важных индекса: компактности ($C \cdot 1000$; рассчитанный по формуле Р. Г. Пиотровского [Пиотровский 1960: 29]) и напряжённости ($T = |F_1 - 500| + |F_2 - 1500|$; ср. § 200 и [Якобсон, Фант, Халле 1962: 176, 204–205]).

[ē]	670	1690	876	360	[e]	660	1730	870	390
[ā]	660	1160	916	480	[a]	690	1320	964	370
[ō]	490	1060	889	450	[o]	500	1150	945	350
[ū]	390	750	901	860	[u]	440	870	816	690

Спектральные характеристики гласных тесно связаны с артикуляторными свойствами; об этом очень много написано в литературе по акустической фонетике (напр., [Hockett 1955: 200; Глисон 1959: 295; Naugen 1962; Ungeheuer 1962: 87; Фант 1964: 114; Romportl 1968: 18; Ferrero 1972: 11ff.; Jassem 1973: 192, 211; Подлужный 1980: 31–32]). Если в третьем квадранте системы координат по оси ординат отложить значения F_1 северножемайтских гласных, а по оси абсцисс — значения F_2 , то получим картину вокалической системы (см. рис. 24), которая почти идеально совпадает с привычным треугольником гласных, представляющим их артикуляторные характеристики¹⁴⁴.

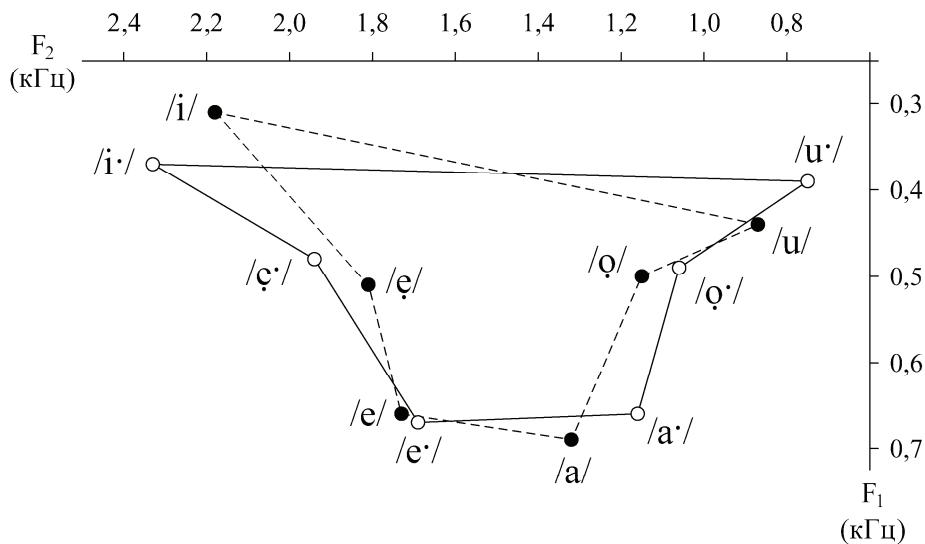

Рис. 24. Спектральные характеристики гласных северножемайтского диалекта

На схеме видно, что значение первой форманты определяется открытостью и подъёмом артикуляции гласных, а значение второй — так называемым рядом произношения (т. е. местом

¹⁴⁴ Долгие гласные обозначаются символом „○“, краткие — „●“.

Примерно такую же картину получали и другие исследователи литовского литературного языка и диалектов (напр., [Сведевичюс 1964; Плакунова 1967; 1968; Girdenis 1974: 169 = Girdenis 2000b: 291; Kačiūskienė 1982: 42–43]).

наивысшего подъёма языка или, выражаясь точнее, резонатором между местом этого подъёма и губами).

Из согласных отчётливой формантной структурой обладают только сонорные, но и среди них встречаются такие (как, например, [m] и [n]), которые хорошо различаются только благодаря определённым особенностям спектра соседних гласных (ср. [Фланаган 1968: 290–291]). Спектр шумных щелевых согласных образуют сплошные частотные зоны, которые могут различаться длительностью, высотой и интенсивностью, например: спектр [ʃ] гораздо интенсивнее и ниже, чем спектр [s]. О качестве смычных согласных точнее свидетельствуют не мгновенные всплески шумового спектра, а начало или конец соседних формант гласного: под влиянием одних согласных они отклоняются в одном направлении, других — в другом (см., напр., [Hockett 1955: 206–207; Мальмберг 1962: 384–385; Delattre 1963; Frąckowiak-Richter 1970; Magno-Caldognetto 1979: 54; Jakobson, Waugh 1979: 93–94])¹⁴⁵.

Уже один тот факт, что некоторые фонемы могут реализовываться только признаками переходных участков соседних вокалических сегментов, ясно показывает: между фонологическими единицами и соответствующими участками звукового потока не существует простых или прямых отношений. Более того, с помощью убедительных экспериментов надёжно доказано, что, например, звуки с совершенно одинаковой спектральной структурой могут восприниматься по-разному, если различается их звуковое окружение (см. [Ladefoged 1967: 103ff.; 1973]; ср. также [Норк, Мурыгина, Блохина 1962: 50; Фант 1964: 23–24; Fant 1970: 52–57; Jakobson, Waugh 1979: 48–49 et passim; Fischer-Jørgensen 1981: 205]); доказано и существование акустических аллофонов (ср. [Jassem 1973: 112–118]). Кроме того, чаще всего в речевых актах бывает меньше акустической информации, чем требуется для точной идентификации фонем — это остаётся незамеченным, поскольку всё то, чего действительно недостаёт, воссоздаётся на

---

¹⁴⁵ Некоторые фонетисты предвидели это ещё до изобретения спектрографа (см., напр., работу [Junker 1938: 244], где высказывается мысль о том, что звуки типа [k t p] образует всего лишь некоторое резкое изменение качества гласного, т. н. *Anbruch*).

основании контекста и содержания высказываний (см. [Garnes, Bond 1977]).

Следовательно, акустическая фонетика не опровергает, а, наоборот, подтверждает важнейший постулат классической функциональной лингвистики: фонологические единицы языка являются не абсолютными, а относительными.

Г) БИНАРНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

§ 196. Система дифференциальных признаков, разработанная Р. О. Якобсоном и его коллегами (М. Халле, Е. Черри, Г. Фантом и др.), состоит из 12 пар контрарных или контрадикторных (противоположных или противоречащих) фонетических характеристик, подразделяемых на признаки звучности и признаки тона¹⁴⁶. Большинство признаков (9) относится к первой группе, оставшиеся (3) образуют вторую группу.

Признаки звучности родственны таким просодическим свойствам как интенсивность и длительность звуков. Они определяются количеством и концентрацией энергии в спектре. Признаки тона близки просодической высоте тона звуков и зависят от формант или частоты формантных зон.

Рассмотрим данные признаки по очереди, не вдаваясь в детали, которые нетрудно найти в литературе.

§ 197. К признакам звучности относятся такие пары: 1) 'гласный'–'негласный', 2) 'согласный'–'несогласный', 3) 'компактный'–'диффузный', 4) 'напряжённый'–'ненапряжённый', 5) 'звонкий'–'глухой', 6) 'носовой'–'ртовый', 7) 'непрерывный'–'прерывный', 8) 'резкий'–'нерезкий', 9) 'глотализованный'–'неглотализованный'.

Часть этих терминов имеет обычное значение. К таковым прежде всего относятся 'звонкий'–'глухой' (англ. *voiced–unvoiced*) и 'носовой'–'ртовый' (англ. *nasal–oral*), хотя в работах

---

¹⁴⁶ Их более подробные акустические и артикуляторные определения см. [Jakobson, Fant, Halle 1972: 18–42 = Якобсон, Фант, Халле 1962: 177–210; Jakobson, Halle 1962: 484–486 = Якобсон, Халле 1962: 254–258; Jakobson, Waugh 1979: 84–153] (ср. также [Фант 1964: 203–216; Muljačić 1973: 82–123; Панов 1979: 50–59]). Далее на эту литературу мы будем ссылаться только в самых необходимых случаях.

по дихотомической фонологии они описываются не только с позиции артикуляции, но и с позиции акустики. В качестве характеристики звонких согласных, например, указывается наличие периодических колебаний в зоне нижних частот (т. н. нулевые форманты, F_0). Отличительным акустическим признаком носовых звуков считается рассеивание спектральной энергии в более широкой зоне частот.

§ 198. Близки к обычным и признаки ‘гласный’–‘негласный’ (англ. *vocalic–non-vocalic*) и ‘согласный’–‘несогласный’ (англ. *consonantal–non-consonantal*). Акустическим выражением признака ‘гласный’ являются отчётливые форманты, противопоставленные неотчётливым формантам или их полному отсутствию. Этим признаком обладают все гласные и почти все сонорные согласные и не обладает большинство согласных.

Акустической характеристикой пары признаков ‘согласный’–‘несогласный’ является малая общая энергия спектра, противопоставленная большей энергии. С артикуляторной точки зрения за эти признаки отвечает наличие или отсутствие выраженного фокуса артикуляции. Положительным признаком ‘согласный’ обладают все согласные, кроме так называемых глайдов — звуков типа [h j w]. Следовательно, гласные — это звуки, обладающие признаками ‘гласный’ и ‘несогласный’; шумные согласные — звуки, обладающие признаками ‘негласный’ и ‘согласный’; сонорные согласные [l m n r] обладают признаками ‘гласный’ и ‘согласный’, а [h j w] — ‘негласный’ и ‘несогласный’.

§ 199. Третья пара признаков, ‘компактный’–‘диффузный’ (англ. *compact–diffuse*), соответствует упомянутым условным аудитивным свойствам ‘отчётливый’–‘неотчётливый’. Для спектра компактных звуков характерна концентрация энергии в сравнительно узкой центральной части спектра — отсюда и название признака (ср. *компактное устройство* и т. п.). Спектральная энергия диффузных звуков рассредоточена в периферийной части спектра; их форманты нередко довольно удалены друг от друга. Например, первая и вторая форманты компактных гласных [a· æ·] расположены сравнительно близко к центру спектрограммы, которым следует считать частоту 1000 Гц (см. их индекс компактности $C \cdot 1000$, приведённый в § 195, табл. 25 и § 208), а первая

форманта диффузных гласных удалена от этой частоты. Гласные тем компактнее, чем ниже подъём их артикуляции; диффузными являются гласные верхнего подъёма.

Из согласных компактными являются те, у которых основной фокус артикуляции расположен в задней или средней части рта, т. е. звуки типа [k g], [k̠ ġ], [š ž], а также так называемые плавные согласные (типа [l r]). Диффузными считаются те согласные, которые артикулируются со сравнительно закрытым ртом, т. е. те, главнейший фокус артикуляции которых находится в передней части голосового тракта.

Поскольку во многих языках есть гласные не двух, а трёх степеней подъёма, данная пара признаков часто разбивается на две отдельные пары: ‘компактный’–‘некомпактный’ и ‘диффузный’–‘недиффузный’. Тогда гласные среднего подъёма описываются признаками /‘– компактный’ & ‘– диффузный’/.

§ 200. Четвёртая пара признаков, ‘напряжённый’–‘ненапряжённый’ (англ. *tense-lax*), наряду с количественными признаками дифференцирует, например, литовские гласные фонемы /iː/ : /i/, /uː/ : /u/ (ср. § 176 и указ. лит.).

Форманты напряжённых гласных обычно чётче, чем форманты ненапряжённых, и больше удалены от нейтрального положения, которым считается спектр гласного типа [ə] (его характеристики для мужского голоса примерно таковы: $F_1 = 500$ Гц, $F_2 = 1500$ Гц, $F_3 = 2500$ Гц (для женского голоса соответственно 550, 1650, 2750 Гц) [Jakobson, Fant, Halle 1972: 18 = Якобсон, Фант, Халле 1962: 176; Ungeheuer 1962: 86–87]). С точки зрения артикуляции напряжённые звуки также больше удалены от нейтрального положения, чем ненапряжённые. Следовательно, напряжённые гласные верхнего подъёма обычно несколько более высокого подъёма, чем ненапряжённые, а гласные нижнего подъёма — более низкого. Обычно напряжённые гласные отличаются и большей длительностью произнесения; кроме того, напряжённые взрывные согласные могут быть аспирированными.

§ 201. Седьмая пара признаков, ‘непрерывный’–‘прерывный’ (англ. *continuant–discontinuous*)¹⁴⁷, это акустические соответствия привычных признаков ‘щелевой’–‘смычный’ или ‘дрожящий’–‘недрожящий’. Непрерывность — это плавный переход от отсутствия звука к его наличию, прерывность — резкий переход. Как показывают эксперименты, выполненные на так называемых сегментаторах и ЭВМ, такие звуки, как [s], [ʈ] и [t], различаются только длительностью и резкостью перехода от паузы к звуку. Если стереть начало [s], то этот звук превращается в [ʈ]; если у него удалить ещё больший начальный отрезок, то можно будет услышать согласный [t].

§ 202. Восьмая пара признаков, ‘резкий’–‘нерезкий’ (англ. *strident–mellow*), различает, например, такие фонемы, как литовские аффрикаты и соответствующие обыкновенные смычные согласные или такие щелевые согласные, как английские альвеолярные /s z/ и межзубные /θ ð/ („*th*“; ср. также [Chomsky, Halle 1968: 318–319, 329; Спепонавичюс 1979: 154] и [Jakobson, Waugh 1979: 139–142], где излагаются, по-видимому, не совсем убедительные аргументы). Для резких звуков характерна бóльшая интенсивность шума, для нерезких — меньшая. Нерезкие согласные иногда даже могут обладать чем-то вроде формантной структуры, что совершенно чуждо резким.

§ 203. Последняя пара признаков сонорности — ‘глоттализованный’–‘неглоттализованный’ (англ. *checked–unchecked*). Как фонетическое явление литовцы знают глоттализацию благодаря своеобразному произношению слова *nè* ‘нет’ [neʔæ] и особенно благодаря жемайтской прерывистой слоговой интонации (ср. *dâ·kts* ‘вещь’). Но в таких случаях она является не дифференциальным признаком фонем, а вспомогательным просодическим средством (см. § 245, 250–251 и указ. лит., а также [Jakobson, Waugh 1979: 144–146]). В других языках (напр., в черкесском, грузинском, кабардинском, в большинстве индейских) глоттализация бывает таким же дифференциальным признаком фонем, как

---

¹⁴⁷ Такое взаиморасположение признаков установилось в более поздних работах самого Р. О. Якобсона (о мотивах см. § 166, а также [Jakobson, Waugh 1979: 140–141]).

литовская звонкость—глухость или мягкость—твёрдость (см. § 150, но ср. [Fischer-Jørgensen 1981: 205]).

С акустической точки зрения глоттализация представляет собой внезапное падение спектральной энергии, большую скорость её растрачивания. Этот акустический эффект достигается резким сближением голосовых связок или даже полным закрытием голосовой щели (лат. *glottis*).

§ 204. Признаками тона различаются только следующие три пары: 10) ‘низкотональный’—‘высокотональный’, 11) ‘бемольный’ (‘пониженный’)—‘простой’ и 12) ‘диезный’ (‘повышенный’)—‘простой’. Как следует из самих терминов, они так или иначе характеризуют высоту тембра звуков.

О первой паре этих тональных признаков, ‘низкотональный’—‘высокотональный’¹⁴⁸ (англ. *grave–acute*), мы уже кратко упоминали (см. § 192). Она различает, например, заднеязычные и переднеязычные гласные, губные и зубные, нёбные и зубные согласные, а также велярные и палатальные звуки различных типов¹⁴⁹. Для высокотональных гласных, напр. [i e], характерна высокая вторая форманта, значительно сближенная с третьей. У низкотональных гласных, напр. [u o], вторая форманта обычно сравнительно низка — чаще всего ниже центральной части спектрограммы — и сближена с первой. Низкотональные согласные, помимо прочих особенностей, отличаются тем, что чаще всего понижают вторую форманту соседних гласных (по крайней мере тот её отрезок, который соприкасается с согласным); высокотональные согласные её повышают (см. § 195 и указ. лит.). Эти признаки, пожалуй, легче всего воспринимаются на слух: высокотональные звуки по сравнению с соответствующими низкотональными всегда кажутся более высокого и светлого тембра.

§ 205. Признаки ‘бемольный’—‘простой’ (англ. *flat–plain*) соответствуют различным артикуляционным особенностям, понижающим тембр звуков. Бемольными являются лабиализован-

---

¹⁴⁸ Некоторые лингвисты (напр., [Лекомцева 1962; Kazlauskas 1966]) используют нетрадиционные артикуляторные термины ‘периферический’—‘непериферический’.

¹⁴⁹ О том, что нужно строго различать палатальные и палатализованные звуки, а также явления палатации и палатализации см. [Чекман 1979: 44ff.].

ные, веляризованные, фарингализованные ретрофлексные звуки. Акустическую суть признака, как видно из самого названия (бемоль — музыкальный знак, понижающий ноту на полтона), составляет понижение или ослабление верхних или даже всех формант или частотных зон. Простые звуки обладают нормальными формантами или частотными зонами.

В литературном литовском языке у этих признаков нет самостоятельного значения: они только подчёркивают некоторые низкотональные или твёрдые звуки. Бемольными (лабиализованными) являются все литовские некомпактные низкотональные гласные; бемольными следует считать почти все твёрдые согласные (особенно [t]), поскольку их сопровождает веляризация (т. е. дополнительные подъём задней части языка к мягкому нёбу; см. § 146). Кроме того, бемольность (лабиализация) усиливает комплексы признаков /‘+гласный’ & ‘-согласный’ & ‘-высокотональный’ & ‘-компактный’/ (см. § 173). В диалектах эти признаки могут выполнять и самостоятельную дистинктивную функцию — дифференцировать фонемы типа /i/ и /u/, /e/ и /o/ (ср. § 181).

В некоторых языках противопоставлены высокотональные бемольные и простые гласные, ср. нем. *Kiel* ‘киль’ : *kühl* ‘прохладный’ и др. (см. § 189). Бемольными являются и «эмфатические» (т. е. сильно веляризованные или фарингализованные) согласные арабских языков, ср. егип. *t̪iːn* ‘глина’ : *tiːn* ‘фиги (дерево, плод; Nom. Pl.)’, тунис. *ðarr* ‘(он) повредил’ : *ðarr* ‘(он) посыпал’ ([t̪ ɲ ð r] — «эмфатические» согласные, [iː] и [ã] — бемолизованные аллофоны фонемы /iː a/; см. [Завадовский 1979: 41–42]). Как мы видим, эмфаза очень напоминает просодические явления, поскольку она делает бемольными все звуки слога или даже слова; ср. также с.-жемайт. *r̥ê.t̪eñò* «*ritiniu*» ‘свитком’ : *r̥ê.t̪eñò* «*ritiniu*» ‘качу, катаю’, где тональность гласных всех слогов определяет дизность или бемольность последнего согласного ([ñ] или [n]).

§ 206. Последней парой дифференциальных признаков является «дизный» («повышенный»)–«простой» (англ. *sharp–plain*). Это соответствия «образных» и артикуляторных фонетических терминов ‘мягкий’–‘твёрдый’ и ‘палатализованный’–‘непалатализованный’. Такие названия для данных свойств вы-

браны потому, что палатализация повышает все спектральные частоты согласных и в особенности форманты соседних гласных или хотя бы ту их часть, которая непосредственно контактирует с согласным. Так просиходит потому, что дополнительный подъём средней части языка к твёрдому нёбу сужает передний резонатор ротовой полости, делает его похожим на резонатор переднеязычных гласных (особенно [i]) и согласного [j].

Иногда дизными считаются и литовские переднеязычные гласные, а простыми — заднеязычные, но мотивы такого употребления этих терминов не совсем ясны. В действительности дизными стоило бы считать только продвинутые вперёд аллофоны заднеязычных гласных [ù], [ò] и др.

Следует отметить, что признак дизности (как и «эмфаза» арабского языка) напоминает просодические единицы: он весьма склонен переходить на соседние звуки и даже слоги. Например, в северножемайтских говорах все согласные в слове *rĕ.tĕnò* «*ritiniu*» ‘свитком’ являются более или менее мягкими, а в слове *rĕ.tĕnò* «*ritinu*» ‘качу, катаю’ — твёрдыми; во втором случае даже и гласные обычно значительно продвинуты назад: произносится примерно *rĕ.tĕn°ò* (см. § 222 и 236).

Δ) ТРИ ПРИМЕРА И НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ БОЛЕЕ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

§ 207. Попробуем применить универсальные акустические признаки к конкретным фонологическим системам. Сделать это будет нетрудно, так как мы уже привыкли к дихотомическому подразделению фонем и к используемым в дихотомической фонологии матрицам и дендрограммам.

Для начала можно рассмотреть классический пример самого Р. О. Якобсона — систему гласных турецкого литературного языка /i æ i̇ a y œ u ɔ/ (см. § 192 и [Jakobson 1962: 302–303; Jakobson, Waugh 1979: 146–148]; ср. также [Глисон 1959: 236; Дмитриев 1960: 15; Мельников 1966]).

Открытым гласным этой системы /æ a œ ɔ/ следует приписать признак ‘компактный’, закрытым /i i̇ u u/ — ‘диффузный’ (ср. § 199). Гласные /æ/ и /a/, без сомнения, более компактны, чем /œ/ и /ɔ/, но, как известно, фонологические единицы относитель-

ны: для нас важно только то, что /æ/ более компактный, чем явно диффузный /y/, а /ɔ/ — чем /u/. Передние гласные /i æ y œ/ являются ‘высокотональными’, задние /i̇ а u ɔ/ — ‘низкотональными’ (ср. § 204). Огубленные гласные /y œ u ɔ/ обладают признаком ‘бемольный’, неогубленные /i̇ æ i̇ а/ — ‘простой’. Здесь эти признаки действительно являются дифференциальными, поскольку огубленными и неогубленными бывают как передние, так и задние гласные.

Теперь можно составить матрицу фонем (табл. 26; здесь и далее в скобках указываются условные символы признаков — сокращения упомянутых английских терминов, см. [Широков 1965: 89]).

Таблица 26. Акустические дифференциальные признаки гласных фонем турецкого литературного языка

№ п/п	Дифференциальные признаки	Фонемы							
		/i̇/	/æ/	/i̇/	/a/	/y/	/œ/	/u/	/ɔ/
1	компактный (Cp)	—	+	—	+	—	+	—	+
2	низкотональный (G)	—	—	+	+	—	—	+	+
3	бемольный (Fl)	—	—	—	—	+	+	+	+

Дендрограмма этой системы полностью симметрична (рис. 25)¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Это классический пример идеальной системы, поскольку в ней каждый дифференциальный признак используется до конца и имеется ровно столько признаков, сколько обязательно требуется для того, чтобы все фонемы хотя бы минимально отличались друг от друга.

Количество дифференциальных признаков (P) идеальной системы можно рассчитать по формуле $P = \log_2 F$ (F — число фонем) [Ломтев 1976: 110ff.; Степанов 1975а: 67–68]. После выполнения расчётов по этой формуле становится ясно, что для идеальной системы из восьми фонем нужно только три дифференциальных признака: $P = \log_2 8 = 3$. В турецком языке систему как раз и образуют восемь фонем, которые дифференцируются тремя бинарными признаками. Такая совершенно симметричная системы — большая редкость: почти всегда число дифференциальных признаков бывает больше идеального. Например, пять бинарных признаков литовских гласных (см. § 178, табл. 19) могли бы дифференцировать не двенадцать фонем, а тридцать две; девяти признаков, дифференцирующих литовские согласные (см. § 169, табл. 16), хватило бы на пятьсот двенадцать фонем. Все двенадцать признаков могли бы «обслужить» фантастическую систему, содержащую 4096 фонем.

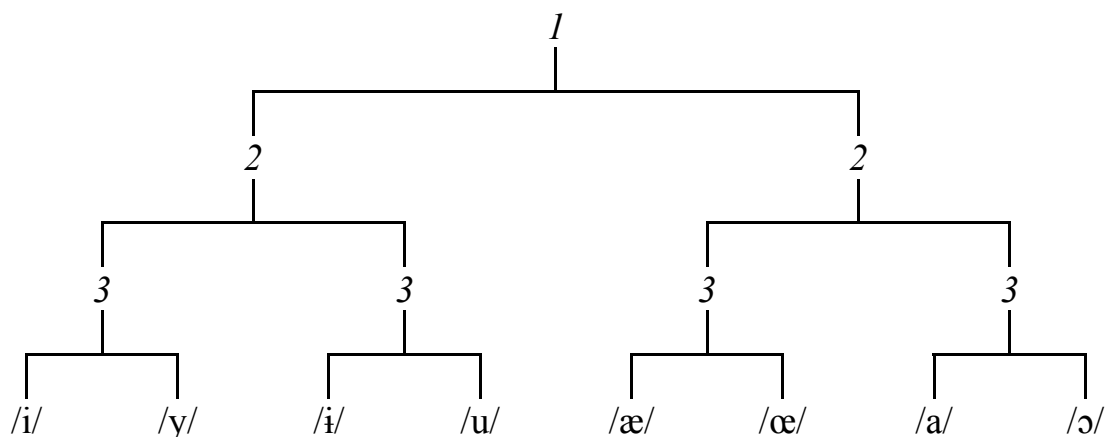

Рис. 25. Дендрограмма гласных фонем турецкого языка

§ 208. Систему гласных литовского литературного языка можно описать следующими признаками универсального «алфавита»: 1) ‘напряжённый’–‘ненапряжённый’, 2) ‘высокотональный’–‘низкотональный’, 3) ‘компактный’–‘некомпактный’, 4) ‘диффузный’–‘недиффузный’. Кроме того, поскольку в литовском языке есть фонемы переменной артикуляции и качества /uo ie/, следует добавить пару нехарактерных для этого «алфавита» признаков ‘неоднородный’–‘однородный’¹⁵¹.

Выбор прочих признаков можно без труда мотивировать данными спектрального анализа (см. § 195 и табл. 25).

Индекс напряжённости долгих гласных (*T*) во всех случаях значительно выше, чем у соответствующих кратких¹⁵². Конечно, вместо приведённой в таблице пары можно было бы выбрать и «просодическую» пару ‘долгий’–‘краткий’ (ср. [Шаумян 1962: 156]), но в тех случаях, когда возможны двойные решения, сторонники дихотомической фонологии отдают предпочтение внутренним, или ингерентным (т. е. спектральным), признакам «алфавита» Р. О. Якобсона. Напряжённые гласные [i̇ ė æ̇] следует считать высокотональными, так как их вторая форманта (F_2) находится в зоне высоких частот, т. е. превышает частоту в 1500 Гц.

¹⁵¹ Нередко нестандартные признаки становятся нужными и другим исследователям (ср. [Лекомцева 1962], где автор опирается на нестандартную оппозицию ‘редуцированный’–‘нередуцированный’).

¹⁵² Другая ситуация, по-видимому, в северножемайтском диалекте, где, например, краткий [e] оказался даже более напряжённым, чем [ė], а индексы напряжённости других гласных намного меньше, чем в литературном языке.

Противопоставленные им [u· o· a·] имеют относительно низкую вторую форманту, сближенную с первой. Признаки ‘высокотональный’–‘низкотональный’ нужно поменять местами, поскольку литовские высокотональные гласные являются маркированными членами этой оппозиции (ср. § 144 и 172) и поэтому им следует приписать положительный признак.

Из высокотональных напряжённых гласных самыми компактными являются [æ· e] (индексы их компактности см. табл. 25), самым диффузным — [i·]; из низкотональных гласных самый компактный [a·], самый диффузный — [u·]. Кроме того, результаты спектрального анализа показывают, что значения компактности и диффузности абсолютны, а относительны. Гласный [o·] как звук более компактный, чем [æ·], но он не является компактной фонемой, поскольку в системе низкотональных гласных есть более компактный, чем он, гласный [a·]. Гласные [u· o·] обладают также признаком ‘бемольный’, противопоставленным ‘простоте’ всех остальных фонем, но он сам по себе следует из других признаков: /+V & -Co & -Ac & -Cr/ → [+F1]¹⁵³. Признак ‘компактный’–‘диффузный’ обязательно нужно разбивать на два, поскольку в литовском языке напряжённые гласные бывают не двух, а трёх степеней подъёма (ср. § 199 и [Шаумян 1962: 156]).

Результаты спектрального анализа ненапряжённых гласных обычно бывают аналогичными, так что на них можно не останавливаться.

В принципе можно было бы обойтись без пятой пары признаков ‘неоднородный’–‘однородный’. Поскольку начало звуков [uo ie] обычно явно диффузное, а конец почти компактный, непостоянство их спектра можно было бы считать результатом взаимодействия противоречивых признаков ‘компактный’ и ‘диффузный’. Но, во-первых, такое решение кажется чересчур парадоксальным, и, во-вторых, оно не очень сочеталось бы с большой аудитивной близостью [uo] и [o·], [ie] и [e·] (ср. § 175).

После этих рассуждений мы можем составить матрицу гласных фонем (см. табл. 27; признаки, взятые в скобки, необходимы, только если включать в систему периферийные <e/е> — в противном случае на их месте должны быть нули), которая отли-

---

¹⁵³ Т. е. ‘бемольный’ (англ. *flat*).

чается от вышеприведённой только названиями дифференциальных признаков (см. § 178, табл. 19).

Таблица 27. Акустические дифференциальные признаки гласных литовского литературного языка¹⁵⁴

№ п/п	Признаки	Фонемы											
		/e/	/eː/	/i/	/iː/	/ɛː/	/ie/	/a/	/aː/	/u/	/uː/	/oː/	/uo/
1	напряжённый (T)	–	+	–	+	+	+	–	+	–	+	+	+
2	высокотональный (Ac)	+	+	+	+	+	+	–	–	–	–	–	–
3	компактный (Cp)	+	+	–	–	–	–	+	+	–	–	–	–
4	диффузный (D)	0	0	(+)	+	–	–	0	0	(+)	+	–	–
5	неоднородный (Gl)	0	0	0	0	–	+	0	0	0	0	–	+

Дендрограмма, соответствующая этой классификации, совпала бы с той, которая уже составлена по матрице артикуляторных признаков (см. § 178, рис. 18), только теперь числа в местах её разветвлений обозначали бы соответствующие акустические признаки.

§ 209. Система согласных, описанная универсальными бинарными признаками, несколько отличается от рассмотренной выше (см. § 169, табл. 16). Во-первых, некоторые акустические признаки объединяют звуки различной артикуляции; во-вторых, вследствие известной негибкости универсального «алфавита» приходится несколько иначе расчленять триады /k t p/ и /g d b/ и даже несколько нарушить их синтагматическую классификацию.

Вслед за Г. Фантом [Фант 1964: 208], в данной работе мы решили /v v̂ j/ и /l l̂ r r̂/, а также /m m̂ n n̂/ (о сонорности последних см. [Плакунова 1967; 1968]) объединить в один класс, поскольку так поступить нас вынуждают их синтагматические отношения с другими фонемами (более раннюю интерпретацию см. [Girdenis 1981a: 158–159]): фонемы /j v v̂/ противопоставлены другим неносовым сонорным как диффузные компактным. Имея в виду относительность дифференциальных признаков, мы реши-

¹⁵⁴ Англ. *gliding* ‘неоднородный, скользящий’ — *ad hoc* калька с соответствующего литовского термина — сокращается *Gl*.

ли отказаться от ‘прерывности’ как дифференциального признака /r î/: это привело бы к недопустимому отрыву этих фонем от всего класса сонорных. Прерывность названных согласных легко объясняется общим правилом: /+V & +Co & -N & +Cr & -G/ → [-Cn].

Из других многочисленных признаков, объясняемых общими правилами, особо следует отметить бемольность недиезных фонем¹⁵⁵: /-V & -Sh/ → [+Fl] (см. § 206).

Матрица дифференциальных признаков теперь могла бы быть такой (табл. 28; как и в табл. 16, символы твёрдых согласных представляют и диезные, и простые фонемы).

Таблица 28. Акустические дифференциальные признаки согласных литовского литературного языка

№ п/п	Дифференциальные признаки	Фонемы																			
		k	g	t	d	p	b	c	z	č	ž	s	z	š	ž	l	r	j	v	n	m
1	гласный (V)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
2	носовой (N)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	+
3	непрерывный (Cn)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0
4	резкий (St)	-	-	-	-	-	+	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	компактный (Cr)																				
6	низкотональный (G)																				
7	звонкий (Vc)	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0
8	диезный (Sh)	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	±	0	±

§ 210. Можно составить и общую матрицу дифференциальных признаков, объединяющую гласные и согласные, — такие системы приводятся во многих работах по дихотомической фонологии (см., напр., [Kazlauskas 1966; Перебийніс 1970: 62; Muljačić 1972: 36]). Но при конструировании «всеобъемлющих» систем неизбежно приходится просто забыть о синтагматических отношениях фонем, а также о классах фонем и корреляциях, проявляющихся благодаря нейтрализации (ср. [Широков 1965: 95]), поскольку чаще всего подсистема гласных обладает одной иерархией признаков, а подсистема согласных — другой. При объединении всех признаков в одну систему приходится перестать считаться с отношениями фонем либо одной, либо другой подсисте-

¹⁵⁵ Это доказал Алдонас Пупкис со своими учениками (напр., [Dogelytė 1973]).

мы. Это нехорошо, так как именно отношения и являются важнейшим объектом фонологического исследования, а дифференциальные признаки должны быть всего лишь материальным и даже несколько условным выражением данных отношений.

К сожалению, создатели дихотомической фонологии уделяли мало внимания синтагматическим отношениям. Основным и, можно сказать, почти единственным «героем» их теории являлся дифференциальный признак — Р. О. Якобсон и его сторонники были склонны пожертвовать ему все остальные фонологические явления и отношения. Даже вопрос об иерархии признаков их интересовал мало (ср. [Журавлёв 1979: 17]). Поэтому они создали, по сути, не новую самостоятельную фонологическую теорию, а только универсальный аналитический фонетический алфавит, позволяющий дифференциальные признаки различных языков описать согласно единым принципам. Насколько указанный алфавит действительно универсален, покажет будущее, но отказа от самой идеи, без сомнения, не произойдёт никогда. Об этом свидетельствуют и работы представителей генеративной фонологии, которые тоже оперируют конечным (правда, гораздо более длинным) списком универсальных бинарных признаков (см., напр., [Chomsky, Halle 1968: 298ff.]), хотя данное направление не имеет с классической фонологией почти ничего общего. Правда, генеративисты вернулись к артикуляторному аспекту признаков, но это, по видимому, следует объяснять не какими-то принципиальными различиями во взглядах, а просто процветавшей в то время модой на моторную концепцию восприятия речи.

Величайшим достижением дихотомической теории, без всякого сомнения, является чётко и строго сформулированный принцип бинарных оппозиций. Правда, у бинаризма есть очень последовательные противники (к таковым, например, принадлежит А. Мартине), но большинство фонологов (и не только фонологов) принимают его без особенных оговорок. Поддерживать этот принцип побуждает не столько критерий простоты или мотивы, пришедшие из теории информации, сколько — и это самое важное — тот факт, что синтагматические отношения фонем (и других единиц языка) являются, без сомнения, бинарными. Если мы классифицируем фонемы прежде всего по указанным отно-

шениям, то неизбежно получаем бинарные классы и бинарные признаки этих классов.

Оценивая дихотомическую теорию не следует забывать и о том, что она успешно соединила идеи фонологии с достижениями акустической фонетики и создала надёжный научный аппарат, позволяющий интерпретировать результаты акустических экспериментов фонологически.

§ 211. В завершение замечаний о дихотомической фонологии следует сказать, что эту теорию серьёзно скомпрометировали многочисленные довольно поверхностные исследования разнообразных фонологических систем, пользующиеся её «алфавитом» дифференциальных признаков. В большинстве таких работ подлинной фонологии мы обнаружим немного, за исключением самих терминов, матриц и дендрограмм (обоснованную критику см. [Широков 1965: 95 et passim]). По-видимому, их авторы были не свободны от иллюзии, что эти внешние атрибуты и составляют суть дихотомической фонологии (и даже фонологии в целом).

На самом деле универсальный «алфавит» признаков является всего лишь удобным вспомогательным средством, благодаря которому можно сжато суммировать результаты кропотливого анализа синтагматических и парадигматических отношений, — сам по себе он не может превратить фонетическое исследование в фонологическое (ср. [Horálek 1965: 366]). С другой стороны, хорошая фонологическая работа может и вовсе не опираться на бинарные признаки дихотомической фонологии, но это (как и очень индивидуальная фонетическая транскрипция) уменьшило бы её доступность и мешало бы сочетать полученные результаты с инструментальными исследованиями акустики звуков.

Г) ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЯ

§ 212. Разделение фонем на дифференциальные признаки очень напоминает компонентный анализ значения, играющий большую роль в современных трудах по семантике. Эти исследования опираются на предположение, что сложное значение слов и грамматических форм и категорий можно считать комбинацией более элементарных компонентов значения, иногда называемых семемами. Например, характерные значения слов

мужчина, женщина, мальчик, девочка, овца, баран, ягнёнок можно описать как комбинации примерно таких минимальных бинарных компонентов: 1) ‘человек’–‘не человек’¹⁵⁶, 2) ‘ребёнок’–‘не ребёнок’, 3) ‘женский пол’–‘не женский пол’. Этот компонентный анализ можно представить с помощью таблицы, которая ничем не отличается от матрицы фонем (табл. 29).

Таблица 29. Пример компонентного анализа значений

Компоненты	Слова						
	<i>мужчина</i>	<i>женщина</i>	<i>мальчик</i>	<i>девочка</i>	<i>овца</i>	<i>баран</i>	<i>ягнёнок</i>
‘человек’	+	+	+	+	–	–	–
‘ребёнок’	–	–	+	+	–	–	+
‘жен. пол’	–	+	–	+	+	–	0

По этой таблице можно начертить и дендрограмму привычной формы. Но и без неё понятно, что между структурой фонем и семантическим составом слова существует очевидный изоморфизм и что расчленение фонем на дифференциальные признаки и компонентный анализ значения являются, по сути, одной и той же процедурой. Только, конечно, семантические исследования гораздо сложнее, чем фонологические.

Следует отметить, что даже общее направление семантических исследований в последние десятилетия делается всё более похожим на то, в котором двигалась дихотомическая фонология. И специалисты по семантике интенсивно ищут универсальные, общие для всех языков компоненты значения. Существуют даже довольно плодотворные попытки все значения выводить из совсем небольшого числа первичных компонентов — «семантических примитивов» (см., напр., [Wierzbicka 1972]; правда, в настоящее время исследователи оперируют в несколько раз большим количеством «примитивов»).

Г) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 213. Исследуя парадигматические отношения фонем и устанавливая набор их дифференциальных признаков, не следует упускать из виду следующие важнейшие положения и принципы.

1. Парадигматические отношения возможны только между такими фонемами, которые могут встречаться в одной и той же позиции — иными словами, образовывать одну парадигму. В связи с тем что гласные и согласные употребляются в разных пози-

¹⁵⁶ Эти два компонента выделены несколько условно: в более широком контексте нужно было бы больше компонентов, различающих разных живых существ, ведь, например, *овца* не только «не человек», но и «не корова» и т. д.

циях, между ними возможны только синтагматические отношения.

2. Результатом исследования парадигматических отношений являются дифференциальные признаки фонем — минимальные симультанные фонологические единицы, реализуемые отдельными свойствами звуков и различающие одни фонемы от других.

3. Парадигматические отношения и дифференциальные признаки прежде всего являются представителями синтагматических классов фонем. Фонетические особенности, отличающие одни синтагматические классы от других, являются важнейшими дифференциальными признаками в тех случаях, когда члены разных классов оказываются в одной позиции.

4. Устанавливая набор дифференциальных признаков, следует учитывать и нейтрализацию. Признаки корреляций, обнаруживаемые благодаря нейтрализации, являются важными, обусловленными самой системой дифференциальными признаками.

5. Когда невозможно опереться на синтагматические отношения и нейтрализацию, прежде всего следует учитывать частотность фонем и аудитивные свойства звуков, являющихся представителями фонем, — их сходство или несходство, воспринимаемые на слух. Меньше всего можно положиться на данные акустической и артикуляторной фонетики — с их помощью только описываются уже установленные дифференциальные признаки.

6. Устанавливая набор дифференциальных признаков, удобнее всего исходить из предпосылки, что все фонологические оппозиции являются бинарными, и результаты исследований, если это только возможно, формулировать в терминах универсального «алфавита» дифференциальных признаков.

7. Расчленение фонем на дифференциальные признаки родственно компонентному анализу значения.

§ 214. В заключение следует добавить, что дифференциальные признаки не могут вытеснить или заменить собой фонем. Фонема — это не механическая сумма признаков; часто её нельзя не рассматривать как относительно однородную, а не комплексную единицу (см., напр., [Дукельский 1962: 126; Шаумян 1962: 114; Зиндер 1979: 43]). Прежде всего это следует сказать о синтагматических отношениях, анализ которых сделан бы неверо-

ятно сложным, если отказаться от фонемы как истинного объекта этих отношений. Фонема чаще всего выступает и как основной участник диахронических событий, хотя в определённых случаях могут изменяться и отдельные дифференциальные признаки, и единицы более крупные, чем фонема¹⁵⁷.

Совершенно то же самое можно сказать о фонологическом слоге и слове: они также не являются простой суммой единиц более низкого уровня (ср. [Popela 1966: 75]). В целом наиболее логичным представляется держаться точки зрения, что дифференциальные признаки непосредственно различают только фонемы, а не слова или слоги. Фонемы являются различающими единицами слогов, слоги — различающими единицами слов и т. д. (ср. § 25–30). У каждой единицы более высокого уровня есть свои характерные особенности и функции — так же как дом является не суммой кирпичей, строительного раствора, металла, дерева и стекла, а специфической структурой со своими пространственными отношениями и своими функциями.

---

¹⁵⁷ В действительности почти всегда прежде всего изменяются не фонемы, а аллофоны. Это уже в XIX в. доказал Карл Вернер, открывший знаменитый закон, прекрасно объясняющий исключения из закона германского передвижения согласных (*Lautverschiebung*) [Verner 1877].

IV. СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 215. В результате анализа синтагматических и парадигматических отношений каждая фонема разлагается на дифференциальные признаки — мельчайшие симультанные единицы, выполняющие дистинктивную функцию. Каждую фонему теперь можно рассматривать как симультанное сочетание дифференциальных признаков, каждый слог — как линейное сочетание фонем, слово — как сочетание слогов. Однако не хватит ни мельчайших, ни крупнейших единиц такого рода, если мы попытаемся идентифицировать даже самое краткое высказывание или предложение. Слово *tù* ‘ты’, взятое со всеми физическими свойствами, например, из предложения Саломеи Нерис *Tù nubùsi vidurỹ naktiēs* ‘Ты проснёшься среди ночи’, не может заменить похожее по звучанию и тем не менее другое предложение *Tu?* или *Tu*.¹, хотя их образует один и тот же слог, состоящий из тех же фонем /t u/, все дифференциальные признаки которых совпадают.

Это нетрудно проверить с помощью простейшего эксперимента. Попробуем записать первое, более длинное высказывание на магнитофонную плёнку и тщательно удалить все слова, кроме первого. Предъявив оставшийся отрезок *tù...* слушателям или внимательно прослушав его, мы с лёгкостью удостоверимся, что данный отрезок отличается от высказываний *Tu?* и *Tu*. и никоим образом не может их заменить. Следовательно, кроме слов, слогов, фонем и их дифференциальных признаков, в каждом высказывании и в каждом предложении есть дополнительные симультанные единицы, различающие целые предложения или другие

---

¹ Данная фраза может быть ответом на какой-либо вопрос (напр.: *Kas šīandien kalbēs?* ‘Кто сегодня будет говорить?’).

единицы и сочетания более крупные, чем фонема. Это уже упомянутые (см. § 32–34) суперсегментные фонологические единицы, отличающиеся от линейных, или сегментных, единиц и дифференциальных признаков.

§ 216. Как показывает сам термин, суперсегментные единицы — это как будто второстепенные фонологические явления, они лишь дополняют основные, линейные, единицы. Такое впечатление может возникнуть и из их характеристики, изложенной ранее (§ 33). Однако в действительности ни фонемы, ни слова не могут существовать без суперсегментных единиц, поскольку лишь они превращают мёртвые цепочки фонем, слогов и слов в реальные предложения и высказывания (ср. [Кацнельсон 1971: 138–139]). Предложение без интонации так же немислимо, как и без слов (ср. [Солнцев 1977: 188–191]).

Иллюзия большей значимости фонем, слов и других линейных единиц возникает, вероятно, потому, что многие письменные системы достаточно тщательно фиксируют данные единицы, лишь приблизительно обозначая суперсегментные явления. Зачастую совершенно игнорируются ударения, слоговые интонации и тоны, а интонация указывается только при помощи знаков препинания — очень обобщённо и упрощённо. Кроме того, с помощью линейных единиц передаётся и дифференцируется более разнообразная и более сложная предметная информация.

§ 217. Итак, каждая более крупная фонологическая единица — прежде всего, предложение — является сочетанием линейных и суперсегментных единиц (или, говоря образно, «оркестром» из этих единиц [Milewski 1965: 26]). Несколько упрощая реальное положение вещей, можно утверждать, что *Tu?* = /tù/ & /?/, *Tu.* = /tù/ & ./, *Tu!* = /tù/ & !/ и т. д. (/?/, ./, !/ обозначают соответствующую интонацию). Первая суперсегментная единица (/?/) выражает ‘вопрос’, вторая — ‘констатацию’, третья ‘восклицание’, — следовательно, они передают определённое содержание. Но воспроизвести эти единицы отдельно невозможно, поскольку их образуют модуляции основного тона, громкости и длительности определённых слов, их слогов и фонем. Здесь один знак, выражаемый словами, их слогами, фонемами и дифференциальными признаками, сливается с другим знаком, выражаемым модуляциями речи. Следовательно, каждый отрезок предложения од-

новременно передаёт несколько знаков: одни — линейными единицами, другие — суперсегментными.

Даже отдельно взятая интонация представляет собой весьма сложное явление. В ней переплетаются единицы выражения и единицы содержания, репрезентативная и экспрессивная функция звуков, и даже лингвистические и так называемые паралингвистические² явления (ср. [Гирдянис 1976: 106 = Girdenis 2000с: 369]). Поэтому обычно явлениями, связанными с интонацией занимается не фонология, а уже упомянутая (§ 17) комплексная дисциплина — интонология (см. [Светозарова 1982: 14]), исследующая языковую мелодику, динамику и темп с точки зрения различных функций (более подробно см. [Цеплитис 1974] и указ. лит.). Наиболее близкая к фонологии часть этих исследований иногда называется фонетикой, или фонологией, предложения. Фонология слова, которая и является объектом данного исследования, интересуется интонацией лишь настолько, насколько она связана с суперсегментными единицами слова.

Не обсуждаются в настоящей работе и вопросы так называемой собственной (нефункциональной) просодии. Во-первых, они связаны с фонологией лишь косвенным образом — постольку, поскольку они могут являться компонентами дифференциальных признаков. Во-вторых, уже давно опубликована исчерпывающая работа А. Пакериса, значительная часть которой посвящается собственно просодическим явлениям [Pakerys 1982: 10–15, 17–25, 43–48]³.

2. НЕПРОСОДИЧЕСКИЕ СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

---

² Паралингвистическими элементами (из греч. *παρά* ‘рядом, около’ и «лингвистика») называются неязыковые явления и знаки, сопровождающие речевые акты: жесты, мимика, специфическая общая окраска голоса (напр., его нежность, грубость, абсолютный диапазон высоты, хриплость и т. д., см. [Николаева, Успенский 1966; Renský 1966; Колшанский 1974]).

³ А. Пакерис является также автором самого термина «собственная просодия» (*savaiminė prozodija*).

А) ТИПЫ СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ЕДИНИЦ

§ 218. Выделение суперсегментных единиц, различающих определённые более крупные отрезки речевых актов, всегда уменьшает общее количество фонологических единиц; нередко это упрощает описание и интерпретацию всей системы языка. Ведь если мы не выделим интонации, то отрезки *Tu?* ‘Ты?’, *Tu.* ‘Ты.’ и *Tu!* ‘Ты!’ нам придётся считать совершенно разными словами; ещё одно слово со сходным значением мы обнаружим в предложении *Tù nubùsi vidurỹ naktiēs* ‘Ты проснёшься среди ночи’, и ещё одно — в предложении *Eĩk tù!* ‘Иди ты!’ и так далее, почти до бесконечности. Такое решение не только осложнило бы словарь и грамматику — оно было бы и интуитивно неприемлемым: даже самые наивные информанты прекрасно понимают, что во всех этих высказываниях используется одно и то же слово *tù*. Выделив интонацию в качестве суперсегментной единицы, данное слово в дальнейшем можно исследовать грамматически и фонологически, не обращая внимания на модуляции его тона, интенсивности и длительности, которые входят в особую систему, относящуюся не к словам, а к предложениям (см., напр., [Harris 1963: 45–58; Николаева 1977: 4–9 et passim; Солнцев 1977: 188ff.]).

§ 219. Кроме интонаций, без сомнения, являющихся двусторонними единицами [Солнцев 1977: 187, 190 и указ. лит.], суперсегментными единицами обычно считаются определённые признаки слога и слова: ударение, тоны и слоговые интонации, или акценты [Зиндер 1979: 257ff.]. Эти признаки обычно называются просодическими единицами, а их фонологически значимые ядра — просодемами [Hammarström 1966: 33–37]. Чаще всего просодические единицы отличаются от дифференциальных признаков и звуковым выражением: их обычно образуют не тембровые (спектральные, или ингерентные) звуковые особенности, а модуляции основного тона, громкости и длительности произнесения, близкие к интонационным признакам, хотя нередко их сопровождают и определённые изменения качества звука (ср. [Fry 1965; Hammarström 1966: 35; Бондарко, Вербицкая, Зиндер 1966; Rakerys 1967a; 1967b; 1968; 1982: 183–185]; теоретическое обоснование см. [Гинзбург 1966: 98ff.]). Однако в качестве суперсег-

ментных единиц можно интерпретировать не только просодические, но и некоторые другие признаки звуков, если только они характеризуют и дифференцируют отрезки бóльшие, чем фонема (ср. [Allerton 1965: 203]).

В) ЧЕТЫРЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 220. В качестве примера признаков, которые возможно интерпретировать в качестве суперсегментных единиц, можно рассмотреть мягкость и твёрдость согласных в литовском литературном языке и в особенности в западноаукштайтских каунаских (сувалькийских) говорах, хотя, анализируя парадигматические отношения фонем, мы без лишних рассуждений относили их к дифференциальным признакам данных фонем. Это толкование опиралось на предварительное допущение того, что продвинутые вперёд гласные заднего ряда являются «чистыми» аллофонами гласных заднего ряда. Однако настоящее положение дел намного сложнее.

Как известно (см. § 136, 14 табл. и [Girdenis 1967a = Girdenis 2000b: 313ff.]), твёрдые (обычные) согласные употребляются в конце слова ([—#], позиция 5), перед «чистыми» гласными заднего ряда ([—V^u], позиция 1) и перед твёрдыми согласными ([—C], позиция 3). Мягкие (дизные) согласные стоят лишь перед передними гласными ([—Vⁱ], позиция 2), мягкими согласными ([—Ĉ], позиция 4) и перед продвинутыми вперёд гласными заднего ряда ([—V^ü], 1 часть позиции 1). С другой стороны, «чистые» гласные заднего ряда могут стоять лишь после паузы ([#—]) и твёрдых согласных ([C—]); гласные переднего ряда — после паузы ([#—]) и мягких согласных ([Ĉ—]), продвинутые вперёд гласные заднего ряда — только после мягких согласных ([Ĉ—]). Следовательно, возможны сочетания лишь таких типов: а) *iC*, *uC*; б) *(C)Ci*; в) *(Ĉ)Ĉi* (количество единиц в скобках может колебаться от нуля до трёх), напр.: [v̂eř°ž°l̂°ùs] : [v̂eř°ž°l̂°ùs] : [v̂eřžl̂i]⁴.

⁴ Подробности данных явлений и процессов, несущественные для фонологического анализа, см. [Вайткавичюте 1979].

Перед гласными переднего ряда, мягкими согласными и продвинутыми вперёд гласными заднего ряда автоматически появляется мягкость согласного, во всех остальных позициях — твёрдость. Но точно так же от позиции зависят и гласные, в особенности «чистые» и продвинутые вперёд гласные заднего ряда, поскольку первые из них могут стоять только после паузы и твёрдых согласных, а вторые — только после мягких⁵, — следовательно, между ними явственно прослеживаются отношения дополнительной дистрибуции.

Эта своеобразная ситуация допускает четыре интерпретации мягкости согласных, одна из которых является суперсегментной [Girdenis 1967a = Girdenis 2000b: 314f.] (о сходном положении в праславянском см. [Винокур 1962]).

1. Можно считать, что дистинктивную функцию и роль самостоятельных фонем выполняют передние, продвинутые вперёд гласные заднего ряда и «чистые» гласные заднего. В таком случае твёрдые и мягкие согласные будут представлять аллофоны одних и тех же фонем (см. табл. 30): они находятся в отношении дополнительной дистрибуции — мягкое и твёрдое произношение определяется позицией⁶.

Таблица 30. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (I вариант)

---

⁵ Здесь и далее не следует забывать, что мягкость и твёрдость являются «импрессионистскими» (слуховыми, психолингвистическими) соответствиями артикуляторных признаков палатализации и веляризации (или просто отсутствия палатализации), которым на акустическом уровне соответствует дизность и простота (или бемольность). Попытка избежать данных терминов и непременно употреблять, скажем, только артикуляторные стала бы ненужной педантичностью, не имеющей фонологического смысла. Вспомним ещё раз, что в фонологии важны собственно оппозиции, а не их звуковое основание.

⁶ В отдельных городских идиолектах (индивидуальных разновидностях языка) этой системе могут противоречить такие интернационализмы и профессионализмы, как [k°últas], [p°úlsas], [á.lgebra], [buhá.łfeŋis], однако их нельзя считать закономерными фактами правильной литературной речи (ср. [Вайткявичюте 1979: 36] и [Girdenis, Pupkis 1979 = Girdenis 2000c: 439ff.]). В диалектах ситуация может быть иной, но их фонологические системы также иные.

Типы звуков	Позиции						Интерпретация
	[—u]	[—ù]	[—i]	[—C]	[—Ĉ]	[—#]	
[C]	+			+		+	/C/
[Ĉ]		+	+		+		

Согласно этой интерпретации система долгих гласных фонем такова:

/iː/	/ùː/	/uː/
/ie/	/ùo/	/uo/
/eː/	/òː/	/oː/
/eː/	/aː/	

Между гласными типа /u/ и /ù/ устанавливается корреляция, нейтрализуемая после паузы (т. е. в абсолютном начале слова). Упомянутые формы фонологически можно транскрибировать таким образом: /veržlùs/ : /veržlùs/ : /veržli/.

2. Во втором случае выделяются самостоятельные мягкие (дизонные) и твёрдые (простые) согласные фонемы, противопоставляющиеся перед гласными заднего ряда. Продвинутые вперёд и «чистые» гласные заднего ряда являются аллофонами одних и тех же гласных заднего ряда (см. табл. 31): /vêržlùs/ : /vêržlùs/ : /vêržli/ или /vêržlùS/ : /vêržlùS/ : /vêržli/ (малыми прописными буквами обозначаются архифонемы).

Таблица 31. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (II вариант)

Типы звуков	Позиции			Интерпретация
	[#—]	[Ĉ—]	[C—]	
[i]	+	+		/i/
[ù]		+		/u/
[u]	+		+	

3. Мягкость согласных можно считать и манифестацией фонемы /j/, близкой к ней с акустической и артикуляторной точки зрения (ср. § 71, а также [Merlingen 1970: 343–344; Žulys 1975: 66]), поскольку сочетания типа *Cju* и *Ĉi* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: [j] в «простых» словах (не композитах) может стоять лишь после начальных [p], [b] (*bjaurùs* ‘гадкий’, *spjáuti* ‘плевать’) — во всех других случаях возможны лишь группы типа *Ĉi*: слова типа *atjòti* ‘приехать верхом’, *Gaĩdjurgis* ‘Гайдьюргис (фамилия)’ этому не противоречат, поскольку в них группы *C+[j]* «разрушает» открытый стык (ср. § 36). Перед со-

гласными и гласными переднего ряда мягкость является лишь признаком аллофонов.

В этом случае транскрипция упомянутых форм будет выглядеть следующим образом: /veržljùs/ : /veržlùs/ : /veržli/.

4. Вполне возможна и суперсегментная интерпретация мягкости согласных. Именно такую трактовку предполагает гипотеза так называемых группофонем (см., напр., [Журавлёв 1966]; ср. [Kazlauskas 1968b]⁷).

Поскольку группы согласных всегда либо целиком твёрдые, либо целиком мягкие и поскольку их мягкость неотделима от передней или продвинутой вперёд задней артикуляции следующего за ними гласного, можно смело полагать, что мягкость или твёрдость характерна не для отдельной фонемы, а для группы типа (C)Ci целиком, т. е. что противопоставляются сочетания типа (Ĉ)Ĉi и (C)Ci целиком. Если данные признаки различают не отдельные фонемы, а их сочетания, нам следует считать их суперсегментными единицами. Следовательно, (Ĉ)Ĉi = (C)Ci = (C)Ci & /˘/ (дужка здесь обозначает мягкость как суперсегментную единицу). Следовательно, вышеупомянутые слова мы можем записать таким образом: /veržlùs/ : /veržlùs/ : /veržli/. В третьем примере признак мягкости нейтрализуется, поэтому его можно не отмечать. Признак твёрдости также можно оставить без специального знака, поскольку он является немаркированным членом данной оппозиции суперсегментных единиц.

Конкретные особенности звуков теперь можно объяснить влиянием суперсегментных единиц (см. табл. 32). Как видно, звуки типа [C] и [Ĉ], [u] и [ù] в данном случае являются аллофонами фонем /C/ и /u/, поскольку они употребляются в различных позициях: одни в тех сочетаниях, которые имеют суперсегментную единицу 'твёрдость', другие — в тех, что имеют суперсегментную единицу 'мягкость'.

Таблица 32. Интерпретация мягкости согласных в литовском литературном языке (IV вариант)

Типы звуков	Позиции		Интерпретация
	«Твёрдые» сочетания	«Мягкие» сочетания	

⁷ На допущение существования таких «фонем» опирается и оригинальная концепция общей аккомодации [Мартынов 1966; 1968].

[C]	+		/C/
[Ĉ]		+	
[u]	+		/u/
[û]		+	

В говорах эти единицы в определённых случаях могут охватывать даже несколько слогов. Например, в вышеупомянутых северожемайтских словах *rê.têñò* «*ritiniu*» ‘свитком’ и *rê.tênò* «*ritinu*» ‘качу, катаю’ (см. § 206) признаки мягкости и твёрдости распространяются на целое слово: первый пример можно транскрибировать как /rê.têñò/, второй — как /rê.tênò/. Похожим образом можно интерпретировать и явления сингармонизма (напр., [Lyons 1968: 128–131 = Lajonz 1978: 141–144; Lyons 1972: 278–279; Кузнецов 1966: 216; Реформатский: 1966; Garde 1968: 62–66; Виноградов 1972: 345–351; Широков 1973; Hуman 1975: 233–236]).

§ 221. Все рассмотренные интерпретации мягкости и твёрдости согласных возможны с чисто фонологической точки зрения. Третья, «йотовая», интерпретация кажется самой неудобной, поскольку она крайне осложняет синтагматические отношения между фонемами: она делает возможным появление цепочки из четырёх согласных фонем в начале (ср. *striùkas* ‘куций’ = /strjùkas/), заставляет ввести затруднительное автоматическое чередование /j/ : Ø (напр., *sakiaũ* ‘(я) сказал’ : *sakeĩ* ‘(ты) сказал’) и признать релевантными границы слога (ср. *aviũ* ‘овец (Gen. Pl.)’ = /a-vjũ·/ и *navijũ* ‘новых (Gen. Pl.)’ = /nav-jũ·/). Можно сказать, что это не классическая, а генеративная интерпретация (ср. [Heeschen 1968: 221–223; Kenstowicz 1972: 10]).

Из других интерпретаций наиболее приемлемой кажется четвёртая, т. е. суперсегментная. Если бы в литовском языке не было склонения и спряжения, без сомнения, её и следовало бы выбрать без особых колебаний. Однако это не так, и данная (а также первая) трактовка неудобна с точки зрения грамматической целесообразности (ср. § 59 и 61), поскольку она, например, разрушает тождественность грамматической структуры таких форм, как *kalù* ‘кую’ : *galiù* ‘могу’, *tévo* ‘отца (Gen. Sg.)’ : *brólio* ‘брата (Gen. Sg.)’, и осложняет их морфологическую и словообразовательную интерпретацию. Закрепляя мягкость или твёрдость за согласным конца основы, мы с лёгкостью избегаем подобных осложнений.

Итак, наиболее приемлемой кажется вторая, традиционная, интерпретация (см. также ниже — § 223). Однако это никоим образом не свидетельствует о том, что только классическая интерпретация является верной. Даже принимая данное решение, нельзя забывать о том, что в литовском языке твёрдость и мягкость на самом деле являются свойствами не отдельных звуков, а целых сочетаний звуков. В этом отношении литовский литературный язык резко отличается, например, от русского языка, в котором согласные обладают свободной, независимой от смежных гласных, корреляцией по мягкости⁸. К такой системе приближаются и некоторые литовские диалекты и говоры (особенно восточные) (ср. [Girdenis 1983a = Girdenis 2000c: 290f.]).

Исчерпывающую типологическую картину языковой системы дает только совокупность всех возможных фонологических интерпретаций, а не одна (даже наилучшим образом обоснованная): взаимопротиворечащие фонологические решения уточняют и углубляют друг друга. Тембровая корреляция согласных в литовском литературном языке тем и замечательна, что её можно трактовать разными способами, — это очень важная и очень архаичная её черта.

С) ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ И НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «ПРОСОДИЧЕСКОЙ» ФОНОЛОГИИ

§ 222. Суперсегментными единицами можно считать не только мягкость и твёрдость согласных, но и другие признаки, в некоторых случаях противопоставляющие и объединяющие целые группы фонем.

Например, в литовском языке можно интерпретировать таким образом глухость и звонкость шумных согласных, поскольку они всегда являются общими для всей группы фонем данного типа, ср.: *lāzdą* ‘палку’: *lāstą* ‘клетку’, *šnibždù* ‘шепчу’ : *šnipštù* ‘не-

---

⁸ Однако Ю. С. Степанов показал, что даже в русском языке мягкость и твёрдость согласных можно считать суперсегментными единицами, относящимися к группам фонем (см. [Степанов 1974 и указ. лит.], а также [Степанов, Эдельман 1976: 216ff.], о сходной трактовке белорусского консонантизма см. [Падлужны 1969: 216ff.]).

удачей', *Zdanỹs* 'Зданис (фамилия)' : *Stanỹs* 'Станис (фамилия)'. Выделив в качестве суперсегментных единиц 'звонкость' и 'глухость', сочетания /zd/, /bžd/ можно считать симультанными комбинациями соответствующих глухих (немаркированных) групп /st/, /pšt/ и единицы 'звонкость'. Обозначив суперсегментную громкость знаком „ ¯“, мы получим: /zd/ = /s̄t/ или /st/ & /¯/, /bžd/ = /p̄št/ или /pšt/ & /¯/, а также [lã·zda·] = /lã·s̄ta·/, [š̂nib°ž°d°ù] = /š̂n̄ip̄štù/. Если придерживаться принципа обобщения (о нём см. [Ельмслев 1960b: 327]; ср. [Robins 1972: 273; Harris 1963: 131]), соответственно следует интерпретировать и отдельные звонкие шумные согласные: [b°ùv°o·] = /p̄ùvo·/, [g°u·b̄f̄i·s] = /k̄up̄f̄i·s/ и т. д.

Сходным образом можно интерпретировать и резкость и нерезкость (альвеолярную и зубную артикуляцию) типа *S* и аффрикат, эмфазу согласных и продвижение назад соседних гласных в арабском языке (ср. § 205), а также такие явления литовских говоров, как различные виды ассимиляции и аккомодации гласных.

§ 223. Из всех направлений фонологии суперсегментными интерпретациями наиболее интересуется Лондонская школа, самым ярким представителем которой является Джон Фёрс (Firth) (см. об этом [Кубрякова 1964]). Фонологи, принадлежащие данному направлению, все суперсегментные единицы называют просодиями (анг. *prosodies* [Firth 1973]), поэтому данное направление часто именуют просодической школой или просодической фонологией.

Для сторонников просодической фонологии рассмотренные здесь суперсегментные интерпретации мягких и звонких согласных были бы единственными. В некоторых случаях они заходят ещё дальше: в качестве самостоятельных «просодий» могут интерпретироваться качество гласных, лабиализация гласных и согласных и т. д. (ср. [Firth 1973; Robins 1972; Lyons 1968: 127–131 = Лайонз 1978: 141–144]; последовательную просодическую концепцию происхождения индоевропейского консонантизма см. [Клычков 1981: 135–139 и указ. лит.]⁹).

⁹ Из литовских фонологов ближе всего к данной концепции стоит Казимиерас Гаршва (по крайней мере, в некоторых работах, ср. [Гаршва 1977b: 70–74 et passim] и [Kačiuškienė 1983: 33]).

Сходные единицы — фонологические долгие компоненты — выделяли и некоторые дескриптивисты (напр., [Harris 1963: 125–149; 1972]; ср. [Слюсарева 1960: 105; Lyons 1968: 105–108 = Лайонз 1978: 120–123 и рис. 3; Воронкова 1981: 87]). Однако они опираются не столько на фонетические признаки звуков, сколько на их дистрибуцию (ср. [Fischer-Jørgensen 1975: 99–101]).

§ 224. Несомненно, выделение суперсегментных единиц, или «долгих компонентов», всегда уменьшает инвентарь фонем и вообще фонологических единиц. Нередко после такой операции упрощается и формулировка правил синтагматических отношений (фонотактики). Но, с другой стороны, это ещё больше усложняет правила грамматики и словообразования. Если, например, перед морфемой, выраженной или начинающейся фонемой /d/, регулярно озвончаются все глухие согласные (ср. литов. *kāsa* ‘копает’ : *kà[z]davo* ‘(он) копал (прош. многокр.)’), значительно проще и естественнее говорить о нейтрализации или даже о традиционной ассимиляции, чем о суперсегментной единице, охватывающей всё сочетание. Ведь так или иначе эту единицу «излучает» единственный фокус — звонкий [d]. Поскольку лишь он является причиной звонкости всей цепочки звуков, ему и следует приписать дифференциальный признак звонкости.

То же самое следует сказать и о мягкости и твёрдости литовских согласных и продвижении вперёд гласных. В форме *vėlnius* [vé.l̥n̥iʊs] ‘чертей (Acc. Pl.)’, несомненно, имеется то же окончание, что и в форме *kėlmus* [k̥á.l̥mus] ‘пни (Acc. Pl.)’, оно лишь продвинуто вперёд из-за влияния фокуса палатализации /ŋ/. Из того же фокуса мягкость получают идущие перед ним согласные и гласный [e.], артикулируемый с несколько более высоким подъёмом и несколько более закрыто. Схематично это можно изобразить так:

vėlnius

В общих чертах так же можно объяснить и сквозную палатализацию звуков в северножемайтском слове *rė. t̥eñò* (ср. § 220):

rė. t̥eñò

Следовательно, суперсегментная (или просодическая) интерпретация некоторых признаков является необходимой и един-

ственной лишь тогда, когда нельзя обнаружить фонему, которую можно считать фокусом, «излучающим» признаки, общие для нескольких членов сочетания (ср. [Human 1975: 235; Clements 1977]).

На это имплицитное (явным образом несформулированное) допущение, по-видимому, опираются все классические интерпретации дифференциальных признаков и просодических явлений, хотя в явном виде этого никто не высказывал. Следует всецело согласиться с Дж. Лайонзом, который полагал, что для одних языков более подходят просодические (суперсегментные), или, выражаясь более модным образом, автосегментные, интерпретации (ср. [Clements 1977]), для других — чисто фонематические [Lyons 1972: 279–280]; с данной точки зрения языки можно разделить на просодические и фонемные. Это, видимо, правильная точка зрения, однако не следует забывать, что возможны и промежуточные (смешанные) языковые типы.

3. ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

А) УДАРЕНИЕ

А) ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

§ 225. Нетрудно доказать, что в литовском языке есть суперсегментные единицы, различающие целые слова. Для этого достаточно сопоставить такие пары словоформ или более крупные группы, как *gìria* ‘хвалит’: *girià* ‘роща’, *kilimas* ‘ковер’: *kilimas* ‘подъём’, *nèši* ‘будешь нести’: *neši* ‘несёшь’, *riši* ‘будешь связывать’: *riši* ‘связываешь’, *likime* ‘останемся’: *likime* ‘судьба (Voc. Sg.)’: *likimè* ‘в судьбе’. Эти слова отличаются друг от друга и по содержанию, и по звучанию, поэтому они непременно должны обладать хотя бы одной различной фонологической единицей, выполняющей дистинктивную функцию и определяющей нетождественность выражения.

И в самом деле, во всех перечисленных словах один гласный произносится несколько отлично от других гласных: в словах *kilimas*, *nèši*, *likime*, *riši* гласный первого слога произносится

более отчётливо, более высоким тоном и с большими артикуляционными усилиями, в словах *kilimas*, *neši*, *likime*, *riši* так произносится гласный второго слога. Поэтому, казалось бы, гласным следует приписать ещё одну пару дифференциальных признаков, — скажем, ‘сильный’–‘слабый’ (ср. [Jakobson 1962: 13; Халле 1962: 317, 321 et passim]; критические замечания см. [Кузнецов 1970а: 176ff.]). Если ввести эти признаки, подсистема кратких гласных может быть представлена таким образом:

сильные:		слабые:	
/i/	/ù/	/ĩ/	/ũ/
/è/	/à/	/ě/	/ǎ/

Теперь можно утверждать, что данные слова отличаются гласными фонемами: /*ñeši*/ ≠ /*ñeši*/, /*likimě*/ ≠ /*likimě*/ ≠ /*likimè*/ и т. д. (ср. слова *riškes* ≠ *kišpes*, *pūtus* ≠ *tūpus*, которые, казалось бы, сходным образом различаются гласными).

Однако эта интерпретация быстро приведёт к большим трудностям.

Составим таблицу дистрибуции «сильных» и «слабых» гласных (табл. 33.).

Таблица 33. Дистрибуция «сильных» и «слабых» гласных в литовском литературном языке

Типы гласных	Позиции				Интерпретация
	[—CV]	[—CṼ]	[ṼC—]	[ṼC—]	
[i]	+		+		/i/
[ĩ]		+		+	
[a]	+		+		/a/
[à]		+		+	

Как видно, они находятся в отношении дополнительной дистрибуции: если в окружении мы находим «сильный» гласный, другую позицию (или, точнее сказать, другие позиции) может занимать лишь «слабый» гласный, а если в окружении есть «слабый» гласный, какую-то другую позицию должен занять «сильный» гласный. Исходя из этого, гласные [i] и [ĩ], [è] и [è], [ǎ] и [à], [ũ] и [ù] являются аллофонами одних и тех же четырёх фонем /i e a u/. Но данный логический вывод идёт вразрез с фактами. Ведь мы отчётливо слышим и понимаем, что *riši* ≠ *riši*, *kilimas* ≠ *kilimas*, *likime* ≠ *likime*, а фонологическая транскрипция демонстрирует тождественность этих слов (/řiši/=/řiši/, /ñeši/=/ñeši/ и т. д.).

Создаётся впечатление, что слова с разным значением и звучанием выражаются одними и теми же фонологическими единицами, расположенными в том же порядке. Естественно, такое невозможно.

К такому же немислимому выводу приведёт и попытка приписать различительные свойства словоформ слогам. «Слабые» и «сильные» слоги также будут находиться в отношении дополнительной дистрибуции, «доказывающей» несуществующее тождество рассматриваемых словоформ. Следовательно, мы опять придём к выводу, что явно различные слова совершенно тождественны.

Чтобы выйти из этого заколдованного круга, нам придётся признать, что рассматриваемые слова отличаются не фонемами и слогами, а суперсегментными единицами, различающими слова целиком. Слова *gìria, kílìmas, nèši, líkime, rìši* и *girià, kilìmas, neši, likimè, riši* отличаются тем, что в первых присутствует суперсегментная единица одного типа, а во вторых — другого. Первая суперсегментная единица выделяет первый слог на фоне других слогов, а вторая — второй. Различное произношение слогов можно представить следующим образом: *nèši* = /*nêši*/ & /*┐*┐┐/, *neši* = /*nêši*/ & /*┐*┐┐/, *líkime* = /*líkiîme*/ & /*┐*┐┐┐/, *likime* = /*líkiîme*/ & /*┐*┐┐┐/, *likimè* = /*líkiîme*/ & /*┐*┐┐┐/ (ср. [Аванесов 1956: 21–22; Allerton 1965: 202; Кузнецов 1970b: 361–364; 1970c: 342]). Как показывает сама форма схем, сущность данных единиц состоит в синтагматическом контрасте между одним более чётко произносимым слогом и всеми остальными слогами в слове.

Этот контраст между более и менее чётко произносимыми слогами и называется акцентуацией, а само выделение одного слога на фоне других слогов — ударением, или акцентом. Более чётко произносимые (или имеющие более чёткий центр) слоги называются ударными слогами — остальные слоги являются безударными (см. также § 235). Поскольку характер и структура акцентуации определяется ударным слогом, в транскрипции обычно лишь он отмечается специальными знаками — безударность других слогов очевидна, поскольку при нормальных условиях в слове имеется только одно ударение.

§ 226. Ударный слог является фонологическим центром слова, а безударные слоги составляют его периферийную часть:

ударный слог может образовывать слово, а безударный бывает лишь составной частью более сложного слова, ср.: *Kuĩ tóks jùs vès?* ‘Куда такой вас поведёт?’, *Kàs kàs, tàs lès* ‘Кто будет копать, тот будет клевать’ и т. д. *Dár tù mán čià kaũk!* ‘Ты мне ещё тут повой!’ или рус. *Тут брат взял нож* [Щерба 1974: 176] (ср. также § 22). Следовательно, ударный слог в слове занимает такое же положение, как гласный в слоге; безударные слоги в этом отношении напоминают согласные (см. [Girdenis, Žulys 1967: 114 = Girdenis 2000b: 162 и указ. лит.]).

§ 227. Некоторые исследователи полагают, что односложные слова вообще не имеют и не могут иметь ударения, поскольку в них отсутствует контраст слогов, произносимых двумя разными способами (ср., напр., [Реформатский 1975: 40–42, 63–64; Pakerys¹⁰ 1967a: 130; Laigonaitė 1978: 9–10]). Но с такой точкой зрения трудно согласиться. Во-первых, если придерживаться её последовательно, то придётся признать, что такие слова и слоги, как фр. *eau* [o] ‘вода’, греч. *oũ* ‘не’, лат. *i* ‘иди’ не содержат гласных и слогов: ведь в них отсутствует контраст гласных и согласных, характерный для слогов. Во-вторых, если бы в односложных словах не было ударения, в них не могло бы быть оппозиций, нейтрализуемых в безударных слогах. Но в действительности так не бывает. В русском литературном языке прекрасно различаются такие минимальные пары, как *rod* : *rad*, *stol* : *стал*, в ширвинтских говорах литовского языка — такие формы, как *tuó* «*tuõ*» ‘тем (Instr. Sg.)’ : *tó* «*tõ*» ‘того’ : *tà* «*tã*» ‘та’, хотя и в одном, и в другом случае в безударных слогах эти оппозиции нейтрализуются в пользу гласных типа [a] (см. § 137; ср. также ширвинтские *padėlis* «*puodėlis*» ‘горшочек’, *starai* «*storaĩ*» ‘мощно’, *statai* «*stataĩ*» ‘ставишь’ и *piodvs* «*piodas*» ‘горшок’, *stórvs* «*stóras*» ‘толстый’, *stá.ta* «*stãto*» ‘ставит’ [Morkūnas 1960: 14–15; Zinkevičius 1966: 69 и 87]). Следовательно, односложные слова, вне всякого сомнения, функционируют не как безударные, а как ударные слоги. Поскольку ударные слоги в принципе синтагматически контрастируют с безударными, можно утверждать, что в односложных словах этот контраст имеется между реальным

¹⁰ Позже А. Пакерис правомерно отказался от этого мнения (см. [Pakerys 1982: 105–107]).

ударным слогом и потенциальным, нереализованным безударным слогом (см. [Girdenis, Žulys 1967: 114, сн. 5 = Girdenis 2000b: 162, сн. 5]). Контраст, благодаря которому мы определяем акцентуацию, характерен для всей системы, а не для отдельных её членов. Односложные слова будут на самом деле безударными лишь в языке, где нет ни двусложных, ни трёхсложных, ни вообще многосложных слов. Но подобные случаи совершенно неинтересны, поскольку в таком языке вообще не будет фонологического ударения¹¹.

Попытка М. В. Панова рассматривать ударение в односложных словах как результат нейтрализации по ударности-безударности (см. [Панов 1972: 20; 1979: 166]; с ним как будто склонен согласиться А. Пакерис [Pakerys 1982: 107]) неудачна: это приблизительно то же самое, что утверждать, будто в слогах *ý-(-la)* ‘шило’, *ó-(-ras)* ‘погода’, *ĩ-(-žimas)* ‘шум’ нейтрализуется оппозиция между гласными и согласными. Кроме того, если мы согласимся с таким объяснением, фонетически и статистически сильно маркированные ударные слоги (они являются гораздо более редкими, чем безударные, ср. [Karosienė, Girdenis 1990: 42 = Girdenis 2001: 25 et passim]) будут представлять архипросодему в позициях нейтрализации — односложных словах.

§ 228. Фонематические свойства, на которые опирается акцентуация (т. е. контраст ударных и безударных слогов), относятся не к системе языка, а к его норме, поэтому с точки зрения фонологии они несущественны, или нерелевантны (ср. [Girdenis, Žulys 1967: 113–114 = Girdenis 2000b: 161f.; Malmberg 1971: 11]). Для фонологии в первую очередь важен сам контраст, а не его звуковая основа. Если бы в каждом слове какого-нибудь языка всегда один и только один слог имел глухой согласный, этот слог следовало бы считать ударным, а глухоту согласного оценивать как реализацию ударения. Таким же образом нам бы пришлось трактовать назализацию гласных, если бы она встречалась в од-

---

¹¹ То, что здесь сказано об односложных словах, относится только к так называемым ортотоническим словам (из греч. *ὀρθός* ‘истинный, правильный’, *τόνος* ‘ударение’). Энклитики и проклитики являются лишь составными частями фонологических слов: такие сочетания, как *iš namĩ* = /išnamĩ/ или *kuĩ gi* = /kuĩgi/ следует считать одним фонологическим словом (более подробно о клитиках см. [Zwicky 1977]).

ном и только в одном слоге каждого слова какого-нибудь языка. Следовательно, теоретически возможны самые различные фонетические реализации ударения и акцентуации.

Однако чаще всего ударный, или центральный, слог на фоне других (периферийных) слогов выделяют так называемые просодические признаки, свидетельствующие о большей общей артикуляционной энергии (субглоттальном давлении и т. п.; напр., [Essen 1967: 218 и указ. лит.; Ladefoged 1967: 1–49; 1975: 223]): сила голоса, высота основного тона и определённые его модуляции, длительность произнесения (чаще всего одновременно с интенсивностью, ср. [Бровченко 1966; 1970]), а также сочетания этих признаков и их модуляции, иногда сопровождаемые определёнными качественными характеристиками (напр., отсутствием редукации — ср. [Жинкин 1958: 239–257; Fry 1965; Kent, Netsell 1971: 43; Зиндер 1979: 263–267 и указ. лит.; Бондарко 1981: 59]). Ударный слог и в особенности его центр — гласный или дифтонг¹² — может (1) произноситься более чётко и сильно, чем безударные; (2) быть более высоким (в исключительных случаях — более низким, см. [Allen 1973: 75 и указ. лит.]), либо (3) быть более долгим, чем «фон». По этим признакам традиционная, в особенности историческая, фонетика выделяла (иногда и сейчас продолжает выделять, ср. [Kazlauskas 1968a: 5ff.; Мухин 1976: 54]) различные типы ударения: 1) динамическое, или экспираторное, 2) музыкальное, или тоническое и 3) количественное, или квантитативное ударение (напр., [Hirt 1929: 5–6 и указ. лит.; Зиндер 1979: 262–263; Wierzchowska 1980: 133–134]). Историки языка придавали данному делению чрезвычайно большое значение, полагая, что ударения второго и третьего типа обладают почти что мистической способностью вызывать различные виды редукации вокализма безударных и в особенности конечных слогов (ср. [Brugmann, Delbrück 1897: 945–946; Бурсье 1952: 35–36 и 125–128; Доза 1956: 34–35]¹³).

---

¹² Вообще, об ударении могут свидетельствовать и определённые просодические свойства согласных, в особенности их длительность (ср. [Janota 1967: 62; Скупас 1967; Tankevičiūtė 1982]). Но почти всегда это является лишь вспомогательным или второстепенным сигналом.

¹³ Практически самыми последними отголосками этой концепции являются умозрительные диахронические конструкции Й. Казлаускаса

Для фонологии эти различия существенного значения не имеют, тем более что, как в настоящее время выяснилось, «чистых» акустических признаков ударения нет ни в одном известном языке (ср., напр., [Lehiste 1970: 118; Pilch 1964: 49; Allen 1973: 74 и указ. лит.; Ladefoged 1975: 223; Pakerys¹⁴ 1982: 134–144 и указ. лит.]); постепенно в этом убеждаются и компаративисты (напр., [Семереньи 1980: 86]). Но в более обстоятельных типологических и диахронических исследованиях иногда разумно и полезно выделить динамическое и нединамическое фонологическое ударение. Однако для фонолога динамическим будет только такое ударение, которое связано с нейтрализацией оппозиций гласных того или иного рода или вообще с меньшей длительностью гласных в безударных слогах, — фонетические признаки ударения в данном случае нерелевантны [Kuryłowicz 1968a: 9; 1977: 225]. Например, экспериментальные исследования [Bolinger 1958; Katwijk 1972; Мартине 1963: 439–440] показывают, что для восприятия ударения в английском языке наибольшее значение имеет основной тон, а не сила голоса, однако фонологи всё же считают данное ударение динамическим, поскольку в абсолютно безударных слогах в этом языке многие оппозиции гласных подвергаются нейтрализации (о сходном положении в немецком языке см. [Lindner 1969: 71]). Что в чисто «музыкальном» древнегреческом языке в структуре ударения присутствуют динамические моменты, замечено уже давно (напр., [Hirt 1929: 34–36]).

Естественно, динамическое ударение, понимаемое таким образом, не имеет большой диахронической объяснительной силы: оно лишь описывает, но не систематизирует факты. Немногое объясняет и фонетическое динамическое, или экспираторное,

---

[Kazlauskas 1968a] (их анализ см. [Girdenis, Žulys 1972: 194–195 = Girdenis, 2000b: 357ff.]).

¹⁴ А. Пакерис [Pakerys 1982] убедительно доказал, что ударение в литовском языке является «смешанным»: его образует сложный комплекс разнообразных просодических признаков. (Здесь следует напомнить, что уже в 1924 г. это уже интуитивно принял во внимание Е. Д. Поливанов [Поливанов 1968: 150].)

О смешанной природе ударения в чешском языке см. [Rigault 1972], о нечёткости признаков «динамического» ударения в казахском языке см. [Джунисбеков 1987].

ударение, поскольку никому не удавалось наблюдать *in vivo* (в природе, в действительности), что происходит с языком или диалектом, несомненно имеющим ударение такого типа. Не так легко установить и экспериментально, какое ударение представлено в определённом языке или диалекте: почти всегда мы имеем дело с комплексными признаками ударения, обладающими и динамическими и нединамическими чертами. Поэтому динамическое ударение обычно реконструируется только исходя из произошедших в прошлом редуций, которые в современной системе отражаются в виде различных нейтрализаций. Следовательно, на основе редуции делается вывод о характеристиках некогда существовавшего ударения, а затем этим ударением объясняются те же редуции (ср. [Мартине 1963: 219]). Это очевидная логическая ошибка.

Следует также отметить, что во многих языках и диалектах ударный слог чётко выделяется на фоне безударных только тогда, когда слово произносится изолированно или когда оно имеет фразовое или хотя бы синтагматическое ударение [Pike 1972a: 158–160; Rigault 1972; Бондарко 1981: 55]¹⁵. Это характерно и для литовского языка — по крайней мере для некоторых его диалектов. Например, согласно экспериментальным данным, (полученным совместно с Региной Ключене), в северножемайтских говорах такие минимальные пары, как *rišī's* «*rišies*» ‘будешь завязывать (себе)’ : *rišī's* «*rišiesi*» ‘завязываешь (себе)’, выделенные сегментатором из связного текста, хорошо различаются слушающими только в словах с фразовым ударением (95,9% правильных ответов, 95%-ный доверительный интервал = $86,4 \div 99,9\%$); те же самые слова, выделенные из слабых позиций фразы, распознаются гораздо хуже (только 63,7% правильных ответов, нижняя граница доверительного интервала = $46,6 \div 79,2\%$ меньше 50%)¹⁶.

---

¹⁵ В древнегреческом языке в потоке речи, вероятно, в определённых случаях исчезало острое ударение на конечных слогах — на это указывает тяжёлое ударение, которое должно обозначать отсутствие ударения, заменяющее острое ударение в подобных случаях (ср., напр., [Hirt 1929: 40–41 и 63; Trubetzkoy 1977: 190 = Трубецкой 1960: 236], ср., однако [Тронский 1962: 74ff.]).

¹⁶ Это подтверждают и экспериментальные (осциллографические) эксперименты (обработано около 400 осциллограмм). Гласный первого слога

В) ТИПЫ И ФУНКЦИИ УДАРЕНИЯ

§ 229. В литовском литературном языке¹⁷ акцентуация, или, проще говоря, ударение, выполняет дистинктивную функцию: оно, как мы только что видели, может различать слова и их формы. Такое ударение называется свободным, или, если пользоваться принятыми в фонологии терминами, дистинктивным (ср. § 233). Дистинктивный характер литовского ударения определяется тем, что нет ни фонетических, ни фонологических правил, в которых бы определялось, сколько слогов может стоять перед ударным слогом (т. е. центром слова) и после него. Благодаря этому возможны оппозиции различных схем акцентуации, количество которых увеличивается при увеличении количестве слогов в слове. Например, в двухсложных словах могут выделяться только две схемы: / ˘_ / (*nėši* ‘будешь нести’) и / _˘ / (*neši* ‘несёшь’), в трёхсложных словах возможны схемы трёх типов: / ˘_˘_ / (*likime* ‘останемся’ (пов. накл)), / _˘_˘ / (*likime* ‘судьба’ (зв. п.)), / _˘_˘ / (*likimė* ‘в судьбе’) и т. д. (ср. [Girdenis, Žulys 1967: 114 = Girdenis 2000b: 162]). Таково же положение и в русском, болгарском, сербохорватском языке¹⁸; очевидно, похожая акцентуация была характерна и для ведического санскрита и т. д.

в ударных позициях оказывается на 2,1 дБ интенсивнее и на 6 полутонов выше, чем гласный второго слога; ударный гласный конечного слога в таких случаях на 0,6 дБ интенсивнее и на 2,1 полутона выше гласного первого слога. В слабых позициях эти различия в значительной степени уменьшаются: в «предударных» словах — до 0,21 дБ и до 0,7 пт (*rišĩs*) и до 0,4 дБ, 0,0 пт (*rišĩs*), в «заударных» — соответственно до 1,2 дБ, 1,0 пт и 0,2 дБ, 0,2 пт. Такие назначительные физические различия (в особенности в «предударных» словах) нельзя считать надёжной опорой для восприятия. (Более подробно об этом см. [Гирденис 1982а: 184, сн. 19 = Girdenis 2000с: 279, сн. 19].)

¹⁷ А также во всех говорах (даже в тех, для которых характерна интенсивная оттяжка ударения: в них также прекрасно сохранились по крайней мере такие оппозиции, как *pa˘.ta* «*pa˘to*» ‘видит’ : *pá.mata* «*pāmato*» ‘фундамента’).

¹⁸ Мы имеем в виду прежде всего чакавские диалекты этого языка: в штокавских диалектах и в литературном языке «запрещается» ударение на последнем слоге [Garde 1968: 141 и 150ff.; Magner, Matejka 1971: 3–4]).

Здесь необходимо сделать примечание относительно самого названия языка. В настоящее время по-литовски принято говорить и писать «по

Дистинктивную функцию ударение способно выполнять и тогда, когда его место ограничено последними двумя или тремя слогами. Например, в провансальском языке ударным может быть только последний или предпоследний слог, однако в нём возможны такие минимальные пары, как *arabi*¹⁹ ‘разновидность комара’ : *aràbi* ‘араб’ [Fourvières 1975: 40], *garri* ‘дуб’ : *gàrri* ‘крыса’ [ibid.: 415], поэтому ударение, несомненно, является дистинктивным. Здесь, как и в литовских двусложных словах, противопоставляются акцентуационные схемы /_|_/ и /_|_/, связанные только двумя последними слогами слова. В новогреческом языке ударение может стоять на одном из трёх последних слогов, поэтому возможны лишь следующие акцентуационные схемы: /(_)|_|_/ (напр.: *κάμαρα* ‘комната’, *παράγωγος* ‘производный’), /(_)|_|_/ (каμάρα ‘свод’, *προγόνι* [pro'ɣoni] ‘пасынок’) и /(_)|_|_/ (παράγωγός ‘производитель’, *προγόνή* [proɣo'ni] ‘падчерица’) — соответственно пропарокситонная, парокситонная и окситонная акцентуация; в двухсложных словах противопоставляются /_|_|_/ (*βάλτος* ‘лужа’, *κάτης* ‘кот’) и /_|_|_/ (*βαλτός* ‘поставленный’, *κατής* ‘судья’). Ограниченно свободное ударение отличается от литовского свободного ударения не своей функцией, а только количеством возможных оппозиций: в провансальском языке это количество минимально, в литовском — максимально. Но и в том, и в другом случае акцентуацию конкретных словоформ невозможно объяснить ни фонетическими, ни фонологическими правилами. В этом и заключается суть свободного, или дистинктивного, ударения.

§ 230. В определённом смысле можно утверждать, что свободное, или дистинктивное, ударение является типологической

примеру Европы» *serby-kroaty kalba* ‘сербохорватский язык’, однако трудно поверить, что попавшее в языки Западной Европы (вероятно, во время крестовых походов) и искажённое по пути название *kroatai* ‘хорваты’ является более достойным, чем более близкое к оригиналу *Hrvāt* ‘хорват’ (произносится [xɾva:t], ср. сербский графический вариант *Хрвѣт*) слово *chorvatai*.

¹⁹ В действительности слова с ударением на последнем слоге пишутся без знака ударения (*arabi*, как и *garri* ‘дуб’), поскольку ударение на последнем слоге в этом языке немаркировано: оно встречается гораздо чаще, чем не на последнем.

аномалией: для большинства языков характерно фиксированное ударение, выполняющее только кульминативную и делимитативную функцию (см. § 22–23 и [Garde 1976: 379; Bolinger 1978: 480–482]²⁰), — указывающее на количество и границы содержательных единиц.

Фиксированное ударение отличается от свободного тем, что его место можно определить с помощью строгих фонетических и фонологических правил. Чаще всего речь идёт о совсем простых положениях, указывающих лишь на удалённость ударения от конца или начала слова. В зависимости от этой удалённости выделяются три основные модели фиксированного ударения: а) постоянное ударение на первом слоге слова (или другой содержательной единицы), б) постоянное ударение на последнем (конечном) слоге, с) постоянное ударение на предпоследнем слоге, так называемая пенульта (лат. *paene* ‘почти’, *ultimus* ‘последний’).

Для фиксированного ударения первого типа характерно то, что перед ударным слогом не может стоять ни одного слога, принадлежащего тому же самому слову; количество заударных слогов в сущности не ограничено. Такая система представлена, например, в латышском, чешском, словацком, исландском, эстонском, финском, венгерском языках — их акцентуация различается лишь в мелочах. Например, в латышском языке предлог безударен, а в чешском (за исключением некоторых стилистически мотивированных исключений, см. [Vachek 1968: 103ff.]) он считается первым слогом фонологического слова и поэтому оттягивает на себя ударение [Navránek, Jedlička 1963: 34–35]²¹, ср.: лтш. *'Uzmeta uz 'pleciem 'plikādas 'kažociņu un, 'sirno 'plusku 'bārdeli 'kratīdams, 'gāja 'saņemt 'nelūgto 'ciemiņu* ‘Он набросил на плечи дублёнку и, потряхивая седой потрёпанной бородкой, пошёл встречать непрошеного гостя’, чеш. *'Pojedeme 'na výlet 'na Šumavu*

---

²⁰ По данным Болинджера [Bolinger 1978: 481–482] видно, что свободное ударение имеется только в 13% из рассматриваемых им языков. В 50% оставшихся языков (во всех из них ударение, естественно, является фиксированным) ударным является предпоследний слог.

²¹ О фонетической реализации чешского ударения см., напр., [Ondráčková 1961; Janota 1967], о современной динамике языковых явлений — [Vachek 1968: 103–114].

'nebo 'do Vysokých Tater 'Поедем на экскурсию в Шумаву или в Высокие Татры' [Palková 1997: 339] (ср. также лтш. *ap 'mums* 'вокруг нас', *pie 'tevis* 'у тебя', *uz 'akmens* 'на камне' и чеш. *'na hradě* 'в замке', *'za jízdu* 'за езду', *'za rohem* 'за углом'²²).

В данном случае делимитативная функция ударения особенно очевидна и прямолинейна. Услышав ударный слог, мы понимаем, что им начинается новое слово; группа, состоящая из нескольких безударных слогов может принадлежать только одному слову²³.

Аналогично функционирует и фиксированное ударение второго типа, всегда заканчивающее слово; здесь по существу неограничено количество предударных слогов. Ударение такого типа характерно, например, для большинства тюркских языков (напр., [Баскаков 1966: 27]), а также для армянского, персидского и таджикского языков, напр., арм. *matenadarán* 'библиотека', *t'unavór* 'ядовитый', *usucíc* 'учитель' [Туманян 1966: 566–567], перс. *goftán* 'говорить', *mādár* 'мать', *pesár* 'сын' [Rubinchik 1971: 35]; ударение на последнем слоге встречается и в большинстве диалектов цыганского языка [Венцель, Черенков 1976: 297]. Похожий тип акцентуации характерен и для французского языка, однако в нём, как уже упомянуто (см. § 22), ударением выделяются не слова, а определённые значимые группы слов [Щерба 1955: 84–85].

Ударение на предпоследнем слоге представлено, например, в польском языке. Оно как бы заранее предупреждает слушающего о том, что следующий слог заканчивает слово, напр.: *'Jednym z licznych ro'dzajów pomie'szania jest mie'szanie atry'bucji z*

---

²² Ср. сербохорватское «скакание» ударения (*skakanje*) — оттяжку ударения с первого нисходящего слога на предлог: *bràta* 'брата' : *bèz brata* 'без брата', *rūku* 'руку' : *pòd rūku* 'под руку', *grād* 'город' : *ù grād* 'в город' [Trubetzkoy 1977: 191 = Трубецкой 1960: 237; Кузнецов 1970с: 340; Magner, Matejka 1971: 9–12]. Следует упомянуть и о подобной акцентуации предлогов в северножемайских диалектах, напр.: *bà ga.tvũos* «*be galvõs*» 'без головы', *ì mažě.i.kùs* «*ì Mažeikiùs*» 'в Мажейкяй', *sò va:kã's* «*su vaikaĩs*» 'с детьми'.

²³ В слабых позициях быстрой речи (темпа *allegro*), как уже было упомянуто (см. § 228 и сн. 15), контраст ударных и безударных слогов может нейтрализоваться.

predi'kacjā (L. Zawadowski) ‘Один из многих видов смешения — смешение атрибуции и предикации’. Такое же ударение характерно и для современного ассирийского языка, напр.: *ärmiltä* ‘вдова’, *parqínva* ‘(я) хотел’, *urusnēta* ‘русский’ [Tsereteli 1978: 37], *ktáva* ‘книга’, *хоунána* ‘умный’ [Арсанис 1968: 493] и др. Это самая распространённая модель акцентуации (см. [Human 1975: 209–210; Kuryłowicz 1977: 218] и сн. 20). Её частая встречаемость объясняется тем, что «женские» словоформы являются очень хорошей базой для выражения фразовой интонации (ср. [Bolinger 1978: 481 и указ. лит.]; об этой статистической тенденции в акцентуации в литовском литературном языке см. [Girdzijauskas: 1979, 161; Гирденис 1982a: 183–184; 1983b: 118 = Girdenis 2000c: 277f., 354f.; Karosienė, Girdenis 1990: 39–40 = Girdenis 2001: 25f.]).

В системах всех трёх акцентуационных типов могут встретиться слова или группы слов, в которых ударение нарушает общее правило. В латышском языке это экспрессивные слова типа *lē'nītiņām* ‘медленно, потихоньку’, *pama'zītiņām* ‘понемножку’ [Laua 1980: 88]²⁴, в персидском языке неконечное ударение могут иметь некоторые частицы или союзы, напр., *báli* ‘так’, *bálke* ‘но’, *čérā* ‘почему’ [Rubinchik 1971: 35]; в польском языке есть такие исключения, как *gra'matyka* ‘грамматика’, *rzeczpo'spolita* ‘республика’ [Wierzchowska 1980: 134]. Очень часто общие правила ударения перестают действовать, если у слова появляются энклитики (особенно в системах второго и третьего типа): они удлиняют фонологическое слово на один или несколько слогов, а ударение остаётся на прежнем месте.

§ 231. Рассмотренные типы фиксированного ударения так распространены, поскольку они лучше всего сигнализируют о границах слова: начальное и конечное ударение указывает на них непосредственно, ударение на предпоследнем слоге функционирует как своего рода предупреждающий знак.

С точки зрения делимитативной функции совсем неудобным было бы постоянное ударение на втором (от начала) слоге,

²⁴ «Графические» слова *ne'kas* ‘ничто’, *pa'visam* ‘совсем’ в действительности являются сочетаниями проклитики и орфотонического слова: /ne kas/, /pa visam/.

хотя, если смотреть формально, оно кажется возможным, поскольку его «зеркальное отражение» — ударение на предпоследнем слоге — абсолютно нормально и частотно. Носитель языка с таким ударением фонологические границы слова мог бы определить с помощью акцентуации лишь в том случае, если бы он постоянно запоминал по крайней мере два предударных слога: один из них относился бы к произносимому слову, другой — к предыдущему. Это, естественно, было бы слишком большой нагрузкой на оперативную память человека, поэтому такого ударения, по мнению Е. Куриловича, вообще не может быть [Kuryłowicz 1977: 217] (ср. однако [Bolinger 1978: 481–482 (табл. 2)]). Имея это в виду, трудно согласиться с некоторыми диахроническими исследованиями диалектов литовского языка, в которых полагается, что, например, жемайтское ударение с конца слова на начало оттягивалось постепенно: сначала на предпоследний слог, потом на третий с конца и т. д., пока оно не закрепилось на первом слоге (напр., [Grinaveckis 1961: 122 et passim]). На одной из стадий такого развития немало слов имело постоянное ударение на втором слоге. Это, без сомнения, не особенно реалистичные реконструкции (ср. также [Girdenis, Rosinas 1974: 192 = Girdenis, 2000b, 394]).

§ 232. Нередко место фиксированного ударения зависит не только от границ слова, но и от количества гласных и слогов: есть немало языков, в которых долгий слог притягивает к себе ударение.

Особенно распространена акцентуационная модель, хорошо известная из латинского языка: в словах, имеющих больше чем два слога, ударение получает предпоследний долгий слог (пенультима), а когда этот слог оказывается кратким, ударение получает третий от конца слог любой долготы (антепенультима), напр.: лат. *dē'lībo* ‘беру’, *litte'rātus* ‘грамотный’ (природная долгота слога), *frū'mentum* ‘хлеб (зерновой)’, *oc'curro* ‘бегу, спешу’ (позиционная долгота слога), но *a'cephalus* ‘безголовый (обычно о стопе гекзаметра, начинающейся кратким слогом)’, *'consono* ‘вместе шумлю, звучу’, *cu'piditas* ‘вожделение, страсть’, *'exitus* ‘выход, конец’, *no'vācula* ‘бритва’ [Тронский 1960: 60–62], аккад. *pa'rāsu(m)* ‘отрезать’, *'i'ballut* ‘он выздоровеет’, *šar'rūtu(m)* ‘царство’, но *'i'plahū* ‘они побоялись’, *mu'ballitu(m)* ‘животворящий’,

'*nandurum* ‘свирепо’ [Липин 1964: 42–43], классич. араб. *ha'līfun* ‘союзник’, *mā'sātī* ‘(я) нашёл’, но *in'tašara* ‘распространяться’, *'lafaza* ‘вырезать’, *ma'drasatun* ‘школа’ [Гранде 1972: 83, 384]. Акцентуация в классическом санскрите была приблизительно такой же, только в нём ударение мог получать и четвёртый от конца слог (если второй и третий были краткими), напр., *bha'ranti* ‘несут’, *bha'rāmas* ‘несем’, *'bharati* ‘несёт’ и *'duhitaram* ‘дочь (Acc. Sg.)’ [Maurohofer 1965: 25–26; Зализняк 1978: 791].

Ударение, связанное с количеством гласных и слогов, может регулироваться и другими правилами. Например, в монгольском языке ударение получает первый с начала долгий слог в слове, а если все слоги в слове являются краткими, ударение падает на первый слог, напр.: *санáагаар* (*aa* = [a:]) ‘мыслью’, *хутагáар* ‘счастьем’, *залуус* ‘молодые’, но *бóлиод* ‘останавливая’, *ни́сэх* ‘летя’, *хáдам* ‘тесть’ [Касьяненко 1968: 7–8]. В эвенском языке, наоборот, ударение обычно получает первый с конца долгий слог, а если долгих слогов нет, — последний, напр.: *зэ́рмэн* ‘двойной’, *мóминат* ‘материал для лодки’, *гэ́мкэнэр* ‘заставим-ка сказать’, *гудьдмёр* ‘выше’, *мөнтэлсэ* ‘осень’, *орьклá* ‘до оленя’ [Новикова 1968: 91ff.]. В пенджаби ударение падает на последний из неконечных долгих слогов или, если все слоги краткие, — на первый слог, напр.: *ma'hīna* ‘я’, *kalā'kārī* ‘искусство’, но *'pichalī* ‘последний’, *'samasiā* ‘вопрос’ [Garde 1968: 99–100]. Регрессивная зависимость ударения от количества последнего слога существовала в эолийском (лесбийском) диалекте: когда последний слог был долгим, ударение стояло на предпоследнем слоге многосложного слова, а в остальных случаях — на третьем с конца слоге, ср. *δυνάτω* ‘сильному’, *ποτάμω* ‘реке’, *πατροκτόνω* ‘отцеубийце’, но *δύνατος* ‘сильный’, *πόταμος* ‘река’, *πατρόκτονος* ‘отцеубийца’ [Schwyzer 1934: 383; Тронский 1962: 96–97]. Наконец, даже литовское ударение статистически в значительной степени связано с количеством слога: в большинстве случаев оно падает на долгий слог, хотя детерминистской закономерности, связывающей слог с количеством, не существует [Girdenis 1983b = Girdenis 2000c: 353ff.; Karosienė, Girdenis 1990: 42 = Girdenis, 2001: 25f.].

§ 233. Встречаются и такие языки, в которых вообще нет постоянного ударения: одно и то же слово в них в одном контек-

сте может получать одно ударение, а в другом — другое. Например, коми-зыряне совершенно свободно могут сказать *мóртъяслы* ‘людям’ = *мортъяслы́* ‘id.’ = *мортъя́слы* ‘id.’, ср. также *му́насны* ‘пойдут’ = *мунасны́* ‘id.’ = *мунáсны* ‘id.’ [Тепляшина, Лыткин 1976: 135]. В качестве примера приведём пару предложений из ишкашимского языка (Памир): *awí šьт múlúk vьd* ‘он был ленивым человеком’ : *uk múlúk óуad* ‘какой-то человек пришёл’ — здесь *múlúk* и *múlúk* представляют собой одно и то же слово [Пахалина 1959: 36]. Некоторые исследователи полагают, что такая акцентуация была характерна и для финно-угорского праязыка [Лыткин 1964: 234].

Непостоянно ударение и в грузинском. Это видно даже потому, что специалисты по грузинскому языку всё ещё горячо спорят о природе и месте ударения в слове (ср. [Чикобава 1967: 28; Климов 1979: 113–114; Schanidze 1982: 19; Tevdoraze 1978 и указ. лит., в особенности 23–25])²⁵. Об этом свидетельствует и классическая грузинская поэзия, в которой словесное ударение нередко определяется стихотворным ритмом, например, Галактион Табидзе пишет: *úpasùхе, rom suntkvá хар, ar utxrá ki vísi* ‘ответь, что (ты) дыхание есть, но не говори, чьё’*, хотя, согласно всем известным теориям грузинского ударения, изолированные слова могут произноситься лишь так: *súntkva* ‘дыхание’, *útxra* ‘говори’.

Иногда такое недисциплинированное ударение склонно чаще появляться на слогах с более компактными гласными. Например, в коми-язьвинских говорах достаточно часто ударение притягивают *a*, *o*, *э* (ср. *вátөг* ‘без воды’, *кэркуйө* ‘в избу’, *гóжөм* ‘лето’), хотя в принципе оно совсем непостоянно и не имеет более определённого места [Лыткин 1961: 33].

Такое «недисциплинированное» ударение может выполнять, разумеется, только кульминативную функцию — показывать, сколько в речевом акте слов и других содержательных единиц²⁶.

---

²⁵ Например, слово *mascavlebeli* ‘учитель’ А. Чикобава приводит с двумя ударениями (*máscavlèbeli*), а А. Шанидзе только с одним (*mascavlébeli*).

* Дословный перевод Ш. С. Жабко (Прим. ред.).

²⁶ Такую систему «абсолютно свободного» ударения несколько напоминают жемайтские говоры в окрестностях Кведарны, Шилале, Швекшны, где сплошь и рядом употребляются такие факультативные просодические

Эту функцию, естественно, выполняет и делимитативное, и дистинктивное ударение. Следовательно, кульминативная функция ударения является самой главной и универсальной [Мартине 1960: 202; 1963: 442; Martinet 1970: 368; Pilch 1964: 101–102].

§ 234. Как уже говорилось, реже всего ударение выполняет дистинктивную функцию.

Очевидно, этим следует объяснять выявляемую в процессе эволюции многих языков тенденцию постепенно ограничивать свободу ударения и в конце переходить к чисто делимитативному ударению (ср., напр., [Мартине 1960: 215–216; Schane 1972: 221]). В условиях языковых контактов данная тенденция особенно усиливается: система со свободным ударением почти всегда поддается влиянию системы с фиксированным ударением — обратное влияние трудно даже представить. Разумеется, в некоторых случаях фиксированное ударение может стать свободным, однако это, как правило, происходит из-за эволюции вокализма, а не самой акцентуации. Например, в итальянском и в испанском языке в настоящее время ударение свободное²⁷ (ср. ит. *ancóra* ‘ещё’ : *áncora* ‘якорь’, *péro* ‘груша’ : *però* ‘однако’ [Muljačić 1972: 108], исп. *sáno* ‘здоровый’ : *sanó* ‘(он) лечил’, *córtes* ‘королевские дворы; Кортесы’ : *cortés* ‘вежливый’ [Alarcos Llorach 1975: 201–203]), однако так происходит лишь потому, что в них исчезли оппозиции долгих и кратких гласных, от которых, как было упомянуто (§ 232) зависело ударение в латинском (ср. [Garde 1976: 501–502]).

Г) ВТОРОСТЕПЕННЫЕ УДАРЕНИЯ

§ 235. Достаточно длинная цепочка слогов одного безударного слова не бывает совершенно монотонной. Одни из этих слогов произносятся сильнее или выше, другие несколько слабее или

варианты слов, как *ġàrã* || *ġærã* «*geraĩ*» ‘хорошо’, *vàkarã:s* || *vakarã:s* «*vakaraĩs*» ‘по вечерам’, *žĩⁱmũos* || *žĩⁱmũos* «*žiemõs*» ‘зимы’ и т. п. (см. об этом § 236, а также, в более широком контексте, [Пабрежа 1984 и указ. лит.]).

²⁷ Ударение на предпоследнем слоге в этих языках встречается очень часто, поэтому в обычном письменном тексте оно не отмечается (например, итальянцы пишут *però* ‘однако’, но *pero* ‘груша’).

ниже; в одних наблюдается восходящее движение тона и громкости, в других — нисходящее.

Впервые в истории языкознания это заметили древнеиндийские фонетисты. Например, знаменитый Панини все слоги в санскрите разделял на четыре класса (ср. [Barroу 1976: 108–109], ср. также [Кузнецов 1966: 210–211; Зализняк 1978: 884–885]). Ударный слог он называл *udāttaḥ* ‘повышенный, высокий’, первый заударный слог — *svaritaḥ* ‘звучный, умеренный’, первый предупредный (считая справа налево) — *sannataḥ* ‘опущенный’, оставшиеся слоги более длинного слова характеризуются общим термином *anudāttaḥ* ‘неповышенный, низкий’. Соотношения между ними представлены в таблице 34. В качестве примера рассмотрено слово из ведического санскрита *mandayātsakhaḥ* ‘радующий друзей’; слоги отсчитываются от ударного слога (0): влево (–1, –2) и вправо (+1, +2).

Таблица 34. Просодические типы слогов в древнеиндийском языке

Типы слогов	Предударные		Ударные	Заударные	
	–2	–1	0	+1	+2
<i>udāttaḥ</i>			-yāt-		
<i>svaritaḥ</i>				-sa-	
<i>anudāttaḥ</i>	man-				-khas
<i>sannataḥ</i>		-da-			

Таблица несколько упрощает реальное положение: например, в ней не отражается то, что слоги типа *svaritaḥ* имели тон, падающий от уровня *udāttaḥ* до *anudāttaḥ*. Но главное очевидно: предупредный *anudāttaḥ*, отделённый от ударного слога (*udāttaḥ*) очень низко произносимым *sannataḥ*, должен был восприниматься как носитель второстепенного ударения. Оно (вместе с *sannataḥ*) как бы заранее предупреждало, что скоро должна появиться просодическая вершина слога, — следовательно, играло роль, сходную с аллофонами фонем (ср. § 67).

Сходные второстепенные ударения можно обнаружить и в более длинных словах в современных языках и диалектах — они особенно характерны для систем с фиксированным ударением. Например, четырёхсложные слова, имеющие постоянное ударение на первом слоге, во всех известных языках получают второстепенное ударение на предпоследнем слоге, ср. лтш. *'ada,tiņa*

‘иголочка’ [Endzelīns 1951: 33], с.-хорв. *živo pīsan* ‘живописный’ [Trager 1940: 30], чеш. *nařizení* ‘распоряжение’ [Navránek, Jedlička 1963: 34], исл. *kenntu,runum* ‘(этим) учителям’ [Бёдварссон 1962: 950], эст. *liikumine* ‘движение’ [Каск 1966: 39]. И более длинные слова в языках такого типа часто получают ударение в виде хореического ритма — второстепенные ударения падают на все нечётные слоги (ср. [Trubetzkoy 1977: 192 = Трубецкой 1960: 239; Мартине 1960: 207; Garde 1968: 54]). Это характерно и для изолированных слов в грузинском языке [Тевдорадзе 1978: 23–24].

Подобное расположение второстепенных ударений характерно и для многих языков, в которых основное ударение стоит на последнем слоге. Например, в многосложных словах языка жёлтых уйгуров слова получают ударение следующим образом: *quzu'ruq* ‘хвост’, *jayan'ya* ‘слоны’, *töqqan,nuŋqu"tan* ‘от родственников’ [Тенишев 1976: 32] (ср. [Баскаков 1966: 27]). Эта тенденция не чужда и так называемым гипердактилическим словам в литовском языке (т. е. словам, в которых основное ударение стоит на четвёртом от конца слоге, ср. [Karosienė, Girdenis, 1990: 38–39 = Girdenis 2001: 22f.]): в таких словах, как *Griškabūdis* ‘Гришкабудис (населённый пункт)’, *pūskepalis* ‘полбуханки’, *mókytojas* ‘учитель’, внимательно прислушавшись, можно заметить вполне отчётливое второстепенное ударение на слогах *-bū-*, *-pa-*, *-to-*: более подробная транскрипция этих слов будет выглядеть так: [ˈgʁiška,b̥ũ·dis], [ˈp̥ũškæ,p̥alis], [ˈm̥ó·ki,t̥ó·jæs] (ср. [Kurschat 1876: 64–65; Grinaveckienė 1957: 132]). Эксперименты показывают, что похожее (только менее чёткое второстепенное ударение) бывает и в предударных слогах (напр.: *lupinéjo* ‘(он) обдирал’ = [ˌlup̥iˈn̥é·jo], *pasisukinéjo* ‘(он) кружился’ [ˌpaʃiˌsuk̥iˈn̥é·jo] — см. [Girdenis, Pupkis 1994 = Girdenis, 2001: 387f.; Vacevičiūtė 2001: 28ff.]. В северножемайтском диалекте хореическое второстепенное ударение настолько отчётливо, что под его влиянием даже продлеваются гласные *a*, *e*, *ė*, *o* и создаются условия для оппозиции слоговых интонаций, ср. *pòškæ,pá.ĩ's* «*pūskepalis*» ‘побуханки’, *vèštva,ná.ġ̃'s* «*vištvanagis*» ‘ястреб-курытник’, *pòzbe,prūoĩ's* «*pūsbeprotis*» ‘придурковатый’, ср. также: *múoki,tūoĩ^e* «*mókytojo*» ‘учителя’²⁸ : *múoki,tūoĩ^e* «*mókytojo*» ‘учёного, ученного (место-

²⁸ Во многих местах чаще говорится *múoki.tuõjã.us*.

именная форма имени прилагательного: Gen. Sg. m.)' (подробнее см. [Girdenis 1966b, 57–59 и указ. лит. = Girdenis, 2000b: 59f., 63]). Такие ударения достаточно часто отмечаются в «Постиле» М. Даукши*, напр.: *krikštitóias* 17₃₇ «*krikštytojas*» 'креститель', *Prânašâwo* 19₄₋₅ «*pranašâvo*» '(он) пророчил', *tóbulúmo* 74₁₉ «*tobulúmo*» 'совершенства (Gen. Sg.)' [Girdenis 1984 = Girdenis 2000c: 356f.]. Они отмечены и в севернорусских говорах [Пауфошима 1983: 65–66].

Пожалуй, наиболее тонко и изощрённо иерархию основного и второстепенных ударений объясняет метрическая фонология, которая оперирует заслуживающими всяческого внимания понятиями относительного просодического веса метрических стоп и их компонентов (чаще всего — слогов) (ср. [Roca 1994: 204ff.]). Однако более подробный анализ их интерпретаций занял бы слишком много места; кроме того, пока у нас нет базовых литуанистических работ такого рода.

Своеобразная рамочная акцентуация со слабым «динамическим» ударением на первом слоге и второстепенным «музыкальным» ударением на последнем слоге отмечена в удэгейском языке (на Дальнем Востоке России), напр.: *jэгдигэ* 'парень', *úсэвэсинку* 'указатель', *кúсигэвэни* '(его) нож' [Суник, 1968: 213], она характерно и для корейского языка (ср. [Поливанов 1968: 158–159]). Данное явление напоминает комбинацию основного и второстепенного ударения во многих жемайтских диалектах (см. § 23).

Все рассмотренные второстепенные ударения «рабски» зависят от главного, поэтому они не играют самостоятельной роли: они, как и предударный *anudāttaḥ* в санскрите, лишь делают основное ударение более явным, а функцию, которую оно выполняет, в особенности делимитативной²⁹. Поэтому французские фонологи и акцентологии такое регулярное выделение некоторых пре-

---

* Памятник старолитовской письменности — «Postilla Catholicka» (Вильнюс, 1599 г.). (Прим. ред.)

²⁹ Кроме того, второстепенное ударение на предпоследнем слоге способствует реализации финального интонационного контура предложения (сходным образом с основным ударением в этой позиции, ср. § 231 и указ. лит.).

дударных или заударных слогов метко называют отзвуком ударения (фр. *l'écho de l'accent* [Мартине 1960: 207; Garde 1968: 53–57, 152 et passim]; ср. также *Gegenton* Хирта [Hirt 1929: 16–17]).

§ 236. Нефонологическое второстепенное ударение, или отзвук ударения, почти всегда бывает слабее или ниже, чем основное ударение. Однако это только статистическая, а не «динамическая» закономерность. В некоторых (относительно редких) случаях данный отзвук может быть и более отчётливым, чем фонологическое ударение. Так, например, происходит в таких северожемайтских и отчасти южножемайтских словах, как *ġærà* «*gerai*» ‘хорошо’, *pàrašã* «*parašai*» ‘подписи’, *kàlakòts* ‘индюк’ и др. [Girdenis 1967b: 119–120 = Girdenis 2000b: 110f.; 1967c: 31 = Girdenis 2000b: 76; 1971b: 23–24 = Girdenis 2000b: 214]. Ударение на первом слоге в них является непостоянным, поскольку оно переходит на проклитики (ср. *nèġærà* «*negerai*» ‘нехорошо’, *iš laukū* «*iš laukū*» ‘с полей’, *nè kalakòts* «*ne kalakùtas*» ‘не индюк’) и может исчезнуть в эмфазе (напр., *ġærà būs!*³⁰ «*gerai būs!*» ‘хорошо будет!’); кроме того, оно исключительно легко выводится из ударения, количества и интонации последнего слога. Поэтому фонологическое ударение находится на последнем слоге вышеуказанных словоформ: *ġærà* = /ġerã/, *pàrašã* = /parašã/, *kàlakòts* = /kalakòts/. На первом слоге имеется лишь отзвук этого ударения, выполняющий делимитативную функцию и заранее предсказывающий, что слово заканчивается кратким или долгим циркумфлексным слогом, обладающим фонологическим ударением³¹. Роль отзвука ударения здесь по существу такая же, как и

---

³⁰ См. § 233, сн. 26. Вероятность отсутствия начального ударения зависит от многих факторов (они детально исследованы в упомянутой диссертации Юозаса Пабрежи [Пабрежа 1984] и в статьях, опубликованных по данной теме, напр., [Pabrėža 1980; 1981; 1982; 1984]); здесь важно лишь то, что все формы данного типа могут произноситься и только с одним ударением на последнем слоге (ср. также [Яблонский 1897: XXXVI; Rokaitė, Vitkauskas 1967; Grinaveckis 1973: 36; Girdenis, Rosinas 1974, 189–190 = Girdenis 2000b: 389ff.; 1976: 189 = Girdenis 2000c: 14f.; Girdenis, Piročkinas 1977–1978: 34–35 = Girdenis 2000c: 32f.]).

³¹ Иначе (но едва ли удачно) данные явления пытался объяснить Й. Казлаускас [Kazlauskas 1968a: 21ff.] (замечания см. [Girdenis, Žulys 1972 = Girdenis, 2000b: 355ff.; Girdenis, Rosinas 1980: 195 = Girdenis 2000c:

роль мягко или твёрдо произносимого начального согласного в случаях типа *rê.tẽnò* «*ritiniu*» ‘свитком’ : *rê.tẽnò* «*ritinu*» ‘качу, катаю’ (ср. § 220).

П. Гард считает отзвуками ударения последующего слога даже восходящие тоны в сербохорватском языке (ср. § 250). Например, по его мнению, с.-хорв. *grâdu* ‘городу’ = /'grâdu/, *grâdu* ‘в городе’ = /grâ'du/ и т. д. [Garde 1968: 152 et passim] (критические замечания см. [Magner, Matejka 1971: 34]).

§ 237. От отзвуков основного ударения следует строго отличать дистинктивное фонологическое ударение, самостоятельно выполняющее ту или иную репрезентативную функцию.

Кульминативное второстепенное ударение весьма характерно для германских языков. Вероятно, самой простой системой с таким ударением является система немецкого литературного языка (см. § 22), в которой каждое слово, превращаясь в компонент композита, сохраняет своё ударение [Trubetzkoy 1977: 192–193 = Трубецкой 1960: 239; Lehiste 1970: 104; Мартине 1963: 443; Martinet 1970: 367; Garde 1968: 75–79]. Главным, наиболее сильным ударением обычно становится ударение первого компонента, а между второстепенными ударениями устанавливается определённая иерархия, отражающая «историю деривации» слова (или, проще говоря, словообразовательную иерархию компонентов). Из-за этого в словах сложного состава возможны второстепенные ударения нескольких уровней (второстепенные, третьестепенные, и т. д.)³². Например, слово '*Feder,halter* ‘ручка’³³ имеет

198ff.]). Особенно веским доводом, доказывающим нефонологический характер оттянутого ударения, является тот факт, что в тельшайских говорах это ударение не мешает нейтрализации оппозиций гласных по количеству, напр., *vã.kò.u* «*vaĩkui*» ‘ребёнку’ : *tàkò.u* «*tãkui*» ‘тропе’, *vàkã* «*vaikaĩ*» ‘дети’ : *tàkã* «*takaĩ*» ‘тропы’ и *vakã.ms* «*vaikáms*» ‘детям’ : *takã.ms* «*takáms*» ‘тропам’ (ср., напр., [Girdenis 1962: 141, сн. 2 = Girdenis 2000b: 16f., сн. 2; Rokaitė 1962; Zinkevičius 1966: 41; Grinaveckis 1973: 95–96]).

³² Иерархии второстепенных ударений строго придерживаются лишь в очень разборчивой речи (ср. [Щерба 1957: 21ff.; 1974: 141ff.]). В более быстрой речи (в стиле *allegro*) эта иерархия в значительной степени нивелируется, поскольку претерпевает влияние различных сильных ритмических факторов.

³³ Здесь и далее примеры из немецкого языка (за исключением некоторых редких случаев) приводятся по [Siebs 1969].

два ударения — основное (') и второстепенное (,), поскольку оно образовано из двух слов — *'Feder* ‘перо’ и *'Halte* ‘держатель’. *"Vater,lands'liebe* ‘любовь к родине’ имеет уже три ударения: основное ("), второстепенное (') и третьестепенное (,) [Martinet 1970: 367]. Это слово состоит из компонентов — *'Vater,land* ‘родина’ и *'Liebe* ‘любовь’. В свою очередь, первый компонент образован из слов *'Vater* ‘отец’ и *'Land* ‘страна’. Ещё более сложным окажется слово *"Bahn,hofs'vor,steher* ‘начальник вокзала’. Его структуру и иерархию ударений наиболее ясно изображает следующая дендрограмма (рис. 26).

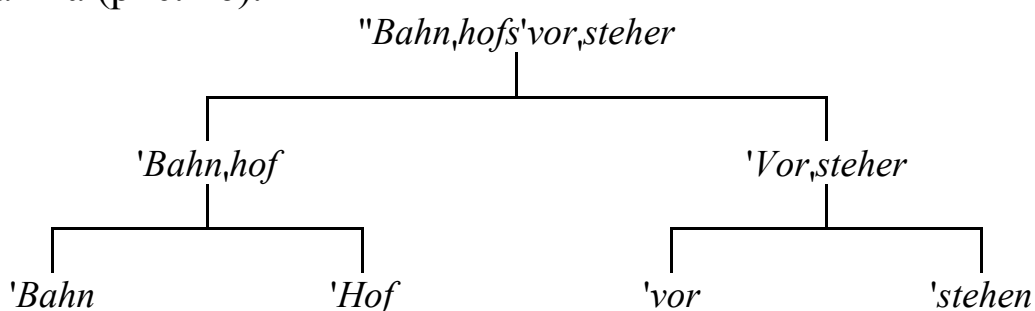

Рис. 26. Просодическая структура немецкого слова *Bahnhofsvorsteher*

Как видно, в сложном слове естественную отчётливость сохраняет только первый компонент — остальные компоненты понижаются приблизительно на одну ступень. Похожим образом акцентируются сложные слова и в английском, датском, шведском и даже в некоторых неиндоевропейских (напр., финском, венгерском) языках, только в них фонетические и ритмические факторы сильнее влияют на просодическую структуру слова: делают её не такой очевидной.

Для литовского языка (а также для многих славянских языков, напр. болгарского и русского [Маслов 1956: 24–25; Шведова 1980: 91]) подобная акцентуация малохарактерна. Исключения в нём составляют лишь такие числительные, как *'kētūrias,dēšimt* ‘сорок’, *'peñkias,dēšimt* ‘пятьдесят’, и некоторые достаточно длинные интернационализмы, напр.: *,aūtosu'gèstija* ‘самовнушение’, *,nitroglice'rinas* ‘нитроглицерин’, *,ràdio'tèchnika* ‘радиотехника’ — или такие гибриды, как *,sùperlai'dùmas* ‘сверхпроводимость’. Для нас ударение является отчётливым сигналом самостоятельного слова, поэтому структуры с такими фонологическими второстепенными ударениями мы понимаем как своеобраз-

разные инородные тела³⁴. Этим, по крайней мере в некоторой степени, объясняется периодически повторяющаяся замена наиболее частотных слов данного типа словосочетаниями: *ˌkìnote'ãtras* → *kìno teãtras* ‘кинотеатр’, *ˌkìnome'chãnikas* → *kìno mechãnikas* ‘киномеханик’, *ˌràdio'tèchnika* → *rãdijo tèchnika* ‘радиотехника’.

§ 238. Фонологическое второстепенное ударение могут иметь не только компоненты сложных слов, но и некоторые аффиксы, ср. нем. '*Frei,heit* ‘свобода’, '*Büch,lein* ‘книжечка’ и т. п., где второстепенное ударение получают суффиксы *-heit* и *-lein* [Siebs 1969: 115]. Это так называемое ударение морфемы, противостоящее отсутствию ударения и нормальному ударению слова или словосочетания [Martinet³⁵ 1970: 367; Гинзбург 1971; Girdenis, Rosinas 1974: 198 = Girdenis 2000b: 401] (ср. [Бодуэн де Куртенэ 1963: т. 2, 142])³⁶.

Такое второстепенное ударение на морфеме не совсем чуждо литовскому языку и его диалектам. Например, в северножемайтском диалекте хорошо отличаются такие формы, как им. п. ед. ч. *dõunà* «*dúona*» ‘хлеб’, *šã.rkà* «*šárka*» ‘сорока’ и вин. п. ед. ч. *dõ.un^a* «*dúonq*» ‘хлеб’, *šã.rk^a* «*šárq*» ‘сороку’ [Girdenis 1966c = Girdenis 2000b: 310f.; 1967b: 121f. (= Girdenis 2000b: 111f.); 1971b: 22–23 = Girdenis 2000b: 213; Grinaveckis, 1973: 71], в западноаукштайтских каунасских говорах — им. п. мн. ч. *klétys* ‘амбары’, *dir̃vos* ‘нивы’ и местн. п. мн. ч. '*klé,týs* ‘в амбарах’, '*dir̃,vós* ‘в нивах’. Аудитивные эксперименты, выполненные по методике, описанной в § 45–48, показали, что даже в восточноаукштайтском утянском диалекте достаточно хорошо различаются такие формы, как 3-е л. (*á.nas*) *kliédi, kóˑstî, séˑdî* «(*jis*) *kliédi, kósti, sédi*» ‘(он) бредит, кашляет, сидит’ и 2-е л. (*tu*) '*klié,dî, 'kóˑ,štî, 'séˑ,dî* «(*tu*) *kliédi, kósti, sédi*» ‘(ты) бредишь, кашляешь, сидишь’ или им. п.

³⁴ Исключение составляют лишь такие слова, как *ˌtèle'pãtija* ‘телепатия’, *ˌtèle'grãfas* ‘телеграф’, у которых второстепенное ударение совпадает с хорейским отзвуком главного ударения. Чаще всего мы не замечаем такого ударения.

³⁵ А. Мартине пользуется термином «ударение морфемы», однако в его системе морфема ≈ морфема (см., напр., [Мартине 1963: 453ff.]).

³⁶ Ср. также [Grinaveckis 1975: 194–195, сн. 18] и [Girdenis, Rosinas 1976: 192 = Girdenis 2000c: 18 и сн. 16].

мн. ч. *bó̇ba.s* «*bóbos*» ‘бабы’, *ká.r̃ṽæ.s* «*kárvēs*» ‘коровы’ и род. п. ед. ч. *"bó̇,bá̇.s* «*bóbos*», *'ká.r̃,ṽæ̇.s* «*kárvēs*» [Kosienė, Girdenis 1979 = Girdenis 2000c, 141ff.]. По-видимому, и в таких написаниях старолитовских памятников, как у К. Донелайтиса род. п. ед. ч. *Ganyklós* 282₄* «*ganỹklos*» ‘пастбища’, *Piewós* 281₂₆ «*piėvos*» ‘луга’ (ср. им. п. мн. ч. *Ganyklos* 282₁₀ «*ganỹklos*» ‘пастбища’, *Piewos* 289₂₂ «*piėvos*» ‘луга’) представлен знак второстепенного ударения, а не чисто морфологическая диакритика (как принято думать, напр., [Palionis 1979: 22]). Второстепенное ударение на морфеме показывают, без сомнения, и такие написания в «Постилле» М. Даукши, как род. п. ед. ч. *Dwâfiós* 53₂₉ «*dvāsios*» ‘души’, тв. п. ед. ч. *kûnú* 47₄₃ «*kũnu*» ‘телом’, род. п. мн. ч. *ámžiu* 127₁₈ «*ámžiu*» ‘веков’ (см. [Girdenis 1984 = Girdenis 2000c: 356f.]).

Во всех этих случаях второстепенное ударение противопоставлено отсутствию ударения и поэтому различает словоформы.

Крайне сложная система фонологических и нефонологических второстепенных ударений характерна для северных жемайтских говоров. В ней как бы перекрещиваются балтийские (также славянские) и германские просодические тенденции. Наиболее характерной особенностью производных слов в этом диалекте является сохранение ударения на суффиксах даже в тех случаях, когда основное ударение получает производящая основа (чаще всего корень), ср. род. п. ед. ч. *gò̇.den^a* /gòdɛna/ «*Gùdino*» ‘Гудинаса (фамилия)’ : 3-е л. *gò̇dė.n^a* /gòdɛna/ «*gùdino*» ‘приучал’, род. п. ед. ч. *põ̇.rvėn^a* /põrvɛna/ «*puĩvino*» ‘грязного’ : 3 л. *põ̇.rvė.n^a* /põrvɛna/ «*puĩvino*» ‘загрязнял’ и *gadė.n^a* «*gadino*» ‘портил’, *šõ̇ŋkė.n^a* «*šankino*» ‘заставлял прыгать’ (более подробно см. [Girdenis 1966b = Girdenis 2000b: 56ff.; Girdenis, Rosinas 1974: 193 = Girdenis 2000b: 394; Bukantis 1983]). В прошлом такое положение существовало, по-видимому, и в аукштайтском диалекте, ср. *át̃siũsiu* 215₂₁ «*atsiũsiu*» ‘пришлю’, *gr̃nũmq* 79₃₂ «*grynũmq*» ‘нищету’, *pařwėikino* 368₁₁ «*pasveĩkino*» ‘сделал здоровым’ у М. Даукши [Girdenis 1984 = Girdenis 2000c: 356f.].

Δ) ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

* Примеры приводятся по изданию: К. Donelaitis. Raštai. Vilnius: Vaga, 1977. (Прим. переводчика.)

§ 239. В заключение обзора акцентуационных явлений следует сказать, что не существует категорической границы между различными функциями, выполняемыми ударением. И чисто кульминативное, и делимитативное, и сравнительно редкое дистинктивное ударение помогают дифференцировать, образовывать и понимать предметное содержание. Это становится совершенно ясным, как только мы начинаем сопоставлять не только слова с похожим звучанием, но и словосочетания и предложения. Например, в литовском языке лишь акцентуация различает следующие слова и словосочетания: *dù rìs* ‘двое будут глотать’: *durìs* ‘двери’, *kã ràs* ‘что он найдёт’: *kãras* ‘война’, *kuĩ pëlès* ‘где мыши’: *kurpëlès* ‘туфельки’, *kuĩ šìs* ‘где этот’: *kuĩšìs* ‘курш (представитель древнего балтского племени)’, *tã leĩtq* ‘эту доску’: *tãlentq* ‘талант’ (вин. п.) или такие предложения, как *Tù mùlas?* ‘Ты мул?’: *Tùmùlas?* ‘Ком?’, *Íeško tà kēlio* ‘Ищет та дорогу’: *Íeško takēlio* ‘Ищет тропинку’, *Paiĩk sáu jã* ‘Возьми себе её’: *Paiĩk sáujq* ‘Возьми горсть’, *Pradék tù skìnti* ‘Начни ты срывать’: *Pradék tùskìnti* ‘Начни стучать’. Наличие двух ударений показывает, что мы слышим словосочетание, и это резко отличает его от самостоятельных слов, которые могут иметь лишь одно отчётливое ударение³⁷ (ср. [Ondráčková 1961; Garde 1968: 8–9; Muljačić 1973: 220–221]). Следовательно, кульминативная функция ударения на уровне словосочетаний и предложений сливается с дистинктивной или непосредственно перерастает в дистинктивную.

В этом отношении нет никакой разницы между свободным и фиксированным ударением: лтш. *'tu 'pele* ‘ты мышь’: *'tupele* ‘башмак’ и чеш. *'je 'den* ‘есть день’: *'jeden* ‘1’ (ср. также швед. *làma djúr* ‘искалеченные животные’: *làmadjur* ‘ламы’ [Bruce 1977: 12–13]) различаются акцентуацией точно так же, как *tù mùlas* ‘ты мул’ и *tùmùlas* ‘ком’ в литовском языке. Следовательно, для акцентуации всех типов общей является основная функция — отличать словосочетания от отдельных слов³⁸. По-

³⁷ На второстепенные ударения в таких случаях внимания не обращают: важно лишь основное ударение, ср. англ. *'black,bird* ‘(чёрный) дрозд’: *'black 'bird* ‘чёрная птица’, *'black,board* ‘доска для письма’: *'black 'board* ‘чёрная доска’ [Trager 1941: 137–138; Trager, Bloch 1972: 75–76].

³⁸ Интересно, что в северножемайтском диалекте оппозиция слов и словосочетаний сохраняется даже тогда, когда первый слог получает сильный

видимому, по этой причине свободное ударение и бывает таким редким: с функциональной точки зрения оно слишком сложно, поскольку одновременно должно выполнять две обязанности: и ту, которая характерна лишь для ударения, и ту, которую обычно выполняют фонемы и их дифференциальные признаки.

Учитывая эти очевидные факты, следует отрицательно оценивать неосторожные попытки считать фонологическим лишь такое ударение, которое выполняет различительную (дистинктивную) функцию на уровне слов и словоформ (напр., [Kazlauskas 1968a: 13ff.], из теоретических работ по фонологии — [Nyman 1975: 204]). Подобные воззрения превращают второстепенную функцию, не особенно характерную для ударения, в основную (ср. [Гинзбург 1966: 102]). На самом деле нефонологическим может быть только то второстепенное ударение, которое, вслед за П. Гардом, мы назвали отзвуком ударения (см. § 235).

В) СЛОГОВЫЕ ИНТОНАЦИИ И ТОНЫ

А) ПОНЯТИЕ СЛОГОВОЙ ИНТОНАЦИИ И ТОНА. СИСТЕМА СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЙ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

§ 240. Зная лишь место ударения, мы легко поставим ударение и произнесём те слова литовского языка, в которых центром всех слогов являются краткие (ненапряжённые) гласные и в которых нет имплозивных сонорных (т. е. согласных типа *R*). Это такие слова, как *Danùte* ‘Дануте (имя) (Voc. Sg.)’ : *Danutè* ‘Дануте (имя) (Instr. Sg.)’, *lùpa* ‘чистит’ : *lupà* ‘лупа’, *pàlikta* ‘оставлено (neutrum)’ : *paliktà* ‘оставлена’, *sunèšti* ‘принести’ : *sunešti* ‘принесённые’, *visa* ‘всё’ : *visà* ‘вся’. Их ударный слог может произноситься по-разному: и более резко, и более плавно, и выше, и ниже, и дольше, и короче, и с восходящей интонацией, и с нисходящей, — однако от этого предметное содержание данных слов не изменится — может измениться только эмоциональный или экспрессивный оттенок данных словоформ. Следовательно, слова

отзвук фонологического ударения, напр. *và kũ!* «*Và kq!*» ‘Вот что!’ ≠ *vàkũ* «*vai kũ*» ‘детей (Gen. Pl.)’ (Тиркшляй и др.). Это особенно убедительно показывает, что первый слог в формах типа *vàkũ* не имеет фонологического ударения (см. § 236, с. 237).

такого типа не отличаются от слов русского, английского и литературного немецкого языка, которые могут различаться лишь местом ударения, но не его конкретной фонетической реализацией. Например, при произношении русского слова *сорок* важно лишь то, что отличает это слово от слова *сорók*, — все остальные конкретные особенности ударного слога фонологически нерелевантны. То же самое можно сказать об акцентуации таких пар, как болг. *вълна* ‘шерсть’ : *вълна́* ‘волна’ [Маслов 1956: 23–24], ит. *capito* ‘появляюсь’ : *capito* ‘понятый’ [Muljačić 1972: 103] (больше примеров см. § 234 и [Lichem 1970: 126–130]), рум. *copii* ‘дети’ : *cópii* ‘копии’ [Reychman 1970: XVIII], англ. *'transport* ‘транспорт’ : *trans'port* ‘перевозить’ [Trager, Bloch 1972: 75], нем. *'gebet* ‘дайте’ : *Ge'bet* ‘молитва’ [Garde 1968: 6]: и в этих словах дистинктивную функцию выполняет лишь место ударения, а не то или иное произношение ударного слога. Даже вариации безударных слогов — более или менее значительная их редукция, различные нейтрализации в них — самостоятельной функции не выполняют: они лишь делают более ясным ударный слог, увеличивают контраст, составляющий суть акцентуации³⁹ (об этом в русском языке см. [Бондарко, Вербицкая, Зиндер 1966], в каталанском — [Mascaró 1978: 25–30]).

Во всех перечисленных случаях различные акцентуационные модели являются единственными просодическими единицами, способными дифференцировать слова, план выражения которых во всех других отношениях совпадает.

§ 241. В литовском языке положение оказывается значительно сложнее, как только мы переходим к тем словам, в которых центр ударного слога (нормальный или расширенный), составляет не краткий, а долгий (напряжённый) гласный либо сочетание краткого гласного и импловивного сонорного согласного. Даже самая точная фонетическая транскрипция не поможет нам без контекста прочесть и понять такие написания, как [*ˈdi·k̃ti*], [*k̃ˈi̯o·št̃e̯*], [*r̃u·ksta*], [*ṽo·k̃ti*] (или [*wo·k̃ti*]), [*k̃u̯r̃p̃e̯*], [*i̯š̃ˈṽi̯r̃ši*], поскольку из них остаётся неясным, каким образом должны произноситься ударные слоги или их центральные части. Произнося

³⁹ П. Гард удачно назвал эти явления отрицательными акцентными средствами («les procédés accentuels négatifs») [Garde 1968: 57ff.].

их более резко, энергично, мы получим такие слова, как *dýgti* ‘прорасти’, *klóstè* ‘(он) выстилал’, *rūgsta* ‘скисает’, *vókti* ‘понимать’, *kūrpè* ‘башмак’, *išvīrsi* ‘сваришь’; произносятся более плавно, нежно и протяжно — слова с совсем другим значением *dỹkti* ‘шалить’, *klōstè* ‘складка’, *rūksta* ‘дымится’, *vōgti* ‘красть’, *kuřpè* ‘(он) портачил’, *išvīrši* ‘вывалишься’. Следовательно, двойное (более резкое и более плавное) произношение центра ударного слога в литовском языке выполняет дистинктивную функцию: оно различает предметные (лексические или грамматические) значения.

Если бы этими особенностями отличались только те слова, в которых центр ударного слога представлен долгим гласным, можно было бы сказать, что в литовском языке существует два вида долгих гласных фонем, отличающихся, например, бинарным дифференциальным признаком ‘плавный’ (/ĩ· ē̄···./) — ‘неплавный’ (/i· é̄···./) либо ‘резкий’ (/i· é̄···./) — ‘нерезкий’ (/ĩ· ē̄···./). Выбор одной или другой пары дифференциальных признаков будет зависеть от дальнейшего фонологического анализа, который должен показать, какие фонемы считаются маркированными членами данных оппозиций, а какие — немаркированными. Тот факт, что данные оппозиции реализуются только в ударных слогах⁴⁰, не имеет существенного значения, поскольку безударные слоги часто представляют собой позицию нейтрализации для различных гласных фонем (см. § 137 и 227), ср. в.-аукшт. ширвинтские *pá.dvs* «*pādas*» ‘ступня’ ≠ *púzdvs* «*pūodas*» ‘горшок’, но *padé.līs* ‘маленькая ступня’ = *padé.līs* ‘горшочек’, в.-аукшт. купишкские — *kó.jæ* «*kója*» ‘нога’ ≠ *kú.jæ* «*kúoja*» ‘плотва’ но *kə.jé.la*. ‘ножка’ = *kə.jé.la*. ‘плотвичка’ (ср. § 143). Поскольку в безударных слогах обычно произносятся гласные, более близкие к плавным гласным ударных слогов (типа [ĩ·]), маркированными членами следовало бы считать резкие гласные (типа [i·]), а немаркированными — плавные. Этот вывод подтверждают и ударные окончания, в которых практически всегда употребляются гласные типа [ĩ·].

Данная интерпретация кажется совершенно приемлемой и логичной — недаром её придерживались в литовской научной печати (напр., [Dambrauskaitė 1957]). Однако иллюзия её приемлемости немедленно исчезает, как только мы вспоминаем, что

⁴⁰ Это общепринятое мнение, ср., однако, § 244, сн. 48.

похожими признаками отличаются не только слоги с долгими согласными, но и те, в которых после кратких согласных идут имплозивные сонорные согласные, т. е. группы типа *VR*, напр.: *grùmdė* [g°r°ú̃m̃dė:] ‘(он) пихал’ : *gruĩdė* ‘рубель (для белья)’, *kùrpė* [k°ú̃r̃pė:] ‘башмак’: *kuĩrpė* ‘(он) портачил’, *nuskùrsi* [n°us°k°ú̃f̃s̃i] ‘пооборвёшься’ : *nuskuĩrsi* ‘обнищаешь’, *skirtas* [š̃k̃irtas] ‘разделённый’ : *skĩrtas* ‘разница’, *šiùr̃pis* [š̃°ú̃f̃p̃i s] ‘рас-трёпа’ : *šiur̃pis* ‘дрожь’, *vĩrsi* ‘сваришь’ [ṽif̃s̃i] : *vir̃si* ‘перевернёшься’ и т. д. Безнадёжной была бы попытка приписать дифференциальный признак интенсивности или длительности какой-либо фонеме, поскольку бóльшая и меньшая интенсивность гласных, с одной стороны, и бóльшая и меньшая длительность согласных, с другой стороны, находятся в отношении дополнительной дистрибуции (см. табл. 35), несомненно свидетельствующей о том, что, например, [i] и [ĩ], [r̃.] и [r] являются аллофонами одних и тех же фонем. Остаётся единственный верный выход — особенности, различающие всю минимальную пару, приписать всему слогу и считать их просодическими единицами, различающими не отдельные фонемы, а слоги целиком.

Таблица 35. Дистрибуция гласных и имплозивных сонорных согласных в ударных слогах литовского языке

Типы звука	Позиции				Интерпретация
	[—R̃.]	[—R̃]	[V—]	[Ṽ—]	
[i]	+				/i/
[ĩ]		+			
[r]			+		/r/
[r̃.]				+	

Фонетическое сходство и в особенности функциональная идентичность⁴¹ показывают, что одни и те же просодические единицы следует приписать и тем уже рассмотренным слогам, которые образуют долгие гласные, и таким минимальным парам, как *káltas* [ká.łtas] ‘долото’ : *kaĩltas* ‘виноватый’, *láuk* [lá.uk°] ‘жди’

⁴¹ Ср. одинаковую акцентуацию таких форм, как *bl̃ynq* ‘блин (Acc. Sg.)’ : *bl̃ynùs* ‘блины (Acc. Pl.)’ = *pĩrštq* ‘палец (Acc. Sg.)’ : *pĩrštùs* ‘пальцы (Acc. Pl.)’ и *ṽyrq* ‘мужей (Gen. Pl.)’ : *ṽyrus* ‘мужей (Acc. Pl.)’ = *t̃iltq* ‘мостов’ : *t̃iltus* ‘мосты (Acc. Pl.)’.

: *laĩk* ‘(пошёл) вон’, *mérkti* [m̃é.fk̃t̃i] ‘жмурить’ : *meĩkti* ‘замачивать’, *pláutas* [pl̃á.utas] ‘стиранный’ : *plauĩtas* ‘полок (в бане)’, в левых членах которых представлен более отчётливый и несколько продлённый гласный [Пакерис, Плакунова, Урбелене 1972: 23; Pakerys, Plakunova, Urbelienė 1974: 8–10 и 14; Pakerys 1982: 158–163], всегда сокращающийся в безударной позиции, ср.: [ká.łtas] : [kaĩt̃ē.łi_s], [m̃é.rk̃] : [m̃ef̃k̃ĩmas]⁴².

Эти слоговые просодические единицы, различающие слоги и слова, тождественные в других отношениях, называются слоговыми интонациями или тонами [Мартине 1963: 434–437; Girdenis, Žulys 1967: 114–115 = Girdenis 2000b: 163; Muljačić 1973: 217–218]. Конкретные фонетические свойства, которыми отличаются данные просодические единицы, не имеют решающего значения — важно лишь то, что они различают не фонемы, а единицы, более крупные, чем фонемы — слоги. Обычно различение слоговых интонаций лучше всего обеспечивается так называемыми просодическими признаками: модуляцией основного тона, громкости (интенсивности) и количества (ср. [Girdenis, Pupkis 1974 = Girdenis 2000b: 272ff.] и в особенности [Pakerys 1982: 182–184 et passim]), но в определённых условиях большое (иногда даже решающее — см. [Pakerys 1967b; 1968; 1974b; 1982: 184 et passim]; ср. также [Robinson 1968]) значение могут иметь качественные свойства центра слога или их модуляции⁴³.

Традиционная трактовка акутовой (или резкой) интонации как нисходящей или сильноначальной и циркумфлексной (или плавной) — как восходящей или сильноконечной объективно

⁴² В пользу данной интерпретации убедительно свидетельствует функциональная идентичность, ср.: *tvirtq* ‘твёрдый (Acc. Sg.)’ : *tvirtus* ‘твёрдые (Acc. Pl. m.)’ = *stórq* ‘толстый (Acc. Sg.)’ : *stórus* ‘толстые (Acc. Pl. m.)’ = *káršq* ‘горячий (Acc. Sg.)’ : *kárštus* ‘горячие (Acc. Pl. m.)’, но *tiřšq* ‘густой (Acc. Sg.)’ : *tirštùs* ‘густые (Acc. Pl. m.)’ = *dōrq* ‘честного (Acc. Sg.)’ : *dorùs* ‘честных (Acc. Pl. m.)’ = *kaĩq* ‘виноватого (Acc. Sg.)’ : *kaltùs* ‘виноватых (Acc. Pl. m.)’.

⁴³ Работа А. Пакериса [Pakerys 1982] освобождает нас от необходимости более подробно останавливаться на этой теме. Следует особо выделить самый важный вывод его исследования: и ударение литературного языка, и его слоговые интонации являются явлениями смешанной звуковой природы.

вряд ли доказуема (ср. [Purcell 1971; 1973; Girdenis, Pupkis 1974: 118 = Girdenis, 2000b, 281]). Однако, если на реализацию интонаций смотреть как на своеобразную модуляцию интонационного контура фразы — его отрезка, соответствующего носителю слоговой интонации, данная точка зрения может оказаться вполне приемлемой. Акут (´), вероятно, является нисходящей интонацией не в абсолютном смысле, а лишь по отношению к «нейтральному» интонационному контуру, а циркумфлекс (˘) — восходящей по отношению к нисходящему и нейтральному контуру. В отрезках фразы с восходящим контуром обе интонации как чисто языковые явления могут быть восходящими, а в отрезках с нисходящим контуром — нисходящими, только в одной из них подъем и падение будут одними, а в другом — другими (ср. [Martinet 1970: 364; Ivić 1987: 474]).

Й. Казлаускас [Kazlauskas 1968a: 7, 29–30] (по-видимому, некритически следуя за Р. О. Якобсоном [Якобсон 1963a: 159 et passim]) пытался возвести литовские слоговые интонации к оппозиции более высокого (акут) и более низкого (циркумфлекс) тона, сохранившейся, по его мнению, в жемайтском диалекте. Экспериментально эта точка зрения не подтверждается: жемайтские (по крайней мере северные) интонации отличаются относительной резкостью изменения всех акустических признаков (особенно общей акустической энергии) и различной концентрацией энергии: акутовая энергия сосредоточена в одной точке центра слога, и она изменяется резко, циркумфлекс является интонацией с нерезкой и рассредоточенной энергией. Различия в высоте относительного тона являются совсем незначительными и, безо всякого сомнения, второстепенными (см. [Girdenis 1974, в особенности 186 = Girdenis 2000b: 300ff. и указ. лит.]). Некоторое повышение тона в акутовых слогах легко объясняется как второстепенное следствие их глоттализации («перелома») (ср. [Pike 1947: 106]).

В качестве синонимов «слоговой интонации» (*priegaidė*) или «тона» употребляются также термины «слоговой акцент» и даже «слоговое ударение». Последнее название из-за своей новизны и туманности несколько лет назад стало очень модным и даже ввело в заблуждение не одного специалиста по балтийскому языкознанию (ср. [Kazlauskas 1968a: 20 et passim; Grinaveckis 1973: 125ff.; Girdenis, Žulys 1972: 197 = Girdenis, 2000b: 361f.; Girdenis, Rosinas 1974: 197–198 = Girdenis 2000b: 401; 1976: 190 и сн. 10 = Girdenis, 2000c, 16 и сн. 10]). В тех случаях, когда слоговые интонации различаются только в ударных слогах, иногда говорится о типах ударения [Мартине 1963: 440], отличаемых от тонов, т. е. слоговых интонациях, не связанных (или очень слабо связанных) с ударениями, или о мелодических

и политонических ударениях [Кузнецов 1970b: 366]. Такую интерпретацию едва ли можно считать правильной: она явно игнорирует иерархию просодем (впрочем, это заметил сам Мартине, ср. [Мартине 1963: 440; Martinet 1970: 374]).

§ 242. Как и любое другое фонологическое явление, слоговые интонации, или тоны, могут иметь позиционные варианты, иногда называемые аллотонами [Fintoft 1970: 39 et passim]⁴⁴. Их инвариантные признаки (т. е. звуковые свойства, общие для всех аллотонов одной слоговой интонации и отличающие их от другой интонации или других интонаций) образуют тонему [Koefoed 1967: 157; Lehiste 1970: 92]. Признаки слогов, воспринимаемые в позициях нейтрализации тоном, являются представителями архитонем соответствующих слоговых интонаций, или архипросодем [Иванов 1959: 136]. Один из членов оппозиции тоном является немаркированным — эта тонема в акустическом и артикуляционном отношении находится ближе к представителю архитонамы; тонема, которая сильно отличается от этого представителя, является маркированным членом просодической оппозиции⁴⁵.

Даже этот простой обзор терминов и понятий показывает, что слоговые интонации подчиняются общим принципам идентификации фонологических единиц и фонологического анализа; аналогичны и их парадигматические (отчасти и синтагматические) отношения.

§ 243. Наш анализ и рассмотренные примеры показывают, что в одних и тех же фонетических и фонологических условиях в литовском языке могут противопоставляться только две интонации, ср.: 1) [V̇] : [V̇̃] (*klóstè* ‘(он) выстилал’ : *klōstè* ‘складка’), 2) [VṘ] : [VṘ̃.] (*kùrpè* ‘башмак’ : *kuřpè* ‘(он) портачил’), 3) [V̇.R] : [VṘ̃.] (*káltas* ‘долото’ : *kaĩtas* ‘виноватый’). Каждый из этих трёх фонетических типов значительно отличается от других, но они не могут противопоставляться друг другу, поэтому их следует счи-

---

⁴⁴ Г. Хаммарстрём использует более общий термин — «аллопросод» [Hammarström 1966: 35], но его, кажется, до сих пор никто больше не употребляет (по всей вероятности, из-за слишком широкого словообразовательного значения).

⁴⁵ Ср. [Кацнельсон 1966: 38 et passim], хотя с конкретной интерпретацией маркированности просодем, обсуждаемой здесь, никоим образом нельзя согласиться: это чисто фонетическая, а не фонологическая точка зрения.

тать аллотонами тех же самых двух интонаций (двух тонем: /~/ ≠ /'').

Удобнее всего эти интонации, или тонемы, называть упомянутыми нейтральными терминами, не навязывающими безапелляционных фонетических характеристик, такими как акут (интонация в словах типа *klóstè* ‘(он) выстилал’, *kùrpè* ‘башмак’, *káltas* ‘долото’) и циркумфлекс (интонация в словах типа *klōstè* ‘складка’, *kuĩrpè* ‘(он) портачил’, *kaĩltas* ‘виноватый’). Традиционные термины «сильноначальная интонация» (*tvirtapradè priegaidè*) и «сильноконечная интонация» (*tvirtagalè priegaidè*) словно опережают анализ и внушают мысль о том, что слоговые интонации отличаются «силой» начала или конца слога, хотя, как только что было сказано, до сих пор никто этого не доказал; нисходящая интонация (*krintančioji priegaidè*) и восходящая интонация (*kylančioji priegaidè*) сходным образом заранее навязывают музыкальные характеристики⁴⁶. Значительно более подходящими представляются названия «резкая интонация» (*staiginè priegaidè*) и «плавная интонация» (*tęstinè priegaidè*) (ср. фр. *intonation rude* ‘грубая интонация’ и *intonation douce* ‘нежная интонация’ — [Saussure 1922: 491]), характеризующие данные тонемы согласно аудитивному впечатлению, которое они производят. Новейшие (к сожалению, пока неопубликованные, однако, ср. [Girdenis 1998b

---

⁴⁶ Ср., однако, § 241. Так, видимо, думал и Симонас Станявичюс (первая половина XIX в.), отмечающий греческим акутом или грависом (знаками восходящей тонемы) плавную интонацию, а волнистым или ломаным циркумфлексом (знаками нисходящей тонемы) — резкую интонацию [Girdenis 1968b = Girdenis 2000b: 171ff.; 1992b = Girdenis 2001: 54ff.]. Но и этот крупный авторитет не может иметь приоритет над конкретными наблюдениями. Результаты инверсального прослушивания магнитофонных записей (об этом методе см. [Дукельский 1962: 16–17]) убедительно свидетельствуют, что «инверсальные» (воспроизведённые в обратном направлении) слоговые интонации и жемайты, и западные аукштайты отличаются так же хорошо, как и нормальные (ср. [Girdenis 1974: 192–193, сн. 30 = Girdenis 2000b: 304, сн. 30]). Практически то же самое можно сказать и о слоговых интонациях в шёпотной речи: они хорошо распознаются во всех исследованных языках и диалектах (см., напр., [Meyer-Eppler 1957; Jensen 1958; Miller 1962; Fintoft 1970: 40–43; 125–131 и указ. лит; Girdenis, Pupkis 1974: 118 = Girdenis 2000b: 281; Girdenis 1974: 192–193 = Girdenis 2000b: 304, в особенности сн. 30]).

= Girdenis 2001: 403f.]) эксперименты по синтезу речи поддерживают и акустическую обоснованность этого термина: по крайней мере, жемайтский акут от циркумфлекса в первую очередь отличается резко изменяющейся (в утвердительном предложении нисходящей) высотой основного тона. Однако, как было сказано, фонологу удобнее использовать термины, не называющие конкретные фонетические особенности.

§ 244. Вообще отношения разных просодических типов в слогах литовского языка лучше всего можно представить следующей дендрограммой (см. рис. 27; в скобках указан тип центра слога; см. [Girdenis, Žulys 1967: 116 = Girdenis 2000b: 164; Амбразас 1985: 48; Ambrazas 1997: 40 = Girdenis 2001: 227]⁴⁷).

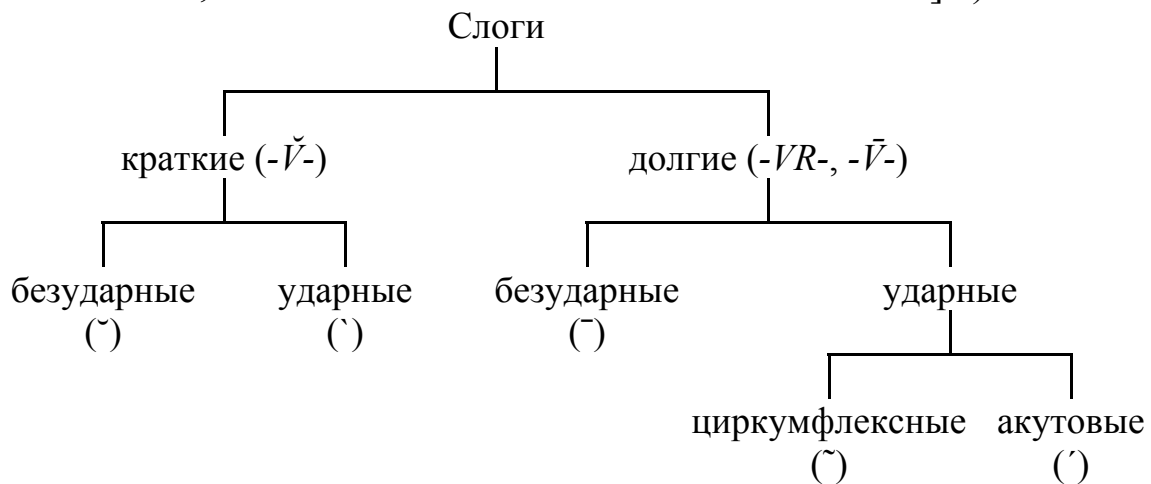

Рис. 27. Просодические типы слогов в литовском литературном языке

Мы видим, что слоговые интонации характеризуют и различают только ударные долгие слоги, т. е. слоги, образованные тавтосиллабическими сочетаниями типа *VR* и долгими гласными (в настоящее время такие слоги обычно называются тяжёлыми, ср. [Human 1985]). Краткие (т. е. образуемые краткими гласными; т. н. лёгкие) слоги могут быть лишь ударными либо безударными (ср. также [Garde 1976: 3–4]). Если бы выяснилось, что слоговые интонации могут противопоставляться и в безударных долгих

⁴⁷ Интересно, что точно такой же схемой через несколько лет были представлены просодические типы словенского языка [Neweklowsky 1973: 81] (также ср. [Haugen 1967: 189]). Ср. также [Karosienė, Girdenis 1990: 42 = Girdenis 2001: 25], где указывается в том числе и относительная частота каждого типа слога.

словах, правую ветвь схемы нам пришлось бы преобразовать таким образом (рис. 28).

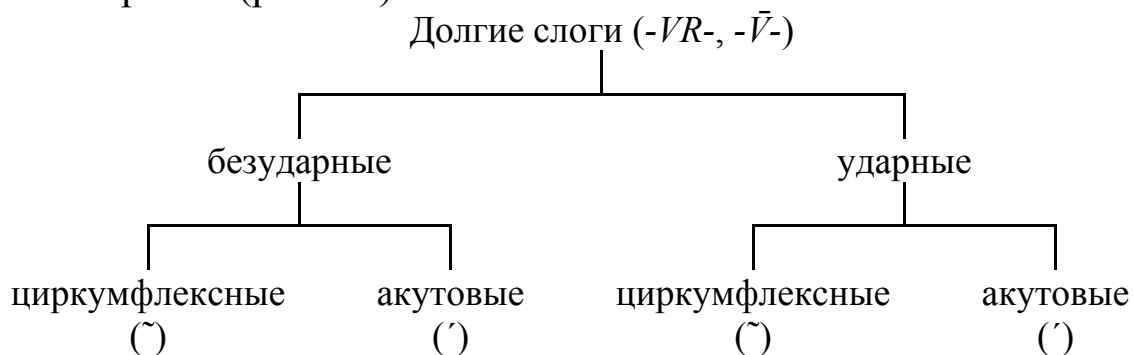

Рис. 28. Слоговые интонации в безударных слогах (альтернативный вариант)

По мнению большинства учёных, такой должна была быть дистрибуция слоговых интонаций в балтийском языке (из более новых работ см., напр., [Garde 1976: 4; Zinkevičius 1980: 48; Дыбо 1981: 12]). Против этого взгляда категорически возражал Е. Курилович, отрицавший даже теоретическую возможность слоговых интонаций в безударных слогах (см. [Kuryłowicz 1958: 210; 1977: 159; Kuryłowicz 1960: 234–236 = Курилович 1962: 326–328]; ср. [Martinet 1970: 381])⁴⁸.

Кроме акута и циркумфлекса, в литовском языкознании долгое время также употреблялся термин «краткостная интонация» (*trumpinė priegaidė*) — следовательно, полагалось, что в литовском языке есть не две, а три интонации (см., напр., [Ekblom 1922: 9; Gerullis 1930, XXVI; Vaitkevičiūtė, Grinaveckis 1959; Ulvydas 1965: 135–136; Mikalauskaitė 1975: 78–79]). Эта «теория» трёх интонаций возникла тогда, когда инструментальные исследования показали, что не только долгие, но и краткие гласные в ударных слогах произносятся с определённой мелодикой — различными кривыми

⁴⁸ Накопилось немало вполне достоверных фактов, позволяющих считать, что слоговые интонации (в любом языке) могут противопоставляться и в безударных слогах. Например, носители западно-аукштайтского каунасского диалекта (сувалькийцы) различают такие минимальные пары, как род. п. ед. ч. [ˈp̃ie,ṽõ·s] «*p̃ievos*» ‘луга’ : местн. п. мн. ч. [ˈp̃ie,ṽó·s] «*p̃ievos(e)*» ‘на лугах’, вин. п. ед. ч. [ˈš̃m̃ĕ,ĩ·] «*sm̃ĕlj*» ‘песок’ : местн. п. ед. ч. [ˈš̃m̃ĕ,ĩ·] «*sm̃ĕly(je)*», род. п. ед. ч. имени существительного [ˈm̃ó·k̃i,t̃õ·jo·] «*m̃ókytojo*» ‘учителя’ : род. п. ед. ч. местоименной формы имени прилагательного [ˈm̃ó·k̃i,t̃ó·jo·] «*m̃ókytojo*» ‘учёного’ (см. [Girdenis 1972b: 72 (= Girdenis 2000b: 265); Гирденис 1973: 73 (= Girdenis 2000b: 320); Girdenis, Žulys 1972: 198 (= Girdenis 2000b: 363)]).

основной частоты и интенсивности. Если считать такие модуляции или кривые существенным признаком интонации, не остаётся ничего другого, как признать краткостную интонацию.

Фонология, естественно, не поддерживает ни такого определения интонации, ни понятия «краткостной интонации», которое на данное определение опирается. Суть слоговых интонаций состоит не в собственно модуляциях голоса, а в выполняемых ими дистинктивной функции. Ведь в русском и французском языках ударные и безударные слоги также, без сомнения, произносятся с определёнными модуляциями тона, громкости и длительности, но было бы немислимым говорить о слоговых интонациях в этих языках, поскольку в них мелодика ударных слогов не может различать предметное содержание⁴⁹. Совершенно так же обстоит дело и в тех словах литовского языка, в которых ударный слог образует краткий гласный без имплозивного сонорного согласного. Модуляции голоса, видимые на осциллограммах и кимограммах этих слов, не выполняют и не могут выполнять дистинктивную функцию уже только потому, что их, как признают даже сами сторонники «краткостной интонации» (ср. [Vaitkevičiūtė, Grinaveckis 1959: 30; Grinaveckis 1973: 98]), мы своим слухом уловить не можем. Неслышимые, слухом не улавливаемые и не различаемые свойства звуков не могут быть фонологическими единицами — их попросту нет в языковой системе (ср. [Trubetzkoy 1977: 180 = Трубецкой 224; Girdenis, Žulys 1967 = Girdenis 2000b: 161ff.; Гаршва 1977b: 114–115; Garšva 1977: 78; 1982: 73]).

Иногда отмечается, что «краткостная интонация» способна противопоставляться акуту и циркумфлексу в таких минимальных парах, как *kàsti* ‘копать’ : *kąsti* ‘кусать’, *plūkti* ‘обливаться, заливаться’ : *plūkti* ‘бить, трамбовать’, *trèšti* ‘гнить’ : *tręšti* ‘удобрять’ и т. д. Однако данная аргументация ошибочна: указанные пары различаются не слоговыми интонациями, а количеством гласных. У правых членов этих пар в ударном слоге представлены долгие (напряжённые) гласные, у левых — краткие (ненапряжённые), которые, как мы знаем, являются самостоятельными фонемами.

§ 245. Ещё Й. Казлаускас [1968a: 6–7] доказал, что система двух фонологических слоговых интонаций характерна для всех диалектов литовского языка⁵⁰, хотя диалектологи и специалисты

---

⁴⁹ Здесь, как и в других случаях, хорошо подходит остроумное лингвистическое правило $2 - 1 = 0$: о некоторой языковой категории или частной системе можно говорить только тогда, когда её представляют не менее двух членов [Панов 1967: 16–18]. Нет и не может быть языков, имеющих один род, одно время глагола, один падеж и т. д. Это относится и к слоговым интонациям (ср. [Zinkevičius 1966: 32–33]).

⁵⁰ Некогда было распространено мнение о том, что в восточных говорах интонации у монофтонгов исчезли (напр., [Kazlauskas 1968a: 14], но позд-

по чистой фонетике находят их значительно больше. Например, во многих диалектах ударные краткие слоги в определённых случаях продлеваются и вследствие этого получают так называемую среднюю интонацию (*vidurinė priegaidė*) (1). В результате сокращения конечного циркумфлексного слога может появиться несколько по-другому реализуемая средняя или секущая (*kirstinė*) интонация (2). Средняя интонация ещё одного вида образуется в результате оттяжки ударения с окончания на долгий слог (3). Наконец, многие жемайты в одних случаях акут реализуют как резкую (*staiginė, stumtinė*) интонацию, а в других — как прерывистую (*laužtinė*) (4); нередко различается и восходящий и длительный циркумфлекс (5) (ср. [Salys 1992: 45]).

Не вдаваясь в подробный анализ, можно сказать, что во всех рассмотренных случаях налицо два вида аллотонов одних и тех же просодем, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В первом (1) случае (ср. в.-аукшт. *kī.š̄æ* «*kīš̄ė*» ‘(он) совал’ : *kīš̄* «*kīš̄*» ‘будет совать’, с.-жем. *kē.š̄^a* «*kīšo*» ‘id.’ : *kēš̄* «*kīš̄*» ‘id.’) средняя интонация является реализацией ударения краткого слога в неконечном слоге; во втором (2) случае (ср. в.-аукшт. *plāũ.kæ* «*plāũkia*» ‘плывёт’ : *plāũks* «*plāũks*» ‘будет плыть’) она, как и секущая интонация, представляет циркумфлекс в конце слова; в третьем (3) случае (ср. в.-аукшт. *tī.lī* «*tỹli*» ‘молчит’ : *tī.lī* «*tyli*» ‘молчишь’) она представляет циркумфлекс, сопровождаемый второстепенным фонологическим ударением⁵¹. Жемайтский

нее это мнение не подтвердилось (см., напр., [Girdenis, 1971a, 206–207 = Girdenis 2000b: 351f.; Zinkevičius 1974; Eidukaitienė 1977; Stundžia 1979; 1980; Kosienė 1982], ср. [Pakerys 1982: 154]). Однако и в настоящее время следует признать, что в восточных и юго-восточных говорах слоговые интонации в слогах с монофтонгами достаточно нечёткие, можно сказать, что их оппозиции факультативны (ср. также [Nasiuk 1978: 17–18 и указ. лит.]).

⁵¹ Этот «средний» вариант циркумфлекса во многих диалектах функционирует как проявление особого фонологического ударения. В некоторых диалектах из-за оттяжки ударения сформировалась своеобразная оппозиция «сильного» и «слабого» ударения, ср. в.-аукшт. с.-паневежские *lāũ.k^bs* «*lāũkas*» ‘поле (Nom. Sg.)’ ≠ *lāũk^bs* «*laukūs*» ‘поля (Acc. Pl.)’, в.-аукшт. утянские *næd̄.ra* «*nedōra*» ‘нечестно (neutrum)’ ≠ *næd̄.rà* «*nedorà*» ‘нечестная; безнравственность’ [Girdenis, Žulys 1972: 199 = Girdenis 2000b: 365; Гаршва 1977b: 65; Kosienė 1978: 35–36] (ср. [Барановский 1898: 21; Ekblom 1922: 8; 1925: 55, 95–97; Girdenis 1978a (= Girdenis 2000c: 95f.)] и § 251).

резкий акут (4) и восходящий циркумфлекс (5) встречаются только перед некоторыми второстепенными ударениями, а прерывистый акут и длительный циркумфлекс — тогда, когда в следующих слогах такое второстепенное ударение отсутствует (ср.: *dá·ktâ* «*daiktaĩ*» ‘вещи (Nom. Sg.)’ : *dâ·kt^a* «*dáikta, -o*» ‘вещь (Acc. Sg), вещи (Gen. Sg.)’, *bã.ł.dâ* «*balđai*» ‘мебель (Nom. Pl.)’ : *bã.łd^u* «*balđy*» ‘мебели (Gen. Pl.)’; ср., напр., [Girdenis 1967b: 31 = Girdenis 2000b: 106–109; 1974, 160 = Girdenis 2000b: 285]). Следовательно, и в этом случае находим лишь две слоговые интонации, реализуемые с помощью двух видов аллотонов.

В) ФУНКЦИИ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СЛОГОВЫХ ИНТОНАЦИЙ

§ 246. Слоговые интонации близки фонемам и дифференциальным признакам: они выполняют ту же самую дистинктивную функцию — различают слоги, слова и словоформы, одинаковые в других отношениях (см. [Мартине 1963: 441; Martinet 1970: 364; Koefoed 1967: 161])⁵².

Впервые «слабое» (двухвершинное) ударение отмечено у М. Даукши: *Sūdžiá* «Постилла» 15₃₆ = [₁su'džæ] «*sudžià*» ‘судья’, *lėgwá* «Постилла» 434₂ [₁lɛŋ'gvà] «*lengvà*» ‘лёгкая’, *gėriús* «Постилла» 50₁₅ [₁gɛ'ɾùs] «*geriùs*» ‘роскошества (Acc. Pl.)’ (ср. [Girdenis 1984 = Girdenis 2000c: 356f.]).

Здесь следует отметить, что оппозиция двух типов ударения (или слоговых интонаций) обнаружена и в таких формах, в которых обычной оттяжки ударения не было, ср.: с.-жем. (1) *kâ.lts* «*káltas*» ‘долото’ («сильное» ударение) : *kâłts* «*káltas*» ‘кованый’ (слабое ударение), *svė.ists* «*sviestas*» ‘масло (сливочное)’ : *svėists* «*sviestas*» ‘брошенный’, *sã.usⁱ* «*saũsį*» ‘в январе’ (ср. Nom. Sg. «*saũsis*») : *sã.u.sⁱ* «*saũsį*» ‘тлю’ (ср. Nom. Sg. «*sausys*»), (2) *trâ.uk^e* «*tráukė*» ‘(он) тянул’ (инф. «*tráukti*») : *trâuk^e* «*tráukė*» ‘(он) подёргивал’ (инф. «*tráukyti*»), *brã.uk^e* «*braũkė*» ‘(он) перечёркивал’ (инф. «*braũkti*») : *brã.u.k^e* «*braũkė*» ‘(он) черкал’ (инф. «*braukyti*»), (3) *kâ.iš* «*káišia*» ‘скребёт’ : *kâiš* «*kaĩš*» ‘будет скрести’, *mė.iš* «*miėšia*» ‘разбавляет’ : *mė.iš* «*miėš*» ‘будет разбавлять’; сходные оппозиции отмечены и в аукштайтских говорах (см. [Гирденис 1982а: 180 = Girdenis 2000c: 274f.; Гирденис, Качюшкене 1987 = Girdenis 2000c: 327ff.]).

⁵² А. Пакерис высказал и попытался предварительно аргументировать оригинальную мысль о том, что слоговые интонации выполняют и кульминативную функцию: они указывают на вершину слога [Pakerys 1982: 144–154]. Эта точка зрения не кажется убедительной (см. [Girdenis,

В морфологической и морфонологической системе языка слоговые интонации функционируют как важная вспомогательная характеристика морфем [Garde 1968: 160–165; Garde'as 1971] (ср. также статью [Hjelmslev 1936–1937], к которой восходит основная мысль П. Гарда).

Каждая морфема, план выражения или часть плана выражения которой представлена долгим гласным или тавтосиллабическим сочетанием типа *VR* и которая может иметь ударение, является либо акутовой, либо циркумфлексной. Например, корень слова *brólis* ‘брат’ сохраняет акутовую интонацию во всех формах и во всех производных и сложных словах с этим корнем, ср.: *brólis* ‘брат’, *bróliui* ‘брату’, *brólį* ‘брата (Acc. Sg.)’, *brólienė* ‘жена брата’, *bróliškas* ‘братский’, *brólvaikis* ‘племянник, сын брата’; корень слова *rankà* ‘рука’ в ударных позициях всегда бывает циркумфлексным, ср.: *rañkos* ‘руки’, *rañku* ‘рук’, *rañkena* ‘рукоятка’, *rañkininkas* ‘гандболист’, *rañkdarbis* ‘рукоделие’ и т. д. Метатония (из греч. *μετά-* ‘приставка, означающая изменение’, *τόνος* ‘ударение, тон’) — изменение слоговых интонаций (см. [Būga 1959: 386–483; Ulvydas 1965: 142–150; Mikalauskaitė 1975: 81; Laigonaitė 1978: 19–27; Амбразас 1985: 67; Ambrazas 1997: 53 = Girdenis 2001: 241f.; Микуленене 1987]), возможная в некоторых случаях, не противоречит общему принципу, поскольку она по существу не отличается от похожим образом функционирующего чередования гласных, или аблаута, ср.: *gražūs* ‘красивый’: *grōžis* ‘красота’, *krito* ‘(он) упал’: *kráičiojo* ‘(он) падал’ и *stóras* ‘толстый’: *stōris* ‘толщина’, *ūžė* ‘(он) шумел’: *úžavo* ‘(он) сильно, непрерывно шумел’, *plaiūkė* ‘(он) плыл’: *pláukiojo* ‘(он) плавал’.

Правда, морфемы обычно «теряют» свои интонации в безударных позициях (ср., однако, сн. 49), напр.: *mérkti* ‘закрывать (глаза)’ ≠ *meřkti* ‘замачивать’, но *merkimas* ‘закрывание (глаз)’ = *merkimas* ‘замачивание’, *várpa* ‘колос (Acc. Sg.)’ ≠ *vařpa* ‘колокол (Acc. Sg.)’, но (*varpėliai* ‘колокольчики’ →) *varpėliu* ‘колокольчи-

---

Stundžia 1983: 178–179 = Girdenis 2000c: 403; Vitkauskas 1983a)]. Во-первых, слог не является ни знаком, ни каким-либо элементом плана содержания и поэтому вряд ли нуждается в особой выделительном средстве; во-вторых, функцию, близкую кульминативной, в слогe уже выполняет гласный (см., напр., [Падлужны 1969: 31 и указ. лит.]).

ков' = (*varpēlēs* 'колоски' →) *varpēliu* 'колосков'. В сущности, слоговые интонации нейтрализуются и в окончаниях, поскольку в них, за редкими исключениями, возможен лишь циркумфлекс⁵³, в данном случае представляющий архитонему (или архипросодему) и указывающий, что циркумфлекс является немаркированным членом оппозиции слоговых интонаций (см. [Trubetzko 1977, 213 = Трубецкой 1960: 265]). Об этом также свидетельствует и близость безударных (в особенности предударных) слогов циркумфлексным [Пакерис 1966], а также бóльшая частота долгих циркумфлексных слогов в связном тексте: они приблизительно в 1,4 раза более частотны, чем акутовые [Girdenis 1983b = Girdenis, 2000c: 354f.; Karosienė, Girdenis 1990: 42–43 = Girdenis 2001, 24–26]. В данном случае мы имеем дело с явлением, похожим на нейтрализацию оппозиций типа /a/ : /ǝ/ в безударных слогах в русском литературном языке и в некоторых литовских диалектах (см. § 137, 227, 241). Следовательно, и в этом отношении слоговые интонации функционируют как фонемы.

Иные отношения слоговых интонаций характерны для северожемайтского диалекта. Там акут не только свободно употребляется в ударных окончаниях (ср. 2-е л. ед. ч. *maišâ* /majšâ:/ «*maišai*» 'мешаешь', *sakâ* /sakâ:/ «*sakai*» 'говоришь', *veļkâ*

---

⁵³ Это традиционное положение (кстати, сильно преувеличенное Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1958: 167–168; 1968a: 114] — уже лишь потому, что существуют такие слова, как *pusiáu* 'наполовину', *visái* 'совсем') ещё следовало бы проверить с помощью тщательных экспериментов. Есть сведения, позволяющие считать, что, например, 2-е л. *maišai* 'мешаешь', *sakai* 'говоришь', *vilkaĩ* '(ты) волок' и им. п. мн. ч. *maišai* 'мешки', *sakai* 'смола', *vilkaĩ* 'волки' и другие подобные им формы не омонимичны: в первых формах интонации, по-видимому, больше выделяют первый компонент дифтонга (слышится нечто вроде *maišài*, *sakài*, *vilkaĩ*), во вторых — второй; это различие довольно чётко воспринимается аудиторами (см., напр., [Valentas, Girdenis 1976; Kosienė 1978: 32, сн. 18; 1979]). Не следует забывать и о том, что, пожалуй, все аукштайты произносят с акутовыми окончаниями формы местоимений *aníuo* 'тем (Instr. Sg.)', *aníuos* 'тех (Acc. Pl. m.)', *tíuo* 'этим (Instr. Sg.)', *tíuos* 'этих (Acc. Pl. m.)' и т. п. — мы находим их уже в грамматике Ф. Куршайтиса [Kurschat 1876: 236] (ср. [Laigonaitė 1959: 66], где такие формы обосновано приписывались литературному языку, — непонятно, почему от них отказались и были кодифицированы очевидные фикции).

/vɛlká:/ «vilkaĩ» ‘(ты) тащил’ и существительные *máišã* /majšã:/ «*maišaiĩ*» ‘мешки’, *sàkã* /sakã:/ «*sakaiĩ*» ‘смола’, *vɛlkã* /vɛlkã:/ «*vilkaĩ*» ‘волки’), но и служит представителем архипросодемы в основной позиции нейтрализации слоговых интонаций — безударном конечном слоге (напр.: *bàtã* /bàta:/ «*bãtai*» ‘ботинки’, *múokê* /múoke:/ «*mókei*» ‘(ты) учил’, *vàkãr* /vãkar/ «*vãkar*» ‘вчера’). Таким образом, акут без сомнения является немаркированным членом оппозиций слоговых интонаций, а циркумфлекс — маркированным. На это указывает и частота данных интонаций: соотношение частоты акутовых и циркумфлексных долгих слогов в данном случае приблизительно равно 1,32 : 1.

§ 247. Самым ярким функциональным свойством, отличающим слоговые интонации от фонем и дифференциальных признаков, является их определённая связь с ударением и акцентными парадигмами. Как известно, некоторые морфемы (в особенности окончания, которые можно назвать аттрактивными) по закону Фортунатова — де Соссюра⁵⁴ оттягивают ударение с соседней краткой и циркумфлексной морфемы [Garde 1968: 163; Garde’as 1971: 95; Garde 1976: 15–16]. Такими, например, являются окончания глаголов первого и второго лица, имён в окончаниях родительного падежа множественного числа и др. (для них характерны долгие акутированные алломорфы в возвратных и местоименных формах), напр.: *plaiũkia* ‘плывёт’ → *plaukiũ* ‘плыву’, *plauki* ‘плывёшь’ (но *lãukia* ‘ждёт’ → *lãukiu* ‘жду’, *lãuki* ‘ждёшь’; ср. *keičiũo-si* ‘меняюсь’, *keitie-si* ‘меняешься’), *pirštã* ‘палец (Acc. Sg.)’ → *pirštũs* ‘пальцы (Acc. Pl.)’, *raĩkã* ‘руку’ → *rankãs* ‘руки (Acc. Pl.)’ (но *tĩltã* ‘мост (Acc. Sg.)’ → *tĩltũs* ‘мост (Acc. Pl.)’, *sãujiã* ‘горсть (Acc. Sg.)’ → *sãujãs* ‘горсти (Acc. Pl.)’; ср. *geriũos-iũs* ‘хорошие (Acc. Pl. m., местоим. ф.)’, *gerãs-ias* ‘хорошие (Acc. Pl. f., местоим. ф.)’. Синхронически интерпретируемый закон Фортунатова — де Соссюра в сущности и обуславливает взаимосвязь слоговых интонаций и ударения, а также словесную просодику в литовском языке.

⁵⁴ То, что Ф. Ф. Фортунатов открыл этот закон самостоятельно (и несколько раньше, чем Ф. де Соссюр, т. е. до 1891–1892 г.), давно доказано, только эти доказательства, к сожалению, почему-то остались незамеченными, см. [Torbiörnsson 1924: 11, сн. 1; 1932: 363–364, сн. 1].

Слоговые интонации могут быть в некоторых случаях связаны с фразовой интонацией. Один из наиболее ярких случаев подобного взаимодействия представляет собой нейтрализация оппозиции слоговых интонаций в условиях сильного эмфатического фразового ударения — так происходит даже в северных жемайтских говорах, в которых слоговые интонации особенно отчётливы, напр.: *ànà kap supĩ̀k², nubĩ̀ega* (← *nubĩ̀eg²*) *ę papāsakũoi̯² pũõnõ.u vė̀skõ̃n* «*Anà kaip supỹko, nubėgo ir papāsakojo põnui vĩ̀ska*» ‘Она, как рассердилась, прибежала и сказала барину всё’ (Альседжяй), *aš tòrò lazdẽ.k̃²* – *kap aš tã.u dĩ̀eso* (← *dĩ̀eso*)! «*Aš turiũ lazdiķe – kaip aš tãu dėsiu!*» ‘У меня есть палочка (тросточка) — как я тебе дам!’ (Куляй), *vĩ̀rũs ęš.ã̃.u.da* (*ęš.ã̃.ũda*), *ę pãlẽ̃ikt mũotrėšk̃^as* «*Vỹrus iššãudo, ir paliẽkt mĩtriškos*» ‘Мужчин расстреливают, и остаются женщины’ (Калналис), *nağã̃rk* (← *nağã̃rk*), – *sã.k²*, – *pavẽ̃rĩ̃ⁱ á.rklelũ* «*Negėrk, – sãko, – paviĩ̃si arkleliũ*» ‘Не пей, говорит, — превратишься в лошадку’ (Плунге), *matã.u, ka dežã̃.u.sĩ̃s* (← *dežã̃.u.sĩ̃ⁱs*) *vĩ̀rs pas pušĩ̀n² stũoi̯* «*Mataũ, kad didžiãusias vỹras pas pušỹnã stĩvi*» ‘Вижу, что больший мужчина у сосновой роши стоит’ (Тельшяй), *karvė.l̃² grãžĩ̀, pẽ̃.in² dõ̃.u.d* (← *dõ̃.ud*) «*Karvėlė gražĩ̀, piẽno dũoda*» ‘Короваушка красивая, молока даёт’ (Тиркшляй)⁵⁵.

§ 248. Слоговые интонации, без сомнения, являются лишь вспомогательным морфологическим средством, поскольку их не могут иметь, во-первых, те морфемы, которые никогда не получают ударения (напр., такие, как окончание существительных в дательном или винительном падеже единственного числа), и во-вторых, те морфемы, у которых нет необходимого основания для ударения — долгого гласного или тавтосиллабического сочетания типа *VR*. То, что их оппозиция в некоторых случаях нейтрализуется, не имеет существенного значения, поскольку такая же нейтрализация часто характерна и для оппозиций гласных (в особенности количественных⁵⁶).

⁵⁵ Более подробно об этом явлении см. [Zinkevičius 1966: 37 и указ. лит.; Girdenis, Lakienė 1976: 73 = Girdenis 2000c: 339] (о том же в других языках [Hansen 1943: 28; Jensen 1960: 28; Toporišič 1972]).

⁵⁶ По-видимому, это (безусловно, как и «просодическая» природа количественных признаков) побуждает некоторых исследователей считать и

Г) ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 249. Слоговые интонации, или тоны, — не особенно экзотическое просодическое явление. Различные их системы есть во многих языках и диалектах, даже тех, на которых говорят в Европе.

Наиболее распространены системы из двух слоговых интонаций, или тонов. Они встречаются, например, во многих говорах латышского языка, в некоторых южнославянских языках и в значительном количестве германских языков и диалектов: в рейнских говорах немецкого языка, в датском, шведском и норвежском языках. Всем хорошо знакома оппозиция акута и циркумфлекса в древнегреческом языке. Сильное сходство со слоговыми интонациями имеет тройное противопоставление гласных и согласных по количеству в эстонском языке (см. [Liiv 1962a; 1962b])⁵⁷.

количество гласных суперсегментным просодическим явлением (см., напр., [Топорова 1972: 141; Гаршва 1977b: 101–102]).

Не вдаваясь в более подробное обсуждение этого предмета, можно только сказать, что такая интерпретация возможна и приемлема лишь в тех случаях, когда, во-первых, число долгих гласных не превышает числа кратких гласных (ср. [Lehiste 1970: 43]) и когда, во-вторых, такая интерпретация безусловно облегчает описание различных фонологических и грамматических процессов. Фактором, благоприятным для подобной интерпретации, является нейтрализация количественных оппозиций в безударных слогах. В литовском литературном языке и в большинстве диалектов просодическая интерпретация количества гласных противоречила бы первому условию: у нас имеется больше долгих гласных, чем кратких (см. [Гирдянис 1977: 305–306, сн. 17 = Girdeņis 2000c: 384, сн. 17; Качюшкене 1980; Каčiuškienė 1982: 41ff.]). И ещё: количество гласных в литовском языке нельзя считать просодическим явлением и по общефонологическим соображениям, поскольку оно различает лишь отрезки, равные одной фонеме (ср. § 34 и 215).

Следовательно, долготы (напряжённость) и краткость (ненапряжённость) гласных в литовском языке могут считаться лишь дифференциальными признаками фонем.

⁵⁷ Ср.: *vīna* ‘сияние’ : *viina* ‘водки’ : *v`iina* ‘водку’ (знак „ ` “ показывает сверхдолготу гласного), *sada* ‘сто’ : *saada* ‘посылать’ : *s`aada* ‘получать’, *kolis* ‘переместился’ : *koolis* ‘школа’ : *k`oolis* ‘умер’, *kalas* ‘в рыбе’ : *kallas* ‘берег’ : *ka`llas* ‘(он) сыпал’. Несколько десятилетий назад в эстонском языке были обнаружены и так называемые лексические тоны (см. [Helimski

§ 250. Из южнославянских языков систему слоговых интонаций, наиболее близкую к литовской, имеет словенский язык (ср. [Garde 1968: 154–160]), в котором ударные долгие слоги произносятся либо с восходящей ([´]), либо с нисходящей ([˘] или [˘]) интонацией, ср.: *dán* ‘данный’ : *dân* ‘день’, *pót* ‘путь’ : *pôt* ‘пот’ [Toporišič 1970: 913], диал. *mí:za* ‘стол’ : *mì:za* ‘столы’, *čr:na* ‘черна’ : *čr̀:na* ‘чёрная’ [Neweklowsky 1973: 82]. В безударных слогах данные оппозиции нейтрализуются.

В сербохорватском литературном языке и в штокавских говорах в ударных и заударных слогах противопоставляются прежде всего долгие и краткие гласные, ср.: *gràd* [˘grad] ‘град’ : *grâd* [˘gra:d] ‘город’, *vèsela* ‘весела’ : *vèselā* ‘веселая’. В свою очередь первый ударный слог любого количества может иметь восходящую (в долгих слогах — [´], в кратких — [˘]) или нисходящую (соответственно [˘] и [˘]) интонацию (об их фонетических свойствах см. [Trager 1940; Lehiste, Ivić 1963; Pollok 1965], об их произношении в связной речи — [Purcell 1971; 1973]), ср.: *mládīh* ‘молодых (неместоим. ф.)’ : *mlâdīh* ‘молодых (местоим. ф.)’ (опр. скл.), *pústīm* ‘пустею’ : *pûstīm* ‘опустошаю’ (долгие слоги), *pàra* ‘деньги’ : *pàra* ‘пар’, *sřčan* ‘сердечный’ : *sřčan* ‘отважный’ (краткие слоги) [Magner, Matejka 1971: 5–6] (ср. также *rávan* ‘ровный’ : *râvan* ‘равнина’, *klòbūk* ‘шляпа’ : *klòbūk* ‘пузырёк (на поверхности жидкости)’ [Peco 1965: 454]). Во внутренних слогах оппозиция интонаций нейтрализуется в пользу восходящей ([´] или [˘]); в односложных словах возможна лишь нисходящая интонация, напр.: *grâd* ‘город’, *lûk* ‘дуга’, *gràd* ‘град’, *lùk* ‘лук (растение)’ [Peco 1965: 455]⁵⁸.

1977; Lippus, Remmel 1976]; ср. [Lehiste 1980: 199–200]). Недавно серьёзно заговорили о существовании тона в русском языке (см. [Кодзасов 1989]; в некоторых случаях в этом языке нетрудно заметить существование явления, похожего на слоговую интонацию: ср. им. п. ед. ч. *гранát*, *солдát*, где ударный слог звучит с интонацией, похожей на акут, и соответствующую форму род. п. мн. ч., где данный слог почти циркумфлексный, т. е. произносится приблизительно [grãñã.t], [slãdã.t]).

⁵⁸ В литовских работах по исторической грамматике литовские слоговые интонации всё ещё связываются со слоговыми интонациями сербохорватского языка (напр., [Zinkevičius 1980: 44]), хотя на самом деле они связаны лишь с количеством гласных в этом языке: лит. [´] = с.-хорв. [˘], лит. [˘] =

§ 251. Для рейнских диалектов немецкого языка характерна оппозиция так называемых коррепции (резкой интонации) и экстенсии (плавной интонации) [Жирмунский 1956: 163–165; Кацнельсон 1966: 217ff.], напоминающая оппозицию акута и циркумфлекса в литовском языке⁵⁹, ср.: [e·ʔ] (коррепция) = литерат. нем. яз. *Au* ‘заливной луг’ : [e·] (экстенсия) = литерат. нем. яз. *Ei* ‘яйцо’, [hu·ʔs] ‘дóма’ : [hu·s] ‘дом’, [ʃtru·ʔs] ‘страуса’ : [ʃtru·s] ‘страус’ [Кацнельсон 1979: 208, 217].

Эту систему сильно напоминает просодическая оппозиция в датском языке «толчок» — «нетолчок» (*stød* — *ikke-stød*), которая во многих позициях почти не отличается от противопоставления жемайтских прерывистой и длительной интонаций: долгие гласные с «толчком» (*stød*, т. е. глоттальной смычкой или, точнее говоря, ларингализацией [Lehiste 1970: 89–90]) звучат практически так же, как соответствующие гласные в жемайтских диалектах и латышском языке с прерывистой интонацией (ср. [Ekblom 1933: 50] и [Lehiste 1972]⁶⁰). «Толчок» — «нетолчок» долгих гласных различает, например, данные минимальные пары: *læser* ['lɛ:ˈsɛv] («'» — знак «толчка») ‘(я) читаю’ : *læser* ['lɛ:sɛv] ‘читатель’, *pilen* ['pi:lən] ‘(эта) стрела’ : *pilen* ['pi:lən] ‘спешка’, *taget* ['ta:ˈʏəð] ‘(эта) крыша’ : *taget* ['ta:ʏəð] ‘взятый’. Отличительным свойством датского языка, не имеющим прямого соответствия в диалектах балтийских, языков является «толчок», сконцентрированный на сонорных, ср.: *maj* [mɔj] ‘май’ : *mig* [mɔj] ‘меня’, *hund* [hʊn] ‘собака’ : *hun* [hʊn] ‘она’. Место «толчка» у дифтонгов может даже

с.-хорв. [ː] (ср. лит. *dūmas* ‘дым’, *várna* ‘ворóна’ = с.-хорв. *dīm*, *vràna*, лит. *žiẽmą* ‘зиму’, *vaĩnas* ‘вóрон’ = с.-хорв. *zĩmu*, *vrân* (в чешском языке эти отношения диаметрально противоположны, ср. *dým*, *vrána* и *zimú*, *vran*; акут в данном случае обозначает долготу гласного). Вообще слоговые интонации в современных балтийских и славянских языках напрямую не связаны — по-видимому, их происхождение различно.

⁵⁹ О сходствах и различиях слоговых интонаций в рейнских диалектах и литовском языке специально писал известный немецкий диалектолог Теодор Фрингс [Frings 1934: 120–130].

⁶⁰ Подробнее о просодических системах с «толчком» и фарингализацией см. [Иванов 1959; 1975], о тенденциях развития таких систем — [Иванов 1979]); о фонетической реализации датского «толчка» — [Smith 1938; 1944; Jakobson, Waugh 1979: 149; Fischer-Jørgensen 1989].

выполнять дистинктивную функцию, ср.: *fugl* [fu:'l] 'птица' : *fuld* [fʊl'] 'полный', *hvil* [vi:'l] 'отдых' : *vild* [vil'] 'дикий' (ср. [Fischer-Jørgensen 1962: 101–102; 1989: 8ff.; Koefoed 1967: 164–165])⁶¹. Это, очевидно, служит одним из мотивов, побуждающих исследователей трактовать «толчок» как единицу сегментного уровня (уровня «кинакем» — по-своему понимаемых дифференциальных признаков) (ср., напр., [Плоткин 1979; 1982: 105 et passim]). Всё таки намного более верной представляется традиционная точка зрения, которая рассматривает «толчок» как просодическое явление, а его место в сочетаниях типа VR объясняет долготой или краткостью первого компонента этих сочетаний ($V:R$ & /' / $\rightarrow$ $V:'R$, VR & /' / $\rightarrow$ VR' [Basbøll 1977: 148, сн. 3]).

В шведском и норвежском языке в неодносложных словах (за исключением некоторых диалектов) противопоставляются так называемый первый акцент («акут», [´]) и второй акцент («гравис», [˘]), называемые также словесными интонациями (однако ср. [Кацнельсон 1966: 36]), напр.: швед. *búren* '(эта) клетка' : *bùren* 'несомый', *tánken* 'бак' : *tànken* 'мысль' [Malmberg 1971: 192], *stégen* (-[e:]-) '(этот) шаг' : *stègen* '(эта) лестница' [Bruce 1977: 15], норв. *bónder* [ˈbøn:ɔr] 'крестьяне' : *bønner* [ˈbøn:ɔr] 'бобы', *fàrene* 'следы' : *fàrene* 'угроза' [Fintoft 1970: 15, 21], *lånet* [ˈlɔ:nə] 'заём' : *låne* [ˈlɔ:nə] 'одолжить', *hénder* 'руки' : *hènder* 'происходит' [Jensen 1961: 20–21]. Первый акцент в двусложных слогах целиком концентрируется на начальном слоге и чаще всего выделяется нисходящей интонацией и интенсивностью; второй акцент достаточно равномерно распределяется по обоим слогам, а начальный слог в словах с этим акцентом имеет восходящий или практически ровный тон и интенсивность. Обычно считается (в особенности после тонких экспериментов Б. Мальмберга [Мальмберг 1962: 362–377]), что сущность данных акцентов составляют музыкальные признаки, однако есть и другие мнения (напр., [Gårding, Lindblad 1973: 44–48; Макаев 1964: 131ff.]).

⁶¹ Это в некоторой степени напоминает реализацию циркумфлекса в восточных говорах в таких случаях, как *taí* «*taĩ*» 'это', *kuř* «*kuř̃*» 'где', и «слабое» ударение в таких северножемайских словоформах, как буд. вр. *kâiš* «*kaĩš*» 'будет скрести' или итератив. *trâuk^e* «*trâukè*» '(он) подёргивал' (произносится почти как *kaĩš*, *trâuk^e*, см. § 245, сн. 51).

тественно, с фонологической точки зрения этот вопрос не существует: важно лишь противопоставление двух типов акцента.

Литовцам данные оппозиции на слух сильно напоминают такие оппозиции в восточных говорах без оттяжки ударения, как *gí·va* «*gý·va*» ‘живо (neutrum)’ : *gi·và* «*gy·và*» ‘живая’, *stó·ra* «*stóra*» ‘толсто (neutrum)’ : *stó·rà* «*storà*» ‘толстая’ (ср. [Kosienė 1978: 35–36]). Норвежское произношение *lån̩et* [ˈlɔː nɛ] звучит для нашего уха почти как [l̩ɔː·næ], а *lån̩e* [ˈlɔː nɛ] — как [l̩ɔː·næ] (с второстепенным ударением на слоге [l̩ɔː]-, как в восточных говорах)⁶².

Система трёх слоговых интонаций латышского литературного языка и среднего диалекта хорошо известна — ср. *krītu* ‘сетку (Acc. Sg.)’ : *krītu* ‘мел (Acc. Sg.)’ : *krītu* ‘падаю’⁶³, *luōgs* (в общепринятой орфографии — *logs*) ‘окно’ : *luōks* ‘лук (растение)’ : *lūoks* ‘дуга’, *raišū* ‘буду рвать’ : *raišū* ‘жмыхов (Gen. Pl.)’ : *rāišū* ‘сгребаю’, *vāts* ‘рана’ : *vāts* ‘большая бочка’ : *vāc* ‘собираешь, собирает’ (ср. [Grīse 1970; 1972]; о фонетических признаках этих интонаций см. [Ekblom 1933; Stelle 1968 и указ. лит.]). Во внутренних и конечных слогах в латышском языке противопоставляются лишь две интонации — длительная и прерывистая, ср.: *mazuōs* ‘маленькие (Acc. Pl. m., местоим. ф.)’ : *mazuōs* ‘в маленьких (Loc. Sg. m.)’, *mazās* ‘маленькие (Acc. Pl. f., местоим. ф.)’ : *mazās* ‘в маленьких (Loc. Pl. f.)’ (ср., однако, *šitās* ‘в этих (Loc. Pl. fem.)’ : *šitās* ‘эти (Gen. Sg. f.)’ : *šitās* ‘эти (Acc. Pl. f.)’. Е. Курилович, впрочем, пытался прерывистую интонацию трактовать как отсутствие интонации (ср., напр., [Kuryłowicz 1958: 382]⁶⁴), однако это совершенно искусственная интерпретация, подвергнута справедливой критике Вяч. Вс. Ивановым [Иванов 1954: 134–136], впоследствии посвятившим специальные исследования тонемам данного типа [Иванов 1959; 1975].

---

⁶² По-видимому, и в функциональном отношении шведские и норвежские акценты более близки не слоговым интонациям в литовском языке, а оппозиции «сильного» и «слабого» ударения (см. § 245, сн. 51).

⁶³ Напомним, что знак «^ˆ» обозначает прерывистую интонацию, «[~]» — длительную, «[`]» резкую, или нисходящую.

⁶⁴ Протяжную и нисходящую интонацию он (по-видимому, вслед за Дж. Трегером [Trager 1941: 141]) считал комбинацией мор различного количества.

Всё-таки во многих говорах латышского языка существует обычная система двух интонаций: противопоставляются либо прерывистая и непрерывистая (нисходящая или длительная), либо нисходящая и восходящая интонация⁶⁵ [Endzelīns 1951: 39–41; Laua 1980: 85]. Система из двух интонаций в настоящее время допускается и в литературном языке (см., напр., [Laua 1980: 87; Liera 1979: 47]).

§ 252. Оппозиция восходящей интонации, акута [´], и нисходящей, циркумфлекса ([˘] или [ˆ]), существовала и в древнегреческом языке (ср. [Тронский 1962: 37ff.; Лурье 1964; Garde 1968: 144–148]). Эти интонации противопоставлялись лишь в конце слова, ср.: род. п. ед. ч. *ἀγοράς* ‘площади’, *θεῆς* ‘богини’ : вин. п. мн. ч. *ἀγοράς* ‘площади’, *θεάς* ‘богинь’, — в других слогах (если не обсуждать такие крайне редкие исключения, как *οἴκοι* ‘дома (наречие)’ : *οἶκοι* ‘дом’ [Schwyzer 1934: 376]) оппозиция циркумфлекса и акута нейтрализовалась: перед долгим окончанием и в третьем от конца слоге стоял только акут, в предпоследнем долгом слоге перед кратким окончанием — только циркумфлекс, ср. *θῆρα* ‘зверя (Acc. Sg.)’, *Μοῦσα* ‘Муза’ (ср., напр., [Kurjłowicz 1958: 168–169; 1968a: 141]). В кратких слогах акут, как и гравис в литовском языке, без сомнения обозначал ударение, а не слоговую интонацию [Тронский 1962: 41]. Гравис на последнем слоге, по всей вероятности, обозначал определённый аллотон акута, или исчезновение ударения, или по крайней мере, его большое ослабление (ср. § 228, сн. 15).

Если не углубляться в подробности, кажется, что данная система довольно похожа на литовскую, однако на самом деле между этими системами существуют глубокие различия, поскольку слоговые интонации в греческом языке противопоставляются только в конце слова — именно там, где слоговые инто-

---

⁶⁵ О реализации и парадигматических отношениях слоговых интонаций в такой системе см. [Маркус 1979: 120; 1982: 93–95; Sarkanis 1993]. В этих работах, кроме прочего, показано, что существенным признаком прерывистой интонации в таких говорах является резкое изменение акустической картины, противостоящее постепенному, плавному изменению нисходящей (плавной) интонации. О системах с восходящей интонацией вместо прерывистой см. [Ancītis 1977: 35–43].

нации в литовском подвержены нейтрализации (ср. также [Kuryłowicz 1960: 236ff. = Курилович 1962: 329ff.])⁶⁶.

§ 253. Как видно, многие языки и диалекты Европы, имеющие слоговые интонации или тоны, расположены вокруг Балтийского моря. По мнению Р. О. Якобсона [Якобсон 1962а: 156–159ff.], они образуют так называемый ареал Балтийского бассейна, или политонический языковой союз, противостоящий Евразийскому языковому союзу, для которого характерна тембровая корреляция и отсутствие слоговых интонаций (другими словами — монотонное ударение). Литовский язык занимает в этом отношении промежуточное положение, поскольку в нём есть особенности, характерные и для одного, и для другого языкового союза. Это достаточно своеобразная комбинация практически несовместимых свойств, поскольку слоговые интонации обычно встречаются в тех языках, в которых нет тембровой корреляции, а в тех языках, в которых есть тембровая корреляция, отсутствуют слоговые интонации.

§ 254. Языки, имеющие интонации, связанные с ударением (или, иначе говоря, ударения нескольких типов), фонологи Пражской школы называли политоническими (многоударными) языками и строго отделяли их от так называемых монотонических (одноударных) языков, в которых слоговые интонации отсутствуют [Jakobson 1962: 122]. Политоническими языками являются, например, литовский, латышский, сербо-хорватский, шведский языки, монотоническими — русский, польский, чешский, английский, французский языки.

От политонических языков, в которых тоны связаны с акцентуацией (в сущности, противопоставляются лишь интонации в ударных слогах, или тонемы), часто достаточно строго отделяются так называемые тоновые языки. В тоновых языках различные просодические признаки не зависят (или очень мало зависят) от ударения: они функционируют приблизительно так же, как и дифференциальные признаки фонем [Pike 1947: 105ff.; Fischer-Jørgensen 1962: 102; Allen 1973: 84 и указ. лит.] (о недостатках данного деления см. [Hockett 1955: 129], о распространении и ти-

---

⁶⁶ Это значительное типологическое различие, естественно, не доказывает (как полагал Е. Курилович), что слоговые интонации в греческом и литовском должны иметь совершенно различное происхождение (ср. [Иванов 1954: 132]). Типологические особенности языков не являются неизменной величиной — родственные языки могут принадлежать совершенно разным типологическим группам.

пологии тоновых языков — [Maddieson 1978]). Тоны отделяются от фонем и дифференциальных признаков скорее по соображениям удобства: функциональные мотивы для такого отделения могут и отсутствовать.

Количество тонов в языках может сильно отличаться. Уже в начале книги (§ 13) упомянут язык йоруба, в котором и в ударных, и в безударных слогах различаются три дистинктивных тона: высокий, низкий и средний. Три тона, используемые и реализуемые несколько иначе, представлены, например, и в дунганском (особом диалекте китайского языка)⁶⁷ — ср. *má* ‘мать’ : *mà* ‘лошадь’ : *mā* ‘ругать’ [Калимов 1968: 478]. Похожая умеренная система из четырёх тонов наблюдается в литературном («мандаринском») китайском языке, напр.: *bāo* [bāu] ‘завёртывать’ : *báo* [báu] ‘тонкий’ : *bǎo* [bǎu] ‘защищать’ : *bào* [bàu] ‘газета’ [Задоевко, Хуан Шу-ин 1973: 633ff.] (ср. также § 28). Во вьетнамском языке различаются шесть тонов, в бирманском языке и некоторых диалектах китайского — восемь и т. д. (ср. [Андреев, Гордина 1957]). Различные тоновые системы крайне распространены в языках Африки и американских индейцев.

Непреодолимой пропасти между тоническими и политоническими языками не существует: их различия скорее количественные, чем качественные⁶⁸. Даже критерий связи с ударением не является абсолютным, поскольку, например, в многосложных словах в китайском языке чаще всего противопоставляются лишь тоны первого слога — в других слогах они произносятся более похоже, напр.: *mèi-meì* ‘младшая сестра’, *wǒ-men* ‘мы’, *nǎi-nai* ‘бабушка’. Данная ситуация напоминает нейтрализацию слоговых интонаций в безударных слогах (ср. [Поливанов 1968: 140; Драгунов 1962: 37–38 и сн. 1; Martinet 1970: 381–385; Нуман 1975: 208]).

И в чисто фонетическом отношении тоны отличаются от интонаций не так сильно, как иногда представляется: чаще всего они являются единицами смешанной природы, реализуемыми с

---

⁶⁷ Значение диакритик см. § 28, сн. 33.

⁶⁸ Поэтому иногда политонические и тонические языки объединяются в один типологический класс и все они называются либо политоническими [Зиндер 1979: 257], либо тоническими [Martinet 1970: 364, 378f.] языками.

помощью и музыкальных, и динамических, и количественных, и даже качественных (тембровых) признаков. Если думать, что природа тонов чисто музыкальная, будет совершенно непонятно, почему и как они различаются в шёпотной речи (см., напр., [Abramson 1959; Segerbäck 1966] и § 243, сн. 46 указ. лит.).

Δ) МОРЫ

§ 255. Если придерживаться взгляда, что сущность слоговых интонаций состоит в том, что тон является восходящим или нисходящим или в увеличивающейся и уменьшающейся интенсивности голоса (типа *crescendo* и *decrescendo* = *diminuendo*), можно было бы интерпретировать оппозиции слоговых интонаций как различия в месте ударения.

В литовском языке есть следующие предпосылки для такой интерпретации: а) фонематическую основу слоговых интонаций составляют не только долгие гласные, но и двухфонемные группы типа *VR*; б) в некоторых случаях метатония (чередование интонаций) выполняет ту же морфологическую роль, что и изменение места ударения, ср.: *púodas* ‘горшок’ : *puõdžius* ‘гончар’ = *kùbilas* ‘кадка’ : *kubilius* ‘бондарь’; в) по закону Фортунатова — де Соссюра ударение переносится на окончания либо на другие морфемы и с кратких, и с циркумфлексных морфем (см. § 247 и указ. лит.). Иногда в качестве фонетической предпосылки такой интерпретации указывается и прерывистая интонация (такая, как в латышском и датском языке или жемайтском диалекте), поскольку она отчётливо расчленяет слог и его центр на две неравноценные части (см. [Trubetzkoy 1977: 180, 186ff. = Трубецкой 223, 233ff.; Шаумян 1962: 60]).

Когда в слоге есть импловивный сонант, образующий смешанный дифтонг, интонации очень просто сводятся к контрасту по месту ударения. Необходимо лишь прийти к соглашению о том, что акутовая интонация является ударением на первом компоненте смешанного дифтонга, а циркумфлексная интонация — ударением на втором компоненте, т. е. считать, что $\acute{V}R = \acute{V}\check{R}$, а $V\check{R} = \check{V}\check{R}$, и соответственно изменить фонологическую интерпретацию слов, в которых встречаются звуки данного типа. Тогда минимальные пары типа *káltas* ‘долото’ : *kaĩtas* ‘виноватый’, *skirtas*

‘разделённый’ : *skir̃tas* ‘разница’, *šáukite* ‘стреляйте’ : *šaũkite* ‘зовите’ будут интерпретироваться и транскрибироваться так: /kàltas/ : /kaĩtas/, /škir̃tas/ : /škir̃tas/, /šàṽkite/ : /šaṽkite/ (arba /šaũkite/ : /šaũkite/) и т. д. Как мы видим, это неплохо согласовывалось бы со многими свойствами интонаций в аукштайтском диалекте, поскольку в них действительно явно выделяется либо первый, либо второй компонент смешанного дифтонга.

При желании обобщить данную интерпретацию таким образом, чтобы она подходила и для тех слогов, центр которых составляют долгие гласные, данные гласные или, по крайней мере, их количественные признаки мы будем вынуждены разложить и считать комбинациями более мелких единиц — мор (из лат. *mora* ‘промедление, промежуток времени’), т. е. чем-то наподобие дифтонгов, состоящих из двух одинаковых гласных или просто условных единиц, по своей структурной длительности равнозначной одному краткому слогу или половине долгого слога. Тогда мы получим следующую интерпретацию: *dýgti* ‘прорастать’ : *dýkti* ‘шалить’ = /diĩkti/ : /diĩkti/, *rúgsta* ‘скисает’ : *rũksta* ‘дымится’ = /ruũksta/ : /ruũksta/, *vókti* ‘понимать’ : *võgti* ‘красть’ = /voõkti/ : /voõkti/ и т. д. (см. [Trager 1941: 139; Trubetzkoy⁶⁹ 1977: 180 = Трубецкой 1960: 223; Мартине 1963: 437–438; Garde 1968: 14–15 et passim], см. генеративную интерпретацию [Heeschen 1968: 195ff.; Kenstowicz 1969: 84ff.; 1972: 53ff.]). Вышеупомянутая метатония *piúodas* ‘горшок’ : *piõdžius* ‘гончар’ теперь будет выглядеть так: /piũodas/ : /piũõžus/ — и не будет ничем отличаться от передвижения ударения в примерах типа *kùbilas* ‘кадка’ : *kubilius* ‘бондарь’, *kãtilas* ‘котёл’ : *katilius* ‘котельщик’. Закон Фортунатова — де Соссюра теперь можно сформулировать как перенос ударения с моры, стоящей перед определёнными окончаниями и другими морфемами, ср.: /vĩštã/ ‘курицу’ : /vĩštàs/ ‘куриц (Acc. Pl.)’ = /raĩkã/ ‘руку’ : /rankàs/ ‘руки (Acc. Pl.)’.

⁶⁹ Н. С. Трубецкой относил литовский язык к так называемым моросчитающим языкам (*morazählende Sprachen* [Trubetzkoy 1977: 174]); языки, для которых не подходит моросчитающая интерпретация, являются слогосчитающими языками, *silbenzählende Sprachen* [ibid.]). По мнению Ю. С. Степанова, литовский язык является одновременно и моросчитающим, и слогосчитающим [Степанов 1972: 175].

Моры могут значительно упростить и описание некоторой вариативности вокализма в литовских диалектах. Например, Баранаускас [Барановский 1898: 20–25] предложил очень логичную интерпретацию системы гласных, основанную на морах для восточноаукштайтских аникщяйских и утянских говоров. Долгие гласные он считал состоящими из трёх мор («моментов»), полудолгие — комбинациями двух мор, краткие — единицами, состоящими из одной моры⁷⁰. Тогда, например, для этих диалектов характерное чередование ударных [iː], [uː], [ie], [uo] → безударных [i.], [u.], [a.] ([æ.]) можно считать простой утратой одной (первой): /iii/ → /ii/, /uuu/ → /uu/, /iaa/ → /aa/, /uaa/ → /aa/, ср. *gí·vas* /ġiivvas/ «*gývas*» ‘живой’ : *gi.vú.* /ġiivvù/ «*gyvũ*» ‘живых (Gen. Pl.)’, *pú·das* /pùaadadas/ «*púodas*» ‘горшок’ : *pa.dú.kas* /paaduùkas/ «*puodùkas*» ‘чашка’ (современную трактовку см. [Kosienė 1978: 30–31]; ср. [Jasiūnaitė, Girdenis 1996 = Girdenis 2001: 257ff.]).

§ 256. Несмотря на кажущуюся изящность, моросчитающая интерпретация слоговых интонаций не совсем подходит для литовского языка. Интонации в литовском языке не совсем «подчиняются» ударению: как мы видим (§ 246), они функционируют как мало связанная с ударением дополнительная характеристика некоторых морфем (а не целых слов или словоформ). К тому же, как показывают экспериментальные исследования, акут в литовском не является полностью нисходящим, а циркумфлекс — полностью восходящим; их невозможно однозначно охарактеризовать и с помощью признаков увеличивающейся (*crescendo*) или уменьшающейся (*decrescendo*) интенсивности голоса. Например, как доказал А. Пакерис [Pakerys 1967b; 1968; 1974b; 1982: 180–185], интонации на дифтонгах сильнее отличаются качеством первого компонента, чем просодическим контрастом первого и второго компонентов. А если обе интонации отличаются самим

⁷⁰ А. Баранаускас трёхморную структуру приписывал литовскому языку в целом (это положение принимали и некоторые индоевропеисты, напр., [Brugmann, Delbrück 1897: 986–988]). Вообще данное положение не совсем верно, но всё же оно гораздо более справедливо, чем обычно полагают, поскольку неконечные ударные [a e] продлеваются только до полудолгих (иначе говоря, они остаются более краткими, чем долгие), пожалуй, во всех диалектах (ср. § 174, сн. 117).

началом слога, достаточно трудно говорить об ударении на первой и второй море⁷¹. В третьих, этой интерпретации в сильной мере противоречит и тот факт, что у гласных /o· e·/ нет кратких соответствий, сочетаниями которых мы могли бы их считать: это превратило бы моры в чисто теоретический конструкт, не имеющий твёрдого эмпирического основания (ср., однако, резонные замечания Алфонсаса Тякорюса [Tekorius 1984: 181], особенно весомые в контексте так называемой автосегментной фонологии).

Вообще в настоящее время исследователи склонны считать, что моросчитающая интерпретация более или менее подходит лишь для чакавских говоров сербохорватского языка и классического древнегреческого языка [Garde 1968: 166 et passim] (ср. [Мартине 1963: 437–438]⁷²). Упорное желание интерпретировать интонации во всех языках исключительно как противопоставление мор, пожалуй, больше всего навредило созданной Е. Куриловичем теории эволюции балтийской акцентуации (об искусственности этой теории см., напр., [Иванов 1954: 135]).

4. ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 257. Закончив обзор суперсегментных и в особенности просодических фонологических единиц, мы можем прийти к данным, наиболее важным, выводам.

1. Общие вопросы.

а) Суперсегментными единицами следует считать те симультанные фонологические явления, которые различают линейные единицы или сочетания более крупные, чем одна фонема.

б) Основной подкласс суперсегментных единиц составляют просодические единицы: фразовая интонация, акцентуация и слоговые интонации, или тоны. Сущность их фонетической реализа-

---

⁷¹ В этой связи не следует забывать и о результатах инверсального прослушивания (см. § 243, сн. 46): они также противоречат моросчитающей интерпретации слоговых интонаций в литовском языке.

⁷² В другом месте А. Мартине [1970: 343–344] прямо отметил, что мора является лишь удобным средством описания языка, а не какой-либо его онтологической единицей.

ции, как правило, составляют модуляции основного тона, громкости, длительности произнесения и темпа речи.

с) Как суперсегментные единицы можно интерпретировать не только «настоящие» просодические признаки, но и другие разнообразные явления, выполняющие дистинктивную функцию (напр., мягкость и звонкость гласных и др.), если они различают отрезки большие, чем одна фонема.

d) При выделении непросодических суперсегментных единиц следует с особой строгостью соблюдать критерий грамматической целесообразности. Если такие единицы мешают просто и последовательно описывать и объяснять грамматические явления, «подозреваемые» свойства звуков лучше приписать отдельным фонемам и считать их дифференциальными признаками.

2. Ударение.

a) Ударение, или, точнее говоря, акцентуация, представляет собой синтагматический контраст между более и менее чётко произносимыми слогами одного и того же слова (или другой содержательной единицы).

b) Самой важной и самой универсальной функцией ударения является кульминативная: ударение прежде всего показывает, сколько в тексте (речевом акте) имеется определённых содержательных единиц, и отделяет слова (или другие содержательные единицы) от сочетаний слов (или других содержательных единиц).

с) Фиксированное ударение, определяемое с помощью простых фонологических правил, также выполняет и делимитативную функцию: оно указывает границы слов или других содержательных единиц.

d) Реже встречается свободное ударение, кроме кульминативной, выполняющее и дистинктивную функцию: оно, как и фонемы и их дифференциальные признаки, различает слова и словоформы.

e) Фонологическим следует считать любое основное или второстепенное ударение, если оно выполняет самостоятельную репрезентативную функцию (она может и не быть дистинктивной). Нефонологическим является лишь такое второстепенное ударение, место которого автоматически зависит от основного

ударения или других чисто фонологических или фонетических факторов.

3. Слоговые интонации, или тоны.

а) Слоговыми интонациями, или тонами, являются просодические признаки слова, выполняющие самостоятельную дистинктивную функцию — различающие такие слова или словоформы, план выражения которых в других отношениях совпадает.

б) В литовском языке (и во многих других языках) есть две слоговые интонации — акут и циркумфлекс; они противопоставляются в долгих ударных слогах (т. е. слогах, центр которых образуют долгие гласные или сочетания типа *VR*). В Европе слоговые интонации в кратких слогах есть только в сербохорватском литературном языке и в штокавском диалекте этого языка. В литовском языке у кратких слогов нет никакой интонации.

в) Языки, имеющие слоговые интонации или тоны, реализуемые только в ударных слогах, называются политоническими языками. Те языки, для которых характерно ударение только одного типа (т. е. в которых нет слоговых интонаций), называются монотоническими языками. От них отличаются тонические языки, обладающие сложными тоновыми системами, не связанными с кульминативным ударением.

г) Слоговые интонации, или тоны, в некоторых языках можно интерпретировать как противопоставление различных частей слога — мор. Интонациям нисходящего типа будет соответствовать ударение на первой море слога, интонациям восходящего типа — ударение на второй море. Но таких языков, для которых понятие моры является необходимым и целесообразным, немного; литовский язык вряд ли к ним принадлежит.

§ 258. Наконец, последнее замечание. Изучая и исследуя просодический аспект языка, не следует забывать о более важном: и ударение, и слоговые интонации, и фразовые интонации, и другие просодические явления мы определяем и интерпретируем лишь на основании выполняемой ими функции и взаимных отношений, а не звуковых свойств. Экспериментально установленные просодические особенности можно объявить фактами исследуемого языка лишь тогда, когда они воспринимаются и активно используются в общении представителями этого языка и когда они несомненно выполняют репрезентативную функцию. То, че-

го не воспринимают и не различают информанты, может быть всего лишь физическим явлением, а не фактом языковой системы.

И ещё одно замечание, заслуживающее внимания.

Просодические фонологические единицы могут выражаться не только «просодическими», но и качественными (спектровыми, или ингерентными) признаками. Когда фонетические свойства и функции исследуемых явлений противоречат друг другу, исследователь просодии в высшей степени последовательно должен придерживаться функциональных критериев. Это основная аксиома фонологии, но в данном случае на ней следует особо заострить внимание, поскольку просодические явления гораздо более подвижны, тонки и абстрактны, чем слоги, фонемы или их дифференциальные признаки; кроме того, и наша система письма не развивает их интуитивного понимания (ср. [Jensen 1961: 165]).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Случайные числа (см. § 46)

7336	8398	8979	7332	2780	7532	7152	168	9968	5623
7653	8046	2594	5750	8950	7151	6696	7965	2431	5265
4615	3428	2311	5005	7978	3661	4498	8243	3487	7574
1764	9149	3626	5679	1917	4482	2536	7376	2117	6315
966	6168	8992	9432	3735	1883	5499	1790	2531	3379
4442	4455	3592	442	6738	3436	3190	9541	3194	478
569	4343	5031	5058	9343	6471	896	7925	7743	5134
3137	7510	4152	8138	9852	2478	9946	561	7482	1944
8744	3525	9139	9454	951	2377	5636	2384	156	5014
2039	2895	124	8655	8593	8621	4689	5992	4672	2539
3465	2563	6448	2191	4963	5036	9467	7766	6469	9443
9226	4774	3814	653	221	363	1109	7221	3225	9024
8137	5264	3465	9956	2688	6425	8768	8020	5570	9534
5062	1704	611	4811	2191	6860	7168	4077	2524	6653
5619	8324	4286	7918	6233	7362	9634	9196	6309	7761
1846	7686	5811	3318	3680	3358	8806	3697	6266	8978
3500	5503	8060	7346	5660	6066	2215	6429	6521	891
4709	9473	2715	5615	8356	2873	4905	5651	7118	3903
619	8057	7695	9475	7377	2958	6301	7184	3300	9163
3766	124	1954	387	8405	4120	3497	3299	2610	5986
4837	1421	9820	5628	3792	1719	8158	751	4523	1722
7510	8801	2085	3806	9804	5695	9228	1418	2282	4999
2067	8132	6001	3575	4205	6590	8615	3981	1623	8291
7464	6839	1417	4023	8843	6502	2066	62	6089	729
6543	7016	5192	156	6963	5931	2395	3285	3612	7109
4078	37	1107	1910	9898	2432	7264	4681	4046	4032
2342	8611	7455	147	2855	2024	8707	2873	2355	9104
3876	7218	9488	8051	4458	9295	6572	2491	7123	4142
6160	6852	8918	1378	9760	7128	3082	9244	9092	8326
7857	5034	7658	5987	1393	2001	695	5089	9400	2222
8805	4693	5952	4933	6136	3828	4640	2180	9727	1303
3139	2443	7316	6442	6513	2894	2152	9638	5005	9600

6129	5006	2192	2616	97	2288	4135	1372	2206	4444
1346	5030	7571	2672	3669	3382	6337	5561	5514	2112
4618	9711	2826	641	3701	6057	6236	3398	5465	3644
3099	2354	8754	6971	5313	565	1215	3322	5	434
5591	133	8065	5838	4077	894	2218	8779	4936	1631
3841	8980	4464	6627	5327	5569	5090	2971	3447	4307
9466	1536	2546	3010	682	6835	6778	8998	9412	2301
6223	9104	5674	8053	6463	4163	8581	8861	4149	4702
2290	3556	4039	8803	3692	2994	3635	9743	1319	9897
2255	99	70	8782	4362	4691	834	1015	9659	6120
3507	6879	3413	1825	3660	8614	2354	401	8239	4443
6699	2323	2631	5710	2835	2254	6983	2742	3916	5149
4987	6175	5844	9005	2406	381	6438	9796	5691	3417
1723	5172	7470	9583	377	9131	6859	4508	5643	5265
1294	9271	3278	8221	5171	5970	2665	8188	1140	9684
2795	9389	918	5748	7947	1472	4956	4048	7997	7895
1214	2585	8139	7157	4013	3856	1667	5508	9285	5679
5834	5614	5859	1135	7991	2214	1633	2738	9471	9710
525	2805	8293	8429	2458	9362	9775	5853	8575	3829
5611	9189	7317	7508	4713	269	5585	8209	6037	6191
6022	4820	3258	945	1393	6972	2099	8230	8980	3240
5389	1218	9293	953	5597	5952	7547	3216	4550	1426
791	5894	1662	7527	6221	8876	6865	3547	1024	2622
7830	5863	2849	7618	4187	2661	5258	753	7389	4167
731	6105	9958	8777	5255	9785	1002	7853	6047	9472
7140	3906	5444	5713	4104	4804	9670	5424	8365	137
2329	5016	2387	3194	9369	7977	6976	1833	7737	5501
2468	2552	1522	3741	4323	1982	2411	1057	9862	581
1682	4608	2178	3538	2893	2608	879	6549	4902	8315
2552	1481	4344	5001	5693	9416	4495	4570	1238	7072
4770	8463	4023	9452	5765	7260	1762	5433	5486	9344
1621	5154	9081	8322	8715	4631	6282	6093	8473	2569
8983	7189	7777	6329	6929	9754	2222	2528	1855	8023
6542	1371	7142	5063	2562	380	8691	5332	5069	8715
5890	100	3425	425	8981	8197	241	6980	7308	2221
5218	6069	1764	2345	5354	3825	5660	4184	4196	9397
5265	3147	7291	229	4070	3293	2265	3783	3861	4918
6236	4385	4848	2555	5681	1973	7856	5610	2093	552
359	3100	9499	4081	1046	6891	7546	768	1263	7142
9769	7953	5043	9077	5375	3347	7635	8748	2712	6212

4425	7974	2685	4037	3855	6797	3725	1845	7272	7139
9719	8463	7085	8293	3538	5920	5258	280	3624	823
8491	3709	1954	5987	1194	7822	3671	6498	9178	5810
7119	7464	2380	7820	1808	1296	6347	2052	3159	7787
382	7103	6095	6025	7403	9092	3561	5526	6580	8389
4780	2420	841	1005	891	5134	597	4937	8810	4274
4996	4987	44	3061	4619	7600	2224	3035	5402	2371
3191	9014	3974	7663	8326	3836	1737	8958	6881	2274
5824	9658	8586	7689	6168	8010	1719	4678	3175	1691
7666	9702	9215	1076	7517	7469	8742	9651	3382	5903
7727	559	1328	7312	1220	8714	9176	2151	5552	7158
6743	8520	5514	1228	7998	8950	8296	682	6181	4955
957	2206	8898	7497	683	4135	9882	3934	4090	3131
1833	2135	172	4303	6964	9472	8496	2714	8400	4711
6432	8369	417	9602	4354	3282	1614	2281	5265	449
8114	7153	6926	8423	2038	187	3818	8529	3067	1991
2259	2503	2198	4639	9315	4555	225	6464	753	5612
6690	3671	5287	5644	5299	132	1330	4390	9009	7456
1505	4425	7718	3390	9584	6800	6482	2267	8947	6211
7976	5085	1125	193	8552	411	8146	7659	8006	4171
1225	3248	8824	2778	7012	6612	4155	7723	7737	2606
6356	4143	8502	2966	9856	4625	145	667	3185	2399
2732	6554	8194	8479	3431	1893	9344	5114	8525	5856
6080	5247	2764	2265	1294	5552	1925	827	8670	663
3122	5832	3048	3798	4055	1653	1075	9203	1508	1899
8408	3012	4870	796	7993	8074	8017	7004	484	3051
8046	8148	107	4775	2124	2066	3125	1736	2194	1982
13	7069	6984	8903	8408	8359	5348	2134	8690	2766
5735	4085	1809	1560	4806	8776	7120	2178	9178	9342
2627	3119	9307	4070	5834	9290	6947	2085	797	1933
2272	1915	3766	6027	345	5452	6861	4707	3168	2134
3940	239	8164	6655	1188	2145	6912	780	6403	7654
8118	8031	3477	5643	6459	8587	3916	1457	7254	2608
9752	4433	5343	1887	7024	4527	6614	1563	3096	4314
5882	3629	287	3584	9988	8563	4453	2011	8433	2544
7363	8444	8674	8106	2817	4541	2164	4814	3603	2134
9347	7634	6598	5102	7792	6944	7328	9138	385	4929
231	7802	3872	1256	1478	1229	3121	1818	4185	1973
4495	7647	1379	2728	9732	4502	1028	9415	3964	5358
8532	4518	2311	9836	5072	9365	1187	2512	483	8770

8184	9497	4758	2783	8080	6681	4561	3381	4011	2453
6339	1412	7890	2697	2559	4107	9126	894	2665	8467
5700	1130	5302	849	6675	6829	3370	8047	188	3017
8473	197	5997	4939	6326	802	6636	834	9678	4211
6253	1679	329	5842	1183	5727	6771	5470	1317	631
9054	8906	6342	987	7417	8352	5901	4100	6243	6775
7747	1776	9921	6580	2941	973	2154	7933	2169	1103
5293	7006	2231	814	1254	9487	6770	2052	570	9653
303	4222	1166	324	9612	6259	3385	4004	1563	9425
2864	530	1414	8636	7789	1537	671	5139	2119	7052
8560	8350	1320	4523	6174	9664	2191	5613	7358	6050
3325	1053	5393	6240	7781	8876	9546	7339	4527	6340
549	4643	217	858	9053	2506	7850	245	6151	9043
3907	7592	1	2501	486	1078	7627	2100	4033	4045
5967	1160	7215	5629	1208	5321	5493	7280	493	3682
4977	5461	5058	5655	3099	5867	8840	1357	8692	9445
1659	8350	3021	5553	994	2541	8331	2556	1445	6054
5483	1174	5930	9885	7233	904	7682	4162	8710	4814
7114	3807	1679	3030	2602	2423	4120	228	9264	2222
1713	7440	4786	2790	2771	3497	6359	6521	3206	6398
7797	3519	3057	9950	891	3790	1183	5961	62	9523
9651	7322	4380	5293	4393	2272	6006	8974	3704	5172
9127	1198	1123	4096	8434	6154	4285	546	1223	1551
6276	1612	2163	554	1083	9887	4808	3502	9685	1448
8907	2228	8347	7208	7578	4785	5689	7974	3408	3397
83	8497	7541	3444	3949	841	819	6296	6500	2386
1030	3806	1519	8765	5338	7277	1703	7063	1952	8711
6168	9573	89	7161	2643	3440	2306	7988	951	6488
8257	7842	9307	4560	3935	3180	24	666	5469	5132
6166	1266	1532	8523	5723	9991	3426	7871	4871	4117
6904	8170	6874	4111	4791	3271	8196	1547	4475	9669
8373	5724	9315	8522	5235	4280	8045	3691	2000	8123
1223	8642	7847	5998	8798	2	8491	8982	7848	581
8352	250	4560	9694	860	393	9511	3567	8474	3621
308	3660	8966	5159	657	5713	9538	5141	9924	7322
5337	9330	2235	6868	3918	1954	9206	1603	2238	995
5333	7713	7724	1226	128	160	9991	5318	6057	5122
4759	8318	6340	2854	6548	5829	1670	3754	1703	1189

Приложение 2. Значения функции $\varphi = 2 \arcsin \sqrt{p}$ (см. § 47)¹

p (%)	Знак после запятой									
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
50	1.571	1.573	1.575	1.577	1.579	1.581	1.583	1.585	1.587	1.589
51	1.591	1.593	1.595	1.597	1.599	1.601	1.603	1.605	1.607	1.609
52	1.611	1.613	1.615	1.617	1.619	1.621	1.623	1.625	1.627	1.629
53	1.631	1.633	1.635	1.637	1.639	1.641	1.643	1.645	1.647	1.649
54	1.651	1.653	1.655	1.657	1.659	1.661	1.663	1.665	1.667	1.669
55	1.671	1.673	1.675	1.677	1.679	1.681	1.683	1.685	1.687	1.689
56	1.691	1.693	1.695	1.697	1.699	1.701	1.703	1.705	1.707	1.709
57	1.711	1.713	1.715	1.717	1.719	1.721	1.723	1.725	1.727	1.729
58	1.731	1.734	1.736	1.738	1.740	1.742	1.744	1.746	1.748	1.750
59	1.752	1.754	1.756	1.758	1.760	1.762	1.764	1.766	1.768	1.770
60	1.772	1.772	1.772	1.772	1.780	1.780	1.780	1.780	1.780	1.791
61	1.793	1.795	1.797	1.799	1.801	1.803	1.805	1.807	1.809	1.811
62	1.813	1.815	1.817	1.819	1.821	1.823	1.826	1.828	1.830	1.832
63	1.834	1.836	1.838	1.840	1.842	1.844	1.846	1.848	1.850	1.853
64	1.855	1.857	1.859	1.861	1.863	1.865	1.867	1.869	1.871	1.873
65	1.875	1.878	1.880	1.882	1.884	1.886	1.888	1.890	1.892	1.894
66	1.897	1.899	1.901	1.903	1.905	1.907	1.909	1.911	1.913	1.916
67	1.918	1.920	1.922	1.924	1.926	1.928	1.930	1.933	1.935	1.937
68	1.939	1.941	1.943	1.946	1.948	1.950	1.952	1.954	1.956	1.958
69	1.961	1.963	1.965	1.967	1.969	1.971	1.974	1.976	1.976	1.980
70	1.982	1.984	1.987	1.989	1.991	1.993	1.995	1.998	1.991	2.002
71	2.004	2.006	2.009	2.011	2.013	2.015	2.018	2.020	2.022	2.024
72	2.026	2.029	2.031	2.033	2.035	2.038	2.040	2.042	2.044	2.047
73	2.049	2.051	2.053	2.056	2.058	2.060	2.062	2.065	2.067	2.069
74	2.071	2.074	2.076	2.078	2.081	2.083	2.085	2.087	2.090	2.092
75	2.094	2.097	2.099	2.101	2.104	2.106	2.108	2.111	2.113	2.115
76	2.118	2.120	2.122	2.125	2.127	2.129	2.132	2.134	2.136	2.139
77	2.141	2.144	2.146	2.148	2.151	2.153	2.156	2.158	2.160	2.163
78	2.165	2.168	2.170	2.172	2.175	2.177	2.180	2.182	2.185	2.187
79	2.190	2.192	2.194	2.197	2.199	2.202	2.204	2.207	2.209	2.212
80	2.214	2.217	2.219	2.222	2.224	2.227	2.229	2.231	2.234	2.237
81	2.240	2.242	2.245	2.247	2.250	2.252	2.255	2.258	2.260	2.263
82	2.265	2.268	2.271	2.273	2.276	2.278	2.281	2.284	2.286	2.289

¹ Сокращённый вариант из [Урбах 1975: 285–287].

83	2.292	2.294	2.297	2.300	2.302	2.305	2.308	2.310	2.313	2.316
84	2.319	2.321	2.324	2.327	2.330	2.332	2.335	2.338	2.341	2.343
85	2.346	2.349	2.352	2.355	2.357	2.360	2.363	2.366	2.369	2.272
86	2.375	2.377	2.380	2.383	2.386	2.389	2.392	2.395	2.398	2.401
87	2.404	2.407	2.410	2.413	2.416	2.419	2.422	2.425	2.428	2.431
88	2.434	2.437	2.440	2.443	2.447	2.450	2.453	2.456	2.459	2.462
89	2.465	2.469	2.472	2.475	2.478	2.482	2.485	2.488	2.491	2.495
90	2.498	2.501	2.505	2.508	2.512	2.515	2.518	2.522	2.525	2.529
91	2.532	2.536	2.539	2.543	2.546	2.550	2.554	2.557	2.561	2.564
92	2.568	2.572	2.575	2.579	2.583	2.587	2.591	2.594	2.598	2.602
93	2.606	2.610	2.614	2.618	2.622	2.626	2.630	2.634	2.638	2.642
94	2.647	2.651	2.655	2.659	2.664	2.668	2.673	2.677	2.681	2.686
95	2.691	2.695	2.700	2.705	2.705	2.714	2.719	2.724	2.729	2.734
96	2.739	2.744	2.749	2.754	2.760	2.765	2.771	2.776	2.782	2.788
97	2.793	2.799	2.805	2.811	2.818	2.824	2.830	2.837	2.844	2.851
98	2.858	2.865	2.872	2.880	2.888	2.896	2.904	2.913	2.922	2.931
99	2.941	2.952	2.963	2.974	2.987	3.000	3.015	3.032	3.052	3.078
100	3.142									

Приложение 3. Оценка аудитивных экспериментов по u-критерию (см. § 48)

P	$n \rightarrow$ $P_0 \downarrow$	15	20	25	30	35	40	45	50	60	70	80	90	100	110	120	130	140	150	160	170	180
0,95 ($Z_{0,05}$)	50%	12	15	18	21	24	27	29	32	38	44	49	55	60	66	71	77	82	87	93	98	104
	67%	14	18	21	25	29	33	36	40	47	55	62	69	76	84	91	98	105	112	119	126	133
0,99 ($Z_{0,01}$)	50%	13	16	19	22	25	28	31	34	40	46	52	58	63	69	75	80	86	91	97	102	108
	67%	14	18	22	26	30	34	38	42	49	57	64	72	79	86	94	101	108	115	122	130	137
0,999 ($Z_{0,001}$)	50%	14	17	21	24	27	30	34	37	43	49	55	61	67	72	78	84	90	95	101	107	112
	67%	–	20	24	28	32	36	40	44	51	59	67	74	82	89	97	104	111	119	126	133	141

P	$n \rightarrow$ $P_0 \downarrow$	190	200	210	220	230	240	250	260	270	280	290	300	310	320	330	340	350	360	370	380	390
0,95 ($Z_{0,05}$)	50%	109	114	120	125	130	136	141	146	152	157	162	167	173	178	183	189	194	199	204	210	215
	67%	140	147	154	161	168	175	182	189	196	203	210	217	224	231	238	245	252	259	266	273	280
0,99 ($Z_{0,01}$)	50%	113	119	124	130	135	140	146	151	157	162	167	173	178	184	189	194	200	205	210	216	221
	67%	144	151	158	165	172	179	187	194	201	208	215	222	229	236	243	250	257	264	271	278	285
0,999 ($Z_{0,001}$)	50%	118	124	129	135	140	146	151	157	162	168	173	179	184	190	195	201	206	212	217	222	228
	67%	148	155	163	170	177	184	191	199	206	213	220	227	234	242	249	256	350	270	277	284	291

P	$n \rightarrow$ $p_0 \downarrow$	400	410	420	430	440	450	460	470	480	490	500	510	520	530	540	550	560	570	580	590	600
0,95	50%	220	225	231	236	241	246	252	257	262	267	272	278	283	288	293	298	304	309	314	319	325
($Z_{0,05}$)	67%	287	294	300	307	314	321	328	335	342	349	356	363	370	376	383	390	397	404	411	418	425
0,99	50%	226	232	237	242	248	253	258	263	269	274	279	285	290	295	300	306	311	316	322	327	332
($Z_{0,01}$)	67%	292	299	306	313	320	327	334	341	348	355	362	369	376	383	390	387	404	411	418	425	432
0,999	50%	233	239	244	250	255	260	266	271	276	282	287	293	298	303	309	314	319	325	330	335	341
($Z_{0,001}$)	67%	298	306	313	320	327	334	341	348	355	362	369	376	383	390	397	404	411	418	425	432	439

P	$n \rightarrow$ $p_0 \downarrow$	610	620	630	640	650	660	670	680	690	700	710	720	730	740	750	760	770	780	790	800	810
0,95	50%	330	335	340	345	351	356	361	366	371	376	382	387	392	397	402	408	413	418	423	428	433
($Z_{0,05}$)	67%	432	439	445	452	459	466	473	480	487	494	500	507	514	521	528	535	542	549	555	562	569
0,99	50%	337	343	348	353	358	364	369	374	379	385	390	395	400	406	411	416	421	427	432	437	442
($Z_{0,01}$)	67%	439	446	452	459	466	473	480	487	494	501	508	515	522	529	536	543	550	556	563	570	577
0,999	50%	346	351	357	362	367	373	378	383	389	394	399	405	410	415	421	426	431	436	442	447	452
($Z_{0,001}$)	67%	446	453	460	467	474	481	488	495	502	509	516	523	530	537	544	551	558	565	572	579	586

Символ n обозначает общее количество ответов, n_1 — количество верных ответов, Z_α — критическое количество верных ответов. Мы принимаем нулевую гипотезу (H_0), когда $n_1 < Z_{0,05}$, и отклоняем её (т. е. констатируем статистически значимое различие), когда $n_1 \geq Z_{0,01}$. Данные таблицы заново рассчитаны на персональном компьютере (язык программирования — ТУРБО-ПАСКАЛЬ, версия 7.0)

Приложение 4. Частота фонем литовского литературного языка

№ п/п	Фонема	Абс. частота	%	№ п/п	Фонема	Абс. частота	%
1	/a/	10 455	10,46	29	/e·/	1 244	1,24
2	/i/	7 175	7,18	30	/ie/	1 212	1,21
3	/s/	5 883	5,88	31	/m̃/	1 208	1,21
4	/o·/	5 010	5,01	32	/p̃/	1 175	1,18
5	/j/	4 811	4,81	33	<d̃>	1 059	1,06
6	/e/	4 542	4,54	34	/š̃/	989	0,99
7	/k/	4 066	4,07	35	/š/	911	0,91
8	/u/	3 713	3,71	36	/b/	837	0,84
9	/t/	2 850	2,85	37	/ž̃/	742	0,74
10	/v/	2 777	2,78	38	/g̃/	734	0,73
11	/r/	2 763	2,76	39	/b̃/	663	0,66
12	/e·/	2 613	2,61	40	/uo/	614	0,61
13	/r̃/	2 583	2,58	41	/č̃/	527	0,53
14	/n/	2 513	2,51	42	/ž/	472	0,47
15	<t̃>	2 494	2,49	43	/ž̃/	199	0,20
16	/ñ/	2 395	2,40	44	/č/	145	0,15
17	/š̃/	2 242	2,24	45	<o>	124	0,12
18	/l̃/	2 155	2,16	46	/z/	122	0,12
19	/p/	2 003	2,00	47	/ž̃/	92	0,09
20	/i·/	1 939	1,94	48	/c/	21	0,02
21	/m/	1 689	1,69	49	<f>	18	0,02
22	/a·/	1 621	1,62	50	/z̃/	11	0,01
23	/d/	1 549	1,55	51	/č̃/	8	0,01
24	/ṽ/	1 520	1,52	52	<f̃>	8	0,01
25	/u·/	1 472	1,47	53	<h̃>	3	0,00
26	/k̃/	1 355	1,36	54	<x>	2	0,00
27	/l/	1 355	1,36	55	<x̃>	1	0,00
28	/g/	1 317	1,32	56	<h>	0	0,00

n = 100 001 фонема; см. [Karosienė, Girdenis 1993 (= Girdenis 2001: 64ff.)].

Приложение 5. Частота типов слогов литовского литературного языка

Тип слога	Количество слогов	Относительная частота (%)	Тип слога	Количество слогов	Относительная частота (%)
CV	22 813	54,66	VwC	60	0,144
CVC	7 346	17,60	CCVwC	59	0,141
CV^w	2 682	6,43	CCVCC	46	0,110
CCV	2 661	6,38	CCC V	34	0,081
VC	2 026	4,86	CCC V C	28	0,067
V	1 434	3,44	CCC V w	20	0,048
CCVC	780	1,87	CVwCC	6	0,014
CV^wC	573	1,37	CVCCC	4	0,010
CCV^w	494	1,18	CCCVCC	2	0,005
CVCC	405	0,97	CCVwCC	2	0,005
VCC	138	0,33	CCVCCC	1	0,002
V^w	120	0,29			

$n = 41\ 734$ слога. *V* — гласный, *C* — согласный, *V^w* — чистый составной дифтонг, полужирным шрифтом выделены открытые слоги; см. [Karosienė, Girdenis 1994 (= Girdenis 2001: 116ff.)].

Приложение 6. Частота просодических типов слогов литовского литературного языка

Безударные слоги			Ударные слоги				
Краткие	Долгие		Краткие монофт.	Долгие			
	монофт.	дифт.		Акутовые (´)		Циркумфлекшн. (˘)	
				монофт.	дифт.	монофт.	дифт.
(<i>Ǫ</i>)	(<i>Ǭ</i>)	(<i>VR</i>)	(<i>Ǫ̇</i>)	(<i>Ǫ̇</i>)	(<i>Ǫ̇R</i>)	(<i>Ǫ̇</i>)	(<i>VṘ</i>)
13,261 (31,78%)	9,244 (22,15%)	4,776 (11,45%)	3,977 (9,52%)	2,853 (6,84%)	1,518 (3,64%)	3,628 (8,69%)	2,473 (5,93%)
	14,020 (33,60%)			4,371 (10,48%)		6,101 (14,62%)	
27,281 (65,38%)			14,449 (34,62%)				

$n = 41\ 730$ слогов; ср. [Karosienė, Girdenis 1990 (= Girdenis 2001: 19ff.)].

Важнейшие соотношения типов слогов:

краткие : долгие = 17 238 : 24 492 = 41,30% : 58,70% = 1 : 1,42
ударн. краткие : ударн. долгие = 3 977 : 10 472 = 9,52% : 25,10% = 1 : 2,63
безударн. краткие : безударн. долгие = 13 261 : 14 020 = 31,78% : 33,60% = 1 : 1,06
долгие:
монофтонгические : дифтонгические = 15 725 : 8 767 = 37,68% : 21,02% = 1,79 : 1
ударн. монофт. : ударн. дифт. = 6 481 : 3 991 = 15,53% : 9,57% = 1,62 : 1
безударн. монофт. : безударн. дифт. = 9 244 : 4 776 = 22,15% : 11,45% = 1,94 : 1

THEORETICAL FOUNDATIONS OF LITHUANIAN PHONOLOGY

Summary

The present work offers a synthesizing model of theoretical phonology resulting from many years of reflection on the sound system of the Lithuanian language and its dialects. Forming the backbone of this theory are the views of the Copenhagen School, and those of the distinguished Polish linguist J. Kuryłowicz, associated with this school, in particular the methodological priority of syntagmatic relations and neutralization phenomena over the material properties of units of the expression plane. On this foundation a system for classifying phonemes and prosodemes is constructed, and the distinctive features of these are established. Taken into account are the achievements of other schools of contemporary linguistics which are not contrary to the spirit (rather than the letter, of course) of the “Copenhagen” approach, above all those of the Prague Linguistic Circle and its dichotomous phonology, descriptive linguistics, and the Moscow School. Only so-called generative phonology has not been considered, since it is not phonology *sensu stricto*, but an elaborated branch of morphonology, a discipline which belongs almost entirely to morphology.

1. INTRODUCTION

1.1. BASIC CONCEPTS

In this section the basic concepts of contemporary functional linguistics are defined: language and speech, expression and content, synchrony and diachrony, syntopy and diatopy. It is shown that, alongside the concepts of language (structure) and speech, it is useful to distinguish the concept of norm; synchrony and diachrony are understood not as states of language, but as methodologically useful approaches and prospects for research.

1.2. THE RELATIONSHIP BETWEEN PHONETICS AND PHONOLOGY

Most contemporary linguists, beginning with L. V. Ščerba (and unlike N. S. Trubetzkoy and his followers) consider these disciplines branches of a single science—phonetics (in the broad sense). This is the sole correct view, since phonology is unthinkable without phonetics, and phonetics (even traditional) is unthinkable without phonology (even an intuitive phonology).

1.3. FUNCTIONS OF SOUNDS AND THEIR FEATURES

Three main functions of sounds and their features are usually distinguished: representative, expressive, and appellative. Since, as a rule, the same means are used for expressive and appellative purposes, it seems appropriate to distinguish only two main functions: representative and non-representative (expressive in the broad sense). A language's expressive means are of interest to the phonologist only as phenomena which are close to phonological in form, but not in the role they play in language.

1.4. TYPES OF PHONOLOGICAL UNITS

1.4.1. The largest unit of expression is the utterance—a stretch of sound between two periods of silence. An utterance is realized in phonological sentences (1), a sentence in phonological words (2) and sentence intonation (3), a word in syllables (4) and certain accentual patterns (5), a syllable in phonemes (6) and (in some languages) in tone or pitch accent (7); a phoneme (with certain reservations) can be represented as a bundle of distinctive features (8). Some of these units (1–3) are always linguistic signs, while others (4–8) are only components of a sign's expression. It is useful to begin a phonological analysis with the word, a unit which is on the boundary between signs and non-signs.

Units 2, 4, 6 are linear: their ordering has a distinctive function. The order of the simultaneous units (3, 5, 7, 8) lacks such a role; among the latter are the suprasegmental (prosodic) units (3, 5, 7), which are realized as modifications of linear units larger than a single phoneme.

1.4.2. In some phonological systems we find special units called open juncture. These are introduced at points in a word or sentence where adjacent phonemes are realized as if they were non-adjacent, cf. Ru. *κ Ίρε* [κίρ'и°] ‘to Ira’s place’ : *Κύρε* [κίρ'и°] ‘to Kira’, NŽem. Lith. *nebêrs* ‘will no longer rip, come apart’ : *ñebêrs* ‘will not pour’ = /k+ír'e/ : /kír'e/, /neb+êrs/ : /nebêrs/. Junctures are generalized delimitative units which indirectly also perform a distinctive role.

2. ESTABLISHING PHONEMES

2.1. INTRODUCTORY REMARKS

As a physical phenomenon, any oral utterance is unique and unrepeatable. However, speakers of a language perceive certain physically different sounds or sound sequences as identical. Based on this fact, phonology reveals in the infinite variety of physical sounds the few discrete units which speakers perceive as constant, and whose non-identity is associated with a non-identity of content.

2.2. PARADIGMATIC IDENTIFICATION OF PHONEMES

2.2.1. The basic method for the paradigmatic identification of phonemes is substitution; the sounds in question are substituted for one another in the same sound environment and the result is presented to language informants. If they perceive the word as a repetition of the original word, the sounds in question are optional variants of one and the same phoneme. Cf. SAukšt. (Švendubrè, etc.) [kê·vas] ‘father’ = [tê·vas] = [kê·vas], pointing to the identity [k] = [t] = [k], or WAukšt. (Žagarè, Skaisgiris, etc.) [lã·šãš] ‘drop’ = [lã·sãš] = [lã·šãš], indicating that [š], [s̃] (a lisped “s”) and [s] in these dialects are optional variants of the single phoneme /s/. If, as a result of substitution, we obtain words which are judged by informants to be different from the originals in expression and content, then the sounds in question are different phonemes. Cf. Lith. [k] and [t] in *kàs* ‘who, what’ ≠ *tàs* ‘that’, [s] and [š] in *vès* ‘will lead’ ≠ *vèš* ‘take (by vehicle)-3FUT’.

The identification of phonemes is facilitated to a considerable degree by minimal pairs (quasi-homonyms)—word forms differing in meaning and distinguished only by a single sound segment or even a single phonetic feature. The presence of such pairs is strong evi-

dence for the functional difference of sounds. Cf. Lith. *bókštas* ‘tower’ : *pókštas* ‘prank’, demonstrating that $[b^\circ] \neq [p^\circ]$. The establishment of phonemes with the aid of quasi-homonyms is sometimes called a commutation test, or simply commutation.

2.2.2. The next step in identifying phonemes is the establishment of the distribution of sound segments. Two types of distribution are usually distinguished: oppositional and complementary. Oppositional distribution is a relation between sounds which are found in the same positions (cf. Lith. [ž] and [š] in the words *žalià* ‘green-NOM.SG.F’ : *šalià* ‘alongside’); sounds found only in different positions are in complementary distribution (cf. Lith. [n] and [ŋ] in the word forms [raŋkà] ‘hand’, [baŋgà] ‘wave’ and [nã·mas] ‘house’, [bandà] ‘herd, flock’).

Sounds in complementary distribution cannot independently distinguish word forms; interchanging them leads only to strange and even impossible sound formations. Such sounds may be considered representatives of a single phoneme only if they share phonetic features. Lith. [n] and [ŋ] are non-labial nasal sonorants; they are therefore variants of a single phoneme /n/. Cf. also open [æ·] and more close [e·] in the positions [—C] and [—Ĉ] (for example, [nã·ša] ‘carry-3PRS’ : [nẽ·šẽ·] ‘carry-3PST’), which also represent a single phoneme /e·/.

Sounds in complementary distribution which can be reduced to a single phoneme are combinatory (positional) variants, or allophones, of that phoneme. The allophone which has the broader distribution and simpler phonetic structure is considered basic. Since the basic allophone is, as it were, the phoneme norm, many positional variants of phonemes can be written in an abbreviated ‘generative’ formula of the type /n/ → [ŋ] / [—^k_g], specially indicating only the realization of secondary allophones.

In identifying phonemes, grammatical considerations should also be taken into account; all things being equal, preference is given to solutions which promote a simplification of grammatical rules.

2.2.3. Since the phonological status of sounds is determined by their distribution, phonetically related sounds may play the role of independent phonemes in some systems, but behave as allophones of the same phoneme in other systems. For example, in standard Lithuanian (and many dialects) we observe the short vowel relations presented in

§ 59 (table 5). In this system, [a] and [e] are independent phonemes, since they are opposed in the position [#—]. In South Aukštaitic and several other dialects, short vowels have a different distribution (see table 6). The sounds in these dialects are almost completely identical to the sounds of the standard language, but [a] and [e] are in complementary distribution and are therefore allophones of a single phoneme /a/.

2.2.4. The function of phonemes is to differentiate meaningful units and form their expression (their “sound envelope”). Optional variants serve as a means for identifying speakers; some features of optional variants are used as expressive units (so-called emphatics). Allophones appearing at the boundaries of words or other meaningful units have a delimitative function. In most cases however, they provide support for phonemes and other phonological units, signalling their presence in neighboring positions. Sometimes allophones even optionally replace the phonemes (or phoneme sequences) which had conditioned them (cf. NŽem. Lith. [ɔː] = /ɔ/ + /n/ in cases of the type [dõ·gòs] || [dõ.ŋgòs] ‘sky’, [žô·słas] || [žô.nsłas] ‘(horse) bit’).

2.3. SYNTAGMATIC IDENTIFICATION OF PHONEMES

2.3.1. The syntagmatic identification of phonemes is based, explicitly or implicitly, on several typological assumptions. On the one hand, the question is almost never raised concerning the phonemic make-up of those sound sequences which in all known languages function as biphonemic, such as sequences of vowels and consonants, fricatives and plosives, etc. On the other hand, only those sequences, as a rule, are subject to careful consideration which are already known to function in some languages as phoneme sequences (biphonemes) and in others as a realization of individual phonemes (monophonemes). These include, for example, diphthongs, syllabic sonorants, affricates, and palatalized consonants. But typological considerations have only a heuristic value; they help in ascertaining potentially biphonemic sequences.

2.3.2. Among phonetic criteria for biphonemicity, we can consider as probative only the allocation of the separate parts (components) of a sound sequence to different syllables; by definition, a phoneme must be realized within a single syllable. Like typological considerations, all other phonetic (anthropophonic) features (such as ex-

ceptional duration, non-uniform articulation, etc.) play only a secondary role.

Of the numerous phonological rules and criteria for the syntagmatic identification of phonemes, the most general are these: (1) the principle of minimal inventory and (2) the principle of regular relations. The first rule requires us to consider potentially biphonemic sequences as the realization of phoneme combinations in all cases in which there are even the slightest grounds for doing so. According to the second principle, segmentation must be done in such a way that the rules describing phoneme combinations are the simplest and most regular. If observing both principles leads to contradictory solutions, preference is given to the second.

For these reasons, a biphonemic treatment of Lithuanian affricates must be rejected; their segmentation would artificially create word-initial sequences of the type *TS-* and five-member medial clusters (for example, *vir̃kščios* ‘stalks’). In the native lexicon, the affricates [t̃, d̃] are found mainly before back vowels and are essentially in complementary distribution with [t̂, d̂], which occur before front vowels. This seemingly indicates that [t̃, d̃] and [t̂, d̂] are allophones of the phonemes /t̃, d̃/. In the present-day language, however, [t̃, d̃] are also occasionally found before front vowels, and in exceptional cases [t̂] is even opposed to [t̃] (in some dialects, these oppositions have become usual, and /t̃, d̃/ are opposed to both hard /t, d/ and to the affricates).

2.3.3. Otherwise, a syntagmatic identification of phonemes is carried out on the same basis as a paradigmatic identification. Of crucial importance are the distributive relations between sound sequences suspected of being biphonemic and phonetically-related segments whose biphonemic nature is not disputed. These relations, as we know, can be of three types: 1) oppositional, 2) optional, 3) in complementary distribution.

In the first case, the sound in question must be considered an independent phoneme (cf. Polish *Czech* [čex] ‘Czech’ : *trzech* [tšex] ‘three-GEN’). In the second case, we decide in favor of a biphonemic treatment: NŽem. [q̣] = /q/ + /n/, etc. North Žemaitic and Panevėžys word-final consonants which preserve the coloring of reduced vowels are realizations of phoneme sequences. In some cases, they vary freely

with normal syllable sequences of the type $C + V$; their introduction normalizes the structure of consonant sequences.

In the third case, the segments in question also correspond to phoneme sequences. Such segments include, for example, Lithuanian diphthongs whose second component is a non-syllabic [j, ɥ]: [ai, au, ei, ui...]. Since they occur only before a consonant or at the end of a word, they are in complementary distribution with prevocalic heterosyllabic structures of the type [a] + [j], [a] + [v] ([w]), and are therefore without question positional variants of sequences of the type $/V/ + /j, v/$ (that is, $/a/ + /j/$, $/a/ + /v/$, $/e/ + /j/$, cf. *saĩtas* ‘leash’ : *sąsaja* ‘connection’, *gáuti* ‘get-INF’ : *gãvo* ‘get-3PST’, *táu* ‘you-DAT’ : *tavè* ‘you-ACC’). In contrast to most diphthongs, the gliding diphthongs [ie, uo] (polyphthongs) should be interpreted as independent long vowel phonemes. They are linked to these vowels by various phonotactic and prosodic properties: the possibility of their combining with vowels (*núoalpis* ‘fainting fit’, *príeauglis* ‘offspring’), the nature of the realization of pitch accents, etc. In many northern dialects, this is also confirmed by their automatic alternation with unstressed “pure” monophthongs.

In investigating relations among phonological units, all conclusions regarding the paradigmatic and syntagmatic identification of phonemes should be carefully checked. As a rule, the presence of exceptional (or even unique) phoneme sequences indicates that their identification requires revision.

3. PHONEME RELATIONS AND DISTINCTIVE FEATURES

3.1. INTRODUCTORY REMARKS

In contemporary linguistics we distinguish paradigmatic and syntagmatic relations among phonemes and any linguistic units.

Paradigmatic relations exist between units which replace one another in the same position and, in so doing, distinguish larger units. Cf. Lith. *bãras* ‘strip (of land)’ : *kãras* ‘war’ : *gãras* ‘steam’, where $/b/$, $/k/$ and $/g/$ are related in this way. In every concrete instance, only one of the possible paradigmatic units is realized; the others exist only as possible substitutes for the realized unit.

In contrast to paradigmatic relations, syntagmatic relations exist between phonemes or other linguistic units which combine (or in principle can combine) with one another, forming larger units (syllables, words, etc.). Cf. Lith. /b/ and /a:/ in the syllable /ba·-/ , the syllables /ba·-/ and /-ras/ in the word *bãras*, etc. These relations are usually understood as linear, but simultaneous syntagmatic relations are also possible. They exist, for example, between the syllable nucleus and falling-rising tone in Chin. *mǎ* ‘horse’.

The analysis of paradigmatic and syntagmatic relations forms the basis for classifying phonemes and establishing their distinctive features. Since only syntagmatic relations can be directly observed, it is appropriate to begin a classification of phonemes with these, rather than with paradigmatic relations, which are more abstract and not accessible to direct observation.

3.2. SYNTAGMATIC CLASSIFICATION OF PHONEMES

3.2.1. From the huge number of possible phoneme combinations, a language “chooses” only a limited inventory, which obeys certain rules. Only by virtue of a certain syntagmatic structure are words and other meaningful units perceived as integral formations.

3.2.2. According to the role they play in syllable structure, all phonemes are divided into two basic classes: vowels and consonants. The core units of a syllable are the vowels; they can form a syllable without the support of other phonemes. In standard Lithuanian, this class is represented by the phonemes /i, e, a, u, iː, ie, ɛː, eː, aː, oː, uo, uː/. Consonants are peripheral components of the syllable, that is, phonemes whose presence in the syllable is not obligatory, for example, Lith. /p, t, k, b, d, g, s, š, z, ž, j, v, l, r, m, n.../. The so-called syllabic sonorants found in several languages (cf. OInd. *vr̥kaḥ* ‘wolf’, Cz. *prst* ‘finger’) are consonants performing the secondary function of vowels. In Lithuanian dialects, they occur only as optional variants of sequences of the type *-RV(C)#*, for example: NŽem. [gõ·ndr̥] || [gõ·ndr̥^a] ‘stork-GEN.SG’ (cf. Latv. *katls* ‘kettle’, *putns* ‘bird’).

3.2.3. In languages which have only open syllables of the type (C)V (cf. Maori *aroha* ‘love’, *manawakino* ‘uneasy’), we can sometimes make judgments regarding the syntagmatic classes of consonants only on the basis of distributional constraints, which depend on

consonants of neighboring syllables or on adjacent vowels; sometimes such a possibility is excluded. As a rule, a precondition for syntagmatic classification is the presence of consonant clusters within a single syllable.

Within a syllable in Lithuanian, in addition to a vowel, two sets of consonants can occur: an onset (initial) cluster and a coda (final) cluster. The coda cluster is more closely connected with the syllable nucleus, as shown by the effect of coda sonorants on the prosodic properties of the syllable and the role of the coda in classical rhymes; the onset is more independent in this regard.

It is convenient to begin a classification of consonants with onset clusters in the first syllable, since these clusters, as just noted, are more independent and regular, and a word boundary unmistakably coincides with the syllable boundary.

Lithuanian has the following two-member onset clusters (if we disregard unassimilated borrowings and provisionally refrain from distinguishing hard and soft consonants): *bj-*, *bl-*, *br-*, *dr-*, *dv-*, *gl-*, *gn-*, *gr-*, *gv-*, *kl-*, *kn-*, *kr-*, *kv-*, *pj-*, *pl-*, *pr-*, *sk-*, *sl-*, *sm-*, *sn-*, *sp-*, *sr-*, *st-*, *sv-*, *šč'-*, *šl-*, *šm-*, *šn-*, *šp-*, *št-*, *šv-*, *tr-*, *tv-*, *zl-*, *zm-*, *zv-*, *žl-*, *žm-*, *žn-*, *žv-*; in dialectal words and place names we also find *šk-*, *zg-*, *zb-*, *zd-*. Thus all consonants fall, firstly, into two classes: *R* (= /j, v, l, r, m, n/)—consonants found only before vowels—and *C* (= /p, t, k, b, d, g, č, s, š, z, ž/)—consonants found not only before vowels. The *C* class can be further divided into two subclasses: *S* (= /s, š, z, ž/), whose members appear only immediately after a word or syllable boundary and *T* (= /p, t, k, b, d, g, č/), which includes consonants found in both first and second position.

This classification is also observed in a clear-cut way in three-member sequences, whose structure is described by the formula *STR-* : *skl-*, *skr-*, *skv-*, *spj-*, *spr-*, *str-*, *stv-*; in dialectal words and place names we also find *spl-*, *škr-*, *škl-*, *špr-*, *štr-*, *zdr-*, *zgr-*. The rule *STR-* $\supset$ (*ST-* & *TR-*) ($\supset$ is the symbol for material implication) holds for all of these sequences.

Several other facts also point to the reality and necessity of the above classes. Members of the *R*-class are all indifferent to voiced-voiceless assimilation (neutralization); they preserve voicing before voiceless segments, and do not voice preceding voiceless segments. Members of the *C*-class, on the other hand, undergo assimilation for

this feature (cf. *béga* ‘run-3PRS’ : *bé[k]ti* ‘run-INF’); the middle member of medial (internal) three-member clusters always belongs to this class.

Most word-final coda clusters in standard Lithuanian are mirror images of onset clusters: corresponding to sequences of the type *STR-* are sequences of the type *-RTS*, to *SR-* – *-RS*, to *TR-* – *-RT* and, finally, to *ST-* – *-TS*, cf.: *skl-* : *-lks* (*vilks* ‘drag-3FUT’), *sn-* : *-ns* (*piñs* ‘weave-3FUT’), *kl-* : *-lk* (*pilk* ‘pour-2SG.IMP’), *sk-* : *-ks* (*tóks* ‘such a’); an unmotivated /k/ or /t/ phoneme sometimes joins these “regular” clusters.

3.2.4. The structure of any Lithuanian syllable can now be described by the formula $(S \vee T \vee R) \vee \emptyset \vee V \emptyset \vee (R \vee T \vee S) (\vee (k \vee \vee t))$ ($\vee$ signifies disjunction; $\vee\vee$, strict disjunction). Syllables possessing all possible elements except unmotivated /k/ or /t/ are described by the tree diagrams in § 114 (p. 000).

3.2.5. “Full” medial clusters in Lithuanian primary (underived) words consist of four consonants; two sequences have the exceptional structure $-{}^T_RSTR-$ (*irštva* ‘bear den’, *žiegždra* ‘gravel’), while the others (if we assign affricates to the *T*-class) can be reduced to the formula $-RTS^T_R-$, for example, *gařgždas* ‘pebbles’, *kulkšnìs* ‘ankle’, *urgzlyš* ‘grumbler’. Their connection to the simpler sequences strictly obeys the implication $-RTS^T_R- \supset -TS^T_R- \supset -S^T_R-$: the existence of a more complex sequence presupposes the existence of a simpler sequence included in its structure, for example:

$$\left. \begin{array}{l} (a)-lkst-(a) \\ (li)-nkst-(a) \end{array} \right\} : (ny)-kst-(a) \left. \begin{array}{l} \\ \\ \\ \end{array} \right\} : (sla)-st-(ai)$$

$$\left. \begin{array}{l} (a)-lpst-(a) \\ (si)-rpst-(a) \end{array} \right\} : (sla)-pst-(o)$$

[*alksta* ‘be hungry-3PRS’, *linksta* ‘bend-3PRS’, *alpsta* ‘faint-3PRS’, *sirpsta* ‘ripen-3PRS’, *nyksta* ‘disappear-3PRS’, *slapsto* ‘hide-3PRS’, *slastai* ‘trap’]

More generally, this regularity can be formulated $RTx \supset Tx \supset x$, where *x* represents either the sequences *-ST-*, *-SR-*, or individual consonants of the type *-S-*, *-T-*, cf.: (*mu*)-*rks*-(*o*) ‘doze-3PRS’ / (*ri*)-*nks*-(*i*) ‘gather-2SG.FUT’ : (*stū*)-*ks*-(*o*) ‘stick out-3PRS’ : (*vi*)-*s*-(*as*) ‘all’, (*vi*)-*lkt*-(*u*) ‘drag-3SBJV’ / (*pe*)-*nkt*-(*as*) ‘fifth’ : (*pi*)-*kt*-(*as*) ‘angry’ : (*ra*)-*t*-(*as*) ‘wheel’. Thus, the equivalence $-ST- \equiv -SR- \equiv -S- \equiv -T-$

holds for medial clusters. Since an individual medial consonant phoneme is undoubtedly the onset of a non-initial syllable, *-ST-* and *-SR-* clusters, which are equivalent to it, must be interpreted in the same way. The same components can also be found in more complex clusters: *stūk-so* ‘stick out-3PRS’ and *muřk-so* ‘doze-3PRS’, *pik-tas* ‘angry’ and *piřk-tas* ‘buy-PPP.NOM.SG.M’, *slā-stai* ‘trap’ and *álk-sta* ‘be hungry-3PRS’. Consequently, there is a syllable boundary at the point in a medial sequence where a maximal onset cluster begins.

3.2.6. Consonant onset clusters of the type *STR-* (and *SR-*, *TR-*, *ST-*) are characteristic of all the Baltic languages, for example Latv. *spraūst* ‘stick into-INF’, *sleja* ‘strip’, *kluss* ‘silent’, *skudra* ‘ant’, OPr. *streipstan* ‘joint’, *smoy* ‘person’, *blusne* ‘spleen’, *spurglis* ‘sparrow’. Only specific sequences differ (cf. OPr. *tl-*, which does not occur in Latvian or Lithuanian, or Lithuanian *pj-*, *bj-*, *spj-*, *sr-*, which is absent in Latvian). Generally speaking, the situation is much the same in Latin and Italian, which derives from it; certain differences in Spanish are explained by the presence of a prothetic *e-* occurring before clusters in *s-*.

Onset sequences in the present-day Germanic languages, Ancient Greek, etc., can also be reduced to the *STR--type*. Consequently, deviations from this model (and also from two-member *SR-*, *TR-*, *ST-* structures) are an important typological feature of many European (and perhaps not only European) languages (cf. the absence of initial clusters in Finno-Ugric, bringing these languages closer to Semitic and Turkic).

The Slavic languages, especially West and East Slavic, deviate sharply from the above model.

3.3. NEUTRALIZATION

3.3.1. Far from all possible phoneme sequences are realized in a language’s lexicon; several are represented by so-called gaps—potential, but in practice unused phonological units. These include, for example, Lith. *spl-*, *gm-*, since these sequences correspond to the regular models *STR-*, *TR-*, but are not found in native words in the standard language.

Gaps are often filled as a result of borrowing or sporadic sound changes (cf. Lith. *štai* ‘here’ ← *šitai*). Similarly filled are gaps which

represent unrealized but possible combinations of distinctive features. Such changes generate new forms and increase a system's symmetry. Cf. Lith. dial. /ĉ, ž̃/ or /ĉ, ž̂/ → /t̂, d̂/, filling the gaps in the microsystem /k/ : /k̂/ = /t/ : □ = /p/ : /p̂/ = /g/ : /ĝ/ = /d/ : □ = /b/ : /b̂/.

3.3.2. Some constraints on phoneme sequences are fully regular, as shown by alternations of the type Lith. *kìbo* 'stick to, cling to-3PST' : *kì[p̂]ti* 'stick to, cling to-INF', *daūgelis* 'many' : *daũ[k]* 'many'. Due to such constraints, [b, d, g, z, ž] and [p, t, k, s, š] are opposed only before *R*-type consonant phonemes and vowels, cf. *glóstyti* 'stroke-INF' : *klóstyti* 'spread, cover (with)-INF', *būti* 'be-INF' : *pūti* 'rot-INF'. In word-final position ([—#]) and before [p, t, k, s, š], only [s, š, k, t, p] occur; before [g, d, b, z, ž], only [z, ž, g, d, b]. Obeying more stringent constraints is the opposition of palatalized and non-palatalized phonemes, which is realized only before back vowels ([—V^u]), cf.: *kiùrti* 'become full of holes-INF' : *kùrti* 'make (a fire); to create-INF'. In other positions, these consonants are in complementary distribution: $C / [—\#]_{\hat{C}}$, $\hat{C} / [—V^i]_{\hat{C}}$.

3.3.3. The Petersburg (Leningrad) School and representatives of descriptive linguistics do not make an essential distinction between accidental gaps and regular constraints on distribution.

More convincing is the classical interpretation of the Prague School (largely coinciding with the approach of the Moscow School, and adopted in glossematics and stratificational linguistics), according to which the above cases reflect a special phonological phenomenon—neutralization—which occupies, as we believe, an intermediate position between syntagmatics and paradigmatics. In some positions, called strong positions or positions of relevance, oppositions are realized and perform a distinctive function (cf. Lith. [b, d...] and [p, t...] in the positions [—V] and [—R], or non-palatalized and palatalized consonants in the position [—V^u]), while in other, weak, positions or positions of neutralization, the oppositions are removed, in other words, neutralized (cf. Lith. [b, d...] and [p, t...] in word-final position [—#] and before consonants of the type *T* and *S*, and the complementary distribution of non-palatalized and palatalized consonants in the positions [—Vⁱ], [—Ĉ] and [—C], [—#]).

In standard Lithuanian and many dialects, neutralizable oppositions include (in addition to those considered above) the vowels /a/ : /e/, /aː/ : /eː/, which are realized word-initially and neutralized after all

consonants except (with a certain reservation) /t, d/; the vowels /a, a:/ occur after non-palatalized consonants and /e, e:/ after palatalized (word forms of the type *giliàs* ‘deep-ACC.PL.F’ and *gilès* ‘acorn-ACC.PL’ are distinguished only in a highly artificial bookish pronunciation). In unstressed syllables in many northern dialects, quantitative oppositions of vowels are lost. In the Telšiai variant of the North Žemaitic dialect, a special case of neutralization is the regressive assimilation of vowels of the type *i/ę, u/ο* with regard to tongue height: they are opposed only in final syllables and before an internal open juncture. Before high vowels and /ie, uo/, only vowels of the type [i, u] occur; in all other cases, [ę, ο]. In many East Aukštaitic Utena dialects, the opposition /ie/ : /ę:/, /uo/ : /ο:/ is lost in unstressed syllables; appearing in their place are the semi-long [æ:], [a:]. In Širvintos dialects, /ie/ : /ę:/ : /e:/, /uo/ : /ο:/ : /a:/ merge in weak positions as [e] and [a]; in Panevėžys dialects, as a rule, [ę], [ο] or open [i̯], [u̯] appear in unstressed syllables in place of /ie/ : /ę:/ : /i/, /uo/ : /ο:/ : /u/.

Dialects sometimes differ in positions of relevance. In Žemaitic dialects, for example, consonants of the type [p, t...] and [b, d...] are distinguished not only in the positions [—R], [—V], but also in word-final position [—#]. In many eastern and southern dialects, oppositions of several hard and soft consonants remain in final position, before /i, i:/ and /ę/, or (sometimes) before consonants.

3.3.4. Ignoring for now strong positions (positions of relevance) for neutralizable oppositions, sounds occurring in weak positions are in complementary distribution, and can therefore be combined into larger units—archiphonemes. For example, Lith. [p] and [b] in weak positions can be considered representatives (allophones, as it were) of the archiphoneme /P/; [k] and [g], representatives of the archiphoneme /K/; and [n] and [n̂], representatives of the archiphoneme /N/. The archiphoneme is defined by the features shared by both members (or, more precisely, all members) of a neutralizable opposition: /P/ is a labial plosive obstruent in general, indifferent to voicing or hardness-softness; /N/ is a non-labial nasal sonorant in general, indifferent to palatalization or its absence. In most cases, one of the representatives of the archiphoneme more or less coincides in its physical properties with the realization of a member of a neutralizable opposition. For example, Lith. [p, t...] in the position [—#] are the same voiceless consonants as the realizations of the phonemes /p, t.../ in strong positions.

Less commonly, an intermediate sound appears as the representative of an archiphoneme (cf. Ru. [ɤ] as the representative of /o/ : /a/ or the “semi-soft” consonants before front vowels in Bulgarian and some Lithuanian dialects). Finally, an archiphoneme can be represented optionally by alternating sounds, one of which broadly coincides with one member of the opposition, and the other with the other member.

The phoneme close in phonetic realization to the representative of the archiphoneme which is independent of the influence of adjacent phonemes is the unmarked (weak) member of the opposition; the phoneme which does not have such a counterpart in weak positions is considered the marked (strong) member of the opposition. Unmarked phonemes also differ from marked phonemes in their greater frequency. For example, standard Lithuanian /k, t, p, s, š/ must be considered unmarked in relation to /g, d, b, z, ž/, since they have close counterparts in final position. NŽem. /k, t, p, s, š/ and /g, d, b, z, ž/ reflect the same correlation only in the frequency of the voiceless consonants, which significantly exceeds that of voiced consonants.

3.3.5. The relationship between a marked and unmarked member of an opposition is called a correlation, and an entire microsystem of uniform proportional correlations of this type is called a correlative series, for example /p/ : /b/ = /t/ : /d/ = /k/ : /g/. The marked member of the opposition differs from the unmarked member (and the corresponding archiphoneme) in the correlation mark. We can therefore consider, for example, that Lith. /b/ = /p/ (/P/) & “voicing” (the correlation mark)¹ and /ŋ/ = /n/ (/N/) & “palatalization.” Consequently, the unmarked member of a correlation coincides in phonological content with the archiphoneme (cf. the early interpretation of N. S. Trubetzkoy). Nevertheless, the contemporary position of Czech phonologists, who treat as representatives of an archiphoneme the allophones of phonemes close to them in phonetic realization, can be considered more convenient and realistic.

3.3.6. Correlative relations may unite not only pairs of phonemes, but also larger sets of phonemes—correlation bundles. Cf. OInd. /p/ : /pʰ/ : /b/ : /bʰ/ = /t/ : /tʰ/ : /d/ : /dʰ/..., which are neutralized

---

¹ Phonetic voicing includes vibration of the vocal cords, a more lax accompanying articulation and weakened expiration. Palatalization is likewise not just a supplementary dorsal articulation, but also a lack of velarization.

before a pause in favor of [p], [t]... The Lithuanian correlations of voicing and palatalization for obstruents also form four-member bundles. These bundles are fully realized only before back vowels. If we use the symbol /P/ to denote the archiphoneme of the correlation /p/ : /p̃/, and /B/ to denote the archiphoneme /b/ : /b̃/, and /P/ to denote the archiphoneme of the entire bundle of labial plosives, we obtain the picture of relations presented in § 151 (p. 000).

3.3.7. Neutralization is of crucial importance, since it provides an opportunity to refine the classification of phonemes obtained as a result of analyzing syntagmatic relations. As a rule, it reveals classes of phonemes which undergo (or fail to undergo) neutralization, and classes of phonemes which condition certain weak positions. For example, the above-mentioned assimilation of vowels of the NŽem. *i/ę, u/ø*-type first of all divides vowels into phonemes which do not undergo this neutralization (/a, e.../) and phonemes which undergo neutralization (/i, ę, u, ø.../). Among the latter, /i, u.../ form a separate marked class, before which only phonemes of the type /i, u.../ are possible. Moreover, in this dialect (as in the standard language), the correlation of palatalized consonants is realized only before /a, ø, u.../; before /e, ę, i.../ it is neutralized, which is evidence of the presence of two major classes of vowels: the unmarked /a, ø, u.../ and the marked /e, ę, i.../. In the final analysis, we obtain the relations / $[a : (\emptyset : u)] : [e : (\text{ę} : i)]$ /. The least marked phoneme in this system is /a/, which, incidentally, is supported by its exceptional frequency in connected speech ($\approx 13.09\%$ of all phonemes).

A major correlation bundle is formed by Lith. /s, š, ŝ, z, ž, ź, ž̃/. Before the related hushing affricates /č, č̃/, the oppositions between these phonemes are lost in favor of [š̃, ž̃] (cf. *zyžia* ‘buzz-3PRS’ : *zy[š̃]čiau* ‘buzz-1SG.SBJV’). The most marked phoneme of this bundle, /ž̃/, can be described as a complex consisting of the archiphoneme /S/ (or the most unmarked member, /s/) and three correlation marks: “hushing-sibilant” & “voiced” & “palatalized.” A complete picture of the relations between the members of this correlation bundle can be represented by the formula / $((s : \hat{s}) : (z : \hat{z})) : ((\check{s} : \hat{\check{s}}) : (\check{z} : \hat{\check{z}}))$ /. The correlation marks in this microsystem (as, incidentally, in other cases) are also distinctive features of the neutralizable oppositions.

3.4. PARADIGMATIC PHONEME RELATIONS AND THEIR DISTINCTIVE FEATURES.

3.4.1. Paradigmatic relations or oppositions exist, for example, between the initial phonemes of word forms such as Lith. *sùsti* ‘become mangy-INF’ : [š]ùsti ‘become rabid-INF’ : šùsti ‘stew-INF’ : pùsti ‘swell-INF’ : bùsti ‘wake up-INF’.

Sometimes lexicalized or morphologized oppositions are distinguished. The second type mainly includes the Lithuanian correlation of palatalization (a timbre correlation) and the North Žemaitic opposition /i/ : /e/, cf. [brûol^é] ‘brother-GEN.SG’ : [brûol^í] ‘brother-ACC.SG’. The opposition of Lithuanian /š/ : /z/ is highly lexicalized. However, this classification is not purely phonological.

3.4.2. True paradigmatic relations are possible only between members of the same syntagmatic class. So-called indirect oppositions are a syntagmatic, rather than paradigmatic, phenomenon.

Since vowels and consonants are two mutually exclusive syntagmatic classes, their opposition is in principle impossible (with the exception of rare cases of the type Skt. *viṣaḥ* ‘poison’ : *vṛṣaḥ* ‘bull’).

3.4.2.1. Paradigmatic phoneme relations (and their connections to syntagmatic relations and classes) can be illustrated by the Lithuanian consonant system.

In the position [(#)—T], only the archiphonemes /S/ (= [s, š, z, ž]) and /Š/ (= [š, ŝ, ž, ž̂]) are opposed. The distinctive feature of the opposition can provisionally be considered the palato-alveolar (/Š/) and dental (non-palato-alveolar /S/) articulation; also acceptable is the feature pair “single-peak”—“double-peak” [with reference to coronal articulation—TRANS.]. Distinctive features are in fact realized as articulatory or acoustic complexes, which include so-called inherent length and intensity.

In the position [S—R], consonants of the *T*-type are opposed to one another, that is, /p/ : /t/ : /k/ and (very rarely) /b/ : /d/ : /g/. A [p̂] occurring here is the archiphoneme representative of the opposition /p/ : /p̂/. Taking into consideration the syntagmatic relations of phonemes and allophones for this position (for example, /t/ before /r/ is realized as alveolar [t]), the phonemes can be identified by the following distinctive features: a) labial (/p, b/)—non-labial (/k, g, t, d/), b) apical

(/t, d/)-dorsal (non-apical) (/k, g/). Only labials occur before /j/, but not before /v, v̂/; apicals do not appear in initial clusters before /l, l̂/.

In the environment [(#)—R], both the *S* and *T* phoneme classes occur. Yet another two pairs of distinctive features function here, in addition to those considered above: a) members of the *S* and *T*-classes are opposed as fricatives (/s, z, š, ž/) and plosives (/p, t, k, b, d, g/); b) within each class there is a voicing correlation. In addition, affricates can occasionally appear in the position [(#)—R]. They can be assigned the feature “affricate.”

In the context [T—V], only members of the *R*-class appear: /j, v, l, m, n, r/. /m, m̂, n, n̂/ form a relatively independent subclass, which does not occur in the position [ST—V]; they are opposed to the remaining *R*-type phonemes as nasals to non-nasals (oral phonemes). Of the non-nasals, /j, v, v̂/ are fricatives and /l, l̂, r, r̂/, which are in opposition to them, are liquids (non-fricatives). The phonemes /m, m̂, v, v̂/ can be assigned the already familiar feature “labial”; /n, n̂, j, l, l̂, r, r̂/ are non-labial. The phonemes /r, r̂/ and /l, l̂/ can be characterized as alveolar (/r, r̂/) and non-alveolar (/l, l̂/), or as double-peak (/l, l̂/) and single-peak (/r, r̂/). The alveolar single-peak phonemes are realized as trills. Finally, the correlation of palatalization is realized before back vowels (in the specific position [T—V^u]).

Consonants of the *T* and *R*-class occur in the position [S—V]. Before back vowels, the correlation of palatalization is also realized. Consonants of the *R*-class are opposed to *T*-type consonants as sonorants to obstruents, or as an intermediate class with the features “consonantal” as well as “vocalic.”

All consonants serve as members of a single paradigm and are opposed to one another in the position [(#)—V] (more precisely [(#)—V^u]), cf. *sùs* ‘become mangy-3FUT’ : *šùs* ‘stew-3FUT’ : *žùs* ‘perish-3FUT’ : *pùs* ‘rot-3FUT’ : *bùs* ‘be-3FUT’ : *dùs* ‘choke-3FUT’ : *kùs* ‘recover-3FUT’ : *gùs* ‘get used to-3FUT’ : *jùs* ‘you-ACC.PL’ : *mùs* ‘we-ACC.PL’ : *rùs* ‘turn brown-3FUT’.

Serving as the basis for consonant oppositions in this context are the syntagmatic class features: (1) “sonorant”—“obstruent” and (2) “fricative”—“plosive.” The fricatives [f, x, h], which occur in internationalisms, can also be opposed to plosives (cf.: *fãktas* ‘fact’ : *pãktas* ‘pact’, *hãlę* ‘hall-ACC.SG’ : *gãliq* ‘power-ACC.SG’), although they

should be considered marginal units, not subject to the rules of native consonant phonemes.

The distinctive feature system for Lithuanian consonants can be represented as a corresponding matrix for identifying phonemes (see p. 000, table 16) or as a tree diagram (p. 000). The numbers at the nodes of the tree diagram correspond to the features in the matrix: 1) “sonorant”–“obstruent,” 2) “nasal”–“oral,” 3) “fricative”–“non-fricative,” 4) “affricate”–“non-affricate,” 5) “labial”–“non-labial,” 6) “apical”–“non-apical,” 7) “palato-alveolar”–“dental,” 8) “voiced”–“voiceless,” 9) “palatalized”–“non-palatalized” [= “soft”–“hard”]. The tree diagram also shows correlative phoneme relations. The correlation of palatalization, for example, is characteristic of phonemes opposed for feature pair 9, and the correlation of voiceless and voiced for phonemes distinguished by feature pair 8, etc.; the familiar correlation bundles /[(s : š) : (z : ž)] : [(š : ŝ) : (ž : ž̂)]/ begin with feature pair 7. Archiphonemes are defined as incompletely identified phonemes. For example, the second consonant in the word forms *vėščiau* and *vėžčiau* (i.e., [v̂eš̂č̂æu]) is defined by the features: “–sonorant” & “+fricative”; the remaining features are suggested by position.

3.4.2.2. The inventory of vowel phonemes consists of the following units: /i, iː, ɛ, e, eː, a, aː, o, u, uː/ (the “pure” vowels) and /ie, uo/ (polyphthongs). Additionally, in borrowings there occur the marginal vowel unit [ɔ] (cf.: *jõnai* ‘ions’, *tõstas* ‘toast’) and the so-called international [ɛ̞]—an optional vowel, forming together with [e] in certain cases a socially-colored *Janus*-phoneme.

The system of vowel phonemes is characterized by the following syntagmatic relations: 1) the phonemes /i, iː, ɛ, e, eː, a, aː, u, uː/ in contrast to /i, e, a, u/ are equivalent to sequences of the *VR*-type; 2) the correlation of non-palatalized and palatalized consonants, realized before /u, uː, o, uo/, is neutralized before the vowels /i, iː, ɛ, ie, e, eː/; 3) the oppositions /a/ : /e/, /aː/ : /eː/ are neutralized after consonants; these vowels rhyme in classical poetry; 4) the vowels /i/ and /iː/, /u/ and /uː/ form pairs opposed in quantity and articulatory tension (cf.: *trìs* ‘three-ACC’ : *trỹs* ‘three-NOM’, *pùsti* ‘swell-INF’ : *pũsti* ‘blow-INF’); /ɛ̞/, /o̞/, /ie/, /uo/ have no short counterparts. The exceptional psycholinguistic closeness between /ie/ and /ɛ̞/, /uo/ and /o̞/ has been demonstrated by listening experiments and by rhymes in classical po-

etry (in many dialects, the oppositions /ie/ : /e̞·/, /uo/ : /o̞·/ undergo neutralization).

Corresponding to the first syntagmatic property of vowels are the distinctive features “long”–“short” or “tense”–“non-tense.” For the low vowels, quantity is more significant, and for high vowels, articulatory tension. Corresponding to the second property are the features “front”–“non-front”; front vowels are marked, since the correlation of palatalization is lost only before them. The members of the correlation /a/ : /e/ = /a·/ : /e·/ are opposed to the remaining vowels as low to non-low; /a, a·/ are the lowest back vowels, /e, e·/ are the lowest front vowels. The vowels /i, i·/ and /u, u·/, in opposition to all the rest, are high; however, for the first two phonemes (especially /i/), this feature is not relevant. Among the non-low, non-high phonemes, /ie, uo/ are distinguished by their non-uniform articulation; /e̞·, o̞·/ are relatively uniform.

As a result, we get the hierarchically ordered system of distinctive features and paradigmatic relations represented in table 19 and in the tree diagram on p. 000.

The non-low, non-front vowels are realized as labialized [rounded], but this feature automatically follows from the feature bundle “–front” & “–low,” since it is not distinctive. In those dialects which lack the oppositions /a/ : /e/, /a·/ : /e·/ and in which /i, i·, e̞·/ also have non-front allophones, labialization and its absence perform the role of distinctive features (as, for example, in Russian).

3.4.2.3. We cannot consider as distinctive features those phonetic properties which distinguish optional phoneme variants or allophones. In many East Lithuanian dialects, for example, the phoneme /i/ is realized not only as the front allophone [i], but also as a non-front [ɨ], and the phoneme /u/ not only as the back allophone [u], but also as a front [ü], etc., and therefore only the presence or absence of labialization (lip-rounding) can be considered a distinctive feature of these phonemes.

In cases where we cannot refer to syntagmatic relations or neutralization, distinctive features and feature hierarchies are established on the basis of various non-phonological considerations. In investigating such systems, we can arrive at different phoneme classifications by changing the feature hierarchy (even given the same set of features). We believe that even in such cases, the choice of one of

several possible models should not be completely arbitrary. We can narrow the scope of the subjective and arbitrary by first taking into account the data of phonological typology. Secondly, a study of phoneme frequency in connected texts helps greatly in establishing a feature hierarchy. Thirdly, psycholinguistic experiments can help in limiting the number of possible interpretations, and also a study of the euphonic devices (rhythm, alliteration, assonance) in folkloric and individual poetic works.

3.4.2.4. The most versatile model of paradigmatic relations is the tree diagram, coinciding in shape with diagrams illustrating syntagmatic relations.

The main disadvantage of tree diagrams is that they necessarily ascribe a strict feature hierarchy even to systems which in fact lack such a hierarchy; moreover, tree diagrams must always be supplemented by phoneme matrices, or at least by lists of distinctive features.

Clearer and more compact than tree diagrams are phoneme tables, cf. § 188, tables 23 and 24, which present the vowel and consonant systems of standard Lithuanian (marginal phonological units, found only in non-assimilated borrowings, are given in brackets < >).

If an appropriate arrangement of phonemes and features is selected, tables can reflect syntagmatic, as well as paradigmatic, phoneme relations.

Corresponding to tables are the simpler and (if certain conventions are adopted) more convenient two-dimensional models. Such models are especially popular for vowel systems—vowel triangles, quadrangles, and trapezoids. Cf., for example, the quadrangular system of vowels for standard Lithuanian (§ 189) and the more typologically “normal” triangles for Russian, Spanish, and Georgian vowel phonemes:

/i/	/u/
/e/	/o/
/a/	

Three-dimensional models are relatively uncommon in phonology, although in some cases (for example, when a system is characterized by a certain complexity, making a two-dimensional model insufficiently clear), they can provide a more natural and informative picture of paradigmatic relations (§ 190).

3.4.3. Dichotomous phonology

Since an analysis of syntagmatic relations leads in most cases to a binary classification of phonemes, we can hypothetically conclude that all phonological oppositions must be privative, and distinctive features binary, relating to one another in essentially the same way as a correlation mark and its absence.

This possibility is realized in the dichotomous phonology developed by R. Jakobson and his followers. Building on the achievements of acoustic phonetics, dichotomous phonology considers it possible to describe all phonological systems using a small number of universal binary distinctive features—basic units in a sort of universal “alphabet.” The number of these “elements” varies from linguist to linguist; Jakobson himself always insisted on his original system, consisting of twelve pairs of features.

3.4.3.1. From the very beginnings of the discipline, phonologists have emphasized the priority of acoustical properties of speech sounds; only the invention of the spectrograph, however, made it possible to quickly and accurately break down complex sound waves into their components and obtain quantitative values for these components—formants or formant zones. It has thus become entirely possible to replace articulatory descriptions of sounds and their distinctive features with acoustic ones. This possibility is also suggested by a clear correlation (in the mathematical sense) between acoustic and articulatory characteristics. This is also supported by the Lithuanian data (see § 195, table 25).

If we plot the values for the first formant (F_1) on the y -axis and the values for the second formant (F_2) on the x -axis in the third quadrant of a coordinate system, we obtain a picture which essentially coincides with the trapezoid of articulatory characteristics of vowels (see p. 000).

3.4.3.2. The universal “alphabet” of features proposed by Jakobson consists of twelve pairs of complementary or contradictory phonetic characteristics. Most of the features (nine) are so-called sonority features; the rest are tonality features.

The present work refines the Lithuanian terms for the features and briefly characterizes them, as they apply to Lithuanian. It is shown, for example, that both basic formants (F_1 and F_2) of the Lithuanian compact vowels [aː, æː] are close to the center of the spec-

trogram (in contrast to diffuse vowels), and that the feature pair “compact”–“diffuse” must be broken down into two binary features: “compact”–“non-compact” and “diffuse”–“non-diffuse.” It is pointed out that the long vowels of the standard language differ from the short vowels not only in duration, but also in the acoustic features of “tense”–“non-tense”; total formant deviations of long vowels from a “neutral” vowel exceed the deviations of the corresponding short vowels. It is noted that the feature “flat”–“plain” in standard Lithuanian and the western dialects has no independent value, but accompanies such features as “+vocalic” & “–acute” & “–compact” and “–vocalic” & “–sharp.” In many languages (including some Lithuanian dialects), flatness and sharpness are reminiscent of prosodic features; they have a conditioning effect on adjacent sounds and even syllables, cf. Egyptian Arab. *t̤i:n̤* : *ti:n*, NŽem. [r̥.ʔe̞n̥] : [r̥.t̤e̞n̥].

3.4.3.3. The vowel phonemes of standard Lithuanian can be identified on the basis of the following distinctive features of a universal “alphabet,” corresponding precisely to articulatory features (see § 208, table 27): 1) “tense”–“non-tense,” 2) “acute”–“grave,” 3) “compact”–“non-compact,” 4) “diffuse”–“non-diffuse,” 5) “non-uniform (gliding)”–“uniform (non-gliding)” (the latter feature is not part of Jakobson’s “alphabet,” but is necessary for identifying /ie/ and /uo/).

The consonant system can be described on the basis of eight pairs of distinctive features (see § 209, table 28). The numbers in the first column of the table correspond to the following binary features: 1) “vocalic”–“non-vocalic,” 2) “nasal”–“oral,” 3) “continuant”–“discontinuous,” 4) “strident”–“non-strident,” 5) “compact”–“diffuse,” 6) “grave”–“acute,” 7) “voiced”–“voiceless,” 8) “sharp”–“plain.”

The main advantage of dichotomous phonology is its strict and clearly formulated principle of binary oppositions. Moreover, this theory has successfully brought together the ideas of phonology and the achievements of acoustic phonetics, and has created a scientific apparatus for phonologically interpreting the results of acoustic experiments. But in applying this apparatus, we must not lose sight of the fact that the universal “alphabet” is only an aid, enabling an extremely economical and accessible presentation of the results of a thorough analysis of syntagmatic and paradigmatic relations.

4. SUPRASEGMENTAL (PROSODIC) UNITS

4.1. INTRODUCTORY REMARKS

In addition to linear units and distinctive features, we also encounter in a phonological system so-called suprasegmental units. They are reminiscent of distinctive features, but differ from these in differentiating units larger than the phoneme. Such phenomena are found in phrases, words, syllables, and some phoneme sequences.

4.2. NON-PROSODIC SUPRASEGMENTAL UNITS

Generally considered as suprasegmental units are sentence intonation and properties of the word or syllable such as stress, pitch accent, and tone. They are subsumed under the general term prosodic units or prosodemes.

Alongside prosodemes we sometimes also distinguish non-prosodic suprasegmental units—distinctive phenomena realized by “internal” phonetic features, but differentiating larger units, rather than individual phonemes. For example, such an interpretation is in principle possible for consonant palatalization in standard Lithuanian. In this system, it is essentially not individual palatalized and non-palatalized (velarized) consonants which are in opposition, but entire sequences of the type $(C')C'V^u \neq (C)CV^u$ (cf.: [graž̂^où] ‘beautiful-INS.SG.M’ : [graž^où] ‘beautiful-N’). In all remaining cases, palatalization or its absence is automatically determined by position. Consequently, we can treat $(C')C'V^u = /(C)CV^u/$ & ‘palatalization’ ([graž̂^où] = /graž̂^u/; “[^]” is suprasegmental palatalization). However, this is just one of four possible treatments of Lithuanian palatalization. Palatalization can also be considered a feature of consonant allophones, conditioned by independent front vowels or fronted back vowel phonemes ([graž̂^où] = /graž̂^u/), a distinctive feature of consonants (the classical interpretation: [graž̂^où] = /graž̂^u/), or finally, a realization of the phoneme /j/ ([graž̂^où] = /graž̂^{ju}/), the segmental realization of which is possible only in postvocalic position and in the word-initial clusters *pj-*, *bj-*. From the standpoint of grammatical (morphological) expediency, the most acceptable solution would still be considered the classical one (cf. *kalù* ‘forge-1SG.PRS’ : *galiù* [ga^lù] ‘be able-1SG.PRS’, where [u] and [ù] clearly represent a realization of the same inflection {-u}).

Even less justified would be a possible suprasegmental interpretation of obstruent voicing (cf.: /š̃nipštù/ ~ šnibždù ‘whisper-1SG.PRS’ ≠ /š̃nipštù/ ~ šnipštù ‘failure-INS.SG’, where “ $\bar{}$ ” is suprasegmental voicing) or vowel harmony. These phenomena are all obligatorily assigned to suprasegmental units (so-called prosodies) by the London Phonological School. Suprasegmental solutions are legitimate only in cases where, in a sound sequence, a focal point for the “radiation” of the features in question cannot be detected. In the above examples, such focal points are present: in [ga[̂]l[̂]ù] ‘be able-1SG.PRS’ (cf. [ka[̂]l[̂]ù] ‘forge-1SG.PRS’), the -[ù] is a banal allomorph of the inflection {-u}, conditioned by the palatalization “radiated” by the adjacent phoneme /[̂]l/. Alternations of the type *kāsa* ‘dig-3PRS’ : *kà[z]davo* ‘dig-3PST.FREQ’ leave no doubt that the voicing of [z] in the second example is conditioned by the adjacent voicing source /d/ of the morpheme *-dav(o)*.

4.3. PROSODIC UNITS (STRESS AND TONEMES)

4.3.1.1. The presence in standard Lithuanian of prosodic features which refer to the word as a whole is demonstrated by minimal pairs such as *riši* ‘tie-2SG.FUT’: *riši* ‘tie-2SG.PRS’. We cannot assign their distinguishing properties to the phonemes, since the “strong” and “weak” vowels in such word forms are in complementary distribution. These word forms are therefore distinguished from one another as a whole—as identical syllables simultaneously combined with different prosodemes, different accentual models: *riši* = /fi-ši/ & /[̂]_|/, *riši* = /fi-ši/ & /_̂|/. The complex of features by which one (core) syllable stands out relative to other (non-core) syllables is called stress. In Lithuanian (and Russian), the number of pretonic and post-tonic syllables is not constrained by a general phonological rule, and therefore oppositions of various accentual models are possible. This is so-called free, or more accurately, distinctive stress. Such stress, which has both a culminative and distinctive function, is characteristic of all Lithuanian dialects, even those distinguished by retraction of stress from final syllables.

In most languages, stress has both a culminative and a delimitative role. The signalling of boundaries of meaningful units (as a rule, phonological words) can be direct (an initial or final syllable is

stressed, cf. Latvian, Czech, and, for example, many Turkic and Iranian languages) or indirect (stress falls, for example, on the penultimate syllable, as in Polish or Modern Assyrian). Sometimes delimitative stress is connected in one way or another with quantitative syllable properties (cf. Mongolian, Latin, and Arabic accentuation). There are also languages in which stress is not fixed on any particular syllable, but fully depends on sentence intonation.

Most widespread is delimitative stress fixed on the penultimate syllable, which is explained by the intonational convenience of such as model. Even in Lithuanian, stress, despite its apparent “freedom,” usually falls on the penultimate syllable in connected speech.

In all languages, stress has a culminative function, which merges on the sentence and utterance level with the distinctive function: cf. Lith. *dù rìs* ‘two will swallow’ (two words) : *durìs* ‘door-ACC.PL’ (one word), Latv. *'tu 'pele 'esi* ‘you are a mouse’ (three words) : *'tupele 'esi* ‘you are a shoe’ (two words). These facts clearly show the illegitimacy of the view that only distinctive stress is phonological.

4.3.1.2. In addition to primary stress, words may also show secondary stresses. In most cases, these are only an automatic “echo” of primary stress, subordinated to it according to certain strict rules. But independent secondary stresses, reflecting the morphological structure of the word, are also possible (cf. Ger. "*Bahn,hofs'vor,steher* ‘station-master’). They may even distinguish word forms (cf. NŽem. nominative singular [dô.unà] ‘bread’, [šâ.rkà] ‘magpie’ and accusative singular [dô.un^a], [šâ.rk^a] or, possibly, Old Lithuanian spellings such as genitive singular *Dirwôs* ‘cornfield’, *Kammarôs* ‘storeroom’ and nominative plural *Dirwos*, *Kammaros*).

Given both primary and secondary stress, primary stress is usually phonological. There are exceptions, however. For example, in North Žemaitic word forms of the type [gærã] ‘good’, [vaikòks] ‘boy’, the primary stress is only a delimitative echo of the phonological stress found in final position. The stress of an initial syllable may disappear in emphatic speech; it is obligatorily shifted to a proclitic (cf. [nègærã] ‘not good’, [nè.vaikòks] ‘not a boy’), and (in eastern dialects) does not prevent the neutralization of long and short vowels (cf. [vã·ks] ‘child-NOM.SG’, [vã·k^a] ‘child-GEN.SG’, but [våkã] ‘child-NOM.PL).

4.3.2.1. Stressed syllables with a nucleus consisting of a long vowel or *VR*-type sequence (diphthongs or diphthongal sequences) are pronounced abruptly in certain word forms (for example, [vîfšî] ‘boil-2SG.FUT’, [k°ɫ°ó·š̂t̂ɛ̂] ‘cover-3PST’, and smoothly in others (for example, [vîf̃.š̂i] ‘overturn, fall-2SG.FUT’, [k°ɫ°õ·š̂t̂ɛ̂] ‘pleat’). This difference performs the same sort of distinguishing role as distinctive features, but should be considered a prosodic opposition, since it is also realized on stretches of more than one phoneme, such as [(v̂)-íř-(š̂i)] and [(v̂)-íř̃-(š̂i)].

Such prosodemes are usually called pitch accents or syllable accents (cf. Lith *priegaidė* ← Gk. *προσῳδία*), and should be strictly distinguished from so-called tones—syllable prosodemes which are not connected (or only weakly connected) with stress. The functional core of a pitch accent or tone is the toneme; their positional variants are called allotones.

There are two tonemes in standard Lithuanian—acute (an abrupt, “falling” accent) and circumflex (a smooth, “rising” accent). Without special experiments, we can distinguish at least three allotones of acute (cf.: [k°ɫ°ó·š̂t̂ɛ̂] ‘cover-3PST’ : [vîřšî] ‘boil-2SG.FUT’: [mé.f̂k̂ɛ̂] ‘shut (one’s eyes)-3PST’), and two allotones of the circumflex (cf.: [k°ɫ°õ·š̂t̂ɛ̂] ‘pleat’ and [m̂eř̃.k̂ɛ̂] ‘soak-3PST’). The system of two pitch accents can be observed in all Lithuanian dialects; such pitch accents as broken tone, middle tone, etc., are only special allotones of acute and circumflex. Syllables with a short-vowel nucleus unaccompanied by a coda sonorant (so-called short syllables) lack pitch accent.

The relations between all possible prosodic types of Lithuanian syllables can be represented in the diagram in section § 244: the nodes in the diagram correspond to the following prosodic syllable properties: “short,” “long,” “unstressed,” “stressed,” “acute” (“falling”), “circumflex” (“rising”).

In the standard language, circumflex syllables are unmarked and acute syllables are marked. This is shown by the following: 1) unstressed syllables, in their anthropophonic features, are close to circumflex, 2) most stressed endings are circumflex, 3) in connected speech, circumflex syllables are more frequent than acute. However, these generalizations are not as hard and fast as has hitherto been assumed: in certain exceptional cases, pitch accents can apparently op-

pose one another in unstressed syllables as well (cf.: [šm̃ĕ·lĩ·] ‘sand-ACC.SG’ : [šm̃ĕ·lĩ·] ‘sand-LOC.SG’) and also in final stressed position.

4.3.2.2. The Slovenian system of tonemes is seemingly closest to the Lithuanian. Serbo-Croatian differs significantly from Lithuanian in that its tonemes are opposed on short, as well as long, syllables. Ancient Greek is characterized by the opposition of pitch accent only on final long syllables. Quite close to Lithuanian pitch accents are such prosodic phenomena as correption and extension in the Rhine dialects of German, or the opposition of *stød* (glottalization or laryngealization) and its absence in Danish. Swedish and Norwegian pitch accents (cf. Swed. *kómma* ‘comma’ : *kòmma* ‘come-INF’) resemble not so much Lithuanian pitch accents as the opposition of “strong” (single-peak) and “weak” (double-peak) word stress, widespread in the eastern and northern Aukštaitic dialects (cf. Utena [‘dõ·ra] ‘honest-N’ : [dõ·rà] ‘honest-NOM.SG.F’).

4.3.3. Formally, Lithuanian can be considered a mora-counting language, since long vowels, with regard to prosody, are equivalent to biphonemic *VR*-type sequences (that is, $\bar{V} \equiv VR$). Consequently, there exists the theoretical possibility of considering as the basic accentological unit (the bearer of stress) not the syllable, but rather the mora—a unit equal to a short syllable or “half” (the first or second part) of a long syllable. In this approach, pitch accents are reduced to contrasts between stressed and unstressed moras, and thus merge with accentuation: $\acute{V}R = /V\check{R}/$, $V\tilde{R} = /V\check{R}/$, $\acute{V} = /V\check{V}/$, $V\tilde{V} = /V\check{V}/$, that is, [b^oúrtas] ‘sorcery’ = /bùrtas/, [t^ouĩ.tas] ‘wealth’ = /tuĩtas/, [r^oú·ksta] ‘turns sour’ = /rùũksta/, [r^oũ·ksta] ‘smokes’ = /rũũksta/. However, this interpretation successfully explains only rare cases of metatony which are equivalent to a shift in stress; in most cases, as the French linguist P. Garde has shown, Lithuanian pitch accents behave not as sequences of stressed and unstressed (or high and low) moras, but as integral characteristics of morphemes.

ЛИТЕРАТУРА*

- Аванесов Р. И., 1956, Фонетика современного русского литературного языка. Москва: Изд-во МГУ.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н., 1970, Система фонем русского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия. Москва. С. 249–277.
- Аветян Э. Г., 1968⁰, Природа лингвистического знака. Ереван: Митк.
- Алиева Н. Ф. et al., 1972, Грамматика индонезийского языка. Москва: Наука.
- Амбразас В. (гл. ред.), 1985, Грамматика литовского языка. Вильнюс: Мокслас.
- Андреев Н. Д., Гордина М. В., 1957, Система тонов вьетнамского языка // Вестн. ЛГУ: 8: Сер. ист., яз. и лит. Вып. 2. С. 132–148.
- Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р., 1963, О понятиях речевого акта, речи, речевой деятельности и языка // Вопросы языкознания. № 3. С. 15–21.
- Арсанис Т. В., 1968, Современный ассирийский язык // Языки народов СССР. Ленинград. Т. 5. С. 489–507.
- Арутюнова Н. Д., Климов Г. А., Кубрякова Е. С., 1964, Американский структурализм // Основные направления структурализма. Москва. С. 177–306.
- Ахманова О. С., 1954, Фонология. Москва: Изд-во МГУ.
- Ахманова О. С., 1966, Фонология, морфонология, морфология. Москва: Изд-во МГУ.
- Барановский А., 1898, Записки о литовском языке и словарь. Санктпетербург: Отд-ние рус. яз. и словесности Императорской АН.
- Барроу Т., 1976, Санскрит. Москва: Прогресс.
- Баскаков Н. А., 1966, Тюркские языки: (Общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Москва. Т. 2. С. 7–42.
- Бёдварссон А., 1962, Краткий очерк грамматики исландского языка // Исландско-русский словарь. Москва. С. 945–1032.
- Белл Р. Т., 1980⁰, Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. Москва: Междунар. отношения.
- Бенвенист Э., 1974⁰, Общая лингвистика. Москва: Прогресс.

---

* Источники, на которые нет ссылок в тексте монографии, отмечены знаком ⁰ после года издания. (Прим. редактора.)

- Бернштейн С. И., 1962, Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. № 5. С. 62–80.
- Блумфилд Л., 1968, Язык. Москва: Прогресс.
- Богомазов Г. М., Пауфошима Р. Ф., 1979⁰, О восприятии вставных гласных // Звуковой строй языка. Москва. С. 14–19.
- Богораз Л. И., 1963, О нейтрализации и архифонеме в связи с согласными архифонемами русского языка // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 153–163.
- Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963, Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Москва: Изд-во АН СССР.
- Бокарев Е. А., Климов Г. А., 1967⁰, Иберийско-кавказские языки // Языки народов СССР. Москва. Т. 4. С. 7–14.
- Бондарко Л. В., 1966, Некоторые замечания по поводу маркированности-немаркированности членов фонетических противопоставлений // Исследования по фонологии. Москва. С. 394–400.
- Бондарко Л. В., 1977, Звуковой строй современного русского языка. Москва: Просвещение.
- Бондарко Л. В., 1979, Полезные признаки и иерархическая организация фонемной классификации // Звуковой строй языка. Москва. С. 20–26.
- Бондарко Л. В., 1981, Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., 1965, О маркированности признака мягкости русских согласных // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 18. S. 119–126.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р., 1966, Акустические характеристики безударности: (на материале русского языка) // Структурная типология языков. Москва. С. 56–65.
- Бондарко Л. В., Зиндер Л. Р., 1966, О некоторых дифференциальных признаках русских согласных фонем // Вопросы языкознания. № 1. С. 10–14.
- Бондарко Л. В., Лебедева Г. И., 1983⁰, Опыт описания свойств фонологического слуха // Вопросы языкознания. № 2. С. 9–19.
- Бровченко Т. А., 1966, Акустическая природа словесного ударения в современном украинском языке: (Энергетические характеристики ударного слога). Одесса: Изд-во Одес. ун-та.
- Бровченко Т. А., 1970, Энергетический коррелят словесного ударения // Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences. Prague. P. 215–217.
- Брозович Д. А., 1977⁰, О типологических сходствах и различиях в фонологических системах балтийских и славянских языков // Baltistica. 2 priedas. P. 36–43.
- Будагов Р. А., 1983⁰, В защиту понятия *слово* // Вопросы языкознания. № 1. С. 16–30.

- Буланин Л. Л., 1979, О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Звуковой строй языка. Москва. С. 27–33.
- Булыгина Т. В., 1964, Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. Москва. С. 46–126.
- Булыгина Т. В., 1967, О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц // Вопросы языкознания. № 5. С. 76–86.
- Булыгина Т. В., 1977, Проблемы теории морфологических моделей. Москва: Наука.
- Булыгина Т. В., 1980, Синхроническое описание и неэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. Москва. С. 118–142.
- Бурсье Э., 1952, Основы романского языкознания. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Бюлер К., 1960а, Структурная модель языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Москва. Ч. 2. С. 27–36.
- Бюлер К., 1960b, Теория языка: (Извлечения из раздела «Принципы изучения языка») // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Москва. Ч. 2. С. 21–27.
- Вайткавичюте В. А., 1979, Смягчение сочетаний согласных в литовском литературном языке // Звуковой строй языка. Москва. С. 33–37.
- Валл М. Н., Канакин И. А., 1986⁰, Фонологические системы немецких диалектов. Новосибирск: Наука.
- Василиу Э., 1962, Фонологическое описание румынского вокализма // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 86–91.
- Вахек Й., 1964, Лингвистический словарь пражской школы. Москва: Прогресс.
- Вахек Й., 1967, Фонемы и фонологические единицы // Пражский лингвистический кружок. Москва. С. 88–93.
- Вентцель Т. В., Черенков Л. Н., 1976⁰, Диалекты цыганского языка // Языки Азии и Африки. Москва. Т. 1. С. 283–332.
- Вербицкая Л. А., 1979, К вопросу о соотношении нормы и вариантов // Звуковой строй языка. Москва. С. 38–43.
- Виноградов В. А., 1966, Некоторые вопросы теории фонологических оппозиций и нейтрализации // Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология. Москва. С. 3–25.
- Виноградов В. А., 1972, К интерпретации сингармонизма как морфонологического явления // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 342–353.
- Виноградов В. А., 1976, Фонологический аспект описания языков // Принципы описания языков мира. Москва. С. 282–312.
- Винокур Г. О., 1962, Фонетика Мстиславовой грамоты около 1130 г. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. С. 66–75.

- Воронин С. В., 1982, Основы фоносемантики. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Воронкова Г. В., 1981, Проблемы фонологии. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И., 1970, Фонема — пучок ДП?
// Вопросы языкознания. № 6. С. 15–26.
- Гальцев И. Н., 1962⁰, Введение в изучение китайского языка. Москва:
Изд-во лит. на иностр. яз.
- Гамкрелидзе Т. В., 1972⁰, К проблеме «произвольности» языкового знака
// Вопросы языкознания. № 6. С. 33–39.
- Гамкрелидзе Т. В., 1977, Отношение маркированности и взаимозависимость
смычных и фрикативных фонем в парадигматической системе
// Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Ленинград.
С. 24–29.
- Гаприндашвили Ш. Г., 1970, Вопросы теории дифференциальных признаков
// Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences.
Prague. P. 351–356.
- Гаршва К. К., 1977a, Восприятие слоговых акцентов литовского языка
в поднаречии северо-западных паневежцев // Lietuvos TSR Mokslų
akademijės darbai. Ser. A. T. 2 (59). P. 119–128.
- Гаршва К. К., 1977b, Слоговые акценты в фонологической системе (на ма-
териале литовского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва: ИЯ АН
СССР.
- Герценберг Л. Г., 1970, Морфологическая структура слова в ирландском
языке // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках.
Москва. С. 71–103.
- Гинзбург Е. Л., 1966, К функциональной характеристике просодии
// Исследования по фонологии. Москва. С. 95–159.
- Гинзбург Е. Л., 1971, Ударение морфемы? // Фонетика. Фонология. Грам-
матика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва. С. 106–113.
- Гирденис А., 1973, Западнолитовские и древнепрусские слоговые акценты
// Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угорскими
и германскими языками: тезисы докладов научной конференции, по-
свящённой 100-летию со дня рождения академика Я. Эндзелина. Рига.
С. 71–75.
- Гирденис А., 1982a, Опыт морфонологической интерпретации североже-
майтской аттракции ударения // Baltistica. T. 18 (2). P. 179–188.
- Гирденис А., 1982b, [Рец. на кн.:] Чекман В. Н. Исследования по историче-
ской фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция.
Минск: Наука и техника, 1979 // Baltistica. T. 18(1). P. 92–96.
- Гирденис А.-С. А., 1983⁰, Теоретические основы литовской фонологии:
дис. ... д-ра филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Гирденис А., Качюшкене Г., 1987, Вторичные типы слоговых интонаций
в литовских диалектах // Proceedings of the 11th International Congress of
Phonetic Sciences. Tallinn. Vol. 5. P. 91–94.

- Гирденис А., Пупкис А., 1971⁰, Акустические характеристики слоговых интонаций литовского языка // II Межвузовская научно-методическая конференция «Преподавание иностранных языков в вузах неязыковых специальностей»: тезисы докладов. Минск. С. 80–81.
- Гирдянис А., 1967⁰, Фонетические особенности слоговых интонаций северожемайтского наречия литовского языка // *Congressus phoneticus: Argumenta lectionum*. Praha. P. 51–52.
- Гирдянис А., 1976, [Рец. на кн.:] Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974 // *Baltistica*. Т. 12 (1). P. 104–106.
- Гирдянис А., 1977, [Рец. на кн.:] Балто-славянский сборник. Москва: Наука, 1972 // *Baltistica*. Т. 13 (1). P. 300–306.
- Гирдянис А., 1978, Влияние твёрдых и мягких согласных на развитие вокализма в балтийских диалектах: (Пример параллельной эволюции фонологических систем) // Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом»: предварительные материалы. Москва. С. 75–77.
- Глисон Г., 1959, Введение в дескриптивную лингвистику. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Глушак Т. С., 1966, К проблеме фонологической интерпретации дифтонгов // Исследования по фонологии. Москва. С. 376–384.
- Головин И. В. (ред.), 1971⁰, Учебник японского языка. Москва: Просвещение.
- Гордина М. В., 1966, О различных функциональных единицах языка // Исследования по фонологии. Москва. С. 172–183.
- Гранде Б. М., 1972, Введение в сравнительное изучение семитских языков. Москва: Наука.
- Григорьев В. И., 1962, О формантах и формантной структуре // Вопросы языкознания. № 5. С. 115–121.
- Григорьев В. И., 1965, [Рец. на кн.:] Malmberg V. *Structural Linguistics and Human Communication*. Berlin, etc., 1963 // Вопросы языкознания. № 2. С. 123–126.
- Гринберг Дж., 1964, Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных последовательностей согласных // Вопросы языкознания. № 4. С. 41–65.
- Гулакян Б. С., 1972, О соотношении фонетического и фонологического слогов в армянском языке // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 354–366.
- Гухман М. М., 1964⁰, Исторические и методологические основы структурализма // Основные направления структурализма. Москва. С. 5–45.
- Дарвин Ч. Р., 2001, Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. Санкт-Петербург: Наука.

- Джапаридзе З. Н., 1979, О меризматическом уровне лингвистического анализа // Звуковой строй языка. Москва. С. 98–103.
- Джунисбеков А., 1987, Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата: Наука.
- Дмитриев Н. К., 1960, Турецкий язык. Москва: Изд-во вост. лит.
- Доза А., 1956, История французского языка. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Драгунов А. А., 1962, Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Дубовский Ю. А., 1978⁰, Анализ интонации устного текста и его составляющих. Минск: Вышэйшая школа.
- Дукельский Н. И., 1962, Принципы сегментации речевого потока. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Дыбо В. А., 1981, Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва: Наука.
- Евдошенко А. Л., 1963, К вопросу о применении стереометрической модели в области фонологии // Исследования по структурной типологии. Москва. С. 200–207.
- Елизаренкова Т. Я., 1961⁰, Дифференциальные элементы согласных фонем хинди // Вопросы языкознания. № 5. С. 22–33.
- Ельмслев Л., 1960а, Метод структурного анализа в лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Москва. Ч. 2. С. 49–56.
- Ельмслев Л., 1960б, Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 1. С. 264–389.
- Ельмслев Л., 1960с, Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Москва. Т. 2. С. 56–66.
- Жилинскене В. Ю., 1979, Статистический анализ морфологии литовских газетно-журнальных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Жилко Ф. Т., 1971, Особенности контрастов фонетического уровня в украинском языке: (Вокализм) // Вопросы языкознания. № 2. С. 31–38.
- Жинкин Н. И., 1958, Механизмы речи. Москва: Изд-во АПН СССР.
- Жирмунский В. М., 1956, Немецкая диалектология. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Журавлёв А. П., 1974, Фонетическое значение. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Журавлёв В. К., 1966, Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Исследования по фонологии. Москва. С. 79–96.
- Журавлёв В. К., 1972, К проблеме нейтрализации фонологических оппозиций // Вопросы языкознания. № 3. С. 36–49.
- Журавлёв В. К., 1979, Quo vadis? Камо грядеши?: (К истории фонологии) // Фонология, фонетика, интонология: материалы к IX международному конгрессу фонетических наук. Москва. С. 9–21.

- Журавлёв В. К., 1986⁰, Диакроническая фонология. Москва: Наука.
- Завадовский Ю. Н., 1979, Тунисский диалект арабского языка. Москва: Наука.
- Задоевко Т. П., Хуан Шу-ин, 1973, Учебник китайского языка. Москва: Наука.
- Зайцева М. И., 1981⁰, Грамматика вепсского языка: (Фонетика и морфология). Ленинград: Наука.
- Зализняк А. А., 1966⁰, Опыт фонологического анализа современного французского вокализма // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. Москва. С. 214–230.
- Зализняк А. А., 1978, Грамматический очерк санскрита // Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. Москва. С. 785–895.
- Захарьин Б. А., 1975⁰, Фонемы кашмири: (Поиски решения) // Очерки по фонологии восточных языков. Москва. С. 142–171.
- Звегинцев В. А., 1968⁰, Теоретическая и прикладная лингвистика. Москва: Просвещение.
- Зиндер Л. Р., 1968⁰, Фонология и фонетика // Теоретические проблемы советского языкознания. Москва. С. 193–231.
- Зиндер Л. Р., 1970⁰, Фонемы и восприятие // Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences. Prague. P. 1071–1073.
- Зиндер Л. Р., 1971⁰, Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва. С. 346–351.
- Зиндер Л. Р., 1972, [Рец. на кн.:] Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва: Наука, 1970 // Вопросы языкознания. № 1. С. 132–135.
- Зиндер Л. Р., 1977⁰, Фонема и морфема // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Ленинград. С. 10–14.
- Зиндер Л. Р., 1979, Общая фонетика. Москва: Высш. школа.
- Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С., 1982, Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Ленинград: Наука.
- Зинкявичюс З., 1972, О развитии балтийского вокализма // Балто-славянский сборник. Москва. С. 5–14.
- Зограф Г. А., 1976, Североиндийские языки // Языки Азии и Африки. Москва. Т. 1. С. 148–270.
- Иванов Вяч. Вс., 1954, [Рец. на кн.:] Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków: PAU, 1952 // Вопросы языкознания. № 4. С. 125–136.
- Иванов Вяч. Вс., 1959, О прерывистой интонации в латышском языке // Rakstu krājums: Veltījums ... Jānim Endzelīnam. Rīgā. 133.–148. lpp.
- Иванов Вяч. Вс., 1962, Теория фонологических различительных признаков // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 139–172.

- Иванов Вяч. Вс., 1975, К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными тонемами // Очерки по фонологии восточных языков. Ленинград. С. 3–58.
- Иванов Вяч. Вс., 1979, О функциях гортанной смычки // Звуковой строй языка. Москва. С. 115–128.
- Казлаускас И., 1962, К развитию общебалтийской системы гласных // Вопросы языкознания. № 4. С. 20–24.
- Калимов А., 1968, Дунганский язык // Языки народов СССР. Ленинград. Т. 5. С. 475–488.
- Калнынь Л. Э., 1961, Развитие корреляции твёрдых и мягких согласных в русских говорах. Москва: Наука.
- Касаткин Л. Л., 1966, О фонологическом содержании звука *j* в некоторых русских говорах // Исследования по фонологии. Москва. С. 361–367.
- Касаткин Л. Л., 1968, Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненёбных согласных в русских говорах. Москва: Наука.
- Касевич В. Б., 1971⁰, Некоторые логические аспекты понятия фонемы // Вопросы языкознания. № 5. С. 50–56.
- Касевич В. Б., 1972, [Рец. на кн.:] Postal P. M. Aspects of Phonological Theory. New York, etc.: Harper & Row, 1968 // Вопросы языкознания. № 1. С. 148–153.
- Касевич В. Б., 1977, Элементы общей лингвистики. Москва: Наука.
- Касевич В. Б., 1981, Слог в общем и дальневосточном языкознании // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Ленинград. С. 141–146.
- Каск А. Х., 1966, Эстонский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 3. С. 35–61.
- Каспранский Р. Р., 1963⁰, К проблеме фонемы и её различительных признаков // Учёные записки I МГПИИЯ. Т. 27: Вопросы германской и романской фонологии. С. 23–43.
- Касьяненко З. К., 1968, Современный монгольский язык. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Катагощина И. А., 1970, Особенности фонологической системы иберийско-романских языков (португальского, каталонского и испанского). Москва: Наука.
- Кацнельсон С. Д., 1966, Сравнительная акцентология германских языков. Москва; Ленинград: Наука.
- Кацнельсон С. Д., 1971, Фонемы, синдемы и промежуточные явления // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва. С. 136–142.
- Кацнельсон С. Д., 1979, Очерк типологии германских просодических систем // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Ленинград. С. 192–237.

- Качюшкене Г., 1980, Спектральные характеристики гласных фонем и их взаимодействие с количественными признаками в северо-паневежском диалекте // Актуальные проблемы развития научных исследований молодых учёных и специалистов ВГУ: материалы республиканской конференции. Вильнюс. С. 142–144.
- Качшюкене Г. И., 1984, Фонологическая система северопаневежского диалекта литовского языка: Просодия и вокализм: дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Керимова А. А., 1966⁰, Таджикский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 1. С. 212–236.
- Кибрик А. Е., 1962, К вопросу о методе определения дифференциальных признаков при спектральном анализе // Вопросы языкознания. № 5. С. 81–89.
- Климов Г. А., 1967, Фонема и морфема: К проблеме лингвистических единиц. Москва: Наука.
- Климов Г. А. (отв. ред.), 1978⁰, Структурные общности кавказских языков. Москва: Наука.
- Климов Г. А., 1979, Картвельские языки // Языки Азии и Африки. Москва. Т. 3. С. 102–132.
- Клычков Г. С., 1962, Развитие диахронической фонологии за последние годы // Вопросы языкознания. № 4. С. 123–129.
- Клычков Г. С., 1963, Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка // Вопросы языкознания. № 5. С. 3–14.
- Клычков Г. С., 1981, Просодические и сегментные признаки в реконструкции общеиндоевропейского консонантизма // Изв. АН СССР: Сер. лит. и яз. Т. 40 (2). С. 135–139.
- Клычков Г. С., 1984, К теории фонологических признаков: (Подсистема консонантизма) // Kalbotyra. Т. 35 (1). С. 54–60.
- Кодзасов С. В., 1982, Об универсальном наборе фонетических признаков // Экспериментальные исследования в психолингвистике. Москва. С. 94–108.
- Кодзасов С. В., 1989, О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание: Просодия. Москва. С. 26–40.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. В., 1981, Современная американская фонология. Москва: Изд-во МГУ.
- Колесов В. В., 1971⁰, Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков // Вопросы языкознания. № 4. С. 53–64.
- Колшанский Г. В., 1974, Паралингвистика. Москва: Наука.
- Кондаков Н. И., 1975, Логический словарь-справочник. Москва: Наука.
- Коржинек Й. М., 1967⁰, К вопросу о языке и речи // Пражский лингвистический кружок. Москва. С. 317–324.
- Косене О., 1980⁰, Просодические признаки слоговых акцентов в Утянском говоре Восточной Литвы // Актуальные проблемы развития научных ис-

- следований молодых учёных и специалистов ВГУ: материалы республиканской конференции. Вильнюс. С. 144–146.
- Косериу Э., 1963, Синхрония, диахрония и история: (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 3. С. 143–343.
- Кочергина В. А., 1978⁰, Санскритско-русский словарь. Москва: Рус. яз.
- Крупа В., 1975⁰, Полинезийские языки. Москва: Наука.
- Крупаткин Я. Б., 1969⁰, Об аллофонных реконструкциях // Вопросы языкознания. № 4. С. 35–44.
- Крупаткин Я. Б., 1971⁰, Фонологический вариант фонемы и несмыслоразличительные оппозиции // Вопросы языкознания. № 3. С. 49–59.
- Кубрякова Е. С., 1964, Из истории английского структурализма: (Лондонская лингвистическая школа) // Основные направления структурализма. Москва. С. 307–353.
- Кубрякова Е. С., 1968⁰, О понятиях синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. № 3. С. 112–123.
- Кузнецов П. С., 1964, Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания. № 5. С. 75–77.
- Кузнецов П. С., 1966, Проблема дифференциальных признаков // Исследования по фонологии. Москва. С. 199–216.
- Кузнецов П. С., 1970а, К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва. С. 163–203.
- Кузнецов П. С., 1970b, К вопросу о фонологии ударения // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва. С. 360–367.
- Кузнецов П. С., 1970с, О фонологической системе сербохорватского языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва. С. 336–354.
- Кузнецов П. С., 1970d, Об основных положениях фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва. С. 470–480.
- Кузьменко Ю. К., 1969, Диахроническая фонология аффрикат в германских языках // Вопросы языкознания. № 4. С. 35–55.
- Кузьменко Ю. К., 1991, Фонологическая эволюция германских языков. Ленинград: Наука.
- Кумахов М. А., 1967, Адыгейский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 4. С. 145–164.
- Кумахов М. А., Шагиров А. К., 1979, Абхазо-адыгские языки // Языки Азии и Африки. Москва. Т. 3. С. 133–140.
- Курилович Е., 1962, Очерки по лингвистике: сб. ст. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Курилович Е., 1965, О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 4. С. 400–433.

- Лайонз Дж., 1978, Введение в теоретическую лингвистику. Москва: Прогресс.
- Лаучюте Ю., 1979⁰, Акцентуационные особенности имён существительных в жемайтском диалекте литовского языка // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Ленинград. С. 143–191.
- Лекомцев Ю. К., 1962⁰, К вопросу об аналогиях в строении схем слога и простого предложения // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 31–42.
- Лекомцев Ю. К., 1964⁰, Дистрибуция фонем и генерация слогов // Вопросы структуры языка. Москва. С. 7–46.
- Лекомцев Ю. К., 1967, О двух метаязыках для описания дистрибуции языковых элементов // Семиотика и восточные языки. Москва. С. 136–140.
- Лекомцев Ю. К., 1980, Гипотеза и формальный язык описания // Гипотеза в современной лингвистике. Москва. С. 142–177.
- Лекомцева М. И., 1962, Типология фонологических систем // Исследования по структурной типологии. Москва. С. 42–51.
- Лекомцева М. И., 1964⁰, Фонологическая система тамильского языка с точки зрения синтеза // Вопросы структуры языка. Москва. С. 52–61.
- Лекомцева М. И., 1966, К описанию фонологической системы старославянского языка на основе тернарного принципа // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. Москва. С. 117–123.
- Лекомцева М. И., 1968, Типология структур слога в славянских языках. Москва: Наука.
- Лекомцева М. И., 1972, Связанность фонологических признаков и структур фонологических последовательностей // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 305–318.
- Лекомцева М. И., 1974, К типологической характеристике систем диалектов латышского языка // Балто-славянские исследования. Москва. С. 227–241.
- Леонтьев А. Л., 1966⁰, О «префонологических тождествах» // Исследования по фонологии. Москва. С. 166–171.
- Либерман А. С., 1993, О пользе различительных признаков // Проблемы фонетики. Москва. С. 32–40.
- Липин Л. А., 1964, Аккадский язык. Москва: Наука.
- Ломтатидзе К. В., 1967а, Абазинский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 4. С. 123–144.
- Ломтатидзе К. В., 1967б, Абхазский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 4. С. 101–122.
- Ломтев Т. П., 1965, Принцип бинарности в фонологии // Филол. науки. № 3. С. 72–86.
- Ломтев Т. П., 1972⁰, Фонология современного русского языка. Москва: Высш. школа.

- Ломтев Т. П., 1976, *Общее и русское языкознание: избр. работы*. Москва: Наука.
- Лурье С. Я., 1964, К вопросу о греческом ударении // *Вопросы языкознания*. № 1. С. 116–122.
- Лыткин В. И., 1961, *Коми-язьвинский диалект*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Лыткин В. И., 1964, *Исторический вокализм пермских языков*. Москва: Наука.
- Лыткин В. И., 1966⁰, Коми-зырянский язык // *Языки народов СССР*. Москва. Т. 3. С. 281–299.
- Мажюлис В., 1963⁰, Заметки по прусскому вокализму // *Вопросы теории и истории языка*. Ленинград. С. 191–197.
- Мажюлис В., 1965, Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии // *Baltistica*. Т. 1 (1). Р. 17–30.
- Майтинская К. Е., 1955, *Венгерский язык*. Москва: Изд-во АН СССР.
- Макаев Э. А., 1961, К вопросу об изоморфизме // *Вопросы языкознания*. № 5. С. 50–56.
- Макаев Э. А., 1964, [Рец. на кн.:] Jensen M. K. *Tonemicity*. Bergen; Oslo: Norw. Univ. Press, 1961 // *Вопросы языкознания*. № 4. С. 130–133.
- Мальмберг Б., 1962, Проблема метода в синхронной фонетике // *Новое в лингвистике*. Москва. Вып. 2. С. 340–388.
- Маркус Д. О., 1979, Спектрографический анализ монофтонгов в зиимерском говоре // *Latvijas PSR ZA vēstis*. Nr. 5 (382). 113.–120. lpp.
- Маркус Д., 1982, *Вокализм зиимерского говора: (Экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук*. Рига: ЛГУ.
- Мартине А., 1960, *Принцип экономии в фонетических изменениях*. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Мартине А., 1963, *Основы общей лингвистики* // *Новое в лингвистике*. Москва. Вып. 3. С. 366–450.
- Мартине А., 1969, *Нейтрализация и синкретизм* // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 96–109.
- Мартынов В. В., 1966, *Общая теория аккомодации и типология языков* // *Исследования по фонологии*. Москва. С. 298–309.
- Мартынов В. В., 1968, *Славянская и индоевропейская аккомодация*. Минск: Наука и техника.
- Маслов Ю. С., 1956, *Очерк болгарской грамматики*. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз.
- Матвеева Н. А., 1966, Несколько замечаний о пограничных сигналах // *Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология*. Москва. С. 47–55.
- Матезиус В., 1967, О потенциальности языковых явлений // *Пражский лингвистический кружок*. Москва. С. 42–69.
- Матусевич М. И., 1948, *Введение в общую фонетику*. Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во м-ва просвещения РСФСР.

- Маун Маун Ньюн et al., 1963, Бирманский язык. Москва: Изд-во вост. лит.
- Мачавариани П. И., 1965, [Рец. на кн.:] Основные направления структурализма. Москва: Наука, 1964 // Вопросы языкознания. № 6. С. 133–137.
- Мейе А., 1938, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Мельников Г. И., 1948, Фонемы чукотского языка // Язык и мышление. Т. 11. С. 208–229.
- Мельников Г. П., 1966, Геометрические модели вокализма и причины перебоя башкирско-татарских гласных // Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология. Москва. С. 26–33.
- Мерките Р., 1962⁰, Некоторые статистические характеристики образования слов из слогов и слогов из букв для литовского языка // Литовский математический сборник. Т. 2 (1). С. 91–106.
- Микалаускайте Е., Свецевичюс Б., Пакерис А., 1970⁰, Релевантные признаки просодии слога в современном литовском литературном языке // Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences. Prague. P. 655–657.
- Микуленене Д. С., 1987, Явления метатонии в флективных образованиях современного литовского языка: дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Мурат В. П., 1964, Глоссематическая теория // Основные направления структурализма. Москва. С. 127–178.
- Мусаев К. М., 1964, Грамматика караимского языка. Москва: Наука.
- Мухин А. М., 1962, Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы // Вопросы языкознания. № 5. С. 53–61.
- Мухин А. М., 1976, Лингвистический анализ: Теоретические и методологические проблемы. Ленинград: Наука.
- Мыркина В. Я., 1970⁰, Некоторые вопросы понятия речи в корреляции язык–речь // Вопросы языкознания. № 1. С. 102–108.
- Николаева Т. М., 1977, Фразовая интонация славянских языков. Москва: Наука.
- Николаева Т. М., Успенский Б. А., 1966, Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. Москва. С. 63–74.
- Новак Л., 1967, Проект нового определения фонемы // Пражский лингвистический кружок. Москва. С. 95–98.
- Новикова К. А., 1960, Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Ч. 1.
- Новикова К. А., 1968, Эвенский язык // Языки народов СССР. Ленинград. Т. 5. С. 88–108.
- Норк О. А., Мuryгина З. М., Блохина Л. П., 1962, О дифференциальных признаках фонемы // Вопросы языкознания. № 1. С. 43–50.

- Пабрежа Ю., 1984, Динамика аттракции ударения в северожемайтском наречии: дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Падлужны А. І., 1969, Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка.
- Пазухин Р. В., 1963, Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистических проблем // Вопросы языкознания. № 5. С. 94–103.
- Пакерис А., 1966, К вопросу о звуковых структурах безударных слогов современного литовского литературного языка: (По данным слухового анализа) // Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga. T. 2. P. 68–74.
- Пакерис А., 1968⁰, Акустические признаки дифтонгов *ai, ai, ei* литовского литературного языка: (Экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Пакерис А., Плакунова Т., Урбелене Я., 1972, Относительная длительность дифтонгов литовского языка // Garsai, priegaidė, intonacija. Vilnius. P. 3–36.
- Панов М. В., 1961⁰, О разграничительных сигналах // Вопросы языкознания. № 1. С. 3–19.
- Панов М. В., 1967, Русская фонетика. Москва: Просвещение.
- Панов М. В., 1972, Р. И. Аванесов — фонолог // Русское и славянское языкознание: К 70-летию Р. И. Аванесова. Москва. С. 13–23.
- Панов М. В., 1979, Современный русский язык: Фонетика. Москва: Высш. школа.
- Паулини Е., 1978⁰, Дифференциальные признаки гласных словацкого языка // Вопросы языкознания. № 1. С. 76–80.
- Пауль Г., 1960, Принципы истории языка. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Пауфошима Р. Ф., 1983, Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. Москва: Наука.
- Пахалина Т. Н., 1959, Ишкашимский язык. Москва: Изд-во АН СССР.
- Перебийніс В. С., 1970, Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної літературної мови. Київ: Наукова думка.
- Пиотровский Р. Г., 1960, Ещё раз о дифференциальных признаках фонем // Вопросы языкознания. № 6. С. 24–38.
- Пиотровский Р. Г., 1962, Сосуществующие фонетические системы и стилистические корреляции в молдавском языке // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 92–98.
- Пиотровский Р. Г., 1966, Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. Москва: Наука.
- Пиотровский Р. Г., Подлужный А. И., 1966, Ещё о фонематической интерпретации фонетических данных // Исследования по фонологии. Москва. С. 24–54.
- Плакунова Т. Е., 1967, Носовые согласные литовского языка в смешанном дифтонге // Kalbotyra. T. 17. P. 25–40.

- Плакунова Т. Е., 1968, Сонорные согласные литовского языка в смешанном дифтонге: (Электроакустический анализ) // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 21 (6). S. 561–562.
- Плоткин В. Я., 1979, О фонологической природе датского толчка // *Фонология, фонетика, интонология: материалы к IX Международному конгрессу фонетических наук*. Москва. С. 113–116.
- Плоткин В. Я., 1982, Эволюция фонологических систем: На материале германских языков. Москва: Наука.
- Подлужный А. И., 1980, Фонетическая система белорусского языка: (Экспериментально-фонетическое исследование звукового состава): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск.
- Поливанов Е. Д., 1968, Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука.
- Постовалова В. И., 1966⁰, О сочетаемости дифференциальных признаков согласных фонем современного русского языка // *Проблемы лингвистического анализа: Фонология, грамматика, лексикология*. Москва. С. 34–46.
- Постовалова В. И., 1972, Фонология // *Общее языкознание: Внутренняя структура языка*. Москва. С. 120–199.
- Постовалова В. И., 1978, Историческая фонология и её основания. Москва: Наука.
- Пупкис А., 1966, Сочетания согласных в современном литовском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: ЛГУ.
- Ревзин И. И., 1962⁰, Об одном подходе к моделям дистрибутивного фонологического анализа // *Проблемы структурной лингвистики*. Москва. С. 80–85.
- Ревзин И. И., 1964⁰, К логическому обоснованию теории фонологических признаков // *Вопросы языкознания*. № 5. С. 59–65.
- Ревзин И. И., 1965⁰, Структурная лингвистика и единство языкознания // *Вопросы языкознания*. № 3. С. 45–59.
- Ревзин И. И., 1970, Некоторые замечания в связи с дихотомической теорией в фонологии // *Вопросы языкознания*. № 3. С. 58–70.
- Реформатский А. А., 1957, Фонологические заметки // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 101–102.
- Реформатский А. А., 1960, Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // *Трубецкой Н. С. Основы фонологии*. Москва. С. 326–360.
- Реформатский А. А., 1961, Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // *Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике*. Москва. С. 106–122.
- Реформатский А. А., 1966, Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // *Исследования по фонологии*. Москва. С. 184–198.
- Реформатский А. А., 1967, Введение в языковедение. Москва: Просвещение, 1967.

- Реформатский А. А., 1970, Из истории отечественной фонологии // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Москва. С. 7–120.
- Реформатский А. А., 1975, Фонологические этюды. Москва: Наука.
- Реформатский А. А., 1979⁰, Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. Москва: Наука.
- Руделёв В. Г., 1972, Типы нейтрализации и классификация оппозиций: (на материале русского литературного языка) // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 319–333.
- Савченко А. И., 1972⁰, Язык и системы знаков // Вопросы языкознания. № 6. С. 22–32.
- Сахарова Т. А., 1974, От философии существования к структурализму: Критические очерки современных течений буржуазной французской философии. Москва: Наука.
- Светозарова Н. Д., 1982, Интонационная система русского языка. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Свечевичюс Б., 1964, Простые гласные (монофтонги) современного литовского литературного языка: Экспериментально-фонетическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Свечевичюс Б., 1966, К вопросу о частоте встречаемости фонем в литовской письменной речи // Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga. Т. 2. Р. 19–22.
- Свечевичюс Б., Пакерис А., 1968, О фонетических предпосылках бифонемности дифтонгов литовского языка // Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga. Т. 3. Р. 86–96.
- Семереньи О., 1980, Введение в сравнительное языкознание. Москва: Прогресс.
- Сепир Э., 1993, Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Универс.
- Серебренников Б. А., 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике. Москва: Наука.
- Серебренников Б. А., 1983, О материалистическом подходе к явлениям языка. Москва: Наука.
- Скорик П. Я., 1968, Керекский язык // Языки народов СССР. Ленинград. Т. 5. С. 310–333.
- Скупас А., 1967, Ударение как один из компонентов интонации современного французского языка // Kalbotyra. Т. 15. Р. 77–91.
- Слюсарева Н. А., 1960, Лингвистический анализ по непосредственно-составляющим // Вопросы языкознания. № 6. С. 100–107.
- Слюсарева Н. А., 1975, Теория де Соссюра в свете современной лингвистики. Москва: Наука.
- Соколова В. С., 1948, О вариантах фонемы // Язык и мышление. Т. 11. С. 278–282.

- Соколова В. С., 1949, Фонетика таджикского языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Соколова В. С., 1951, Устойчивые и неустойчивые гласные // Памяти академика Льва Щербы: сб. ст. Ленинград. С. 236–244.
- Соколова В. С., 1964⁰, К методике экспериментально-фонетического спектрального исследования вокалического стыка слова // Вопросы структуры языка. Москва. С. 78–103.
- Солнцев В. М., 1977, Язык как системно-структурное образование. Москва: Наука.
- Соссюр Ф. де., 1977, Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва. С. 30–285.
- Стеблин-Каменский М. И., 1964, О симметрии в фонологических решениях и их неединственности // Вопросы языкознания. № 2. С. 46–52.
- Стеблин-Каменский М. И., 1966, К теории звуковых изменений // Вопросы языкознания. № 2. С. 64–79.
- Стеблин-Каменский М. И., 1971, Заметка по сандхиальной фонологии // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва. С. 150–152.
- Степанов Ю. С., 1966, Основы языкознания. Москва: Просвещение.
- Степанов Ю. С., 1972, Ударение и метатония в литовском языке // *Baltistica*. 1 priedas. P. 169–183.
- Степанов Ю. С., 1974, О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // Вопросы языкознания. № 5. С. 96–106.
- Степанов Ю. С., 1975а, Методы и принципы современной лингвистики. Москва: Наука.
- Степанов Ю. С., 1975б, Основы общего языкознания. Москва: Просвещение.
- Степанов Ю. С., 1980⁰, Исторические объяснения и исторические законы // Гипотеза в современной лингвистике. Москва. С. 90–118.
- Степанов Ю. С., Эдельман Д. И., 1976, Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. Москва. С. 203–281.
- Степонавичюс А., 1973–1975, Языковое изменение и проблемы диахронической фонологии // *Kalbotyra*. Т. 25 (3). P. 153–182; Т. 26 (3). P. 215–243.
- Степонавичюс А., 1976, О механизме языковых изменений // *Kalbotyra*. Т. 27 (3). P. 241–262.
- Степонавичюс А., 1979, Универсальные и конкретно-языковые черты в системе дистинктивных признаков // Фонология, фонетика, интонология: материалы к IX Международному конгрессу фонетических наук. Москва. С. 150–159.
- Степонавичюс А., 1982а, Основы диахронической фонологии: Очерк истории и типы звуковых изменений. Вильнюс: ВГУ.

- Степонавичюс А., 1982b, Основы диахронической фонологии: Механизмы звуковых изменений. Вильнюс: ВГУ.
- Стримайтене М. Ю., 1976, Фонотактика согласных в литовском языке: (в сопоставлении с английским): дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Судник Т. М., 1976, Диалекты литовско-славянского пограничья: Очерки фонологических систем. Москва: Наука.
- Суник О. П., 1968, Удэгейский язык // Языки народов СССР. Ленинград. Т. 3. С. 210–232.
- Танкявичюте М., 1980⁰, Влияние звонкости, палатализации и интонационно-просодических факторов на длительность согласных в литовском литературном языке: (Экспериментально-фонетическое исследование) // Актуальные проблемы развития научных исследований молодых учёных и специалистов ВГУ: материалы республиканской конференции. Вильнюс. С. 175–176.
- Тезисы 1960 — Тезисы пражского лингвистического кружка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Москва. Ч. 2. С. 69–85.
- Тенишев Э. Р., 1976, Строй сарыг-югурского языка. Москва: Наука.
- Тепляшина Т. И., Лыткин В. И., 1976, Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания. Москва. С. 97–228.
- Толстая С. М., 1972, Фонологический облик конца слова в одном жемайтском диалекте // Балто-славянский сборник. Москва. С. 135–139.
- Топоров В. Н., 1962⁰, [Рец. на кн.:] Kuryłowicz J. Esquisses linguistiques. Wrocław; Kraków: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk, 1960 // Структурно-типологические исследования. Москва. С. 188–189.
- Топоров В. Н., 1966, Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. Москва. С. 172–192.
- Топоров В. Н., 1967, Фонологическая интерпретация консонантизма кашмири в связи с типологией дардских языков // Семиотика и восточные языки. Москва. С. 184–203.
- Топоров В. Н., 1975–1990, Прусский язык: словарь. Москва: Наука. Т. 1–5.
- Топорова И. Н., 1972, Дистрибуция фонем литовского языка // Балто-славянский сборник. Москва. С. 140–173.
- Топорова И. Н., 1975, Типология фонологических систем языков банту. Москва: Наука.
- Торсуев Г. П., 1962⁰, Вопросы фонетической структуры слова: На материале английского языка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Торсуев Г. П., 1975⁰, Строение слога и аллофоны в английском языке (в сопоставлении с русским). Москва: Наука.
- Торсуев Г. П., 1977⁰, Константность и вариативность в фонетической системе: (На материале английского языка). Москва: Наука.

- Трахтеров А. Л., 1956, Основные вопросы теории слога и его определение // Вопросы языкознания. № 6. С. 15–32.
- Тронский И. М., 1960, Историческая грамматика латинского языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960.
- Тронский И. М., 1962, Древнегреческое ударение. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962.
- Трубецкой Н. С., 1960, Основы фонологии. Москва: Изд-во иностр. лит.
- Туманян Э. Г., 1966, Армянский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 1. С. 562–598.
- Ульчинскайте Д., 1980, Дистрибуция и условия восточно-балтийской монофтонгизации $*ei \geq *ē (> ie)$ // Актуальные проблемы развития научных исследований молодых учёных и специалистов ВГУ: материалы республиканской конференции. Вильнюс. С. 177–179.
- Урбах В. Ю. Статистический анализ в биологических и медицинских исследованиях. Москва: Медицина.
- Урбелене Я., 1967a⁰, Долгие гласные современного литовского литературного языка: (Спектральное и рентгенографическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс: ВГУ.
- Урбелене Я., 1967b⁰, К вопросу о редукции гласных в современном литовском языке // Congressus Phoneticus: Argumenta lectionum. Praha. P. 141–142.
- Успенский В. А., 1964, Одна модель для понятия фонемы // Вопросы языкознания. № 6. С. 39–53.
- Уфимцева А. А., 1970⁰, Понятие языкового знака // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. Москва. С. 96–139.
- Фант Г., 1964, Акустическая теория речеобразования. Москва: Наука.
- Филлмор Ч., 1981, Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Москва. Вып. 10. С. 369–495.
- Фланаган Дж. Л., 1968, Анализ, синтез и восприятие речи. Москва: Прогресс.
- Фонетика современного русского литературного языка: Народные говоры, 1968⁰. Москва: Наука.
- Халле М., 1962, Фонологическая система русского языка: (Лингвистико-акустическое исследование) // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 299–339.
- Хомский Н., 1962, Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 412–527.
- Хомский Н., 1965, Объяснительные модели в лингвистике // Математическая логика и её применения. Москва. С. 245–272.
- Хориков И. П., Милев М. Г., 1980⁰, Новогреческо-русский словарь. Москва: Рус. яз.
- Храковский В. С., 1983, Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания. № 3. С. 110–117.

- Хэмп Э., 1964, Словарь американской лингвистической терминологии. Москва: Прогресс.
- Хэрари Ф., Пейпер Г., 1964, К построению общего исчисления распределения фонем // Математическая лингвистика. Москва. С. 11–46.
- Цахер О., 1969, Фонетика немецкого языка. Ленинград: Просвещение.
- Цеплитис Л. К., 1974, Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне.
- Чекман В. Н., 1977, К происхождению литовского аканья // Acta Baltico-Slavica. Т. 11. Р. 167–191.
- Чекман В. Н., 1979, Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция. Минск: Наука и техника.
- Чекмонас В., 1983, [Рец. на кн.:] Girdeņis A. Fonologija. Vilnius: Mokslas, 1981 // Baltistica. Т. 19 (2). Р. 197–204.
- Черкасский М. А., 1965⁰, Тюркский вокализм и сингармонизм. Москва: Наука.
- Черри Е., Халле М., Якобсон Р., 1962, К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 279–298.
- Чикобава А. С., 1967, Грузинский язык // Языки народов СССР. Москва. Т. 4. С. 22–61.
- Чикобава А., 1966⁰, К вопросу о путях развития современной лингвистики // Вопросы языкознания. № 4. С. 45–61.
- Чистович Л. А. et al., 1965⁰, Речь, артикуляция и восприятие. Москва; Ленинград: Наука.
- Чэжман В. М., 1970, Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск: Навука і тэхніка.
- Шарадзенидзе Т. С., 1980, Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртене и её место в языкознании XIX–XX веков. Москва: Наука.
- Шаумян С. К., 1962, Проблемы теоретической фонологии. Москва: Изд-во АН СССР.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.), 1970, Грамматика современного русского литературного языка. Москва: Наука.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.), 1980, Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука.
- Шеворошкин В. В., 1969⁰, Звуковые цепи в языках мира. Москва: Наука.
- Широков О. С., 1961, О соотношении фонологической системы и частотности «фонем» // Вопросы языкознания. № 1. С. 53–60.
- Широков О. С., 1965, Бинарные дифференторы и моделирование фонологических систем // Филологические науки. № 3. С. 88–97.
- Широков О. С., 1973, Структура чукотского сингармонизма // Проблемы структурной лингвистики. Москва. С. 586–599.
- Щерба Л. В., 1955, Фонетика французского языка. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз.

- Щерба Л. В., 1957, Избранные работы по русскому языкознанию. Ленинград: Учпедгиз.
- Щерба Л. В., 1974, Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука.
- Щерба Л. В., 1983, Русские гласные в качественном и количественном отношении. Ленинград: Наука, 1983.
- Яблонский И., 1897, Послѣсловіе // Юшкевичъ А. Литовскій словарь. Санктъ-Петербургъ. Т. 1. С. I–LIX.
- Явнисъ К., 1897, Языкъ: Поневѣжскіе говоры литовскаго языка // Памятная книжка Ковенской губерніи на 1898 годъ. Ковна. С. 174–228.
- Якобсон Р., 1962a, К характеристике Евразийского языкового союза // Jakobson R. Selected Writings. 's-Gravenhage. Vol. 1. P. 144–201.
- Якобсон Р., 1962b, Звуковые особенности, связывающие идиш с его славянским окружением // Jakobson R. Selected Writings. 's-Gravenhage. Vol. 1. P. 402–412.
- Якобсон Р., 1963a, Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии: Поздний период славянской языковой праистории // American Contributions to the 5th International Congress of Slavists, Sofia, September 1963. Vol. 1: Linguistic Contributions. The Hague. P. 153–178.
- Якобсон Р., 1963b⁰, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 3. С. 95–105.
- Якобсон Р. О., 1971, Круговорот лингвистических терминов // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. Москва. С. 384–387.
- Якобсон Р., Фант Г., Халле М., 1962, Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 173–230.
- Якобсон Р., Халле М., 1962, Фонология и её отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Москва. Вып. 2. С. 231–278.
- Яковлева В. К., 1963⁰, Язык йоруба. Москва: Изд-во вост. лит.
- Abramson A. S., 1959, Vocoder Output and Whispered Speech in a Tone Language: Thai // Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 31 (11). P. 1568.
- Alarcos Llorach E., 1975, Fonología Española. La Habana: Inst. Cubano del Libro.
- Allen W. S., 1973, Accent and Rhythm; Prosodic Features of Latin and Greek: A Study in Theory and Reconstruction. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Allerton D. J., 1965, The Relation of the Phoneme to Other Phonological Elements // Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences. Basel; New York. P. 201–206.

- Ambrazas V. (red.), 1997, *Dabartinės lietuvių kalbos gramatika*. 3 leid. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leid. inst.
- Ancītis K., 1977, *Aknīstes izloksne*. Rīgā: Zinātne.
- Andersen H., 1970⁰, *Comments // The Nordic Languages and Modern Linguistics* / ed. by Hrein Benediktsson. Reykjavík. P. 185–204.
- Andersen H., 1978, *Abductive and Deductive Change // Readings in Historical Phonology*. University Park; London. P. 313–347.
- Anttila R., 1972, *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. New York: The Macmillan Co; London: Collier-Macmillan Ltd.
- Anttila R., 1977, [Review:] Linell P. *Problems of Psychological Reality in Generative Phonology: A Critical Assessment*. Uppsala: Dept. of Linguistics, 1974 // *Lingua*. T. 42. P. 219–273.
- Atkočiūtė D., 2000, *Pietų žemaičių raseiniškių fonologinė sistema : Prozodija ir vokalizmas: daktaro disertacija*. Vilnius: VPU.
- Augerot J. E., 1969, *Toward a Phonology of Romanian // Revue roumaine de linguistique*. T. 14 (5). P. 471–476.
- Augustaitis D., 1964, *Das litauische Phonationssystem*. München: Sugner.
- Avram A., 1958, *Despre fonologia normei // Omagiu lui Iorgu Iordan*: București. P. 45–52.
- Bacevičiūtė R., 1998, *Lukšių šnektos žemutinių netrumpųjų balsių ypatumai // Kalbotyra*. T. 47 (1). P. 5–15.
- Bacevičiūtė R., 2001, *Šakių šnektos fonologinė sistema : Prozodija ir vokalizmas: humanit. m. dr. disert.* Vilnius: VPU.
- Bailey C.-J. N., 1972, *The Integration of Linguistic Theory: Internal Reconstruction and the Comparative Method in Descriptive Analysis // Linguistic Change and Generative Theory: essays from the UCLA Conference*. Bloomington; London. P. 22–31.
- Baranauskas A., 1931, *Laiškai Hugo Weberiui (tęsinys) / [Parengė] K. Alminauskis // Archivum philologicum*. T. 2. P. 68–116.
- Basbøll H., 1977, *The Structure of the Syllable and a Proposed Hierarchy of Distinctive Features // Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 143–148.
- Batóg T., Steffen-Batogowa A., 1980⁰, *A Distance Function in Phonetics // Lingua Posnaniensis*. T. 23. P. 47–58.
- Baugh J., 1990, *Language and Race: Some Implications for Linguistic Science // Linguistics: The Cambridge Survey / Ed. F. J. Newmeyer*. Cambridge, etc. Vol. 4. P. 64–74.
- Bazell C. E., 1956, *Three Conceptions of Phonological Neutralization // For Roman Jakobson*. The Hague. P. 25–30.
- Bell A., 1978⁰, *Syllabic Consonants // Universals of Human Language*. Stanford (Calif.). Vol. 2. P. 153–201.
- Bendiks H., 1972, *Divskaņu fonēmiskā interpretācija // Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam*. Rīgā. Lpp. 27–42.

- Benediktsson H., 1972, *The First Grammatical Treatise*. Reykjavík: Inst. of Nordic Linguistics.
- Biedrzycki L. L., 1963, Fonologiczna interpretacja polskich głosek nosowych // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. T. 23. P. 25–45.
- Bikulčienė P., 1975, Lietuvių kalbos skatinamoji intonacija: (Eksperimentinis fonetinis tyrimas): filol. m. kand. dis. Vilnius: VU.
- Bloch B., 1972, Phonemic Overlapping // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 66–70.
- Bloomfield L., 1935, *Language*. London: G. Allen & Unwin Ltd.
- Bluhme H., 1965, Zur phonologischen Behandlung von Fremdwörtern // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 218–221.
- Bolinger D. L., 1958, A Theory of Pitch Accent in English // *Word*. 1958. Vol. 14. P. 109–149.
- Bolinger D. L., 1965⁰, *Forms of English: Accent, Morpheme, Order*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Bolinger D. L., 1978, Intonation across Languages // *Universals of Human Language*. Stanford (Calif.). Vol. 2. P. 471–524.
- Borgstrøm C. Hj., 1981, Om det Norske skriftsprogs fonologi: (efter østnorsk uttale) // *Fonologi = Phonology*. Oslo. P. 170–187.
- Brakel A., 1980, [Review:] Foley J. *Foundations of Theoretical Phonology*. Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press, 1977 // *General Linguistics*. Vol. 20 (3). P. 171–179.
- Bruce G., 1977, *Swedish Word Accents in Sentence Perspective*. Stockholm: Gleerup.
- Brugmann K., Delbrück B., 1897, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Trübner. Bd. 1.
- Buch T., 1968, Zur phonologischen Wertung von lit. *ie*, *uo* und *ė*, *ė̄* // *Lingua Posnaniensis*. T. 12–13. P. 77–80.
- Buchienė T., 1967⁰, XVII a. Rytų Prūsijos lietuvių kalbos vokalizmas pagal D. Kleino gramatikos duomenis // *Baltistica*. T. 3 (2). P. 139–155.
- Būga K., 1908, *Aistiški studijai: Tyrinėjimai lygintinio prūsų, latvių ir lietuvių kalbomoksljo srityje*. Peterburgas: Šv. Kazimiero Dr-jos išleidimas Nr. 45.
- Būga K., 1959, *Rinktiniai raštai*. Vilnius: Valst. polit. ir moksl. lit. I-kla. T. 2.
- Bukantis J., 1979, Pietų žemaičių diftongoidų *ĩ*, *ũ* (= bk. *ie*, *uo*) fonetinės ypatybės // *Kalbotyra*. T. 30 (1). P. 23–31.
- Bukantis J., 1983, Fonologiniai šalutiniai kirčiai ir kirčio tipai pietų žemaičių varniškių tarmėje // *Kalbotyra*. T. 34 (1). P. 14–23.
- Bynon Th., 1979, *Historical Linguistics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Cairns C. E., 1969, Markedness, Neutralization, and Universal Redundancy Rules // *Language*. Vol. 45. P. 863–885.

- Caliński T., Jassem W., Kaczmarek Z., 1970, Investigation of Vowel Formant Frequencies as Personal Voice Characteristics by Means of Multivariate Analysis of Variance // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 2. P. 7–39.
- Chomsky N., Halle M., 1968, *The Sound Pattern of English*. New York, etc.: Harper and Row.
- Clements G., 1977, The Autosegmental Treatment of Vowel Harmony // *Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 111–119.
- Cohen A., 1965, *The Phonemes of English: A Phonemic Study of the Vowels and Consonants of Standard English*. The Hague: Nijhoff.
- Crothers J., 1978, Typology and Universals of Vowel Systems // *Universals of Human Language*. Stanford (Calif.). Vol. 2. P. 91–152.
- Čiulda J., 1993, Trumpi samprotavimai apie žemaičių kalbos gramatikos taisykles. Vilnius: Mokslo ir encikl. l-kla.
- Dahlstedt K.H., 1970⁰, The Dilemmas of Dialectology // *The Nordic Languages and Modern Linguistics*. Reykjavík. P. 158–184.
- Dambrauskaitė J., 1957, Lietuvių kalbos foneminės balsių sistemos nustatymas // *Vilniaus valstybinio pedagoginio instituto mokslo darbai*. T. 3. P. 221–240.
- Daneš F., 1966, The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 2. P. 9–21.
- Delattre P., 1963, Le jeu des transitions de formants et la perception des consonnes // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 407–417.
- Delattre P., 1968⁰, From Acoustic Cues to Distinctive Features // *Phonetica*. T. 18. P. 198–230.
- Dogelytė V., 1973, Lietuvių kalbos priebalsių kietumas ir minkštumas: dipl. darbas. Vilnius: VU (Lituanistikos skaitykla).
- Doroszewski W., 1930⁰, „Langue“ et „parole“: (Une page de l’histoire des idées générales en linguistique) // *Prace filologiczne*. T. 14. P. 485–497.
- Dovydaitis J., 1978, Priebalsiai *d, t* ir *g, k* Pietų Lietuvoje // *Kalbotyra*. T. 29 (1). P. 103–107.
- Dressler W., 1985, *Morphonology: the Dynamics of Derivation*. Ann Arbor: Karoma Publishers, Inc.
- Eidukaitienė E.V., 1977, KUPIŠKĖNŲ monoftongų priegaidės: (Audicinis tyrinėjimas) // *Kalbotyra*. T. 28 (1). P. 18–23.
- Ekblom R., 1922, *Manuel phonétique de la langue lituanienne*. Stockholm: Norstedt Söner.
- Ekblom R., 1925, *Quantität und Intonation im zentralen Hochlitauischen*. Uppsala: Lundequistska Bokh.
- Ekblom R., 1930⁰, *Zur Entstehung und Entwicklung der slavobaltischen und nordischen Akzentarten*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Ekblom R., 1933, *Die lettischen Akzentarten*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Endzelin J., 1944, *Altpreussische Grammatik*. Riga: Latvju grāmata.

- Endzelīns J., 1951, *Latviešu valodas gramatika*. Rīgā: Latvijas Valsts izdevniecība.
- Essen O. von, 1967, *Fonetyka ogólna i stosowana*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Fant G., 1970, *Sound, Features, and Perception* // *Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences*. Prague. P. 49–60.
- Ferrero F. E., 1972, *Caratteristiche acustiche dei fonemi vocalici Italiani* // *Parole e metodi*. N 3. P. 9–31.
- Ferrero F. E., 1974, *Le formanti come correlato acustico della forma e delle dimensioni del condotto vocale* // *Quaderni di audiofonologopedia*. Vol. 20 (105). P. 1–8.
- Ferrero F. E. et al., 1978⁰, *Some Acoustic Characteristics of the Italian Vowels* // *Journal of Italian Linguistics*. Vol. 3 (1). P. 87–96.
- Fintoft K., 1970, *Acoustical Analysis and Perception of Tonemes in Some Norwegian Dialects*. Oslo, etc.: Universitetsforl.
- Firth J. R., 1973, *Sounds and Prosodies* // Jones W. E., Laver J. *Phonetics in Linguistics: A Book of Readings*. London. P. 47–65.
- Fischer-Jørgensen E., 1956, *The Commutation Test and Its Application to Phonemic Analysis* // *For Roman Jakobson*. The Hague. P. 140–151.
- Fischer-Jørgensen E., 1962, *Almen fonetik*. København: Rosenhilde og Bagger.
- Fischer-Jørgensen E., 1967, *Perceptual Dimensions of Vowels* // *To Honor Roman Jakobson*. The Hague. P. 667–671.
- Fischer-Jørgensen E., 1972, *On the Definition of Phoneme Categories on a Distributional Basis* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 563–580.
- Fischer-Jørgensen E., 1975, *Trends in Phonological Theory: A Historical Introduction*. Copenhagen: Akademisk forl.
- Fischer-Jørgensen E., 1981, [Review:] Jakobson R., Waugh L. *The Sound Shape of Language*. Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1979 // *Language Sciences*. Vol. 3 (1). P. 201–214.
- Fischer-Jørgensen E., 1989, *A Phonetic Study of the Stød in Standard Danish*. Turku: Painosalama Oy.
- Flanagan J. L., 1955⁰, *A Difference Limen for Vowel Formant Frequency* // *Journal of the Acoustical Society of America*. Vol. 27 (3). P. 613–617.
- Foley J., 1970, *Phonological Distinctive Features* // *Folia Linguistica*. Vol. 4. P. 87–92.
- Foley J., 1977, *Foundations of Theoretical Phonology*. Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press.
- Fourvières X. de., 1966⁰, *Grammaire provençale, suivie d'un guide de conversation*. Nouv. éd. rev. et augm. Avignon: Aubanel.
- Fourvières X. de., 1975, *Lou pichot trésor. Dictionnaire provençal-français et français-provençal*. Avignon: Aubanel.

- Frąckowiak-Richter L., 1970, Vowel-Formant Transitions at Stop-Consonant Boundaries in Polish // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 2. P. 95–118.
- Fretheim Th., 1981, The Norwegian Retroflex Flap and the Concept of “Natural Class” in Phonology // *Fonologi = Phonology*. Oslo. P. 293–299.
- Fries Ch. C., Pike K. L., 1949, Coexistent Phonemic Systems // *Language*. Vol. 25. P. 29–50.
- Frings Th., 1934, Der rheinische und der litauische Akzent // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd. 58. S. 110–149.
- Fry D. B., 1965, The Dependence of Stress Judgments on Vowel Formant Structure // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 301–311.
- Gamkrelidze Th. V., 1978, On the Correlation of Stops and Fricatives in a Phonological System // *Universals of Human Language*. Stanford (Calif.). Vol. 2. P. 9–43.
- Gamkrelidze Th. V., 1979, Hierarchical Relationships of Dominance as Phonological Universals and Their Implications for Indo-European Reconstruction // *Current Issues in Linguistic Theory: (Festschrift for Oswald Szemerényi)*. Amsterdam. P. 283–290.
- Garde P., 1968, *L’accent*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Garde P., 1976, *Histoire de l’accentuation slave*. Paris: Inst. d’Études Slaves.
- Garde’as P., 1971, Lietuvių kalbos kirčiavimo sistema: [Ištrauka iš kn.: Garde P. *L’accent*. Paris, 1968. P. 160–165] / iš pranc. k. vertė ir komentarus parašė A. Girdenis // *Kalbotyra*. T. 22 (1). P. 93–96.
- Gårding E., Lindblad P., 1973, Constancy and Variation in Swedish Word Accent Patterns // *Working Papers: Phonetic Laboratory of Lund University*. Vol. 7. P. 36–110.
- Garnes S., Bond Z., 1977, The Relationship between Semantic Expectation and Acoustic Information // *Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 285–293.
- Garšva K., 1977, Akcentuacijos ir vokalizmo sąryšis šiaurės vakarų panevėžiškių tarmėje // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 17. P. 76–88.
- Garšva K., 1980⁰, Lietuvių kalbos fonologijos problemos // *Jaunųjų mokslininkų konferencijos, skirtos V. Lenino 110-osioms gimimo metinėms ir Tarybų Lietuvos 40-mečiui, programa ir tezės*. Vilnius. P. 8–9.
- Garšva K., 1982, Svarbesnės šiaurės vakarų panevėžiškių fonologijos ypatybės // *Baltistica*. T. 18 (1). P. 65–74.
- Garšva K., 1998, Šiaurės vakarų panevėžiškių „murmamieji balsiai“: Nuo K. Jauniaus iki A. Girdenio // *Lietuvių kalba: Tyrimai ir tyrėjai; Kazimiero Jauniaus 150 gimimo ir 90 mirimo metinėms paminėti: konferencijos pranešimų tezės*. Vilnius: LKI; VPU. P. 8–9.
- Gelumbauskaitė P., 1968, Kai kurie rašymo sutrikimai ir jų šalinimas // *Tarybinė mokykla*. Nr. 2. P. 9–13.
- Gerullis G., 1930, *Litauische Dialektstudien*. Leipzig: Markert & Petters.

- Girdenis A., 1962, Balsių asimiliacijos reiškiniai Tirkšlių tarmėje // Kalbotyra. T. 4. P. 141–150.
- Girdenis A., 1966a, Fonologinės pastabos apie lietuvių literatūrinės kalbos vokalizmą // Dėstytojų mokslinė-metodinė konferencija: pranešimų tezės. Šiauliai: ŠPI. P. 26–27.
- Girdenis A., 1966b, Mažeikių (šiaurės vidurio dounininkų) tarmės pokirtinių skiemenų priegaidės // Kalbotyra. T. 14. P. 57–71.
- Girdenis A., 1966c, Viena šiaurės žemaičių (dounininkų) fonologinė ypatybė // XVII Respublikinė dialektologinė-toponiminė konferencija. Vilnius: LKLI. P. 8–9.
- Girdenis A., 1967a, Keturios lietuvių kalbos priebalsių minkštumo fonologinės interpretacijos // Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje. Vilnius: LKLI. P. 613–615.
- Girdenis A., 1967b, Mažeikių tarmės fonologinė sistema: filol. m. kand. dis. Vilnius: VU.
- Girdenis A., 1967c, Mažeikių tarmės priegaidžių fonetinės ypatybės // Kalbotyra. T. 15. P. 31–41.
- Girdenis A., 1968a, Fakultatyviniai balsiai Mažeikių tarmėje // Kalbotyra. T. 19. P. 51–54.
- Girdenis A., 1968b, Priegaidės S. Stanevičiaus raštuose // Baltistica. T. 4 (2). P. 333–335.
- Girdenis A., 1968c, [Kn. rec.:] Zinkevičius Z., Lietuvių dialektologija: Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius: Mintis, 1966. 542 p. // Baltistica. 1968. T. 4 (1). P. 135–144.
- Girdenis A., 1969⁰, [Kn. rec.:] Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga. Vilnius, 1968. T. 3 // Baltistica. T. 5 (1). P. 108–113.
- Girdenis A., 1970a, Kaip skirstyti lietuvių priebalsius // Kalbos garsai ir intonacija. Vilnius. P. 8–21.
- Girdenis A., 1970b, N. Trubeckojus ir jo nuopelnai lietuvių fonologijai // Lietuvių kalbos sekcijos sąsiuvinis. Nr. 4: Teisininkų kalba. P. 16–19.
- Girdenis A., 1971a, [Kn. rec.:] Lietuvių kalbos tarmės: chrestomatija. Vilnius: Mintis, 1970 // Baltistica. T. 7 (2). P. 201–209.
- Girdenis A., 1971b, Mažeikių tarmės fonologinės sistemos apžvalga // Baltistica. T. 7 (1). P. 21–31.
- Girdenis A., 1972a, Baltiškųjų *tj, *dj refleksai 1759 m. „Žyvote“ // Baltistica. T. 8 (2). P. 173–191.
- Girdenis A., 1972b, Lietuvių kalbos vardažodžio priesagų kirčio susiformavimas // Baltistica. 1 priedas. P. 66–72.
- Girdenis A., 1974, Prozininės priegaidžių ypatybės šiaurės žemaičių tarmėje // Eksperimentinė ir praktinė fonetika. Vilnius. P. 160–198.
- Girdenis A., 1975a, Diferencinis požymis // Mūsų kalba. Nr. 5. P. 54–58.
- Girdenis A., 1975b, Neutralizacijos vaidmuo žemaičių vokalizmo raidoje // III sąjunginė baltų kalbotyros konferencija: pranešimų tezės. Vilnius. P. 24–27.

- Girdenis A., 1976, *Kontrastas „opozicija“* // Mūsų kalba. Nr. 6. P. 63–65.
- Girdenis A., 1977a, *Prozodija, ne prosodija* // Mūsų kalba. Nr. 6. P. 67.
- Girdenis A., 1977b, Nikolajus Trubeckojus // Žmonės ir kalba. Vilnius. P. 183–193.
- Girdenis A., 1978a, Akcentologinis mažmožis: [О побочном ударении на предпоследнем слогe] // Baltistica. T. 14 (1). P. 75–76.
- Girdenis A., 1978b, Audicinė lietuvių kalbos ilgųjų balsių klasifikacija // Kalbotyra. T. 29 (1). P. 96–97.
- Girdenis A., 1978c⁰, Fonologija // Mūsų kalba. Nr. 6. P. 58–64.
- Girdenis A., 1979–1980, Žemaičių dzūkavimas: dabartinė padėtis ir istorija // Baltistica. T. 15 (2). P. 111–123; T. 16 (1). P. 32–44.
- Girdenis A., 1979a, Aukštaičių vokalizmo raidos fonologinės prielaidos ir sąlygos // Aktualiosios kalbotyros problemos: mokslinės konferencijos pakvietimas-programa ir tezės. Vilnius. P. 34–36.
- Girdenis A., 1979b, Dėl nelūpinių sprogstamųjų priebalsių „maišymo“ pietinėse lietuvių šnektose: (Diachroninės fonologijos etiudas) // Baltistica. T. 15 (1). P. 23–30.
- Girdenis A., 1980, Dėl vieno prielinksnio formos XVIII a. šiaurės žemaičių kretingiškių tarmėje // Baltistica. T. 16 (2). P. 111–116.
- Girdenis A., 1981a, Fonologija: Vadovėlis respublikos aukštųjų mokyklų lietuvių kalbos ir literatūros specialybių studentams. Vilnius: Mokslas.
- Girdenis A., 1981b, Hierarchinė šiaurės žemaičių tarmės klasifikacija // Baltistica. T. 17 (1). P. 42–51.
- Girdenis A., 1981c, Šiaurės žemaičių fonemų dažnumai // Kalbotyra. T. 32 (1). P. 15–37.
- Girdenis A., 1983a, Iš kur vis dėlto /t'/, /d'/ // Baltistica. T. 19 (1). P. 71–73.
- Girdenis A., 1983b, Lietuvių bendrinės kalbos prozodinių skiemens tipų santykiniai dažnumai // Kalbotyra. T. 34 (1). P. 117–118.
- Girdenis A., 1984, Dvikirčiai žodžiai M. Daukšos „Postilėje“ // Kalbotyra. T. 35 (1). P. 105–109.
- Girdenis A., 1985, Fonologinio skiemens riba: konstruktas ar realybė // Kalbotyra. T. 36 (1). P. 5–11.
- Girdenis A., 1987⁰, Žemaičių „dzūkų“ superilgasis [a:]: (Kiekybė ir spektras) // Kalbotyra. T. 38 (1). P. 28–33.
- Girdenis A., 1990, Kaip Jonas Jablonskis žodžius keldavo // Jono Jablonskio skaitymai: mokslinės konferencijos medžiaga. Šiauliai: ŠPI. P. 9–14.
- Girdenis A., 1992a, Grynųjų sudėtinių dvibalsių vieta pietinių vakarų aukštaičių fonologinėje sistemoje // Lietuvių kalbos tarmės ir jų tyrinėjimai: Praeitis ir dabartis: konferencijos pranešimų tezės. Vilnius: LKI. P. 10–11.
- Girdenis A., 1992b, Simono Stanevičiaus rašyba ir jo tarmės fonologinė sistema // Aitvarai: S. Stanevičiaus bendrijos metraštis. Vilnius. T. 3. P. 40–52.
- Girdenis A., 1993⁰, Tezės dėl bendrinės tarties // Aktualūs bendrinės tarties klausimai: seminaro tezės. Vilnius: Lietuvių kalbos komisija. P. 5.

- Girdenis A., 1998a, Problemos nematyti // *Baltistica*. T. 33 (2). P. 263–264.
- Girdenis A., 1998b, Šiaurės žemaičių pavyzdžių skiriamieji požymiai // *Lietuvių kalba: Tyrimai ir tyrėjai*; K. Jauniaus 150 gimimo ir 90 mirimo metinėms paminėti: konf. pranešimų tezės. Vilnius: LKI; VPU. 37–38.
- Girdenis A., 2000a, Dėl [k], [g] minkštumo prieš kitus priebalsius // *Kalbotyra*. T. 48 (1)/49 (1). P. 165–167.
- Girdenis A., 2000b, *Kalbotyros darbai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leid. inst. T. 1.
- Girdenis A., 2000c, *Kalbotyros darbai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leid. inst. T. 2.
- Girdenis A., 2001, *Kalbotyros darbai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leid. inst. T. 3.
- Girdenis A., Kačiuškienė G., 1988⁰, Šiaurės žemaičių ir šiaurinių panevėžiškių dvibalsių priegaidės: Gretinamoji akustinė analizė // *Pedagoginių institutų studentų mokymo metodikos tobulinimas aukštosios mokyklos pertvarkymo sąlygomis: moksl.-metod. konf. ... praneš. tezės*. Šiauliai: ŠPI. P. 191–194.
- Girdenis A., Kubiliūtė-Kliukienė R., 1982, Regresyvinis priebalsių palatalizacijos poveikis balsių spektrui šiaurės žemaičių tarmėje // *Kalbotyra*. T. 33 (1). P. 30–38.
- Girdenis A., Lakienė V., 1976, Šiaurės žemaičių kalbėjimo tempas // *Kalbotyra*. T. 27 (1). P. 71–74.
- Girdenis A., Pabrėža J., 1978, Nauji šlekiavimo stebėjimai Žagarės apylinkėse // *Baltistica*. T. 14 (2). P. 127–129.
- Girdenis A., Piročkinas A., 1977–1978, Jonas Jablonskis – dialektologas // *Kalbotyra*. T. 28 (1). P. 29–38; T. 29 (1). P. 19–28.
- Girdenis A., Pupkis A., 1974, Pietinių vakarų aukštaičių priegaidės: (Prozodiniai požymiai) // *Eksperimentinė ir praktinė fonetika*. Vilnius. P. 107–125.
- Girdenis A., Pupkis A., 1978, Bendrinės kalbos norminimo ir kodifikavimo principai // *Baltų kalbos ir jų tyrinėjimo metodai*. Vilnius. P. 53–66.
- Girdenis A., Pupkis A., 1979, Dėl vienos tarties normos: [О произношении согласного / в интернационализмах] // *Kultūros barai*. Nr. 2. P. 49–50.
- Girdenis A., Pupkis A., 1994, Vienas lietuvių kalbos ritmo bruožas // *Kalbotyra*. 1994. T. 43 (1). P. 88–89.
- Girdenis A., Riaubiškytė S., 1981, Viena šiaurės žemaičių ir prūsų fonetikos paralelė // *Baltistica*. T. 17 (1). P. 92–95.
- Girdenis A., Rosinas A., 1974, [Kn. rec.:] Grinaveckis V. Žemaičių tarmių istorija: (Fonetika). Vilnius: Mintis, 1973 // *Baltistica*. T. 10 (2). P. 187–207.
- Girdenis A., Rosinas A., 1976, Keletas samprotavimų dialektologinės fonetikos klausimais // *Baltistica*. T. 12 (2). P. 188–197.
- Girdenis A., Rosinas A., 1980, Jonas Kazlauskas (1930–1970) // *Kalba ir mintis*. Vilnius: Mokslas. P. 185–196.
- Girdenis A., Stundžia B., 1983, Reikšmingas eksperimentinės fonetikos veikalas // *Pergalė*. Nr. 4. P. 177–179. (Rec. kn.: Pakerys 1982.)

- Girdenis A., Zinkevičius Z., 1966, Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos // *Kalbotyra*. T. 14. P. 139–147.
- Girdenis A., Židonytė G., 1994, Šiaurės panevėžiškių (Rozalimo šnektos) balsių sistema // *Baltistica*. T. 29 (2). P. 115–154.
- Girdenis A., Žulys V., 1967, „Trumpinė priegaidė“? // *Kalbotyra*. T. 15. P. 113–116.
- Girdenis A., Žulys V., 1972, [Kn. rec.:] Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika: (Kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis). Vilnius: Mintis, 1968 // *Baltistica*. T. 8 (2). P. 193–202.
- Girdenis A., Žulys V., 1973, [Kn. rec.:] Lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mintis, 1965–1971 // *Baltistica*. T. 9 (2). P. 203–214.
- Girdzijauskas J., 1979, Lietuvių eilėdara: XX amžius. Vilnius: Mokslas.
- Goldsmith J. A. (ed.), 1995, *Handbook of Phonological Theory*. Cambridge: B. Blackwell Ltd.
- Grinaveckienė E., 1957, Mituvos upyno tarmės fonetika // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 1. P. 119–180.
- Grinaveckis V., 1961, Kirčio atitraukimas ir nukėlimas lietuvių kalbos tarmėse // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 4. P. 117–140.
- Grinaveckis V., 1973, Žemaičių tarmių istorija: (Fonetika). Vilnius: Mintis.
- Grinaveckis V., 1975, Dėl naujo požiūrio į kai kuriuos lietuvių istorinės dialektologijos klausimus // *Baltistica*. T. 11 (2). P. 185–200.
- Grīšle R., 1970, Latviešu heterotoni // *Donum Balticum: To Professor Christian S. Stang*. Stockholm. P. 155–161.
- Grīšle R., 1972, Latviešu zilbes intonāciju sēmantiskais svars // *Baltistica*. 1 priedas. P. 73–81.
- Hadding-Koch K., Abramson S. A., 1964, Duration versus Spectrum in Swedish Vowels: Some Perceptual Experiments // *Studia Linguistica*. T. 18 (2). P. 94–107.
- Hála B., 1961, La syllabe, sa nature, son origine et ses transformations // *Orbis*. T. 10. P. 69–143.
- Hammarström G., 1966, *Linguistische Einheiten im Rahmen der modernen Sprachwissenschaft*. Berlin, etc.: Springer.
- Hammarström G., 1971, The Problem of Nonsense Linguistics // *Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis*. Nova ser. T. 2 (4). P. 99–109.
- Hamp E. P., 1959, Buividze Lithuanian Phonemes // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 1–2. P. 195–202.
- Hansen Aa., 1943, *Stødet i Dansk*. København: Munksgaard.
- Harms R. T., 1968, *Introduction to Phonological Theory*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall.
- Harris Z. S., 1963, *Structural Linguistics*. Chicago; London: Phoenix Books.
- Harris Z. S., 1972, Simultaneous Components in Phonology // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 115–133.

- Hasiuk M., 1977⁰, Kurie-ne-kurie priebalsių pakitimai Seinų šnektoje // *Baltistica*. 2 priedas. P. 80–82.
- Hasiuk M., 1978, *Fonologia litewskiej gwary sejneńskiej*. Poznań: Uniw. im. A. Mickiewicza.
- Haugen E., 1956, *The Syllable in Linguistic Description* // For Roman Jakobson. The Hague. P. 213–221.
- Haugen E., 1962, *On Diagramming Vowel Systems* // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 648–654.
- Haugen E., 1967, *On the Rules of Norwegian Tonality* // *Language*. Vol. 43. P. 185–202.
- Havránek B., Jedlička A., 1963, *Česká mluvnice*. Praha: Stát. ped. nakl.
- Heeschen C. F. E., 1968, *Einführung in die Grundprobleme der generativen Phonologie mit besonderer Berücksichtigung der litauischen Phonologie: Inaug.-Diss. zur Erlangung der Doktorwürde*. Bonn: Friedrich-Wilhelms-Universität.
- Heike G., 1972, *Phonologie*. Stuttgart: Metzlersche Verlagsbuchh.
- Heinz A., 1978, *Dzieje językoznawstwa w zarysie*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Helbig G., 1970⁰, *Geschichte der neueren Sprachwissenschaft*. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst.
- Helimski E., 1977, *Some Preliminary Data on Lexical Tonal Oppositions in Estonian* // *Estonian Papers in Phonetics*. Tallinn. P. 35–38.
- Hill A. A., 1972, *The Current Relevance of Bloch's "Postulates"* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 241–244.
- Hintze F., 1950⁰, *Zur Frage der monophonematischen Wertung* // *Studia Linguistica*. T. 4. P. 14–24.
- Hirt H., 1929, *Indogermanische Grammatik: Der Akzent*. Heidelberg: Winter's Universitätsbuchh. Bd. 5.
- Hjelmslev L., 1936, *On the Principles of Phonematics* // *Proceedings of the 2nd International Congress of Phonetic Sciences*. London. P. 49–54.
- Hjelmslev L., 1936–1937, *Accent, intonation, quantité* // *Studi Baltici*. Vol. 6. P. 1–57.
- Hjelmslev L., 1938, *Über die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft* // *Archiv für die vergleichende Phonetik*. Bd. 2 (4). S. 211–221.
- Hjelmslev L., 1959, *Essais linguistiques*. Copenhagen: Nordisk Sprog- og Kulturforl.
- Hjelmslev L., 1963, *Sproget: En introduktion*. København: Berlingske forl.
- Hockett Ch. F., 1955, *A Manual of Phonology*. Baltimore: Waverly Press.
- Hockett Ch. F., 1968, *Kurs językoznawstwa współczesnego*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.

- Hockett Ch. F., 1972⁰, Two Fundamental Problems in Phonemics // Makkai V. B. Phonological Theory: Evolution and Current Practice. New York, etc. P. 200–210.
- Hoenigswald H. M., 1966, Language Change and Linguistic Reconstruction. Chicago; London: Phoenix Books.
- Hooper J. B., 1972, The Syllable in Phonological Theory // Language. Vol. 48. P. 525–540.
- Horálek K., 1965, Zur Theorie der unterscheidenden Eigenschaften (“Distinctive Features”) // Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences. Basel; New York. S. 365–366.
- Horálek K., 1968⁰, Zur Wesen der Vokalquantität // Travaux Linguistiques de Prague. Vol. 4. P. 9–13.
- Horálek K., 1981⁰, Dynamika fonologických systémů // Slovo a slovesnost. Roč. 42 (2). S. 115–123.
- Hulst H. van der, Smith N., 1982, An Overview of Autosegmental and Metrical Phonology // The Structure of Phonological Representations. Part I. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications. P. 1–45.
- Hyman L. M., 1975, Phonology: Theory and Analysis. New York, etc.: Holt, Rinehart, and Winston.
- Hyman L. M., 1985, A Theory of Phonological Weight. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications.
- Iivonen A., 1970, Experimente zur Erklärung der spektralen Variation deutscher Phonemrealisationen. Helsinki: Soc. Scientiarum Fennica.
- Ivić P., 1972⁰, On the Nature of Prosodic Phenomena // Acta Universitatis Carolinae: Philologica 1: Phonetica Pragensia. T. 3. P. 117–121.
- Ivić P., 1987, Properties and Functions of the Prosodic Phenomena in Language // Proceedings of the 11th International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn. Vol. 2. P. 472–476.
- Jakobson R., 1960, Closing Statements: Linguistics and Poetics // Style in Language. New York. P. 350–377.
- Jakobson R., 1962, Selected Writings. Vol. 1: Phonological Studies. ’s-Gravenhage: Mouton and Co.
- Jakobson R., Fant G. M., Halle M., 1972, Preliminaries to Speech Analysis: The Distinctive Features and Their Correlates. Cambridge (Mass.): The M. I. T. Press.
- Jakobson R., Halle M., 1962, Phonology and Phonetics // Jakobson R. Selected Writings. ’s-Gravenhage. Vol. 1. P. 464–504.
- Jakobson R., Waugh L., 1979, The Sound Shape of Language. Bloomington; London: Indiana Univ. Press.
- Janota P., 1967, An Experiment Concerning the Perception of Stress by Czech Listeners // Acta Universitatis Carolinae: Philologica 6: Phonetica Pragensia. P. 45–68.

- Jasiūnaitė B., 1993, Šiaurės žemaičių kretingiškių pietinių šnektų ir rytų aukštaičių uteniškių fonologinių sistemų lyginimas: humanit. m. dr. dis. Vilnius: VU.
- Jasiūnaitė B., Girdenis A., 1996, Trys rytų aukštaičių uteniškių fonologiniai balsių ilgumai // *Baltistica*. T. 31 (2). P. 181–199.
- Jassem W., 1958⁰, Phonologic and Acoustic Classification of Polish Vowels // *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*. Bd. 11 (4). S. 229–319.
- Jassem W., 1968, Vowel Formant Frequencies as Cues to Speaker Discrimination // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 1. P. 9–41.
- Jassem W., 1973, *Podstawy fonetyki akustycznej*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Jensen M. K., 1958, Recognition of Word Tones in Whispered Speech // *Word*. Vol. 14. P. 187–196.
- Jensen M. K., 1960, Rôle du contrôle auditif dans la production des accents dits de mot des langues scandinaves // *Word*. Vol. 16. P. 28–33.
- Jensen M. K., 1961, *Tonemicity*. Bergen; Oslo: Norw. Univ. Press.
- Job D. M., 1977, Probleme eines typologischen Vergleichs iberokaukasischer und indogermanischer Phonemsysteme im Kaukasus. Frankfurt; Bern: Lang & Lang.
- Jonaitytė A., 1960⁰, Nauji duomenys apie Skaistgirio tarmės konsonantizmą // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 3. P. 79–86.
- Junker H., 1938, Die Bedeutung der Vokale // *Archiv für die vergleichende Phonetik*. Bd. 2 (4). S. 223–247.
- Kačiuškienė G., 1980, Keletas pastabų dėl šiaurės panevėžiškių balsių kiekybės // Jaunųjų mokslininkų konferencijos, skirtos V. Lenino 110-osioms gimimo metinėms ir Tarybų Lietuvos 40-mečiui, programa ir tezės. Vilnius. P. 7.
- Kačiuškienė G., 1982, Vakarinių šiaurės panevėžiškių balsių kiekybė ir jos fonologinė interpretacija // *Kalbotyra*. T. 33 (1). P. 39–45.
- Kačiuškienė G., 1983, Šiaurės panevėžiškių murmamųjų balsių fonetinės ypatybės, distribucija ir fonologinė interpretacija // *Kalbotyra*. T. 34 (1). P. 24–38.
- Kačiuškienė G., 1984, Šiaurės panevėžiškių tarmės balsių psichoakustinė klasifikacija // *Kalbotyra*. T. 35 (1). P. 42–53.
- Kačiuškienė G., Girdenis A., 1982, „Žiemgališkoji“ anaptiksė šiaurės panevėžiškių tarmėje ir jos kilmė // *Baltistica*. T. 18 (2). P. 189–191.
- Kačiuškienė G., Girdenis A., 1997⁰, Rytų aukštaičių ir šiaurės žemaičių priegaidės: Bendrybės ir skirtumai // *Kalbotyra*. T. 46 (1). P. 31–36.
- Karaliūnas S., 1987, *Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė*. Vilnius: Mokslo.
- Karosienė V. Z., 1983, Vokiečių kalbos žodžio pradžios priebalsių junginiai ir afrikatų fonologinės interpretacijos problema: (lyginant su lietuvių kalba) // *Kalbotyra*. T. 34 (1). P. 39–49.
- Karosienė V., Girdenis A., 1990, Bendrinės kalbos žodžio ir skiemens statistinė struktūra // *Kalbotyra*. T. 41 (1). P. 36–48.

- Karosienė V., Girdenis A., 1993, Bendrinės kalbos fonemų dažnumai // *Kalbotyra*. T. 42 (1). P. 28–38.
- Karosienė V., Girdenis A., 1994, Lietuvių bendrinės kalbos skiemens tipų dažnumai // *Kalbotyra*. T. 43 (1). P. 34–42.
- Karosienė V., Girdenis A., 1995, Häufigkeit der Phoneme und die phonologische Wertung der litauischen Diphthonge // *Baltistica*. T. 30 (1). P. 67–78.
- Katwijk A. van, 1972, On the Perception of Stress // *Acta Universitatis Carolinae: Philologica 1: Phonetica Pragensia*. T. 3. P. 127–135.
- Kazlauskas J., 1966, Lietuvių literatūrinės kalbos diferencinių elementų sistema // *Kalbotyra*. T. 14. P. 73–81.
- Kazlauskas J., 1967, [Kn. rec.:] *Acta Baltico-Slavica*. T. 3: Baltica in honorem Iohannis Otrębski. Białystok, 1966 // *Baltistica*. T. 3 (2). P. 237–243.
- Kazlauskas J., 1968a, Lietuvių kalbos istorinė gramatika: (Kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis). Vilnius: Mintis.
- Kazlauskas J., 1968b, Priebalsio *j*, ėjusio po priebalsių, išnykimo baltų kalbose priežastys // *Artura Ozola diena: Zinātniskā konference „Fonētikas un fonoloģijas aktuālās problēmas“: referātu tēzes*. Rīgā. 34.–35. lpp.
- Kazlauskas J., 1968c, [Kn. rec.:] Lietuvių kalba tarybiniais metais. Vilnius, 1967 // *Baltistica*. T. 4 (2). P. 322–327.
- Kazlauskas J., 1968d⁰, [Kn. rec.:] *Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo, etc., 1966 // *Baltistica*. T. 4 (1). P. 125–135.
- Kazlauskienė A., 1996, Dvejopa žemutinių balsių kiekybė Igliaukos šnektoje // *Kalbotyra*. T. 45 (1). P. 128–130.
- Kazlauskienė A., 1998, Pietinių vakarų aukštaičių tarmės balsių kiekybė: daktaro disertacija. Kaunas: VDU.
- Keinys S., 1976, [Kn. rec.:] *Žodžiai ir žmonės*. Vilnius: Mintis, 1974 // *Kalbotyra*. T. 27 (1). P. 100–103.
- Kenstowicz M., 1969, *Lithuanian Phonology: thesis... for the degree of doctor of philosophy*. Urbana (Ill.): University of Illinois.
- Kenstowicz M., 1970, On the Notation of Vowel Length in Lithuanian // *Papers in Linguistics*. Vol. 3 (1). P. 73–113.
- Kenstowicz M., 1972, *Lithuanian Phonology* // *Studies in the Linguistic Sciences*. Vol. 2 (2). P. 1–85.
- Kent R. D., Netsell R., 1971, Effects of Stress Contrasts on Certain Articulatory Parameters // *Phonetica*. T. 24 (1). P. 23–44.
- Klimas A., 1970, Some Attempts to Inventory Lithuanian Phonemes // *Baltic Linguistics*. University Park; London. P. 93–102.
- Kliukienė R., 1983, Atviroji sandūra ir jos fonetinė realizacija šiaurės žemaičių tarmėje // *Kalbotyra*. T. 34 (1). P. 50–60.
- Koefoed H. A., 1967, *Fonemik*. Oslo, etc.: Universitetsforl.
- Kolsrud S., 1974, *Nynorsken i sine malføre*. Oslo, etc.: Universitetsforl.
- Kosienė O., 1978, Uteniškių tarmės balsinės fonemos // *Kalbotyra*. T. 29 (1). P. 29–40.

- Kosienė O., 1979, Priegaidžių opozicija dvigarsinėse uteniškių galūnėse // Aktualiosios kalbotyros problemos: Mokslinės konferencijos pakvietimas, programa ir tezės. Vilnius. P. 44–46.
- Kosienė O., 1982, Rytų aukštaičių uteniškių monoftongų priegaidės // Kalbotyra. T. 33 (1). P. 61–71.
- Kosienė O., Girdenis A., 1979, Fonologinis šalutinis kirtis rytų aukštaičių uteniškių tarmėje // Kalbotyra. T. 30 (1). P. 48–56.
- Kruszewski M., 1967, Wybór pism. Wrocław, etc.: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk.
- Kubiliūtė R., Girdenis A., 1977, Šiaurės žemaičių afrikatų ir heteromorfeminių T-S tipo junginių akustinės ir audicinės ypatybės // Kalbotyra. T. 28 (1). P. 50–57.
- Kurath H., 1957, The Binary Interpretation of English Vowels // Language. Vol. 33. P. 111–122.
- Kurschat Fr., 1876, Grammatik der litauischen Sprache. Halle: Verl. der Buchh. des Waisenhauses.
- Kuryłowicz J., 1958, L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław; Kraków: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk.
- Kuryłowicz J., 1960, Esquisses linguistiques. Wrocław; Kraków: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk.
- Kuryłowicz J., 1968a, Indogermanische Grammatik. Bd. II. Akzent. Ablaut. Heidelberg: Winter Universitätsverl.
- Kuryłowicz J., 1968b, The Notion of Morpho(pho)neme // Directions for Historical Linguistics: A Symposium. Austin; London. P. 66–81.
- Kuryłowicz J., 1977, Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław; Kraków: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk.
- Labov W., 1966, Hypercorrection by the Lower Middle Class as a Factor in Linguistic Change // Sociolinguistics: proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference. The Hague; Paris. P. 84–113.
- Labov W., 1972, The Internal Evolution of Linguistic Rules // Linguistic Change and Generative Theory: essays from the UCLA Conference. Bloomington; London. P. 101–171.
- Labov W., 1978, On the Use of the Present to Explain the Past // Readings in Historical Phonology. University Park; London. P. 257–312.
- Labov W., Yaeger M., Steiner R., 1972, A Quantitative Study of Sound Change in Progress. Philadelphia: U. S. Regional Survey.
- Labovas W., 1994, Kaip dabartimi aiškinti praeitį // Sociolingvistika ir kalbos kultūra. Vilnius: Gimtoji kalba. P. 98–119.
- Ladefoged P., 1967, Three Areas of Experimental Phonetics. London: Oxford Univ. Press.
- Ladefoged P., 1973, The Value of Phonetic Statements // Phonetics in Linguistics: A Book of Readings. London. P. 218–228.
- Ladefoged P., 1975, A Course in Phonetics. New York, etc.: Harcourt & Jovanovich.

- Ladefoged P., 1996, *Elements of Acoustic Phonetics*. 2nd ed. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press.
- Laigonaitė A., 1959, *Literatūrinės lietuvių kalbos kirčiavimas*. Vilnius: Valst. polit. ir moksl. lit. I-kla.
- Laigonaitė A., 1978, *Lietuvių kalbos akcentologija*. Vilnius: Mokslas.
- Lamb S. M., 1966, *Outline of Stratificational Grammar*. Washington (D.C.): Georgetown Univ. Press.
- Laua A., 1980, *Latviešu literārās valodas fonētika*. Rīgā: Zvaigzne.
- Laziczus J. von, 1936, A New Category in Phonology // *Proceedings of the 2nd International Congress of Phonetic Sciences*. London. P. 57–60.
- Lehiste I., 1960, An Acoustic-Phonetic Study of Internal Open Juncture // *Phonetica*. T. 5. P. 5–54.
- Lehiste I., 1970, *Suprasegmentals*. Cambridge (Mass.); London: The M.I.T. Press.
- Lehiste I., 1972, Some Observations Concerning the Third Tone in Latvian // *Papers in Linguistics and Phonetics: To the Memory of Pierre Delattre*. The Hague; Paris. P. 309–315.
- Lehiste I., 1980, Estonian Linguistics: State of the Art // *General Linguistics*. Vol. 20 (4). P. 194–208.
- Lehiste I., Ivić P., 1963, *Accent in Serbo-Croatian: An Experimental Study*. Ann Arbor: Dept. of Slavic Lang. and Lit.
- Lelis J., 1961, *The Place of Latgalian Among the Baltic Dialects: thesis ... for the degree of doctor of philosophy*. Cambridge (Mass.): Massachusetts State University.
- Leskauskaitė A., 2001, *Pietvakarinių pietų aukštaičių vokalizmas ir prozodija: Fonologinis ir eksperimentinis tyrimas: daktaro disertacija*. Vilnius: LKI.
- Lichem K., 1970, *Phonetik und Phonologie des heutigen Italienisch*. Berlin: Akad.-Verl.
- Liepa E., 1979, *Vokālisma un zilbju kvantitāte latviešu literārajā valodā*. Rīgā: Zinātne
- Lightner Th., 1971, A Problem in Coexistent Phonological Systems // *Linguistic Inquiry*. Vol. 2. P. 586–587.
- Liiv G., 1962a, On the Acoustic Composition of Estonian Vowels of Three Degrees of Length // *Eesti NSV Teaduste Akad. Toimetised: 11 Köide: Ühiskonnateaduste Seer. Nr. 3*. P. 271–290.
- Liiv G., 1962b, On the Quantity and Quality of Estonian Vowels of Three Phonological Degrees of Length // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 682–687.
- Lindblom B., 1962, Accuracy and Limitations of Sona-graph Measurements // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 188–202.
- Lindblom B., 1972⁰, Phonetics and the Description of Language // *Proceedings of the 7th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 63–97.
- Lindner G., 1969, *Einführung in die experimentale Phonetik*. Berlin: Akad.-Verl.

- Linell P., 1977, *Morphonology as Part of Morphology* // *Phonologica* 1976: Akten der 3. Intern. Phonologie-Tagung. Innsbruck. S. 9–20.
- Linell P., 1979, *Psychological Reality in Phonology: Theoretical Study*. Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press.
- Lippus U., Remmel M., 1976, *Some Contributions to the Study of Estonian Word Intonation* // *Estonian Papers in Phonetics*. Tallin. P. 37–66.
- Łobacz P., 1973, *Non-Unique Phonemic Interpretation of the Polish Speech Sounds* // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 3. P. 53–83.
- Łobacz P., 1976, *Speech Rate and Vowel Formants* // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 4. P. 187–218.
- Łobacz P., 1981, *Classification of Polish Consonantal Phonemes on the Basis of a Subjective Similarity Test* // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 5. P. 97–120.
- Lockwood D. G., 1972a, *Introduction to Stratificational Linguistics*. New York, etc.: Harcourt & Jovanovich.
- Lockwood D. G., 1972b, *Neutralization, Biuniqueness, and Stratificational Phonology* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 656–669.
- Lotz J., 1962⁰, *Thoughts on Phonology as Applied to the Turkish Vowels* // *Amer. Studies on Altaic Linguistics*. Nr. 13. P. 343–351.
- Lüdtke H., 1970, *Die Alphabetschrift und das Problem der Lautsegmentierung* // *Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences*. Prague. P. 579–583.
- Lyons J. J., 1968, *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge: The Univ. Press.
- Lyons J. J., 1977, *Semantics: in 2 vol.* Cambridge, etc.: Cambridge Univ. Press.
- Lyons J., 1972, *Phonemic and Non-Phonemic Phonology: Some Typological Reflections* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 275–281.
- Maddieson I., 1978, *Universals of Tone* // *Universals of Human Language*. Stanford (Calif.). Vol. 2. P. 345–365.
- Magner Th. F., Matejka L., 1971, *Word Accent in Modern Serbo-Croatian*. University Park; London: The Pennsylvania State Univ. Press.
- Magno-Caldognetto E., 1979, *Introduzione alla percezione dei suoni linguistici*. Padova: CLESP editrice.
- Makkai V. B., 1972, *Vowel Harmony in Hungarian Reexamined in the Light of Recent Developments in Phonological Theory* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 634–648.
- Malmberg B., 1969⁰, *Nowe drogi w językoznawstwie: Przegląd szkół i metod*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Malmberg B., 1971, *Phonétique générale et romane*. The Hague; Paris: Mouton.
- Martinet A., 1933⁰, *Remarques sur le système phonologique du français* // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 34. P. 191–202.

- Martinet A., 1936, Neutralization et archiphonème // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. Vol. 6. P. 45–57.
- Martinet A., 1939, Un ou deux phonèmes? // *Acta Linguistica*. T. 1. P. 94–103.
- Martinet A., 1949, Phonology as Functional Phonetics // *Publications of the Philological Society*. Vol. 15. London. P. 1–27.
- Martinet A., 1970, *Podstawy lingwistyki funkcjonalnej*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Mascaró J., 1978, *Catalan Phonology and the Phonological Cycle*. Bloomington (Ind.): Indiana Univ. Ling. Club.
- Mathesius V., 1912, O potenciálnosti jevů jazykových // *Věstník královské české společnosti nauk: Třída filosofsko-historicko-jazykopytná*. R. 1911. Praha. S. 1–24.
- Matthews P. H., 1974, *Morphology: An Introduction to the Theory of Word-Structure*. London; New York: Cambridge Univ. Press.
- Matthews W. K., 1958, Phonemes and Phoneme Patterns in Contemporary Russian and Lithuanian // *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 36 (87). P. 317–339.
- Matthews W. K., 1959⁰, The Phonemic System of Literary Latvian // *Rakstu krājums: Veltījums ... Jānim Endzelīnam*. Rīgā. 181.–200. lpp.
- Mayrhofer M., 1965, *Sanskrit-Grammatik*. Berlin: Gruyter.
- Mažiulis V., 1965, Remarques sur le vocalisme du vieux Prussien // *Acta Baltico-Slavica*. T. 2. P. 53–59.
- Mažiulis V., 1966, *Prūsų kalbos paminklai*. Vilnius: Mintis.
- Mažiulis V., 1970, *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai: (Deklinacija)*. Vilnius: Mintis.
- Mažiulis V., 1981, *Prūsų kalbos paminklai*. Vilnius: Mokslas. T. 2.
- Meinhold G., Stock E., 1982, *Phonologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: VEB Bibliogr. Inst.
- Melikishvili I. G., 1974, Phonostatistic Typology and the Interpretation of Reconstructed Systems // *Acta Universitatis Carolinae: Philologica 5: Linguistica Generalia*. T. 1. 89–100.
- Melikišvili I. G., 1976, *Marķirebis mimarteba ponologiaši (= Отношение маркированности в фонологии; на груз. яз., резюме на рус яз.)*. Tbilisi: Месниереба.
- Merlingen W., 1970, Phonematik und Orthographie: Baltische Probleme // *Donum Balticum: To Professor Chr. S. Stang*. Stockholm. S. 340–346.
- Meyer-Eppler W., 1957, Realisation of Prosodic Features in Whispered Speech // *Journal of the Acoustic Society of America*. Vol. 29 (1). P. 104–106.
- Mikalauskaitė E., 1962, Afrikatos ir garsų samplaikos // *Kalbos kultūra*. T. 3. P. 57–58.
- Mikalauskaitė E., 1975, *Lietuvių kalbos fonetikos darbai*. Vilnius: Mokslas.
- Milewski T., 1965, *Językoznawstwo*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.

- Miller J. D., 1962, Word Tone Recognition in Vietnamese Whispered Speech // *Word*. Vol. 17. P. 11–15.
- Mol H., 1965, Are Phonemes Really Realized? // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 426–430.
- Morais-Barbosa J. de, 1962, Les voyelles nasales portugaises: interpretation phonologique // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 691–709.
- Morciniec N., 1958, Zur phonologischen Wertung der deutschen Affrikaten und Diphthonge // *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*. Bd. 11. S. 49–61.
- Morciniec N., 1968, Distinktive Spracheinheiten im Niederländischen und Deutschen: Zum phonologischen Identifizierungsprozess. Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich.
- Morciniec N., 1971, Einzellaute als Realisierung von Phonemverbindungen. *Germanica Wratislavensia*. T. 14. P. 119–127.
- Morkūnas K., 1960, Rytų aukštaičių pietinės tarmės fonetika // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 3. P. 5–59.
- Morkūnas K. (red.), 1982, Lietuvių kalbos atlasas. Vilnius: Mokslas. T. 2: Fonetika.
- Moulton W. G., 1947, Juncture in Modern Standard German // *Language*. Vol. 23. P. 321–343.
- Moulton W. G., 1956⁰, Syllable Nuclei and Final Consonant Clusters in German // *For Roman Jakobson*. The Hague. P. 372–381.
- Moulton W. G., 1961⁰, Lautwandel durch innere Kausalität // *Zeitschr. für Mundartforschung*. Bd. 28. S. 227–251.
- Mulder J. W., 1968, Sets and Relations in Phonology: An Axiomatic Approach to the Description of Speech. Oxford: The Clarendon Press.
- Muljačić Ž., 1972, *Fonologia della lingua italiana*. Bologna: Il Mulino.
- Muljačić Ž., 1973, *Fonologia generale*. Bologna: Il Mulino.
- Murinienė L., 2000, Akmenės šnektos fonologinė sistema : Vokalizmas ir prozodija: daktaro disertacija. Vilnius: VU.
- Neweklowsky G., 1973, *Slowenische Akzentstudien: Akustische und linguistische Untersuchung am Material Slowenischer Mundarten aus Kärnten*. Wien: Verl. der Österr. Akad. der Wiss.
- Novák L., 1966, Caractère périphérique des consonnes dans le système phonologique et dans la structure syllabique // *Travaux linguistiques de Prague*. T. 2. P. 127–132.
- O'Connor J. D., Trim J. L. M., 1973, Vowel, Consonant, and Syllable – a Phonological Definition // *Phonetics in Linguistics: A Book of Readings*. London. P. 240–261.
- Ondráčková J., 1961, On the Problem of the Function of Stress in Czech // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 14. S. 45–54.

- Pabrėža J., 1980, Kirčio atitraukimo fakultatyvumas šiaurės žemaičių tarmėje ir galimos jo priežastys // Jaunųjų mokslininkų konferencijos, skirtos V. Lenino 110-osioms gimimo metinėms ir Tarybų Lietuvos 40-mečiui, programa ir tezės. Vilnius. P. 5–6.
- Pabrėža J., 1981, Kirčio atitraukimo svyravimai šiaurės žemaičių tarmėje: (Statistinis tyrinėjimas) // Kalbotyra. T. 32 (1). P. 66–73.
- Pabrėža J., 1982, Kirčio neatitraukimas kaip sakinio intonacinis komponentas šiaurės žemaičių šnektose // Sintaksės ir semantikos klausimai: Respublikinės mokslinės konferencijos, skirtos TSRS akūrimo 60-mečiui, pranešimų tezės. Šiauliai: ŠPI. P. 34–36.
- Pabrėža J., 1984, Kirčio atitraukimo ir sakinio intonacijos ryšys šiaurinėse žemaičių šnektose // Kalbotyra. T. 35 (1). P. 61–71.
- Pakerys A., 1967a, Apie kirtį // Kalbotyra. T. 17. P. 129–134.
- Pakerys A., 1967b, Spektriniai tvirtapradžių ir tvirtagalių dvibalsių skirtumai // Spalio revoliucija ir visuomeniniai mokslai Lietuvoje: Mokslinės konferencijos medžiaga. Vilnius. P. 615–617.
- Pakerys A., 1968, Lietuvių literatūrinės kalbos sudėtinių dvibalsių *au*, *ai*, *ei* akustiniai požymiai // Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kollokviumo medžiaga. T. 3. P. 97–118.
- Pakerys A., 1971, Psichoakustinis balsių panašumas // Kalbotyra. T. 23 (1). P. 17–33.
- Pakerys A., 1974a, Lietuvių bendrinės kalbos balsių diferencinių požymių hierarchija // Kalbotyra. T. 26 (1). P. 37–48.
- Pakerys A., 1974b, Tvirtapradžių ir tvirtagalių dvigarsių spektras // Eksperimentinė ir praktinė fonetika. Vilnius. P. 142–155.
- Pakerys A., 1975⁰, Lietuvių bendrinės kalbos ilgųjų ir trumpųjų balsių opozicijos fonetinis pagrindas // II sąjunginė baltų kalbotyros konferencija: pranešimų tezės. Vilnius. P. 41–42.
- Pakerys A., 1978, Lietuvių bendrinės kalbos fonetikos pratybos. Vilnius: Mokslas.
- Pakerys A., 1982, Lietuvių bendrinės kalbos prozodija. Vilnius: Mokslas.
- Pakerys A., 1986, Lietuvių bendrinės kalbos fonetika. Vilnius: Mokslas.
- Pakerys A., Plakunova T., Urbelienė J., 1974, Lietuvių kalbos mišriųjų dvigarsių santykinė trukmė // Eksperimentinė ir praktinė fonetika. Vilnius. P. 3–47.
- Palionis J., 1979, Lietuvių literatūrinės kalbos istorija. Vilnius: Mokslas.
- Palková Z., 1967, Some Comments on the Arrangement of Distinctive Features in Czech // Acta Universitatis Carolinae: Philologica 6: Phonetica Pragensia. P. 79–89.
- Palková Z., 1997, Fonetika a fonologie češtiny. Praha: Univerzita Karlova.
- Pauliny E., 1966, The Principle of Binary Structure in Phonology // Travaux linguistiques de Prague. Vol. 2. P. 121–126.
- Peco A., 1965, Valeur phonologique des accents serbocroates // Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences. Basel; New York. P. 453–457.

- Philipp M., 1974, *Phonologie des Deutschen*. Stuttgart, etc.: Kohlhammer.
- Pike K. L., 1947, *Phonemics: A Technique for Reducing Languages to Writing*. Ann Arbor.
- Pike K. L., 1972a, *Grammatical Prerequisites to Phonemic Analysis* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 153–165.
- Pike K. L., 1972b, *More on Grammatical Prerequisites* // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York. P. 211–223.
- Pilch H., 1964, *Phonemtheorie*. Basel; New York: Karger.
- Pilch H., 1965⁰, *Zentrale und periphere Lautsysteme* // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 467–469.
- Pollok K. H., 1965, *Akzentoppositionen im Serbo-Kroatischen* // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 474–477.
- Popela J., 1966, *The Functional Structure of Linguistic Units and the System of Language* // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 2. P. 71–80.
- Postal P. M., 1968, *Aspects of Phonological Theory*. New York, etc.: Harper & Row.
- Pride J. B., 1977, *Sociolinguistics* // *New Horizons in Linguistics*. Harmondsworth. P. 287–301.
- Pulgram E., 1961⁰, *French /ə/ — Statistics and Dynamics of Linguistic Subcodes* // *Lingua*. Vol. 10. P. 305–325.
- Pulgram E., 1965⁰, *Consonant Cluster, Consonant Sequence, and the Syllable* // *Phonetica*. T. 13 (1–2). P. 76–81.
- Pulgram E., 1970, *Syllable, Word, Nexus, Cursus*. The Hague; Paris: Mouton.
- Pupkis A., 1966, *Lietuvių literatūrinės kalbos afrikatų ir atitinkamų priebalsių junginių sudėties klausimu* // *Kalbotyra*. T. 14. P. 107–117.
- Purcell E. T., 1971, *The Acoustic Differentiation of Serbo-Croatian Accents in Statements* // *Phonetica*. T. 24 (1). P. 1–8.
- Purcell E. T., 1973, *The Realization of Serbo-Croatian Accents in Sentence Environments: An Acoustic Investigation*. Hamburg: Buske.
- Reformatskis A., 1963, *Kalbotyros įvadas*. Vilnius: Valst. polit. ir moksl. lit. I-kla.
- Remenytė I.-I., 1992, *Centrinės šiaurės žemaičių tarmės prozodija: Instrumentinis ir sociolingvistinis tyrimas: filol. m. kand. dis.* Vilnius: VU.
- Renský M., 1966, *The Systematics of Paralanguage* // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 2. P. 97–102.
- Reychman J., 1970, *Zarys gramatyki języka rumuńskiego* // *Słownik rumuńsko-polski*. Warszawa. S. XV–XLVIII.
- Richter L., 1976, *The Duration of Polish Consonants* // *Speech Analysis and Synthesis*. Vol. 4. P. 219–238.
- Rigault A., 1972, *Accent et demarcation en tchèque* // *Acta Universitatis Carolinae: Philologica 1: Phonetica Pragensia*. T. 3. P. 207–219.

- Ringgaard K., 1965, The Phonemes of a Dialectal Area, Perceived by Phoneticians and by the Speakers Themselves // Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences. Basel; New York. P. 494–501.
- Roach P., 2002, Phonetics. Oxford: Oxford University Press.
- Robert P., 1978⁰, Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Soc. du Nouveau Litté.
- Robins R. H., 1972, Aspects of Prosodic Analysis // Makkai V. B. Phonological Theory: Evolution and Current Practice. New York, etc. P. 264–274.
- Robinson D. F., 1968, Some Acoustic Correlates of Tone in Standard Lithuanian // Slavic and East European Journal. Vol. 12 (2). P. 206–212.
- Roca I., 1994, Generative Phonology. London: Routledge.
- Rokaitė B., 1961, Kai kurie nauji žemaičių dounininkų tarmių fonetikos dalykai // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 4. P. 141–155.
- Rokaitė B., 1962, Prieškirtinių ilgųjų balsių ir dvibalsių *ie, uo* trumpinimas žemaičių dounininkų tarmėje // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 5. P. 171–174.
- Rokaitė B., Vitkauskas V., 1967, Apie vieną kirčio neatitraukimo atvejį šiaurės vakarų dūnininkų ir pietvakarių dounininkų tarmėse // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 9. P. 147–149.
- Romportl M., 1966, Zentrum und Peripherie im phonologischen System // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 2. P. 103–110.
- Romportl M., 1968, Vocalic Formants and the Classification of Vowels // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 4. P. 15–24.
- Romportl M., 1970, On the Phonic Analysis of Language // *Acta Universitatis Carolinae: Philologica 1: Phonetica Pragensia*. Vol. 2. P. 9–18.
- Romportl M., 1977, Neuere über die akustischen Korrelate der distinktiven Merkmale // *Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 239–242.
- Rubach J., 1977⁰, Contrastive Phonostylistics // *Papers and Studies in Contrastive Linguistics*. Vol. 6. P. 63–72.
- Rubinčik Y. A., 1971, The Modern Persian Language. Moscow: Nauka.
- Rudes B., 1977⁰, A Note on Romanian Fast-Speech // *Revue roumaine de linguistique*. Vol. 22. P. 87–97.
- Rudzīte M., 1964⁰, Latviešu dialektoloģija. Rīgā: Latvijas Valsts izdevniecība.
- Ruhlen M., 1974, Some Comments on Vowel Nasalization in French // *Journal of Linguistics*. Vol. 10. P. 271–276.
- Rūķe-Draviņa V., 1970, Initial Consonant Combinations in Lithuanian and Latvian // *Donum Balticum: To Professor Ch. S. Stang*. Stockholm. P. 429–440.
- Sabaliauskas A., 1963⁰, Baltų ir pabaltijo suomių kalbų santykiai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 6. P. 109–136.
- Salys A., 1992, Raštai. Roma: Lietuvių katalikų mokslo akademija. T. 4: Lietuvių kalbos tarmės.
- Sapir E., 1949, Language. New York: A Harvest Book.

- Sarkanis A., 1993, Latvių kalbos Augšzemės sēliškųjų šnektų prozodija ir vokalizmas: Eksperimentinis tyrimas: humanit. m. dr. dis. Vilnius: VU.
- Saussure F. de, 1922, Recueil des publications scientifiques. Heidelberg: Winter.
- Saussure F. de, 1961, Kurs językoznawstwa ogólnego. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Saussure F. de, 1967, Cours de linguistique générale. Paris: Payot.
- Savičiūtė G., Vitkauskas V., 1976, Priebalsių *t : k* ir *d : g* maišymas Švendubrės šnektoje // *Baltistica*. T. 12 (2). P. 146–149.
- Sawicka I., 1974, Struktura grup spółgłoskowych w językach słowiańskich. Wrocław, etc.: Zakł. Nar. im. Ossolińskich.
- Schane S. A., 1972, Natural Rules in Phonology // *Linguistic Change and Generative Theory: essays from the UCLA Conference*. Bloomington; London. P. 199–229.
- Schane S. A., Bendixen B., 1978, Workbook in Generative Phonology. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, Inc.
- Schanidze A., 1982, Altgeorgisches Elementarbuch. Tbilisi: Staatsuniv. Tbilisi. T. 1: Grammatik der altgeorgischen Sprache.
- Schmalstieg W. R., 1958, A Descriptive Study of the Lithuanian Verbal System // *General Linguistics*. Vol. 3 (3) (Suppl.). P. 85–105.
- Schmalstieg W. R., 1964, A Balto-Slavic Structural Parallelism // *Word*. Vol. 20. P. 35–39.
- Schmalstieg W. R., 1983, [Review:] A. Girdenis. Fonologija. Vilnius: Mokslas, 1981. Pp. 216. 65 kp. // *General Linguistics*. Vol. 23. No. 2. Published by The Pennsylvania State University Press, Univesity Park and London. P. 161–164.
- Schwyzler E., 1934, Griechische Grammatik. München: Beck'sche Verlagsbuchh.
- Segerbäck B., 1966, La réalisation d'une opposition des tonèmes dans des disyllabes chuchotés: Étude de phonétique expérimentale // *Travaux de l'Institut de Phonétique de Lund*. Vol. 4. P. 1–54.
- Shearme J. N., Holmes J. N., 1962, An Experimental Study of the Classification of Sounds in Continuous Speech According to Their Distribution in the Formant 1 – Formant 2 Plane // *Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences*. The Hague. P. 232–240.
- Siebs T., 1969, Deutsche Aussprache: Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch. Berlin: Gruyter.
- Sigurd B., 1955, Rank Order of Consonants Established by Distributional Criteria // *Studia Linguistica*. N 9. P. 8–20.
- Sigurd B., 1965, Phonotactic Structures in Swedish. Lund: Uniskol.
- Sigurd B., 1968, Phonotactic Aspects of the Linguistic Expression // *A Manual of Phonetics*. Amsterdam. P. 450–463.
- Sivers F. de, 1964⁰, A Qualitative Aspect of Distinctive Quantity in Estonian // *Word*. Vol. 20. P. 28–34.

- Skalička V., 1967, Die phonologische Typologie // Acta Universitatis Carolinae: Philologica 6: Phonetica Pragensia. P. 73–78.
- Skaličková A., 1967⁰, A Radiographic Study of English and Czech Vowels // Acta Universitatis Carolinae: Philologica 6: Phonetica Pragensia. P. 29–43.
- Skirmantas P., Girdenis A., 1972, Progresyvinė balsių asimiliacija pietinėse „dounininkų“ šnektose // Kalbotyra. T. 24 (1). P. 91–96.
- Smith S., 1938, Zur Physiologie des Stosses // Acta Philologica Scandinavica: Tidsskrift for Nordisk Sprogforskning. Bd. 12. P. 33–39.
- Smith S., 1944, Bidrag til løsning af problemer vedrørende stødet i Dansk rigssprog: En eksperimentalfonetisk studie. København: Kaifers Bogh.
- Smoczyński W., 1975, Some Problems of Lithuanian Phonology // III sąjunginė baltų kalbotyros konferencija: pranešimų tezės. Vilnius. P. 58–61.
- Smoczyński W., 1978, Sporne problemy wokalizmu litewskiego // Sprawozdania z posiedzeń Komisji Naukowych / Polska Akademia nauk, Oddział w Krakowie. T. 20 (2). Lipiec–grudzień 1976 r. S. 331–333.
- Sommerfelt A., 1981, Can Syllable Divisions Have Phonological Importance? // Fonologi = Phonology. Oslo. P. 167–169.
- Stanley R., 1967, Redundancy Rules in Phonology // Language. Vol. 43. P. 393–436.
- Stebelin-Kamenskij M. I., 1981, Om alveolarer og kakuminaler i Norsk og Svensk // Fonologi = Phonology. Oslo. P. 249–258.
- Stelle A., 1968, Zilbes intonācijas akustiskā analīze // Artura Ozola diena: Zinātniskā konference „Fonētikas un fonoloģijas aktuālās problēmas“: referātu tēzes. Rīgā. 56.–61. lpp.
- Steponavičius A., 1976, Distribucija // Mūsų kalba. Nr. 2. P. 65–67.
- Steponavičius A., 1978, Fonema // Mūsų kalba. Nr. 3. P. 52–54.
- Strimaitienė M., 1974a, Dar kartą apie lietuvių bendrinės kalbos afrikatas ir atitinkamus priebalsius morfemų sandūroje // Eksperimentinė ir praktinė fonetika. Vilnius. P. 48–64.
- Strimaitienė M., 1974b, Žodžio pradžios dviejų priebalsių junginiai anglų ir lietuvių kalbose // Kalbotyra. T. 25 (1). P. 61–71.
- Strimaitienė M., 1979, Anglų ir lietuvių kalbų vidinių priebalsių fonotaktika // Kalbotyra. T. 30 (3). P. 48–61.
- Strimaitienė M., 1983, Išorinė atviroji sandūra bendrinėje lietuvių kalboje // Kalbotyra. T. 34 (1). P. 61–66.
- Strimaitienė M., Girdenis A., 1978, Priebalsių junginių trukmė kaip atvirosios sandūros indikatorius bendrinėje lietuvių kalboje // Kalbotyra. T. 29 (1). P. 61–68.
- Stundžia B., 1979, Keli Tauragnų šnektos mažmožiai // Kalbotyra. T. 30 (1). P. 89–90.
- Stundžia B., 1980, Kelios pastabos apie Upninkų šnektą // Kalbotyra. T. 31 (1). P. 98–100.

- Stundžia B., 1981, Vadovėlis, mokslinė studija // Gimtasis kraštas. Rugs. 24. P. 2. (Rec. kn.: Girdeņis 1981a.)
- Stundžia B., 1982a, Svarbus struktūrinės kalbotyros veikalas // Pergalė. Nr. 3. P. 172–175. (Rec. kn.: Girdeņis 1981a.)
- Stundžia B., 1982b, [Kn. rec.:] Girdeņis A. Fonologija. Vilnius: Mokslas, 1981 // Tarybų Lietuvos visuomenės mokslai. Kalbotyra: Ref. leid. Nr. 10. P. 53–58.
- Stundžia B., 1983, [Kn. rec.:] Girdeņis A. Fonologija. Vilnius: Mokslas, 1981 // Kalbotyra. T. 34 (1). P. 129–132.
- Subačius G., 1993, Juozas Čiulda ir jo gramatika // Čiulda J. Trumpi samprotavimai apie žemaičių kalbos gramatikos taisykles. Vilnius. P. 7–56.
- Svecevičius B., Pakerys A., 1967, On the Vocality of /i/ and /u/ in Lithuanian Diphthongs // Baltistica. T. 3 (2). P. 155–160.
- Swadesh M., 1937, The Phonemic Interpretation of Long Consonants // Language. Vol. 13. P. 1–10.
- Swadesh M., 1972, [Review:] Twaddell “On Defining the Phoneme” (Language Monograph N 16) // Makkai V. B. Phonological Theory: Evolution and Current Practice. New York, etc. P. 41–44.
- Šimkūnaitė E., 1965, Lietuvių literatūrinės kalbos segmentinių fonemų dažnumas // XVIII studentų mokslinės konferencijos medžiaga: Istorija ir filologija. Vilnius. P. 5.
- Šulce Dz., 1993, Vardažodžių šaknų fonotaktinė struktūra dabartinėje latvių kalboje : (Lyginant su lietuvių kalba) : humanit. m. dr. dis. Vilnius: VU.
- Švėgžda O., 1980, Taikomoji informacijos teorija. Vilnius: Mokslas.
- Tanakadate A., 1937, Development of Romazi Writing in Japan and Its Standardization // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacques van Ginneken. Paris. P. 357–361.
- Tankevičiūtė M., 1981, Bendrinės lietuvių kalbos intervokaliųjų priebalsių trukmė: (Spektrografinis tyrinėjimas) // Kalbotyra. T. 32 (1). P. 106–120.
- Tankevičiūtė M., 1982, Kirčiuoto skiemens priebalsių trukmė ir jos santykis su loginiu kirčiu // Kalbotyra. T. 33 (1). P. 96–105.
- Tankevičiūtė M., Strimaitienė M., 1990, Initial Consonant Clusters in Prussian // Baltistica. T. 26 (2). P. 105–110.
- Tekorius A., 1984, [Rezension zu:] Girdeņis A. Fonologija. Vilnius: Mokslas, 1981 // Baltistica. T. 22 (2). P. 168–182.
- Tevdoraze I., 1978, Kartuli enis p̄rosodiis saķitxebi (= Вопросы просодии грузинского языка; на груз. яз.; перевод отрывков выполнен д-ром Л. Палмайтисом). Tbilisi: Univ. gamomcemloba.
- The Present-Day, 1970⁰, The Present-Day Tasks of the Phonetic Sciences: (Round Table Discussion) // Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences. Prague. P. 87–99.
- Toporišič J., 1970, Relevanz der Gestaltelemente der slowenischen Toneme // Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences. Prague. P. 913–915.

- Toporišič J., 1972, Sprechakt Neutralisierung und Metatonie der Toneme im Slowenischen // *Acta Universitatis Carolinae: Philologica 1: Phonetica Pragensia*. T. 3. P. 267–270.
- Torbiörnsson T., 1924, Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent. Heidelberg: Winter's Universitätsbuchh.
- Torbiörnsson T., 1932, Zur Akzentierung der sekundären Nominalableitungen im Litauischen // *Symbolae Philologicae O. A. Danielsson octogenario dictatae*. Upsaliae. S. 363–382.
- Trager G. L., 1940, Serbo-Croatian Accents and Quantities // *Language*. Vol. 16. P. 29–32.
- Trager G. L., 1941, The Theory of Accentual Systems // *Language, Culture, and Personality*. Menasha. P. 131–145.
- Trager G. L., 1942, The Phonemic Treatment of Semivowels // *Language*. Vol. 18. P. 220–223.
- Trager G. L., Bloch B., 1972, The Syllabic Phonemes of English // Makkai V. B. *Phonological Theory: Evolution and Current Practice*. New York, etc. P. 72–89.
- Trnka B., 1936, General Laws of Phonemic Combinations // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. Vol. 6. P. 57–65.
- Trnka B., 1958, On Some Problems of Neutralization // *Omagiu lui Iorgu Iordan*. București. P. 861–866.
- Trost P., 1965, Two Remarks on Lithuanian Vocalism // *Acta Baltico-Slavica*. T. 3. P. 183–185.
- Trost P., 1966, Zur phonologischen Wertung der deutschen Diphthonge // *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 2. P. 147–149.
- Trubetzkoy N. S., 1929, Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. Vol. 1. P. 39–67.
- Trubetzkoy N. S., 1931, Die phonologischen Systeme // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. Vol. 4. P. 96–116.
- Trubetzkoy N. S., 1936, Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. Vol. 7. P. 29–45.
- Trubetzkoy N. S., 1938, Über eine neue Kritik des Phonembegriffes // *Archiv für die vergleichende Phonetik*. Bd. 1 (3). S. 129–152.
- Trubetzkoy N. S., 1977, *Grundzüge der Phonologie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Tsereteli K. G., 1978, *The Modern Assyrian Language*. Moscow: Nauka.
- Twaddell W. F., 1939⁰, Combinations of Consonants in Stressed Syllables in German: (An Extension of "Rules of Combination") // *Acta Linguistica*. T. 1. P. 189–199.
- Ulvydas K. (red.), 1965, *Lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mintis. T. 1.
- Ulvydas K. (red.), 1971, *Lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mintis. T. 2.
- Ungeheuer G., 1962, *Elemente einer akustischen Theorie der Vokalartikulation*. Berlin, etc.: Springer.

- Ungeheuer G., 1965, Extensional-paradigmatische Bestimmung auditiver Qualitäten phonetischer Signale // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 556–559.
- Ungeheuer G., 1968, Systematische Signaldestruktion als Methode der psychoakustischen Phonetik // *Phonetica*. T. 18. P. 129–185.
- Ungeheuer G., 1969, Das Phonemsystem der deutschen Hochlautung // *Siebs T. Deutsche Aussprache: Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch*. Berlin. S. 27–42.
- Ungeheuer G., 1970⁰, Kommunikative und extrakommunikative Betrachtungsweisen in der Phonetik // *Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Sciences*. Prague. P. 73–86.
- Urbańczyk S., 1968, *Zarys dialektologii polskiej*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Urbutis V., 1978, *Žodžių darybos teorija*. Vilnius: Mokslas.
- Vachek J., 1936⁰, Phonemes and Phonological Units // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. Vol. 6. P. 235–239.
- Vachek J., 1937, Can the Phoneme Be Defined in Terms of Time? // *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacques van Ginneken*. Paris. P. 101–104.
- Vachek J., 1965⁰, On Peripheral Phonemes // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 561–564.
- Vachek J., 1966, *The Linguistic School of Prague*. Bloomington; London: Indiana Univ. Press.
- Vachek J., 1967⁰, Poznámky k fonologické stylistice jazykových variet // *Slovo a slovesnost*. Roč. 37 (2). S. 81–89.
- Vachek J., 1968, *Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny*. Praha: Academia.
- Vaitkevičiūtė V., 1957, Lietuvių literatūrinės kalbos priebalsinių fonemų sudėtis // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 1. P. 5–66.
- Vaitkevičiūtė V., 1961, Lietuvių literatūrinės kalbos balsinės ir dvibalsinės fonemos // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 4. P. 19–46.
- Vaitkevičiūtė V., 1964, Lietuvių kalbos priebalsių tarimo fazių kitimas // *Eksperimentinės fonetikos ir kalbos psichologijos kolokviumo medžiaga*. T. 1. P. 1–13.
- Vaitkevičiūtė V., Grinaveckis V., 1959, Lietuvių kalbos trumpinė priegaidė // *Tarybinė mokykla*. Nr. 3. P. 28–30.
- Valeckienė A. (red.), 1976⁰, *Lietuvių kalbos rašyba ir skyryba*. Vilnius: Mokslas.
- Valentas S., Girdenis A., 1976, Akūto pėdsakai dvibalsinėse aukštaičių galūnėse // *Studentų moksliniai darbai*. Vilnius. P. 162–170.
- Venckutė R., 1964, Balsio *e* rakitimai tarmėse // *Тезисы докладов научных работ 17-й студенческой научной конференции*. Вильнюс. С. 131–132.
- Verner K. A. 1877, Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. Bd. 23. S. 97–130.

- Vitkauskas V., 1983a, Knyga apie garsų prigimtį // *Literatūra ir menas*. Gegužės 14. P. 7. (Rec. kn.: Pakerys 1982.)
- Vitkauskas V., 1983b, Tarmių garsynas žemėlapiuose // *Kultūros barai*. Nr. 5. P. 64–67.
- Vogt H., 1981a, Some Remarks on Norwegian Phonemics // *Fonologi = Phonology*. Oslo. P. 187–195.
- Vogt H., 1981b, The Structure of the Norwegian Monosyllables // *Fonologi = Phonology*. Oslo. P. 208–231.
- Weinreich U., Labov W., Herzog M. I., 1968, Empirical Foundations for a Theory of Language Change // *Directions for Historical Linguistics: A Symposium*. Austin; London. P. 96–195.
- Weinstock J., 1981, Redundancy Rules and Norwegian Vowel Alternations // *Fonologi = Phonology*. Oslo. P. 278–286.
- Weiss R., 1977, The Phonemic Significance of the Phonetic Factors of Vowel Length and Quality in German // *Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 271–276.
- Wells J. C., 1965, The Phonological Status of Syllabic Consonants in English R. P. // *Phonetica*. T. 13 (1–2). P. 110–113.
- Wierzbicka A., 1972, *Semantic Primitives*. Frankfurt a. M.: Athenäum Verl.
- Wierzchowska B., 1980, *Fonetyka i fonologia języka polskiego*. Wrocław, etc.: Wyd-wo Pol. Akad. Nauk.
- Wurzel W. U., 1977, Adaptationsregeln und heterogene Sprachsysteme // *Phonologica 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung*. Innsbruck. S. 175–182.
- Yasui M., 1962, *Consonant Patterning in English*. Tokyo: Kenkyusha.
- Zabarskaitė E. J., 1994, *Lietuvių kalbos ekspresyvosios leksikos fonosemantika: humanit. m. dr. dis.* Vilnius: LKI; VDU.
- Zabrocki L., 1965, Aufbau und Funktion phonologischer Einheiten: Langue und Parole // *Proceedings of the 5th International Congress of Phonetic Sciences*. Basel; New York. P. 598–602.
- Zawadowski L., 1966, *Lingwistyczna teoria języka*. Warszawa: Państw. Wyd-wo Nauk.
- Zinkevičius Z., 1966, *Lietuvių dialektologija*. Vilnius: Mintis.
- Zinkevičius Z., 1974, Dėl akūto ir cirkumflekso skyrimo rytų Lietuvos tarmėse // *Baltistica*. T. 10 (1). P. 93–94.
- Zinkevičius Z., 1975, Smulkmenos: XII // *Baltistica*. T. 11 (1). P. 85–86.
- Zinkevičius Z., 1976, Smulkmenos: XXVII // *Baltistica*. T. 12 (2). P. 129.
- Zinkevičius Z., 1978, *Lietuvių kalbos dialektologija*. Vilnius: Mokslas.
- Zinkevičius Z., 1980, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. Vilnius: Mokslas. T. 1.
- Zwicky A. M., 1972⁰, Note on a Phonological Hierarchy in English // *Linguistic Change and Generative Theory: essays from the UCLA Conf.* Bloomington; London. P. 275–301.

- Zwicky A. M., 1977, On Clitics // *Phonologica* 1976: Akten der 3. International Phonologie-Tagung. Innsbruck. S. 29–40.
- Zwirner E., Ezawa K., 1966, *Grundfragen der Phonometrie*. Basel; New York: Karger.
- Žilinskienė V., 1990, *Lietuvių kalbos dažninis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
- Žulys V., 1967⁰, Nosiniai galūnių balsiai J. Rėzos psalmyne // *Baltistica*. T. 3 (1). P. 25–28.
- Žulys V., 1975, Bendrinės lietuvių kalbos veiksmažodžių asmens galūnės // *Kalbotyra*. T. 26 (1). P. 63–73.

УКАЗАТЕЛЬ

- акустическая фонетика, 16, 235, 236, 238, 251
речевой акт, 4, 5, 6, 15ff., 23, 25, 27, 40, 41, 84, 106, 107, 108, 257, 279, 314
акут, 119, 293ff., 300, 305, 308, 311, 312, 314
аффриката, 10, 20, 45, 54, 79, 80, 81, 83, 86, 87, 88, 118, 128, 137, 171, 172, 178, 191, 196, 197, 198, 199, 200, 208, 225, 243, 264
согласование, 76, 77
алломорф, 76, 150, 302
аллофон (опред.), 59ff.
переднеязычный, 35, 44, 59, 61, 118, 188, 189, 192, 197, 198, 200, 225, 233
апеллятивная функция, 18, 22, 23, 27
архифонема (опред.), 159
архитонема, 294, 300
- базовый вариант фонемы (опред.), 60
Бодуэн де Куртенэ И. А., 1, 2, 3, 9, 11, 60, 236
есть и двухфонемные, и бифонемные группы, 89, 92, 209, 210
так и в рус. пер., 156
Блумфилд Леонард, 43
пограничный сигнал, 27, 37, 76
прерывистая слоговая интонация/прерывистая интонация, 79, 172, 244, 298, 299, 305, 307, 308, 310
- глотализованный–неглотализованный, 241, 244
Хомский (Чомский) Ноам (Ноэм), 28
циркумфлекс, 71, 86, 119, 283, 293ff.
импловивная часть слога/конечная группа слога (опред.), 119ff.
комбанаторный вариант (опред.), 59
коммутация, 47, 48, 56, 95, 102, 182
компактный – диффузный, 241ff.
компетенция и употребление, 5
дополнительная дистрибуция (опред.), 55
компонентный анализ (семантич.), 252ff.
конъюнкция (логич.), 107
согласный (опред.), 113ff.
согласный–несогласный, 194, 219, 241, 242, 245
ограничения дистрибуции, 125, 150, 151, 156, 157
план содержания, 6, 33, 34, 76, 133, 179, 184
непрерывный – прерывный, 241, 243, 250
контрастивная дистрибуция, 54, 57
Копенгагенская школа, 2
ядро и периферия, 116, 117, 148
пучок корреляций, группа корреляций (опред.), 170ff.
коррелятивный признак, признак корреляции (опред.), 165
коррелятивный ряд, 165

- перекрёстная дистрибуция, 54, 56, 65, 181
- кульминативная функция, 25, 27;
(of stress:) 279, 280, 299, 314
- делимитативная функция, 26, 27, 73; (ударения:) 274, 275, 277, 283, 314
- зубной, 38, 165, 178, 187, 188, 191, 192, 193, 197, 198, 200, 225, 231, 244, 264
- дефонологизация, 97, 218
- дескриптивисты (американские), 2, 17, 33, 34, 36, 46, 59, 84, 103, 156, 167, 196, 264
- диатопия и синтопия, 12, 13
- дихотомическая фонология, 232, 236, 241, 246, 248, 250, 251, 252, 253
- дифтонги, их анализ, 12, 86, 95, 97, 203, 270, 301, 311, 312, 325
- дизъюнкция (логич.), 107
- различительные/дифференциальные признаки (опред.), 30, 31
- таблицы
дистрибуции/дистрибуционные таблицы, 56, 61, 62, 63
- заднеязычный, 31, 35, 77, 118, 172, 188, 189, 192, 197, 231
- Janus-фонемы, двуликые фонемы*, 73, 202, 226
- динамическое vs. музыкальное ударение, 271, 272
- отзвук ударения, 283ff., 288
- эмфатики, 9, 21, 72, 246
- план выражения, 6, 13, 24, 33, 36
- экспрессивная (эмотивная) функция, 20, 21, 22, 23, 72, 73, 196, 202, 256
- нисходящее ударение, интонация, 289, 293, 295, 304ff.
- Фирт Джон, 264
- фиксированное ударение, 26, 274ff.
‘бемольный’ (‘пониженный’)– ‘простой’, 244ff.
- форманта (спектральная), 229, 237ff.
- свободное ударение, 273, 274, 275, 280, 288
- фрикативный, 53, 54, 77, 118, 144, 165, 172, 190, 191, 192, 193, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 218, 225, 231, 234, 243
- передний – непередний (задний), 203ff., 217, 218, 224ff., 227, 228, 234, 246, 259
- пустые клетки в системе (пробелы) , 148, 149, 150, 151, 156
- генеративная фонология, 2, 3, 33, 53, 95, 158, 251
- Гард Поль, 284, 288, 289, 300
- Глисон Генри, 79
- слитный дифтонг, 95, 96, 97
- глоссематика, 2, 6, 17, 30, 47, 69, 84, 106, 157, 181
- принцип/критерий/требование грамматической целесообразности, 64, 68, 222, 262, 314
- гравис – акут, 244ff.
- Хаммарстрём Гуран, 59, 72, 73, 294
- Харрис Зэллиг, 50, 78
- верхний подъём – неверхний подъём, 208ff., 224, 234
- свистящий, 45, 178, 186, 187, 264
- Ельмслев Луи, 2, 6, 48, 49, 95, 103, 113, 161
- правило Ельмслева, 124
- Хоккет Чарльз, 103, 120
- шипящий, 45, 54, 79, 80, 178, 179, 186, 187, 200, 264
- непосредственно составляющие, 32, 33, 131, 140

- индекс компактности, 239, 242, 248
индекс напряжённости, 248
флективный язык, 33, 64
интонация (фразовая;
предложения), 8, 15, 19, 21, 22,
29, 30, 31, 33, 34, 35, 40, 59, 256,
257, 258, 276, 283, 293, 302, 313,
315
интонология, 21, 257
изоморфизм, 116, 117, 132, 180,
223, 224, 252
- Якобсон Р. О., 1, 23, 24, 162, 228,
232, 233, 234, 235, 241, 243, 246,
248, 251, 293, 308
Яунис Казимерас, 100, 150
стык, закрытый, 38
стык, внешний (сандхи), 91, 102
стык, открытый, 37, 38, 39, 65, 67,
121, 133, 155, 162, 178, 261
- Казлаускас Йонас, 13, 24, 31, 95,
228, 271, 284, 293, 298
Крушевский Н. В., 1, 45, 106
Курилович Е., 2, 119, 139, 147, 149,
277, 296, 300, 307, 308, 313
Кузнецов П. С., 22, 165
- лабиальный/огубленный, 31, 59,
118, 160, 165, 167, 171, 173, 188,
189, 192, 193, 197, 198, 200, 219,
220, 221, 225, 231, 244
норма языковая, 5, 6, 10, 44, 59, 72,
182, 202, 270
langue, 4, 5
закон Лескина, 10
лексема (опред.), 29
система языка, 4ff.
лабиализация, 154, 204, 205, 207,
218, 224, 228
Лондонская фонетическая школа,
264
долгий – краткий, 13, 35, 53, 95, 96,
97, 119, 209ff., 216, 224, 226, 227,
230, 239, 248, 260, 280, 290, 291,
292, 296, 298, 304, 325
нижний подъём – верхний подъём,
175, 206, 207ff., 217, 224, 226,
228, 230, 234, 243
Лайонз Джон, 266
- периферийная фонема, 58, 95, 214,
224, 226
маркированный и
немаркированный член
оппозиции (опред.), 162ff.
маркированность, 164, 170, 177,
191, 294, 387
Мартине Андре, 17, 53, 54, 88, 89,
102, 158, 165, 251, 286, 293, 313
принцип наиболее регулярных
отношений, 84, 91, 102
металингвистическая функция, 23,
25, 71
метафонема, 60, 71
метатония, 300, 310, 311
метрическая фонология, 3, 120, 282
средняя интонация, 298
принцип минимального инвентаря,
84, 85, 90, 91, 102
минимальная пара (опред.), 47
смешанные дифтонги 92, 97, 138,
208
односложные слова и ударение,
268ff.
монотонические языки, 309, 315
мора, 311ff.
моросчитающий, 311ff.
морфема, 7, 25, 26, 30, 32, 33, 37,
48, 64, 74, 76, 81, 100, 102, 117,
129, 133, 168, 178, 204, 265, 286,
300, 302, 303, 310, 312
Московская (фонологическая)
школа, 33, 58, 157, 158, 159, 168,
233

носовой, 13, 58, 62, 79, 85, 91, 146,
 190, 192, 193, 198, 200, 219, 220,
 221, 225, 234, 241 (~ oral), 250
 нейтрализация (опред.), 157ff.
 ядро (слога), 35, 93, 97, 107, 113,
 114, 117, 119, 120, 121, 139, 185,
 194, 231, 268, 270, 289, 290, 292,
 293, 295, 310, 311, 314

 шумный, 81, 100, 194, 198, 231,
 234, 239, 242, 263, 264
 звукосочетание, группа звуков, 119
 открытый слог, 114, 133, 147, 325
 факультативный вариант, 44, 45,
 46, 48, 54, 59, 68, 69, 71, 72, 73,
 89, 90, 92, 102, 107, 117, 119,
 128, 155, 159, 178, 196, 202, 203,
 215, 216, 218, 226, 279, 298

 Пабрежа Юозас, 45, 283
 Пакерис Антанас, 210, 212, 213,
 257, 269, 270, 271, 292, 299, 312
 палатализация, 30, 166, 168, 244,
 245, 259, 265
 альвеолярный, 177, 187, 191, 198,
 200, 201, 225, 264
 Панини, 280
 Панов М. В., 184, 270
 парадигматическая идентификация
 фонем, 43, 68, 77, 81, 84
 парадигматические отношения
 (опред.), 103
речь (parole), 4, 5
 Пауль Герман, 3
 Петербургская (Ленинградская)
 школа, 59, 64, 156, 157
 фатическая функция, 23
 фонема (опред.), 36ff.
 класс фонемы, 112, 115, 122, 148,
 157, 175, 176, 184, 195, 212, 215,
 223, 224, 231, 234, 250, 253
 матрица фонем, 199, 200, 221, 224,
 246, 252
 звуковой суррогат, 44

 критерий звукового сходства, 58,
 63, 64, 66, 94, 95
 фонетика (опред.), 15ff.
 модель фонологической системы
 стереометрическая, 229, 230, 231
 модель фонологической системы
 планиметрическая, 225, 229, 231
 фонологизация
 фонология (опред.), 1ff.
 фонотактика, 100, 111, 132, 137,
 141, 147, 149, 182, 189
 Пайк Кеннет, 17, 25, 33, 36
 слоговая интонация, 24, 30, 31, 34,
 35, 59, 71, 73, 86, 97, 99, 119,
 209, 256, 258, 283, 284, 292ff.
 смычный, 53, 77, 91, 144, 160, 173,
 190, 191, 197, 218, 219, 220, 221,
 225, 243
 поэтическая функция, 23
 политонические языки, 309, 310,
 315
 позиция релевантности, 158, 159,
 162, 164, 174, 175, 181, 203
 Пражский лингвистический
 кружок (Пражская
 лингвистическая школа), 1, 27,
 36, 37, 39, 60, 108, 157, 196, 232,
 236, 309
 привативная оппозиция, 165, 232,
 233
 просодема, 79, 202, 294
 просодические типы слогов, 295,
 296, 325

 четырёхугольник гласных, 225,
 226, 228

 редуцированный гласный, 14, 98ff.,
 127, 147
 правило редунданции, 195
 рефонологизация, 218
 репрезентативная функция, 19, 20,
 23, 27, 284, 314, 315

- представитель архифонемы (опред.), 160
- восходящее ударение rising, 284, 289, 293, 295, 298, 304ff., 310, 312, 315
- огубленный – неогубленный, 204, 205, 213, 217, 218, 225, 226, 227, 234, 245, 246
- сандхи, 91, 102
- Соссюр Фердинанд де, 1, 3ff., 40, 43, 105, 106, 119, 295, 302, 310, 312, 395
- закон Форутатова – де Соссюра, 302, 310, 312
- Щерба Л. В., 2, 17, 28, 36
- второстепенное ударение, 25, 134, 281, 282ff., 299, 307, 314, 368
- сегментная единица, 35, 256
- сегментатор, 243, 272
- сегментация segmentation, 78
- ‘дизный’ (‘повышенный’)– ‘простой’, 244ff., 259, 260
- знак (лингвистический), 6, 7, 9, 13, 21, 24, 26, 27, 31, 32, 36, 41, 256, 300
- социолингвистическая переменная, 51, 70, 72, 73, 202
- мягкий – твёрдый, 55, 56, 122, 149, 152, 153, 157, 158, 163ff., 172, 173, 178, 179, 189ff., 217, 218, 244, 245, 258ff., 284
- сонорный, 53, 58, 79, 80, 90, 95, 114, 117, 118, 133, 156, 185, 189, 194, 195, 197, 198, 200, 201, 225, 231, 234, 237, 239, 242, 249, 250, 289, 290, 291, 297, 306, 311
- звучности признаки, 241, 244
- звуковая стилистика, 21, 22
- спектрограмма, 41, 235, 237, 242, 244
- спектрограф, 237, 238, 240
- Степанов Ю. С., 263, 311
- ‘резкий’–‘нерезкий’, 241, 243, 250
- толчок (*stød*), 79, 305, 306
- стратификационная лингвистика, 2, 6, 107, 157, 223
- структурная лингвистика, 1, 3, 10
- структурализм (американский), 2
- тест на субституцию, 43ff.
- суперсегментная единица, 35, 36, 256ff., 313, 314
- граница слога, 32, 34, 39, 121, 132ff., 186, 262
- структура слога, 130ff.
- синхрония и диахрония, 9ff.
- синкретизм, 159, 180, 181
- синоним, 7, 180
- синтагматическая идентификация фонем syntagmatic, 43, 78, 80, 82, 84, 85, 98, 101, 102
- синтагматические отношения (опред.), 106ff.
- напряжённый–ненапряжённый, 209, 210, 211, 213, 241, 243, 247ff., 303
- признаки тона, 241, 244
- тонические языки, 309, 310, 315
- треугольник гласных, 225ff., 234, 239
- дрожащий, 5, 63, 165, 192, 197, 199, 243
- Трубецкой Н. С., 1, 16, 17, 21, 22, 27, 36, 37, 67, 82, 83, 89, 93, 100, 102, 113, 162, 164, 165, 166, 167, 196, 227, 228, 232, 311
- и*-критерий, 51, 52, 322
- однородная – неоднородная артикуляция, 81, 83, 101, 202
- высказывание, 28
- веляризация, 166, 245, 259
- Вернер Карл, 254
- гласный – негласный, 194, 213, 219, 241, 242, 245, 250

звонкий – глухой, 173, 178, 189,
191, 198, 200, 241, 244, 263, 265,
270

гласный (опред.), 113ff.

ассимиляция гласных, 38, 155, 175,
264

гармония гласных (сингармонизм),
26, 38, 154, 155, 175, 184

словоформа (опред.), 29

Гирдянис, Алексас

Г51

Теоретические основы литовской фонологии / Алексас Гирдянис ; пер. с лит. Н. А. Алексеевой и Н. М. Заики ; отв. ред. А. В. Андронов. — Вильнюс : Eugrimas, 2014. — xviii, 447, [1] с.

Резюме на англ. яз. — Библиогр.: с. 366–441 (953 назв.) — Указатель: с. 442–447.

ISBN ??

В книге излагается ориентированная на исследование литовского языка концепция классической фонологии, синтезирующая теоретические идеи и конкретные методы исследования основных направлений структурного языкознания, в особенности Копенгагенской и Пражской школы. При объяснении понятий и принципов установления и классификации фонологических элементов за основу в первую очередь берутся факты литовского языка и его диалектов: предпринимается попытка решения всех основных проблем их фонологического устройства, критически оценивается связанная с ними научная литература. Широко используются и данные других языков, часто представляющие типологический фон для соответствующих явлений литовского языка.

Для лингвистов, занимающихся общим языкознанием, фонологией, фонетикой, интересующихся балтийскими языками, а также для студентов лингвистических специальностей.

УДК 811.172'342+81'342

Алексас Гирдянис

Теоретические основы
литовской фонологии

Монография

Второе, исправленное и дополненное, издание
книги «Теоретические основы фонологии»

Перевод с литовского: *Н. А. Алексеева, Н. М. Заика*

Перевод резюме, составление указателя: *С. Янг*

Ответственный редактор: *А. В. Андронов*

Корректор: *Н. В. Супрунчук*

Макет: *А. В. Андронов*

Оформление обложки: *Л. Косявичюс*

Тираж 200 экз.

Выпущено издательством ЗАО «Eugrimas»

Kalvarijų g. 98-42, LT-08211 Vilnius, Lietuva/Литва

Тел./факс: +370 5 273 3955, +370 5 275 4754

Эл. почта: info@eugrimas.lt

www.eugrimas.lt

Отпечатано ЗАО «Ciklonas»

J. Jasinskio g. 15, LT-01111 Vilnius, Lietuva/Литва